

ХАНЬ ФЭН ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Роман

(Перевод с китайского Агея Гатова)

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, 1959

В этой книге рассказывается о волнующих событиях на Корейском фронте в 1950—1953 гг., когда американские империалисты и предательская клика Ли Сын Мана развязали против свободолюбивого народа Кореи агрессию, угрожая войной Китаю. На помощь Корею пришли китайские народные добровольцы. Вместе с ними на фронт прибыл и полк Шан Чжи-ина, сменивший измотанный и обескровленный в боях корпус корейской Народной армии. Он принял на себя всю силу удара на Восточном фронте. Не сразу стали настоящими солдатами Цзян Вань-цзе, Ван Кунь и многие другие воины-добровольцы — герои этой книги. Победа далась им с большим трудом, ценой огромных жертв.

Великий подвиг китайских народных добровольцев в защите Кореи — замечательный пример благородного пролетарского интернационализма. Он вошел яркой страницей в летопись борьбы народов всего мира за мир.[5]

1

На карте Северный Ханган весь как на ладони. Голубая лента реки, прозрачная, словно шелк, петляя в горах, тянется на юг, пересекает уезд Цойян, затем спускается по восточным отрогам Пьякамсана и, сворачивая южнее Хвачэна на запад, стремительно несется прямо к Сеулу. Над левым берегом Хангана вздымаются темные громады Алмазных гор, являющихся ответвлением Тай-байксана. Горы, горы... Нет им ни конца, ни края, этим горам, загроздившим всю восточную часть полуострова и образующим собой как бы становой хребет Кореи. Между районом Алмазных гор и Северным Ханганом тонкой серой ниточкой вьется узкое шоссе. Шоссе самое обыкновенное, из третьеразрядных. Но к нему приковано сейчас внимание всего мира. Здесь, на этой тонкой жилке шоссе, прощупывается сегодня пульс человечества, здесь — фронт. Словно волчьи зубы, вгрызается он наискосок в 38-ю параллель, разрывая на части горы, реки, долины. Бесчисленные высоты, которыми испещрена карта, и такое же множество нанесенных штабистами карандашных пометок и различных условных знаков и без слов говорят о жестоком характере боев. Они идут здесь на каждом изгибе дороги, на каждом повороте изломанной, перемещающейся к северу линии фронта.

Такова была обстановка на Восточном фронте в Корею осенью 1951 года.

Склонившись над столом, командир полка Шан Чжи-ин и политком Чжай Цзы-ни шаг за шагом [6] прослеживали по карте динамику сражения; все остальное для них сейчас, казалось, не существовало. Солнечный луч, пробившийся через облака и густую листву, укрывавшую палатку сверху, вырвал на миг из темноты сосредоточенное лицо Шан Чжи-ина, высокий покатый лоб, насупленные брови. Командир полка стоял, упершись локтями в стол, поддерживая голову обеими руками. Его прищуренный взгляд не отрывался от высот, за которые всю весну части Народной армии с методической последовательностью вели бои с противником. Вот они, эти высоты с незнакомыми корейскими названиями: Суньен, Гаваньен, Чжубонри, Хыкунтхо, Гобансан, Сансимьен... Прошло еще минут десять, оба молчали. Но вот Шан Чжи-ин измерил большим и указательным пальцами расстояние от 38-й параллели до нынешней линии фронта и от нее до Вонсана, прикинув в уме, как далеко продвинулся противник за это время, и выпрямился. Постучав несколько раз пальцем по карте, он спокойно взглянул в лицо политкому.

— По всей вероятности, мы встретимся с ними вот здесь...

Палец Шан Чжи-ина задержался на волнистой линии гор Пяксеан, Мундыри и Качибон, переходивших одна в другую. Здесь и пролегла дорога, обозначенная на карте тонкой серой ниточкой. Она тянулась от Индзе и Янгу на север, пересекала высоты Эинсан и Цзихесан, где позиции обеих сторон подходили почти вплотную, и дальше шла к Мальхойри, Цойяну и Вонсану. Синие стрелы, нацеленные на нее, указывали направление удара противника.

Политком почесал висок, переменил позу и легким кивком головы выразил согласие с предложением командира полка. Другого решения и не могло быть, противника нужно во что бы то ни стало задержать здесь, именно здесь. Разумеется, он, политком, вовсе не за то, чтобы спокойно ждать приказа,— положение исключительно серьезное, и этого нельзя ни на минуту забывать. Американцы делают все, чтобы сохранить напряженность международной обстановки. Они заключили с Японией сепаратный мирный договор, они приступили к ремилитаризации Японии и используют вызванное этим беспокойство для нажима на свой сенат, форсируют принятие законопроекта об увеличении военного [7] бюджета, они мечтают вплотную заняться военными приготовлениями и вооружением стран-сателлитов, наконец им не терпится поскорее начать реализацию плана агрессии против мира. Прекращение военных действий в Корее может отрицательно сказаться на подготовке стран Североатлантического пакта к войне. Ван Флит изо дня в день трубит: «Война, и никакого мира!» Воспользовавшись переговорами, противник сконцентрировал на Восточном фронте отборные войска, огромное количество боевой техники и начал бешеное наступление. Теперь он бахвалится, что намерен затянуть мирные переговоры и заставить нас принять свои условия, что он перенесет демаркационную линию, разделяющую обе стороны, на позиции наших войск. Похвальба похвальбой, но если противнику действительно удастся осуществить прорыв, он сможет не только затянуть мирные переговоры, но и вообще отбросить нас далеко на север, перенести войну в район Ялуцзяна. В этом теперь ключ к решению вопроса.

— Да, вопрос серьезный,— злорадно усмехнулся политком и закончил свою мысль: — Безусловно, он связан и с мирными переговорами и с общим военным положением. Мир смотрит сейчас на нас, к этой карте приковано всеобщее внимание. Чем же это закончится?.. Хм! война, и никакого мира!—Чжай Цзы-ни вынул сигарету, закурил и отшвырнул погасшую спичку в сторону.— Нет! Мир или война — так ставится сейчас вопрос.

Шан Чжи-ин многозначительно развел руками, поежился, отодвинул карту. Оба одновременно встали и вышли из палатки. Только теперь можно было рассмотреть их рослые, крепкие фигуры. Шан Чжи-ин выглядел несколько моложе комиссара. Плечистый, ладно скроенный, с широкой грудью и загорелым дочерна лицом, дышавшим отвагой, он всегда был уверен в себе и своей силе. Такого только задень — взорвется! Политком Чжай Цзы-ни был сдержаннее его и более спокойным по натуре. Человек скромный, уравновешенный, он умел хорошо владеть собой и не растрчивал силы понапрасну. Ясные глаза выдавали его живой, веселый характер, умение предвидеть, быстро проникать в сущность вещей и явлений... Около палатки они задержались на минуту. [8]

Лагерь раскинулся у подножья горы, вдоль опушки леса. Палатки, выстроившиеся нескончаемыми рядами, повсюду груды вещевых мешков, запасы продовольствия, ящики с боеприпасами, телефонные катушки, повозки, переметные сумы на ветвях деревьев. Лошади шумно жуют сено, ржут, обмахиваются хвостами. Мелькнувший на миг солнечный луч погас, и снова лес помрачнел, словно придавленный тяжелыми, черными тучами.

Невольно вспомнилась ночь, когда полк перебрасывали через Ялуцзян,— черная, как лак, ветреная, с тяжелыми, стелющимися над самой землей тучами. Отгрохотало в стальных перекрытиях железнодорожного моста гулкое эхо, паровоз выпустил пары и

остановился. Из вагонов, похожих на огромные ящики, на платформу высыпали люди. Вокруг ничего не было видно — ни гор, о которых столько говорили всю дорогу, ни полей, ни деревни, расположенной где-то возле станции. О существовании самой станции, разрушенной бомбежкой, можно было только догадываться по запаху гари, паленого железа и машинного масла, по невидимым в темноте рельсам, о которые спотыкались чуть ли не каждые в два шага. Топот множества ног слился в сплошной гул, в котором ничего нельзя было разобрать. Постепенно Шан Чжи-ин привык к этому шуму. Рядом кто-то высказал вслух пожелание, что не худо бы заняться ужином, ему резонно возразили: раньше нужно разыскать место для ночлега. Кто-то кого-то звал, затерявшись в толпе. Кто-то надсадно бранился, кричал, но что он кричал— было известно одному небу. Вдруг паровоз дал свисток, запыхтел, выпустил клубы белого пара, колеса лязгнули и пришли в движение. Вздогнула земля. Поезд, отойдя от станции, ушел прямо на север, оставив привезенных им людей. Только теперь люди поняли, что они вдали от родины, что находятся на корейской земле. И сразу смолк разноголосый шум. Не слышно стало ни глухого рокота, ни надсадных криков. В наступившей тишине отчетливо раздалась команда, многократно повторенная из конца в конец платформы. Люди побежали строиться. Словно эстафета, по рядам пробежал ветерок переклички. Новая команда: «На пле-е-чо!», и подразделения мерным шагом пошли строиться в сводную походную колонну. [9]

В ожидании, когда полк будет готов к выступлению, Шан Чжи-ин и политком стояли у реки, стараясь скорее гадать, чем увидеть в этой непроглядной тьме противоположный берег, за которым начиналась родина.

— Ну как, брат, река не так, чтобы широка, а? Когда же обратно двинем? — тихо произнес после долгого молчания политком, дружелюбно обняв Шан Чжи-ина за плечи. Он и не ждал ответа на свой вопрос. Оба прекрасно понимали, что говорить об этом, давать какие-то обещания не так-то легко. Прижавшись друг к другу, они молча стояли, думая о своем. Оба были взволнованы в равной степени и, пожалуй, без слов понимали, что происходит в душе у каждого. Чувство товарищеской близости, любви, сознание того, что теперь они связаны общей судьбой на жизнь и смерть и зависят один от другого,— все это не нуждалось в объяснении. И политком, и Шан Чжи-ин видели перед собой картину близкого боя...

Тучи над лесом плыли низко-низко. Шан Чжи-ин оглянулся вокруг и, заметив невдалеке молодого штабиста, ждавшего его распоряжений, коротко бросил:

— Выступаем!

Приказ подхватили командиры подразделений, находившихся в непосредственной близости от палатки штаба полка, и вскоре он волнами прокатился по лесу. В одну минуту лагерь был поднят на ноги.

Шан Чжи-ин отогнал рукой мельтешивший перед глазами рой мошкар. Вестовой подвел крупного вороного коня. Высоко вскинув морду, красавец конь смотрел на своего хозяина, нетерпеливо перебирая передними ногами. Шан Чжи-ин подошел к нему широким шагом, взял у вестового повод и вскочил в седло.

Позади остались первые сто пятьдесят километров корейской земли. Видя своими глазами разрушенную и истерзанную войной страну, народ, который ведет тяжелую борьбу, Шан Чжи-ин хотел всем сердцем помочь ему, выручить из беды. Он рвался в бой, и никакая сила не могла удержать его от принятого решения. Безграничная вера в народ, в дело мира и лютая ненависть к врагу, к войне сцементировались в его груди в могучий сплав. Каждый шаг по корейской земле делал эту ненависть глубже и нестерпимей. По мере отдаления от родины и сближения с противником она все больше [10] разгоралась в нем. Кто познал горе, не нуждается в словах, чтобы излить его своему другу. Ухватившись одной рукой за луку седла, Шан Чжи-ин выпрямился и прищипорил коня. Стук копыт раскатистым эхом отдался в горах, обступивших овраг со всех сторон.

Сумерки. Стремительно катится на юг поток людей, коней, орудий, грузовых машин.

Впервые Шан Чжи-ин видит такое необычное для него зрелище. По обеим сторонам дороги, забитой до отказа пехотой и полковыми обозами, движутся автомашины, тяжелые орудия, танки. Люди и управляемая ими техника стремительно рвутся вперед. У поврежденного железобетонного моста образовался затор, двигаться можно только по одной стороне. Лошадь, испуганная ревушим грузовиком, поднимавшимся на мост, шарахнулась в сторону и опрокинула повозку, вывалив всю поклажу на дорогу. Повозочный осатанело дергает вожжами, хлещет ни в чем не повинную кобылу по крупу. К месту происшествия бегут бойцы, чтобы помочь поднять повозку и уложить поклажу на место. Грузовик медленно проезжает по уцелевшей части моста, хрипло гудя на басовой ноте. За ним беспорядочной толпой движутся люди, кони. И вот сдавленный людской поток раздался, как пружина, в стороны и хлынул, не сдерживаемый никакими препонами. Так бывает, когда мутные паводковые воды вырываются вдруг из узкой, забитой щебнем и бревнами теснины на простор: чем уже теснина, сжимающая русло реки, тем стремительнее ее вольный разлив.

Движутся один за другим грузовики, режут клаксоны, не смолкает в ущельях грозное эхо. А ночь все ближе, ближе. На машинах вспыхивают фары, они обшаривают серебристыми лучами надвинувшиеся как-то сразу горы, выискивают дорогу. Только бы не сбиться с колеи, не упасть в бездонный лесистый овраг! Машины доверху нагружены снарядами, патронами, винтовками, взрывчаткой, шанцевым инструментом, мешками с продовольствием, досками, бревнами, медикаментами, носилками, приборами, складными госпитальными койками, ящиками со штабными документами, телефонной аппаратурой, лопатами, кирками, рациями, мотками провода... [11] На прицепах катятся тяжелые орудия, зенитные пушки, приданные для прикрытия с воздуха походных колонн. Беседуют между собой артиллеристы, курят, дремлют, соскакивают на дорогу, чтобы размять затекшие от долгого сидения ноги. На машинах и повозках установлены зенитные пулеметы, здесь же в беспорядке навалены солдатские вещевые мешки, кухонная утварь — ножи, скалки для раскатывания теста, черпаки, фаянсовые миски... Колонна вытянулась на десятки ли; словно широкая, полноводная река, извивается она вдоль дороги, в точности повторяя ее изгибы, как сказочный дракон, играющий на морском просторе. Посмотришь — и в самом деле кажется, что видишь дракона наяву.

— Где же сегодня ночевать будем? — спрашивает молодой, полный юношеского задора голос. — Придем в назначенное нам место, а там опять полный развал, вот увидишь!

— А тебе в фанзе захотелось, на теплом кане? — отвечает ему другой, насмешливый. — Сходи к американцам, может, пустят. А с нашего начальства — какой спрос?!

— Думаешь, американцы здесь проходили?

— Как же, по-твоему, добрались они до Ялуцзяна?! Ноги за плечи — и здесь? Понятное дело, на своих на двоих. Быстро ли, медленно, а дошли. Назад, правда, возвращались побыстрее. Как скомандовали им: «Кругом!», так и поперли что было духу! — с язвительным оттенком вставил второй, в котором Шан Чжи-ин узнал по голосу своего вестового, уже пожилого солдата Ма Дэ-мина.

Кто-то из бойцов подошел к нему ради любопытства, но тут же отскочил назад. До Шан Чжи-ина донесся его испуганный шепот:

— А я-то думал, кто бы это мог быть на коне? Сам полковой!

Обладатель юношеского голоса оказался смелее. Нисколько не смутившись, он обратился к Шан Чжи-ину с вопросом, стараясь говорить басом, чтобы выглядеть солиднее:

— Товарищ командир полка, места здесь все какие-то... На карте — всюду деревни, а на самом деле ничего нет. Что же их не исправили, карты-то?

Вопрос удивил Шан Чжи-ина. [12]

— Ты это о чем?

— Вчера на марше говорили, что ночевать будем в деревне, а на поверку вышло — в пустом лесу,— ответил боец, не задумываясь.

Шан Чжи-ин улыбнулся.

— Тут ты прав, ночевали в лесу. Американцы обещают, что и все дороги уничтожат в Корее, боеприпасы и продовольствие подвозить не сможем, войска подбрасывать. Вовсю стараются!..

— И фанз нет, и людей не видно.

— Что верно, то верно, фанз действительно нет. Но люди есть, народ не уничтожить. Пройдет несколько лет, и новые фанзы выстроят — краше, чем прежде.

— А что новенького, товарищ командир полка? Шан Чжи-ин пустил коня рядом с подразделением, ослабив повод.

— Что нового? Да ничего, в тылу ждут от нас новостей, тогда и мы кое-что узнаем. Хорошие вести услышим, когда загремят орудия. Наши, разумеется.

Только теперь Шан Чжи-ин разглядел в любопытном бойце совсем еще мальчика, сяогуй¹. Юноша сгибался под тяжестью пяти мотков провода да еще телефонного аппарата. Он с трудом передвигал ноги, часто спотыкался. «Отсюда, сверху, он кажется еще меньше ростом»,— подумал Шан Чжи-ин, придержав коня, и спросил:

— Как тебя зовут?

— Лю Вэнь-цзин.

Чтобы не отстать от своих, Лю Вэнь-цзин ускорил шаг и оказался рядом с командиром полка.

— Ну-ка, давай сюда свою ношу. Попросим коня подсобить тебе немного,— с этими словами Шан Чжи-ин нагнулся, чтобы взять у сяогуй мотки провода.

Лю Вэнь-цзин поспешно отбежал в сторону.

В это время к Шан Чжи-ину подошли два ротных командира и спросили об обстановке. Нужно было выяснить, сколько еще осталось идти до большого привала, будет ли отведено время на отдых, не пора ли высылать [13] вперед поваров, чтобы успели приготовить бойцам горячий ужин. Этого привала ждали уже давно, с момента перехода границы. Все эти дни люди питались сухомятку, пили сырую воду. Холодная лапша порядком надоела. Готовить еду во время коротких привалов по ночам не успевали, а днем разводить костры не разрешалось, так как дым мог выдать вражеским бомбардировщикам расположение биваков.

Бойцы притихли. По вопросам командиров и ответам Шан Чжи-ина они рассчитывали узнать, как обстоят дела на фронте.

Отправив ротных, Шан Чжи-ин решил навестить своего младшего брата — Шан Чжи-линя, назначенного недавно командиром второй роты, но вспомнил, что 1-й батальон находится сегодня в боевом охранении и, вероятно, ушел далеко вперед. Соскочив с коня, Шан Чжи-ин смешался с людским потоком и пошел шагом. У каждого человека есть свои желания, мечты, каждому хочется иногда подумать о своем будущем, представить его себе, вспомнить прошлое. Сложная штука — человеческая жизнь. А вот связал человек свою судьбу с борьбой за дело мира, с судьбой родины, и все стало для него просто и ясно. Чем отличается Шан Чжи-ин от всех остальных бойцов и командиров, идущих сейчас рядом с ним? Да ничем. Когда они стали расспрашивать его о последних известиях с фронта, он даже не задумывался над тем, что к ним, к этим людям, сейчас приковано внимание всего мира. Все идет своим чередом, и он, простой человек, делает именно то, что должен делать. Как и его бойцы, он в бою тоже думает о смерти, его подстерегают те же опасности, что и других людей, ему приятно вспоминать какие-то мелкие подробности

¹ Сяогуй — в буквальном переводе значит «чертенюк»; ласковое прозвище, которое давали воспитанникам воинских частей бойцы Народно-освободительной армии Китая еще в годы первой гражданской революционной войны. (Примечания здесь и дальше — переводчика.)

из своей жизни, рыться в памяти, думать о еде, о жилье, о родном брате. Правда, почему перед боем человеку всегда хочется видеть близких?..

Шан Чжи-ин женился недавно. Его жена Ван Шу-цинъ служила у них же в полку сестрой в полевом госпитале. Молодая, красивая, работающая, она любила Шан Чжи-ина какой-то по-детски трогательной любовью. Осторожно дотрагиваясь кончиками пальцев до рубца на его груди, оставшегося после одного ранения, она чуть слышно говорила всякий раз: «Как же это! Не мог уберечься?..» [14]

Да, когда же это было?

Давно, очень давно. Их рота вела наступление. Гремели орудия, противник нещадно обстреливал их боевые порядки огнем из пулеметов. Но ведь в конце концов надо было заставить этот чертов пулемет замолчать! И он побежал вперед, увлекая за собою бойцов. Вдруг его что-то сильно толкнуло, и он упал. Сколько времени он был в беспамятстве, Шан Чжи-ин не знает. Очнувшись, он увидел, что лежит на пшеничном поле и что вокруг никого нет. Земля была сырая, по зеленым, словно бутылочное стекло, стеблям пшеницы медленно катились жемчужные росинки. Он почувствовал острую боль и, чтобы не вскрикнуть, вцепился пальцами в рыхлую землю. Из раны текла кровь. Он в объятиях смерти, да? Жив он или мертв? Но ведь мозг работает. Значит, он жив, жив! И тогда в памяти всплывает знакомый грушевый сад. На землю спустились сумерки, лишь на макушках садовых деревьев еще держатся солнечные лучи. Солнце освещает багрово-желтым светом несколько сохранившихся листьев. И вдруг он заметил на верхушке одного дерева крупную янтарную грушу. Она, наверное, сладкая-сладкая, ароматная, сочная, такая тает во рту... Груша давно созрела, но почему никто не снимает ее? Ну, конечно, она была скрыта от постороннего взгляда густой листвой, а теперь листья опали, и плоду уже негде спрятаться... Густой молочный туман опустился на землю, все потеряло свои очертания. Но вот туман рассеялся, и Шан Чжи-ин увидел подсолнух. Окруженный золотым венком, он был полон крупных, спелых зерен. Наклонив к нему голову, лукавый подсолнух словно спрашивал: «Что же ты не хочешь попробовать моих семечек?» Но во рту у Шан Чжи-ина все пересохло, он не хочет есть, он хочет пить и даже не смотрит на золотой цветок. Он ползет по узкой тропинке, тянущейся между полями, добирается по ней до луга. Кругом много цветов: дикие астры, разрыв-трава, заросли дрока... Извилистая тропинка выводит его к деревне. В деревне он видит женщин, детей. Вот из одного дома вышла девушка. Нет ли у нее воды, чтобы хоть немного утолить жажду?.. Он никогда раньше не видел ни этой деревни, ни этой девушки, но они так близки ему, так дороги! Он тянется из последних сил, хочет что-то сказать девушке и снова куда-то проваливается, теряя сознание... [15]

Похожий на лиловое, выжженное тавро рубец на груди будил в нем смутные воспоминания, и он рассказывает, рассказывает...

Ван Шу-цинъ, зардевшаяся от счастья, шепчет ему на ухо, словно доверяя сокровенную тайну: «Я люблю тебя, люблю...»

Жизнь в борьбе закалила Шан Чжи-ина, выработала в нем стойкий, волевой характер. Но даже пройдя невероятные испытания, он по-прежнему оставался впечатлительным, непосредственным человеком, которого очень легко было растрогать. Ему нравилось все, что он видел.

— Трудно сразу отрешиться от привычных взглядов,— сказал он ей однажды, улыбнувшись своей доброй улыбкой.— Иногда я чувствую себя так, словно весь в прошлом. Закрою глаза,— и вижу походы, бои, считаю про себя, какой путь прошел сегодня со своими бойцами, не пора ли сделать привал, мысленно выбираю для него подходящее место... Кончилась ведь война, а сердце как будто все еще не успокоилось. Не думал я, что так скоро приступим к мирному строительству! И какому?! Нам помогает Советский Союз!..

Он часто рассказывал ей различные эпизоды из времен войны с японскими захватчиками. Она слушала, затаив дыхание, переживая за него, жалея, что не была в это

время рядом с ним.

— Об одной карательной операции вспомнил,— рассказывал Шан Чжи-ин.— Прочесывали нас тогда японцы основательно. В горах, в оврагах — везде солдаты. Каждый куст обшаривают, что называется, на совесть, А мы в лесу прячемся, в одной пещере, вырубленной в отвесной скале. Натаскали сухих ветвей и костер развели — маленький-маленький. Зима в тот год была холодная, ветреная. Снегу намело-о!.. Скоро продовольствие у нас кончилось. Вот ночью спустились мы осторожно в овраг, нашли труп убитого коня, нарезали на куски и принесли в пещеру. Зажарили на костре, каждому по порции досталось. Сначала было вкусно и запах казался хорошим. А потом, когда малость утолили голод, почувствовали такую вонь! Брр!.. Ну, съели мы эту конину, взяли за винтовки, приготовили гранаты и ночью ворвались в деревню. Перебили, конечно, часть японцев, но отступить пришлось нам, а не им. И все-таки [16] верили тогда: обязательно победим. И победили. Но разве предполагал тогда кто-нибудь из нас, что победа будет так скоро?

— Чтобы только опять не было войны! — сказала Ван Шу-цин. Она прильнула к широкой груди мужа и вдруг услышала, как сильно стучит у него сердце.— Что с тобой? — испугалась она.

Шан Чжи-ин нежно погладил ее по плечу.

— Не надо бояться. Если даже война станет неизбежной, все равно — бояться не надо.

И вот началась война в Корее... Шан Чжи-ин написал заявление с просьбой зачислить его в добровольческую часть, отправляемую для борьбы с американскими агрессорами и оказания помощи Корее.

— Мне нельзя не идти,— сказал он жене, хотя та и не пыталась удерживать его. Но он понимал, как тяжело ей сейчас.

— Ты все еще думаешь о моей ране? Пустяки. Даже не верится теперь, что я провалялся из-за нее в госпитале целых четыре месяца! Сейчас все в порядке. Только бы наш крошка не знал войны, когда вырастет! Как увижу я это личико, пухлые ручонки...— Ребенку Шан Чжи-ина шел уже шестой месяц. Он спал и не мешал Ван Шу-цин укладывать вещи мужа. По правде говоря, вещи давно уже были уложены, но она все еще возилась с ними, без конца перекаладывала, пересматривала, искала иголку с ниткой, чтобы пришить пуговицу, которая, как ей казалось, может оторваться. Потом она отобрала пару новых носков и внимательно осмотрела их еще раз, добавила три носовых платка. Она не знала, что бы еще дать мужу в дорогу, и положила массу таких вещей, которые, возможно, никогда и не понадобятся ему.

— Отдохни немного,— попросил ее Шан Чжи-ин.

— Я не устала. Не забыть бы мне положить тебе вот это, ведь там тебе будет трудно.

— Ну, присядь на минуту, я хочу побыть рядом с тобой! — настаивал он.

Ван Шу-цин села рядом с ним. Глаза его смотрели на нее и на ребенка, не в силах оторваться от них. Только сейчас он почувствовал, как был счастлив в своей семье. Да, у него есть семья, он не бездомный бродяга, которому негде притулиться, он будет все время думать [17] о них, а они будут думать о нем. Несмотря на предстоящую разлуку, ощущение счастья пронизало его всего, проникло и, самое сердце. Нет, он никогда не забудет этой минуты.

Ван Шу-цин закрыла глаза и тихо сказала:

- Я очень волнуюсь...

Укладывая ему вещи, она вдруг почувствовала, что дрожит. Кто мог ожидать этого? Когда теперь закончится война и они снова встретятся? Сейчас только об этом все и говорят. Но она хочет услышать от мужа слова утешения. Американцы отняли у нее счастье, отняли у нее самое дорогое, что было в ее жизни. Они прожили вместе так мало, а как трудно, оказывается, расстаться! Она уже хотела сказать ему об этом, но побоялась,

что только расстроит его. Там, на войне, быть может, эти слова будут для него утешением, а сейчас они лишь усилят его горе. Уж лучше она скажет их ему потом, когда он вернется, но не сейчас.

Чтобы скрыть внутреннее волнение, Ван Шу-цинъ спросила, не думая:

— Тебе не нужно бриться?

— Да, побреюсь,— ответил Шан Чжи-ин, ощупывая подбородок. Однако бриться он стал не потому, что уже было нужно. Он видел, как тяжело переживает она разлуку, и решил слушаться ее во всем, не перечить ей, поступать так, словно ничего особенного не произошло. Ему было очень тяжело, но он старался держаться перед женой бодрым, веселым. Он вымыл лицо, потом аккуратно намылил бороду, стал направлять бритву. А она — она была рада. Какой у нее хороший муж, какой он послушный!

3

С политическим комиссаром Шан Чжи-ин дружил давно, и, когда он узнал, что Чжай Цзы-ни назначен к ним в полк, он очень обрадовался. Зашел он к нему только на одну минуту, все еще будучи во власти пережитого расставания с женой.

Встреча со старым приятелем была радостной, сердечной. Оба долго стояли обнявшись, похлопывая друг друга по плечу.

— А ты пополнил, комиссар,— сказал наконец Шан Чжи-ин, осмотрев товарища с ног до головы.[19]

Чжай Цзы-ни смущенно провел ладонью по щеке.

— Это не страшно, скоро опять похудею. Мне и самому не нравятся эти жиры.

Они весело рассмеялись.

— Раньше не мог приехать? — с укоризной спросил Шан Чжи-ин.

Чжай Цзы-ни перевел глаза в сторону жены, на его губах промелькнула виноватая улыбка.

— Да вот, сердить меня вздумала...

В комнате был такой ералаш, словно комиссар переезжал на новую квартиру. Книжный шкаф был раскрыт, книги валялись в беспорядке на полу, на столе. Чжай Цзы-ни торопился поскорее уложить их в ящик, в то же время думая о том, чтобы можно было в любое время найти нужную книгу. Его жена Ян Юй-юань упаковывала вещи. Тужурка, бриджи, обмотки, матерчатые туфли — все это в беспорядке было разбросано по комнате. В бумажном мешке Шан Чжи-ин заметил нечищенные кожаные ботинки и усмехнулся, вспомнив привычку комиссара,— тот почему-то не любил, чтобы ботинки у него блестели, поэтому они всегда выглядели, словно поношенные. Рядом с зеленым рюкзаком лежали шерстяной шарф и мыльница. Ян Юй-юань то бралась за них, то снова клала на место, так и не решив, по-видимому, куда их положить. Ее тонкие губы все время недовольно подергивались, она без умолку говорила, сердилась на кого-то, упрекала мужа, почему он приехал так поздно. Разве можно собраться за какие-нибудь десять минут!

Чжай Цзы-ни действительно только что вернулся из Пекина, винить его в этом было нельзя. Когда ему сообщили о вызове из части, он немедленно собрал свои вещи, наспех уложил их в небольшой дорожный чемодан и отправился на вокзал.

На улицах столицы было многолюдно, шумно. Ярко горели фонари электрического освещения. Автомобили рекой текли по главной магистрали. И Чжай Цзы-ни почувствовал удовлетворение оттого, что в городе царит спокойствие, что он не видит ни паники, ни растерянных взглядов. Всегда была бы вот такая же жизнь, мирная, чтобы люди ходили после работы гулять на площадь рядом с пассажем «Дунъань», направлялись в театры, во Дворец культуры трудящихся, на выставки в Музее древностей, чтобы юноши и девушки парами расхаживали у Ворот небесного спокойствия, безмятежно смеялись, объяснялись в любви. Не в этом ли спокойствии сила?..

Погруженный в свои мысли, Чжай Цзы-ни и не заметил, как столкнулся лицом к лицу с каким-то высоким мужчиной, который вдруг отпрянул назад и бросился к нему

навстречу, протягивая обе руки. Чжай Цзы ни радостно поздоровался с ним, они обменялись обычными в таких случаях приветствиями, спросили друг друга о здоровье, поговорили, и тот ушел. Лишь спустя минуту — две Чжай Цзы-ни вдруг вспомнил, что это был командир артдивизиона Инь Цин-си. Он хотел догнать его, но того уже и след простыл; по-видимому, Инь Цин-си тоже куда-то торопился. Чжай Цзы-ни взял чемодан в правую руку, посмотрел на часы. До отхода поезда оставалось еще много времени. Он успокоился и пошел медленней, чтобы увидеть и запомнить как можно больше. Как хорошо получилось, что перед самым отъездом в Корею, на фронт, ему выпала возможность гулять по улицам столицы, любоваться родным, всегда вызывавшим в нем чувство восхищения городом, видеть просторную, торжественную в своей строгой красоте Тяньаньмынь, древние, величественные дворцы. Выйдя к трибуне, увенчанной золотым Государственным гербом, на которой уже не раз видел Председателя Мао, приветствующего ликующие толпы демонстрантов, Чжай Цзы-ни остановился и отдал честь, как отдал бы ее сейчас родному отцу. Столица! Здесь — Центральный Комитет партии, здесь Председатель Мао, здесь мозг и сердце шестисот миллионов людей. Кто не мечтает увидеть тебя и услышать твой голос, столица! По твоему первому зову люди готовы броситься в огонь и воду. Как бы им ни было тяжело, как бы жестока ни была борьба, но когда они подумают о тебе, столица, у них во сто крат возрастает вера в самих себя, мысль о тебе придает им новые силы...

Волнение долго не могло улечься в душе Чжай Цзы-ни. Поезд набирал скорость, в окне вагона промелькнули окраины, пошли пригороды, а он все еще смотрел на удаляющиеся огни родной столицы. «Вот и уехал. А ведь пробыл здесь целых два месяца!..» — подумал он. Теперь он уже раскаивался, что как-то не успел повидать за это время город как следует, [20] присмотрелся к нему. Но так ли это? Ведь даже если знаешь свой город, если побывал в нем всюду, где только можно, разве не такое же чувство испытывает!» всякий раз при расставании с ним!

В вагоне свободных мест не оказалось, и Чжай Цзы-ни остался стоять в тамбуре. Он даже не заметил этого. При мысли о том, что ему предстоит отправиться на войну и надолго покинуть родину, все ему казалось теперь родным и близким, было даже как-то очень хорошо стоять здесь в одиночестве, наедине со своими думами. Проводник, подметавший вагон, несколько раз подходил к нему, просил перейти на другое место, недоумевая качал головой, наконец не выдержал и спросил на чистом пекинском наречии:

— Почему вы не зайдете в вагон? Чжай Цзы-ни не стал с ним спорить и перешел в другой конец вагона, остановившись у окна. Отсюда можно было видеть совсем рядом с собой уходящие назад поля родины, стоя здесь, можно было первым сойти с поезда на перрон и отправиться прямо домой. Жена, конечно, ждет его, волнуется. Когда он думает о ней, ему тоже не по себе.

Какой-то военный, молодой, загорелый, остановился перед ним по стойке «смирно».

— Здравствуйте, товарищ комиссар!

Чжай Цзы-ни сразу узнал его. Это был Жань Чунь-хуа, прибывший недавно вместе с другими командирами в формируемую у них в гарнизоне добровольческую часть.

— Откуда ты?

— На побывке был, дома.

Чжай Цзы-ни поздоровался с ним за руку.

— Ну, как твои?

— В порядке, товарищ комиссар,— смущенно ответил Жань Чунь-хуа.

— Это хорошо, что ты возвращаешься. Приказ уже получен.

Поезд остановился. Жань Чунь-хуа отдал честь, сошел с поезда и направился прямо в роту.

Чжай Цзы-ни нужно было в другую сторону, к дому комсостава, и когда он увидел его, то как-то сразу почувствовал, что времени действительно в обрез. А он еще думал,

что побудет с женой! Нет, сейчас уже не до этого. [21]

— Ничего, у нас с тобой еще все впереди,— улыбнулся он Ян Юй-юань и стал ее успокаивать. Говорил он ровным голосом, чуть насмешливая улыбка не сходила с его лица.

Закончив укладывать книги, он подошел к Шан Чжи-ину и сел рядом с ним.

— Плакала Ван Шу-цин? Шан Чжи-ин кивнул головой.

— Обычное проявление женского чувства. Вот если бы организовать всех наших товарищей женщин,— Чжай Цзы-ни сделал ударение на слове «товарищей»,— и послать их бить американских дьяволов, они оказались бы превосходными бойцами. Ты не смотри, что они льют слезы, провожая своих мужей и сыновей. Это естественно. Зато они ненавидят врага, так ненавидят, что эта ненависть въелась им в кость!

Его несколько возвышенная речь неожиданно рассмешила Ян Юй-юань.

Шан Чжи-ин стал прощаться.

— Вот что, комиссар, все-таки тебе нужно поласковее с ней. Я пошел...

Проводив гостя до дверей, Чжай Цзы-ни вернулся к жене и обнял ее.

— Пойми, ведь я вернулся только ради тебя,— мягко сказал он.— Мне хотелось побыть с тобой хотя бы один вечер. Не надо переживать так, у нас все впереди. И не думай ты о войне. Война не такая уж страшная вещь. Уверю тебя, мы сумеем победить американцев, ведь мы знаем, что будет мирная, счастливая жизнь, верим в нее. Наша война — справедливая...

Чжай Цзы-ни почувствовал, что он уже не принадлежит себе, что он принадлежит родине, народу, а не одной своей жене. Все жены провожают сейчас своих мужей на войну...

4

Яркий, ослепительный свет расколол вдруг ночное небо.

Самолет сбросил один за другим несколько осветительных снарядов. Мертвенно-бледное сияние озарило небо. И сразу все, что до этого было укрыто непроницаемым мраком,— люди, кони, автомашины, огромное скопление войск и техники, — все это сразу оказалось на виду. [22]

Смешались боевые порядки. Бойцы бежали кто куда, без оглядки, чтобы как можно скорее скрыться, исчезнуть в зарослях кустарника или среди наваленных в стороне от дороги камней. Мимо Шан Чжи-ина с грохотом пронеслась пулеметная тачанка. Повозочный не справлялся с лошастью, и обезумевшее животное, подгоняемое криками, вытаращив в испуге глаза, мчалось, не разбирая дороги, прямо по рисовому полю, путаясь в постромках, насакивая на людей, на повозки, давя все живое и мертвое. Установленный на козлах зенитный пулемет полетел в канаву, и лошадь, почувствовав облегчение, помчалась вовсю, волоча за собою опрокинутую повозку. К этому времени часть автомобилей уже успела укрыться в лесу, остальные, торопясь не отстать, вползали в ущелье. У одного грузовика заглох мотор, и водитель, плюнув на все, побежал прятаться сам. Образовалась пробка. Ревели сирены, до хрипоты ругались шоферы, проклиная бежавшего водителя, но от этого пробка не рассасывалась. Вдруг высоко в небе послышался нарастающий с каждым мгновением свист. Кто-то закричал: «Ложись!» — и в ту же секунду раздался взрыв страшной силы. Тучи земли и песка взметнулись на высоту многоэтажного дома, на головы людей посыпались раскаленные осколки металла, комья земли, гравий. Со следующим заходом самолеты противника обстреляли походную колонну из пулеметов. Загорелась крытая грузовая машина с людьми. Бойцы стали выскакивать из кузова, но спастись удалось не всем.

Шан Чжи-ин резко осадил коня. Он не понял в первую минуту, что же произошло и к чему все это может привести. Но теперь ему все было ясно. Подхлестывая коня изо всех сил, он погнал его вперед. Конь летел стрелой. Все подразделения полка находились уже в относительной безопасности. Но почему молчат зенитки?

— Смерти ждете? — злобно накинулся Шан Чжи-ин на растерявшихся зенитчиков.

Его лицо, освещенное пламенем пожара, было неузнаваемым.— Ставьте пулемет, черт вас поberi! Осветительный снаряд надо сбить, ведь он на парашюте!

У горящего грузовика он остановился, но конь вдруг вздыбился и закружил его на месте. Шан Чжи-ин еле удержался в седле.

— Ко мне! — закричал он. [23]

Какой-то молодой командир с пистолетом в вытянутой руке выскочил из кустов, ведя за собой бойцов. Шан Чжи-ин сразу узнал в нем младшего брата. «Вот как это бывает! — подумал он.— Когда хотелось повидать его, случая не было, а теперь и словом перекинуться нет времени».

Бойцы тотчас принялись за работу. Огонь сбивали ветвями и хвойными лапами, в стальных касках таскали из канавы воду, выливали ее на горящую машину и снова бежали к канаве. Ординарец Шан Чжи-ина крепко сжимал рукоять маузера и, прильнув к биноклю, с тревогой вглядывался в темноту.

Шан Чжи-ин недовольно покосился в его сторону.

— А ну, живо! Командира первого батальона Ван Бин-чэнь!

Постепенно порядок стал восстанавливаться. Властный голос командира полка действовал отрезвляюще. Сначала в одном месте, потом в другом, в третьем раздалась дружная стрельба по осветительным снарядам, все еще висевшим в ночном небе. Наконец открыла огонь зенитка. Огненные шарики разных размеров веером разлетелись по небу. Скоро оба снаряда были сбиты, спустя минуту погас еще один. Бойцы шумно выражали свое восхищение меткой стрельбой зенитчиков.

По залитой водой меже бежали командир первого батальона Ван Бин-чэнь и ординарец. Все поле было изрыто воронками от снарядов, заполненными грязной жижей. Над одной воронкой еще курился дым, вокруг витал запах горячих испарений.

Грузовик все еще горел. К нему и бежали Ван Бин-чэнь с ординарцем. Они задержались только на миг, чтобы взглянуть, как падает сбитый нашими штурмовиками в воздушном бою вражеский самолет, таща за собой огненный хвост, но услышали нетерпеливый окрик Шан Чжи-ина:

— Сколько времени собираешься торчать здесь?

— Улетит самолет, и пойдем,— невозмутимо ответил Ван Бин-чэнь.

— Улетит?! — взорвался Шан Чжи-ин.— Ты что, думаешь, он тебе вроде встречного? Обойдет сторонкой, извинится, что потревожил, и раскланяется? А если через минуту опять прилетит? До рассвета ждать здесь будешь? [24]

— Через минуту тронемся, товарищ командир полка...

Ван Бин-чэнь не договорил, поняв, насколько неуместно сейчас его спокойствие.

Налет вражеской авиации, потери убитыми и ранеными, неумение командиров действовать на марше в подобных случаях, наконец какая-то их растерянность, полное забвение того, что они имеют не только стрелковое, но и зенитное оружие,— все это вызвало в Шан Чжи-ине чувство справедливого возмущения.

— Чем ты занимаешься? Что у твоих солдат — винтовки или самострелы? Так и будешь ждать, пока противник не станет сбрасывать на нас бомбы? Он летает себе нахально, а мы лежим на земле и ждем чего-то!..

Ван Бин-чэнь не решался посмотреть в глаза командиру полка.

— Ну, ладно, — махнул Шан Чжи-ин рукой, — сбросьте эти две машины в кювет. Надо расчистить дорогу.— И добавил, словно напоминая выученное наизусть правило устава: — Если опять случится такое же, нужно немедленно организовать огонь. Зенитная артиллерия придана полку для того, чтобы прикрывать его с воздуха. Забыли уже? — Взглянув на часы, он недовольно поморщился.— Опять задержались на пятнадцать минут. Эх, вы!..

Спустя несколько минут дорога была расчищена. Со всех сторон к шоссе потянулись машины, люди, кони, орудия. Ночная мгла сгустилась, вобрав в себя многоголосый людской поток, гудки автомобилей, рокот моторов, скрип телег, конское

ржание, гроыхание бочек с горючим и походных котлов, мерный походный шаг, пересмешки, усталую ругань, незатейливый солдатский разговор.

— Ну и горячка! Идешь — воюешь, воюешь — идешь!..

— Не хотят американцы договариваться с нами, вот и устраивают нам такие штучки. Уверяют, будто линия фронта в воздухе простирается до самого Ялуцзяна.

— Так-таки и до Ялуцзяна? Ишь ты! А что, если в самом деле доберутся?

— Хотел бы я посмотреть, как это у них получится! В темноте что-то не видать.

— Могу одолжить тебе огонька. Пойди посвети им.

— Зачем им твой? Им самый настоящий нужен, [25] артиллерийский... У меня внутри все так и полыхает, сам занять могу.

— Шутки шутками, ребята, а дело серьезное. Но только, я думаю, не остановят они нас, ни за что не остановят...

Шан Чжи-ин погнал коня вперед, чтобы разыскать брата. Рота Шан Чжи-иния шла в авангарде колонны. Поравнявшись с братом, Шан Чжи-ин соскочил с коня и отдал повод вестовому. Дальше они пошли рядом, свернув в сторону с дороги, на лесную тропинку. Шан Чжи-ин был доволен решительными действиями брата во время воздушного налета. Ему даже было приятно, что именно его брат, а не кто другой, выбежал из леса на его зов. Теперь они шли молча, и Шан Чжи-ин не знал, с чего начать разговор. Шан Чжи-ин вынул из кармана пачку сигарет и смущенно предложил старшему брату. По правде говоря, он все еще не знал, как ему держаться с Чжи-ином, — как с братом или соблюдая нормы, приличествующие отношениям между подчиненным и начальником?

— Что у тебя? — спросил наконец Шан Чжи-ин,

— В роте?

— Нет, сам как?

Шан Чжи-ин подумал немного и ответил:

— Все в порядке, кажется.

Он в самом деле был уверен в том, что все у него обстоит благополучно и к командиру полка никаких вопросов нет. Каждую новую задачу он принимал с большой охотой, выполнял ее горячо, стараясь сделать все, что было в его силах. Это его качество особенно радовало Шан Чжи-ина, хотя в то же время немного пугало. «У парня нет еще настоящего боевого опыта, во всем полагается на свой энтузиазм...»

Впереди показалась разрушенная дотла деревня; войска обходили ее стороной. Какой-то боец остановился перед развалинами фанзы, да так и застыл, не в силах идти дальше. В темноте Шан Чжи-ин не узнал в нем бойца своей роты.

— Чего встал? — спросил Шан Чжи-ин, подходя к нему.

На глазах бойца стояли слезы. Он даже не успел привести себя в порядок и был в полном замешательстве. [26]

— Плачешь? — удивился командир полка. — Разве ты приехал сюда не добровольцем?

Боец вытянулся, словно по команде «смирно».

— Так точно, добровольцем

— Почему же плачешь?

— Фанзу вот... — больше боец не сказал ничего. Кто знает, о чем он сейчас думал! Может быть, о своей фанзе, вот так же стоявшей когда-то на обочине дороги и сожженной чанкайшистами, уничтоженной американскими бомбардировщиками?

Шан Чжи-ин опустил голову. Разрушенная корейская деревня напомнила ему его родину в годы войны, горе народа, которое было их общим горем. Молчание длилось минуту, не больше. По-отечески взглянув на бойца, Шан Чжи-ин взял его под руку и, не оглядываясь назад, вывел на дорогу.

— Тебя как зовут?

— Цзян Вань-цзе.

— Ясно. Ну, иди догоняй своих, Цзян Вань-цзе.

Боец вытер глаза, поправил вещевой мешок, сделал шаг назад и, взяв под козырек, четко повернулся кругом.

5

Сколько горя повидал за последнее время Цзян Вань-цзе!

Пытались утешить его бойцы, вызывали на откровенный разговор, но это им не удавалось. И политрук Жань Чунь-хуа давно уже заметил, что с ним происходит что-то непонятное, не укладывающееся в его сознании. Заваленный ворохом письменных обязательств бойцов отличиться и совершить подвиг, заявлений в ротную партийную организацию и в Союз молодежи с обещанием завоевать себе право быть членом партии, Жань Чунь-хуа просиживал у лампы до глубокой ночи, удивляясь, почему в этом ворохе бумаг нет заявления Цзян Вань-цзе. Он пересматривал их чуть ли не ежедневно, но все с тем же результатом.

А Цзян Вань-цзе не находил себе места. Он ни разу не выспался как следует за время марша. Сомкнет глаза, вздремнет на минуту и тут же просыпается, встревоженный какими-то смутными предчувствиями. Шли бойцы по выжженной корейской земле с думой о родине [27]. Эта же дума ни на минуту не покидала и Цзян Вань-цзе. Но была у него еще одна дума, тайная, своя, о которой он не хотел никому говорить. По мере приближения к линии фронта она все больше угнетала его, лишая душевного спокойствия. Внутри у него горело пламя, а погасить его он не мог. Когда товарищи спали, ему не спалось, он лежал на спине, обратив к небу открытые глаза, и смотрел, смотрел, ничего не видя перед собой. Когда рота останавливалась на привал, он садился где-нибудь под деревом и смотрел вперед безразличным взглядом, погруженный в свои мысли. Глаза у него ввалились, лицо выражало глубокую печаль.

В таком состоянии его и застал командир отделения Тан Чжун-сюнь.

— Пошли, ноги хоть вымоем, — подойдя к нему, заговорил он. — Да и обувь почистить не мешает, гляди, сколько грязи налипло!

Выйдя из лесу, они остановились на берегу небольшого ручья. Несколько раз просыпаясь в течение ночи и видя, что Цзян Вань-цзе лежит с открытыми глазами, он не на шутку перепугался.

— Что с тобой? Все о доме думаешь? — спросил он в упор.

— А тебе-то что? — отрезал Цзян Вань-цзе. — Все равно не поможешь.

— Ты это брось! Разве не вижу, что тебя беспокоит что-то. — Хан Чжун-сюнь дотронулся ладонью до лба Цзян Вань-цзе, но тот отвел руку в сторону.

— Не шупай, холодный.

— Ходишь ты, будто потерял что!

— А ты видел?

— Не слепой.

Цзян Вань-цзе как-то странно посмотрел на него, ни слова не говоря, вынул из кармана старую, потрепанную тетрадку и, неожиданно смутившись, сказал чуть слышно:

— Изорвать бы ее, и все кончится...

Тетрадка была совсем худенькая, от всех листков осталось меньше половины, но, взглянув на нее, Тан Чжун-сюнь все понял. И он находился одно время в таком же состоянии. Не тревога о своем доме, не страх перед смертью терзают сердце настоящего бойца...

— Ладно, чтобы бы там ни было, а спать ты [28] должен, хоть немного, — сказал Тан Чжун-сюнь, кончив мыть ноги, и ушел, оставив Цзян Вань-цзе одного.

Цзян Вань-цзе посидел некоторое время на берегу, потом поднялся и медленно пошел вдоль ручья. Узкая долина привела его вскоре в рощу. Ивняк, высокая хвощевидная трава, заросли дилоца, листья которого так похожи на зубья пилы, напомнили ему родные места.

...По тропинке, густо поросшей полынью и чертополохом, идет Сяо Фэн. Она теребит небрежно накинутый на голову белоснежный платок, голова ее слегка склонена набок, глаза смотрят куда-то вдаль. Следом за ней семенит маленькими шажками Ли Сяо-у. У него такой вид, словно он готов выполнить любое ее желание. Он все время улыбается какой-то заискивающей улыбкой и говорит, говорит... Сяо Фэн, кажется, не обращает на него внимания, как будто Ли Сяо-у увивается не за ней. Перестав теребить платок, она оправляет кофточку и сворачивает к реке.

Цзян Вань-цзе, спрятавшийся в ивняке, следит за каждым ее шагом, затаив дыхание. В голове у него полный сумбур. Уже не первый раз он видит Сяо Фэн с Ли Сяо-у, и всякий раз чувство ревности вспыхивает в нем с новой силой. «Что со мной делается? — без конца спрашивает он самого себя. — Почему я не нахожу себе места? С кем ей нравится гулять, пусть с тем и гуляет, мне какое дело!» Но заставить себя перестать думать о ней он никак не мог. Сяо Фэн! Когда же он взглянул на нее впервые не так, как на других девушек? Да, вспомнил! Это было в прошлом году, осенью, на поле, где рос подсолнух. Сяо Фэн собирала семечки. Солнце светило прямо ей в лицо; покрасневшее от жары, оно лучилось, сияло, как сияет только что раскрывшийся цветок пиона. Но самыми красивыми были ее большие глаза под опущенными ресницами. Он видел их, словно в тумане. А смеялась она так обворожительно, что сразу разбила его сердце. Он никогда раньше не видел ее такой. Простая, работающая девушка, она росла, ничем не отличаясь от своих подруг, и вдруг он увидел в ней то, чего раньше никогда не видел. Ее лицо, глаза, пухлые мочки ушей, милостивый, слегка вздернутый носик, руки, познавшие труд и умевшие трудиться, стройная фигурка — все привлекало в ней его. Да и вся она была такая, что не полюбить ее было просто невозможно. [29]

Долго смотрел Цзян Вань-цзе вслед удаляющимся фигурам Сяо Фэн и Ли Сяо-у, до тех пор, пока они не скрылись за обрывом. Домой он вернулся по другой дороге, томимый неведомым ему ранее сладостным томлением, печалью, обидой и горечью одновременно. Весь следующий день он работал в поле. На обед он не пошел. Заложив руки за голову, он лежал в траве, думая о том, что произошло с ним. Ему было и радостно, и тревожно. Что-то словно привязало его к себе; он чувствовал, что беззаботное прошлое кануло в вечность, что теперь он всегда будет думать только об этом, думать, как о необыкновенно хорошем, и никогда, никакими силами его от этого не оторвать. Он даже не заметил, как к нему подошел секретарь деревенской организации Союза молодежи Цзо Цзу-мин и сел рядом.

Цзо Цзу-мину было лет двадцать пять, он недавно вернулся из армии, потеряв на войне правую руку, был коммунистом и пользовался в деревне всеобщим уважением.

— Читал сегодня газету? — спросил он Цзян Вань-цзе в упор. — Американцы объявили нам блокаду. Задушить нас хотят, гады! Шпионов засылают, диверсантов... А тут еще засуха!.. Нам теперь работать и работать. Обязательно почитай газету. Родина призывает нас добиться хорошего урожая, несмотря на засуху, и помочь делу строительства государства... Опять же — Корея. Ты понимаешь, американские империалисты по-настоящему ведут войну, вот гады!

Цзян Вань-цзе ни слова не сказал и принялся за работу, словно его что толкнуло. Домой он вернулся поздно. Проходя мимо ворот Сяо Фэн, он было замедлил шаг, как делал всегда, надеясь увидеть ее во дворе, но тут же высоко поднял голову и быстро зашагал дальше, подчеркивая этим свое безразличие к ней. Ли Сяо-у он презирал, презирал давно: говорун, каких на всем свете не сыщешь, к работе душа никогда не лежит, только и знает, что волочиться за девчатами... Как могла полюбить такого Сяо Фэн? Неужели она не знает, что он за человек? Ведь честности у него на сердце ни вот на столько! «Да, но мне-то какое до этого дело? — снова подумал он — Договаривались мы с ней?..» И все же он не мог вырвать Сяо Фэн из своего сердца. Он мучился всю ночь и, если бы не помнил сказанного ему [30] Цзо Цзу-мином, по-видимому, окончательно запутался бы в своих отношениях с ней. Скупые слова Цзо Цзу-мина не выходили у него

из головы. Теперь ему все было ясно. Хватит! Надо работать и ни о чем другом не думать. Завтра же он пойдет к Цзо Цзу-мину и попросит, чтобы ему поручили самую тяжелую работу. Именно завтра!

Цзо Цзу-мин по-своему понял, что привело Цзян Вань-цзе к нему.

— Ты насчет Сяо Фэн? — сразу спросил он.

Цзян Вань-цзе оторопел — таким неожиданным был для него вопрос секретаря. Выходит, его сердечная тайна известна другим? Он покраснел до корней волос. Два дня он не находил себе места, страдал, пытаясь скрыть от самого себя чувство тревоги, не дававшей ему покоя ни днем ни ночью, а тут... Срам, какой срам! Уже все знают!..

— Не бойся, я поговорю с ней,— сказал Цзо Цзу-мин.

Прикурив сигарету, он вышел на улицу, всем своим видом показывая, что остается верен армейским привычкам: для боевого командира слово — дело, и нечего откладывать, раз уж обещал. Кроме того, он и сам был несколько обескуражен поведением Сяо Фэн. Как позволила эта девушка обмануть себя? Нашла, чему верить, цветистым словам! Увидела ухажера, который наобещал ей невесть что, и растаяла! Нет, это не пройдет ей так просто!

Во время разговора с Цзо Цзу-мином, выложившим начистоту все, что он думает, Сяо Фэн держала голову прямо, лишь один или два раза недовольно закинула волосы назад, чтобы они ей не мешали. Цзо Цзу-мин понял, что она сердится.

— Никаких видов на этого Ли Сяо-у у меня нет,— резко ответила она.— Сам напрашивается!..

Всю дорогу домой она злилась: «Вот пристал!» Но злилась она вовсе не на Цзо Цзу-мина, а на тех, кто готов из-за пустяка поднять трезвон на всю деревню. Чувствовала она себя отвратительно. Нет, она сделает все, чтобы отвалить Цзян Вань-цзе, и как можно скорее. Кто ему дал право подсматривать за ней? Пусть пеняет на самого себя!.. Но почему она чувствует себя какой-то стесненной всякий раз, когда видит его? Нет, нет, это [31] неправда. Она примет все необходимые меры. Больше это не повторится!..

Цзян Вань-цзе и, не предполагал, чем обернется для него откровенный разговор с Цзо Цзу-мином. Сяо Фэн была холодна как лед. С каждым днем он все больше понимал, что теперь для него все кончено и никаких надежд нет.

С войной в Корее в жизни страны произошли большие перемены. Не обращая внимания на строгое предупреждение китайского правительства, Соединенные Штаты Америки нарушили границу в районе 38-й параллели и перенесли войну к берегам Ялуцзяна, угрожая безопасности Китая. Чтобы помочь Корее в беде и оказать сопротивление американской агрессии, китайский народ стал формировать войска добровольцев. В тот день, когда в деревне была объявлена запись добровольцев, Цзян Вань-цзе воспрял духом. Лицо его пылало. Все печали, угнетавшие его в последнее время, как рукой сняло.

Но деревенский староста и Цзо Цзу-мин отнеслись к его решению недоверчиво.

— А мать согласна?

— Согласна или не согласна, все равно пойду! — упрямо стоял на своем Цзян Вань-цзе.— Американцы же лезут, как может она не согласиться!

— Ты неправ,— попробовал вразумить его Цзо Цзу-мин.— Пойди и поговори с ней по-хорошему, постарайся убедить...

— Я уже обо всем договорился,— соврал Цзян Вань-цзе. Понимая, что мать не отпустит его, он решил сначала записаться и поставить мать перед совершившимся фактом. Характер у нее сварливый, ей уже за пятьдесят, причем она на несколько лет старше отца, и если уж разойдется, то даже отец ничего не может с ней сделать. Но, представив себе мать всю в слезах, Цзян Вань-цзе сказал вдруг примирительно: — Хорошо, я поговорю с ней. Но смотрите, никого не записывайте под первым номером, оставьте это место для меня.— И пошел советоваться с отцом.

— Я согласен,— сказал отец.— Хочу одного: чтобы ты воевал хорошо. Да что тебе

говорить, сам все понимаешь! А теперь пойдя спроси у матери. Постарайся сделать это так, чтобы она не плакала. [32]

К матери Цзян Вань-цзе подошел ни жив ни мертв.

— Ма, ты слышала? Все идут в добровольцы, чтобы дать отпор Америке и помочь корейцам... Разреши и мне...

Мать ничего не поняла из его сбивчивой речи.

— Вот и работай дома, в деревне. Работы всем хватит. Я тебе невесту присмотрела...

— Но я уже записался, ма... — сорвалось с языка Цзян Вань-цзе.

— Еще чего! Вот пойду и скажу, чтобы тебя вычеркнули.

Цзян Вань-цзе испугался не на шутку. Преграждая матери дорогу, он силой заставил ее сесть на кан.

— Мне нельзя не идти. Понимаешь ты, если не пойду я, другие наши люди, американцы будут здесь... Опять хочешь видеть, как они будут бомбить нашу деревню? Забыла, кто убил мою сестру?.. Ведь эти дьяволы уже в Корее, мама, они сбрасывают бомбы на наш Ань-дун!

По лицу матери текли слезы. Она сидела, прижав к груди Цзян Вань-цзе, и гладила его непокорную голову. Может быть, только сейчас она поняла, что сын ее уже не ребенок и у нее нет никаких прав удерживать его при себе. Она ничего не сказала ему и, поплакав, ответила молчаливым согласием. Цзян Вань-цзе чувствовал, что сам готов вот-вот расплакаться. Зачем он, правда, так несправедливо упрекнул ее!..

Теперь нужно было найти Цзо Цзу-мина и объявить ему о согласии матери. Он не чувствовал под собой ног от радости, пока бежал по деревенской улице. После памятной беседы с Цзо Цзу-мином он считал его своим лучшим другом и самым близким человеком, а его рассказы об армейской жизни готов был слушать без конца.

— Ну, вопрос решен! — выпалил он, врываясь в помещение сельской управы. Ему не терпелось поскорее узнать у Цзо Цзу-мина, когда нужно отправляться. Он — доброволец! Какое-то новое чувство овладело им целиком.

— А знает Сяо Фэн, что ты уходишь? — спросил вдруг Цзо Цзу-мин.

Цзян Вань-цзе в замешательстве остановился в дверях. Но это его состояние длилось не больше минуты.

— Ты разве не видел сам, кто ее интересуется?! — гневно бросил он Цзо Цзу-мину...

[33]

Сяо Фэн растерялась, когда ей стало известно, кто записался в добровольцы. Неожиданно для самой себя она почувствовала вдруг, что лишилась обычного спокойствия. Она поняла, что любит этого нескладного парня, так обидевшего ее недавно, и все время только о нем и думает. Дома ей не сиделось. То и дело она выбегала во двор и подолгу стояла у ворот с надеждой, что Цзян Вань-цзе вот-вот покажется на улице. Работа у нее не ладилась, все валилось из рук. Чтобы хоть чем-нибудь занять себя, она принялась перебирать отложенное для стирки белье. А что, если правда пойти на речку? Ведь там она может встретить его! Он обязательно придет туда, он не может не прийти!.. Ни о чем другом не думая, она побежала на речку. У ивового перелеска она остановилась. Встреча с Цзян Вань-цзе пугала ее. Нет, нет, это не должно случиться. Пусть уж он скорее уезжает, так будет лучше, ведь между ними ровным счетом ничего не было!.. Постояв некоторое время в раздумье, она нерешительно вздохнула и медленным шагом направилась к берегу.

Солнце садилось. Густой, в рост человека, ивняк, подходивший вплотную к воде, камыши, узкая, извилистая полоска земли были окрашены заревом заката. Небо из оранжевого постепенно становилось бирюзовым, потом глубина цвета усилилась, даль потеряла привычные очертания и расплылась в мареве тумана. Изменился цвет воды: теперь она была темно-зеленая, как листья водяного ореха. Буйная ряска, похожая на лепестки карликового нарцисса, плавно качалась на волне, роняя с желтых тычинок жемчужные, как слезы, капли воды. Крохотная рыбешка высунулась на миг из воды,

взбудоражив легкую зыбь, и тут же скрылась, полоснув хвостом по поверхности. Почувяв приближение человека, от берега отплыла пара диких уток, быстро перебирая лапками под водой. И снова все стало тихо. Темно-зеленая вода лениво плескалась о каменные плиты на берегу, на которых крестьянки обычно стирали белье. Неслышно шептались камыши. В воздухе стоял едва уловимый запах пахучего аира.

С минуту Сяо Фэн задумчиво следила за утками, потом опустила на корточки и замочила белье. Безразлично она прополоскала несколько штук белья и тут вспомнила, что забыла захватить мыло. Неужели [34] придется возвращаться домой?

Вдруг она услышала за спиной чьи-то шаги — осторожные, крадущиеся. Сяо Фэн насторожилась. Шаги замерли. Она решила, что это опять Ли Сяо-у, и быстро встала, готовая отчитать его раз и навсегда. Но... перед ней был Цзян Вань-цзе. Сердце у нее тревожно забилось, ей даже стало чуточку страшно. Однако она не спряталась от Цзян Вань-цзе, не бросилась бежать, как это бывало раньше. Торопливо сложив мокрое белье в кучку, она наспех вытерла руки и стала ждать, не поднимая головы. Она волновалась, это было видно по тому, как нервно теребила она краешек кофточки. «Ведь я сама этого хотела!» — подумала она. Но как держать себя сейчас с ним, она не знала. Она вообще ничего не знала и не помнила — ни того, что ответила Цзо Цзу-мину, ни клятв, которые давала самой себе. Она лишь чувствовала, что сердце стучит все сильнее и сильнее, что ей становится нестерпимо жарко и не хватает дыхания. Когда Цзян Вань-цзе подошел к ней совсем близко и робко опустил ей на плечо руку, она, не отдавая себе отчета, протянула ему свои руки. Нет, она не оттолкнула его. Ей действительно было и радостно, и страшно; чтобы не упасть, она даже ухватила за пуговицу на его куртке. Грудь Цзян Вань-цзе высоко поднималась и опускалась, и Сяо Фэн по-своему объяснила себе его волнение. Он уходит от нее, уходит на войну, он счастлив, что его записали добровольцем! Кто знает, сколько бы еще времени они избегали друг друга, страдали каждый про себя, если бы не это!.. Чего греха таить, разве она сама не мечтала втайне о том, чтобы в списке добровольцев первым был ее Цзян Вань-цзе!

— Ты когда уезжаешь?

— Завтра.

Сяо Фэн ничего не ответила на это, ответ Цзян Вань-цзе прочел в ее глазах. Как он мог подозревать ее! Неужели он сам не мог догадаться, что, кроме него, никто ей не нужен! Она гордится тем, что он уезжает в Корею бить американских дьяволов, и всегда будет думать только о нем.

Цзян Вань-цзе взял ее за руки.

— Ты не провожай меня, не надо. Людей будет много...

— Не говори этого, я все равно приду... [35]

И она пришла. На проводы добровольцев собралась вся деревня. Людей было столько, что Сяо Фэн не смогла протиснуться через толпу и, растерянная, стояла позади, не зная, как ей быть. То, что произошло вчера, не выходило у нее из головы. Цзян Вань-цзе несказанно вырос в ее глазах. Подумать только, им гордится сейчас вся деревня, все рады за него. А он — он любит только ее одну! Если бы они были сейчас не на этой площади, зажатые со всех сторон шумной, многоголосой толпой, она, не задумываясь, бросилась бы к нему, обняла, чтобы никому не отдавать. Ведь он ее, только ее!.. В этот момент она встретилась с ним взглядом. Цзян Вань-цзе тоже искал ее в толпе, и по его глазам она поняла, о чем он сейчас думает. Приподнявшись на цыпочки, она глазами высказала ему все, чем было переполнено ее сердце, и поняла, что он услышал ее.

Редко бывает, чтобы человек, покидая родной дом, не уронил слезу. Цзян Вань-цзе крепился, старался выглядеть бравым, лихим солдатом, которому все нипочем. Может быть, к этому примешивалось еще чувство некоторого тщеславия, что вот ему, совсем еще юнцу, народ оказывает такие почести. Однако сознание того, что он стоит на виду у всего народа, не покидало его ни на минуту. Да, он оставляет свою семью, дом, в котором вырос, уезжает не в заграничное путешествие, а на войну со всеми ее ужасами. Но он

нужен народу и будет всегда служить ему, не останавливаясь даже перед самыми страшными испытаниями.

Дети хором запели:

*На Ялуцзян провожают героев,
В дальний край уезжают герои —
Мир отстоять,
Родину-мать,
Дом защитит родной...*

К отъезжающим подбежал Цзо Цзу-мин.

— Ну, Цзян Вань-цзе, давай и мы с тобой попрощаемся! — Он обнял его единственной рукой и шепнул на ухо: — Сяо Фэн плачет.

Цзян Вань-цзе молча опустил голову.

— Ладно, не горюй,— сказал Цзо Цзу-мин.— Все поручи мне... Поступил ты правильно, и это сейчас главное. Ты член Союза молодежи, и я уверен, что ты совершишь подвиг. А там и членом партии станешь. [36] Смотри не забудь заранее написать заявление! — Незаметно для других Цзо Цзу-мин вытер рукавом краешек глаза. — Если бы у меня была рука! Я бы... Да, вот что я хотел тебе сказать. Ты только не бойся там. Чем человек смелее в бою, тем он дальше от смерти.

Что должен был ответить ему Цзян Вань-цзе! Его глаза красноречивее всяких слов говорили о том, какой благодарен товарищу...

До отправления их части в Корею Цзян Вань-цзе не раз садился писать письмо домой, но все никак не мог собраться с мыслями. Да и о чем было писать? Когда же они перешли границу, было уже не до этого. Все его мысли были заняты теперь заявлением, в котором он даст партии обязательство не осрамить почетного звания добровольца. Он исписал уже половину тетрадки, но заявление не получалось — руки у него дрожали от нетерпения. Скорей бы! Скорее в бой! Сколько им еще идти по этой выжженной земле до фронта?.. Да, не думал никогда Цзян Вань-цзе, что каждый шаг по дорогам Кореи, разрушенные, разоренные дотла деревни будут так напоминать ему родину!..

Из задумчивости его вывел скрип остановившейся легкой машины. В машине ехали командиры. По всему было видно, что они догоняли головные части.

6

В машине прибыли заместитель командира дивизии Ван Цзянь с несколькими штабными офицерами и два автоматчика.

Чтобы успеть догнать полк не позже полуночи, они выехали перед самым закатом солнца. Только что из штаба корпуса была получена телеграмма, отменявшая отданное всего лишь час назад распоряжение штабарма о занятии полком района обороны на гымсэньском направлении. Новый приказ предписывал изменить маршрут следования и немедленно осуществить переброску всех подразделений полка на подступы к Мундынри. Очевидно, в штабе добровольческих войск стали известны какие-то новые данные об обстановке на фронте, поскольку за несколько часов противник сумел осуществить полную передислокацию своих боевых частей. Первый вывод из этой передислокации — шифровка штабарма [37] о сосредоточении войск на гымсэньском направлении — был ошибочным. Обстановка резко изменилась. Более чем вероятными стали такие события, предвидеть которые во всем объеме командиры низовых частей и подразделений, конечно, не могли. Нельзя было медлить ни одной минуты, каждое слово приказа говорило о серьезности момента: противника нужно задержать во что бы то ни стало, необходимо спутать его военные планы.

Осложнилось общее положение на Восточном фронте.

В долину реки Мундын, куда получили приказ двигаться войска, Ван Флит перебросил три пехотные дивизии, двести танков, четырнадцать гранатометных дивизионов и семь инженерных полков. Несмотря на непрерывные осенние дожди, по всем дорогам Южной Кореи на север, к 38-й параллели, бесконечным потоком двигались свежие войска. На фронт было брошено огромное количество техники. Войска пополнились американцами, неграми, французами, лисынмановскими солдатами, японцами... Надвигалась буря. Все говорило о том, что именно здесь должны развернуться ожесточенные бои.

Еще несколько дней тому назад войска обеих воюющих сторон находились на расстоянии не менее ста ли друг от друга. Никто и не подозревал, что обстановка изменится так быстро и небольшой населенный пункт, которому никакого значения раньше не придавали, вдруг станет «объектом стратегического характера», притягивающим к себе как магнит все новые и новые резервы. Немыслимо было даже представить себе, как могло уместиться на узком, зажатом со всех сторон горами пространстве долины, через которую проходило шоссе, такое огромное количество войск и техники. Но какое до этого дело войне, если она, как это может показаться со стороны, вовсе не подчиняется воле людей! Жирные стрелы, нанесенные на карту между Алмазными горами и Северным Ханганом, тянулись из глубокого тыла к линии фронта. Знать бы заранее, что предвещает эта операция на Восточном фронте и какое значение она будет иметь для всего хода войны! Что сулит людям день, когда обе стрелы, стремительно движущиеся навстречу друг другу, сойдутся в одной точке?

Заместитель командира дивизии Ван Цзянь сидел рядом с шофером, откинувшись на спинку сиденья, и [38] прищуренным взглядом следил за двигавшимися к фронту войсковыми частями. На его лице блуждала добродушная улыбка, в уголках глаз собрались многочисленные морщинки. Его спокойствие никак не вязалось с фронтовой обстановкой: он не курил, всю дорогу молчал, и это больше всего смущало водителя. Но вдруг он почувствовал, что заместитель комдива как-то сразу подался вперед, взглядываясь в темноту, и резко затормозил.

— Какого полка? Первого?

Штабной офицер, выскочивший из машины, вернулся и доложил:

— Третьего. Первый впереди.

Воспользовавшись минутной задержкой, водитель вылез на дорогу, прикурил у проходившего мимо бойца, обошел машину вокруг и, убедившись в ее исправности, сел на свое место, на ходу включив зажигание.

Машина плавно помчалась по шоссе, обгоняя впереди идущие. Ван Цзянь смотрел теперь на водителя, словно впервые увидел его ясные глаза, внимательно разглядывавшие дорогу. Польщенный вниманием командира, водитель переключил скорость. Ехали еще примерно полчаса, пока не настигли части первого полка. Ван Цзянь приказал водителю остановить машину, вылез из нее и поздоровался с Шан Чжи-ином и Чжай Цзы-ни за руку.

Штабной офицер, не мешкая, тут же разложил на земле карту, вестовой посветил карманным фонариком. Несколько минут Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни молча изучали нанесенную на карту обстановку с маршрутом движения их полка. Наконец заместитель комдива сказал:

— За три дня управитесь? Больше не дадут.

Сказав это, он повернулся к проходившим по дороге войскам, провожая их взглядом.

— Есть потери?

— Есть,— ответил Шан Чжи-ин и рассказал о недавнем налете неприятельской авиации. Ван Цзянь насутился.

— Выделите людей для прикрытия. Темп движения придется ускорить...

Заместитель командира дивизии явно торопился. Ему предстояло еще встретиться

с представителями командования корейской Народной армии, изучить на [39] месте обстановку на рубежах, удерживаемых уцелевшими от разгрома корейцами, и подготовить все к принятию обороны добровольческими частями. Две дивизии противника уже достигли к этому времени исходных позиций и производили перегруппировку к предстоящему наступлению. Наши войска находились еще в пути...

7

Ночь. Не переставая льет дождь. Грузовые машины движутся в непроглядной тьме, заливаемые потоками воды. Многие не имеют брезентовых тентов, и людям, сидящим а кузовах, приходится мокнуть. Дождь усиливается. Люди пригибают головы ниже и жмутся еще теснее друг к другу. Кто знает, сколько еще времени будет лить! В одной из машин с открытым кузовом едет женщина. Лицо ее позеленело, она сидит скорчившись, до боли стиснув губы. Она промокла и чувствует себя очень плохо. Ее знобит. Чтобы не думать о дожде, она смотрит на освещенный светом фар участок дороги. Дождевая завеса такая плотная, что кажется — впереди тебя высится косая стена из стеклянных трубок. Вокруг ничего не видно, впечатление такое, будто машина ползет по черному туннелю, которому нет ни начала ни конца. Свет автомобильных фар выхватывает вдруг из темноты замысловатый узор, каким кажутся светло-красные листья клена, сверкнет на миг и тут же погаснет голубой звездочкой дождевая капля на ветке. То вдруг из мглы, выплывут низкорослые каштановые деревья, растущие возле самой дороги; осень окрасила их листья густой желтой охрой, и они сверкают удивительной чистотой тона, омытые дождем. Вся лучится в своем зеленом игольчатом наряде маленькая сосенка, прячущаяся за каштанами. Потом появляется куст дикого шиповника, целая роща индейской былицы, золотистый чашкоцветник; они словно вдруг выбежали на дорогу и застыли, застигнутые врасплох, ослепленные ярким светом фар. И столько во всем этом очарования, красоты, что даже не верится, будто существует такая красота на свете. Неужели впереди война? Как красива она, корейская осень!.. Ошеломленная открывшимся перед ней видением, женщина сидела, боясь [40] шелохнуться. Косые нити дождя, цветы, деревья — на них можно было смотреть и смотреть... Никому и в голову не могло прийти, что в кузове находилась Ван Шу-цин, что она неожиданно для самой себя бросила вдруг все дома и отправилась на фронт, даже не сообщив Шан Чжи-ину о своем решении.

Проводив Шан Чжи-ина, Ван Шу-цин так и не легла спать, хотя до рассвета оставалось еще целых шесть часов. Бессильно склонив голову набок, она сидела на кровати, зажав руки между коленями, и всю ночь не сводила глаз с дверного пролета, в котором в последний раз видела мужа. Нервное напряжение, в котором она находилась, собирая его на фронт, уступило место волнению и беспокойству. Когда теперь она увидит в этом пролете двери своего Шан Чжи-ина?

Война разорвала ее на две части, внесла смятение в спокойную, счастливую жизнь. Весь месяц после отъезда мужа она не находила себе места. Мысли ее перепутались, словно клочок пеньки, распутать который, найти концы оборванных нитей не было никакой возможности. Война в Корее. Противник не прекращает попыток снова перейти в наступление. По вине американцев переговоры о прекращении войны сорваны. От Шан Чжи-ина никаких писем нет... Наконец она кое-как собралась с мыслями и отправила Шан Чжи-ину письмо с одним товарищем, отправлявшимся на фронт. Но уже на другой день она переменяла свое решение. Она должна поехать на фронт! Да, да, и немедленно. Раньше она думала отнять ребенка от груди, когда ему будет десять месяцев, но до этого очень долго ждать. Она отнимет его сейчас, в шесть месяцев, она не может больше быть вдали от Шан Чжи-ина. Это решение бесповоротно. Пусть временами она и колеблется, пусть, решение ее неизменно.

Но отнять ребенка от груди оказалось не так-то просто. Ребенок бунтовал. Грудь

Ван Шу-цинъ распухла, и она испытывала невыносимую боль. По ночам ребенок надрывался от крика. Ван Шу-цинъ вставала, брала его на руки, ходила с ним из угла в угол, баюкала. Ребенок жалобно хныкал, в глазах Ван Шу-цинъ стояли слезы. Когда ребенок, утомившись, успокаивался, она тут же засыпала и начинала видеть сны. Но сны все были какие-то жуткие, от которых она в страхе [41] просыпалась. Если бы не ребенок, изматывавший последние силы, она вообще не спала бы ночи напролет, думая о Шан Чжи-ине, о фронте, где ни на минуту не смолкал гром орудий. Всегда жизнерадостная, веселая, она стала сейчас совсем другой. Она теперь не оставляла ребенка в кровати одного, а брала его к себе и укладывала так, чтобы все время чувствовать рядом с собой его головку и крохотные ножки. Малейшее прикосновение ребенка во сне доставляло ей невыразимую сладость, и в то же время она чувствовала, что сердце ее разрывается на части, так ей было больно. Руки опускались у нее, когда она думала о предстоящей разлуке. «Ну, почему ты такой маленький, Мао-мао? — мысленно обращалась-она к нему. — Если бы ты уже ходил! Мама взяла бы тебя с собой, и мы вместе поехали бы к папе!..»

Оставляя ребенка у матери, Ван Шу-цинъ приготовила ей все вещи Мао-мао, взяв с собой только его первую бязевую распашонку, от которой еще пахло материнским молоком, и вязаные шерстяные башмачки. Она хотела что-нибудь взять с собой на память и показать их там, в Корее, Шан Чжи-ину, когда увидит его.

— Ты с ума сошла! — набросилась на нее мать, когда Ван Шу-цинъ сообщила ей о своем отъезде. — Ребенка бросаешь! — В носу у нее захлюпало, по лицу потекли слезы, и вся она показалась вдруг маленькой, старенькой... Видно, не легко было ей расставаться с младшей дочерью, любимой больше других детей.

Ван Шу-цинъ не стала объяснять ей причины своего решения, только попросила простить ее.

— Станет спокойней, тогда и поедешь. Только тебя там не хватает!..

— Я еду работать, мама. Наша часть уже уехала. Война идет, нужны люди... — Она хотела утешить мать, но видела, что та вовсе не слушает ее. — Пока ребенок у тебя, мама, я буду спокойна за него...

Мать сидела, сложив руки на коленях, и глазами, полными слез, смотрела на дочь. Она ли ее родила, эту девочку? Ведь та, родная, была такая кроткая, такая послушная!..

— Я очень боюсь за тебя.

— Будь спокойна, мама, не надо волноваться, правда. [42]

Трудно сказать, с каким чувством оставляла Ван Шу-цинъ мать. Было ли это чувство решимостью или просто внезапным порывом? Да, возможно и это. Но в то же время было что-то другое, что заставляло ее думать только о ребенке. Она, конечно, верила в то, что война скоро закончится и вся семья снова соберется вместе, во всяком случае надеялась на это. Но одновременно в душу постепенно закралось чувство страха. А если... если они никогда уже не увидятся? Ведь это все-таки война! Там — Шан Чжи-ин, она видела его словно наяву, здесь — ребенок. Увидит ли она Шан Чжи-ина в самом деле? Кто даст ей на это утвердительный ответ? И все же — она едет, она должна работать. Чтобы снова быть вместе, только один путь — нужно завоевать победу в войне. Конечно, она маленький человек, неприметный, но этой победе она готова отдать все свои силы.

Целый день она улаживала дела. Город, в котором когда-то стояла их часть, был теперь перевалочным пунктом, откуда ежедневно в Корею отправлялись войска, воинские грузы, и оформить документы, думала она, будет очень легко. Но почему-то оказалось, что повсюду она наталкивалась на такие препятствия, что иной раз совсем терялась. Получить рекомендацию в Союзе молодежи, в котором она уже давно не работала, добиться пропуска в Корею... — от всего этого голова могла расколоться. На то, чтобы как-нибудь привести свои дела в порядок, она потратила уйму времени.

Когда, наконец, все было готово, Ван Шу-цинъ почувствовала вдруг ужасную усталость. До отъезда оставались считанные часы. Нужно было собрать вещи, проститься с матерью. Но когда она вбежала в дом и увидела ребенка, слезы неудержимо потекли у

нее из глаз. Чем больше она целовала своего Мао-мао, тем сильнее плакала, пряча заплаканное лицо, чтобы ребенок его не видел.

Мать тоже заплакала, и от этого на душе Ван Шу-цинъ стало еще горше.

— Вот, думала, выдам дочку замуж и волноваться больше не придется. А самые большие огорчения как раз от тебя... Чтоб их громом поразило, этих дьяволов! И когда только управу найдут на твоих американцев?!— Она говорила еще что-то, жалуясь на свою [43] судьбу, но Ван Шу-цинъ не слушала ее. Тогда она уже спокойнее принялась утешать дочь: — Хоть бы поспала немного, ведь тебе еще столько ехать!..

Ван Шу-цинъ покачала головой. Нет, сейчас она не будет спать, лучше она поиграет с ребенком, а вечером сядет на поезд и уже там спокойно уснет, ведь ей еще так много нужно сделать по дому!.. Когда ребенок уснул наконец, она торопливо скроила ему новое платье из яркой фланели и села шить. На душе у нее было такое чувство, словно она виновата в чем-то перед ребенком, теряет его...

Продолжая шить, она нет-нет да бросала украдкой тревожный взгляд на кроватку Мао-мао, на чистенькую, аккуратно выбеленную комнату, на теплый кан, одеяло, вещи, расставленные ее руками. От них веяло чем-то родным, близким. Раньше она как-то не замечала всего этого, но сейчас почему-то даже паутина в отдушине кана была ей дорога. Что же она делает? Ведь война, как клещи, выдернет из нее все это сразу, и в сердце останется глубокая рана!

Поезд отправился, когда уже начало светать. Большая земля, обновленная наступающим утром, простиралась за окном вагона, прохладная, укутанная туманом.

Ван Шу-цинъ ни о чем не хотела думать, но мысли о доме не покидали ее. Почему она не написала Шан Чжи-ину? Теперь, правда, это не имеет никакого значения, так как, очень может быть, она увидит его раньше, чем пришло бы письмо, но... Зачем она думает об этом? Нужно лечь и выспаться как следует: все эти дни она была занята хлопотами, связанными с отъездом, и ни разу не отдохнула по-человечески. Однако ей не спалось. Она сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрела вдаль затуманенными глазами. Как там ее Мао-мао? Наверное, спит еще. Такой шустрый малыш! В два месяца он уже умел смеяться. Правда, соседки говорили, что она преувеличивает, что такому еще рано смеяться, но она не верила им. Хватая беззубым ротиком грудь и упираясь ножками ей в живот, он тянулся обеими ручонками к лицу мамы и, когда это удавалось ему, глаза его прямо шурились от удовольствия. Конечно, он смеялся!..[44] I

По мере того как поезд набирал скорость, она все больше волновалась. Мысли мелькали в ее сознании с такой же быстротой, как проносились за окном вагона земля, телеграфные столбы, постройки. Перед ней лежала бескрайняя равнина, окаймленная на горизонте темным лесом, тянулись деревни, села. Все это было в непрерывном движении. Ей показалось, что одна деревня, расположенная вдали от железнодорожного полотна, вдруг вырвалась вперед, словно стремилась обогнать поезд, потягаться с ним в беге и первой прийти к финишу. Но поезд прибавил ход и быстро стал ее настигать. Деревня остановилась на краю дороги по ходу движения поезда и в следующее мгновение разлилась во всю ширь. Ван Шу-цинъ хорошо видела отдельные фанзы, двери, окна, сохи во дворах, телеги, кучи навоза. Ей захотелось присмотреться внимательней, но деревня уже побежала назад и скоро совсем скрылась из виду. Впереди показалась другая деревня. Перед глазами, разворачиваясь, проплывали поля. Паровоз дал гудок, длинный хвост дыма затянул горизонт, и снова взору открылась широкая Южно-маньчжурская степь. Медленно прошагали стальные конструкции линии высоковольтной передачи. Впереди показалось большое кирпичное здание казарменного типа, по-видимому рабочее общежитие. Оно примыкало вплотную к территории завода. Все трубы завода дымили. На дорогу рядом с насыпью выехал длиннющий обоз, телеги были доверху нагружены, и кто-то в вагоне сказал, что это — в Корею. Потом -Ван Шу-цинъ сама разглядела на переднем

возу алое полотнище с четырьмя иероглифами: «Кан мэй юань чао!» — «Сопrotивление Америке — помощь Корее!» Поезд замедлил ход, но не остановился и пошел дальше. На пристанционной площади было многолюдно, у прилавков толпились покупатели, подъезжали все новые и новые возы. Недалеко от рынка Ван Шу-цинъ заметила вдруг молодую парочку. Юноша и девушка стояли совсем рядом, он что-то говорил ей, а она улыбалась, смущенно опустив голову. На девушке было белое с синими цветами платье, и вся она, стройная, коротко стриженная, с тонкой светло-зеленой ленточкой вокруг головы, выглядела такой красивой, что нельзя было не залюбоваться ею. Да и парень был под стать ей — высокий, с милым лукавым лицом, на котором кустились густые брови... [45]

Сердце Ван Шу-цинъ екнуло. Шумный рынок, земли, человеческое счастье, любовь... Ведь это ее родина, ее жизнь! И снова Ван Шу-цинъ вспомнила Шан Чжи-ина, свое знакомство с ним, свое счастье.

На Шан Чжи-ина она обратила внимание давно. Он нравился ей, но сказать ему прямо: «Я люблю тебя» — она ни за что бы не решилась. Она вообще не представляла себе, как может девушка сказать кому-то о своем чувстве: а вдруг он ее не любит?! И все же ее тянуло к нему.

Как-то вечером перед выходным днем они неожиданно встретились в кинотеатре. Когда она увидела, что сидит рядом с ним, она вся вспыхнула. Весь сеанс она чувствовала себя в каком-то невесомом состоянии, словно летела на облаке. Щеки ее горели. Легкое прикосновение руки Шан Чжи-ина вызвало в ней трепет.

Когда демонстрация фильма закончилась, Шан Чжи-ин сказал ей:

— Ты не разрешишь мне проводить тебя?

Глаза Ван Шу-цинъ загорелись нежным светом, будто два кристалла. Выйдя из кино, они пошли в ту сторону, где фонарей было меньше. Вечер был удивительно тихий. В чистом, прохладном воздухе ощущался едва уловимый запах тополя, выпустившего первые, еще клейкие листочки. Откуда-то издали доносились звуки танцевальной музыки. Каким-то незнакомым, необычным казался Ван Шу-цинъ этот наполненный осторожными шорохами вечер.

Некоторое время они шли молча. Их тянуло друг к другу и в то же время что-то останавливало. Ван Шу-цинъ не могла выдать из себя ни слова. Как ей обратиться к нему? Привычным — «товарищ командир полка»? Но ей хотелось совсем другого, хотелось просто, по-дружески сказать: «Шан Чжи-ин», и этим сразу снять разделяющую их преграду. «Шан Чжи-ин!» Нет, так будет слишком просто, даже буднично. А нужно тепло, чтобы передать в этом слове весь душевный жар, который не дает ей покоя. Всегда думать о нем, как о самом родном, самом близком человеке, и вдруг оказаться такой безразличной, холодной к нему! Но неужели он сам не чувствует, как бьется у нее сердце?

Шан Чжи-ин осторожно дотронулся до ее плеча. Ван Шу-цинъ замедлила шаг. Теперь они шли совсем рядом. [46] Город остался позади, они были в поле, где запахи весны чувствовались острее. Шан Чжи-ин взял ее руку в свою. Она не отстранилась. И вдруг он обнял ее и взволнованно прошептал:

— Шу-цинъ?..

У нее перехватило дыхание. Она смотрела ему в глаза, полные любви, и... молчала. Она так и не сказала ему ничего в этот вечер.

Потом были другие вечера. И когда она ответила, наконец, согласием на его предложение, то вдруг расплакалась. Она сама не знала, почему она плачет. Наверное, это было от избытка чувств. Для нее началась новая жизнь, она стала женой Шан Чжи-ина. Конечно, вряд ли решилась бы она на замужество, если бы жизнь с Шан Чжи-ином не рисовалась ей такой яркой, красивой. Но не слишком ли легко она доверилась ему? Нет, она, правда, очень любила Шан Чжи-ина. Он был на войне, его сердце прошло через невероятные испытания, и она не колебалась, принимая решение. «Я плачу от радости,—

говорила она себе.— Мы совсем не были знакомы раньше и вдруг встретились и поняли, что не можем жить друг без друга. Теперь мы все будем делать вместе, всю жизнь, для нас нет никого на свете ближе...»

Она чувствовала себя такой счастливой, что говорила без умолку.

— Ты, правда, любишь детей?

— Тебе и это известно?

— Конечно. Об этом все говорят. А дети так и льнут к тебе.

— А я и не замечал! — рассмеялся Шан Чжи-ин.

— Все вы мужчины такие. Любите, а признаться не хотите.

— А ты?

— Не знаю. Возни с ними много. Да и глаз иметь надо. Ломают все, портят, дом вверх дном переворачивают. Боюсь, не справлюсь...

— Это все мелочи,— попытался успокоить ее Шан Чжи-ин.— Дети — наша надежда. Мы стареем, дети становятся взрослыми. Исполнится юноше двадцать лет, он приходит к нам на смену... Наши дети будут совершенно другими, они построят коммунистическое общество. Нельзя представить себе жизнь без детей... [47]

И вот появился ребенок. Маленький сосунок. Страна только-только приступила к восстановлению разрушенного бесконечными войнами хозяйства. А им снова приходится идти на войну...

В остывшем за ночь помещении канцелярии штаба войск в Аньдуне Ван Шу-цинь прождала часа два. Люди входили и выходили, но никто не спрашивал у нее, что ей здесь надо, хотя многие и бросали в ее сторону любопытные взгляды. Кто-то задержался около двери кабинета начальника с очевидным намерением заговорить с ней, но почему-то махнул рукой, повернулся и пошел по своим делам. За стеной слышались тихие голоса. Ван Шу-цинь поняла, что говорили о ней.

— Вот это красавица! Кого она ждет, интересно?

— Пойди и спроси, если так хочется.

— Что я — отдел кадров?

Спустя некоторое время из-за перегородки вышел военный, остановился перед Ван Шу-цинью и спросил, глядя ей прямо в глаза:

— Муж в армии служит?

— Сама,— недовольно ответила Ван Шу-цинь и назвала номер своей части.

Командир покачал головой.

— Так-так. Дело плохо. Ваша часть сейчас на марше, придется тебе задержаться здесь на некоторое время... Нет-нет, ты не волнуйся, комнату мы тебе подыщем...

— Я приехала не для того, чтобы жить у вас здесь.

— Но ваш полк уже в Корее! Со дня на день он должен вступить в соприкосновение с противником...

— Для этого и еду. Если бы не за этим, могла бы остаться дома. Я пришла к вам, потому что вы отвечаете за порядок перехода границы...— Ван Шу-цинь еле сдерживала себя, и командир-пограничник понял, что ему лучше всего оставить ее в покое.

Когда машина была готова к отправке, из комнаты общежития при управлении погранохраны вышел какой-то юноша в сопровождении уже знакомого Ван Шу-цинью командира. У юноши был с собой лишь небольшой вещевой мешок. Ван Шу-цинь подвинулась, чтобы освободить ему место рядом с собой,— машина была уже переполнена. Водитель козырнул командиру и нажал стартер. Машина, медленно развернувшись, выехала на дорогу, которая вела к Ялуцзяну. [48] Как только проехали Аньдунский мост, водитель дал полный газ. Набирая скорость, машина помчалась по холмистым дорогам и падам Северной Кореи.

Войной пахло сразу же за Ялуцзяном. Не запах земли, хлебов и нежных полевых цветов окружил впервые ехавших по Корее пассажиров, а смрад дыма и пожарищ, ужас

разрушения, сжимавший до боли сердце. Притихшие люди переговаривались в машине.

— Где мы сейчас?

— Аньчжоу², наверное, проезжаем.

— Всё начисто.

— Всё. Несколько дней и ночей горел город.

Машина шла по улице, по-видимому только недавно расчищенной от обломков и битого щебня. По обеим сторонам высились развороченные бомбежкой стены, одинокие кирпичные столбы, балки, обгорелые стропила. Улица была завалена горами камня и черепицы, всевозможным хламом, домашней утварью. Чудом уцелевшие вывески и стеклянные витрины в окнах некоторых домов говорили о том, что когда-то это была шумная, оживленная улица. Сейчас повсюду царило страшное запустение. Заводы и мастерские были сравнены с землей, о них напоминали лишь искореженные огнем железные конструкции и поваленные перекрытия, рабочие казармы сожжены дотла. Только в самом конце города пассажиры машины увидели небольшой деревянный домик, который пожар каким-то образом обошел стороной. Но и на этот домик жалко было смотреть: расшатанный взрывными волнами до основания, он готов был вот-вот рухнуть. Вдруг из этого домика выбежали несколько детей, за ними вышла женщина средних лет в длинной черной юбке. Они стали махать руками проходившей машине. Потом откуда-то из-под земли выползли еще люди.

— Добровольцам мансе-е-е³!

— Спасибо! [49]

— Спасибо-о-о!

Город был разрушен, но люди не покинули его. На войну ушли мужчины; женщины и дети остались, чтобы как-нибудь привести свой город в порядок, наладить нарушенную жизнь. Война продолжается, народ не сдастся. Ван Шу-цинъ помахала женщинам рукой. Она почувствовала вдруг себя маленькой, беспомощной. Каким несоразмерно крохотным выглядит ее собственное волнение по сравнению с этим огромным человеческим горем! За что так страдают корейские люди?

Покатые холмы, уступами поднимающиеся от западного побережья, поросшие густым сосняком пади, река, привольно текущая по равнине,— все это осталось позади. Машина въехала в горы. Внезапно полил дождь, который вскоре перешел в настоящий ливень. Потoki воды хлестали по лицу. Ван Шу-цинъ посмотрела на юношу, сидевшего рядом с ней, и вдруг вспомнила, что уже видела его где-то. Ну, конечно, это Ван Кунь; он был самым маленьким из полученного недавно полком молодого пополнения, может быть поэтому Ван Шу-цинъ и запомнила его.

— Как же это ты застрял в тылу?

— Заболел, когда отправлялись,— нехотя ответил он.

— А еще какие-нибудь вещи у тебя есть?

— Нет, только это. Всё с собой.

— Как сейчас себя чувствуешь? Лучше?

— Конечно, лучше. Целый месяц валялся в санчасти!

Ван Шу-цинъ не выдала ему своих отношений с Шан Чжи-ином. Ей понравился этот молодой боец, на вид которому было не больше семнадцати лет. Чем-то он напоминал ей младшего брата... А дождь не переставал. Не все в машине имели дождевые накидки, не имел ее и Ван Кунь. Но он и вида не подал, что завидует кому-то. Он сидел прямо, время от времени бросая недовольный взгляд на затянутое тучами небо. Ни в чьей милости он не нуждался. Пусть льет, это его не пугает. Только бы скорее добраться до фронта!..

² Аньчжоу (по-корейски Анчжу) — пограничный город в Северной Корее. Поскольку корейские географические названия имеют иероглифическое начертание, китайцы произносят их так, как эти иероглифы читаются по китайски.

³ Мансе (кор.) — «ура!». В буквальном переводе — «десять тысяч лет».

- Ну как? — спросила Ван Шу-цинъ погода.
- А тебе-то что?
- Выдержишь? Дождь только начинается, как видно. После болезни, знаешь...
- Если бы знал, что не выдержу, не стал бы записываться в добровольцы. [50]
- А если воспаление легких схватишь?
- Не помру — значит, буду жить!

Он еще больше понравился Ван Шу-цинъ. Она даже простила ему мысленно несколько заносчивый тон, каким он разговаривал с ней. Его упрямство вызвало в ней определенное сочувствие. «Такой в обиду себя не даст!» — довольная, подумала она.

...К несколько грубоватой манере разговаривать с посторонними Ван Кунь вынужден был прибегнуть еще у себя в деревне, в тот самый день, когда он, полный радужных надежд, пришел записываться в добровольцы, а его отправили назад домой.

Деревенский староста, человек еще совсем молодой, но уже отпустивший довольно большую бороду, сразу догадался, что нужно Ван Куню. Он даже не стал с ним разговаривать. «Ничего с ним не случится, пусть подождет годика два!» — сказал он представителю комитета. Обманывать старосту Ван Кунь не решился — староста знал наперечет всех жителей деревни.

Расстроенный, Ван Кунь понуро побрел домой. Казалось, для него все потеряно. Но вдруг он остановился и со злостью сжал кулаки. «Не-ет! Так просто это ему не пройдет. Дратся буду!» — решил он и опрометью бросился назад к управе.

Староста от неожиданности оторопел.

— Ты что это вздумал — дурачить меня? Думаешь, у нас здесь другого дела нет, как с тобой возиться?!

— Запись добровольная? — угрюмо спросил Ван Кунь.

— Добровольная, — подтвердил староста.

— Вот я и пришел. По своей воле. Почему не записываешь?

— Мал слишком.

— Опять свое? Да если я не... — вскипел Ван Кунь, но староста остановил его.

— Оставайся дома и — хватит разговаривать. Я за тебя буду кашу расхлебывать?

Ван Кунь изо всех сил старался доказать свою правоту, наконец выложил самый сильный, по его убеждению, аргумент:

— Может быть, скажешь, что и для члена Союза молодежи возраст у меня мал? Но староста был неумолим, [50]

— Вот привязался! Нужны люди определенного возраста, понятно тебе? Ты не только ростом не вышел, силенки еще маловато. Запишем тебя, а в районе все равно отставят.

— Это еще посмотрим, как они меня отставят! Я по всем статьям подхожу!

Староста покачал головой.

— Годика два подождешь, ничего с тобой не случится.

— Два года? — возмутился Ван Кунь. — Через два года я буду командиром отделения!..

Последние слова Ван Куня потонули в громком хохоте. Смеялись все — и староста, и обступившие их крестьяне.

— Остер мальчишка на язык! Ну и парень!

Так определилась судьба Ван Куня. Но он не мог забыть обиды, которую ему нанес староста. Он даже был уверен, что теперь тот будет хвастаться перед всеми: «Это я уговорил его, сам бы ни за что не поехал!»

Когда же воинская часть, сформированная у них в районе, отправлялась на фронт, Ван Кунь неожиданно занемог и его положили в гарнизонную санчасть. Поправился он быстро, дней через пять — шесть. Но часть уже находилась в Корее, и ему предложили остаться связным при штабе гарнизона. Ван Кунь наотрез отказался.

По пути следования он пристроился к одной транспортной роте, отправлявшейся

на фронт. Своей сметкой и настойчивостью он понравился командиру роты Юй Шу-цзину.

— Кто у вас командир? — спросил он его.

— Шан Чжи-линь, — ответил Ван Кунь, ничего не подозревая.

— А политрук?

— Жань Чунь-хуа.

— Может, останешься с нами?

«Начинается!» — подумал про себя Ван Кунь, но смолчал.

— Что — неохота? — продолжал допытываться Юй Шу-цзин. — А ты подумай все-таки.

— За мной в роте должок остался, рассчитаться надо за харчи. А вашим нахлебником быть не собираюсь, еще аттестат затребуете из моей роты!

— Ишь ты, какой занозистый! — рассмеялся Юй Шу-цзин. [52] — Неужели ты в самом деле думаешь, что я оставлю тебя у себя? У меня в роте своих таких же хватает! Это я так, порасспросить тебя хотел...

— Тогда другое дело, товарищ ротный. Спасибо. Я ведь драться хочу, на фронт не терпится.

— Молодец! — крепко пожал ему руку Юй Шу-цзин. — Характер правильный. Ну что ж, прощай!

Ван Кунь отдал командиру честь и дальше отправился сам. На следующей заставе ему снова пришлось выдержать форменный допрос. Так продолжалось до тех пор, пока он, наконец, не добрался до Аньдуна.

С трудом дождался он, чтобы дежурный офицер в канцелярии штаба погранвойск занялся оформлением его документов. Только когда он залез в машину, где симпатичная сестра освободила ему место рядом с собой, он успокоился. «Ну, теперь-то я догоню наших. Непременно догоню!.. Вот бюрократы! Только и знают, что документы оформлять!»

...Дождь полил сильнее. Когда Ван Шу-цинь укрыла Ван Куня своей дождевой накидкой, под которой вполне хватало места и на троих, Ван Кунь решительно воспротивился. Но, узнав, что они из одного полка, он прижался к ней уже без всякого стеснения. Вдруг он что-то вспомнил и высунул голову наружу.

— Слушай-ка, товарищ, ты прямо в полк или сначала в штаб дивизии?

— Машина из штабарма, дальше не повезет. Все равно придется нам оформлять документы. Пойдешь со мной?

— Нет! — не задумываясь ответил Ван Кунь. Потом посмотрел на нее испытующе, словно соображая, можно ли ей довериться, и зашептал: — Как будем подъезжать к штабарму, скажешь мне? Лучше я раньше соскочу.

— А как дальше добираться будешь?

— Это уже мое дело.

С этими словами Ван Кунь забрался с головой под накидку и сразу почувствовал, как по телу разливается тепло. Он ни о чем не думал сейчас — ни о своей роте, ни о родине, ни о войне с американцами. В этом вопросе для него все было ясно. Его занимало одно: скорее догнать своих, найти свое отделение. Где оно сейчас? Далеко ли уже ушло? Машина мчится вперед, вместе с ней мчатся вперед его мысли. Мерный рокот мотора [53] действует на него успокаивающе. Подумаешь, грязь! И не такую видели! Застрянем? Ну и что с того, можно идти пешком! И дождь не страшен, ведь мокнет не он один. И если бы, к слову сказать, у него даже возникла мысль зайти в какую-нибудь чиби⁴ переждать непогоду, то все равно это желание не могло быть осуществлено. Нет нигде этих чиби, все спалил пожар войны... Главное — он уже в Корее! Теперь его могут обижать, сколько вздумается. Не разрешат ехать в машине? Не заплачем, доберемся сами, без чужой милости! Непременно доберемся!.. Доберемся!.. Ван Кунь сладко похрапывает, прикорнув

4 Чиби — жилище корейского крестьянина

рядом с Ван Шу-цинью, и видит сны один другого краше.

Боясь его разбудить, Ван Шу-цинью сидит не шелохнувшись. Ей холодно. Ночь, косые нити дождя, утопающая в грязи дорога, горная речка, готовая вот-вот выйти из берегов, навевают на нее уныние. Она снова вспоминает Мао-мао, теплую уютную комнатку, мать... На смену мыслям о доме приходит страшное видение первого разрушенного войной корейского города — женщины на горах развалин, испуганные дети... Нет, нет, она не должна думать о Мао-мао! Скорей бы уж кончилась эта дорога!..

Машина с трудом взбирается по косогору. Дорогу развезло. Но настоящая грязь, по-видимому, только начинается. Впереди идущая машина вдруг остановилась. Высунувшись из кабины, водитель несколько минут смотрит с тоской, как женщины и бойцы таскают камни для ремонта дороги, и, махнув рукой, говорит Ван Шу-цинью, словно извиняясь:

— Объезда нет... Ничего не поделаешь!..

В сердцах хлопнув дверцей, он завел мотор и стал разворачиваться. Ван Шу-цинью поняла, что, опасаясь за здоровье промокших в машине людей, он решил возвращаться назад.

— Товарищ, вставай! — осторожно разбудила она Ван Куня.

Тот проснулся сразу. Лицо его выразило испуг. Но он тут же пришел в себя, соскочил с машины — и был таков. Вскоре его силуэт растворился в темноте. Ван Шу-цинью окликнула его два раза, но он не отозвался. [54] Он шел прямо по грязи, не разбирая дороги. У встречных бойцов он спрашивал только об одном: как на фронте?

— Войска идут днем и ночью, — охотно отвечали ему те. — Наступать противник будет — вот как на фронте!..

9

Мысли о командире отделения Тан Чжун-сюне, о Цзян Вань-цзе и Яо Цин-лине не покидали Ван Куня всю дорогу. Где они теперь? Где он будет искать свое отделение? Раньше ему всегда казалось, что он найдет их очень легко. Теперь же в душу ему закралось сомнение. Войска ушли вперед. Кругом него лес, сложенные наспех шалаши, в которых живут корейцы; горы, чужие, незнакомые люди... По дороге стремительно проносятся машины, обдавая его потоками грязи. Он нехотя сторонится. Но поднять руку и попросить водителя подвезти — на это у него не хватает сил. «Да и зачем мне беспокоить кого-то? — думает он. — Сам не могу дойти, что ли?» И он идет дальше, промокший до нитки, с трудом передвигая натертые ноги. «Где же они могут быть?» — без конца спрашивает он самого себя, обращая взор к лесу. Но лес молчит, затянутый плотной пеленой дождя.

Всю ночь Цзян Вань-цзе не сомкнул глаз. Когда их часть остановилась на ночлег в поселке разрушенного рудника, ему и его товарищам была отведена крохотная чибби в стороне от дороги. Встретила их молодая женщина с миловидным лицом. Смущенная тем, что ее застали врасплох, она остановилась на пороге; из-за ее спины выглядывал привязанный широким поясом ребенок болезненного вида. Ротный переводчик перекинулся с ней несколькими словами, потом сказал Тан Чжун-сюню:

— Вот что, отделенный, ребенок у нее болен, наверное, дизентерия. Муж на войне. Так вы смотрите сами.

Бойцы отделения стояли под дождем, молча ожидая, что решит Тан Чжун-сюнь.

— Ну как, переспим на улице? — подумав немного, спросил он их. — Одну только ночь, ребята?

Женщина всплеснула руками и бросилась прибирать комнату. Перенеся вещи ребенка в каморку рядом и [54] оставив их там, она навела в комнате порядок и пригласила бойцов заходить. Ее взгляд выражал глубокую признательность.

— Вы на фронт идете? — заговорила вдруг она по-китайски. — Возможно, моего

мужа встретите...

— А как его зовут? — с готовностью отозвался Цзян Вань-цзе.

— Ен Кым Тхя. Лянь Цзинь-тай по-вашему, — смущенно улыбнулась она и назвала номер воинской части, в которой служил ее муж. — А меня зовут Пак Кым Ок.

— Письма часто приходят?

— Приходят.

Цзян Вань-цзе перевел взгляд на ребенка, потом снова на женщину. Ему было невыразимо жаль ее. Трудно приходится этой кореянке без мужа, с больным ребенком на руках!.. В комнате, которую она освободила для них, было тепло, сухо, а сама хозяйка принимала их так гостеприимно, что ему стало как-то неловко. В самом деле, какое он имеет право стеснять ее!.. Не смея переступить порог, он смущенно стоял в дверях.

Тем временем Пак Кым Ок вернулась из каморки с ребенком за спиной и захлопотала у очага. Когда огонь запылал, она налила в котел воды, сказала бойцам, что они могут умываться, а сама побежала с ведром к реке. Ей очень хотелось хоть чем-нибудь помочь им в приготовлении ужина, и когда все было готово, она незаметно присела в стороне и дала ребенку грудь.

Одежда бойцов сушилась, развешанная над очагом, лица у всех были красные, разморенные. Тянуло ко сну.

Мягкая улыбка не сходила с лица Пак Кым Ок, пока она кормила ребенка. Изредка ее задумчивый взгляд останавливался на бойцах, но она не жаловалась им, не плакала, хотя Цзян Вань-цзе мог поклясться, что видел на ее глазах слезы. Опустив вещевой мешок, он решительным шагом вышел на улицу.

— Ты куда? — крикнул ему вдогонку Тан Чжун-сюнь

— Санитара поищу. Может, лекарство даст, — обернулся Цзян Вань-цзе и нетерпеливо махнул рукой.

— Попроси жаропонижающее. И пусть не жалеет. Скажи, чтобы десять таблеток дал...

Всю дорогу Цзян Вань-цзе бежал. Перед его глазами был больной корейский ребенок, оставшийся без отца. Он не чувствовал под собой ног и, когда упал в грязь, [55] споткнувшись о камень, разозлился на самого себя, что оказался таким неосторожным.

— Эй, стой! — задержал он бойца, который шел по другой стороне улицы. — Не знаешь, где санитар?

— Это тебе санитар? — удивился боец.

— Ага.

— Не знаю.

— Так чего спрашиваешь?! Время только отнимаешь! — обозлился на него Цзян Вань-цзе и побежал дальше.

Наконец он нашел санитару и объяснил ему, чего от него хочет. Тот, ни слова не говоря, вынул из сумки пакетик с таблетками.

— А как их принимать?

— По одной через каждые четыре часа. Первую пусть примет сейчас же... Запомни, через каждые четыре часа, иначе пользы не будет.

Цзян Вань-цзе нерешительно переминался с ноги на ногу. Как он будет знать, когда давать ребенку лекарство? А если он проспит?

— У кого из наших есть часы? — быстро спросил он.

— В штабе роты.

Цзян Вань-цзе побежал к хижине, указанной ему санитаром, оттуда — назад в свое отделение.

— Получил, отделенный! — обрадованно закричал он, едва завидя ждавшего в дверях Тан Чжун-сюня. — Санитар дал!

— Тогда не будем терять времени. Нужна моя помощь?

Цзян Вань-цзе тотчас приступил к делу. Вымыл руки и освободив место на

краешке стола, он аккуратно раздавил таблетку, как велел санитар, положил на язык ребенку и дал запить теплой водой, приговаривая:

— Давай, давай ешь, малый! Поправляться тебе надо. Знаешь, какое это лекарство?! Вернется отец, не узнает тебя, таким ты сильным будешь...

Когда ребенок уснул, убаюкиваемый матерью, Цзян Вань-цзе вспомнил, что сам еще и не обсушился. Мокрая одежда неприятно липла к телу. Его знобило.

Стало совсем темно. На улице, не переставая, лил дождь. Усталые, продрогшие бойцы спали на теплом кане, забыв обо всем на свете. Один лишь Цзян Вань-цзе не спал. Он сидел на кане и думал, настороженно [57] прислушиваясь к шорохам за стеной. Ребенок захныкал, и мать, боясь разбудить отдыхающих бойцов, принялась тихо укачивать его: «А-а-а-а-а-бай!.. А-а-а-а-а-бай!..» Снова возник все тот же вопрос: как определить, когда давать ребенку вторую таблетку? Однажды, стоя на посту, он попробовал считать; это помогло — не успел он сосчитать до тысячи, как пришла смена. Сколько же ему придется считать теперь? «Один... два... три... четыре...» Ну вот, первая тысяча есть, значит, осталось меньше... А дождь все лил, лил, и Цзян Вань-цзе, незаметно для себя, стал считать вслед за монотонным падением капель. На какой-то сотне он сбился со счета, но, сколько ни старался вспомнить, с какого числа нужно начинать, ничего не получилось. В голове у него все перемешалось: десятки, сотни, тысячи... У него не было сил преодолеть усталость, веки слипались, машинальное повторение одних и тех же чисел: «двадцать один... двадцать два... двадцать три... двадцать четыре...» — утомило его. Теплый кан и мирная домашняя обстановка сделали свое дело.

Не сразу понял Цзян Вань-цзе, где он находится, когда проснулся. И вдруг он все вспомнил. Что он наделал?! Проспал! Проспал самым постыдным образом!.. Он со всех ног бросился бежать в штаб роты, не обращая внимания на дождь.

— Ты чего? — остановил его часовой.

— Который час?

— Двадцать минут двенадцатого, я только-только заступил,— ответил часовой, ничего не понимая.— А что?

У Цзян Вань-цзе сразу отлегло от сердца. Оказывается, он вздремнул лишь на минуту. Но он не поверил часовому и решил убедиться сам.

Часы в штабе роты лежали на столе возле двери; так было заведено уже давно часовые, отправляясь на пост, находили их всегда на одном и том же месте, где бы рота ни останавливалась на постой. «Тик-так, тик-так..» Цзян Вань-цзе сразу увидел в темноте зеленый светящийся циферблат.

Вдруг его окликнули:

— Кто здесь?

— Я! — вздрогнул от неожиданности Цзян Вань-цзе. По голосу он узнал политрука.

— На пост идешь? [58]

— Нет, время пришел посмотреть, не пора ли давать лекарство.

Политрук сразу сел.

— Постой-постой. Какое лекарство? Кому? Почему мне не доложили?

— Да тут у одной женщины ребенок болен. Муж у нее на фронте, понимаете...

Политрук был уже на ногах.

— Пошли, вместе посмотрим.

Непроглядная тьма сразу поглотила их. После некоторого молчания Жань Чунь-хуа сказал:

— Это хорошо, что ты поступил так, очень хорошо. Обязательно надо заботиться о таких людях, они всем нам родные.

Цзян Вань-цзе шел впереди, указывая дорогу, которая уже была ему знакома, Жань Чунь-хуа несколько отставал.

— Серьезно болен ребенок?

— Понос у него. Одну таблетку уже дал, теперь пора вторую. Санитар велел через каждые четыре часа.

— Большая у них семья?

— Одна хозяйка да ребенок. С годик ему примерно. Хозяйка совсем еще молодая...
Жань Чунь-хуа вздохнул. Вздохнул и Цзян Вань-цзе.

— Да-а, тяжело ей! — сказал Жань Чунь-хуа задумчиво.— Тяжело сейчас корейцам, пожалуй, тяжелее, чем нам было.

— Она разговаривала с нами, товарищ политрук. Но жаловаться — ни разу не пожаловалась.

— Видишь! А нам и подавно нельзя. Верно? — Жань Чунь-хуа взглянул на часы.—
Время подходит.

Они зашагали быстрее, мяся ногами непролазную грязь. Никто из них не проронил больше ни слова. Когда они пришли, в передней комнате все спали. Цзян Вань-цзе на цыпочках подошел к двери в смежную комнату и тихонько постучал:

— Хозяйка...

Женщина сразу откликнулась. Она, видимо, и не ложилась спать, так как была одета. Ребенок спал у нее на руках. Сунув босые ноги в резиновые тапочки с заостренными носами, она оправила юбку и подошла к очагу, быстро раздула тлевшие угольки, затем зачерпнула медным черпаком горячей воды.[59] Жань Чунь-хуа, оставшийся в дверях, светил ей электрическим фонариком.

— Сбегай-ка в штаб,— подозвал он Цзян Вань-цзе.— Там у меня есть пачка сахара, возьми ее у моего ординарца.

Цзян Вань-цзе ушел, а Жань Чунь-хуа стал разглядывать нехитрое убранство комнаты. Его внимание привлекла выставленная на просушку обувь бойцов, очищенная от грязи, подобранная пара к паре, не пересушенная. Поймав на себе его удивленный взгляд, Пак Кым Ок улыбнулась. Подбирая китайские слова, она стала объяснять ему, что ничего особенного не сделала, что бойцы устали больше нее, но в это время вернулся Цзян Вань-цзе. На нем лица не было, так он запыхался. Но когда он дал ребенку кусочек сахара и тот смешно зачмокал губами, он весь расцвел.

— Вы скоро уходите? — чуть слышно спросила Пак Кым Ок.

— Утром.

Некоторое время она молчала.

— Приходите к нам, я всегда буду рада видеть вас...

В этой ее просьбе Жань Чунь-хуа уловил невысказанную боль. Сколько таких вот женщин видел он по пути к фронту! Они стояли возле своих разрушенных хижин, окруженные детьми, и со слезами на глазах провожали идущих тяжелым шагом добровольцев. О многом говорили ему эти немые слезы.

Жань Чунь-хуа поднялся.

— Я пойду, Цзян Вань-цзе,— сказал он.— Посты проверить надо... А тебе, очевидно, придется сегодня всю ночь не спать, я понимаю тебя. Возьми часы. Пусть она поспит, разбудишь без двадцати четыре, успеет все приготовить...

Взволнованный не только доверием политрука, но и чем-то большим, что он почувствовал в пожатии его руки, Цзян Вань-цзе принял часы. Политрук выразил ему благодарность от себя, от командира роты, от всех товарищей!

— Конечно, успеет, товарищ политрук! Я и не собираюсь ложиться, честное слово, мне совсем не хочется спать...

Когда политрук ушел, Цзян Вань-цзе устроился поудобнее на пороге, где было прохладнее и не так [60] клонило ко сну. Зажатые в руке часы мерно тикали, приближая время подъема. На рассвете их отделение покинет эту теплую, уютную хижину. Как же он узнает, поправился ли ребенок? Ему обязательно нужно своими глазами увидеть малыша здоровым и невредимым!.. Но фронт, фронт не ждет, там идут бои, враг рвется в наступление...

Ван Кунь нашел своих, когда уже потерял всякую надежду.

Измученный, продрогший до нитки, он шел по дороге, стараясь не думать ни о дожде, ни о голоде. Ночь была такая темная, что хоть глаз выколи. Он даже не подозревал, что идет прямо на часового. И когда тот окликнул его грозным «Стой!», от неожиданности он опешил. Но уже в следующее мгновение он бросился на часового и давай его тискать.

— Дружище! Яо Цин-линь? Ты?! Ну и натерпелся же я, пока тебя нашел!..

Яо Цин-линь сгреб его в объятия.

— Ван Кунь?! Ты ли это?!

Он готов был тут же потащить его к своим, но вовремя вспомнил, что стоит на посту, и, показав ему дорогу к штабу роты, велел обязательно ждать там, пока он не сменится. Не пройдя и нескольких шагов, Ван Кунь натолкнулся на политрука Жань Чунь-хуа. От радости он не знал, что ему делать — то ли смеяться, то ли плакать. Ноги у него подкашивались от усталости.

— Ладно, ладно,— ласково потрепал его по плечу Жань Чунь-хуа.— Придешь в себя, тогда и поговорим.

В маленькую хибарку, занимаемую штабом роты, нельзя было протиснуться, когда бойцы узнали, что вернулся Ван Кунь. Со всех сторон к нему тянулось множество рук, его тормошили, обнимали, дружески хлопали по спине.

— Натерпелся, поди?

— Такой дождище! Озяб, парень?

Кто-то усадил его на кан, но вокруг было столько народу, что Ван Кунь не заметил, кто это сделал.

— Что — своих не узнаешь? — засмеялся Шан Чжи-линь, привлекая его к себе.— Вот не думал, что ты придешь! Раздевайся скорей, на тебе же все мокрое! [61]— Разве мы не пойдем дальше, товарищ командир роты? — забеспокоился Ван Кунь.

— Пойдем, пойдем, но не сейчас. Утром выступать будем.

— Тогда не буду раздеваться, все равно утром мокрое надевать.

Но его никто не слушал, и через минуту он уже лежал на теплом кане, укрытый чьей-то шинелью.

— А я боялся, что вы не примете меня,—неожиданно улыбнулся Ван Кунь и стал рассказывать, что произошло с ним в пути.

— Молодец! — похвалил его. Шан Чжи-линь, когда он кончил.— За такого бойца-добровольца не стыдно. Но как же это ты ни у кого не спрашивал по дороге? Ведь так мог бы угодить прямехонько в неприятельские окопы. Что бы ты тогда делал?

— Что бы делал? Дрался! — невозмутимо ответил Ван Кунь.— Это мне не страшно. Чего бояться?! — И он выложил на кан одну за другой четыре гранаты.

Кружка кипятку, которую ему предложили, согрела его. Но больше всего его удивило великодушие командира роты. Тот даже предложил ему сигарету, хотя всей роте было известно, как достается от него молодым бойцам, приноравливающимся курить.

— Ну как, сможешь идти с нами? — спросил политрук, когда все было сказано.

— А для чего же я вас искал?

— Много вещей придется взять на себя. Ты ведь пришел без всего.

— Конечно, возьму.

— Ну что ж, обсушись немного и давай в свое отделение,— сказал Шан Чжи-линь, вручая ему галету.— Проголодался небось?

В это время пришел с поста Яо Цин-линь и заторопил Ван Куня идти. В отделение Ван Куня внесли на руках. Опять пошли объятия, расспросы, удивленные восклицания.

— Ишь ты, чертенок, горазд!

— Кто же говорил, что он не придет?!

Ван Кунь чувствовал себя, как в родной семье. Он так и сказал товарищам, что вернулся домой и ни о чем другом сейчас не мечтает.

Но отдохнуть ему так и не пришлось: заиграли сбор. [62] Быстро одевшись, заправив вещевые мешки и дождевые накидки, бойцы выбежали строиться.

Провожали полк все жители поселка, от мала до велика. На обочине дороги стояла Пак Кым Ок с ребенком, привязанным за спиной. Ребенок вытянул крохотные ручки, и каждый боец, проходя мимо него, ласково пожимал их ему. Черные глазенки малыша удивленно смотрели на незнакомых людей. Пак Кым Ок плакала. Было видно, что она хотела что-то сказать им, но всякий раз сдерживала себя, не находя нужных слов. Бойцы молча прощались с ней за руку, пряча глаза, чтобы скрыть свое волнение, и тут же уходили в дождь. Цзян Вань-цзе даже был рад, что идет дождь и никто не увидит, как слезы текут по его лицу. Матерчатые туфли бойцов, высушенные заботливой хозяйкой, очень скоро опять промокли насквозь, но каждый надолго сохранил в своем сердце воспоминание о ней.

Полк шел в авангарде колонны. Дождь не переставал, к полудню полил еще сильнее. Может быть, именно поэтому люди чувствовали себя спокойно, так как знали, что в такую погоду вражеские самолеты не появятся.

Политрук не обманул Ван Куня, когда сказал, что ему придется взять на себя довольно увесистый груз: один только продовольственный запас, содержащий мешочек риса, пережаренную муку, соевые бобы и вяленое мясо, весил пятьдесят шесть цзиней. Кроме этого, на каждого бойца приходилось по две противотанковые мины, по четыре гранаты, саперная лопатка, личный вещевой мешок, винтовка или автомат. Идти было трудно, ноги увязали в грязи. Но все знали, что это необходимо, что без них придется и голодать, и бой вести голыми руками... Когда же он кончится, этот дождь! Идешь, словно по дну моря, кругом вода. Ни малейшего просвета в ней нет, даже дышать трудно...

Потоки воды низвергались с неба сплошной стеной. Был полдень, но казалось, что давно уже наступили сумерки и на землю вот-вот спустится ночь. Ливень продолжался уже пять часов. Дорогу размыло. Люди шли, не видя дороги. Куда ни кинь взгляд — всюду была вода, вода. И только отдельные деревья и узкие полоски некошеной травы говорили о том, что когда-то здесь были рисовые поля. Шоссе увидели, только когда начался [63] подъем в горы. Здесь воды не было, но зато стало более опасно. Это почувствовали все, когда нависшая над перевалом скала вдруг рухнула на глазах и была унесена стремительным горным потоком. Вековые сосны, лишённые опоры, падали в воду как подкошенные. Что было бы с людьми, если бы они стояли в это время под скалой, укрываясь от дождя!

Да, такого дождя сами корейцы, наверное, не помнили на своей земле.

Дождевые струи больно хлестали по лицу. Но это было еще полбеды. Набрякшая от воды ноша стала тяжелой, идти было трудно.

Тан Чжун-сюнь шел со своим отделением. Несмотря на ливень, он выглядел веселым. Его бойцы молоды, здоровы, все один к одному, никто не отстал. Даже Ван Кунь, которого все считали пропавшим, вернулся в строй. И все же отделенный опасался, как бы кто не заболел в отделении после такого дождя, и в первую очередь Ван Кунь. Парень только что из госпиталя, всякое может случиться. За людьми глаз да глаз нужен. Разве можно быть спокойным за человека, если его столько времени не было в роте? Кто знает, как там его лечили! Вон до чего осунулся. В лице ни кровинки, почернел весь. Ему бы отдохнуть как следует, а приходится снова идти. Куда ему такой груз таскать, если груз этот больше, чем он сам!.. Но когда Тан Чжун-сюнь приблизился к Ван Куню, чтобы снять с него часть груза, тот в испуге отскочил в сторону.

— Чего пристаешь?! А ну!

Ван Кунь обернулся назад и только теперь увидел командира отделения.

— А-а, отделенный! Это я не тебе! — улыбнулся он, чувствуя себя неловко.

— Давай я понесу, — предложил Тан Чжун-сюнь. — Надорвешься еще.

— Не надорвусь.

— На тебя же смотреть жалко. Посинел весь.

— На себя посмотри,— резко отпарировал Ван Кунь.— Все промокли до чертиков...

— Но ты же сегодня не спал.

— И вчера не спал, и позавчера. А вот иду!..

Тан Чжун-сюнь пошел рядом с ним, не очень доверяя ему. «Во всяком случае, — думал он,— нужно быть [64] всегда готовым оказать ему помощь». Ван Кунь догадался о намерениях отделенного.

— Знаешь, командир,— сказал он серьезно,— я не хочу, чтобы другие говорили, будто мне нужна помощь. Пусть думают о себе. В конце концов с Америкой воевать идем, и помогать нужно корейцам...

Тан Чжун-сюнь удивился: вон, оказывается, что на уме у этого юнца!

— С чего ты взял?! —спросил он.— Никто над тобой смеяться не собирается. Любой готов помочь.

— А я не хочу,— настаивал на своем Ван Кунь.— И никто ничего мне не скажет.

— Ну, ладно,— смирился наконец Тан Чжун-сюнь.— Но смотри у меня: как устанешь, скажи.

Тан Чжун-сюнь хорошо помнил слова, сказанные ему политруком перед отправкой в Корею: «Следи за дисциплиной. Едут, конечно, люди добровольно, тут ничего не скажешь. Но человек оставляет родину, и чем дальше он будет от дома, чем чаще будет видеть, что творят там американцы, тем больше он будет думать о своих. Мало ли что у него в душе произойдет! Армию нужно укреплять изо дня в день. Мы только начали перестраивать ее: партия решила создать армию современного типа. Придется продолжать это дело там, на фронте. Мы с тобой члены партии, Тан Чжун-сюнь, и понимаем, какая на нас лежит ответственность. Нельзя допускать, чтобы из-за нашего невнимания к большим вопросам войска несли потери!»

Что хотел сказать этим политрук, Тан Чжун-сюнь прекрасно понимал. Условия трудные, дожди, к которым никак не привыкнуть, тяготы походной жизни. Все это, конечно, было и во время войны с японцами, но тогда мы находились у себя дома. Теперь от дома нас отделяет Ялуцзян. Почему же Ван Кунь пришел? Пришел сам, по собственной воле, никто не заставлял его идти, не подгонял, а он шел — не домой, а на фронт, в другую страну! И разве один только Ван Кунь? Спроси у любого бойца, и он тебе скажет: «Американские империалисты вторглись в Северную Корею, они угрожают безопасности нашей родины. Касается это меня или не касается?..»

Тан Чжун-сюнь никак не мог примириться с тем, что бойцы отказываются от его помощи. Он потянулся было [65] к мешку Яо Цин-Линя, но тот тоже не дал. А ведь Яо Цин-линь не член партии, не член Союза молодежи!.. Тогда он снова попробовал уговорить Ван Куня.

— Не тяни, никто тебе не даст,— бесцеремонно остановил его тот сразу.— У самого не меньше!

Тан Чжун-сюнь не обиделся на него. Чего он, в самом деле, хочет от своих товарищей? Чтобы они нагрузили на него все свои вещи, а сами шли налегке?..

— Эх, и почему я родился не здесь? — воскликнул вдруг ни с того ни с сего Цзян Вань-цзе, с удивлением остановившись перед кустом нежно-зеленого папоротника-орляка.— Такая благодать!

— Ну, тут уж тебе ничем не помочь! — ответил ему Яо Цин-линь.— На что отделенный горазд помогать другим, а в этом деле и он спасует. Верно, товарищ отделенный?.. Жалей не жалей, а родиться можешь только один раз. Если бы можно было во второй, тогда...

— Да, родишься не там, где тебе хочется,— в раздумье проговорил Цзян Вань-цзе, — не то, что умираешь. Хотел бы родиться здесь, не вышло, а умереть могу, хоть и не

хочу. Один раз человек умирает, как и рождается...

Разговор стих так же внезапно, как и начался. Сзади подошел политрук. Держался он прямо, хотя имел не меньший груз, чем бойцы.

— Что, не клеится разговор? — с укоризной спросил он. — С чего это вдруг о смерти заговорили?

— Да шутим, товарищ политрук, — смутился Цзян Вань-цзе.

— Хороши шутки! Кто это из вас собрался помирать? — повторил свой вопрос Жань Чунь-хуа. — По-моему, уж если говорить, так говорить о жизни. Кто бы из нас пошел воевать не за жизнь! Не знаю, как вы, а я натерпелся горя, с меня хватит. С тем, кто попытается заставить меня еще раз изведать горе, у меня разговор особый. Сейчас только и время жить! Пусть американцы помирают, они войну затеяли.

— Цзян Вань-цзе корейцем стать захотел, товарищ политрук, — рассмеялся Яо Цин-линь.

— Вот это дело! — обрадовался Жань Чунь-хуа возможности перевести разговор на другую тему. — Кончим войну, каждый сможет помочь чем-нибудь корейскому народу. Строить придется здесь все заново. Такой подъем [66]будет, что никакой дождь не остановит... А что, здорово промокли?

— От дождя не таешь, от ходьбы не разваливаешься.

— Промокнуть не беда!

— Товарищ политрук, — вдруг спросил Ван Кунь, — а американцы боятся дождя?

— Как тебе сказать? — задумался Жань Чунь-хуа. — Боятся, конечно.

— Так это хорошо, что льёт, скорее мозги черепашьи у них раскиснут! — глубокомысленно заметил Яо Цин-линь. — И кому только они запродали свои души?!

Жань Чунь-хуа весело посмотрел на него.

— Говорили им перед отправкой, что на прогулку в Азию едут.

— Веселая прогулочка! — дружно засмеялись бойцы. — В другой раз не захотят!

— Пригласить бы их к нам в гости! Жареными орешками угостили бы! — предложил с лукавой усмешкой Ван Кунь.

— Орешками не орешками, а Азию запомнить заставим их на всю жизнь!..

На дороге показались Шан Чжи-ин, Чжай Цзы-ни и помощник командира полка Яо Си-пин, закутанные в дождевые накидки. Кони шли медленно, вровень с пехотой. Впереди ехал командир полка. Придерживая коня, он запрокинул назад голову с таким видом, словно с неба вовсе и не лило. Возможно, он остановился, чтобы посмотреть, как движутся войска, но бойцы были другого мнения на этот счет: командир полка никакого внимания на дождь не обращает, ему все нипочем. И действительно, Шан Чжи-ин был настроен сейчас весьма воинственно.

— Нашим бойцам ни дождь, ни ветер не помеха, — сказал он, повернувшись к политкому. — Ты только посмотри на них! У всех одно стремление: вперед, и никаких. Главное, конечно, воля. Достаточно ее будет — и с чертом справимся... Э-эх, огонька бы им сейчас, погреться!.. — хлестнув коня, он направился к бойцам.

— Холодно?

— Нисколько, товарищ командир полка.

— Почему же замолчали, будто языки проглотили? Спели бы песню, что ли. Когда человеку весело, у него на душе теплее. А ну, запевай! [67]

*Кто-то охотно затаянул:
Пятизвездное плещется знамя,
Шлем ему звонкой песней привет.
И любимая родина с нами,
Славим силу ее и расцвет...*

Песню подхватили остальные подразделения, и горное эхо понесло ее из конца в

конец колонны.

Из-за скалы, скрытой пеленой дождя, на дорогу выскочил конник. Поравнявшись с командирами, он лихо осадил коня и взял под козырек.

Шан Чжи-ин, Чжай Цзы-ни и помощник командира полка молча слушали рапорт. От прежнего беззаботного выражения на их лицах не осталось и следа. Как только конник кончил докладывать, Шан Чжи-ин поскакал за ним во весь опор, на ходу крикнув помощнику командира полка. По рядам понеслось от подразделения к подразделению: «Саперы, выходи!..»

Песня сразу оборвалась.

К проливным дождям, которые не прекращались третьи сутки подряд, уже как-то привыкли. Стала забываться бомбежка в самом начале марша. Теперь опасение вызывало другое — возможность паводка. Горные реки — их здесь было великое множество — вздулись от прошедших ливней и грозили выйти из берегов. По одному тому, как быстро ускакало вперед полковое начальство, потребовав саперов, люди догадались, что случилось что-то неприятное.

— Беда, ребята!

— Сейчас нам баню устроят.

— Мало промокли, наверное!..

Тревога была не напрасной. На глазах у людей взбесившаяся река сорвала с уступов деревянный мост и разнесла его в щепы, круша и ломая балки, стропила, дощатый настил. Спасти хоть одно бревнышко было невозможно. Река ревела, как раненый зверь. В воздухе стоял ни на секунду не прекращающийся грохот, подобный яростной артиллерийской канонаде.

Полк оказался в исключительно трудном положении. На берегу собрался весь штаб. Немного поодаль стояли пехотные части, шедшие в авангарде, артбатарея, санитарный отряд. Войска все прибывали и прибывали. Люди с тревогой смотрели то на реку, то на командира полка. Он стоял прямой, высокий, в небрежно накинутом [68] на плечи дождевике. Каждый мускул на его лице был напряжен, глаза, казалось, застыли на одной точке. Какое решение он примет? Люди устали до крайности, на них не было сухого места. Промокло продовольствие, вещи, штабные документы. Чего доброго, — отсыреют боеприпасы... Что это — ирония судьбы? Стихия, оказывается, сильнее войны? Ведь каким бы плотным ни был вражеский огонь, всегда можно организовать свои огневые средства и пробить в нем брешь.

Но как противостоять этим гигантским водяным воронкам? Движущиеся к фронту войска противника находятся в более выгодном положении. Если полк будет вынужден задержаться здесь, противник первым перейдет в наступление, и тогда все преимущества будут на его стороне. Как же быть? Отдать войскам приказ разбить лагерь и дальше не идти? Люди нуждаются в отдыхе, такому приказу все будут рады... Но это не выход, он не может так поступить. Не может!..

Прибыл с докладом конный связной начальника тыла.

— Товарищ командир полка! Тылы отрезаны. Паводком унесло одно отделение...

Шан Чжи-ин посмотрел на него с таким видом, словно это он был виновен в том, что произошло.

— Да-а, дела! — зябко поежился политком и взглянул на связного. — Передай распоряжение командирам тыловых подразделений немедленно спасти людей и сделать все возможное, чтобы переправиться на тот берег. Пусть действуют самостоятельно.

Связной ускакал.

— Чертова вода! — злобно выругался Шан Чжи-ин. — Подумать только, обыкновенная речка!.. — Он подозвал к себе адъютанта и велел выслать людей, чтобы измерили глубину реки.

По всему берегу забегали люди. Саперы разделись догола, человек десять вошли в воду и поплыли по течению. Люди на берегу бежали следом за ними, что-то крича. Трех

течением отнесло назад к берегу, но остальные, упорно преодолевая натиск волн, выбрались на середину реки. Один из них попробовал встать на дно, но его тут же сбило с ног волной. Пловцы выбивались из сил. Наконец им удалось достигнуть противоположного берега. [69]

Шан Чжи-ин приказал готовиться к переправе.

В первую минуту приказ вызвал замешательство. Люди испугались: понимает ли командир полка, на что он их посылает? Но постепенно чувство тревоги стало заметно слабеть. Совсем не обязательно, чтобы волны унесли людей с собой, ведь переплыли же те десять!.. Течение было таким стремительным, что рябило в глазах. От одной мысли, что придется лезть в воду, кружилась голова. Пробриться на тот берег будет трудно и опасно, больше того — это почти невозможно. Но ведь приказ есть приказ. «Форсировать!» Какие еще могут быть сомнения?

Шан Чжи-ин никогда еще не видел такой большой реки. Но ему довелось форсировать на своем веку столько рек и речек, столько раз быть под проливным дождем, что он не сомневается, отдавая приказ. Долгие годы, проведенные на войне, не стерли из его памяти былых походов, и эти воспоминания еще больше укрепляли в нем решимость к преодолению трудностей. Он знал, что такое приказ. Чем решительнее и категоричнее приказ будет отдан, тем больше у командира гарантий, что бойцы проявят сметку для его выполнения. Хуже всего, когда приказ отдается нерешительно. Тогда войска могут заколебаться и начнется неразбериха.

Широким шагом он направился к тому месту, где уже выстроился назначенный им в авангард батальон Ван Бин-чэня.

— Река безжалостна, но человек — не бревно. Что-нибудь придумаем...

Ван Бин-чэня он увидел на берегу реки в окружении бойцов, умеющих плавать. Взгляд комбата обшаривал каждый камень, торчавший из воды, подолгу задерживался на зыби и переходил дальше. Временами Ван Бин-чэнь кидал в воду мелкую гальку, чтобы определить скорость течения. Наконец он нашел место, на котором решил остановить выбор. В это время дождь перестал, лишь отдельные запоздалые капли гулко шлепались о воду. Небо, затянутое тучами, посветлело, среди облаков наметилось едва заметное движение. Туман в горах медленно пополз вверх. Все говорило о том, что погода все-таки установится... Отряхнув ладони, Ван Бин-чэнь пошел навстречу командиру полка.

— Сейчас начинаем, товарищ Шан Чжи-ин. [70]

11

Батальон приступил к организации переправы.

Шан Чжи-ин предложил Ван Бин-чэню выделить самых крепких бойцов в головной отряд. Это было резонно; мысль о создании особой группы прорыва пришла и ему в голову, так как обстановка на противоположном берегу была неясной. Форсирование реки — дело сложное, особенно когда поблизости нет никаких переправочных средств. Каждый несет на себе столько груза, что при плохой организации возможны потери и людей и имущества. Необходимо разгрузить лошадей и мулов, переложив часть вьюков на людей, выделить дополнительных ездовых, связать животных попарно, чтобы сила сопротивления была надежной и мулов не унесло волной, взять на себя часть пулеметов и минометов. Прежде чем приступить к переправе, нужно отобрать всех, не умеющих плавать — они должны идти без всякого груза. Чтобы они переправились благополучно, нужно заранее тщательно проверить дно и убедиться в том, нет ли на пути подводных камней и ям. Все это очень важно, поскольку не умеющих плавать в полку всегда больше.

— Организуйте людей по трое и по шестеро, как это делают саперы, когда ставят сваи, — объяснял Ван Бин-чэнь своим командирам, прибывшим за указаниями. — Каждая группа пусть держится ближе к другой, чтобы в случае чего немедленно оказать помощь...

А чтобы не так относилось течением, велите бойцам раздеться.

Командиры разошлись по своим подразделениям.

Чтобы хоть немного согреться, бойцы в ожидании приказа размахивали руками, толкались, налетали друг на друга, как петухи. Всем хотелось скорее выступить. Чего же мешают командиры?

— Часа два топчемся здесь, на берегу. От пули не подохнешь, так от сырости! — недовольно буркнул кто-то, но его тут же отчитал комбат.

Разговоры сразу стихли. Комбат отдал приказ выступить.

Первый вошел в воду, не разуваясь. Послышались смешки.

— Чего уставились?! Ну, не могу ходить босиком по камням, спотыкаюсь. Это у меня с малолетства... [71]

Но его уже не слушали. Командиры торопили, чтобы люди скорее раздевались и начинали переправу.

— Смотреть совестно! — с обидой сказал один из бойцов. — День, а стоишь в чем мать родила!

— А ты не смотри! — съязвил его сосед, обвязывая вокруг шеи свою одежду. — Вбить бы в затылок колышек, было бы хоть к чему портки подвесить. Когда руки не заняты, легче идти!..

Не успел он договорить, как его схватила рука Шан Чжи-ина.

— Фамилия?

— Меня спрашиваете? Яо Цин-линь.

— Какой роты?

— Второй, товарищ командир полка, — испуганно ответил Яо Цин-линь.

Шан Чжи-ин обернулся назад и бросил бойцам сердито:

— А ну, марш за ротным и политруком!

Вокруг закричали:

— Ротный!.. Товарищ политрук!.. К командиру полка!..

На зов из толпы выбежали Жань Чунь-хуа и Шан Чжи-линь и остановились перед Шан Чжи-ином, отдавая честь.

Во взгляде командира полка они прочли немой укор, словно он говорил обоим: «Сейчас я вас накажу, особенно тебя, брат мой любезный. Пусть другим неповадно будет!..»

— Ваш боец? — впившись взглядом в лицо Шан Чжи-линя, спросил наконец он.

Ротный и политрук, ничего не понимая, смотрели на Яо Цин-линя, который стоял нагишом, дрожа от страха. Может быть, командир полка хочет обратить их внимание на то, как хорошо закрепил свои вещи Яо Цин-линь? Вряд ли. Не для того вызвал он их, чтобы поставить его в пример другим. Шан Чжи-линь и Жань Чунь-хуа уже догадались, что сейчас им влетит, и покорно стояли, машинально вытянув руки по швам.

— Какой это мудрец надумал такое? — набросился на них Шан Чжи-ин. — Вот полюбуйте! Обвязался, будто хомут на шею нацепил, и еще зубоскалит! Устоит он, если ударит волна? Как бы не так! Мало того, что горло стянет и он дышать не сможет. Уйдет под воду, [72] и вы найдете его. Чем только вы думаете? Отруби у вас в башке вместо мозгов, вот что, дорогие мои... Вещи нужно нести на голове, придерживая их одной рукой. Понятно? Как корейские женщины носят!..

По рядам прошел приглушенный смех.

Отдав честь, Шан Чжи-линь и Жань Чунь-хуа попрощались с командиром полка и побежали выполнять приказание.

Бойцы быстро связали свои вещи и сложили на голове. На берегу составила цепочка из нескольких сот человек из пехотных подразделений — одни в тужурках, другие — вовсе голые, но зато умеющие плавать и добровольно вызвавшиеся быть в головном отряде. Здесь же были артиллеристы, тащившие на себе разобранные части орудия.

Тан Чжун-сюнь собрал своих людей, осмотрел каждого с ног до головы, потом коротко объявил, на что нужно обращать внимание:

— Глядите только вперед, на тот берег. Засмотритесь в воду, голова закружится, помните!.. А тебе, Цзян Вань-цзе, придется взять этого мальчишку на свое попечение. Что бы он тебе ни говорил, не отпускай его. Слышишь, Ван Кунь?

— Слышу! — буркнул Ван Кунь, глядя куда-то в сторону.

— Каким ухом? — повысил голос Тан Чжун-сюнь. Ван Кунь рассмеялся:

— Обоими.

— То-то же! Держись за Цзян Вань-цзе. Смотри у меня, если отнимешь руку!..

Форсирование началось.

Идти действительно было страшно. Люди, обкатываемые волнами, еле держались на ногах. Цзян Вань-цзе казалось, что его тянет вниз множество рук, что он не выдержит тяжести и упадет. Шли, пробивая грудью напор воды, помогая себе громкими криками. Те, кто находились в реке, кричали скорее для того, чтобы подавить в себе страх. Оставшиеся на берегу не менее дружно подбадривали их, стараясь вселить уверенность, а заодно убедиться, что пройти все-таки можно.

В это время тонкая цепь из человеческих тел, запрудивших реку, вдруг оборвалась, и стремительный поток, который, казалось, был уже обуздан, с ревом [73] бросился в образовавшуюся промоину, вспенивая воду, словно гигантский четырехпалый дракон.

Резкий рывок заставил Шан Чжи-линя оглянуться. Он совсем забыл, что стоит по грудь в воде и сам может упасть. Его лоб покрылся холодной испариной, лицо стало белым. Два бойца из его роты, сбитые волной с ног, барахтались в воде, уносимые все дальше и дальше от места переправы. Стремнина с невероятной быстротой несла их на середину реки...

Из-за этой стремнины все и началось. Споткнувшись о подводный камень, Ван Кунь хотел было удержаться на нем, но тот, подхваченный течением, уже катился по дну, увлекая его за собой. Ван Кунь, лишенный опоры, оказался под водой, захлебнулся и тут же забыл, что должен во что бы то ни стало держаться за Цзян Вань-цзе. Вынырнув на миг, он увидел, что находится уже в одном чжане⁵ от своего товарища. Он хотел крикнуть, но в это время его ударило что-то твердое. Решив, что сама судьба посылает ему спасение, он быстро перевернулся на спину, но ничего не увидел. Тот же предмет больно ударил его во второй раз, он ухватился за него и вместе с ним ушел под воду. Только теперь до сознания Ван Куня дошло, что это была его винтовка. Он обрадовался, что еще что-то помнит и может двигаться. Однако в душу закралось чувство страха: пока волны швыряли его из стороны в сторону, он потерял направление. Удержаться в воде, осмотреться и принять решение не было никакой возможности. Тогда он повернулся из последних сил и встал против течения. Это спасло его. В его памяти возникла картина левого берега, на который они должны были переправиться, место, где батальон вошел в воду, и он сразу все вспомнил. Вспомнил, что река течет на юго-восток, что здесь должна быть излучина, после которой река поворачивает прямо на юг. Все правильно. Они стояли на западном берегу. Значит... значит — его или вынесет в открытое море или прибьет обратно к западному берегу. Но это невозможно. Ему нужно на восточный берег, только на восточный. Хватит ли у него сил вырваться из стремнины и отплыть на то место, где течение было относительно спокойным?.. Бедный Ван Кунь, он не знал, что [74] происходило в это время на берегу и что Цзян Вань-цзе уже ищет его.

Как только Цзян Вань-цзе увидел, что Ван Куня рядом нет, он тут же передал свои и его вещи подоспевшему сзади бойцу и, не обращая внимания на огромную волну, которая неслась прямо на него, поплыл вниз по течению. Следующая волна накрыла его с головой, и на минуту он исчез из виду. Все это произошло так стремительно, что никто и опомниться не успел. На берегу увидели только, как волна унесла одного за другим двух бойцов, но кто это был, с кем случилась беда — этого никто не знал.

⁵ Чжан — мера длины, около 3,3 метра

Волны швыряли Ван Куня и Цзян Вань-цзе, словно это были не люди, а утопленники, которым уже все безразлично. На миг из воды показывалась то одна голова, то другая, то чья-то взывающая о помощи рука. Наконец Цзян Вань-цзе увидел в кипящей желтой пене Ван Куня. Он собрал все свои силы и поплыл в его сторону, загребая воду размашистыми движениями. На берегу расстояние в каких-нибудь пять метров кажется сущим пустяком, на воде эти же пять метров часто становятся непреодолимым препятствием. Новая волна отбросила Цзян Вань-цзе в сторону от Ван Куня еще на несколько метров. Силы покидали его. Но он уже не думал о себе. В конце концов какое это будет иметь значение, останется ли он жить или утонет? Хуже будет, если он не найдет Ван Куня! Ведь он несет за него ответственность!.. И он снова поплыл к тому месту, где в последний раз видел Ван Куня, лишь на минуту задержавшись, чтобы перевести дыхание.

Тем временем Тан Чжун-сюнь, который был уже на противоположном берегу, бежал вниз по течению, громко крича. За ним бежал Жань Чунь-хуа, не обращая внимания на то, что он еще не оделся. «Человек тонет!..» На этом берегу злобно ругался Шан Чжи-линь, не зная, кого винить. Неужели в его роте произойдет чрезвычайное происшествие?! Он даже не заметил комбата, который разыскивал его.

— Что же это вы наделали? — в упор спросил Ван Бин-чэнь, задыхаясь от ярости.
— Хороша работка, нечего сказать!.. За обоих отвечаешь ты!.. — Не договорив, он махнул рукой и побежал догонять остальных. [75]

Люди на берегу кричали хриплыми голосами, их становилось все больше и больше.

— Держи-ись! Держи-ись!..

— Быстрее же! Ведь людей унести может!

— Сейчас вам кинут веревку! Обвяжетесь вместе!

— Левее держитесь! Впереди воронка, затянет!..

Головы Ван Куня и Цзян Вань-цзе все ближе и ближе к воронке. Они не видят, что делается впереди них. А там все клокочет, словно в котле с кипящей водой. Если только их занесет туда, все будет кончено.

— Кидайте же веревки! Веревки кидайте! Скорее, пока не поздно!

— Скорее!

— Вон они, чего медлишь?!

— Эх, не спасти!..

В тот самый момент, когда Ван Кунь почувствовал вдруг, что ноги его сводит судорогой и никаких сил плыть дальше у него нет, совсем рядом с ним ни воду упал конец веревки. Он ухватился за него одной рукой и с молниеносной быстротой был вырван из стремнины.

На левом берегу собралась уже почти вся рота. Трудно было разобрать, что громче — клекот ли воды или крики людей. На мелководье Цзян Вань-цзе остановился, чтобы удобнее обхватить обессилевшего Ван Куня, и медленным, усталым шагом направился к берегу.

Как только Шан Чжи-ин увидел с правого берега, что оба бойца выходят из воды, он закричал, сложив руки рупором:

— Нужен санитар?

— Эй! На том берегу! — понеслось через реку от одного к другому.— Нужен санитар?

— Нужен санитар?

— Не-ет! — перекрывая клекот волн, донеслось с восточного берега. Шан Чжи-ин, успокоившись, вышел на берег, посмотрел на часы и спросил Ван Бин-чэнь:

— Все твои форсировали?

Получив утвердительный ответ, он подозвал связного и, весело подмигнув ему, сказал:

— Оповести остальные батальоны: пусть начинают.

Полк несколькими колоннами вышел к реке. Кони, мулы, люди, несущие на себе орудия, ящики с боеприпасами, пулеметы... Несколько тысяч бойцов [76] одновременно вошли в воду. Дружные крики «Даешь!» раскололи горы. Широкая река сдалась и теперь плескалась покорная, потерявшая свою власть над человеком.

Последними переправились Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни.

Солнце садилось. В воздухе сразу стало холодно, сумрачно. Как-то еще более остро почувствовалось, что люди голодны, не обсохли. Впереди волнами простиралась бесконечная гряда гор. С юга время от времени доносились приглушенные расстоянием орудийные раскаты. Небо быстро темнело, в разрывах между облаками зажглись звезды.

— Сегодня встретимся с частями Народной армии. Политком внимательно посмотрел на Шан Чжи-ина. Он понял его.

— Нужно сейчас же передать об этом войскам. И радостная весть тотчас облетела полк по цепочке, взбудоражив всех...

12

В штабе корпуса командиру взвода Народной армии Ен Кым Тхя был вручен приказ проникнуть в расположение противника и провести там глубокую разведку, выяснив, что происходит в пунктах сосредоточения войск. После закончившейся неудачно летней кампании противник скрытно проводил крупную перегруппировку, намечая, по всей видимости, начать новое наступление, но все это было настолько предположительно, что разобраться в характере проводимых мероприятий было крайне необходимо.

Службу в армии Ен Кым Тхя начал разведчиком. Потом его перевели в стрелковую роту, появились новые обязанности, день был занят множеством всяких дел, однако забыть жизнь разведчика он все не мог. Он даже тяготился своими новыми обязанностями и «сидячим», как он называл, образом жизни в окопах, когда иной раз приходилось часами ждать в своем укрытии, пока в зоне огня покажется противник. Конечно, жизнь разведчика была куда интереснее. Что ты видишь в стрелковой роте? Да ничего. Положения противника как следует не знаешь, встречаешься с ним только на поле боя, находишься в полном неведении относительно его планов... То ли дело в разведке! Заберешься противнику [77] в тыл, в самое нутро, что называется, и несколько суток подряд все высматриваешь, приглядываешься, наматываешь на ус что к чему, — разве приснится когда-нибудь такое пехотному командиру?! Нужно ли говорить, как обрадовался Ен Кым Тхя, получив новое задание! В батальоне ему выделили пятерых бойцов, двоих он отобрал в своем взводе, каждому был выдан автомат, гранаты, мины, взрывчатка; все остальное начальство приказало оставить дома.

На задание вышли в самый дождь, укрыться от него в горах было негде, и очень скоро все основательно вымокли. Идти было трудно, местами дорогу так размыло, что перебираться приходилось почти на ощупь, то и дело натываясь на острые камни, торчавшие из воды. Не легче было и на подъемах: дорога, по которой давно не ходили, густо поросла мхом, подорожником, ноги все время скользили, и при спуске нужно было цепляться за ветви деревьев, чтобы не скатиться вниз, как с ледяной горки. Тем не менее шли быстро. Лесистые скалы по обеим сторонам дороги казались сказочным зеленым драконом, готовым вот-вот взлететь в небо, кромсая его в клочья своими острыми когтями. Небо было затянуто сплошной серой пеленой, за которой ничего нельзя было увидеть. Плотная завеса дождя надежно укрывала долину, и только приглушенный расстоянием шум падающей воды говорил, что где-то внизу, под ногами, протекает горный ручей. Узкая тропинка петляла между отвесными скалами и хаотичным нагромождением камней; временами шум ручья то приближался, отдаваясь в ушах, как грохот барабана, то становился едва слышимым, отдаленно напоминая собою падение в кувшин дождевых капель. Для разведчиков такая погода благодать: ночь, завывание ветра, шум дождя, шорох листьев, неумолчное клочкотание ручья скрадывают шаги, и можно не

опасаться быть обнаруженным вражеским секретом. Пройдя ручей вброд, разведчики выбрались на противоположный берег и сразу же попали в заросли горькой полыни и ядовитого думаня — ползучего, усеянного колючками растения. Впереди шел Ен Кым Тхя с автоматом наперевес, раздвигая правой рукой заросли. Здесь определили по компасу направление и пошли дальше, хотя еще днем, наблюдая за этим участком пути с того берега, поняли, что выбраться отсюда будет не [78] так просто. Дорога шла по склону крутого уступа, который поднимался под углом примерно в семьдесят градусов, и возможности остановиться, чтобы немного передохнуть, не было. Счастье еще, что в расщелинах кое-где торчали одинокие деревца, держась за которые можно было взбираться наверх. Ен Кым Тхя выслал вперед двух бойцов проверить дорогу и, когда те отошли шагов на десять, поднял за собой всю группу. Он часто замедлял шаг, прислушивался к шорохам ночи, после чего давал команду продолжать подъем. Когда они были уже недалеко от вершины горы, в небе над ними вдруг рассыпалась серия рубиновых трассирующих пуль. Ен Кым Тхя залег. Пули ударились так низко, что сомнений быть не могло: противник обнаружил их и стрелял, ориентируясь по звуку шагов. Пока Ен Кым Тхя думал, как быть дальше, впереди вспыхнул огромный огненный шар — очевидно, высланные вперед разведчики зацепили вражескую осветительную мину. В небо взметнулся столб белого огня, осветил всю местность. Двигаться дальше было нельзя. По тому месту, где разорвался осветительный снаряд, противник открыл прицельный огонь из легких и тяжелых пулеметов. Ночную мглу прорезал луч мощного прожектора, установленного на вершине горы, и стал обшаривать весь склон. Укрывшись за низкорослым каштаном, Ен Кым Тхя внимательно следил за вспышками выстрелов, стараясь запомнить систему огня, как вдруг услышал недалеко от себя шорох, в кустах и чей-то сдавленный шепот:

— Как будем? Попались?

В свете прожектора он разглядел желтое, болезненное на вид лицо Ли Ен Хва и его большие удивленные глаза.

— Ким Вон Тхэк где? — спросил он.

— Там лежит, — махнув рукой, шепотом ответил Ли Ен Хва. — Я велел ему не двигаться.

— Не ранен?

— Не-ет!.. Не податься ли нам чуть восточнее, а?

— Погоди, подумать надо.

Ли Ен Хва не стал торопить взводного: можно и подождать, все равно не поднимешься, пока в небе висит осветительная ракета. Отраженные ее светом, искрились дождевые капли на листьях, ярким пламенем алел [79] только что раскрывшийся бутон горного пиона, манящий своей свежестью. Ли Ен Хва повернул голову в сторону командира взвода: тот тоже смотрел на этот цветок. «До чего красив!» — подумал он, но в это время противник перенес огонь, и цветок, словно скошенный невидимой силой, упал на землю. В воздухе закружились листья каштана.

— Сволочи! — выругался сквозь зубы Ли Ен Хва. Он вопросительно посмотрел на командира взвода, но тот не дал ему раскрыть рта:

— Может Ким Вон Тхэк подползти сюда?

— Пусть сперва стемнеет.

Когда свет ракеты стал меркнуть, Ли Ен Хва осторожно пополз вперед, зовя Ким Вон Тхэка.

Ен Кым Тхя уже принял решение. Прорваться через линию фронта всей группой будет трудно. Он оставит ее здесь для прикрытия, а сам с Ли Ен Хва и Ким Вон Тхэком попытается выполнить порученную ему задачу. Своих бойцов он знал хорошо: они умели ползать, как ящерицы, были смелыми, решительными, никогда не считались с трудностями, а Ким Вон Тхэк даже служил одно время в инженерных войсках, что, конечно, было очень важно. На таких ребят можно было вполне положиться...

К переднему краю ползли осторожно, с длительными остановками. Приблизившись к первой линии окопов противника, залегли и стали ждать, когда оставленная для прикрытия группа откроет отвлекающий огонь. Как только справа послышалась стрельба и противник сосредоточил свой огонь на отвлекающей группе, Ким Вон Тхэк вскочил на ноги и ворвался во вражеский окоп. Уложив часового короткой очередью из автомата, он замахал своей рукой, после чего в окоп спрыгнули Ен Кым Тхя и Ли Ен Хва. Не задерживаясь в нем, они побежали по ходу сообщения, оттуда свернули в овраг и со всех ног бросились к лесу, который виднелся сразу же за линией укреплений.

В лесу стоял грибной запах тления, в густой листве шумел дождь. Ен Кым Тхя взглянул вверх, на лицо ему упало несколько дождевых капель. Проверив автомат и гранаты, он насторожился, готовый к любой неожиданности. Дерево, за которым он стоял лицом к вражеским окопам, было надежной защитой. Ли Ен Хва он [80] отправил вперед и теперь ждал его, чтобы дальше идти вместе. Вокруг была непроглядная тьма, ночь, и Ен Кым Тхя был доволен ею, доволен дождем, который заглушал шаги, лесом, наконец, прежней жизнью разведчика, полной загадок и тайн.

Вскоре Ли Ен Хва вернулся. Быстро договорились обо всем, определили сигналы для связи и углубились в лес.

Разобраться в обстановке за линией окопов было довольно сложно. Все дороги были забиты прибывшими на фронт войсками, повсюду раскиданы палатки, которых было больше, чем грибов после дождя. Солдаты еще не привыкли к новой для них обстановке и шли, пугливо озираясь по сторонам, меся грязь тяжелыми кожаными сапогами. Подгоняемые своими унтер-офицерами, они то бежали, придерживая винтовки, то снова переходили на шаг, словно куда-то спешили. Порядка на дороге никакого не было.

Ен Кым Тхя резонно рассудил, что вряд ли неприятельские солдаты обратят на них внимание в этой толчее, и решил смешаться с каким-нибудь небольшим подразделением, направившимся в сторону от линии фронта. Попытка эта удалась, и они, никем не замеченные, вышли вместе со всеми на главную магистраль, тянущуюся по дну оврага. Весь овраг был завален горами военного имущества. Следовало бы выяснить, какого именно, но заняться сейчас этим было бессмысленно, так как имущество было тщательно укрыто от дождя брезентом. Часовые ходили взад и вперед, обняв винтовки и зябко кутаясь в дождевые накидки. Недалеко от входа в овраг ревел грузовик, застрявший в грязи. Несколько человек бегали вокруг, хрипло кричали, тщетно пытались сдвинуть его с места...

Ен Кым Тхя и Ли Ен Хва с бойцами прошли уже не меньше двадцати ли, забравшись, по их предположениям, в самые «печенки» противника. Дождь лил не переставая. Овраг кончился, лес стал редеть. Вдруг Ли Ен Хва, который шел впереди, быстро повернул назад, чуть не сбив товарищей с ног.

— На шоссе полно грузовиков. Эх, пустить бы их на воздух!

— Тихо, ты!..— утерил его восторг Ен Кым Тхя.— Часовых видел? Сколько машин? [81]

Ли Ен Хва выбежал на дорогу. Неприятельских солдат нигде не было видно, скорее всего все они попрятались от дождя в ближайших палатках. Никем не остановленный, он прошел довольно большой отрезок дороги, насчитав несколько десятков машин, крытых брезентом. На обратном пути он встретил Ен Кым Тхя. Вместе они еще раз осмотрели внимательно колонну, местность по обе стороны шоссе и вернулись туда, где их уже ждал Ким Вон Тхэк.

— Что ж,— сказал Ен Кым Тхя,— попробуем!

Граната попала в бак с горючим, и сразу же раздался оглушительный взрыв. Пламя взметнулось на высоту нескольких метров, вся машина была объята огнем. Американские солдаты в панике стали разбегаться кто куда, ошалело стреляя из карабинов во все

стороны. Слепленные пламенем, они ничего не видели вокруг себя. Ен Кым Тхя дал знак отступить. Несколько солдат побежали за ними, думая, что это бегут свои. Ким Вон Тхэк остановился, решив обстрелять их, пользуясь общим замешательством, но Ен Кым Тхя схватил его за шиворот и бросил на землю: — Ложись! Не заметят!..

Они спрятались за деревом. Пламя было таким сильным, что противник мог сразу обнаружить их, если бы они побежали. При таком соотношении сил вступать в бой было безрассудно. Бежавшие солдаты проскочили мимо них, и вскоре с южной стороны оврага донеслась ожесточенная перестрелка.

Тем временем пламя горящего автомобиля перекинулось на соседнюю машину, стали взрываться грузовики с боеприпасами.

Ен Кым Тхя потянул Ким Вон Тхэка за рукав: пора было идти. Неслышно соскочив в ручей, они прошли по нему метров триста и, цепляясь за корни деревьев, стали подниматься по склону горы. Идти дальше оврагом было невозможно — там пылало уже девять грузовиков. Солдаты носились вокруг огня как угорелые. Но теперь они не интересовали Ен Кым Тхя. Его больше беспокоило отсутствие Ли Ен Хва, которого противник, по-видимому, обнаружил, так как стрельба на южной стороне оврага усилилась. [82]

Ли Ен Хва был обнаружен противником, когда бросал последнюю гранату. Он не растерялся и стал косить преследующих из автомата. Трех он уложил сразу. Но в это время с фланга на него набросилась еще одна группа солдат. Американцы начали сжимать кольцо окружения. Понимая, что дело может кончиться плохо, Ли Ен Хва отступил назад и на глазах у ошеломленных солдат прыгнул прямо в бурлящий поток..

Стрельба прекратилась. Ен Кым Тхя прислушался, но на южной стороне оврага все было тихо. Сердце у него тревожно забилося. «Неужели ранили? Где он? А если схватили раненого?» С вершины горы было хорошо видно, как на дне оврага горели машины, возле них сутились люди, на дороге царило необычное оживление... Ен Кым Тхя уже раскаивался, зачем он затеял всю эту историю с грузовиками. Задачу не выполнил, а уже успел потерять такого парня! «Ну, чего стоишь здесь, как дурак? Действовать надо!» Его горестные мысли были прерваны Ким Вон Тхэком, предложившим отправиться на поиски пропавшего товарища.

— Погоди,— остановил его Ен Кым Тхя.— Подождем еще минут десять и пойдем к намеченному месту сбора. Если и там Ли Ен Хва не окажется, тогда и будем думать, что делать дальше. Ли Ен Хва не из таких, кто может так просто даться в руки противника!

Пробиваясь в зарослях багульника, они вышли на тропинку, которая вела к небольшой сопке, где должны были встретиться. Огляделись. До раскидистой сосны и замшелых камней на вершине сопки было уже недалеко. Вдруг из глубины леса послышался крик рогатой совы. Ен Кым Тхя остановился, лицо его просияло. В крике совы он узнал знакомый голос Ли Ен Хва. Вряд ли могла настоящая рогатая сова подать о себе весть так проникновенно, как Ли Ен Хва! Не успело смолкнуть в горах ответное эхо, как из лесу вышел сам Ли Ен Хва. Он многозначительно кивнул в сторону сосны на вершине сопки и отдал командиру взвода честь. Но Ен Кым Тхя даже не слушал его. Он схватил Ли Ен Хва за руку, крепко пожал ее, потом обнял за плечи, словно они сто лет не виделись.

— А все-таки мы правильно решили! Я знал, что ты не пропадешь! [83]

— А я о вас беспокоился,— заговорил Ли Ен Хва.— Если бы не нашел вас...

— Ладно, хватит об этом. Нам пора. Пойдем в сторону Янгу.

Ен Кым Тхя посмотрел на часы: было ровно двенадцать. Дождь, ослабевший было, когда они шли по лесу, зарядил с новой силой.

Эшелонирование противника в глубину было не таким уж плотным, как это могло показаться вначале. Чем дальше они отходили от переднего края, тем все очевиднее бросались в глаза дезорганизованность и отсутствие какой бы то ни было системы в

размещении войск. Когда перевалили четвертую гору, впереди показался свет. Пошли прямо на него. Вспыхнувший луч прожектора осветил на миг небольшую посадочную площадку у подножья горы, еще совсем новую, на которой стояли три самолета. По берегу ручья спустились ниже.

Каждый самолет охраняли двое часовых. Ен Кым Тхя ящерицей пополз в траве, внимательно осматривая местность. Вдруг он заметил заросшую травой тропинку, проходившую возле посадочной площадки,— это было очень кстати на случай отступления. Возбужденный, он быстро пополз назад.

— Ну как? — спросил он товарищей.

— Конечно, бить! — в один голос ответили оба. Ли Ен Хва всегда радовался возможности нанести противнику удар. Он жаждал боя. А тут такой случай!.. Бесчинства захватчиков на его родной земле, пепелища, сожженные дотла города и деревни, варварские убийства — какой ценой мог рассчитаться с ним противник по этому кровавому счету! «Все равно, заставлю платить!» — говорил он себе всякий раз, когда видел перед собой врага, и не успокаивался до тех пор, пока не убеждался, что тот мертв. На войне все возможно, очень может быть, что сам он и не дожидается победы, но даже своей смертью он взыщет с американских собак этот долг. Воспоминания о мирной жизни не покидали его ни на минуту, но стоило ему подумать о бесчинствах врага, и он начинал зубами скрипеть от ярости.

Ким Вон Тхэк потребовал, чтобы задачу поручили ему, но командир взвода замахал руками.

— Тогда я прикрою вас... [84]

— Вместе будем работать, ясно? — отрезал Ен Кым Тхя.— Каждому свой самолет. Пока не заметят, друг от друга не отрываться.

Распределили между собой объекты, привязали к взрывчатке по гранате и поползли в сторону самолетов, соблюдая необходимую предосторожность. Для маскировки каждый прихватил с собой ветку каштана. Когда луч прожектора приблизился, Ен Кым Тхя накрыл голову листьями и застыл, то же сделали Ли Ен Хва и Ким Вон Тхэк. Луч медленно перешагнул через них и пошел дальше. Ен Кым Тхя дал сигнал ползти быстрее. Шагов через тридцать луч прожектора снова подкрался к ним и вдруг замер, задержавшись на каштановых листьях. Сердце Ен Кым Тхя екнуло. «Рано обнаружили, теперь все пропало!» Но только он собрался подать сигнал к броску, как луч прожектора пополз дальше. У всех отлегло от сердца, поползли уверенно, оставив в траве уже ненужную маскировку. В это время их и заметили вражеские часовые. Советоваться с товарищами было некогда. Ен Кым Тхя вскочил, громко крикнул: «Вперед! Бей!..» — и бросил на ходу взрывчатку с привязанной к ней гранатой. Три пакета взорвались одновременно. Вспыхнуло белое пламя, самолеты загорелись. Огонь сразу же перекинулся на стоящую возле первого самолета бензоцистерну, с нее на склад горючего; зарево пожара становилось все ярче и ярче. Из казармы один за другим выбегали напуганные солдаты охраны, стреляя вслепую куда попало. Ен Кым Тхя махнул своей рукой, чтобы бежали на замеченную им ранее тропинку, а сам остался прикрывать отступление, поливая обезумевших от страха солдат огнем из автомата. Убедившись, что товарищи благополучно добрались до цели, он бросился догонять их. Скоро ущелье и ночь поглотили трех разведчиков, укрыв от погони. Выстрелы слышались теперь где-то в стороне, и Ен Кым Тхя с товарищами могли спокойно обдумать свое положение.

Они так устали, что не имели никаких сил двигаться. Отдохнуть немного решили за перевалом. Но только утолили жажду собранными с листьев каплями дождевой воды, как слева, за гребнем горы, вдруг вспыхнул луч прожектора. Они насторожились. «Неужели и там посадочная площадка?» Минуту спустя оттуда донесся [85] надсадный рев мотора, потом тишину ночи всколыхнуло эхо отдаленных взрывов. Быстро поднявшись, они пошли по узкой тропинке, протоптанной, очевидно, местными жителями, и примерно через полкилометра увидели маленькую хижину, притулившуюся

на склоне горы. Вокруг хижины было тихо, безжизненно. Ен Кым Тхя устало опустился на камень и подозвал к себе Ли Ен Хва:

— Пойди посмотри, что там.

Ли Ен Хва послушно пошел. «Может быть, удастся найти чего-нибудь поесть?» — подумал он про себя, вздохнув.

Обойдя чиби со всех сторон, он вдруг увидел свет, еле пробивавшийся через тонкую щель в окне. Он почувствовал давно забытый запах человеческого жилья. Повеяло чем-то родным, близким. «Тетушка!..» — осторожно постучался он в дверь. Дверь чуть приоткрылась, и Ли Ен Хва увидел перепуганное насмерть старушечье лицо. Он сразу все понял: женщина приняла его за лисынмановского солдата!.. Войдя, он закрыл за собой дверь и остановился, оглядывая комнату. На него смотрели три пары глаз; в одних, совсем еще юных, он прочитал столько ненависти и презрения к себе, что невольно отшатнулся. Но уже в следующую минуту женщины словно пришли в себя и бросились к нему со слезами на глазах. Девушка, только что смотревшая на него с такой злобой, вдруг побледнела и лишилась чувств. Ли Ен Хва растерялся. Второпях он чуть не ушиб ее автоматом, когда брал на руки. Бедные люди, они жили в постоянном страхе, им даже не верилось, что могут прийти свои!..

— Успокойтесь, все будет хорошо,— с нежностью заговорил Ли Ен Хва, опуская девушку на кан.

В это время вошел Ен Кым Тхя, и Ли Ен Хва вытянулся перед ним, ожидая приказаний. Взводный молча усадил его на место.

— Что-нибудь узнал? — тихо спросил он, усаживаясь рядом. Приятно было вдохнуть всей грудью родные запахи и ощутить тепло маленькой чиби. Он повернулся к девушке и вдруг уловил в выражении ее лица что-то общее с выражением лица Пак Кым Ок. Она действительно была похожа на его жену. Жалость к этой девушке и воспоминание о жене слились в нем [85] в одно большое чувство. Он хотел сказать что-нибудь этим людям, но волнение не давало говорить. Да и что скажешь? Работать надо, врага бить — какое другое утешение можешь принести ты людям!

От хозяйки чиби они узнали причину непонятных взрывов на той стороне горы: американцы строят новое шоссе, работы ведутся по ночам, в строгой тайне.

— Много дней уже строят,— добавила девушка.— Я каждое утро хожу туда, будто за водой. А сама все присматриваюсь, запоминаю...

Ен Кым Тхя затащил потуже ремень и вышел. Вместе с ним поднялся и Ли Ен Хва. Он уже забыл о том, что шел сюда с надеждой раздобыть что-нибудь поесть, и думал только об этой девушке. Прощаясь, он еще раз обернулся в ее сторону. Их взгляды встретились. Переборю себя, он с силой рванул дверь и быстрым шагом направился к товарищам.

Удивительной была эта ночь.. Ким Вон Тхэк, оставленный в дозоре, не мог оторвать взгляда от темного, затянутого тучами неба. На горизонте время от времени вспыхивали, словно зарницы, отблески затухающего пожара. Другое зарево полыхало багровым светом немного ближе, где была посадочная площадка. Проектор то и дело перечеркивал небо жирными молочно-белыми линиями. С равными промежутками времени в ночной тишине раздавались глухие взрывы, где-то судорожно ревел мотор, гудели автомобильные сирены. Удивительная ночь, тревожная, сумбурная.

К перелеску на седловине горы Ен Кым Тхя, Ли Ен Хва и Ким Вон Тхэк вышли уже перед рассветом. Дорога была усеяна камнями, впереди возвышалась отвесная скала в несколько десятков чжанов высотой. Пологий южный склон горы густо порос высокими каштанами, своими вершинами уходившими в самое небо. Тучи стлались низко над лесом. В овраге висел редкий белесый туман, находившийся все время в движении. Вот,

оказывается, та тайна, о которой поведала им ночью хозяйка маленькой чиби. В овраге что-то строили. Работы шли полным ходом. Овраг напоминал собой строительную площадку, на которой копошились тысячи [87] людей. Мощный бульдозер валил деревья, к ним тут же подбегали рабочие, чтобы оттащить их в сторону, и бульдозер шел дальше, ворочая впереди себя большие кучи земли и камней. Вдруг раздался предостерегающий сигнал, маленькие человечки бросились бежать, очистив на земле довольно широкое пространство. Через минуту там взметнулось несколько столбов земли, мелькнула лиловая вспышка. Грохнул взрыв... второй... третий... Когда дым рассеялся, на площадке кто-то взмахнул зеленым флажком, и люди вернулись на свои места. Снова заработал бульдозер, надсадно ревя мотором, залязгал гусеницами и пошел, оставляя после себя глубокий след.

Как предполагал Ен Кым Тхя, так и получилось. Девушка, конечно, ошиблась, решив, что американцы прокладывают в долине новое шоссе. Нужно было разобраться как следует в характере производимых работ. А о том, чтобы идти в долину до наступления темноты, не могло быть и речи.

— Ложитесь-ка спать,— сказал своим Ен Кым Тхя.— Ночью для нас работа будет.

Долго уговаривать не пришлось: оба уснули сразу, как только закрыли глаза. Ким Вон Тхэк спал, не выпуская автомата из рук, подложив под голову камень; рядом с ним, зажав автомат между коленями, по-детски скорчился Ли Ен Хва. Что им сейчас снилось? Кто знает! Скорее всего не это вражеское логово, где их каждую секунду подстерегала смертельная опасность: выражение лиц у обоих было спокойное, безмятежное. Ким Вон Тхэк сладко похрапывал. Глядя на товарищей, Ен Кым Тхя вздохнул и стал смотреть, как с ветвей падают редкие капли дождя. В траве послышался шелест. Ветра не было, и это удивило его. На всякий случай он положил автомат рядом с собой. Шелест возобновился, теперь он был слышен более отчетливо. Ен Кым Тхя весь подался вперед. Прямо на него, подняв голову, медленно ползла большая темно-зеленая змея. Увидев его, она замерла. Ен Кым Тхя сидел не шелохнувшись и смотрел только на змею. Так продолжалось довольно долго. Но вот змея, не выдержав его неподвижного взгляда или по какой-то другой причине, убрала тонкое жало и, мерно извиваясь, уползла в другую сторону. На ветке захлопала крыльями какая-то пичужка; [88] испугавшись змеи, она перелетела на другое дерево. Ен Ким Тхя радостно рассмеялся. В конце концов все складывалось не так уж плохо. Следя за полетом птицы, он вдруг увидел на другом конце поляны грушевое дерево. Дикая горная груша заметно выделялась своим убранством среди других деревьев. Осень позолотила ее листья, и издали казалось, что она вся так и унизана янтарными плодами. Перекинув автомат через плечо, Ен Кым Тхя направился прямо к ней. Но плодов на дереве оказалось не так уж много, больше валялось на земле. Он стал собирать их в кепи, искренне сожалея, что ничего не имеет под руками более вместительного. Одну грушу он съел, она показалась ему терпкой на вкус, какой-то вяжущей, и все же он был бесконечно рад ей, как самому дорогому подарку. Он решил не есть больше, оставив все для Ли Ен Хва и Ким Вон Тхэка. Положив груши рядом с ними, он задумался. «Они ни за что не будут есть их без меня, как же быть?» Он поднялся, чтобы принести еще, но в это время снова зачастил дождь. Когда Ен Кым Тхя занялся сооружением навеса из ветвей, чтобы товарищи могли спокойно отдыхать, на шоссе показался маленький «джип» «Джип» быстро приближался. Возле бульдозера он остановился, на дорогу выпрыгнул какой-то офицер, который стал показывать что-то столпившимся вокруг него людям, размахивая руками. Потом он быстро обошел место, где работал бульдозер, сел в машину и уехал. После его отъезда работы продолжались ускоренным темпом. По подсчетам Ен Кым Тхя, на них было занято не менее одного инженерного полка. Он отметил еще одно обстоятельство: девушка говорила, что работают только по ночам! Значит, американцы решили форсировать строительство. На исходе дня Ен Кым Тхя разбудил своих помощников. Быстро съели плоды, напились дождевой воды и затаив дыхание стали наблюдать, что происходит в овраге. Пока они отдыхали, там многое изменилось. На

смену бульдозеру пришли тягачи, вся долина сотрясалась от их могучего грохота. Тягачи тащили орудия и на участке выложенного утром шоссе разворачивались, чтобы уступить место другим. Орудия откатывали назад, выравнивая в одну линию, нацеленную на северо-запад, в сторону фронта. С прицепов разгружали ящики со снарядами и относили их на заранее приготовленные места [89] в некотором отдалении от орудий. Там их уже ждали другие. Установленные ящики покрывали широким брезентом, маскировали ветками, а освободившиеся люди приступали к оборудованию огневых позиций. Сзади подъезжали все новые и новые тягачи с орудиями и боеприпасами. Прибыла машина с подъемным краном.

По внешнему виду орудий в них нетрудно было узнать 203- и 204-миллиметровые пушки-гаубицы.

— Основной капитал американцы мобилизовали, тяжелые притащили, сволочи! — выругался Ен Кым Тхя. Развернув карту, он сделал на ней какие-то пометки.— Видите? К самому фронту подтаскивают. Не иначе как наши тылы обстреливать будут...

Сумерки сгустились. Мгла окутала долину, расплзлась по лесу. Пора было трогаться.

— Назад пойдем,— сказал Ен Кым Тхя, поднимаясь.— Все готовы?

— А с этими как будем? — кивнул в сторону неприятельских огневых позиций Ким Вон Тхэк. Он посмотрел на Ли Ен Хва, ожидая его поддержки. Тот тоже не сводил глаз с командира взвода.

— Попробуем, а? — повторил свой вопрос Ким Вон Тхэк.

— Попробовать можно,— усмехнулся Ен Кым Тхя.— Но для этого нужно по меньшей мере еще человек триста, а нас всего трое. Пошли!

— Жаль! — вздохнул Ли Ен Хва, искренне сокрушаясь. Он все не мог успокоиться и шел нехотя, все время оглядываясь назад.

— Чего жалеешь? — не выдержал его вздохов Ен Кым Тхя.— Для нас сегодня работы еще хватит!..

Широкая просека, которой на карте не было, вывела их вскоре в долину Мундынок, по которой тянулось шоссе. Идти по шоссе они не решились, но и двигаться по гребню горы было рискованно. После долгих колебаний все же стали спускаться в овраг.

Шагах в тридцати от шоссе заметили какое-то странное сооружение неуклюжей формы. Чтобы лучше рассмотреть его, Ен Кым Тхя опустился на корточки. За густой сеткой дождя на фоне темного неба он увидел силуэт танка с белой пятиконечной звездой на лобовой броне. Впереди было еще несколько танков; все они стояли в одну линию; повернутые к фронту. На башне [90] переднего танка Ен Кым Тхя заметил флажок с восьмигранной эмблемой лисынмановской армии. Внимательно осмотрев танки, он дал знак рукой, и все трое неслышно отползли в придорожные кусты. Посоветовавшись, решили забросать танки ручными гранатами. Быстро распределили между собой, кому какой танк брать, и поползли. Дождь дробно стучал по стальной броне. Ен Кым Тхя уже поднял руку, чтобы подать сигнал, но тут же быстро опустил ее. Новый сигнал означал: «Отходи!» Недоумевая, что могло случиться, Ли Ен Хва и Ким Вон Тхэк поспешно вернулись назад.

— Чего глаза вытарасили? — спросил Ен Кым Тхя, когда все собрались.— Дальше пятнадцати метров ведь не добросим. Ближе ползти надо, но у них сила какая! Не ускользнем. Подбить, может, и подбьем, но сами в живых вряд ли останемся.

Некоторое время молчали. Отказаться от возможности вывести вражеские танки из строя никому не хотелось, и Ен Кым Тхя снова пополз вперед. Первый осмотр ничего утешительного не дал, и он вернулся к своим расстроенный. Отдохнув немного, он пополз с другой стороны. Результат был тот же. Так ползал он три раза, пока не убедился окончательно, что лобовая атака ни к чему не приведет. Проще, конечно, было бы воткнуть гранату в гусеницы танка и ждать, когда он тронется с места. Но смогут ли они

ждать здесь до утра? Закопать взрывчатку на дороге в такой дождь тоже было рискованно. Наконец план созрел, и Ен Кым Тхя дал своим знак подбираться ближе.

— Вот что, ребята. Начнем с четвертого. Кому-то придется подкрасться к нему и подложить под гусеницу мину, заранее вынув предохранитель. То же нужно сделать и с третьим. А как заставить их тронуться с места — это беру я на себя. Договорились? Сбор на высоте пятьдесят два и один.— Дав понять, что действовать нужно незамедлительно, Ен Кым Тхя остался караулить. Когда через минуту Ли Ен Хва и Ким Вон Тхэк вернулись, он пожал им руки и велел скорее отходить.— Ну, жмите. Будете ждать меня!

— Ты это что? — удивился Ли Ен Хва.

— Обо мне не думай, я уже все рассчитал,— загадочно улыбнулся Ен Кым Тхя.

Проводив товарищей, он приготовил гранату и [91] быстрым шагом направился к первому танку, на котором заметил лисынмановский флажок. Забравшись на танк, он осторожно постучал несколько раз автоматом по орудийной башне. Крышка смотрового люка открылась: в нос ударило острым запахом бензина. Затем из танка высунулась чья-то голова с заспанным лицом. Ен Кым Тхя опустил на одно колено, впился взглядом в танкиста и холодно приказал:

— А ну, вперед! Танкист лениво зевнул.

— Ты чего, смеешься?

— Мне с тобой шутить некогда,— сквозь зубы процедил Ен Кым Тхя.

— Чего ради я поеду?

— Раз я сказал — поезжай, повторять не буду! — Ен Кым Тхя положил гранату рядом с открытым люком.

— Ты кто такой?

— Я — Народная армия,— для подтверждения Ен Кым Тхя постучал два раза гранатой по броне.— А ну?!

Что оставалось делать танкисту, если он понял, какая беда ему угрожает!

А Ен Кым Тхя пришла вдруг в голову мысль взять танк в плен. Но когда танк тронулся с места, он понял, что уже поздно. Как только первый танк залязгал гусеницами, из второго танка высунулся водитель и стал громко звать первого. Не дождавшись его, он тоже завел мотор. Ожили и остальные танки. И почти одновременно раздалось два сильных взрыва — третий и четвертый танки подорвались на минах. Огонь быстро разгорался. Не дожидаясь, когда водитель первого танка опомнится, Ен Кым Тхя кинул гранату в открытый люк, соскочил с танка и, не оглядываясь, бросился в кусты. В следующую минуту он уже бежал по оврагу. Местность здесь была сильно пересеченная, и укрыться оказалось не так уж трудно. Убедившись, что граната сделала свое дело, он направился к высоте 52,1, по дороге вспоминая свой недавний разговор с танкистом. «Что ж поделывать! — сказал он, мысленно продолжая разговор.— И вам пора почувствовать на себе, что такое война!..» Сзади загремели выстрелы. Он остановился, стараясь по вспышкам выстрелов определить, в какую сторону направилась погоня. На лице его мелькнула довольная усмешка. В этот момент чья-то сильная рука схватила [92] его за шиворот. Только он хотел вырваться, как ему уже зажали рот:

— Тсс!.. Это я, взводный!..

У Ен Кым Тхя словно камень с души сняли. Но не успел он привести себя в порядок, как Ким Вон Тхэк потащил его за собой.

— Есть еще гранаты?

— Есть две,— удивленно взглянул на него Ен Кым Тхя.— А что?

— Очень хорошо! Интересное дельце намечается...

— Где Ли Ен Хва?

— На разведку пошел. Да ты не волнуйся, взводный. Мы как пришли сюда и увидели, что у тебя делается, решили не терять времени даром. Видишь палатки? Договорились встретиться здесь.

Под горой Ен Кым Тхя увидел три большие палатки, освещенные изнутри. Ветер

доносил оттуда пьяные крики, пение, взрывы хохота, можно было подумать, что там — походная лавка либо *кабак*. В это время по извилистой тропинке, пригибаясь к самой земле, поднялся Ли Ен Хва. Весь его вид выражал нетерпение.

— Удалось обойти часовых? — спросил Ен Кым Тхя. Ли Ен Хва рассмеялся.

— Я даже подсчитал, сколько народу в этих палатках: их там человек сто!

Ен Кым Тхя думал недолго.

— Будем работать!

Решили, что каждый возьмет на себя по одной палатке: для этого достаточно и противотанковой мины, все зависит от того, насколько неожиданным будет удар. Впереди шел Ли Ен Хва, уже знающий дорогу, за ним Ен Кым Тхя, замыкающим Ким Вон Тхэк. Бесшумно спустившись по склону к подножию горы, они построились, держа равнение в затылок, и широким строевым шагом направились прямо к палаткам. Американский часовой, стоявший на посту у развилки дороги, посветил им электрическим фонариком, решив, по-видимому, что у корейцев происходит смена караула, и сунул фонарик обратно в карман. С минуту он смотрел в их сторону безучастным взглядом, потом полез в свою палатку. Его появление там было встречено шумными возгласами одобрения; кто-то заговорил заплетающимся языком, но этот голос тут же потонул в пьяном смехе. [93] Дальше медлить было нельзя. Ен Кым Тхя взмахнул рукой, и в палатки с трех сторон полетели гранаты. Дым. Огонь. Еще три громовых взрыва. Отчаянные вопли. Палатки одна за другой стали лопаться, как пузыри...

Укрывшись в густой траве под горой, они ждали, когда уляжется вызванная взрывом паника. Примерно через час на шоссе показался маленький «джип». Задержав его, они пристукнули водителя, а американского капитана, который собрался бежать, схватили, не дав ему опомниться. Пленного взял на себя Ким Вон Тхэк. Теперь задача по разведке была выполнена и можно было уходить. При прорыве через линию фронта произошла короткая стычка. Противник пытался было перейти в преследование, но Ен Кым Тхя, прикрывавший отступление, прижал вражеских солдат к земле огнем из автомата. Когда американцы открыли сильный ответный огонь, разведчики уже спустились с горы к ручью и были в относительной безопасности. Сполоснув в прозрачной воде ручья кусок бинта, Ен Кым Тхя стал неторопливо обматывать им только что раненную руку.

14

Командующий армейским корпусом Пак Хен Ен задумчиво расхаживал по комнате из угла в угол. Это был человек среднего роста, коренастый, с высоким, чистым лбом и немного грустными глазами, над которыми нависли густые брови, придававшие его лицу выражение строгости и суровости. Правая его рука была засунута между второй и третьей пуговицами кителя, левая заложена за спину. Узкие бриджи, обтягивавшие колени, и высокие кожаные сапоги делали его фигуру стройной, подтянутой.

В комнате было тихо. Шум дождя, лившего уже вторые сутки, почти не проникал сюда. И только когда открывалась дверь, комната сразу наполнялась резкими телефонными звонками, которые не прекращались в оперативном отделе ни на минуту, торопливым стрекотом пишущей машинки, гудением зуммера, характерным стуком аппарата Бодо, передающего телеграммы. Трудно привыкнуть к этим монотонным электрическим [94] звукам, особенно когда нервы напряжены до предела и нужно сосредоточиться, собраться с мыслями.

Штаб армейского корпуса находился всего лишь в пятнадцати километрах от линии фронта. Дальнобойные орудия противника нередко вели огонь «по площади», обстреливая части корпуса, эшелонированные глубоко в тыл. В ночной тишине иногда можно было слышать довольно отчетливо стрельбу тяжелых пулеметов на переднем крае. Как только наступала ночь, противник направлял на позиции корпуса лучи мощных

прожекторов, заливая светом господствующую высоту и все подходы к ней. Днем над позициями непрерывно кружили вражеские корректировщики, поэтому подход к линии фронта автомашинам был запрещен — они были вынуждены или укрываться в лесу или останавливаться у подножья отвесной скалы, где бойцы из подразделений обслуживания немедленно приступали к их маскировке. Люди оставляли машины метрах в ста от переправы и переходили реку вброд значительно выше указателей, чтобы не привлекать внимания вражеских самолетов. Дорога в горах находилась под постоянной угрозой обстрела дальнобойными орудиями. От бесконечных взрывов во всем поселке давно уже не осталось ни одного целого окна, полопались и бумажные наклейки, заменявшие стекла.

Расстояние от переднего края обороны до КП корпуса с каждым днем сокращалось.

— Может быть, следует отвести командный пункт немного назад? — пытались убеждать некоторые командующего корпусом, когда вражеские снаряды пролетали над КП.

На это Пак Хен Ен отвечал всякий раз, насупившись:

— А мне бы очень хотелось, чтобы передний край проходил как раз здесь. Тогда бы нам с политкомом не пришлось тратить силы и время на лишнее хождение.— И, неожиданно улыбнувшись, подмигивал политкому.— Что, комиссар, поклонимся пуле? Они думают, что я уже разучился бить из пулемета!..

Пак Хен Ен знал, что тот его поддержит. Политический комиссар Ким Чан До любил шутку. Даже в самых трудных обстоятельствах он не терял бодрости духа и мог говорить о каких-то несущественных пустяках, [95] заражая окружающих своей веселостью. Казалось, ему просто было неведомо чувство печали.

— Конечно! — не задумываясь, отвечал он комкору.— Теперь ведь лучшего и не придумаешь. Возьми меня вторым номером. Уверен, будет куда веселее, чем в штабе корпуса сидеть!..

Дождь не стихал, заливая потоками воды деревушку, в которой разместился штаб корпуса. Из окна было видно, как клонились к земле ветви деревьев под тяжестью дождевых капель. Горный ручей за деревней бушевал, грозя выйти из берегов. Но ни дождь, ни бурный поток не могли остановить обычной трудовой деятельности людей. Дверь то и дело открывалась, пропуская саперов, разведчиков, связных, артиллерийских и пехотных командиров, штабистов. Не задерживаясь, они шли дальше по своим делам по колено в грязи, завернувшись в дождевые накидки. Проезжали легковые машины, мотоциклы, грузовики... На крыльце остановился молоденький офицер лет двадцати, отряхнулся от дождя и широким шагом вошел в комнату оперативного отдела. Через минуту оттуда послышался его тревожный голос:

— Мост снесен. Машины с грузом застряли на берегу...

— Людей уже послали. Починят.

— Лесоматериал весь...

Некоторое время командир корпуса стоял у окна, погруженный в свои думы, потом подошел к северной стене и раздвинул штору, которая закрывала большую клеенную из нескольких листов карту. Широкая изломанная линия, пересекавшая дороги, горные хребты, реки, деревни и города от морского побережья на востоке до морского побережья на западе, была вся утыкана красными и белыми флажками с условными обозначениями своих войск и войск противника.

Лицо командира корпуса было хмурым. Он зябко поежился, словно в комнату вдруг ворвалась струя холодного воздуха. На карте он видел не просто реки, высоты, населенные пункты, дороги, мосты, то есть все то, на что прежде всего обращают внимание военные специалисты. Он видел,— нет, он осязал, так будет правильнее сказать! — все очарование этих пленительных рек, неповторимую красоту уходящих в небо пиков Алмазных гор, томительную прохладу лесов, тянувшихся [96] по горным увалам и теснинам. Он видел приволье полевых дорог, по которым можно идти и идти, пока не остановишься, пораженный утренней свежестью яблоневых или вишневых садов.

А соломенный шалаш на склоне горы в тени серебристых тополей! А бескрайние, напоенные зноем грушевые рощи! Богатым, необозримым ковром, вытканым искусными руками, вставала перед его глазами земля с ее полями, звонкими, веселыми ручьями и полноводными реками, с таящимися в недрах гор сокровищами, с дорогами, связывающими между собой города и деревни. Здесь, на этой земле, он родился. Здесь растили его мать и отец, здесь он сказал первое слово любви девушке, которую избрало его сердце... Это была его родина. Он рос и мужал, связанный с ней всеми своими мыслями и желаниями. Он чувствовал ее дыхание, чувствовал, как истекает она кровью, разрубленная пополам этой изломанной линией фронта.

— Моя родина!..

Острая боль пронзила его сердце. Родная земля! Вот она перед ним вся, окруженная с трех сторон водой. Широким трамплином поднимается она из Тихого океана, обращенная лицом к бескрайнему материку. Когда-то по этому трамплину шагали японцы. Тогда он был еще совсем молодым бойцом, пулеметчиком, сражавшимся в партизанском отряде в горах Чанбайшаня. В пургу, в метель он добирался со своим отрядом по горным кряжам до корейской границы и смотрел на родную землю, не имея никаких сил повернуть назад. Однажды им пришлось вступить в бой с крупным карательным отрядом японцев. Уничтожив более трехсот человек, они поспешно подались в лес. Дорога к границе была отрезана. Весь облепленный снегом, раненный, он дополз до хижины на опушке леса и попросился, чтобы его впустили погреться. Старуха хозяйка, ни слова не говоря, развела в очаге огонь, поставила варить картофель. Когда она подошла к нему взять для просушки одежду, он вдруг вздрогнул. Женщина напомнила ему мать... Схватив винтовку, он бросился догонять своих, повторяя про себя сквозь слезы слова клятвы, которую дал себе: «Сколько бы мне ни пришлось воевать, но пока по земле родины ходит хоть один вражеский солдат, я не оставлю фронт!..»

В тайге завывал ветер, кружил снег. Лето сменяло [97] зиму, зима лето. А войне все не было видно конца. Стужа сковывала все живое, одежда покрывалась ледяной коркой, но в душе у него всегда горел нестерпимый огонь. Вперед. Вперед. Только вперед!..

Сейчас по дороге японцев шагают американцы, они идут по тому же трамплину. Линия фронта упорно тянется к северу, цепляется за каждую высоту, за каждую извилину дороги. Здесь, на этой линии, решается его судьба, судьба его армии, народа, родины.

— В какой многострадальной стране мы родились с тобой, комиссар!..

Да, только когда они оставались одни, Пак Хен Ен раскрывал политкому свое сердце.

И политком понимал его состояние. Когда человек оказывается перед лицом серьезных испытаний, он не может не думать о своем долге. Молчаливость была присуща Пак Хен Ену, жизнь сделала его таким, и политкому это было известно более чем кому-либо другому.

— Это верно, что в многострадальной, — говорил он мягким голосом, стараясь в меру своих сил подбодрить товарища. — Но ведь горе только закалило нас, мы стали еще крепче. Вон как американцы стараются! Со всего света собрали силы реакции, долларами швыряются. Да, наша земля оказалась им не по зубам, — так просто ее не разгрызешь!.. Нет, что там ни говори, а мы не отрезанный от всего мира островок. За нами земля, большая земля, на которую можно опереться.

Командир корпуса снова принимался расхаживать из угла в угол.

— Война, трудности... Всё как-то сразу свалилось на нашу голову. Я понимаю тебя, но ведь, кроме нашего долга перед родиной, у нас еще есть долг перед человечеством, мы сами взяли его на себя...

— Что на это скажешь?! — соглашался с ним политком. — Будем стоять!..

Обстановка, в которой оказался корпус, Пак Хен Ену была более чем ясна. Он знал, сколько на какой высоте осталось бойцов, какова огневая сила каждой позиции, на что

способны его люди. Но сколько еще времени могут они сражаться? Какие потери в состоянии нанести противнику? Много ли еще боев сумеют [98] выдержать?.. Он уже счет потерял ночам, проведенным у этой карты за обдумыванием новых ударов, когда та или иная высота на его позициях изменяла свой цвет и синие стрелы впились в линию фронта, обороняемую корпусом. Где же взять силы?

Все лето корпус вел изнурительные бои. Меньше чем за три месяца — с июля по середину сентября — противник ввел в бой на Восточном фронте восемь свежих дивизий. Корпусу пришлось отбивать наступление на участке от Янгу до Индзе, значительно севернее 38-й параллели. В окопах находились все подразделения корпуса, ни одной роты в резерве не было. Выдерживая ожесточенный артиллерийский и винтовочный огонь, нередко на весьма короткой дистанции, войска наносили противнику большие потери в живой силе. И все же корпус отступал. Очень часто американцы и лисынмановцы бросали в бой на какую-нибудь одну высоту целый батальон и даже полк, атакуя непрерывно. Американское командование не жалело ни своих солдат, ни боеприпасов. Ежедневно на позиции корпуса сбрасывалось несколько десятков тысяч снарядов. Выдержать такое напряжение было очень трудно. Случалось, в атаку шла рота, поддерживаемая артиллерией, танками, авиацией, а навстречу ей поднималось лишь несколько бойцов. С криками: «Ким Ир Сен—мансе-е!..» — они выскакивали из окопов и бились с врагом не на жизнь, а на смерть — штыками, прикладами, саперными лопатками, а то и просто голыми руками...

Пополнить боевые порядки первой линии окопов было неоткуда, во время боев в них направлялся весь наличный состав подразделений обслуживания.

По массированности огня и горам трупов, которыми был усеян передний край неприятельских позиций, можно было судить о характере сражений. Героические подвиги бойцов Народной армии, безусловно, вдохновляли войска на новые ратные свершения. Но нужно смотреть правде в глаза. Подразделения обескровлены и измотаны до предела. Батальоны, представляющие собой мощную оперативную единицу в несколько сот человек, сократились до взводов, роты — в лучшем случае — до отделений. Убыль в командирских кадрах восполнить было нечем. О положении на фронте люди говорили шепотом. Армейский корпус фактически составлял [99] лишь один полк, а ширина линии обороны по фронту оставалась прежней. Где же взять силы?..

Вошел политический комиссар. Он был явно возбужден чем-то.

— Ну, все думаешь? — улыбнулся он Пак Хен Ену. — Говорил с ним! Вот сволочь!

Командир корпуса понял, что политком допрашивал американского капитана, которого утром доставили на КП.

— Думаешь, он что-нибудь знает? — продолжал политком. — По-моему, меньше наших разведчиков. О самом себе ничего путного сказать не может...

Его рассказ был прерван появлением начальника штаба корпуса Ким Чен Хи. В дверях он остановился, держа в одной руке папку с документами, другой опираясь на шинель. Чувствуя себя неловко оттого, что помешал беседе, он вытянулся и тихо спросил:

— Разрешите доложить, товарищ комкор?

По выражению его лица было видно, что ему не очень хотелось докладывать новые данные: ничего утешительного в них не было. Все еще вытянувшись, он стоял на том же месте, ожидая распоряжения командира корпуса.

15

— Утром из вражеского тыла вернулась группа наших разведчиков, — начал доклад начальник штаба, подходя к карте. — Они провели там около двух суток, продвинувшись вглубь фронта на тридцать километров. На линии от Саньиндонри до предгорий Пьякамсана замечено большое число палаток и автомашин с грузами. В этом районе сосредоточены и танки.

Командир корпуса сделал пометку на карте.

— Противник силами до одного инженерного полка спешно прокладывает новую дорогу. Вот здесь, товарищ комкор. Вчера сюда были доставлены 203- и 204-миллиметровые пушки-гаубицы.

По лицу командира корпуса пробежала холодная усмешка.

— Пожалуйста, продолжайте.

Подробно изложив данные, собранные разведкой и полученные при допросе пленного офицера, начальник [100] штаба стал рассказывать, как была осуществлена заброска через линию фронта диверсионной группы. Не прерывая его, Пак Хен Ен переставлял флажки. Казалось, его внимание было сосредоточено только на них.

— Вчера утром наши наблюдательные посты видели на западном берегу пять «джипов». Выехав в долину, они остановились; на дорогу вылезло несколько человек, по всей видимости старших офицеров, которые стали рассматривать в бинокль наши позиции. После первого же минометного залпа они уехали. Но через некоторое время в поведении противника обнаружилось нечто новое. Во-первых, усилилась деятельность вражеской авиации; во-вторых, огонь по нашим боевым порядкам ведется пристрелочный, идет корректировка целей; в-третьих, заметно активизировалась деятельность мелких групп, они подходят теперь почти вплотную к нашему переднему краю и ведут разведку местности, стараясь выявить наши огневые точки. Со сто первого наблюдательного пункта докладывают, что начиная с позавчерашнего утра мелкие группы непрерывно перебегают шоссе и движутся в направлении восточной долины...

Командир корпуса молчал. Ничего неожиданного в этом для него не было.

Данные разведки и наблюдения подтверждали его мысль о том, что подготовка противника к наступлению в основном закончилась. Все шло как по расписанию: людские и материальные резервы прибыли в назначенные им пункты, начинается артиллерийская подготовка, усиливается наблюдение за местностью, авиация сосредоточивает свои усилия на бомбежке коммуникаций в районе предстоящего удара. До развертывания наступления теперь остается недолго, оно может начаться в течение ближайших трех дней.

— Да, погонял же ты людей, товарищ начальник штаба! — заметил политком. — Все тебе известно. Но хоть бы что-нибудь ободряющее рассказал! Неужели ничего нет?

Начальник штаба замялся.

— Выходит, Ван Флит опять хорошо подготовился! — не без иронии сказал политком, делая ударение на слове «опять». «Неужели ты не хочешь видеть, что все это было уже не один раз и для нас не ново?» — словно [101] говорил его взгляд. — А строго говоря, наступление противника на стратегически важные пункты, конечно, может оказаться более сильным, нежели фронтальное, которое мы уже выдержали. Он может использовать теперь на одном направлении значительно больше и танков, и артиллерии, и авиации. Наконец, у него прибавилось войск, набранных со всего света. Так что новая тактика дает ему какие-то шансы. И все же это «наступление на стратегически важные пункты», а не фронтальное. Тут уж Риджуэй бессилён...

— Дожди могут задержать их,— начал начальник штаба, но командир корпуса, внимательно слушавший весь разговор, резко оборвал его:

— Дожди препятствуют и нам! Пока суть да дело, все мосты, ведущие к линии фронта, нужно навести во что бы то ни стало. Необходимо обеспечить бесперебойную доставку грузов. Коммуникации в современной войне — главное.

— Нет, ты только посмотри, какой у него метод мышления! — поднялся политком. — Действует по принципу: ешь, что небо дает! Нехорошо это.

Лицо начальника штаба покрылось красными пятнами.

— Я вовсе не думаю так. Все инженерные части получили распоряжение быть на берегу. В главных пунктах будут подготовлены переправочные средства.

Командир корпуса вышел в коридор и отрывистым голосом спросил:

— Связь налажена?

— Нет еще, — послышался из аппаратной робкий ответ.

Командир корпуса устало подернул плечами. Он смотрел на дождь, который лил не переставая. Пролет раскрытой двери на улицу был затянут плотным занавесом из мелких бисерных капелек, рассыпанных чьей-то щедрой рукой.

— Куда же запропастилась эта дивизия?

— Думаю, уже в пути, — сказал политком, который стоял рядом и тоже смотрел на дорогу.

«Думаю», «очень может быть», «я уверен» — если он начинал свою речь этими словами, то можно было не сомневаться, что за ними последует вывод абсолютно оптимистический. «Возможно, мы окажемся в чрезвычайно трудных условиях, — говорил он. — Очень может быть, что мы попадем в безвыходное положение. Но теряться не надо, мы обязательно что-нибудь придумаем».

Сейчас они снова находились перед лицом нового наступления противника. Больше того, они стояли на направлении главного удара. Подготовка к наступлению закончена. Оно может начаться со дня на день. Нервы у всех напряжены до предела, каждый отдает себе отчет в том, что может произойти. И вдруг поступает сообщение, что к фронту движется дивизия китайских народных добровольцев, которой приказано прибыть в район обороны корпуса. Люди готовы были плясать от радости. Но дивизия была задержана паводком, дальнейшее ее движение приостановилось и — в довершение всех бед — прервалась связь.

Молча смотрели они на дорогу, которая тянулась по подножию горы на север, и думали об одном и том же. Раскисшая от дождя, она словно вымерла, ни одной живой души не было видно на ней.

— Самое неприятное именно это, — сокрушенно вздохнул командир корпуса. Он закинул назад свисавшую прядь волос, и политком увидел, как близко сошлись у него брови. Здесь, в этих горах, проявились его способности командира и несомненный организаторский талант. В упорных боях войска корпуса перемололи восемь дивизий противника. Каждая высота — немой свидетель того, что здесь происходило. Он, командир корпуса, воплотил в себе величайшее упорство воли и небывалое мужество своих бойцов в борьбе с врагом. Что же сейчас беспокоит его? Дождь? Отсутствие связи с людьми, задержанными им где-то на этой дороге?..

Скрипнула дверь. Девушка в военной форме внесла обед.

— Опять все то же? — поморщился политком, лукаво посмотрев на нее. — Эх, Ким Ен, Ким Ен...

Девушка смутилась, и это не ускользнуло от внимания политкома. Она была очень хороша собой — молодая, лет восемнадцати, с большими лучистыми глазами и гладко зачесанными назад каштановыми волосами. Тонкие, почти незаметные дугообразные брови были похожи на очертания далеких гор за пеленой тумана. На ней был форменный берет, приколотый булавкой, гимнастерка с погонами медицинской сестры, короткая [103] юбка и высокие сапоги. Пристальный взгляд политкома заставил ее еще больше смутиться.

— Достать ничего не возможно, — чуть слышно проговорила она, опустив голову и глядя на свои руки.

— Что, надоело уже, Ким Ен? — улыбнулся политком, желая как-нибудь развеселить ее. — Поверь мне; печаль не к лицу такой хорошенькой девушке.

— Дождь надоел до смерти, — все еще хмурясь, ответила она. — Никакого просвета не видно. Всё льет, льет...

— А ты прикажи ему не лить!

— Когда, в самом деле, кончится все это?

Политком уже энергично работал палочками для еды.

— Сезон дождей подходит к концу. Потерпим ещё несколько дней, и снова будет

сухо.

— Я не о дождях... Почему так тянут американцы? Сколько уже времени идут переговоры!

— Это еще мало! — рассмеялся политком. — Но ты не горюй. У Ван Флита больше оснований грустить, чем у нас. Ведь он давно уже обещал своим хозяевам, что в три дня все закончит и займется, наконец, добычей вольфрамовой руды. А они торопят. Без нашего вольфрама, понимаешь, у них все замерло. Промышленность, вся жизнь, деятельность конгресса... хоть кричи караул! Но вольфрам что! Зарядят они на источники атомного сырья, вот в чем весь вопрос. Да они и не скрывают этого. Чего же добились они? Захватили Северную Корею? Черта с два! Войска послали, и сами же попали впросак. А ведь это только начало, самые горькие дни для них впереди. Нам, конечно, трудно, но эти трудности мы видим и не бежим от них, а господину Ван Флиту еще ничего не известно!.. — политком остановился, ожидая командира корпуса, чтобы вместе приступить к обеду. Но тот почему-то раздумывал. — Садись, аппетит приходит во время еды, говорят. А хандрить — это ни к чему.

— Я не голоден, — рассеянно сказал Пак Хен Ен.

— Так тебе и поверю! Лично я готов есть в любое время... Между прочим, все это я говорил от твоего имени, учти.

Командир корпуса нехотя взглянул на стол.

— Тебе что — и квашеная капуста не нравится? [104]

— Квашеную можно. Так и быть, давай одну порцию, — согласился наконец Пак Хен Ен.

Политком сделал незаметный знак Ким Ен.

— Товарищ Ким Ен, вы слышали? Приготовьте нам квашеной капусты, только не пересолите, пожалуйста. И соусу в меру!

Через минуту Ким Ен вернулась с миской квашеной капусты. В комнате распространился острый пряный запах. Политком не скрывал своей радости: ведь капуста была приготовлена Ким Ен — милой, уступчивой девушкой, которая все делала так же красиво, как красива была сама. Ел он с завидным аппетитом.

— Когда Ван Флит пригнал своих на фронт, он был уверен в успехе, — подмигнул он командиру корпуса. — Еще бы, несколько десятков тысяч отборных войск получить! Китайская граница ему уже наяву мерещилась. Интересно, какие ему теперь снятся сны?.. Да, не думал он, что мы с тобой будем сидеть здесь и преспокойно есть квашеную капусту. Заметь, лучшую корейскую квашеную капусту!.. Рано, рано, господин Ван Флит, считать нас беззащитными пешками!..

На этот раз командир корпуса не выдержал.

— Ну, комиссар, перед тобой никто не устоит, — развел он руками. — Сдаюсь!

— Погоди сдаваться, товарищ комкор, — совершенно серьезным тоном сказал политком. — Мне не нравится, когда при малейшей заминке кое-кто теряет аппетит.

Оба весело рассмеялись.

Ким Ен молча стояла рядом, ожидая, когда можно будет убрать тарелки.

— Вот что, Ким Ен, — повернулся к ней политком. — Когда придут наши гости, приготовь им самое, самое вкусное. Хорошо? Я абсолютно уверен, что они сейчас в пути. И волнуются больше нас, можешь не сомневаться. Но трудности их не остановят. Знаешь, какие они, китайцы!..

К вечеру дождь перестал. Перед самыми сумерками была восстановлена связь. Как и предполагал политком, передовые части дивизии китайских добровольцев уже форсировали реку и теперь находились в пути. От [105] командного пункта корпуса их отделяло не более шестидесяти километров.

Первым узнал об этом начальник штаба корпуса Ким Чен Хи.

— Связь есть! — запыхавшись вбежал он к Пак Хен Ену. Он был так взволнован,

что даже забыл отдать честь.

Пак Хен Ен стремительно поднялся ему навстречу. Карта, на которой он делал какие-то пометки, потеряла для него всякий интерес. А Ким Чен Хи уже докладывал — торопливо, волнуясь, как докладывал когда-то очень давно, когда был еще совсем юным партизаном и хотел показать перед старшими, на что он способен. Глаза его горели нетерпением.

— Я еду встречать их. Они примерно в шестидесяти километрах. Дорога хорошая, теперь задержек не должно быть. Разрешите, товарищ комкор?

— Иди, иди и не теряй ни одной минуты. Скажи им — мы так долго их ждали! — Голос у комкора был ясный, звонкий, неожиданно помолодевший. — Все разузнай у них: как самочувствие, здоровье... От моего имени, слышишь?..

Вместе с начальником штаба встречать добровольцев отправились еще три офицера. Все были вооружены автоматами. Маленький вездеходик летел на полной скорости.

16

Пак Хен Ен весь сиял. Он был чисто выбрит, волосы аккуратно зачесаны, грудь увешана орденами и медалями.

— Радость, как говорится, не старит, а молодит. Прошу, товарищи! — Гостеприимным жестом он пригласил всех к столу.

Комната была переполнена до отказа. Гостей принимали командир корпуса, политком, начальник штаба, несколько штабных офицеров, участники ансамбля песни и пляски, медицинские сестры. Заместителю командира дивизии китайских народных добровольцев Ван Цзяню, командиру полка Шан Чжи-ину, комиссару Чжай Цзы-ни, командирам батальонов, начальнику артиллерии и офицерам связи были отведены самые почетные места. [106] Теснота никого не смущала, наоборот, все были так хорошо настроены и так свободно себя чувствовали, что казалось, будто стены комнаты вдруг раздвинулись и она стала широкой, просторной. Длинный стол был накрыт к ужину. Стены украшали государственные флаги Кореи и Китая, портреты вождей.

Пак Хен Ен поднял бокал с вином, рука его заметно дрожала.

Хозяева и гости встали одновременно. Наступила минута, когда особенно остро чувствуется торжественность тишины. Жаркое дыхание дружбы, собравшей всех за одним столом, словно выжгло на это время из памяти и жестокие бои с врагом, и артиллерийский огонь, и погибших товарищей. Тяжелая, полная горьких раздумий и тревог жизнь, раны, дни и ночи без сна, утомительные переходы — все было забыто. Если бы спросили политкома, как лучше назвать этот неожиданный фронтовой банкет, на котором встретились представители двух дружественных народов, он, не задумываясь, назвал бы его интернациональным. Необычной была сама встреча. Необычной была обстановка, в которой она состоялась. Непостижимым было и то, как быстро сумели хозяева все подготовить. Бутылки с искристым советским шампанским, белой корейской женьшеневой водкой, желтой гаоляновой, красным виноградным вином, золотистой китайской апельсиновой, расставленные среди закусок и блюд с фруктами, и яркие горные цветы придавали встрече поистине символический оттенок.

— Товарищи,— начал, волнуясь, командир корпуса,— я хочу предложить тост за любимого друга корейского народа, за Председателя Мао Цзэ-дуна, который прислал нам на помощь своих самых лучших сыновей и дочерей!

Дружное «Ганьбэй!»⁶ слилось с мелодичным звоном бокалов. Вино расплескалось по рукам, окропило живые цветы.

— Долго же мы вас ждали, — заговорил политком, когда все сели. — Наш командир корпуса и на дожди уже злился, и... [107]

6 «Ганьбэй!» (кит.) — в буквальном переводе «Осушим бокалы!», заздравный тост.

— Как бы ни злился,— улыбнулся Пак Хен Ен,— а все равно знал, что этот день наступит. Вот он и наступил...

Слово попросил заместитель командира дивизии Ван Цзянь.

— Спасибо вам, товарищи, вам, товарищи командир корпуса и политком, и всем вам, друзья. Нам теперь много дней быть с вами, времени наговориться хватит.— Он торопливо наполнил бокалы вином и выпрямился. Пауза длилась несколько секунд.— Когда мы узнали, как героически сопротивляется корейский народ агрессорам, мы преисполнились к нему чувством благодарности. Мы испытывали гордость за вас, наших друзей и товарищей. Вы ведете войну, отстаивая дело всех миролюбивых народов мира, а значит и китайского народа. Я предлагаю тост за здоровье нашего любимого генерала Ким Ир Сена!

Не успели утихнуть аплодисменты, как поднялся Шан Чжи-ин. Политком корпуса, сидевший рядом с ним, мягко положил на его плечо руку.

— Повремени со своим, сейчас очередь хозяев. Снова наполнились бокалы.

— Дорогие товарищи,— обратился политком к гостям.— Вы оставили свою родину, свои семьи, жен и детей и прибыли сюда к нам, в Корею, чтобы сразу же вступить в бой — тяжелый и жестокий. Это заставляет меня вспомнить о многом. Не так давно, когда наша страна была порабощена, а народ находился в бедственном положении, наши два народа совместно оказывали сопротивление японским фашистским захватчикам. Сегодня, когда захватническую войну против нашей родины ведут американские империалисты, вы пришли нам на помощь. Дружба наших народов нерушима. — Он наклонился к Шан Чжи-ину. — Ты ведь это хотел сказать, товарищ командир полка? — и, когда тот утвердительно кивнул в ответ, громко провозгласил: — Так за нашу дружбу!..— Вдруг он почувствовал, что слезы застилают ему глаза, и торопливо полез в карман за платком. — Простите мне это, товарищи, я просто очень волнуюсь... Что же я еще хотел сказать? Да. Наш народ никогда не забудет вас. Из поколения в поколение он... Правда, простите, товарищи, не могу говорить. Пусть уж слезы доскажут вам то, что хотел сказать я...[108] Волнение политкома передалось другим. У многих на глазах выступили слезы.

— Что ж, товарищи,— нарушил минутное молчание командир корпуса.— За нашу радость и победу! Прошу поднять бокалы. Ганьбэй!..

За столом снова воцарилось веселье. После официальных тостов политком предложил выступить всем, кто хочет. Но вдруг спохватился и воскликнул:

— Пусть наши товарищи женщины поднимут тост в честь китайских товарищей!

Его предложение сразу нарушило принятый порядок. Заговорили все одновременно. В радостном смехе потонули отдельные голоса. Бутылки переходили из рук в руки.

— Товарищ политком приказывает нам? — певучим голосом спросила одна из медсестер, когда шум немного успокоился.

— А не много ли? — попробовал отговориться Шан Чжи-ин, однако поддался трогательным упрощениям девушек и предложил выпить одновременно:

— За товарищей женщин!

С ним не согласились: если он не осушит уже налитого бокала, девушки будут в обиде!

— Товарищи, да я уже перебрал! — умолял Шан Чжи-ин.

— Ничего, у нас здесь отдохнете.

— Все равно никуда идти не надо.

— Нет, нет, мне нужно пойти посмотреть, как устроились наши.

— Это только предлог.

Шан Чжи-ин попытался вырваться из окружения, но не смог. Пришлось сдаться.

— Закусите, пожалуйста. Наши яблоки — лучшие в мире! — подбежала к нему Ким Ен. Она так настойчиво ухаживала за ним, что он не мог отказать.

— Где же вы нарвали таких цветов? — спросил он, взглянув на нее с

благодарностью.

— Да здесь все горы усыпаны ими, — улыбнулась Ким Ен.

— Красивые! — Шан Чжи-ин сказал это совершенно искренне. — Кончится война, обязательно приеду сюда. И вас повидать... [109]

Веселье продолжалось. Кто-то предложил обменяться автографами, по рукам пошли записные книжки, блокноты. Одна девушка передала свою записную книжку Шан Чжи-ину.

— Что же мне написать вам? — смутился он.

— А свое имя. И адрес обязательно! — шутливо, тоном приказа сказала девушка.

На лбу Шан Чжи-ина выступила легкая испарина. Кончив писать, он достал из кармана свою записную книжку.

К ней сразу же потянулось несколько рук. Из книжки на стол выпала фотокарточка его жены: милое, улыбающееся лицо, коротко остриженные волосы. Карточка привлекла всеобщее внимание. Шан Чжи-ин еще больше смутился, хотя ему было приятно, что карточка Ван Шу-цинъ всем так понравилась.

Воспользовавшись заминкой, политком корпуса подсел к Чжай Цзы-ни. Они чокнулись.

— Есть у вашего командира полка дети? — спросил он Чжай Цзы-ни.

Лицо Шан Чжи-ина залила краска смущения.

— Есть, — ответил он, повернувшись к нему.

— Жена тоже приехала сюда?

— Куда ей теперь! — вздохнул Шан Чжи-ин, ничего еще не зная о ее приезде.

— А сколько ребенку?

— Полгодика только...

— Поздравляю! — сказал политком. — Выпьем же за их счастье. Хочется верить, что они никогда не узнают бедствий войны и будут жить в мире.

Когда выпили, политком спросил вдруг, наклонившись к нему:

— Ты совершенно трезв?

— Как стеклышко! — рассмеялся Шан Чжи-ин.

— Если что, нажимай на яблоки.

— Я уже ел, спасибо.

— Тогда давай еще по одной. Трудно же вам дался этот переход! Мы все знаем: бомбили вас, потом от дождя натерпелись...

— Ну уж — натерпелись! Ничего особенного!

Обласканный гостеприимством и радостными улыбками, Шан Чжи-ин как-то забыл уже о невгодах, встреченных ими в пути. О себе же он не думал, ведь он был [110] всего лишь маленькой песчинкой, подхваченной этим великим потоком. Крепкое рукопожатие политкома сказало ему, что тот все понял.

После ужина начались танцы.

Небольшой оркестр играл «Песню весны». Мелодия танца была нежная, проникновенная. Она началась чуть слышно, звеня на одной ноте, словно тонкую, хрупкую струну задел вдруг порыв ветра. Какое-то мгновение казалось, что звук повис в воздухе. Но вот он поплыл, подхваченный легким дуновением, зажурчал, словно быстрый ручеек, вбирая в себя по пути все новые и новые звуки, и разлился свободно и широко. Звуки то страстно шептались где-то совсем рядом, зовя с собой на простор, то замирали в шелесте шелковых юбок танцующих, то бежали дальше, увлеченные стремительным, как весенний дождь, аккордом. Музыка пленяла, захватывала, хотелось еще больше любить жизнь, дорожить любовью, радоваться человеческому счастью. Танец все убыстрялся. Перед глазами мелькали яркие шелковые платья, которые то плавно распускались веерами у самой земли в такт музыке, то снова собирались в складки. От этого непрерывного мелькания красок у ШанЧжи-йна даже закружилась голова. Ему казалось, что вместе с

танцующими кружится и эта маленькая комната и сам воздух в ней.

— Вы не танцуете? — тихо спросила Ким Ен, подойдя к нему и становясь рядом. Длинное платье красиво облегалo ее фигуру.

— Танцую, но плохо.

— Не скромничайте.

Шан Чжи-ин развел руками.

— Знаете, вы очень хорошо говорите по-китайски, — сказал вдруг он, медленно вводя ее в круг танцующих.

— Я ведь у вас долго жила, мои родители и сейчас там. А во время освободительной войны служила в Четвертой полевой армии. На родину вернулась немногим больше года назад...

Только сейчас Шан Чжи-ин увидел на груди у девушки лучистую медаль «За освобождение Северного Китая». Сердце у него радостно затрепетало. Он хотел спросить ее о чем-то, но смолчал. [111]

Когда танец окончился, Шан Чжи-ин поблагодарил Ким Ен и, не оглядываясь, вышел на улицу. Ему хотелось побыть наедине со своими мыслями. Музыка взволновала его, напомнила то, о чем он старался не думать все эти дни. Конечно, она нравится ему, эта музыка, как нравится народ, создавший такую пленительную мелодию, его обычаи и нравы, его упорство в достижении цели и открытый, сердечный характер. Но слушать ее дальше ему было тяжело.

Опустившись на камень, он задумался.

Ночь была холодная. Высоко в небе сияли звезды, воздух был удивительно чист и прозрачен. Укрытые темно-зеленым бархатом лесов горы стояли безмолвные; мерцание звезд, видимых до самого горизонта, создавало иллюзию большого уснувшего после дневных трудов города. Приятно было ощущать ночную прохладу разгоряченным выпитым вином и танцами телом. Ветер доносил из глубины оврага торопливое журчание ручья, и временами Шан Чжи-ину казалось, что он снова слышит запомнившуюся ему мелодию танца. Но теперь она рождала в нем не сладостное томление, которое он испытал только что, а тревогу и беспокойство, чувство грусти, смешанное с невысказанной болью. Эти же горы он видел несколько дней тому назад на карте, когда изучал вместе с комиссаром маршрут движения полка. Тогда до них было далеко-далеко. Теперь они здесь, перед его глазами. До боев остаются, быть может, считанные часы.

Он решительно поднялся и посмотрел в сторону домика, откуда доносились звуки веселой музыки.

— Нет! Разобьем американцев, тогда и будем танцевать.

17

В комнате оперативного отдела плыли густые клубы табачного дыма. Хотя все окна были наглухо завешены в целях маскировки и свежий воздух не проникал, люди продолжали курить. Шан Чжи-ин поморщился. «В этом дыму можно заблудиться!» — подумал он, разыскивая свободное место, и, когда наконец нашел его, с облегчением вздохнул. Никого из офицеров, сидевших рядом с ним, он не знал, поэтому стал смотреть на командира [112] корпуса, который совещался о чем-то в углу с начальником штаба и Ван Цзянем. Собравшиеся, очевидно, ждали конца этого совещания и тихо переговаривались между собой. Кто-то спросил о ходе переговоров.

Командир корпуса взял со стола свежий номер газеты и презрительно хмыкнул.

— Да все то же. Вот здесь написано. Американцы избрали новую тактику в решении военного вопроса — тактику проволок. Переговоры затягиваются. Им нужно сохранить нынешнюю напряженную обстановку в Корее, чтобы по-своему провести на предстоящей ассамблее ООН обсуждение проблем Дальнего Востока. Короче говоря, хотят заставить своих сателлитов тоже подписать мирный договор с Японией и сорвать

обсуждение китайского вопроса... Но давайте об этом поговорим потом. Для нас важнее, что происходит на нашем участке фронта. Вы готовы к докладу, товарищ начальник штаба? — И пока Ким Чен Хи прикреплял карту к стене, комкор коротко изложил обстановку. Суть ее состояла в следующем. Противник подтянул к Мундынри две лучшие свои дивизии, сюда же переброшены танки и артиллерия. 25 сентября он сделал попытку перейти в наступление на Западном фронте, но развить успех не смог, и Ван Флит отдал приказ форсировать боевые операции здесь. Подготовка к наступлению в основном закончена, остались пустяки.

Начальник штаба положил папку с докладом на стол, после чего передвинул висячую лампу так, чтобы свет от нее падал на карту, и взял в руки деревянную указку. Разговоры смолкли.

— Вот здесь,— начал начальник штаба, остановившись указкой на небольшой ложине вблизи линии фронта,— здесь противник намерен вклиниться в наши позиции танками и перейти в наступление на Цойян, где соединится с десантными войсками, которые должны будут высадиться в Вонсане, и вступит с ними во взаимодействие. Это его главный замысел. Шоссе к Мундынри — наше главное направление — забито войсками второй американской дивизии; сами американцы отзываются о ней, как о своем самом лучшем соединении. В недавнем прошлом она насчитывала до восемнадцати тысяч человек личного состава. В боях на правом берегу [113] Нактонгана она потеряла около четырех тысяч. Во втором сражении нами был полностью уничтожен ее девятый полк, а двадцать третий и тридцать восьмой полки потеряли по одному батальону. В настоящее время численность дивизии, по данным разведки, составляет двенадцать тысяч солдат. Некоторое время тому назад она находилась на отдыхе за второй линией укреплений и была доукомплектована, новыми данными мы пока не располагаем, это надо учитывать. На левом фланге дивизии, против горы Эинсан, стоит восьмая лисынмановская дивизия — та самая, которая охраняла Сеул. На правом фланге — французский батальон; в нем более тысячи штыков, он целиком выведен на позиции, артиллерийские средства сосредоточены вот здесь. — Подробно изложив дислокацию частей противника, Ким Чен Хи перевернул несколько страниц доклада, не читая, и стал говорить о вооружении различных родов войск, об особенностях тактики в наступлении, организации огня, принципах взаимодействия... Слушали его сосредоточенно, боясь пропустить хотя бы одно слово.

Карта, на которую падал свет лампы, была хорошо видна. Чем ближе к линии фронта, тем гуще она была утыкана флажками. За каждым из них стояли взводы, роты, батальоны, дивизионы, полки...

Доклад часто прерывался телефонными звонками. Каждый раз, когда дежурный снимал трубку, в комнате воцарялась напряженная тишина. Телефонист хрипло кричал: то он звал начальника штаба, то командира корпуса, и от этого на душе становилось еще тревожнее. Соотношение сил обеих сторон, показанное на карте, достаточно убедительно говорило о серьезности обстановки. Но теперь Шан Чжи-ин уже не был в том радостном возбуждении, в котором находился во время банкета. Горячее нетерпение сменилось трезвым расчетом; он был холоден, сдержан, мысли и чувства были подчинены одной цели.

За эти несколько дней он уже успел побывать в двух трех корейских частях, познакомился с командирами, изучил особенности оборонительных боев, новые взгляды на тактику мелких подразделений. Некоторое время он провел в пехотной роте на переднем крае, присматриваясь к тактике врага, — многое в ней было для него ново. Сначала намечалось, что все командиры батальонов [114] и рот пройдут месячную стажировку на фронте. Однако план этот остался на бумаге, так как сразу же по прибытии в Корею был получен приказ двигаться к переднему краю, потом начались дожди, и все пошло прахом. Для стажировки времени не осталось. Впору было подумать, успеют ли войска отдохнуть после длительного марша. Дивизия принимала на себя район обороны

всего корпуса шириной по фронту в двадцать километров. Район обороны включал в себя господствующую высоту, на которой оборудовался главный опорный узел обороны дивизии — Эинсан. На карте рядом с этой высотой стояла жирная пометка: «1277,1 м». Восточнее горы Эинсан, на высоте Цзихесан, узел обороны оборудовало соседнее соединение. Полку Шан Чжи-ина был отведен район Мундынри — вытянувшаяся в длину низина между горами Эинсан и Цзихесан, в центре которой проходило шоссе из Янгу на Мальхойри. Собравшиеся выжидающе смотрели на Шан Чжи-ина и Чжай Цзы-ни.

— Какие у вас есть вопросы? — тихо спросил Чжай Цзы-ни политком корпуса.

Чжай Цзы-ни молчал. Он посмотрел на заместителя командира дивизии Ван Цзяня, но тот по-прежнему был сдержан и ничем не выдавал своих чувств. Задача, порученная полку, была предельно трудная; чтобы справиться с ней, нужны были героические усилия. Что же ответить? Он повернулся к Шан Чжи-ину. «Ты член партии? Да. Командир? Командир. Решает это!» — понял он молчаливый ответ политкома. Но не все разделяли мнение Шан Чжи-ина и Чжай Цзы-ни. Полк только что прибыл, вооружение обычное, опыта ведения современной войны еще не имеет; как же они могут брать на себя такой опасный участок фронта?! «Да, радости мало! — услышал Шан Чжи-ин за спиной чей-то приглушенный голос. — Что-то из этого получится?!»

Одни удивленно переглядывались, откровенно выражая сомнение, другие смотрели на Шан Чжи-ина и Чжай Цзы-ни с участием, словно предлагая еще раз обдумать все как следует, прежде чем согласиться. По углам шептались, качали головами.

Шан Чжи-ин понял это по взглядам притихших людей и молчал. У него было какое-то двойное чувство. С одной стороны, он действительно опасался, что ноша окажется ему не под силу, но с другой стороны, ему [115] было обидно за свой полк, за себя. Как могут люди сомневаться! Ненависть и презрение к врагу усиливались в нем с каждой минутой. И все же он продолжал хранить молчание. Реальное положение, как это теперь было видно, оказалось куда более серьезным, чем он мог предполагать.

Командир корпуса взглянул на часы, повернулся к телефону и вызвал начальника обороны района.

— Пусть поторопится, совещание уже идет! — сердито бросил он в трубку. На другом конце провода ответили: «Товарищ командир дивизии уже выехал». Пак Хен Ен положил трубку. Кто-то открыл дверь, и тогда все услышали далекие автомобильные гудки. Через минуту на дне оврага вспыхнули и тотчас погасли яркие фары. По-видимому, автомобиль въехал на мостик.

Когда командир дивизии Юн Тя Ги вошел в комнату оперативного отдела, Пак Хен Ен объявил перерыв.

Несколько секунд он стоял в дверях, ослепленный ярким светом лампы, но и этого времени ему хватило, чтобы осмотреться. И вдруг он увидел в клубах табачного дыма знакомое лицо Шан Чжи-ина. Вне себя от радости, он подскочил к нему и стал трясти изо всех сил.

— Это ты, Шан Чжи-ин? Ты понимаешь, ведь я был уверен, что обязательно встречу здесь кого-нибудь из наших. Но чтобы встретить тебя?! — не найдя слов, чтобы выразить свое состояние, Юн Тя Ги снова затряс Шан Чжи-ина.

Теперь и Шан Чжи-ин узнал товарища. Как давно все это было! Юн Тя Ги немного пополнел, в глазах появился огонек, какой бывает у человека, довольного своей работой, профессией, но в общем это был все тот же крепыш, чуточку ниже среднего роста, подтянутый и все с тем же застенчивым выражением лица.

— Вот и свиделись! Так это правда ты? Я не ошибся? — не унимался Юн Тя Ги, глядя на Шан Чжи-ина и не веря своим глазам.

От волнения Шан Чжи-ин покраснел.

— Вот не думал! Честное слово, не думал. У кого только я не расспрашивал о тебе! Когда ехал сюда, была, конечно, надежда, что встречу. Но чтобы так скоро! Вот не думал!.. Значит, опять вместе воевать?

Шан Чжи-ин привлек к себе товарища, и они горячо обнялись. Оба забыли, где они находятся, не видели [116] обращенных в их сторону удивленных взглядов и так, обнявшись, вышли в коридор.

— А ты помнишь, как мы познакомились? — спросил вдруг Юн Тя Ги. — В одной лавчонке, куда протиснулись, чтобы отогреться. Я до сих пор не могу забыть перехода из Хэбэя в Шаньси. Помнишь Малый Утайшань? Ну и горы! А осень какая была красивая! А лес!.. Ты женат?

— Женат, — ответил Шан Чжи-ин,

— И дети есть?

Юн Тя Ги снова обнял Шан Чжи-ина.

— А у тебя как?

— Да так же, как и у тебя, — улыбнулся Юн Тя Ги. — Чего там говорить!.. Ну и заставили же вы ждать себя!

Они расстались восемь лет тому назад в освобожденном Шаньси-Чахар-Хэбэйском районе. Юн Тя Ги уезжал на Северо-Восток, чтобы оттуда перебраться к себе на родину. Шан Чжи-ин провожал его, не зная, смогут ли они когда-нибудь встретиться...

К ним подошел командир корпуса.

— Все еще не можешь справиться с силами и снять дождевик? — дружелюбно спросил он. Юн Тя Ги рассмеялся.

— На всякий случай захватил с собой, товарищ комкор, — смутился Юн Тя Ги. Повесив дождевик на дверную филенку, он вернулся на прежнее место. — Разрешите доложить?.. Сегодня артобстрел закончился ровно в двенадцать ноль-ноль. Противник все время вел пробную пристрелку. В долине Мундынокк продолжается сосредоточение танков...

— Вот и хорошо, — спокойно сказал командир корпуса. — Оборону принимает на себя их полк, так что теперь вы часто сможете видеться.

Юн Тя Ги удивленно вскинул брови.

— Ты, Шан Чжи-ин?

Шан Чжи-ин не знал, что сказать, и уклонился от прямого ответа.

— Понимаешь, меня беспокоит...

— Не надо. Пусть не беспокоит, я в тебя верю.

Когда комкор оставил их, Юн Тя Ги заговорил тихо, чтобы его не слышали:

— Я ведь всех помню, с кем тогда были вместе, кого хочешь назову по имени... А ты хоть имел возможность [117] подучиться немного? В училище не посылали?.. Противник уже знает, что вы здесь, называет «столичной дивизией». Выходит, отборными по отборным бить будем?

— Но ведь ты знаешь, что дивизия только что сформирована. Меня действительно беспокоит очень...

— Ну, это ты не прав! — воскликнул Юн Тя Ги. — Бояться не надо. Одно тебе скажу: американские солдаты не из мифологии, пули в них попадают и еще как!

— Есть здесь еще кто-нибудь из наших? Мне кто-то говорил, что...

— А как же! — не дал ему договорить Юн Тя Ги.

— Кто?

— Пока не спрашивай. Будешь на переднем крае, сам увидишь... Есть у тебя фотокарточка? Дай мне.

— С удовольствием... Да, а кто у тебя комиссар?

...С комиссаром Шан Чжи-ин познакомил своего товарища только после совещания. Продолжалось оно недолго. В ходе обмена мнениями было решено, что китайская дивизия примет на себя оборону всего района 10 октября, а за три дня до этого добровольческие части будут выведены на позиции и займутся сооружением блиндажей.

Когда совещание закончилось, нескольких командиров начальник штаба задержал, чтобы отправиться с ними на рекогносцировку в район высоты Эинсан. Шан Чжи-ин

попросил разрешения не ехать с ними. Ему хотелось сначала побывать в долине Мундынок и посмотреть все самому. Встреча со старым другом вернула ему спокойствие. Он уже не сомневался теперь, что порученную задачу выполнит.

Два острых как кинжал луча пронзили ночную мглу и нацелились на вершину Цзихесана. Можно было подумать, что на ней только что выпал снег.

— Каждую ночь тарачит на нас свои глазища. Просвечивает,— слышался в темноте голос комкора.— Сейчас палить начнет.

Как бы в подтверждение его слов, высоко в небе просвистел снаряд и гулко разорвался где-то за горой. Американцы били из дальнобойных. С переднего края отчетливо донеслась продолжительная пулеметная очередь — противник, очевидно, засек колонну грузовиков, двигавшихся к фронту. На юго-востоке небо перечеркнули стрелы цветных ракет. [118]

— Ну, желаю успеха,— сказал командир корпуса, прощаясь с Шан Чжи-ином и Чжай Цзы-ни за руку.— Будем ждать от вас хороших вестей... Ты едешь? — повернулся он к заместителю командира дивизии.— Машина уже готова.

— Еду, — отозвался Ван Цзянь. — Вот только скажу им в напутствие несколько слов. — Он подошел к Шан Чжи-ину и привлек его к себе. — Все осмотри сам. Много говорить не буду: положение здесь тебе уже известно, да и в подразделениях тоже побывать успел. Применяй теперь полученные знания на деле, время пришло. Но запомни: мы часто тешим себя надеждами, что все кончится хорошо, поэтому готовимся из рук вон плохо. Противник будет пытаться прорвать оборону именно на твоём участке, к этому - нужно быть готовым. Всегда имей под руками достаточно сильный резерв и необходимые огневые средства. Твои позиции — на левом фланге дивизии; подозрительная возня на той стороне,— он кивнул в сторону фронта, — заставляет думать, что главный удар, скорее всего, будет направлен против тебя, и ты должен отдавать себе в этом полный отчет. Если случится так, что фронт окажется прорван, каждый батальон, каждая рота, взвод, отделение должны продолжать бой самостоятельно. Удастся вам удержать свои позиции, тогда мы получим возможность организовать поддержку и изменить соотношение сил в нашу пользу. Паника начнется, бросите позиции, отступать вздумаете — пеняйте на себя. Квартир вам здесь приготовлено не будет. Ясно тебе это?

Шан Чжи-ин понял, что хотел сказать этим заместитель командира дивизии: обстановка может неожиданно измениться в любой день, в любой час, в любую минуту, и заранее предугадать, как развернутся события, невозможно. И, вместе с тем, он почувствовал в обращении Ван Цзяня доверие к нему, отеческую заботу. Именно в ней он нуждался сейчас больше, чем в возвышенных, предназначенных якобы для вдохновения словах о долге, миссии и прочем.

— Знаешь что, комиссар, я, пожалуй, отправлюсь на рекогносцировку с ними, — попрощался он с Чжай Цзы-ни. — А ты уж возьми на себя заботу о людях. Пусть бойцы хорошенько отдохнут.

...Грузовик, в котором командиры выехали на [119] рекогносцировку, перевалил довольно крутой подъем и осторожно, не зажигая фар, стал спускаться в овраг. Дорога, по-видимому, была проложена совсем недавно, машину сильно трясло и все время бросало из стороны в сторону. Ехали по ней примерно час, после чего свернули на хорошо укатанное шоссе. Артиллерийский обстрел не прекращался, взрывы слышались теперь совсем близко. Из тьмы медленно выплывали один за другим крытые брезентом грузовики и по указанию регулировщика останавливались на обгоне в ожидании разгрузки. Работа шла полным ходом, никакой суеты не было видно, люди выстраивались возле машины в очередь, один забирался наверх и начинал подавать команды. Как только машина освобождалась, на ее место вырубивала другая, а та, развернувшись, бесшумно исчезала в ущелье... На повороте дороги Шан Чжи-ин и Юн Тя Ги соскочили с машины и дальше пошли сами. Идти пришлось по крутому уступу. Когда Шан Чжи-ин привык к

темноте, то увидел, что никакой дороги не было, но это его не беспокоило — с товарищем он чувствовал себя, как дома. Склон горы весь зарос каштанами, соснами, пробковыми дубами, цепким низкорослым самшитом. Лес тянулся до самой вершины. В воздухе стоял пьянящий аромат незнакомых белых цветов. Шан Чжи-ин невольно залюбовался природой. «Как здесь красиво!» — подумал он, вспомнив точно такую же ночь во время войны с японскими захватчиками, когда его батальону пришлось самостоятельно вести бой с крупным карательным отрядом противника. Да и ущелье, стиснутое с обеих сторон почти отвесными скалами, чем-то очень напоминало ему дорогу, по которой они тогда шли. Удачно атаковав японцев на исходе дня, они подались в лес и пошли напрямик, рассчитывая к утру снова атаковать их, если не на фланге, то во всяком случае с тыла. Местность была болотистая, ноги все время хлюпали по грязи, идти было очень трудно. Каково же было их удивление, когда утром выяснилось, что они не только догнали противника, но даже оказались впереди него, отрезав все пути к отступлению!.. Это воспоминание показалось Шан Чжи-ину полным глубокого смысла. Много дорог исходил он на своем веку по горам и лесам, по крутым козьим тропам. Более десяти лет провел на войне в бесконечных походах [120] и переходах. Долго ли продолжалась мирная жизнь — не больше мгновения,— и вот он опять идет по лесной тропе, настороженно прислушиваясь к ночным шорохам, готовый в любую минуту сразиться с врагом. Как хорошо, что рядом с ним все тот же преданный товарищ и друг Юн Тя Ги, теперь уже командир отдельной дивизии корейской Народной армии!

— Куда же ты исчез, комдив, после того, как мы с тобой расстались? — спросил он, когда Юн Тя Ги замедлил шаг.

— Да понимаешь, сперва за Великую стену ушел, хотел поскорее добраться на родину. Но потом вместе с армией пришлось идти на юг, до самого Лэйчжоу⁷...

— А я всю жизнь мечтал о юге!..—вздыхнул Тан Чжи-ин. — Дальше Хуанхэ мне так и не удалось побывать.

— У нас здесь есть такие места, которые ни в чем не уступают вашему югу, хотя зимой от снега света не видишь. Правда, фруктов таких нет — личжи, бананов, кокосов, боло...

Некоторое время оба молчали, прислушиваясь к журчанию ручья. Когда снова стали подниматься на гору, Юн Тя Ги вдруг повернулся, собираясь о чем-то спросить Шан Чжи-ина, но ничего не сказал и зашагал дальше. На самой вершине он свернул на едва заметную тропинку в густом кустарнике и вскоре остановился перед входом в пещеру. Словно из-под земли откуда-то послышались невнятные голоса, смех, плеск воды. В дверях пещеры Юн Тя Ги и Шан Чжи-ин задержались. Спиной к ним стоял голый до пояса кореец и умывался из таза. На скрип он обернулся, на минуту застыл растерянный, увидев командира дивизии с каким-то незнакомым человеком, и вдруг бросился надевать китель прямо на мокрое тело.

— Куда спешишь! — рассмеялся Юн Тя Ги. — Вытрись сперва, потом одеваться будешь...

И тут Шан Чжи-ин узнал в смутившемся корейце Цой Сан Кэма, с которым когда-то служил в одной роте. Тот тоже сразу узнал его. В пору было обидеться на Юн Тя Ги, что тот не предупредил их заранее, но [121] они забыли об этом, взволнованные встречей. Понимая их состояние, Юн Тя Ги незаметно вышел, задержав у входа ординарца, и направился в соседнюю пещеру. А они все стояли, держась за руки, и смотрели друг на друга, не находя слов, чтобы высказать сразу нахлынувшие чувства. Но вот Цой Сан Кэм спохватился, что он все-таки хозяин и перед ним гость.

— Судьба! Судьба! — захлопотал он, наводя у себя порядок. — Ведь мы с тобой вместе удерживали когда-то одну позицию. Помнишь? И вот сегодня опять... Здорово! Я ведь теперь полком командую... Судьба! Это она нас свела, не иначе. Били мы с тобой вместе японцев, теперь — американцев...

7 Лэйчжоу — полуостров на южном побережье Китая

Командир дивизии, вернувшийся к этому времени, застал Цой Сан Кэма за мытьем стаканов.

— Ну, насмотрелись друг на друга? Очевидно, обе стороны не были подготовлены к переговорам. Здорово, а?! — Он говорил запросто, нисколько не подчеркивая своего положения старшего начальника. Взяв у Цой Сан Кэма стакан с водой, он подал его с церемонным поклоном Шан Чжи-ину.

— Пей, командир! Мы гостей потчует корейской водицей. Ледяная! Уверен, тебе понравится. Не бойся, у нас в армии сырая вода не под запретом, не то, что у вас. Из родника. От любых болезней излечивает. Ты только попробуй, какая она вкусная! — В голосе комдива Шан Чжи-ин уловил неподдельную гордость. — Пей, пей! Без нее наши горы и представить, нельзя. А красота кругом какая! Воздух чистый, ни пылинки в нем. Рис сладкий. А цветов, фруктов!..

— Я уже видел... Мне все у вас нравится. А водой, брат, ты меня теперь не удивишь. Мы всю дорогу пили ее с наслаждением...

Цой Сан Кэм высыпал на стол сигареты.

— Ты чего вдруг умываться в середине ночи вздумал? — быстро повернулся к нему Юн Тя Ги.

. Цой Сан Кэм улыбнулся в ответ, но ничего не сказал. Комдив и без слов понял причину его молчания: прибыли боеприпасы и командир полка вместе с бойцами участвовал в разгрузке...

Из пещеры вышли вместе. Комдив шел рядом с Шан Чжи-ином. Когда до передней линии укреплений [122] осталось несколько шагов, он вдруг остановился и тихо заговорил:

— Трудно, конечно, нам. Но что такое жизнь? Слово коротенькое, а сколько оно вмещает в себя сейчас! Всё, с чем мы сталкиваемся каждую минуту, свои желания и мысли, мысли и желания бойцов; их дела. О еде нужно думать, о жилье, и все это — под непрекращающимся артиллерийским огнем. Над головой днем и ночью летают снаряды, назад оглянешься — сожженный лес, впереди — противник... — Юн Тя Ги понизил голос до шепота. — Вон, видишь оборонительные сооружения? Чего нам стоило возвести их!.. Слова-то вроде обыкновенные. А без этих укреплений — ни укрыться от огня не сможешь, ни противника удержать. «Сооружение оборонительных укреплений»! Когда-то мы прорабатывали эту тему на учениях. Но ведь тогда все это было для опыта, для сноровки. А сейчас от них зависит жизнь. Только здесь я понял, что значит «сооружение оборонительных укреплений». Вздохнуть времени нет, бои не прекращаются, а ты строй! Честное слово, легче таскать под огнем боеприпасы, чем строить эти укрепления, когда у тебя каждый человек на учете... Вот какое наше положение. Другому я бы об этом не рассказывал, а тебе говорю. Я знаю, что ты не будешь подавлен им, но понимать наши трудности ты должен... Ну, пошли, держись за меня, здесь будет трудно идти...

18

Над землей со свистом проносились снаряды. Ночное небо то и дело рассекали линии трассирующих пуль. В воздухе стоял несмолкающий гул разрывов. Люди передвигались, выдерживая дистанцию, часто пригибаясь к земле, чтобы укрыться от прямого попадания. Вдруг сзади послышался приглушенный стон.

Шан Чжи-ин резко повернулся и пошел назад. Два командира волокли кого-то под руки; тот, обессиленный, еле держался на ногах. Рядом с ними стоял Ван Бин-чэнь и молчал, сжимая кулаки. Заметив командира полка, он смущенно опустил голову:

— Янь Чжэнь-лун...

— Что с ним? — вздрогнул Шан Чжи-ин. Янь [123] Чжэнь-луна только недавно назначили в батальон Ван Бин-чэня командиром взвода.

— Ранен?

— Какой там ранен!.. Голова закружилась, вот и мутит всего...

Словно в подтверждение этих слов, Янь Чжэнь-лун снова схватился за живот и застонал. Лицо его выражало смертельный испуг.

— М-м-ма!.. Я не м-м-могу идти дальше...

С минуту Шан Чжи-ин ждал, не произведет ли на взводного впечатление то, что перед ним стоит командир полка. Но тот застонал еще громче. Тогда он повернулся к Ван Бин-чэню и посмотрел на него взглядом, полным осуждения. «Эх ты, комбат! Что же это ты так?!» — прочитал в этом взгляде немой укор Ван Бин-чэнь.

— Немедленно отправь назад, — распорядился Шан Чжи-ин. — И предупреди, чтобы не болтал всякий вздор, когда вернется.

Он почувствовал глубокую антипатию к этому хлюпику, потерявшему самообладание при первых же выстрелах. И в то же время ему было стыдно. Полк еще не выступил на позиции, командиры только сейчас отправились на рекогносцировку — и такая неприятность! Что подумают корейские товарищи?! Радостное волнение, в котором он находился все время после встречи с друзьями, исчезло. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не взорваться. На вопрос Юн Тя Ги, спросившего его с участием, что произошло, он ответил коротко:

— Да пустяки, отправил одного назад. Пошли!

Идти было действительно трудно. Дорога шла по крутому склону, поросшему густым девственным кустарником. Место было пустынное, нехоженое; по-видимому, до войны здесь вообще никто никогда не бывал. Снаряды продолжали рваться ближе к вершине. После каждого взрыва на голову дождем сыпались комья земли, мелкий гравий, сорванные с деревьев листья. Местами лес горел. Взрывные волны обдавали жаром, спирали дыхание. Шан Чжи-ин взглянул на часы, чтобы определить, как часто бьют орудия противника, — интервалы между взрывами длились не более трех минут. Огонь велся прицельный, по точно рассчитанному плану. Шан Чжи-ин шел рядом с Юн Тя Ги, в нескольких шагах впереди шел Цой Сан Ким. За высотой с отметкой [124 «635,8» начался пологий подъем. Это была небольшая безымянная высота, по которой и проходил передний край обороны.

— Дальше нельзя, — остановился Цой Сан Кэм, подавая рукой знак ложиться.

Полком добрались до окопа, обороняемого взводом Ен Кым Тхя. Во взводе было всего пять бойцов. Увидя китайцев, Ен Кым Тхя сразу все понял.

— Когда они прибыли? — тихо спросил он командира дивизии.

— Только что.

— Только что-о... — протянул Ен Кым Тхя. — А когда на позиции?

— Сейчас и выйдут, — успокоил его комдив. — Ты думал, ждать будут?

Ен Кым Тхя вытянулся, вспомнив, что еще не доложил командиру, и, прижав к груди автомат, четко отдал рапорт:

— Товарищ командир дивизии! Взвод... Ой, пригнитесь, здесь опасно!..

— Ничего, ничего, не бойся. Наши гости — народ бывалый.

На рекогносцировку Шан Чжи-ин вывел командиров стрелковых рот, артбатарей, дивизиона тяжелых минометов, начальника тыла полка и командиров роты связи и санотряда. Вместе с ними прибыли связные и ординарцы. Решено было сперва пройти по переднему краю, чтобы ознакомиться с фронтом и обоими флангами позиции, прикрывавшей собою выход из долины Мундынок. Закончив осмотр, быстро решили, какой принять боевой порядок, выбрали места для пунктов боепитания, огневых позиций и наметили пути выноса раненых.

В полк вернулись только перед рассветом. Когда все командиры были собраны, Шан Чжи-ин развернул карту и попросил внимания. Все ожидали услышать от командира полка мобилизующую речь. Но Шан Чжи-ин говорил мало, только то, что нужно было сказать.

— Огневые средства батальонов расположите вот по этой линии. Полковую артиллерию — здесь...

При первом же взгляде на карту командиру батареи стало ясно, что мог означать выбор этого места для [125] полковой артиллерии. Разместить ее здесь, за этой безымянной высотой, было равносильно тому, чтобы выдвинуть орудия на передний край. Артиллерия была придана полку из средств, находившихся в непосредственном подчинении дивизии, и командир батареи, рослый детина довольно грозного вида, удивился такому решению. Что он себе думает — командир полка? Кто выдвигает орудия так близко к переднему краю? Их задача — противостоять артиллерии противника...

Шан Чжи-ин рассмеялся. К нему вернулась его прежняя уверенность.

— А ты не думаешь, что противник может прорвать фронт? — спросил он. — Задача твоих орудий вовсе не в том, чтобы противостоять неприятельской артиллерии, с этой задачей они не справятся. Твоя задача — инженерные сооружения противника и пулеметные гнезда. — И, считая разъяснение достаточным, Шан Чжи-ин повернулся к командиру дивизиона тяжелых минометов. — Осмотри еще раз огневые позиции корейцев, Инь Цин-си. Мне думается, оттуда будет нетрудно контролировать линию фронта...

Отдав приказание артиллеристам, Шан Чжи-ин задумался на минуту. Его взгляд остановился на командирах стрелковых подразделений.

Ван Бин-чэнь стоял ни жив ни мертв. В конце концов теперь все зависело от настроения командира полка, а оно не предвещало ничего хорошего. Что, если Шан Чжи-ин станет распекать его при всех, а потом примется читать нотации? Да и какой район обороны он отведет его батальону? Ответить на эти вопросы было трудно. Оставалось рассчитывать на худшее.

А командир полка думал в это время о небольшой безымянной высоте, на которую они поднялись с Юн Тя Ги, когда осматривали позиции на переднем крае. Прикрывая собой высоту с отметкой «635,8», она как бы вклинивалась в боевые порядки противника, создавая одновременно и благоприятные и неблагоприятные условия для обороны. Ее преимущества и отрицательные стороны были особенно видны на карте. Именно здесь пройдут линии наступления противника, эта высота станет объектом массированного огневого налета, когда противник начнет артиллерийскую обработку переднего края перед переходом в наступление. Если ему [126] удастся занять эту высоту, он не только сможет просматривать всю долину, но и так организует систему огня, что ты головы не поднимешь. Удержать ее нужно, во что бы то ни стало. Но как обеспечить связь с КП полка? Ведь подходы к высоте простреливаются противником с трех сторон, днем сообщение вообще невозможно. Стоит противнику заметить малейшее движение — и высота взлетит на воздух. Чего доброго он еще и авиацию вызовет!..

— Что ты скажешь, товарищ Ван Бин-чэнь? — неожиданно спросил Шан Чжи-ин. Говорил он спокойно, словно советовался с ним, и у Ван Бин-чэня отлегло от сердца. Очевидно, командир полка решил поручить оборону восточного фланга его батальону. — Помнишь маленькую высотку, вклинившуюся в боевые порядки противника? Впереди высоты 635,8? Какую роту на нее поставишь? Главное, конечно, чтобы командир...

Это, несомненно, был тактический ход. Шан Чжи-ин нарочно сделал паузу, чтобы испытать, как будут реагировать на его вопрос все командиры рот. Медленно переводя взгляд с одного ротного на другого, он на секунду задержался на Шан Чжи-лине. Взгляды братьев встретились. Но командир полка ничем не выдал себя. Равнодушие командира полка удивило Ван Бин-чэня. Он тоже смотрел на своих командиров рот, пытливо оценивая каждого, хотя выбор давно уже сделал. Он и сам не смог бы ответить, почему решил подождать с ответом.

Пока командиры собирались на совещание, Шан Чжи-линь сидел у входа в укрытие и о чем-то спорил с командиром 1-й роты.

— Чан Кай-ши, конечно, подлая тварь. Но американцы еще подлее, — доказывал

командир 1-й роты. — У нас на войне я такого артогня не видел.

— А сейчас видишь?

— Да ты чего смеешься? Пренебрегать таким огнем?

— Не привык еще? — усмехнулся Шан Чжи-линь. — Ничего, привыкнешь.

— А вот и нет. Это только ты можешь привыкнуть, а я нет.

Шан Чжи-линь не ответил ему. Он смотрел в сторону леса, где на месте только что разорвавшегося [127] снаряда разгоралось пламя. «Опять горит!» — подумал он и повернулся к товарищу. В его глазах было какое-то лукавое, детское выражение, словно реальная опасность только подзадоривала его.

— Говоришь, нет? А ведь я, правда, привык. Первый снаряд разорвался, второй еще летит, а я уже привык. Ведь это он на испуг нас берет, неужели не понимаешь?

— Не хвастайся, — возразил командир 1-й роты. — Ты слишком все упрощаешь.

— Нисколько не упрощаю. Ты вот скажи, что есть у американцев? Нет, нет, насчет пушек и стали — это я сам знаю. Пехота годится у них на что-нибудь? Ни на что! Придет время, сам увидишь, пойдут ли они на штыковой бой...

Спор мог затянуться, если бы не началось совещание. Шан Чжи-линь внимательно прислушивался ко всему, недоумевая, почему тянет Ван Бин-чэнь. Пока командир полка не раздумал, нужно соглашаться. И неожиданно для всех он вырвался вперед, вытянувшись перед командиром батальона по стойке «смирно».

— Товарищ комбат, поручи эту задачу нам. Ведь мы уже говорили с тобой об этой высоте. От имени всей роты прошу...

Ван Бин-чэнь все еще молчал. Но по его глазам Шан Чжи-линь понял, что он рад за него. Всю дорогу с переднего края Шан Чжи-линь упорно «обрабатывал» комбата, стараясь внушить ему свою нехитрую философию: настоящий командир должен быть полон решимости и отваги, тогда для него ничего не страшно. И все же что-то удерживало Ван Бин-чэня от принятия решения.

— Чем ты гарантируешь?

— Я?! — вспыхнул Шан Чжи-линь, испугавшись, что задача может быть поручена другой роте. — Я все-таки коммунист!

— А ты читал приказ?

— Читал! Если на позиции останусь даже один я, до последнего дыхания...

— Это пассивный метод мышления, — остановил его комбат. — Стойкость нужна до конца, но драться придется за каждый вершок. [128]

Шан Чжи-линь еле сдерживал себя.

— Значит, весь наш разговор впустую? А я-то думал, ты мне веришь!..

— Хорошо, поручи им! — прекратил спор Шан Чжи-ин. Пока шла перепалка между ними, он молча стоял в стороне, играя карандашиком, и делал вид, что рассматривает карту. Повернувшись всем корпусом, он посмотрел брату прямо в глаза. — Но при одном условии. Бить нужно метко. Если будете мазать, разрешение отменю. Другая рота найдется, можешь не сомневаться.

Шан Чжи-ин остановился и перевел взгляд на комбата.

— За нас можете быть спокойны, товарищ командир полка, — торопливо сказал Шан Чжи-линь, перехватив его взгляд.

Шан Чжи-ин кивнул брату; тот отдал честь и отступил шаг назад, облегченно вздохнув. Возвращаясь на свое место, он не удержался и бросил Ван Бин-чэню:

— Вот увидишь, докажу!..

Отдав нужные распоряжения, Шан Чжи-ин повел всю группу командиров снова на передний край, чтобы осмотреть позиции полка уже при дневном свете. Расположились в густом орешнике возле обрыва, откуда, как им сказал Юн Тя Ги, открывается хороший обзор местности.

Взошло солнце. Огни пожаров померкли, и только клубы дыма над лесом напоминали о событиях ночи. Солнечные лучи залили розовым светом угрюмую вершину

Эинсана. Незаметно золотом окрасился весь хребет. Туман прижался к земле, стал редеть. Прошло еще некоторое время, и вот взгляду открылась большая вытянувшаяся в длину деревня, расположенная в центре долины. Это и была Мундынри. С севера к ней вело шоссе, словно горы нарочно расступились, чтобы дать ему место. Шоссе и широкая прогалина, образуемая горами, были открыты противнику. На эту особенность рельефа местности Шан Чжи-ин обратил внимание сразу. Здесь, на этой прогалине, его полку предстояло закрепиться и подготовить себя к обороне. Две высоты, входившие в район обороны, могли, конечно, служить опорными пунктами, но особенно рассчитывать на них не приходилось. Противник, безусловно, применит тактику «танковых клиньев». Массированное [129] использование танков при прорыве должно будет обеспечить ему возможность вывести на оперативный простор пехоту. Задержать танки — эта задача легла на плечи его полка. Нелегкая задача! Здесь, именно здесь, противник постарается показать не только себя, но и свое превосходство...

Шан Чжи-ин вспомнил слова заместителя командира дивизии, сказанные ему на прощанье: «Учти, главный узел — тебе рубить, будь готов противостоять вражеским танкам!» Он подошел к группе командиров, молча стоявших на краю обрыва, за которым простиралась долина. Найдя среди них Шан Чжи-линя, он остановился и позвал его к себе. Шан Чжи-линь был взволнован. «А ему будет тяжелее всех! — подумал Шан Чжи-ин. — Сознает ли он полностью, что предстоит ему сделать?» В сосредоточенном взгляде брата он прочел тот ответ, который и хотел получить.

— На долину смотришь, Чжи-линь? Коварная она, ох, коварная!.. Главный удар будет направлен на тебя...

19

Части расположились в густом лесу, опоясывавшем гору у самого подножия.

В ожидании Шан Чжи-ина, который вызвал на рекогносцировку всех командиров батальонов и рот, подразделения отдыхали, радуясь представившейся возможности выспаться, обсушиться, привести в порядок промокшие за время марша продовольственные запасы и фураж. Утро выдалось тихое, ясное. Люди словно забыли про усталость и, хотя в воздухе было еще довольно прохладно, высыпали из палаток. Лес огласился многоголосым гамом, песнями. Трудно было представить себе, что еще вчера здесь царило угрюмое безмолвие и не было ни палаток, ни людей, ни грузовых машин, ни орудий. С первыми лучами солнца туман рассеялся, все вокруг заблестало, ожило. Люди бежали по росистой траве на речку умываться. Из палаток выносили для просушки одеяла, обмундирование. Мысли о предстоящем, о близких боях, которые не давали покоя все эти дни, отодвинулись куда-то в сторону, померкли, вытесненные воспоминаниями о том, что осталось далеко-далеко позади, в тысячах ли отсюда. [130]

Образ Сяо Фэн неотступно стоял перед глазами Цзян Вань-цзе. Ему было грустно и в то же время радостно. Радостно от сознания того, что, пройдя столько дорог, пережив столько передраг, он вдруг почувствовал, как дорога ему любовь Сяо Фэн. Его ждут дома, ему верят! А он, он до сих пор еще не отдал политруку своего заявления. Что сказала бы Сяо Фэн, узнав об этом!.. Если он и сегодня не напишет заявление, как может он думать спокойно о Сяо Фэн!.. Высмотрев укромное место, он забрался в кусты и сел писать.

Но... не тут-то было. Зашуршала листва, и где-то вверху, в ветвях дерева, послышался чей-то вкрадчивый голос:

— Чего прячешься? Письмо пишешь? Кто же она такая?.. Но, но, только не вздумай отнекиваться!.. Красивая? Какие у нее глаза, большие или маленькие?

Конечно, это был Ван Кунь — кто еще мог следить за ним!.. Еще на родине Цзян Вань-цзе заметил, что этот сорвиголова так и льнет к нему. После того, что произошло на реке, они сдружились еще больше, и теперь тот не отпускал его от себя ни на шаг. Перед своим другом у Ван Куня не было никаких тайн. Цзян Вань-цзе знал, как выглядит его

деревня, кто из его ровных жив, сколько у него товарищей, знал по имени всех деревенских девчат. Он тоже делился с ним дорогими сердцу воспоминаниями, но о Сяо Фэн молчал, ничем не выдавая своих чувств. А Ван Кунь догадывался. Догадывался и завидовал его счастью, как, впрочем, завидовал и всем другим.

— Так какая она? Красивая? Ты не бойся, я смеяться не буду. Красивая? — не унимался Ван Кунь. — Молчишь? Что ж, дело твое, я всем расскажу, какая она у тебя. Но потом на меня не обижайся!..

Все мысли в голове Цзяк Вань-цзе смешались. Он и не думал отпираться, но сразу как-то растерялся. Как он расскажет Ван Куню, красивая ли Сяо Фэн? Он сразу; узнает ее в многотысячной толпе. Она — самая красивая, все в ней ему нравится. Но с чего начать говорить?

— Нет,— вздохнул наконец он, — не знаю, как тебе сказать. Вот когда она смотрит на тебя, она всегда шурится, в глазах улыбка, такая нежная... А то вдруг [131] засмеется! Возьмется за обе щеки и хохочет... До чего она любит смеяться!..

Несвязная речь Цзян Вань-цзе, к его собственному удивлению, вполне удовлетворила Ван Куня, так как тот решительно спрыгнул на землю.

— Сколько раз ты говорил с ней?

— Что значит — сколько? Как увижу, всегда разговариваем.

— И гулял?

— Ну, гулял.

— Сколько раз?

— Вот пристал!.. Один! — смущенно пробормотал Цзян Вань-цзе, чувствуя, что находится совсем не на высоте. Сказать бы — десять, двадцать четыре, но ведь с Сяо Фэн он был вместе всего один раз, да и то лишь несколько минут!

— Гладил ей руку? — продолжал допытываться Ван Кунь.

— Ну и дотошный же ты, скажу я тебе! — протестующе взмолился Цзян Вань-цзе. Вопрос Ван Куня вогнал его в краску. — Зачем тебе это знать?

Ван Кунь рассмеялся.

— Скажешь, тогда отстану. Жалко?

Цзян Вань-цзе вовсе потерял власть над собой.

— Я ее взял за руку, а она...

— Поцеловал?

Цзян Вань-цзе оторопел.

— Да ведь первый раз были вместе!.. Ты в своем уме?

— Эх, такой случай упустил! Испугался?

— При чем тут испугался! Ведь если бы я не пошел записываться в добровольцы, очень может быть, она и не полюбила бы меня, понимаешь ты это?! Только накануне отъезда объяснились мы с ней, а так все пряталась...

Цзян Вань-цзе замолчал. Тревожные воспоминания нахлынули на него с новой силой.

— А я сразу догадался, что ты ей пишешь! Она, наверное, только о тебе и думает.

Насмешливый тон, каким это было сказано, вывел Цзян Вань-цзе из себя.

— Поосторожней! — пригрозил он Ван Куню кулаком. — Будешь трепаться — отколочу! [132]

Но втайне он был даже рад, что Ван Кунь не сообразил, зачем он уединился. Стараясь сдержать волнение, он снова принялся писать. Теперь присутствие Ван Куня ему было безразлично.

Чтобы не мешать товарищу, Ван Кунь сел в сторонке, разулся и подставил ветру пропотевшие ступни ног. На его лице появилась уморительная гримаса.

— Ого! Смотри ты, как натер! — заговорил он сам с собой. — Обе сразу, одна от другой не отстают!.. Находились же вы, ножки мои! Всю Северную равнину исходили, от Великой стены до Ялуцзяна дотопали, границу перешли... Цзян Вань-цзе, а Цзян Вань-

цзе! Не знаешь, когда по-настоящему сможем вымыться? В бане!.. Сколько еще будем торчать здесь и кормить черепах?.. Ты не уснул?

Односложный ответ Цзян Вань-цзе, думавшего сейчас совсем о другом, не удовлетворил его. Он и сам знал, что командира отделения Тан Чжун-сюня вызвали в роту на какое-то совещание и когда он вернется — никому не известно. Резаться в карты от нечего делать или болтать о пустяках ему уже порядком надоело.

— У кого бы достать ножницы? Видал, волдырь какой натер на пятке? Сейчас подсох и можно было бы срезать... — Отругав походя американцев, виновных в его волдырях, Ван Кунь вдруг спохватился. — Да! Цзян Вань-цзе, я не помешал тебе? Обещай, что ты не будешь меня бить?

Теплые солнечные лучи ласково грели лицо, босые ноги, и когда Ван Кунь закрывал глаза, ему казалось, что это дедушкина корова облизывает их теплым шершавым языком, как облизывала своего маленького теленочка. Ван Куню было сейчас так хорошо, что он уже жалел, зачем обидел товарища.

— Вот придем на позиции, тогда и жизнь будет... — проговорил он задумчивым голосом. — Вещи все уложим на место, заведем нормальный распорядок... Цзян Вань-цзе, ты все пишешь? А чего писать-то? Сам должен был сказать ей. На словах легче!..

Цзян Вань-цзе не слышал его. Два листка бумаги он уже испортил из-за него и теперь был вынужден писать заново. Последний вопрос Ван Куня напомнил ему о его существовании. Он быстро подобрал вырванные из тетради листки, скомкал и сунул в рот, чтобы скрыть [133] всякие следы своей работы. «Что со мной делается? — подумал он. — Почему я не могу собраться с мыслями?». На его прямом веснушчатом носу выступили капельки пота. Он только теперь сообразил, что действительно не написал еще домой ни строчки. Перед оставлением родины все отправили домой письма, один он ничего не написал. Когда же он отнесет политруку свое заявление?..

На противоположном конце поляны в густой траве показалась голова Яо Цин-линя.

— Цзян Вань-цзе, а я вас ищу! — закричал он, увидя товарища. — Ты смотри, что я нашел! Настоящие грибы. Эх, поджарить бы их с мясом! Совсем молодые, там еще есть. И знаешь сколько?! Это после дождей. Жалко, некому их собирать. Тут, в этом лесу, столько добра! — С этими словами Яо Цин-линь осторожно извлек из карманов две лиловые, похожие на перламутр грозди дикого винограда.

— Где достал? — в один голос воскликнули Цзян Вань-цзе и Ван Кунь, вскакивая на ноги.

Яо Цин-линь весело оскалил зубы, густо окрашенные виноградным соком.

— Туда нельзя! — таинственно зашептал он. — Иду я, понимаете, платок выстиранный сушу на ветру, и вдруг слышу: в кустах кто-то разговаривает. Остановился. Кого бы, вы думали, увидел? Всех командиров отделений. С политруком совещаются...

— Подслушал хоть, о чем?

— Я такими делами не занимаюсь.

— А я бы обязательно. Что-нибудь сообразил бы, если бы заметили... Политрука ищу, сказал бы им!. — нашелся Ван Кунь.

— Наш отделенный с кем-то спорил. Лицо у него было красное, шея вздулась...

— Для нас старается, конечно! Очень ему интересно, чтобы другому отделению досталась настоящая задача!..

— Правда? — быстро переспросил Ван Кунь. — Для нашего отделения?

— Кто знает! — развел руками Яо Цин-линь. — Но похоже, что поспорил крепко,

— С политруком?

— Нет, не с ним. [134]

— Ну, тогда бояться не надо.

— Как так не надо?! А я как раз и боюсь, что не нам поручили!

По озабоченному выражению лица Яо Цин-линя Ван Кунь понял, что тот чего-то не договаривает. Однако тот действительно ничего больше не знал и сам терялся в

догадках.

— Ротный уже вернулся? — спросил Ван Кунь.

— Не видел.

— Тогда надо ждать ротного. Он же обещал нам!..

Из всего этого разговора Цзян Вань-цзе понял, что с минуты на минуту судьба их отделения будет решена. Куда их назначат — ещё не известно. Но времени остается в обрез. Не мешкая, он оставил Ван Куня с Яо Цин-линем, а сам сел под деревом и стал торопливо дописывать свое заявление.

Вскоре к ним подошел Тан Чжун-сюнь. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего, и все же все трое так и потянулись к нему. Тан Чжун-сюнь молчал. Бойцы напряженно ждали, что он скажет.

Вслед за Тан Чжун-сюнем на поляну вышли политрук Жань Чунь-хуа и остальные командиры отделений. Жань Чунь-хуа знал, что его поддержка очень может понадобиться сейчас отделенным.

20

Вечером Жань Чунь-хуа вышел из палатки, чтобы послушать, о чем говорят бойцы. Его сразу же обступили со всех сторон.

— Ладно, ладно, только не паниковать! — отшучивался он. — Сперва нужно отдохнуть как следует. Вы разве уже отдохнули?

— Нет.

— Спать нужно, отбой был дан.

— Не спится... Как вы думаете, товарищ политрук, добьется командир роты, чтобы мы были впереди?

— Командир наш с головой! Добьется!

— Об этом потом, товарищи. А сейчас спать. Не спится — попробуй считать листья на дереве. Считай, считай, пока не уснешь.

Через минуту Жань Чунь-хуа был уже в другом месте. [135]

— Ну как, обсохли?

— Да как сказать!..

— Посмотрите, на кого вы похожи! Где ваш отделенный? Провиант на земле... Почему обмундирование не вывесили на просушку?

— Товарищ политрук, а американских чертей еще не видно?

Жань Чунь-хуа улыбнулся неуклюжей хитрости бойца.

— Скоро увидим. Тебе не терпится?

Боец стиснул кулаки.

— А то как же! Руки чешутся.

— Вот это верно. Но ты не волнуйся, теперь уже скоро.

По вопросам бойцов Жань Чунь-хуа понял, что всех их беспокоила та же мысль, которая беспокоила и его. В роте все уже знали, что Шан Чжи-линь вернулся с переднего края и на обратном пути успел побывать даже в штабе у корейцев. Приказ отдохнуть и привести себя в порядок был отдан им. Поговорив немного с Жань Чунь-хуа, Шан Чжи-линь отправился в полк.

— Ну, что скажешь в напутствие? — спросил он у Жань Чунь-хуа перед уходом.

Некоторое время Жань Чунь-хуа молчал, потом сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Конкретно задача, думаю, будет определена там. Добивайся, чтобы нас назначили на передний край...

Об этом Жань Чунь-хуа думал все время, пока Шан Чжи-линь находился на рекогносцировке. Нараставший оружейный гул убеждал его в том, что рота вот-вот должна будет войти в соприкосновение с противником. Чем больше он думал об этом, тем

все яснее сознавал, что работа в роте почти не начата. Настроения среди бойцов разные: одни думают о родине, о доме, словно там они оставили свое сердце, у других все мысли прикованы к американцам — они-де и такие, и сякие, и авиацию имеют... Не сразу поймешь, что скрывается иной раз у человека за невинной шуткой. Да и сам он? Разве его не беспокоит то же, что беспокоит бойцов? Предстоит испытание для всех без исключения: одни сложат здесь свою голову, другие оросят своей кровью эту каменистую землю, не все вернутся домой, овеянные славой... [136]

Чувствуя усталость во всем теле, Жань Чунь-хуа прилег в траве отдохнуть. Он лежал, пристроившись возле кожаного мешка и ящика полевого телефона, курил и смотрел в небо. В ворохе мыслей, не дававших ему покоя, он хотел найти главное, основное, за что можно было ухватиться и получить ответ на все свои вопросы. Лежать на земле было холодно, но он вдруг почувствовал, что мысли постепенно принимают верное направление, словно туман в голове рассеивается и все становится на свое место. Ему даже показалось, что он совсем не устал. Перед его глазами стояла вся его рота, воспитание которой поручено ему партией. Он видел в лицо каждого бойца. Все они смотрели на него, и в их взглядах он читал одно: «А я смогу, политрук?» Смогут ли они — все вместе и каждый в отдельности — выполнить то, что доверила им родина? Ответить на это должен был он. Рота полностью укомплектована. В ней сейчас двадцать один член партии и девятнадцать членов Союза молодежи. Они — главная сила, от них и только от них зависит теперь, будет ли одержана победа в боях с американскими агрессорами или рота потерпит поражение... Жань Чунь-хуа вскочил на ноги и, ни о чем больше не думая, пошел по отделениям. «Кто тебе позволил лежать здесь в такое время? — ругал он самого себя. — Ты забыл, что ты в ответе за них?»

Орудия гремели так близко, что многие бойцы выползли из палаток и сбились в кучу, напряженно всматриваясь в темноту. Жань Чунь-хуа подошел к ним и встал рядом. Кто-то заметил его и уже хотел подать знак прятаться, но Жань Чунь-хуа остановил его.

— Не надо... Беспокойно, ребята?.. Когда я в первый раз попал под такой огонь, я места себе не находил.

— А теперь привыкли? — спросил кто-то из темноты.

— Теперь привык. А тогда привычки не было. Смотрю я на вас, ребята, вы куда лучше меня держитесь. У меня сердце так и подпрыгивало всякий раз. Пролетит снаряд над головой, и я чувствую, что позвоночник леденеет. Не верите? Честное слово даю!

Восклицание это вырвалось у него так неожиданно, что стоявшие рядом с ним бойцы рассмеялись.

— Вы будьте спокойны, товарищ политрук. Мы такими не будем!.. [137]

— За всех говоришь? В таких случаях каждый должен говорить только за себя. За другого разве возьмешься ответить?

— Как за другого? — заговорили все сразу.

— Я, например, не решусь.

— И я.

В это время низко над землей пронесся с вихрем артиллерийский снаряд. Многие бойцы втянули головы в плечи.

Жань Чунь-хуа рассмеялся. Бойцы переглянулись между собой и тоже рассмеялись. Кто-то боязливо провел рукой по лицу, словно хотел избавиться от испытанного им только что страха. А Жань Чунь-хуа продолжал, как ни в чем не бывало, не подавая вида, что все это заметил.

— Да я не о вас, товарищи, о самом себе, честное слово! Когда я в первый раз услышал такой же вот свист, — правда, это было на поле боя, — я спросил у отделенного: что это? «Как что, — ответил отделенный, — снаряд!» — и приказал ложиться. Я тут же повалился на землю. Не успел снаряд разорваться, а я бежать. Отделенный схватил меня за ногу и кричит: «Стой, дурак, не шевелись! Побежишь — обязательно нарвешься». После этого я уже не поднимался. Сколько тогда противник на нас снарядов выпустил —

сказать трудно, но когда кончился обстрел, я вскочил и от радости, что остался жив, ношусь как угорелый. А отделенный опять: «А ну, замри, дурья голова! Будешь бегать, снаряд наверняка тебя нагонит!» Потом политрук со мной беседовал. «Не беспокойтесь, — говорю, — товарищ политрук, я знаю средство, как со снарядом управиться». «Какое такое средство?» — спрашивает. «А средство, как прятаться от снаряда!» — говорю. Политрук уставился на меня во все глаза и ждет, что я еще скажу. Я молчу. «Ты, — говорит тогда он, — для чего в солдаты пошел? Чтобы от снаряда прятаться?.. Мужики с бабами от снарядов в тыл уходят, а солдат должен вперед идти. Где огонь артиллерии гуще — туда и иди. Не бояться противника надо, а ненавидеть его, тогда все будет в порядке. Видел, что он с нашими полями сделал, сколько деревень пожег, народу сколько перебил!..» Не сразу я все это понял, но когда разобрался где что, такая во мне ненависть поднималась, [138] когда он начинал бить из орудий, что... Почему американцы бьют сейчас? Знают, что мы подошли. Чан Кай-ши ихнему не помогла помощь, вот теперь они сюда лезут. Думает Трумэн, сучий сын, что отсюда легче будет к нам забраться!.. Уходил я сюда, жена плакала. Кто знает, вернусь ли я на этот раз домой! Я сразу понял, к чему это она, но жду, что дальше скажет. Поживи, говорит, еще несколько дней дома. Несколько дней? Я сто лет хочу жить, а не несколько дней. Но кто будет воевать, если все захотят жить дома? Ведь американские черти из нас крошево сделают!..

Жань Чунь-хуа говорил, все более воодушевляясь. Он и сам не заметил, что вокруг него было уже не несколько бойцов, а вся рота. Люди все подходили и подходили. И когда, наконец, он понял, что собрал целый митинг, смутился и сказал:

— Ну, чего ж вы спать не идете? Отдыхать надо. Идите, идите, утро вечера мудренее... А ну, по палаткам!..

Жань Чунь-хуа решил обойти все отделения. Но оказалось, что сделать это не так просто. Повсюду в хаотическом беспорядке было нагромождено походное имущество, и он то и дело спотыкался, падал и нередко должен был зажигать электрический фонарик, чтобы как-нибудь выпутаться из лабиринта веревок, натягивавших палатки. С большим трудом он выбрался на тропинку, где смог ориентироваться. Осмотревшись, он направился к первой палатке. Это была палатка отделения Тан Чжун-сюня. Вокруг было тихо, поэтому приглушенные голоса изнутри слышались довольно явственно. Как только он вошел, отодвинув полог, Тан Чжун-сюнь поднялся и подал знак молчать. Бойцы встали, чтобы уступить политруку место.

— О чем спорите? — спросил Жань Чунь-хуа.

— Да так, пустое, — отозвался Цзян Вань-цзе. — А почему вы не спите, товарищ политрук?

— Не спится, — доверчиво ответил ему Жань Чунь-хуа. — Вам что — завалились на боковую и ни до чего дела нет. А нашему брату за все в роте отвечать надо. Беспокоимся, беспокоимся... Скажем, народ обязательства давал. Все написали, никто, кажется, в стороне не остался. — Он сделал паузу, и Цзян Вань-цзе догадался, что политрук смотрит в его сторону. — Но ведь [139] смелость бывает разная. У одних ее больше, у других — меньше, а есть и такие, у которых ее вовсе нет. Но все пишут, вот и они тоже... Получается, что на бумаге обязательство человек дал, а в душе еще не готов выполнить его. Верно? А вы как считаете, все у нас по-настоящему полны решимости или еще думают?..

Он хотел сам ответить на этот вопрос, но решил подождать, понимая, что многое в роте еще не сделано. Делиться с бойцами своими сомнениями и горестями он никогда не боялся, зная, что в этом случае скорее найдет путь к человеческому сердцу. По настроженному молчанию солдат он догадывался, что они сочувствуют ему и даже жалеют: отбой для всех дан, а политрук все ходит и ходит от одной палатки к другой!

— И это естественно, — продолжал он после небольшой паузы. — Давно ли человек свой дом оставил? О нем он и думает, о жизни, о смерти... Конечно, любой человек может быть решительным, часто многое, зависит от обстоятельств. Но чтобы

стать решительным, каждый должен пройти через испытание.

— Какие же могут быть сомнения у человека, если он пошел добровольно, сам? — не выдержал Ван Кунь. — Никто никого не принуждал. А если только о смерти думаешь, нечего было идти в добровольцы. Катись на все четыре стороны!..

— Так говорить нельзя, — не повышая голоса, сказал Жань Чунь-хуа. — Вопрос о жизни и смерти — серьезный. Он встает перед тобой в каждом бою. И совсем не обязательно, что ты, решив его для себя в одном бою, решишь и в следующем. Раньше с ним было у нас проще. Были мы нищие, отверженные, и никто не боялся смерти. Другой раз казалось, что умереть даже лучше, чем жить в нужде и отчаянии. Когда человек не видит выхода, ему смерть не страшна. А сейчас не то. Все мы вкусили плоды победы, только теперь и началась для нас жизнь. Кому сейчас охота умирать? Жить люди хотят...

— А сопротивление Америке и помощь Корею разве не для того, чтобы жить? — воспользовался минутным молчанием Цзян Вань-цзе.

— Не все так думают, Цзян Вань-цзе. Кое-кому хочется, чтобы за него воевали другие, а он жил припеваючи. [140]

— Так это разве человек? Человеком такого считать нельзя. Буржуазная идеология!

— Верно, совершенно правильно сказал, буржуазная. Ей противостоит пролетарская. Кто мне скажет, что такое пролетарская идеология?

С минуту Жань Чунь-хуа ждал ответа на свой вопрос, но все молчали. Никто не решался заговорить первым.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Пролетарская идеология складывается из интернационализма, любви к родине и революционного героизма. Все это вы прекрасно знаете. Сможем мы проявить эти чувства, когда обстановка будет самая напряженная и самая сложная? Да, кто захочет, тот сможет, я в этом уверен...— Жань Чунь-хуа говорил быстро. Он сделал для себя неожиданное открытие: возвышенные, полные глубокого смысла слова, которые он произносил, давались ему легко, без всякого труда, в них, в этих словах, была его собственная жизнь, его собственная практика. Он как бы взвешивал себя на невидимых весах теории, подходил к себе с новой меркой, значительно большей, чем когда-либо раньше, и куда более требовательной. Эта мерка требовала от него подчинения каждого своего слова и поступка тому делу, которое взяли на себя партия и народ. Но она нисколько не принижала его, не давила, а, наоборот, возвышала в собственных глазах. По-видимому, это же чувствовали и бойцы.

Никто не нарушил тишины, когда он кончил говорить. И когда он коротко бросил: «Мне пора!», все так же молча поднялись, чтобы проводить его из палатки. «Именно так, — подумал он, уходя. — Всегда, при любых обстоятельствах помнить дело партии, считать его своим и по нему проверять себя. Тогда ты сумеешь выбрать главное, каким бы хаотическим ни был ворох мыслей и дел, навалившихся на тебя, и быть полезным другим, обогащать их, вдохновлять идти вперед...»

Успокоившись немного, он направился по тропинке к соседней палатке. Там все спали. Рука нащупала в темноте чей-то туго затянутый ботинок. «Ну и зашнуровал, парень, ведь нога затечет! Ослабить бы надо перед тем, как ложиться спать!» Кончив возиться со шнурками, он осторожно навел на спящего луч электрического фонарика, чтобы запомнить его лицо, и [141] неслышным шагом вышел из палатки. В лесу было тихо, ничто не напоминало о вчерашней суматохе. Жань Чунь-хуа шел почти наугад, пока случайно не натолкнулся на палатку штаба роты. Улегшись прямо на траве, он закрыл глаза, но сколько ни старался уснуть, сон не приходил. Перед его глазами снова и снова вставали озабоченные лица бойцов, их задумчивые взгляды. Война давила тысячефунтовым грузом, и выдержать испытание войной мог только настоящий человек. Но как разглядеть душу каждого, как увидеть в ней, что там делается? Лица бойцов, ждавших от него ответа, мелькали в его памяти, и вдруг он вспомнил, что днем к нему обращался с вопросом какой-то боец из отделения связи. Времени у него тогда не было, и он обещал, что обязательно побеседует с ним попозже. Не раздумывая, он встал,

отряхнулся и пошел прямо к связистам. Как он и предполагал, боец этот не спал. Вызвав его из палатки через дневального, он велел ему идти рядом.

Ночь была такая тихая, что даже отдельные выстрелы не могли нарушить ее покоя. На дне оврага ласково плескался о камни ручей, и этот плеск навевал спокойствие, чувство бодрости, которое ощущает человек, когда он утоляет мучившую его весь день жажду. В густой траве неумолчно звенели цикады. Что нужно человеку, чтобы ощутить радость жизни? Не так уж много: прикоснуться к ней, поэтому своих радостей он не забывает никогда. Даже осень, которая приносит, с собой грусть и, хочешь ты того или не хочешь, осторожно напоминает о прожитых тобою годах, — даже она не в силах ослабить радостного восприятия окружающего тебя мира... Чтобы не вспугнуть расшумевшихся цикад, Жань Чунь-хуа замедлил шаг и тихо спросил бойца:

— Ты ведь веришь в победу дела сопротивления Америке и помощи Корее, веришь партии. Почему же ты так боишься неприятельских самолетов?

— Не привык еще.

— Я не об этом. Привычка придет потом, когда ты решишь для себя главный вопрос — о жизни и смерти. А его-то ты как раз и не решил. Дело здесь в сознательности. Ведь не ты один еще не привык, но вот никто не ходит, как ты, словно в воду опущенный...

Было уже поздно, когда Жань Чунь-хуа вернулся [142] в свою палатку. Его ботинки и брюки были мокры от росы, тужурка облеплена цепкими мохнатыми шариками лопуха. Узнав от дежурного, что звонил политком полка, он попросил связать его с ним. А на рассвете позвонил ротный.

— Наша рота завоевала себе право стоять на переднем крае!

Голос Шан Чжи-линя был полон нескрываемой радости. Сдвинув фуражку на затылок, Жань Чунь-хуа закричал в телефон что было силы:

— Поздравляю! Первое дело сделано!

С первым делом действительно было покончено. Но это было только начало, поэтому он тут же послал связного за секретарем партийного бюро и велел созывать командиров отделений.

После короткого совещания, на котором он рассказал о порученной роте задаче, Жань Чунь-хуа отправился вместе с отделенными к бойцам. Первым, кого он увидел, был Цзян Вань-цзе, сидевший под деревом и торопливо писавший что-то в тетрадке. «Ну, наконец-то и он!» — с удовлетворением сказал про себя Жань Чунь-хуа, глядя куда-то поверх головы Цзян Вань-цзе. Цзян Вань-цзе понял, о чем подумал политрук. Он быстро встал, вытянулся и четким строевым шагом подошел к нему. Передав письмо политруку обеими руками, он снова встал по команде «смирно». Письмо было коротенькое, из нескольких строк. Прочитав его, Жань Чунь-хуа удивился. Это было не обязательство отличиться и совершить подвиг, каких в последнее время поступало от бойцов довольно много, а заявление с просьбой принять в партию. Внешне ничем не выразив своего отношения к этому заявлению, он предложил Цзян Вань-цзе немного пройтись с ним.

Над лесом медленно вставало солнце. В небе послышался отдаленный рокот мотора, и через некоторое время за оврагом промелькнула тень самолета-разведчика. Пронзительно завывла сирена сигнала воздушной тревоги. Люди побежали прятать вывешенное для просушки белье. Самолет обстрелял овраг из пулемета и улетел. Отойдя к месту, где никого не было, Жань Чунь-хуа остановился и внимательно перечитал заявление Цзян Вань-цзе еще раз. Потом он посмотрел на него так, словно впервые увидел его. Перед ним было [143] простое лицо, немного смущенное, открытый, доверчивый взгляд. «Да, обыкновенный человек, но какое большое у него сердце!» — взволнованно подумал он.

— А я все принимал тебя за мальчика!..

Вывалось у него это произвольно, но он действительно не представлял себе, что этот юноша и есть тот самый Цзян Вань-цзе, с характеристикой которого, присланной из

уездного комитета Союза молодежи, он познакомился в партийном бюро, когда новое пополнение принимали на учет. У него тогда и мысли не возникло, что Цзян Вань-цзе еще дома решил для себя окончательно и бесповоротно тот вопрос, который многие не могут решить и сегодня.

— Не маленький уже. Скоро двадцать... — тихо проговорил Цзян Вань-цзе, смущаясь еще больше. Лицо его покрылось красными пятнами.

Бережно спрятав заявление в сумку, Жань Чунь-хуа привлек Цзян Вань-цзе к себе и крепко пожал ему руку...

С радостным чувством уходил Цзян Вань-цзе от политрука. Первое и главное для него дело было выполнено. Стать членом партии, бороться за коммунизм — это была его сокровенная мечта с первого дня вступления в Союз молодежи. Она вела его за собой, звала вперед. И хотя впереди его ждала жестокая борьба, хотя тяжелые испытания еще только начинались, он чувствовал себя легко и уверенно, отдав политруку заявление. Он ничего не боится, наоборот, он смело идет навстречу любым невзгодам и победит их.

Тан Чжун-сюнь, к которому он обратился с просьбой разрешить ему пойти на берег и немного полежать, догадался, о чем говорил с ним политрук. Он только спросил:

— А заявление?

— Отдал.

Отделенный улыбнулся ему доброй улыбкой и подтолкнул в бок.

— Тогда иди, погуляй и отведи свою душу. Насмотрелся же я на твои мучения!.. А тетрадку теперь порви.

Цзян Вань-цзе побежал вприпрыжку, не чуя под собой от радости ног.

— Эй, Цзян Вань-цзе, а я знаю, чему ты радуешься! — остановил его какой-то боец, такой же молоденький, как и он. — Будем соревноваться? [144]

— На каких условиях? — недовольно спросил Цзян Вань-цзе скорее для того, чтобы отвязаться от него, чем из любопытства. Больше всего ему хотелось сейчас побыть одному.

— Я троих обещал уничтожить.

— А я буду косить их из автомата, как косой.

— Хвастай побольше!

— Увидишь!..

И Цзян Вань-цзе побежал дальше. Вдруг он остановился как вкопанный. Навстречу шли два взводных, волоча под руки какого-то командира. С них градом лил пот, оба имели утомленный вид, а у поддерживаемого ими командира лицо было землисто-желтого цвета, нижняя челюсть отвисла, и Цзян Вань-цзе не сразу узнал в нем взводного Янь Чжэнь-луна. Цзян Вань-цзе забыл о своем желании побыть на реке и, подождав немного, пока те свернули в сторону леса, решительно пошел за ними. В некотором отдалении от них шла уже большая толпа. Все молчали, недоуменно переглядываясь друг с другом.

Спустя несколько минут на дороге из оврага показался политком.

21

Командир полка позвонил Чжай Цзы-ни перед рассветом. Сообщив, что он находится в штабе корейского корпуса, Шан Чжи-ин коротко рассказал о происшествии во время рекогносцировки и приказал готовить полк к выступлению. Выход на позиции был назначен на восемь часов вечера.

— Я соберу партком, — внимательно выслушав его, сказал Чжай Цзы-ни. Пока народ на месте, проведем митинг. Думаю, десяти минут хватит.

Чжай Цзы-ни хотел сказать этим, что придает серьезное значение случившемуся и что собрание парткома провести крайне необходимо.

У Чжай Цзы-ни уже вошло в привычку использовать ранние часы утра, чтобы

побродить по лагерю, освежиться, привести в порядок свои мысли. Росистая тропинка вывела его из ущелья к берегу реки. Редкие карликовые сосны, приземистые дубки, длинные вьющиеся стебли какой-то травы, похожей на усы дракона, мшистые скалы, словно покрытые зеленым бархатом, [145] придавали ущелью такой вид, будто сюда с самого начала мироздания не проникало солнце. Мхом заросли и берега маленькой речушки, впадавшей в реку, рядом с которой тянулась шоссе. Справа от шоссе уступами поднимались крутые скалы, словно выложенные из гигантских бревен. До половины горы склон порос сосняком, над ним поднималась каменистая, совершенно голая вершина утеса. Вскоре взошло солнце, золотистым цветом окрасив вершину горы, и она вдруг стала какой-то близкой, привлекательной. Спрыгнув с нависшего над берегом камня прямо в ручей, Чжай Цзы-ни выбрался на шоссе и дальше пошел по нему. Вялость, которую он испытывал с утра, как рукой сняло. Его внимание привлекла одинокая сосна, стоявшая в стороне от дороги. Огромная, искривленная ветрами, она напоминала своей кроной сказочного зеленого дракона, который шарит своими лапами по небу, пытаясь взлететь на него, но не может оторваться от земли — так цепко впились его сильные, мускулистые корни в расщелины камней. Ниже дерева, огибая каменную глыбу, протекал ручей: добежав до обрыва, он низвергнулся шумным водопадом в пучину реки, вспенивая светло-синие волны, и они разбегались от него широкими кругами, пока не сливались со спокойным, величавым течением. А дальше — река словно и не текла, отражая в застывшей зеркальной глади и небо, и зеленые берега, и дикие, неприступные скалы.

На изгибе шоссе показался какой-то боец. Вид у него был усталый, он шел, с трудом передвигая ноги, часто прихрамывал. По-видимому, ремни вещевого мешка сильно давили ему грудь, так как шея у него была вытянута далеко вперед. За спиной у него Чжай Цзы-ни заметил несколько мотков телефонного провода.

Боец заметил политкома раньше, шагов за пятьдесят, и окликнул его:

— Эй, товарищ, здесь наша часть остановилась?

По тону, каким был задан этот вопрос, Чжай Цзы-ни понял, что боец не узнал его.

— Своих потерял? — в свою очередь спросил он.

— Ага, — растягивая слова, ответил боец. — Отдыхали мы, а я уснул. Не могли разбудить, черти!.. Когда я проснулся, их уже и след простыл... [146]

Боец, конечно, был из их полка. В этом Чжай Цзы-ни нисколько не сомневался, — но кто именно? Не успел он спросить его, как тот сам обратился к нему:

- Товарищ, нет у тебя огня?

Разминая сигарету, боец стал ждать, когда Чжай Цзы-ни достанет спички. Видимо, он собирался просто отдохнуть немного, а заодно излить свою обиду на отделенного. Догадка Чжай Цзы-ни подтвердилась.

- Нет, ты только подумай! — сокрушенно вздохнул боец. — Ведь сами оставили человека, а будут уверять, что я стрелача задал. Чего доброго, дезертиром объявят!..

И тут вдруг он узнал в молчаливом собеседнике политкома. Чжай Цзы-ни тоже вспомнил его. Это был Лю Вэнь-цин, совсем еще юный боец, новичок, которого только недавно определили в отделение связи. Юноша стоял растерянный, не зная, как теперь быть.

- Ослеп, совсем ослеп! — браня в душе самого себя, проговорил он, потупив взор. — Такого большого начальника не узнал. Надо же!..

И все же он был безмерно рад и счастлив, что нашел наконец своих. Политком не только не отчитал его, о даже похвалил и, показав ему, как найти дорогу к своим, сказал на прощанье:

- Как только вернешься, ложись отдыхать. Скажешь вашему политруку, что это я приказал.

Боец скрылся за поворотом дороги, а пошел дальше к тому месту на реке, где еще раньше заметил небольшую лагуну. Остановившись на берегу, он сел и задумчиво стал смотреть на водную гладь. Здесь было довольно мелко, вода совсем прозрачная, поэтому

на дне можно было разглядеть даже крохотных моллюсков, копошившихся в золотистом песке. Вскоре из-под камня выполз большой зеленый рак, минуту он, словно нехотя, шевелил своими длинными усами, потом попятился к корневищу дерева. Чжай Цзы-ни удивился: такого крупного рака он еще никогда не видел. Этот скорее походил на краба своими размерами; на родине Чжай Цзы-ни раки были мельче, более округлые и не имели такого длинного хвоста, а панцирь у тех был куда эластичнее. Рак полз назад не бочком, а как-то уж слишком по прямой линии, хотя в то же время чувствовалось, что держится он настороже и готов [147] к любым неожиданностям. Стоило ему заметить отраженную в воде человеческую тень, как он тут же юркнул в щель между камнями, выпустил клешни и приготовился к обороне. Это еще больше заинтересовало Чжай Цзы-ни.

«Ишь ты какой! — подумал он. — Настоящий тактик! А ну-ка, посмотрим, что ты теперь будешь делать?» И он пошевелил прутиком перед самым носом у рака, рассчитывая загнать его поглубже в щель. Сперва рак действительно подался назад, изрядно струсив, но когда Чжай Цзы-ни стал загонять его настойчивее, он бросился в атаку и так вцепился клешнями в прутик, что Чжай Цзы-ни даже обронил его в испуге.

— Ай молодец! — одобрительно воскликнул Чжай Цзы-ни поднимаясь. — Так и надо. В обороне, даже самой примитивной, нельзя забывать об уязвимых местах. Борьба за существование!..

— Что, товарищ политком, и здесь вам нравится? — раздался вдруг за спиной чей-то иронический смешок.

Чжай Цзы-ни быстро обернулся и увидел начальника отделения службы тыла Ци Цзюнь-цай.

— Ты куда это? — вместо ответа спросил он.

Ци Цзюнь-цай неопределенно махнул рукой. Он уже давно наблюдал со стороны, как политком дразнит рака, однако подойти к нему раньше не решался, опасаясь, что тот не станет его слушать. Увидел он политкома еще тогда, когда тот шел по ущелью. День выдался ясный, первый такой погожий после утомительных дождей, которым, казалось, не будет конца, и Ци Цзюнь-цай тоже решил пойти прогуляться.

— Любопытствуете всё, товарищ политком? — подойдя ближе, заговорил он.

— Любопытствую? Хм!.. — возразил Чжай Цзы-ни. — Это не то слово. Раз уж человек живет на земле, он должен всем интересоваться. Неужели ты думаешь, что у меня весь день на уме только «Вольно!», «Смирно!», снаряды с гранатами да телефонные звонки? Все это — обычные мои дела. За ними стоит огромный мир. Радоваться надо всему, что тебя окружает. Знаешь, кем бы я хотел быть? Геологом, ученым. Забраться бы вон на тот утес, расковырять его, посмотреть, что там у него внутри, докопаться до самого дна и отобрать то, что нужно людям, — берите, пользуйтесь! Плохо [148] разве?.. Или садовником стать. Какое это искусство — разводить цветы, сажать фруктовые деревья! Замечал ты, как любит человек лес, луг, усыпанный цветами, лилии на реке? Нет людей, которые не любили бы природы, — и мужчины, и женщины, и дети, и старики... Иногда я думаю, что было бы со мной, если бы я оказался один в целом мире? Да я бы и секунды не мог прожить. Чем больше вокруг меня людей, тем лучше я себя чувствую. А ты как думаешь? — Чжай Цзы-ни остановился и испытующе посмотрел на Ци Цзюнь-цай. — Знаешь, когда у бойца появляется мужество? Когда он чувствует, что он — не один, когда он не в силах оторвать себя от этого мира. Он нужен ему, как воздух, он не может не любить его... Я заговорился, извини. У тебя, кажется, что-то есть ко мне? Давай выкладывай, только откровенно. Есть у тебя свой собственный взгляд на нынешнюю войну или нет?

— Есть, и даже очень определенный, — спокойно ответил Ци Цзюнь-цай.

— Это пустые слова, оставь их при себе, — остановил его политком. — Ни тебе от них помощи нет, ни нам. Меня интересует реальное положение вещей. Сам ты видишь за собой слабости? Чего тебе не хватает?

Минуту Ци Цзюнь-цай молчал.

— Я... У меня есть предложение, то есть просьба... — быстро поправился он.

— Хм!.. Ну что ж, давай, — снова взглянул на него Чжай Цзы-ни.

— Я хотел бы перейти в батальон...

— Понятно. Я сразу догадался, что ты будешь просить меня об этом. Конечно, тебе хочется туда, ведь там все обстоит куда сложнее, ответственность больше... Так вот, слушай, что я тебе скажу. Просьбу твою, разумеется, не забуду. Но сейчас дать согласие не могу. Да и сам ты не торопись. Есть тут одно дело, пожалуй, даже поважнее, чем батальоном командовать, но горячка здесь ни к чему... Вот что, после обеда у нас небольшое заседание парткома, так ты обязательно приходи. Передаю тебе официальное приглашение.

Ци Цзюнь-цай молчал, но из слов политкома ему стало ясно, что тот сочувствует ему. Правда, бывают начальники, которые считают за лишние хлопоты [149] выслушивать мнение подчиненных, вникать в их желания; решат на ходу, что все это «от индивидуализма», и распорядятся в обычном административном порядке: делай, что приказано, и не ной!.. Внимательное отношение политкома к его просьбе успокоило Ци Цзюнь-цай и одновременно озадачило. Но почему Чжай Цзы-ни, строгий и требовательный к себе, понимающий подчиненных и умеющий держать их в руках, почему он сказал, что до сих пор не понимает его? Неужели политком думает, что он, Ци Цзюнь-цай, старый, опытный боец, не сознает всей серьезности момента, не понимает, какая тяжелая ответственность легла на плечи их полка? Как раз наоборот: он прекрасно отдает себе отчет в том, что полку будет не так-то просто справиться с предстоящими задачами. Разве не поэтому он просится в батальон, где сможет отдать делу все свои силы?..

Об этом же думал и политком, вспоминая, как вытянулся перед ним Ци Цзюнь-цай, прося назначить на самый трудный участок фронта. Не первый раз он уже сталкивается с такими просьбами; обращаются к нему и командиры, и бойцы. Но имеет ли он право посылать их, еще не знающих, что такое современная война, и не испытавших всех ее ужасов, в самое пекло? С того дня, как они оставили родину, в полку и времени не было для проведения широкой разъяснительной работы, все делалось на ходу, урывками. Смогут ли они выдержать? Не случится ли так, что при первом же массированном огневом налете люди растеряются и в войсках начнется паника? Да или нет — кто на это ответит? Вот ты, товарищ Ци Цзюнь-цай, скажи, будут наши орудия бить точно в цель, поражая огневые точки противника? Ты уверен, что будут. Ты даже не сомневаешься в том, что выйдешь из этого поединка с победой. А ведь на вверенном тебе участке ты еще ровным счетом ничего не сделал, чтобы подготовить победу. Все ли продумал ты, как организовать работу транспорта, чтобы обеспечить бесперебойную связь переднего края с тылами? Сумеешь ли сразу, как только выйдем на позиции, наладить снабжение боевых подразделений боепитанием и продовольствием? Ты понимаешь, чем становится сейчас служба тыла?.. Политком молча смотрел на Ци Цзюнь-цай, и тот только [150] теперь заметил, какой у него усталый вид. Зачем он, в самом деле, пристал к нему со своей просьбой? Политком и так всю ночь не спал, всю ночь у него в палатке горел огонь и без конца раздавались телефонные звонки... Правда, политком говорил с ним дружески, спросил даже, написал ли он уже письмо домой и успокоил ли родных, однако ощущение неловкости не покидало Ци Цзюнь-цай. Нельзя было мешать политкому отдыхать. Человек вышел на минуту из прокуренной палатки, чтобы освежиться, отогнать сон, а он только о себе и думает!..

Политком действительно всю ночь не спал. Связываясь по телефону с комиссарами батальонов, он просил их рассказать ему о положении дел, потом по несколько раз созванивался с политруками рот, снова звонил в батальоны. Слушая, что они говорили ему, он тем временем вспоминал особенности их характера, образ мыслей, чувства, думал о тех людях, за жизнь которых они отвечают, выделял в каждом его положительные качества, освобождая от всего случайного и нетипичного, от налета тщеславия, который с

некоторых пор стал свойствен некоторым молодым командирам. Он не прерывал говорившего, все запоминал и, когда тот кончал, бросал коротко в трубку: «Вот и хорошо, так и надо. А теперь — спи. Я тоже собираюсь отдохнуть немного, иначе не продержусь». Этот спокойный совет нужен был ему только для того, чтобы уговорить подчиненного, потому что сам он тут же снимал трубку и просил соединить его с другим подразделением. На том конце провода слышался приглушенный ответ:

— Батальонное начальство спит.

— А ты разбуди.

Дежурный бесцеремонно спрашивал:

— Кто ты такой, чтобы будить?

Политком спокойно отвечал:

— Моя фамилия Чжай, Чжай Цзы-ни...

Трубка замирала, и Чжай Цзы-ни терпеливо ждал, когда испуганный дежурный разбудит комиссара батальона.

— Ну как, идет твое начальство? — все так же спокойно спрашивал он спустя минуту — две.

— Идет, идет, — торопливо отвечали на том конце [151] провода. Но вот слышался знакомый голос: — Товарищ политком?

— Я просил разбудить тебя, спросить хотел об обстановке.

— Сводка еще не готова, товарищ политком...

— А без сводки не можешь? Ну почему ты так?

— Все время на марше были, товарищ политком. Люди так утомились, что веки поднять не могут. Политком уже не сдерживался:

— Все сделали, что нужно?

— Товарищ политком, и так силы...

Настроение у политкома резко портилось.

— Не понимаю, что у тебя на уме? В других подразделениях люди работают вовсю, а ты лежишь себе и горя не знаешь. На весь полк только один политрук спит, и этот политрук — ты. Не боишься дело проспять? — Выговорив политруку все, что он думал о нем, Чжай Цзы-ни немного успокаивался и снова брался за трубку. Теперь его беспокоили дела в первой роте. Как там у них?

— Жань Чунь-хуа?

— Товарища политрука нет, — четко доложил на том конце провода дневальный.

— Куда пошел?

— По отделениям ходит.

— Давно?

— Как обосновались, так и ушел.

— Собрание где-нибудь?

— Нет. С народом беседует. Ответы дневального удовлетворили политкома, и он спокойно положил трубку на место. Но через минуту раздался встречный телефонный звонок.

— Товарищ политком? Вы меня искали?

— Так-так, товарищ Жань Чунь-хуа?

— Я, — ответил Жань Чунь-хуа. — Есть какие-нибудь указания?

— Да вот, хочу посмотреть, что ты сейчас делаешь, — неторопливо сказал Чжай Цзы-ни. — Отдыхает народ?

— Отдыхает.

— Как настроение?

— Хорошее, — коротко ответил Жань Чунь-хуа, решив не распространяться, так как в роте действительно [152] все обстояло благополучно. Ему доверены сто с лишним человек, он о них думает, и если по каждому пустяку беспокоить политкома, то что ему останется делать!..

— Ладно, иди отдыхай!

Чжай Цзы-ни сказал это просто, как говорил другим, понимая, что все нуждаются в отдыхе. Неподвижным взглядом он следил за тем, как в керосиновой лампе мигает пламя, и, когда снова потянулся к трубке, услышал вдруг пение птиц, доносившееся из леса. Неужели утро?.. В это время позвонил командир полка, который в нескольких словах рассказал, что происходит на переднем крае. «Мне бы отдохнуть немного, — подумал Чжай Цзы-ни. — Как быстро прошла ночь, ничего не успел сделать!» Мысли о предстоящем выступлении постепенно вытеснили все остальное. «Что нужно еще сделать, чтобы мобилизовать народ?»

Казалось, уже все сделано. Достаточно вспомнить, как вели себя люди на марше. Больные оставались в строю, не желая даже слушать об отправке в госпиталь. Уставшие забывали о своей усталости, когда видели, что нужно помочь тем, кто еле держится на ногах. И у всех на устах был только один вопрос: «Далеко еще, товарищ политком? Ведь драться пора!» Они жаждали боя, марш всем порядком осточертел, каждому хотелось скорее попасть на фронт, где жизнь будет, как им казалось, и проще, и легче, словом, не война, а приятное времяпрепровождение. А ведь там как раз их и ждали настоящие испытания. Почему люди думают иногда о войне слишком упрощенно?

Вспомнился митинг в одном уезде, на котором молодежь призывали вступить в ряды добровольцев. Многие уже записались, но очередь все не уменьшалась. В это время к столику, за которым сидел представитель командования, протиснулся какой-то парень лет двадцати, сопровождаемый старенькой женщиной, очевидно матерью. Вытерев глаза, полные слез, она тихо сказала что-то прерывающимся голосом. Ветер трепал ее седые волосы, она стояла рядом с сыном, все время крепко держа его за руку. Товарищ, записывавший добровольцев, повторил свой вопрос:

— Ты что — плохо слышишь, матушка? Как зовут его? [153]

— Сяо Вань, — сердито буркнула та.

Юноша с укором посмотрел на нее:

— Так это же детское имя, мама! — потом выпрямился и сказал внятно и спокойно: — Цзян Вань-цзе.

Старая женщина подняла глаза сперва на него, потом обвела взглядом всю площадь, на которой собралось несколько тысяч человек. На миг в этом взгляде мелькнуло какое-то новое выражение — она гордилась своим сыном перед народом.

— Иди, — просто сказала она. — Я провожу тебя...

Теперь этот боец находился у них в полку. «Вот и ответ на твой вопрос, Чжай Цзы-ни, — подумал он. — Наша партия, руководство ею всей жизнью, демократический строй, который породил новых людей. Вот доказательство тому, что нас невозможно победить. "Да, именно это..."» К себе в палатку он вернулся вместе с Ци Цзюнь-цаем, велел по пути ординарцу вызвать дежурного офицера штаба.

— Передай во все подразделения: выступаем в восемь вечера. Пусть проверят все как следует.

Оставив Ци Цзюнь-цаю в штабе, он направился к лесу, решив послушать, о чем говорит народ. Свернув на тропинку, он встретил Жань Чунь-хуа и пошел с ним.

— Помнишь, Жань Чунь-хуа, как мы с тобой в поезде встретились? Как тогда все это было и как теперь! Поверить трудно!..

Чжай Цзы-ни был не намного старше политрука, но теперь, усталый, с запавшими глазами, выглядел по сравнению с ним стариком. Даже нетерпеливый огонек в глазах не менял этого впечатления. Жань Чунь-хуа был чем-то озабочен, от взгляда политкома не укрылось, что он тоже не спал всю ночь.

— Чего задумался? — спросил он. — Беспокоит что-нибудь?

— С народом только что беседовал.

— О чем? — спросил Чжай Цзы-ни. Но Жань Чунь-хуа ответил не на этот вопрос:

— Заявление получил от одного бойца. В партию подает.

— Кто такой?

— Цзян Вань-цзе. [154]

Политком улыбнулся, вспомнив, что только что думал об этом парне.

— Воспитывать надо таких ребят. Обстановка новая, война, все это надо учитывать.

— Мы уже знаем его.

Политком взглянул на небо.

— Ладно. Сегодня выходим на позиции. Если в три дня справитесь, он успеет получить партдокументы и будет рад, как никогда. Но заранее сказать трудно, что будет завтра, теперь мы на войне... Есть у тебя на родине такие леса, Жань Чунь-хуа?

— Нет, — удивился Жань Чунь-хуа резкой перемене темы разговора.

— А горы?

— У нас все холмы, в лёссе живем.

— Красиво здесь. Каких только цветов нет, все горы усыпаны ими! Вот бы нам такой лес, в нашу деревню, а? Тогда бы не дули весной песчаные ветры по три месяца подряд. Ты понимаешь — весна, самое лучшее время года, цветы, всходы зеленеют, так бы и смотрел на все, не закрывая глаз, а от ветров этих житья нет. Что за климат у нас такой нескладный? Эх, переделать его надо!..

Жань Чунь-хуа знал, что политком любит природу не так, как обычно любят ее другие. Он обожал ее, оберегал ревниво, словно она принадлежала одному ему. Где бы их часть ни останавливалась, он обязательно обходил все места вокруг, стараясь осмотреть всё, запомнить, сравнить с тем, что уже видел когда-то. Вот такой же, восторженный, стоял он тогда у окна вагона и смотрел, прильнув к холодному стеклу, на уходившие назад картины родного края. Человек столько лет провел на войне, все перевидал — и заснеженные горы, уходящие своими вершинами в самое небо, и скованные стужей равнины, и леса, и мутные горные реки — в сумерки, ясным солнечным утром, при луне, и никогда не уставал снова смотреть и смотреть. Одного только не знал Жань Чунь-хуа, что это чувство было внутренней потребностью политкома, его душой.

У подножия скалы сидели, мирно судача, свободные от занятий бойцы. Трудно было поверить, что за этой мирной идиллией на фоне леса и гор скрывается могучая, всеобъемлющая, готовая сразу прийти в движение [155] сила, именуемая техникой, — орудия, минометы, автомашины, обозы с воинскими грузами. Только внимательно присмотревшись, можно было угадать в зарослях кустарника замаскированные стволы гаубиц, пушки, ящики со снарядами. На одном из ящиков Чжай Цзы-ни прочитал рядом с привычными четырьмя иероглифами «Сопrotивление Америке — помощь Корее» еще четыре, выведенные на свежеструганной доске типографской краской: «Защитим дом, отстоим Родину!» На своих руках принесли сюда эти ящики люди, за тысячи ли от родной земли... Отвечая на приветствия бойцов, Чжай Цзы-ни продолжал разговаривать с Жань Чунь-хуа. На минуту они остановились, чтобы послушать доносившееся из лесу пение. Вокруг маленького бойца-юньнанца⁸ столпилась довольно большая группа бойцов, и словоохотливый аси⁹ с жаром рассказывал об обычаях своего народа.

— Днем работаем, а вечером отдыхаем. Как только взойдет луна, молодежь идет на луг, кто свирель несет с собой, кто сяньцзы¹⁰. Песни поют, танцуют...

— Танцуют, песни поют!.. Слышишь, Жань Чунь-хуа, о чем они думают? — улыбнулся Чжай Цзы-ни, задерживая шаг. — Удивительный народ - наши бойцы. Через несколько часов бой, а люди думают о мирной жизни. Почему это, так, ты не знаешь? Когда разговоришься с бойцом запросто, по-дружески, а не как начальник, он о войне и не вспоминает. Нет, он, конечно, знает, что война может оборвать его жизнь, но думать о ней не хочет, ему ближе другое, свое. Мне кажется, только глубоко равнодушные люди не

8 Юньнанец - уроженец провинции Юньнань

9 Аси - народность, проживающая на юго-западе Китая

10 Сяньцзы — национальный музыкальный инструмент

чувствуют этой могучей, притягательной силы человеческой жизни...

Штаб полка уже передал по батальонам распоряжение быть готовыми к выступлению в восемь часов вечера на позиции. Отнеслись к этому люди по-разному. Одни ходили, гордо выпятив грудь, рисуясь своим бесстрашием. Другие горланили песни, собравшись в кружок и стараясь перекричать друг друга. Люди спокойнее характером иронически подсмеивались над ними, но, чтобы сдержать собственное волнение, заново переключившись [156] вещи или искали себе какую-нибудь другую работу, которая позволила бы им убить время. Некоторые задумчиво сидели, не выпуская изо рта трубки, по личному опыту зная, как одна трубочка успокаивает нервы. Весть о предстоящем выступлении, безусловно, всполошила всех. Может быть, поэтому каждый старался делать вид, будто ничего особенного не произошло, шутил, подтрунивал над товарищем, и если заходил вдруг разговор о смерти, то отзывался о ней с насмешкой, тут же переводя беседу на другую, более существенную тему... В этом ироническом отношении к смерти сказывалось отношение к войне в целом. Среди бойцов царил дух оптимизма, уверенности, об унынии не могло быть и речи. Но человека, знающего, что такое война, именно это и убеждало в том, что в полку что-то произошло.

— Что ж, сегодня начнем! — негромко сказал кто-то, и эти слова подхватили, словно они и были сигналом, которого все ждали.

— Положение серьезное! Американцы нас ждать не будут, наверное, уже начали. Торопиться надо. Ты как, думаешь?

— Но ведь командир полка еще не вернулся.

— А если и вернется — что изменится? Ведь он уже дал приказ выступить.

— Дело серьезное!..

— Очень серьезное! — подходя к разговаривающим, подтвердил политком. Он подмигнул Жан Чунь-хуа, взглядом приказав ему подойти тоже. Бойцы сразу встали. Кто-то подал команду «Смирно!», но Чжай Цзы-ни не стал принимать рапорта и, ответив на приветствие, негромко сказал: — Вольно!

Бойцы, как стояли, так и остались стоять навтыжку, глядя на политкома во все глаза. Увлеченные беседой, они даже не заметили, как он подошел и слушал все их разговоры.

— Вольно, вольно! — еще раз скомандовал Чжай Цзы-ни и усмехнулся. — Что, трусились?

— Да мы не... — запинаясь, начал какой-то боец и густо покраснел.

— Не надо объяснять, все в порядке. Положение действительно серьезное, товарищи, я согласен с вами. Именно потому, что серьезное, нас и перебросили сюда. Верно я говорю? [157]

— Верно, товарищ политком!

— Ну вот, и вы согласны со мной. Только тон мне ваш не очень-то нравится, товарищи. Что это вы вдруг заговорили все сразу: серьезно, серьезно?! Или уверенности нет? — Чжай Цзы-ни весело рассмеялся. — Неужели испугались, что я подслушал ваш разговор? Не бойтесь, политком вас съест не собирается. — Добродушным взглядом он обвел бойцов, ожидая, когда они успокоятся.

В это время на дороге послышался какой-то шум. Бойцы оглянулись назад, после чего быстро расступились, освободив довольно широкий проход двум командирам, которые тащили кого-то под руки. Политком сразу все понял. Он разыскал в толпе глазами ординарца:

— Марш за доктором, живо!

22

Чжай Цзы-ни с трудом сдерживал себя — так кипело у него все внутри. Командир полка уже предупредил его, что произошло с Янь Чжэнь-луном, однако дать

волю своему гневу в присутствии бойцов всего полка он не решился.

«Нечего удивляться, все это надо было предвидеть заранее, — ругал он самого себя, но от этого легче не становилось. — Вот в чем дело!» У него было такое ощущение, словно вокруг него петлей обвивается канат и стягивает все туже и туже. Как же это он забыл предупредить ординарца, чтобы Янь Чжэнь-луна препроводили прямо в штаб, обойдя лес оврагом?! А теперь все бойцы здесь, видят и ждут, настороженные, к чему все это приведет. Как заставить их уйти?... Ему было противно смотреть на Янь Чжэнь-луна, который стоял перед ним, как побитая собака, осунувшийся, дрожащий, с безжизненными, провалившимися глазами, не знавшими стыда, и отвисшим от страха подбородком. Однако очень скоро Чжай Цзы-ни заметил, что это было только первое впечатление. По-видимому, Янь Чжэнь-лун догадался, что политком все известно, но отступить было поздно, и он решил продолжать разыгрывать из себя больного. [158]

Подошел доктор.

— Осмотри его, пожалуйста, повнимательнее,— попросил политком, отходя в сторону. Где-то в глубине души у него еще была мысль, что, может быть, Янь Чжэнь-лун действительно болен. Но хотя он и не верил ей, однако без заключения врача приступать к допросу не имел права.

Врач расстегнул куртку на груди Янь Чжэнь-луна и стал его выслушивать.

— Сердце, доктор,— еле слышно проговорил Янь Чжэнь-лун.— Так стучит, так стучит...

— Стучит,— равнодушно согласился с ним врач, продолжая осмотр.— Прослушивается хорошо.— И сунул ему в рот градусник.

Три минуты, нужные для того, чтобы проверить температуру, все настороженно ждали, не отрываясь глядя на стеклянную трубку термометра. Один доктор был спокоен. Он уже все понял, и только чувство профессионального долга заставляло его продолжать осмотр. Сотни глаз смотрели то на термометр, то на доктора, который беззвучно шевелил губами, отсчитывая по часам время. Выражение лица Янь Чжэнь-луна менялось с каждой секундой.

И вот три минуты прошли. Чжай Цзы-ни велел всем расходиться, затем подошел к Янь Чжэнь-луну, сделал глазами знак взводным не держать его под руки и, когда те отошли, вдруг скомандовал:

— Встать!

Янь Чжэнь-лун продолжал притворяться, что не имеет никаких сил. Но он уже понимал безнадежность своего положения, и Чжай Цзы-ни прекрасно это видел.

— Смирно!

Янь Чжэнь-лун вздрогнул и... вытянулся.

Минуту все молчали.

— Янь Чжэнь-лун,— сказал политком, растягивая слова,— ты ошибаешься, думая, что можешь безнаказанно обманывать других. Пора быть умнее. А теперь — в роту!..

Глядя вслед удаляющейся сторбленной фигуре Янь Чжэнь-луна, политком думал о том, что могло толкнуть этого человека на такой постыдный шаг. Просто испугался? Нет, под обстрел он попадает не в первый раз. Причина трусости глубже. В деревне семье [159] Янь Чжэнь-луна помогали, как помогают всем семьям военнослужащих. Однако его отец, еще далеко не старый человек, по-своему решил использовать эту помощь. Он перестал крестьянствовать, отказался вступить в группу взаимопомощи, завел мелкую торговлишку... Одно тянет за собой другое, пошли спекуляция, отдача денег в долг под проценты... Янь Чжэнь-лун с родителями переписывался, но вместо того, чтобы уговорить отца не позорить себя и его, посоветовал прикупить еще земли. Злоупотребляя уважением односельчан к семьям военнослужащих, отец Янь Чжэнь-луна чувствовал себя как за каменной стеной, а у самого Янь Чжэнь-луна дурное все чаще стало брать верх, он становился скрытным, завистливым. Скрытность — родная сестра трусости...

Из задумчивости политкома вывел осторожный голос Жань Чунь-хуа, напомнившего ему, что пора идти на митинг. В соседнем лесочке царило оживление. Роты, направлялись к месту общего построения, чтобы выслушать напутственную речь политкома. Поздоровавшись с комиссарами батальонов, Чжай Цзы-ни рассказал им, что произошло с Янь Чжэнь-луном и как он вел себя во время осмотра.

— С такими настроениями нужно немедленно кончать. Мы армия партии и народа!.. Кстати, вернулся он в роту? — обратился он к комиссару второго батальона.

— Пришел, смелости не хватило не прийти.

— Смотри за ним! Приспособленчества не допустим.

В толпе бойцов политком увидел Лю Вэнь-цзин, который утром нагнал полк. Тот вытянулся, отдавая честь.

— Ну, отоспался? — спросил Чжай Цзы-ни.

— Отоспался, товарищ политком, — весело ответил Лю Вэнь-цзин.

— А глаза красные?

— Так я же только что... — смутился Лю Вэнь-цзин, краснея еще больше.

В это время мимо проходило какое-то подразделение. Повернув головы, все смотрели на политкома. Жань Чунь-хуа побежал за ними, но политком окликнул его, велел позвать Цзян Вань-цзе. Из строя вышел крепыш боец с новенькой винтовкой за спиной и примкнутым штыком, одной рукой он поддерживал пояс с патронами, другой поправлял вещевой мешок. Политком подал ему руку. Цзян Вань-цзе лихо козырнул, подбежал [160] ближе и тоже подал политкому руку, остановившись и не спуская с него глаз.

— Написал матери письмо? — спросил политком.

— Нет еще, — покраснел Цзян Вань-цзе. — Все не соберусь.

— Когда же напишешь?

— Вот бой кончится, тогда обязательно.

«Этот чертенок уже подал в партию!» — подумал Чжай Цзы-ни и повернулся к окружавшим его комиссарам батальонов. Потом посмотрел на Жань Чунь-хуа и сказал одобрительно:

— Молодец! Хороший парень!

Цзян Вань-цзе побежал догонять своих, а политком с комиссарами батальонов направились к поляне, где роты уже собрались на митинг. Постепенно разноголосый шум смолк. Навстречу политкому выбежал дежурный офицер и доложил, что полк собран по его приказанию. Чжай Цзы-ни вышел вперед. Когда он окинул довольным взглядом лица бойцов, сидевших в строгом равнении прямо на земле, тишину леса расколол шквал аплодисментов. Политком перевел взгляд на деревья, стеной обступившие поляну, — на них тоже сидели бойцы и дружно аплодировали. Но вот аплодисменты стихли. Солнце сверкнуло лучами на штыках винтовок. Чжай Цзы-ни опустил руку. Он был взволнован встречей и понимал, что теперь уже не сможет говорить спокойно, как думал говорить с бойцами, когда шел сюда.

— Товарищи! — начал он. — Вы понимаете, что поручила нам родина?

— Сопrotивление Америкe, помощь Кореe! — раздался из толпы чей-то торопливый голос.

— Сопrotивление Америкe, помощь Кореe!

— Кореe-e-e!..

— А-а-а-а-а-а-а!.. А-а-а-а-а-а!..

Дружный возглас, вырвавшийся из сотен грудей, прокатился по лесу и долго не мог улечься, пока дежурный офицер не остановил его резким свистком.

— Мы не боимся войны, товарищи! — продолжал политком, когда снова стало тихо. — Наш народ поднялся в борьбе, войной нас не испугаешь. Войну против нас американцы вели руками Чан Кай-ши, но победили не американцы, а мы. Теперь американцы снова развязали войну. Они пришли сюда убивать и грабить. Они жгут [161]

города и деревни. Они хотят захватить Корею, чтобы превратить в свою колонию. Наш Тайвань они уже захватили, а теперь сбрасывают бомбы на Дунбэй¹¹. Мы предупреждали их, но они пересекли тридцать восьмую параллель и перенесли войну к берегам Ялущяна. Мирная жизнь корейского народа нарушена, угроза войны нависла над нашей родиной. Мы не можем стоять в стороне и наблюдать...

Все время, пока политком говорил, он искал взглядом в толпе Янь Чжэнь-луна, но нигде его не видел. Он видел Цзян Вань-цзе, видел Лю Вэнь-цзина, иногда ему казалось, что он нашел наконец того, кто ему нужен, но, присмотревшись внимательнее, понимал, что ошибся. На ком бы он ни останавливал своего взгляда, никто не уклонялся от встречи. В глазах бойцов, юных, исполненных отваги и душевного жара, он читал прямой ответ: «Говори, комиссар! Мы всем сердцем с тобой. Все, что ты велишь нам, мы сделаем и не отступим ни на шаг».

— Товарищи! Мы имеем силы преградить путь войне!..

Эхо в горах повторило могучий призыв:

— Преградить... войне!

— Преградить войне-е-е!..

И снова лес содрогнулся от вихря аплодисментов. Люди вскакивали со своих мест, что-то кричали, потрясали оружием.

Потом все повернулись лицом к северу, где была их родина. Высоко на дереве ветер трепал красное полотнище пятизвездного флага, ниже него висел портрет Председателя Мао. Полк стоял по команде «смирно», затаив дыхание.

— Мы, китайские народные добровольцы, — отдельно начал читать Чжай Цзы-ни слова клятвы, — по своей воле прибыли на фронт, чтобы остановить кровавую агрессию американского империализма, защитить народы Китая и Кореи и отстоять мир во всем мире. Мы будем биться плечом к плечу рядом с Народной армией Кореи, пока не разгромим нашего общего врага и не завоюем победу...

Каждый громко повторял слова клятвы. Казалось, земля не выдержит могучего, нарастающего с каждым [162] мгновением вала народной ярости. Порыв ветра подхватил его и разнес далеко окрест, приводя в содрогание весь этот мир, над которым пламенело ясное, без единого облачка, осеннее небо.

Как только митинг закончился, Чжай Цзы-ни и комиссары батальонов вскочили на коней и ускакали вперед.

Сотни глаз, не отрываясь, смотрели им вслед, пока они не исчезли из виду в чаще леса.

На дорогу выкатили орудия. Надсадно заревели тягачи. Вперед выехали машины с грузами, повозки. Прошла пехота. Колонна выступила в поход — последний перед занятием позиций.

Испуганное солнце нерешительно выглянуло на дорогу, попрощалось с людьми и ушло на покой. В вечерней мгле потонула вершина Эинсана. На землю опустились сумерки. Пламя пожара, вызванного огнем вражеской артиллерии, разгоралось все сильнее. Снаряды сперва густо ложились на склоне горы, потом противник перенес огонь ближе к лощине и стал нащупывать шоссе. Слева от дороги раздался первый взрыв. Войска залегли, но только на минуту, потому что была подана команда не прекращать движения.

— Дистанцию! Шире шаг!

— А ну, быстрее! Не отставай!..

Люди бежали, стараясь как можно скорее миновать полосу обстрела. Лощину заволокло дымом,

11 Дунбэй — название Северо-Восточного Китая

С выходом в долину реки Гымганчэн, границы которой простирались от Эсильдона до Тайчжучжэма, полк Шан Чжи-ина завершил многодневный марш. Однако в долгожданном отдыхе было отказано: войска получили приказ немедленно занимать позиции. Чжай Цзы-ни понимал, что, сколько ни кричи, — времени остается мало. Единственная надежда была на заседание парткома, которому предстояло оперативно решить сразу уйму дел и дать ответ хотя бы на половину вопросов. Чтобы поскорее увидеть Шан Чжи-ина, Чжай Цзы-ни хлестал коня всю дорогу, не замечая ни ветвей деревьев, больно хлеставших коня по крупу, ни камней, о которые тот [163] то и дело спотыкался. К артиллерийскому обстрелу на последнем этапе люди отнеслись по-разному. Командиры в большей своей части хранят молчание, словно они и не такое видели. Но это далеко не так. Еще на марше один из них обратился к нему с просьбой перевести его на штабную работу. Были такие, которые ушли с головой в воспоминания о былых походах и старались избегать разговоров на более близкие темы. Особенно насторожился Чжай Цзы-ни после случая с Янь Чжэнь-луном — слишком серьезного, чтобы от него можно было отмахнуться. Правда, каким-то уроком он послужит кое для кого, но думать, что вопрос уже решен, не следует. Сложившаяся обстановка затрагивает всех, не каждый выдержит это жестокое испытание.

Ехать верхом становилось все опаснее, и Чжай Цзы-ни слез с коня. Чтобы не дать противнику обнаружить себя, люди разбрелись поодиночке. Командира полка Чжай Цзы-ни увидел, когда взобрался на перевал: Шан Чжи-ин стоял на обрывистой площадке и отдавал распоряжения командиру саперного взвода. Здесь, всего лишь в тысяче метров от переднего края, предстояло оборудовать командный пункт полка. Хотя место находилось в зоне вражеского минометного огня, у Шан Чжи-ина даже мысль не возникла перенести КП подальше в тыл.

— Как тебе нравится мой выбор, комиссар? — спросил он Чжай Цзы-ни, здороваясь. — Не будешь возражать?

— Наоборот, — кивнул головой политком, разыскав это место на карте. — Я абсолютно согласен.

Шан Чжи-ин заметил во взгляде Чжай Цзы-ни некоторую неуверенность.

— Первое время побудем здесь, — пояснил он. — Пока все не устроится и не уляжется, это очень важно для наших людей.

Место для командного пункта полка представляло собой лесистую возвышенность, ничем не отличающуюся от других. Саперный взвод, который Шан Чжи-ин вызвал сюда, ознакомившись с местностью, уже приступил к работе. Ему предстояло оборудовать здесь блиндаж для отделов штаба полка, командного пункта и при этом не демаскировать местности. В поисках строительного материала для траншей саперы отправились в лес. Телефонисты спешили наладить связь. Из укрытой [164] большим деревом расщелины, где были установлены телефонные аппараты, к переднему краю потянулись провода. На обратной стороне ската бойцы охраны развели костер, чтобы согреть воды для приготовления пищи. Вниз с горы потянулись тыловики, чтобы принести продовольствие, ящики со штабными документами, личное имущество командиров... Они шли легко и свободно, словно давно уже породнились и с этими горами и с желтеющими каштановыми деревьями. Шинель командира полка лежала разостланная на мху рядом с ящиком, приспособленным под столик, укрытым сверху дождевой накидкой.

Политком взглянул на часы.

— Пора начинать! Затягивать собрание нельзя, дел столько, что...

Чжай Цзы-ни был прав, настаивая на том, чтобы не откладывать заседание парткома. Необходимо было решить вопрос с командирами, договориться о тактике боя, о контрмерах на случай неожиданных действий со стороны противника, о взаимодействии боевых подразделений. Все это должно было быть ясно до выхода на позиции. На Западном фронте противник уже начал наступление, здесь, на Восточном, наступление может начаться со дня на день. Хотя перед фронтом полка противник особенной

активности не проявляет, однако тетива натянута до отказа, и стоит спустить ее, как стрела полетит прямо в цель. Готовы ли они к этому? Конечно, решение командования корейского корпуса оставить на позициях все наличные запасы продовольствия, боеприпасов, медикаментов и других материалов весьма облегчает положение полка. Но люди нуждаются не только в этом. Им нужен еще и собственный боевой опыт, а его-то как раз и не доставало.

— Главный вопрос — покончить с растерянностью,— спокойно начал Чжай Цзы-ни, глядя на командира полка.— Не будем нервничать, обязательно что-нибудь придумаем.

Именно такая сосредоточенная сдержанность и трезвый взгляд на вещи больше всего и нужны были сейчас всем командирам и политработникам полка. Чжай Цзы-ни пользовался среди них вполне заслуженной славой человека, исключительной выдержки. Как-то раз, было это еще во время Освободительной войны — ему [165] пришлось лично командовать полком, оказавшимся в исключительно трудном положении. От полка осталось всего несколько рот. Противник наседал, создалась угроза окружения. В ротах все перемешалось, началась паника. На связном лица не было, когда он подбежал к Чжай Цзы-ни с докладом: «Товарищ комиссар, дело плохо, бегут...» Беспокоясь о своем начальнике, связной стал торопить его отходить вместе с войсками. Обстановка действительно была критической: противник обстреливал наши позиции минометным огнем, на обоих флангах уже были видны бегущие с винтовками наперевес неприятельские солдаты...

Однако Чжай Цзы-ни оставался сидеть на прежнем месте, словно ничего не произошло, и продолжал наблюдать за боем. Ров, в котором он устроился, был в каких-нибудь ста метрах от противника. Даже не посмотрев на связного, он резко спросил: «Кто дал ротам приказ отходить? Доставь его немедленно ко мне!»

Связной побежал сломя голову и, найдя командира роты, передал ему все, что сказал Чжай Цзы-ни. Наведя кое-как порядок, ротный повел подразделения в контратаку, отбросил противника на исходный рубеж и погнал дальше. Весь потный, задыхаясь после быстрого бега, он остановился перед Чжай Цзы-ни:

— Товарищ комиссар, докладываю: противник отбит, деревня занята нами...

— Садись и переведи дыхание, — невозмутимо остановил его Чжай Цзы-ни. — Вытри сперва пот.

Ротный испугался. Он поспешно вытер потную голову, уверенный, что политком отругает его сейчас последними словами.

Но Чжай Цзы-ни вовсе и не думал ругать его.

— Ну, чего растерялся? — все тем же ровным тоном спросил он. — Ведь этот бой мы никак не могли проиграть...

Сейчас политком был так же спокоен, как и в тот день, запомнившийся всем ветеранам полка. Может быть, поэтому, обдумывая порядок заседания, он и выделил в первую очередь тех, у кого было беспокойно на сердце.

— Начнем с вас, товарищи, расскажите о своих подразделениях. Только без общих слов.

Пока члены парткома докладывали обстановку, Чжай [166] Цзы-ни делал заметки в своей записной книжке, задавал наводящие вопросы. Особенно интересовало его положение в подразделениях, что уже сделано и как сделано. — в целом это позволяло ему сделать вывод о боевой готовности полка.

— Погоди, погоди,— останавливал он выступающего. — О противнике потом, сперва разберемся, что у нас есть. Только короче, товарищи, всех прошу! — Хотя политком знал каждого и еще на марше побывал во всех подразделениях, однако слушал он внимательно, стараясь сам не пропустить ни одного слова и заставить остальных слушать. Все они — кадровые работники партии, поэтому должны хорошо знать и понимать массы, разбираться в каждом командире и бойце, чувствовать настроение всего

коллектива в целом. Для руководства боем это самое главное. Только делеги, болеющие лишь о том, как бы справиться со своими делами, о коллективе не думают. Тем более важно заставить всех почувствовать основное, решающее. — Нам предстоит решить большие вопросы, товарищи. Учитесь действовать хладнокровно.

Партком принял решение направить всех командиров и политработников полкового звена в батальоны, батальонных работников — в роты, ротных — по взводам, взводных — в отделения, чтобы разобраться в обстановке и помочь командирам на местах навести порядок прежде всего у себя, а затем заняться изучением противника, знать его до мелочей, от обыденной деятельности до тактики артиллерии и пехоты. Заседание обсудило конкретные вопросы руководства всеми артиллерийскими средствами, доставки продовольствия и боеприпасов на передний край, регулирования личного состава в боевых подразделениях, выноса раненых с поля боя и дальнейшего их устройства...

Заключительную речь произнес политком, выступивший как секретарь партийного комитета.

— Товарищи, партком требует от всех нас партийного отношения к нынешней обстановке. Чем она характеризуется пока? Нет у нас глубины взгляда в тех вопросах, когда речь идет о прошлом, и широты — для сегодняшнего дня. Коммунисты в ответе за все. Наша задача состоит в том, чтобы во что бы то ни стало отбить наступление противника. Поймем мы это, тогда не будем [167] ждать, пока нас побьют, а сами начнем бить. Мы с вами — руководители, от нас зависит, сумеем ли мы привить бойцам чувство отваги и умение драться. Война против американских империалистов будет длительной и трудной. Настроениям, будто с ними можно будет справиться в несколько дней, нужно положить конец сегодня же. Мы будем одновременно и воевать и учиться воевать, приобретать новый боевой опыт, закалять себя» становиться могучей армией.

Когда совещание закончилось, политком подошел к Шан Чжи-ину.

— Ну, а теперь на передний край! — сказал он нетерпеливо, не сдерживая своего волнения. Шан Чжи-ин удивленно посмотрел на него.

— Что ты, комиссар! Тебе нельзя уходить сейчас отсюда. Пойду я.

На какой-то миг волнение Чжай Цзы-ни передалось ему, и он уже готов был уступить его просьбе, но тут же спохватился:

— Нет, нет, так не пойдёт,— засмеялся он.— На время нам опять придется, комиссар, расстаться с тобой. Я возьму с собой помощника. А ты возьми на себя то, к чему только что призывал народ. Ведь ты властитель дум всего нашего полка, понимаешь ты это?

24

Шан Чжи-ин считал целесообразным расположить второй батальон западнее Мундынри в первом эшелоне и во втором эшелоне третий батальон, чтобы в случае прорыва фронта противником всегда иметь наготове сильный резерв. Его мнение командир дивизии отверг сразу же.

— Недооцениваете серьезности момента, - выслушав Шан Чжи-ина и Чжай Цзы-ни, заявил он.— В первом эшелоне должна находиться одна рота, причем самая сильная. Мы впервые встречаемся с противником, поэтому нужно будет нанести ему такой удар, чтобы он долго не мог опомниться. При известных условиях ваше предложение было бы верным, но только в том случае, если бы мы ставили своей задачей водить противника [168] за нос, постепенно изматывать его силы, чтобы подготовить ввод наших ударных сил. Для этого годится и относительно слабая рота. А сегодня нужен совершенно другой план. Бить противника надо с первого же дня, промах в этом деле может нам дорого обойтись.

По совету командира дивизии было принято решение изменить боевой порядок. В первый эшелон на участке западнее Мундынри был назначен третий батальон, а второму

батальону приказано занять позиции восточнее дороги, пересекавшей долину Мундынок. Рисковать людьми было, конечно, опрометчиво. Как только совещание у командира корпуса закончилось, помощник командира полка Яо Си-пин направился в третий батальон, политком с начальником штаба Ма Фэн-шанем вернулись на КП полка, а Шан Чжи-ин решил, еще раз побывать в первом батальоне. Участок фронта, занимаемый им, вклинивался вперед, представляя собой как бы стык всего фронта, а главное был отрезан линией дороги. Поговорив на ходу с двумя — тремя командирами рот, он заглянул к командиру артдивизиона Инь Цин-си.

— Ну как, товарищ, вошел в курс дела?

Инь Цин-си был отважным, честным командиром, никогда не скрывавшим правды. Он не любил давать обещаний, не будучи уверенным в том, что сумеет их выполнить. К оборудованию позиций своего дивизиона он подошел со знанием дела. Еще перед выездом в Корею артдивизион участвовал в боевых учениях в обстановке, приближенной к реальной, но то было на родине, а здесь война.

— Я отдам все свои силы... — волнуясь начал он, но Шан Чжи-ин остановил его.

— Нет, меня не это волнует, товарищ...

Краска смущения залила крупное, красивое лицо Инь Цин-си. Он понял, чего хочет от него командир полка. Главное — не забывать ни на минуту основной цели войны. Забыть ее — тогда все пойдет шиворот-навыворот. Он с силой пожал Шан Чжи-ину руку.

— Вопросов не будет.

— Вот и хорошо, — дружелюбно взглянул на него Шан Чжи-ин. — Прежде всего сходи со своими людьми на позиции к корейцам. Осмотрите хорошенько местность, прикиньте, где лучше установить свои орудия. Занимать позиции будем, как только корейцы отойдут. [169] учти это, когда будешь подсчитывать, чего нам не хватает.

— Трудно будет. Но, думаю, справимся, товарищ командир полка. Во всяком случае, меры примем.

Взгляд у Инь Цин-си был открытый, прямодушный. Шан Чжи-ин не заметил в нем ни малейшей тени самодовольства.

— Мы не успеем пристреляться...

Инь Цин-си удивленно взглянул на командира полка. «Он прав. Как только выйдем на позиции, сразу придется вступить в бой. Противник располагает самолетами-корректировщиками...».

— Первое, что я сделаю, это пошлю наблюдателей на передний край, — сказал он в раздумье. — Может быть, послать наших наблюдателей вместе с наблюдателями стрелковых подразделений? Как вы думаете, если они будут находиться на ротных КП для связи с пехотными командирами? Ведь это все равно, что своими глазами видеть, откуда противник стреляет. Через наблюдателей и будем вести пристрелку, товарищ командир полка?..

— Дельно. А кого ты пошлешь на КП полка?

— Своего начальника штаба.

— Что он за человек? Я его еще совсем не знаю.

— Парень горячий, в обиду себя не даст, — улыбнулся Инь Цин-си.

— Ишь ты! Такие мне нравятся, терпеть не могу на КП мягкотелых.

— Нет, нет, этот не из таких.

— Вот и хорошо. Ну, обо всем договорились? — спросил Шан Чжи-ин. — Все наблюдательные пункты на переднем крае свяжем телефоном с КП полка. — Он привлек Инь Цин-си к себе. — Трудно, дружище, чертовски трудно. Куда ни сунешься, везде дыры. Справимся? Уверен, что да. Я очень рад, что нам с тобой выпало быть вместе.

Попрощавшись с командиром артдивизиона, Шан Чжи-ин велел вызвать на командный пункт начальника отделения тыла Ци Цзюнь-цая. На совещании тот даже слова не попросил, когда политком напомнил ему о его обещании. Почему он не сказал ничего о самом себе? Ведь он один, никого у него в подчинении нет. [170]

— Все еще о переводе на другую работу думаешь? — смеясь спросил Чжай Цзы-ни.

Ци Цзюнь-цай недовольно почесал в затылке.

— Думаю я сейчас о том, как бы выполнить эту работу хорошо. А потом и говорить будем.

— Чего же ты хочешь? — удивился Шан Чжи-ин.

— Людей, — спокойно сказал Ци Цзюнь-цай. — Я понимаю, как все это сложно. Но у меня под руками нет ни одного человека.

Шан Чжи-ин задумался, но не надолго. — Есть средство, — сказал он минуту спустя. — Людей, стало быть, надо? Люди есть. Но их надо организовать. В тыловых подразделениях, в штабе. Можешь взять себе помощников в минометной роте — заряжающих, прислугу — в свободное от занятий время. Носильщиков используй.

— Как же я их соберу?

— А тебе и не нужно собирать, — сказал Шан Чжи-ин. — Передай в подразделения, что они сами отвечают за доставку боеприпасов. Ты только укажи им место, где они будут получать их и куда переносить. Первое, что сделай, это распредели все снаряды и патроны, сообщи в каждое подразделение, что им выделено, и установи жесткие сроки. Пусть они сами думают, как доставить их. Твое распоряжение отдадим приказом по полку, тебе останется проверять и контролировать. Но есть еще одна задача: выяснить расход боеприпасов на переднем крае, чтобы своевременно обеспечивать потребности полностью. Здесь все зависит от организации снабжения.

— Из батальонов тоже можно будет взять людей?

— погоди, сейчас и этот вопрос решим, — остановил его Шан Чжи-ин и велел вызвать на КП командиров батальонов. Заговорил он снова, когда все подошли. — Так вот, товарищи, каждому батальону придется организовать свои транспортные отряды. Наши люди будут доставлять боеприпасы на промежуточные этапные пункты. Своих направляйте туда только в том случае, когда в этом будет необходимость. За обеспечение переднего края отвечаете вы. — Заместители комиссаров батальонов, — вставил поллитком, — прошу передать им.

Когда все разошлись, Шан Чжи-ин принялся [171] наводить порядок на командном пункте, который решил выдвинуть еще ближе к переднему краю, оставив вблизи Девяти драконов, как мысленно окрестил скалу Куён, политотдел полка и часть штаба. Вместе с ним на КП должны были находиться Чжай Цзы-ни, оперативный отдел, начальник разведки, отделение боевого обеспечения и несколько связистов. Взводам связи, разведки и инженерному было приказано подтянуться ближе к КП. Шан Чжи-ин собрал командиров, с которыми должен был идти на КП, как вдруг к нему подошел Лю Вэнь-цин с перекинутым через плечо телефонным аппаратом и катушкой провода.

— Тебе чего здесь? — удивился Шан Чжи-ин, с недоумением разглядывая незнакомого ему связиста, которого он принял сначала за мальчика. — Почему не ушел вместе со вторым эшелоном?

Лю Вэнь-цин, улыбаясь во весь рот, вытянулся по стойке «смирно».

— Разрешите доложить, товарищ командир полка. Приказано идти с вами на передний край.

— Тебе?! А ну, марш назад! Чтобы духу твоего здесь не было! — Шан Чжи-ин резко повернулся к офицеру связи, стоявшему неподалеку от него. — Пусть заменят кем-нибудь постарше... Это не ты отобрал мне такого?

Офицер смутился.

— Вы не смотрите, товарищ командир полка, что он мал ростом. Этому пареньку смелости не занимать. А работяга он отменный, самый строптивый среди связистов. — Зная, что командиру полка нравятся «строптивные», он преднамеренно сделал на этом слове ударение.

— А я что-то не замечаю, — недовольно махнул рукой Шан Чжи-ин. — Ударит

снаряд, так твой «строптивный» с перепугу расплатится. Кто за него отвечать будет?

— Это я расплачусь?! — возмутился Лю Вэнь-цзин, стоявший до этого молча. — Пусть все небо слезами исходит, я не заплачу. Не маленький!..

Не ожидавший такого отпора, Шан Чжи-ин рассмеялся.

— Не заплачешь, так заревешь, знаю я вашего брата!..

И все же он согласился взять Лю Вэнь-цзина с собой, хотя дал согласие с большой неохотой. [172]

— Лално, оставайся. Но за целого бойца считать тебя не буду, за половинку сойдешь. Согласен?.. А что это ты несешь?

— Как что?! — вытаращил глаза Лю Вэнь-цзин, удивляясь неосведомленности командира полка.— Телефонный аппарат, сухие батареи, ну, питание так называется, катушку с проводом, свой паек...

Маленький доброволец все больше начинал нравиться Шан Чжи-ину. Он даже подумал; сколько груза приходится юноше тащить на себе, а ведь не жалуется, наоборот, даже доволен. Не будь войны, ходил бы этот мальчик в школу, учился бы, овладевал знаниями... Шан Чжи-ин вспомнил своего ребенка. Что-то у этого бойца было общее с его ребенком, особенно в выражении глаз — таких же черных и ясных...

- Как ты думаешь, кто я такой?

Маленькие зрачки Лю Вэнь-цзина еще больше сузились.

— Командир полка считает, что я не гожусь? Тогда отправьте в пехоту, там все равно не легче...

— Все мы делаем то, что делает пехота! — прервал егр Шан Чжи-ин.— Мы не авиация, не флот, не кавалерия, не артиллерия и танки...

— Не-ет... — возразил Лю Вэнь-цзин. — Я прошусь в боевую роту.

— А здесь тебе не нравится? Работа не интересная?

— Так вы же только что сами сказали, что вам нужен кто-нибудь побольше меня.

Ищите другого!..

Шан Чжи-ин снова рассмеялся, теперь уже от души.

— Так вот ты какой! Свое мнение обо мне имеешь? Видали, критиковать вздумал!.. Ладно, успокою, тебя, малые ростом мне тоже нравятся. Но вот что ты мне ответь: ты где так вымазался? В дымоходе, что ли, ночевал?

Рассказ Лю Вэнь-цзина о том, как на привале кашевары сбросили около него три походных котла, развеселил Шан Чжи-ина. Но в это время подошли саперы, носившие из оврага бревна, и командир полка направился к ним, чтобы поторопить со строительством блиндажа. Несколько саперов ушли за новыми бревнами, остальные скинули пропотевшие рубахи и принялись за работу. Застучали топоры, взвизгнули пилы, впились в [173] каменистую землю лопаты. По склону горы забегали телефонисты, протягивая связь. Время от времени люди с опаской поглядывали на темнеющее небо и продолжали работать с еще большим азартом. Оставив у строящегося блиндажа своего помощника, Шан Чжи-ин повернулся, чтобы идти дальше, но тут увидел политкома. Чжай Цзы-ци был чем-то озабочен.

— Ты что, комиссар? Ко мне дело?

Чжай Цзы-ни встал рядом с ним и осторожно взял за руку.

— Да нет, собственно... Я почему-то вспомнил нашу гражданскую войну. Здесь все совсем по-другому, Лао Шан. Мы с тобой больше десяти лет вместе, армейская жизнь сроднила нас и, думаю, мы прекрасно понимаем друг друга. Мне не нравится, что ты повсюду бегаешь сам. Если тебе действительно нужно идти, иди, это важно. Но когда прямой необходимости нет... Ты понимаешь, мы сейчас нуждаемся в кадрах. Тебе не надоело меня слушать?.. Помнишь, я как-то уже говорил тебе: импульс очень хорошая вещь, но когда от человека требуется максимальное напряжение сил, он должен уметь взять себя в руки. Сдержанность, трезвая оценка своих способностей и возможностей...

— Я тебя понял, — чуть слышно проговорил одними губами Шан Чжи-ин. Он

хотел сказать что-то большее, поблагодарить товарища, но не нашел нужных слов. — Хорошо, буду беречься, комиссар!

На тропинке Шан Чжи-ину встретился начальник санотряда Пэй Дун-шэн. Тот почти бежал, часто спотыкаясь о неровности дороги, изрытой воронками от снарядов. Противник начал очередную артиллерийскую обработку переднего края. Взрывной волной от разорвавшегося вблизи снаряда Шан Чжи-ина швырнуло в сторону метра на три. Когда он поднялся, то почувствовал на лице кровь — лоб был сильно рассечен. Вытерев на ходу кровь, он бросился догонять Пэй Дун-шэна,

— Назад! Принимайся за работу. Противник начал...

Увидев на лице командира полка следы крови, Пэй Дун-шэн испугался, но Шан Чжи-ин не дал ему даже открыть рта. Развернув карту, он показал ему, по каким местам следует выносить раненых.

— Скорее назад. Положение, может быть, куда серьезнее, чем мы с тобой думаем.

[174]

25

Расставшись с командиром полка, Пэй Дун-шэн бежал, ни на секунду не останавливаясь. «Чего я думаю! — ругал он самого себя. — Люди думают о бое, а я о каких-то царапинах! Люди дерутся, а я должен ждать, когда они будут ранены!» Он был недоволен самим собой, своей работой, его удручало, что он должен заняться сейчас совсем не тем, чем нужно, как ему казалось, для дела. Несколько слов, которые бросил ему на ходу командир полка, заставили его по-новому оценить обстановку. «Если будет надо, я возьму своих докторов, санитарок и носильщиков и буду держаться с ними, как рядовой солдат. Трое суток придется стоять, буду стоять трое суток». Он действительно был уверен, что сейчас все должны быть там, на переднем крае, чтобы грудью отразить натиск врага. «Положение, может быть, куда серьезнее, чем мы с тобой думаем!» Значит, противник начал наступление? Он может прорваться? Так чего он мечется? Там, на переднем крае, эти юноши падают как подкошенные, а он думает о медикаментах! Там нужны люди! Как можно больше людей! Все! Им нет никакого дела до его медикаментов, ему нужен автомат. Он тоже должен сражаться!..

Но ведь командир полка ждет от него совсем другого. Он ему доверяет, это доверие он читал в его взгляде. «В твоих руках жизнь бойцов всего полка, Пэй Дун-шэн. Отвечай же за них, отвечай, как отвечает командир полка. Перед их семьями, перед родиной. Да, перед родиной, ведь они — лучшие сыны и дочери народа. Ты должен беречь каждую каплю их крови!..» Чем он ответит, Пэй Дун-шэн, на это доверие?..

Вбежав в ущелье, Пэй Дун-шэн на миг остановился, чтобы перевести дыхание. Дорога шла по берегу ручья, вокруг стоял густой аромат мяты. Шагов через пятьдесят ущелье расширилось, образуя небольшую поляну, усеянную крупными гладкими камнями. Пэй Дун-шэн вспомнил: такие же камни у него на родине пастухи используют, чтобы прятать от овец запасы соли... В конце поляны стояли два соломенных шалаша, а дальше начинался лес, поднимающийся до самой вершины горы. Здесь и было намечено оборудовать перевязочный пункт. Люди спешили, занятые хлопотами, в лесу рыли [175] землянки, ставили палатки, оборудовали операционную, расчищали от мусора поляну. Пэй Дун-шэн прикинул в уме, можно ли будет разместить на поляне одновременно несколько сот раненых, и снова вспомнил слова командира полка: «Положение, может быть, куда серьезнее, чем мы с тобой думаем».

— Скорее, товарищи, скорее, — торопил он своих работников. — Мы должны быть готовы к приему раненых.

На минуту он заглянул в шалаш, чтобы отдать нужные распоряжения своему помощнику, и тут остановился как вкопанный. Он не мог поверить своим глазам, но перед ним действительно сидела Ван Шу-цин, словно вдруг свалилась откуда-то с неба. Он уже

готов был отругать эту своенравную девчонку последними словами, но что-то удержало его. Отодвинув вещевой мешок, лежавший на земле, он сел напротив нее, не зная, с чего начать разговор. На его лице было какое-то виноватое и в то же время осуждающее выражение. Он вспомнил, как был доверенным Шан Чжи-ина, когда тот сватался к Ван Шу-цинью. Как давно это было!.. Успокоившись немного, он посмотрел на Ван Шу-цинью и вздохнул.

— Кто велел тебе приезжать сюда? — Он требовал от нее ответа, но та молчала. — Плохи дела! Ну, что ты от меня хочешь? — спросил он и зашагал из угла в угол.

— Товарищ начальник, — робко отозвалась наконец Ван Шу-цинью. — Не осуждайте меня. Я ни одного дня не могла оставаться одна...

— А ребенок?

— У матери оставила.

— Ведь ты еще кормила его грудью?! — изумился Пэй Дун-шэн, чувствуя, что не может на нее злиться.

— Отняла...

— Отняла? Сколько же месяцев ты кормила его?

— Шесть.

— Что ты наделала! Разве можно так рано? И себя извела, наверное?

Ван Шу-цинью с благодарностью посмотрела на Пэй Дун-шэна. Какое у него доброе сердце! А она думала, что он ее выгонит, всю дорогу боялась только этого.

— Извелась... Грудь так болела!.. Я ничего не ела, на сердце словно камень лежал. Молока становилось все меньше, меньше...

- Оставила? Покинула? [176]

— По... кинула.

Пэй Дун-шэн покачал головой, ему было больно смотреть на нее.

— Ребенка оставила! Мать!..

На глазах Ван Шу-цинью навернулись слезы. Но что она могла сделать? Могла она поступить иначе? Прибыв в штабarm, она никого из армейского начальства не застала и решила направиться в штаб дивизии. Она знала, что командование может приказать ей остаться, но иного выхода у нее не было. Все произошло так, как она и предполагала. Сначала в дивизии ее пробовали уговорить, потом стали приказывать, но она наотрез отказалась остаться в тыловом госпитале. Такой длинный путь проделала, столько сил потратила, чтобы добраться до фронта, а ее не пускают. Ведь это несправедливо! Тогда она на свой страх и риск забралась в попутную машину, которая шла к фронту.

До штаба полка оставалось всего три часа езды. Но дорога вся простреливалась. Неприятельские самолеты все время бомбили ее, и машина еле двигалась. Выехали, из дивизии в шесть часов вечера, но противник бомбил всю ночь, на смену одним самолетам прилетали другие, и только перед рассветом стало немного тише. Люди в машине присмирели, никто ни с кем не разговаривал. Ван Шу-цинью старалась представить себе, что произойдет, когда она приедет. Чем ближе она была к Шан Чжи-ину, тем больше волновалась. Теперь уже скоро, каждая минута приближает ее к нему. Шан Чжи-ин стоял перед ее глазами таким, каким она видела его в последний раз, когда они расставались. Как он там живет без нее? Вспоминает ли? Часто мысли были совсем глупые: меняет ли он белье, носки... Только бы он сам не узнал, что она уже здесь! Не надо ни писать, ни звонить по телефону. Пусть это будет неожиданно для него. Обрадуется он, когда вдруг увидит ее? А она? Выдержит она его взгляд?

На войне нервы напряжены, подобно натянутой струне. Человек забывает о мелочах жизни, относясь к ним с полным равнодушием. Конечно, в мыслях Ван Шу-цинью было много наивного, по-детски непосредственного. Но о чем она вообще могла думать? Работа в госпитале ее не пугала, ради нее она и приехала сюда, поэтому о ней она не думала. Думала она об одном Шан [177] Чжи-ине. Она не могла не думать о нем. Ей все казалось, что она вот-вот увидит его здесь, на этой узкой горной дороге, простреливаемой

со всех сторон. От волнения она закрывала глаза, чувствуя, что не в силах удержать готовое вырваться из груди сердце.

И вдруг она увидела Шан Чжи-ина. Она даже вскрикнула — таким явственным было это ощущение. Шан Чжи-ин, широкоплечий, кряжистый, шел прямо на нее, порывисто дыша. Надо было бежать, но от испуга у нее отнялись ноги.

Выражение лица у Шан Чжи-ина было злым. Он даже выслушать ее не захотел.

— Ты зачем приехала?

— Я искала тебя... — бессильно опустила голову Ван Шу-цин, приближаясь к нему.

— Кто тебе разрешил?

— Никто не разрешил. Я сама...

— Ребенок?

Голова Ван Шу-цин упала на грудь мужа. Она заплакала. Она была уверена, что никакой ошибки не совершила, что Шан Чжи-ин поймет ее и простит. Почему же он отталкивает ее? Неужели он думает, что она не понимает, как осложнилась обстановка? Какое у него разгневанное лицо!.. Но Шан Чжи-ин не может долго сердиться. Он притягивает ее к себе и спрашивает ласково:

— Кто надоумил тебя бежать сюда, предварительно не сообщив никому о своем решении? Хоть бы одно слово написала!..

— Я думала, что ты обрадуешься, когда неожиданно увидишь меня...

— Обрадуюсь! — горько усмехнулся Шан Чжи-ин. — Мало у меня других забот!..

Ван Шу-цин подняла на него глаза, полные слез.

— Я не могла поступить иначе, Чжи-ин. Я не могла сидеть дома. Что бы я ни ела, все мне казалось безвкусным. Я словно душу потеряла. Но если я и не потеряла ее, разве она принадлежит мне? Представь себя на моем месте: я сижу дома и ничего не делаю, а вы все на войне. Какими глазами я должна смотреть на вас?

— И ты решила догнать полк?

— Да. Я хотела быть рядом с тобой. Ничто не могло меня испугать. Я хотела одного — работать, а все остальное меня не беспокоило. Ты не волнуйся за меня. Ведь [178] ты знаешь, что я умею работать, уверяю тебя, мой труд тоже нужен. Чтобы война поскорее закончилась...

— А сын?

— Маленькому хорошо, будь спокоен за него. Ведь он на родине. Я просила маму хорошо смотреть за ним, что же тебя беспокоит? Да, я не посоветовалась с тобой, это моя ошибка. Но я знала, что ты будешь рад мне.

Шан Чжи-ин нежно погладил ее по плечу.

— А я все думал, что ты дома. Как все это неожиданно! У меня голова кругом идет, я даже не знаю, радоваться мне или злиться. Пойми ты, я каждый день думал о тебе..

В это время кто-то сильно толкнул Ван Шу-цин в бок и крикнул: «Бомба!»

Ван Шу-цин ничего не поняла, она продолжала находиться в сладком сне:

— Чжи-ин, родной, не беспокойся. Я думаю, что смогу взять на себя часть забот о тебе. Мне это совсем не трудно...

Кто-то толкнул Ван Шу-цин с другого боку, теперь она совершенно отчетливо услышала предостерегающий крик: «Бомба!» Дьявольский рев мотора самолета над головой окончательно привел ее в себя. Послышался свист падающего снаряда. Навстречу машине с бешеной скоростью мчались три повозки, запряженные лошадьми. На северном склоне горы, за поворотом, в небо взметнулись две яркие вспышки пламени. «Гони скорей!» — кричал какой-то боец, колотя изо всех сил кулаками по кабине. Машина словно летела. Вот и перевал. В какое-то мгновение машина перевалила его, и кузов сразу оказался выше кабины. Люди и вещи покатались вниз. Страшная сила оторвала Ван Шу-цин и бросила вперед. Она в ужасе закрыла глаза и решила, что произошло что-то невероятное, что сейчас она ударится о скалы и разможжит себе череп. Но она упала

обратно в кузов и только теперь сообразила, что никакой аварии не произошло. Машина мчалась на полной скорости еще километров десять. Когда она остановилась, взрывов уже не было слышно. Водитель, вылезший на подножку, заглянул в кузов, вытер потную голову и, улыбнувшись, беззлобно выругался:

— Мать их!.. Чуть было не сработал он с нами!.. Поехали, что ли? [179]

И машина помчалась дальше.

Вскоре Ван Шу-цинь снова вздремнула. На этот раз ей приснился уже не Шан Чжин. Она играла со своим Мао-мао, стараясь обнять его, а тот не давался и бил маму по лицу; всякий раз, когда его крохотные ручонки прикасались к ней, она чувствовала неизъяснимое блаженство. Вдруг она услышала впереди себя какой-то странный свистящий хрип. Она напрягла зрение и увидела, что прямо на нее идет американский солдат. Солдат шел, с опаской переставляя ноги, лицо у него было зеленое, заросшее густой черной щетиной, глаза бесцветные. Когда он был уже совсем близко, она увидела у него в руках автомат. Прижав Мао-мао к груди, она бросилась бежать. Но спрятаться было негде, куда она ни бежала. Тогда она стала кричать. Самое страшное, что она не слышала своего крика. Схватив по дороге палку, она решила защищаться ею, но не успела замахнуться, как палка переломилась надвое. Она снова побежала. Ярость душила ее. Наконец она догадалась опустить Мао-мао и, разъяренная, бросилась на американца...

Снаряд крупного калибра разорвался на самой вершине горы как раз когда к ней подъехала их машина. Ослепительная вспышка. В кузов сверху посыпались осколки, комья земли. Снова взрыв. Машина по инерции проехала еще несколько метров и остановилась. Слепленная и оглушенная взрывом, Ван Шу-цинь ничего не видела и не слышала. Она вообще ничего не понимала. Но вот до ее сознания дошли стоны раненых. В следующее мгновение она стала слышать их совсем отчетливо.

— Санитара!.. Санитара!..

— Доктора!..

Вслед за слухом вернулось зрение. Ван Шу-цинь увидела, как из разбитого кузова выскакивают бойцы и бегут кто куда. Нащупав на боку сумку с красным крестом, она поднялась, но в это время ей в нос ударил запах свежей крови. Она чуть было не потеряла сознание. Пока она доставала из сумки ножницы, чтобы дать раненому самому распороть на себе одежду, руки у нее дрожали.

— Ну, чего растерялась, сестрица!—сказал кто-то рядом назидательным тоном.— Сперва сама осмотришься вокруг, кому пораньше помочь надо. [180] Ван Шу-цинь заставила себя пересилить волнение и направилась к другому раненому. Она узнала его сразу: это был тот самый парень, который недавно толкнул ее в бок. Он лежал с перебитой рукой и стонал, на лицо его было страшно посмотреть. Быстро сделав обеззараживание, Ван Шу-цинь смазала рану иодом и туго перевязала. Работала она быстро и совсем было успокоилась, если бы не стоны, которых сердце ее не выдерживало. Местность вокруг была дикая, безлюдная — одни только горы и горы. Что она будет делать со своими ранеными? Но в это время кто-то закричал: «Сюда! Здесь!» — и Ван Шу-цинь увидела группу спешивших носильщиков-санитаров. «Скорее, товарищи, бегите, кто может! — предупредили санитары. — Противник нащупал дорогу и установил заградительный огонь». Ван Шу-цинь помогла им подобрать раненых и убитых. Убито было семь человек, тяжело ранено — десять! Ван Шу-цинь помогла уложить всех на носилки и пошла вслед за санитарями. Только теперь она почувствовала, что у нее болит плечо. Она осторожно дотронулась до него, потом до шеи, и тут пальцы коснулись чего-то мокрого, липкого. Значит, она сама ранена. К счастью, рана была пустяковая — небольшая царапина от осколка снаряда. Продолжая идти, она смочила ватный тампон иодом и смазала ранку. Отряд углубился в лес. Некоторое время шли молча в сплошной темноте. Ван Шу-цинь пыталась представить себе мысленно, что будет со всеми этими людьми и как она доберется теперь до своего полка, когда машина разбита вдребезги, и вдруг вспомнила свой сон. Не взрыв, натворивший столько горя, не убитых и раненых, которые валялись

вокруг нее на земле, а сон: американского солдата, его злобное зеленое лицо и бесцветные глаза...

Куда же их ведут носильщики-санитары? Лес оказался совсем не таким диким и безлюдным, каким он выглядел с дороги. Повсюду были войска, машины, ржали кони, в темноте то здесь, то там слышались голоса людей.

— Товарищ, а далеко еще до переднего края? — спросила она какого-то бойца.

Тот подозрительно посмотрел на нее.

— Не так уж далеко. Вон уже перевязочный...

За небольшой рощицей Ван Шу-цинъ увидела два [181] соломенных шалаша; над одним трепыхался маленький белый флажок с красным крестом. Она, конечно, не думала, что ее будут ждать здесь светлые операционные, просторные палаты для раненых, специальная кухня для приготовления раненым вкусной, здоровой пищи. Но то, что она увидела, потрясло ее. Что же ждет ее впереди?

После первых же слов ей все стало ясно. Она не обиделась на Пэй Дун-шэна за то, что он так холодно встретил ее, наоборот, всю дорогу, сюда она не чувствовала себя так спокойно, как сейчас.

«Имею ли я право упрекать ее в чем-либо? — спрашивал себя тем временем Пэй Дун-шэн. — Ей было труднее, чем всем нам. Такую женщину нельзя обвинять». Но как он сообщит Шан Чжи-ину, что его жена здесь? Это невозможно. Он не может взять на себя сейчас такую ответственность.

И он стал рассказывать ей о Шан Чжи-ине.

— Днем было заседание парткома, ну и злой же был твой муж. Политком сказал ему, что идет на передний край, но так-то он его и пустил! Сам отправился. Я встретил его, когда шел на КП. Хотел поговорить, но ничего не вышло, двумя — тремя фразами перекинулись только...

Пэй Дун-шэн продолжал рассказывать, а Ван Шу-цинъ думала о том, стоит ли ей позвонить Шан Чжи-ину. Рассказ Пэй Дун-шэна убедил ее, что этого делать нельзя. Нет, она не будет звонить — не потому, что по телефону вообще договориться по-хорошему будет невозможно. Время сейчас не подходит. «Пусть он думает, что я с ребенком. Ему легче и мне. Легче оттого, что я буду чувствовать себя рядом с ним, знать, что помогаю ему...»

26

С небольшой группой бойцов и командиров Шан Чжи-ин перебежал шоссе на Мундынри и велел всем пробираться самостоятельно к ущелью, видневшемуся на той стороне долины. Дорога все время обстреливалась, поэтому часто приходилось делать перебежки, то валиться на кучу камней, то надолго застревать в луже, [182] то прыгать в наполненный болотной жижей ров. «Самое неприятное, — думал Шан Чжи-ин, — именно в этот момент угодить под снаряд, когда полк еще не занял позиции». Огонь был такой плотный, что, казалась, не было места, где бы не падали снаряды. Они рвались по всей площади, кругом полыхало зарево, и Шан Чжи-ин стал не на шутку волноваться. Наконец он увидел на дороге какое-то подразделение. Бойцы бежали, с трудом переводя дыхание.

— Какой батальон? — окликнул их Шан Чжи-ин.

— Второй! — ответили из рядов.

— А третий где?

— Кто его знает!

— Вперед, наврное, подался, — отозвался другой голос. — Они раньше нас поднялись.

— Комбат и комиссар с вами?

— На переднем крае.

Шан Чжи-ин дал знак своим тоже бежать. Ему все казалось, что люди бегут медленно, хотя это было далеко не так. Пропустив сопровождающих его людей вперед, он широким шагом побежал за ними.

Однако теперь бежать стало рискованно, и он приказал ползти. Стало совсем темно. На седловине горы Шан Чжи-ин заметил группу бойцов, молча стоявших под скалой и смотревших в сторону фронта.

— Какая рота? — крикнул он.

— Третья, — нестройным хором ответили бойцы.

— Чего же здесь ждете?

Видно было, что бойцы все еще не понимают, где они находятся. Им казалось, что до позиций еще далеко, что предстоит новый переход, поэтому были готовы к нему, хотя давно уже пора было складывать вещевые мешки, браться за лопаты и начинать рыть окопы.

— Отделенного в роту вызвали, товарищ командир полка.

Так оно и есть! Нашли время совещание проводить!.. Шан Чжи-ин, разозленный, спустился в овраг, потом снова поднялся на гору, пошел лесом и тут понял, что сбился с направления. Снаряды проносились над головой не с юга на север, а почему-то с севера на юг. Что бы это могло быть? Он развернул карту, вынул компас и попробовал сориентироваться. Он находился в районе безымянной высоты, однако было так темно, [183] что высоты 941,0, до которой отсюда было рукой подать, он не увидел. Но вот он заметил на дне оврага группу бойцов, двигавшихся в противоположном направлении. Через минуту ординарец доложил, что это идут корейцы, которые уже оставили позиции. Шан Чжи-ин решил идти следом за ними и только благодаря этому выбрался на высоту, где должен был находиться командный пункт Цой Сан Кэма. И все же командного пункта он не нашел. Противник усилил огонь. Залпы следовали один за другим все чаще и чаще. Лес, горные пики, чистое небо, усеянное звездами, — все потонуло в сплошном дыму. В бой вступила артиллерия дальнего действия. В несколько секунд леса не стало, огромные сосны, выдернутые с корнем, катились по откосу в овраг, трещали, пылали, охваченные огнем.

На вершине горы Шан Чжи-ин приказал своим укрыться, а сам присел на корточки за камнем, чтобы, немного прийти в себя. Он попробовал закурить, но спички ломались одна за другой в дрожащих пальцах.

— Мне нужен помощник командира полка, — сказал он подбежавшему бойцу с походной рацией. — Узнай, где он.

Радист торопливо навел антенну и внятно заговорил в микрофон:

— Шестьдесят третий! Шестьдесят третий! Где вы находитесь? Отвечайте немедленно. Отвечайте немедленно. Шестьдесят третий!..

Через минуту в трубке послышался ответ.

— Шестьдесят третий слушает.

Помощник командира полка Яо Си-пин находился уже на высоте 1089,6. Войска прибыли на позиции. Противник ведет прицельный минометный огонь. Ранено одиннадцать. Вторая линия обороны занята полностью.

Быстро оценив обстановку, Шан Чжи-ин вызвал Ван Бин-чэня.

— Это ты, Ван Бин-чэнь? Где ты находишься?

— Я на высоте 635,8.

— А батальон?

— Вторая рота уже заняла позиции. Минометная на подходе.

— Передай приказ: немедленно приступайте к рытью окопов. [184]

Из-за поворота горы показался человек в длинной офицерской шинели. Он шел прямо на Шан Чжи-ина. Оторвавшись от бинокля, Шан Чжи-ин посмотрел на него и удивился, что это Цой Сан Кэм, который был так ему нужен.

— А я как раз тебя ищу! — обрадованно заговорил Шан Чжи-ин. — Но твой КП так разворотили, что его и не узнаешь.

— Да, что ж поделать! Прямое попадание. А где ты собираешься оборудовать свой?

— Вот здесь, у тебя.

— Ну пошли, у меня тут укрытие есть, я ведь сразу заметил тебя, как только ты пришел. Не хотел беспокоить, пока ты разговаривал со своими.

Когда они вышли на тропинку, ведущую к укрытию, Цой Сан Кэм остановился и тихо сказал:

— Только что звонил в штаб дивизии. Противник начал наступление...

Шан Чжи-ин понял это уже раньше, когда заговорили неприятельские дальнебойные орудия.

— Начал, значит, начал, — сказал он спокойно. — Вот и хорошо.

Спустившись в укрытие, Шан Чжи-ин велел связисту вызвать на провод командира второй роты. Он хотел выяснить, что же происходит на переднем крае. Вскоре из второй роты ответили, что командир вышел, но за ним послали.

— Скажи мне, — неожиданно повернулся Шан Чжи-ин к товарищу, — ты не знаешь, куда вас отводят?

Цой Сан Кэм покачал головой.

— Не знаю. Ведь даже о том, что вы будете принимать от нас оборону, я узнал только пять дней назад.

— Да-а, — вздохнул Шан Чжи-ин. — С нашим полком тоже получилось все не так, как думал вначале. Решение было, что мы займем позиции у Гымсэна, и вот, пожалуйста! На марше повернули нас сюда, в Мундынри.

— Все думаю, как нам приветствовать ваш полк. Такое ведь дело!

— Давай сначала поприветствуем противника.. А?

Связной передал трубку телефона Шан Чжи-ину. Командир второй роты Шан Чжи-линь был на проводе. [185]

27

Прибыв на свою позицию, Шан Чжи-линь сразу же распорядился занимать окопы корейцев. Как только рота окопается, все страхи улетучатся сами собой, и пусть тогда противник попробует их выкурить!

На высоту 635,8, которая вклинивалась в позиции противника, было послано отделение Тан Чжун-сюня.

Шан Чжи-линь был безмерно рад, что все получилось так, как ему хотелось. Когда отделение Тан Чжун-сюня выстроилось, чтобы выслушать приказ, он сам захотел поговорить с бойцами и сказать им в напутствие несколько теплых слов. Отделение Тан Чжун-сюня, как, впрочем, и вся рота, с момента перехода границы и вплоть до выхода на позиции проявило себя с лучшей стороны. Все бойцы были один к одному. С такими не пропадешь. Смелые, верящие в свои силы... И что в том плохого, если все они рвались в бой, требовали, чтобы им был поручен самый ответственный, самый опасный участок? Может быть, именно поэтому он, Шан Чжи-линь, и назвал мысленно себя, когда встал вопрос, кому быть первым.

«Да, я, Шан Чжи-линь! Двадцать пять лет Шан Чжи-линь. Промолчишь сейчас, все потеряешь! Что самое нужное для партии ты можешь сейчас сделать, Шан Чжи-линь?»

Никогда он не задумывался над своим прошлым, а тут испугался. Он был уверен, что лучшие годы жизни человека он провел в суете, без всякой пользы. Но вот перед ним открылась широкая перспектива. Вот где время развернуться! Не теряй этой возможности, Шан Чжи-линь. Твой срок пришел!.. Он был так взволнован, что встал и заходил по земле, крепко сжимая кобуру пистолета.

Он долго не мог прийти в себя, — так был взволнован неожиданно пришедшей мыслью. Как-то он поделился ею со своими товарищами по роте после одного командирского совещания. Его поддержали.

— За чем дело встало? Сходи-ка к комбату.

— А чего говорить ему раньше срока?

— Чем раньше, тем лучше, — засмеялся Жань Чунь-хуа. — Во всяком случае, комбат запомнит. А будет интересное задание, тут-то он о нас и подумает. Тактика! [186]

— Нет, — в раздумье сказал Тан Чжи-линь. — Зря говорить тоже не надо. Знаешь, что подумает? Что характер у меня неуравновешенный, что поспешный на принятие решений, мало ли что ему может прийти в голову!

— И никакой не поспешный! Это тактика, повторяю тебе.

Шан Чжи-линь хлопнул себя по ляжке.

— Ладно, обещаю. Буду за всех стараться. Но и вы дайте мне слово, что поддержите меня, если что...

— Да мы тебе только спасибо скажем! — обрадовался Жань Чунь-хуа.

Шан Чжи-линь тоже был доволен тем, что их желания совпадают. И когда он действительно получил задание, о котором мечтал столько времени, он был вне себя от радости. Вернувшись в роту, он так горячо обнял Жань Чунь-хуа, словно давно не виделся с ним.

— Ну, политрук, дело за нами! Здорово, а?.. Ты погоди, дай сначала расскажу. Вернулись мы с рекогносцировки, уселись и молчим. Все понимают — обстановка сложная, и ждут, что скажет командир полка. Тот поморщился, потом сказал: «Да, задача, что и говорить!..» Помолчал немного и уставился на комбата: мол, какое твое решение? Комбат глазами в сторону командиров рот, будто спрашивает: «Чего смотрите? Какая рота возьмется?» Глянул я вокруг и чуть было не обмер со страху: встает командир первой роты и уже собирается открыть рот... Понимаешь, в каком положении я оказался? Чего же ты ждешь? — спросил я самого себя. Вот-вот бой, а ты тут думаешь! Решающий момент наступает. Всякая сволочь собирается весь мир проглотить, войну развязать, а ты... Мог я не подняться?.. — Шан Чжи-линь сжал мускулистый кулак и повел им перед носом политрука. — Пусть понюхают американцы, чем пахнет!..

Отделение Тан Чжун-сюня выстроилось. Шан Чжи-линь подумал: «Что же им сказать? Ведь они увидят сейчас перед собой противника, они встанут на позиции, чтобы своей грудью загородить дорогу врагу!..». Он тряхнул головой, словно хотел отогнать от себя нехорошие мысли.

— Все в сборе? Мое требование к вам такое... — Шан Чжи-линь возвысил голос, выбросил вперед [187] правую руку и, сжав ее в кулак, резко опустил вниз. — Стоять насмерть, драться за каждый вершок земли. Вот, пожалуй, и все.

Он пристально осмотрел каждого бойца и остался доволен осмотром. Больше говорить он и не собирался. Рота прекрасно знала, с какой целью она сюда прибыла. Главное сказано: стоять насмерть; и это должно быть для всех понятно. Да и попробуй митинговать, когда кругом такое творится!

Вперед вышел политрук.

— Я тоже много говорить не буду. Прошу помнить одно: мы с вами — добровольцы китайского народа. Родина поручила нам трудную задачу, и мы должны выполнить ее без малейшего колебания. Если на позиции останется даже один человек, он обязан упорно защищать ее до конца. За родину! За Председателя Мао! За матерей и детей Кореи!.. Мы обязательно победим. В веках останется наш немеркнущий подвиг, на то мы и солдаты Мао Цзэ-дуна. Помните всегда: на нас теперь смотрит весь мир!

Бойцы слушали политрука молчаливые, сосредоточенные. Ничего нового не сказал им Жань Чунь-хуа, но они как-то с другой стороны, может быть, неожиданно для себя осознали вдруг все то, что предстоит совершить каждому в отдельности и всем вместе. Цзян Вань-цзе весь подался вперед. Он уже готов был напомнить политруку о своем обещании, но в это время их взгляды встретились, и он понял, что этого делать не следует. Обещания кончились, теперь за него должны говорить его дела... Из раздумья Цзян Вань-цзе вывел голос ротного.

— Хотите знать, почему изо всей роты именно вашему отделению поручено это

задание? — чеканя каждое слово, спросил Шан Чжи-линь.

Тан Чжун-сюнь сделал шаг вперед.

— Это-то мы знаем, товарищ ротный... Долго нужно удерживать позицию?

Он задал этот вопрос чисто практически: сколько дней и ночей отделению приказано держаться там, куда ротный их посылает? Год прикажет, он будет стоять год, если только не погибнет раньше этого срока. Он и не думал, что этот вопрос вызовет со стороны ротного такую реакцию.[188]

Шан Чжи-линь вздрогнул, словно его ударили. Вся кровь бросилась к его лицу. Если даже самый лучший командир отделения задает такие вопросы, то чего ждать от других!.. Он медленно пошел на Тан Чжун-сюня, сжав кулаки, даже не думая о том, что не следует поступать так перед бойцами.

— Если не остановишь противника, когда он ринется на тебя, я сам займусь твоими мозгами! — закричал ой резким голосом, ни на кого не обращая внимания.— Неужели я ошибся в тебе, Тан Чжун-сюнь? Эх!..

Тан Чжун-сюнь молча отдал честь, повернулся кругом и, ни слова не ответив командиру, повел своих людей в ночь. Хорошо, что было уже совсем темно и никто не видел его лица. Никогда не подвергался он таким обидам. Слава о нем шла по всему полку. Человек исключительной отваги и беспредельной храбрости, он был известен своей верностью данному слову и всегда служил примером другим отделенным, как нужно отвечать за порученное задание. Сколько раз он бывал в боях, он уже не помнит. От ветеранов к новичкам передавалась молва о его подвигах. Однажды, было это еще во время Освободительной войны, их рота атаковала деревню, захваченную противником. После первого же удара обстановка вдруг круто изменилась. Противник получил подкрепление, и рота вынуждена была отступить. Гоминдановцы бросились в преследование. Когда они были уже совсем близко, ротный подозвал к себе Тан Чжун-сюня и коротко приказал: «Задержишься со своим отделением вот здесь. Будешь прикрывать отступление главных сил роты».

Тан Чжун-сюнь, не торопясь, вынул из кармана сшитую из тетрадки записную книжку, карандаш и деньги.

— Передайте вот это партии... А деньги — пусть это будет мой последний партвзнос.

Потом он достал из другого кармана письмо, полученное недавно из дому.

— Я не успел ответить, товарищ ротный. Да и не было чего писать. Здесь, на конверте, есть адрес моих... — Голос у него был твердый, спокойный. Сказав все, он опустил голову. Ротный привлек его к себе за обе руки. — Товарищ!. [189]

— Не надо, ротный, — остановил его Тан Чжун-сюнь, — будьте спокойны, все сделаю!

Отделение расположилось во дворе небольшой фанзы. Бойцы стали выковыривать в глинобитной стене забора крохотные «глазки», которые могли служить бойницами. Противник теснил их. Пули изрешетили забор, не оставив на нем ни одного живого места. Тан Чжун-сюнь был ранен в ногу, однако переполз в другой угол и продолжал вести огонь. Противник ввел в бой миномет. Первый же снаряд разворотил черепичную крышу дома, обломком черепицы Тан Чжун-сюня больно ударило по голове. Он потерял сознание и, когда очнулся, противник уже вел третью по счету атаку. Бойцы бились из последних сил. Тан Чжун-сюнь швырял одну гранату за другой, срывая предохранитель зубами, пока свои гранаты не кончились. Тогда он пополз по двору, чтобы собрать оставшиеся гранаты у раненых и убитых. Он знал, что должен умереть, и решил легко не даваться. Заметив, что противник окружает двор с трех сторон, Тан Чжун-сюнь обрадовался: ну, теперь не долго осталось мучиться, сами лезут в могилу, чертовы выродки! Он свое дело сделал, рота отступила в полном порядке!..

И такого отважного человека ротный счел постыдным, трусом!.. С горечью сознавал Тан Чжун-сюнь, что не может вступить в спор со своим командиром, да еще в

присутствии бойцов, иначе он доказал бы ему, кто из них прав. Но тут же он подумал о другом: для доказательства нужны факты, а этими фактами будет то, чем увенчается все дело. Он заставил себя погасить разгоравшийся в груди огонь. Ротный прав: нужно еще удержать позицию, все остальное ровно никакого значения не имеет. И все же на глазах у него выступили слезы, когда он отошел от ротного. Ему было и стыдно и обидно. Бойцы возбуждены, они уже забыли о том, что только что произошло, и заняты только предстоящим заданием, а он, Тан Чжун-сюнь, не имеет в себе никаких сил разделить с ними радость. Надо же, чтобы так нехорошо все это получилось!.. Он вспомнил свой первый день в армии — как давно все это было! Политрук сказал ему тогда: «Наша армия — армия пролетариата, мы призваны служить народу». Тан Чжун-сюнь понял, что хотел сказать ему этим политрук. Он сам был рабочим и [190] поэтому отдался армии всей душой. В бою ли, выполняя повседневные обязанности, он работал, не покладая рук. И как работал! Вскоре его приняли в Коммунистическую партию. Любое задание он выполнял с жаром, чувствуя, что наконец-то нашел цель в своей жизни. Он знал: сейчас тяжело, время трудное, бои такие, что не каждый сможет их выдержать, но зато в конце пути — коммунизм, и он должен во что бы то ни стало дойти до него. Выполнив поручение, он говорил себе: «Ну вот, еще на один шаг ближе к коммунизму, а раз сам ближе, значит, должен вести за собой других». Как же могло случиться, что в таком великом движении, как сопротивление Америке и помощь Кореи, он оказался постыдным трусом?..

Высунувшись из укрытия, Шан Чжи-линь следил за тем, как отделение Тан Чжун-сюня спускалось вниз по склону горы, пока силуэты бойцов не растворились в темноте ночи. Он уже раскаивался, что так незаслуженно обидел их. «Ведь они могут не вернуться!» — неожиданно подумал он. Вернуть их? Нет, это уже невозможно. «Я должен поддерживать их, поддерживать...»

Он присел на выступ строящегося блиндажа и обхватил голову обеими руками. Сидел он так не больше минуты, потом вскочил и бросился со всех ног в овраг, где оборудовались огневые позиции приданных роте подразделений. Позиции находились левее ротного узла обороны и с позициями батальонных минометов и станковых пулеметов были связаны уже вырытым ходом сообщения. Работы в овраге шли полным ходом. На фоне темного неба то и дело мелькали тени лопат, слышались глухие удары кирки. Бойцы перетаскивали стволы минометов, устанавливали опорные плиты, готовили банники. Дорогу Шан Чжи-линю преградила группа бойцов, перетаскивавших ящики со снарядами. В темноте Шан Чжи-линь натолкнулся на одного. Тот злобно выругался: «Ослеп, что ли?! Чего толкаешься?» Но когда обернулся, узнал Шан Чжи-линя и испуганно отпрянул назад.

— Это вы, товарищ ротный? Не ушиблись?

— Нет, ничего, — успокоил его Шан Чжи-линь. — Порядка у вас не вижу. На позицию? [191]

— А как же! — ответил боец. — Вот разберем боеприпасы, тогда и...

— Поскорее бы надо.

Одна площадка была уже подготовлена, и на ней устанавливали миномет. Все торопились, порядка действительно не чувствовали. С трудом Шан Чжи-линь разыскал в толпе командира взвода из минометной роты.

— А поскорее нельзя? — сердито спросил он.

— Кончаем, скоро будет готово. Смотреть будешь? — вопросительно посмотрел на него командир взвода.

Пока они шли, беспокойство все глубже проникало в сознание Шан Чжи-линя. У него было лишь несколько минометов. Смогут ли они накрыть своим огнем такую большую площадь?! Где нужно ставить орудия, как выбрать для них место, как должен быть организован огонь, если противнику удастся осуществить прорыв, — всего этого он

не знал, так как минометы были новые, тактико-технические данные которых ему были неизвестны. Командир взвода догадался, что тревожит ротного.

— Все будет в порядке, не волнуйся, — спокойно заговорил он. — Как только установим минометы, пристреляемся, выявим цели, а тогда можно и начинать.

— Скорее бы, теперь от тебя все зависит, — нетерпеливо сказал Шан Чжи-линь, хотя внутренне он уже успокоился. В самом деле, что он от них хочет? Люди заняты делом, а он своими вопросами только мешает им... И он тоже включился в работу, помогал устанавливать минометы, перетаскивал боеприпасы, все больше понимая, что торопить никого не следует. Найдя командира взвода, он сказал ему:

— В общем смотри. Я надеюсь на тебя. Как только дам приказ, стреляй. Связь прикажи вести прямо в штаб роты, а сам будь все время здесь...

Ночь. Горы. Багровые отсветы пламени пожара. Едкий пороховой дым. То налетит горячая взрывная волна, то ударит в лицо порывистый холодный ветер. С вершины горы, на которой стоял Шан Чжи-линь, открывалась далекая перспектива, но ему казалось, что он зажат со всех сторон, сдавлен, лишен возможности видеть, дышать. Он задыхался. Может быть, впервые он [192] ощутил, что жизнь, о которой так мечтал, насыщенная боями, жаркими схватками с врагом, невысказанными в мирных условиях трудностями, эта жизнь вошла в него и настойчиво требует: иди же, борись, действуй!

От минометчиков он направился на позицию станковых пулеметов, оттуда на свой передний край, где его уже ждали.

— Товарищ ротный, вас вызывает командир полка, — окликнул его из укрытия связной. Шан Чжи-линь быстро обернулся.

— Меня? — Он опустил на корточки и прильнул к аппарату. — Я слушаю, товарищ шестьдесят первый!

— Ты куда ходил только что? — раздался в трубке голос Шан Чжи-ина.

— На огневые позиции.

— Все готово?

— Заканчиваем. Можем начинать.

Минуту командир полка молчал, потом спросил тихим голосом:

— Ну, а ты как?

Шан Чжи-линь понял, что этот вопрос был обращен уже лично к нему: брат спрашивал его не как начальник подчиненного, а как старший брат младшего. Чувство уверенности вернулось к нему.

— Вопросов нет, все будет хорошо! — бодро ответил он.

28

Украшать блиндаж своего взвода Ен Кын Тхя принялся с самого утра. По обе стороны тропинки, ведущей к укрытию со стороны ротного узла обороны, были врыты две жерди, сверху закреплена перекладина. Получилось что-то вроде арки. Арку увили гирляндами из хвойных лапок и сосновых ветвей, прибрали блиндаж, подмели дорожку. Работали весь день и все же результатами остались недовольны. «Эх, красного бы сюда добавить, материи какой-нибудь!» Несколько дней тому назад перед позицией рос молодой клен — душа радовалась, когда взгляд останавливался на тронутых осенним багрянцем красных листьях, но теперь от этого клена осталось одно воспоминание: разбитый вражеским снарядом, он сгорел, как свеча. Да, весной — [193] другое дело, весной повсюду цветет багульник, горы поткрыты сплошным цветным ковром... Вдруг взгляд Ен Кым Тхя задержался на небольшой полянке у подножия горы.

— Ли Ен Хва, сюда! — радостно вскрикнул он. — Видишь? Вон там. Здорово, а? Как же это мы с тобой раньше не заметили?!

Действительно, можно было только удивляться, как уцелела под смертоносным огнем эта полянка, усеянная, словно ночное небо звездами, нежно-голубыми, чуточку

поблекшими цветами мелкого чернобыльника. Вперемежку с чернобыльником кое-где росли крупные, на высоких стеблях, белые цветы с желто-зелеными тычинками причудливой формы, а немного выше, в густой траве на склоне горы, редкие дикие лилии и дружное семейство пунцового чашкоцветника, цветы которого удивительно напоминали собой крохотные золотые чашечки, расставленные на зеленом подносе.

Когда бойцы сменились, Ен Кым Тхя заново принялся украшать арку. К уже готовым гирляндам он добавил дубовых листьев, цветов, придал ей нарядный, праздничный вид. Теперь встретить дорогих гостей было не совестно.

С наступлением ночи орудейный огонь усилился. По телефону Ен Кым Тхя предупредили, что противник возобновил наступление.

«Самим, значит, придется держаться еще три дня!» — подумал Ен Кым Тхя. Их оставалось на позиции пятеро, и каждый должен был ясно отдавать себе отчет в том, какая тяжелая ответственность ложится на него.

— В штабе договорились, — сказал он бойцам, — что китайцы выйдут на позиции за три дня до принятия обороны, чтобы подготовиться как следует за это время. Но теперь положение меняется. Противник начал наступление, и нам придется самим удерживать рубеж. Три дня еще ждать, ребята, на десятое октября назначена смена...

Не успел он договорить, как один из бойцов поднялся и возбужденно замахал рукой. Позади, на тропинке, показалось несколько бойцов, направлявшихся в их сторону. Выслав одного бойца на наблюдательный пост, Ен Кым Тхя схватил заготовленный букет цветов [194] и вместе с оставшимися бойцами выбежал за арку. Отделение Тан Чжун-сюня подошло к арке одновременно с ними. Завидя корейцев, бойцы Тан Чжун-сюня радостно скинули оружие и бросились к ним навстречу...

Взрывы сотрясали горы. Над самой головой с визгом проносились снаряды, обдавая лица горячей струей воздуха. Но ничто не могло испугать людей, разлучить их. Наоборот, они еще сильнее сжимали друг друга в объятиях, забыв, казалось, о том, что происходит вокруг них. По лицам неудержимо текли слезы... Нужно было проделать весь этот утомительный переход, пройти свою страну и оказаться на территории другой, перевалить десять тысяч рек и тысячу гор, идти днем и ночью, под проливным дождем, испытывая невероятные лишения, чтобы понять то состояние, в котором находились сейчас Тан Чжун-сюнь и его товарищи. Да и понять состояние, в котором находились корейские бойцы, тоже мог только человек, познавший, что такое борьба не на жизнь, а на смерть, когда на тебя нацелен целый лес ружей, когда тебя дни и ночи поливает дождь пуль, когда ты видишь, как гибнут твои родные и близкие, а враг продолжает неумолимо продвигаться шаг за шагом в глубь твоей страны. Чувство, которое переживали сейчас китайцы и корейцы, было чувством счастья от той встречи, которую так долго ждали и те и другие, сознанием силы скрепившей их навеки дружбы. В такие моменты забывается все остальное.

По лицу Тан Чжун-сюня текли горячие слезы радости. Его затвердевшее сердце, ущемленное незаслуженной обидой, словно размякло. Он и не скрывал своего состояния, восторженно обнимая снова и снова то корейцев, то своих, бегая от одного к другому. «Ну для чего, спрашивается, задал я этот вопрос ротному? — ругал он в душе самого себя. — Какой был смысл?» Никакая сила не могла сейчас оторвать его от этого места, разве только приказ командования отступить на полшага...

Бурное проявление первой радости встречи улеглось, и лишь порывистое дыхание да учащенное биение сердца выдавали общее волнение. Так прошло несколько минут. Но вот Ен Кым Тхя вырвался из объятий, снял автомат и пустил длинную, очередь в сторону противника. Ночное небо перечеркнула стремительная [195] огненная дуга. Это был салют, самый настоящий салют в честь встречи, демонстрация непреклонной воли к победе над общим врагом. Отстрелявшись, он снова бросился к китайцам, — и не было в этот момент иного, более трогательного, проявления чувства радости, как крепкие объятия.

Тан Чжун-сюнь опустил на землю свой вещевой мешок. Он был совершенно спокоен. В конце концов, что с того, что ротный его отругал! Ведь теперь все в порядке. Вот она — позиция его отделения. Она была перед его глазами все время, пока они шли по корейской земле, оставив позади себя родной Ялуцзян. Он стремился к ней всем сердцем. Именно такой рисовало эту позицию его воображение.

— Ну, чего стоите? — весело посмотрел он на своих бойцов. — Складывай вещи, пришли. Вот она — наша позиция! — Тан Чжун-сюнь понял, что бойцы ждут от него чего-то большего. Он взглянул в глаза каждому и сказал просто, но в то же время торжественно: — Видите теперь? Она, товарищи. Вперед — пожалуйста, а назад — ни на шаг. Какими глазами будем смотреть на корейцев, если не задержим врага, перед своей родиной как будем себя чувствовать?!

Бойцы стояли суровые, подтянутые.

Позицию готовили всю ночь. Обстановка на фронте менялась с каждой минутой, и трудно было предвидеть, как развернутся события к утру. Снаряды ложились на переднем крае так густо, что, казалось, горы не выдержат нового налета и рухнут. Во время одного налета довольно густой перелесок в долине был начисто сметен артиллерийским огнем.

Дважды Тан Чжун-сюня вызывали из роты на провод и оба раза спрашивали только об одном: как идет оборудование позиций. Командир роты нервничал: Тан Чжун-сюнь чувствовал это по тому, каким тоном Шан Чжи-линь задавал вопросы. «Помни, малейшее послабление может стоить крови и жизни людей!» — предупреждал он его всякий раз.

Когда одиночные окопы были вырыты, Тан Чжун-сюнь приказал соединить их ходом сообщения, а своего помощника и еще двоих бойцов отправил на обратный [196] скат высоты готовить укрытие для боеприпасов и продовольствия.

— Торопись с этим делом, — сказал он помощнику на прощанье, — временно там будет и наше жилье.

За два часа до рассвета работа была закончена. Кто-то принес в окоп чайник с водой, на земле разложили галеты, поджаренную муку, вяленое мясо, пригласили корейцев, и все вместе сели завтракать. После завтрака закурили. Снаряды на переднем крае продолжали рваться.

— Отделенный, — спросил вдруг Ван Кунь, — а правда, что американцы воюют, подстилая под себя коврик?

Тан Чжун-сюнь вытаращил на него глаза от удивления.

— Кто это тебе сказал? Ерунда. Ешь лучше мясо и не думай об этом.

Зашел разговор о том, как китайцы добивались до фронта. Ен Кым Тхя спросил, не задерживались ли они в каких-нибудь деревнях по пути.

— Какие там деревни! — покачал головой Тан Чжун-сюнь. — Всю дорогу шли лесом, в лесу и на ночлег останавливались.

Корейцы молчали, неподвижным взглядом смотря в сторону переднего края.

— Натерпелись вы! — вздохнул Ен Кым Тхя, крепко сжимая руку Тан Чжун-сюня.

— Когда проходили через один шахтерский поселок, видели жилища, даже ночевали в одном, — сказал Цзян Вань-цзе. — Хозяйка говорила, что муж ее тоже в армии.

Корейцы многозначительно переглянулись: с этой шахты все мужчины ушли на фронт, и эти мужчины — они! Однако никто не перебивал Цзян Вань-цзе, пока тот не вспомнил, что хозяйку хижины звали Пак Кым Ок. Выражение лица Ен Кым Тхя сразу неузнаваемо изменилось.

— А вы не спрашивали, — дрожащим голосом проговорил он чуть слышно, — мужа ее зовут не Ен Кым Тхя?

Он с трудом сдерживал волнение, слушая рассказ китайцев о том, как Пак Кым Ок, провожая их, обронила слезу, как прощался с ними его маленький сын, протягивая бойцам

свои ручонки. Глаза Ен Кым Тхя были влажные. Ни слова не говоря, он поднялся и вылез из окопа наружу. [197]

Стало совсем светло. Противник перенес огонь в глубь обороны корейцев. На переднем крае одновременно застрочили станковые пулеметы. В клубах низко стлавшегося дыма показались отдельные фигурки солдат, которые бежали к берегу ручья. Перейдя его вброд, они стали подниматься на небольшую горушку.

Цзян Вань-цзе поднялся, чтобы подойти к Тан Чжун-сюню, но тот сделал ему рукой знак ложиться. Тогда он пополз на животе.

— Как, отделенный, будем биться вместе с ними или не будем? — тревожно спросил он.

— Только не волнуйся. Спешить нам некуда, — спокойно сказал Тан Чжун-сюнь.

— Но ведь он вот-вот перейдет в атаку!

Тан Чжун-сюнь нахмурился.

— Перейдет! Он уже перешел, не понял разве?.. Но ты не отвлекай народ, наша задача — позицию подготовить.

— Но ведь американцы сейчас будут здесь! — недовольно буркнул Цзян Вань-цзе.

— Иди отсюда и не приставай, — оттолкнул его Тан Чжун-сюнь. — Хочешь, чтобы нас с тобой одновременно?..

Цзян Вань-цзе послушно пополз назад, но с полдороги вернулся и спросил с укором:

— Смотреть, стало быть, будем?

Теперь Тан Чжун-сюнь рассердился не на шутку.

— Кто это говорит?! — грозно оборвал он его.

Однако положение Тан Чжун-сюня действительно было сложным. Наступление противника с самого начала развивалось не по обычному, — он прекрасно видел это по силе артиллерийского огня. В роте ему было приказано за три дня оборудовать позицию, поскольку официальное принятие района обороны назначалось на десятое октября. Все это хорошо. Но могут ли они спокойно сидеть сложа руки и наблюдать, как бьется с вооруженным до зубов врагом горстка бойцов корейской Народной армии?.. И все же Тан Чжун-сюнь думал сейчас почему-то не об этом. Перед ним встал вопрос не сегодняшнего и не завтрашнего дня, а более отдаленного времени. Ведь когда части Народной армии оставят позиции, они останутся здесь одни, на них ляжет вся ответственность по защите этого клочка корейской земли, это — задание не на одно — два сражения и не на один — [198] два дня боевых действий. И вдруг Тан Чжун-сюнь вспомнил разгневанного ротного командира.

— За все в ответе я. Выполняй приказ. Будете делать то, что я велю вам, — громко сказал он, чтобы все слышали, и этим несколько охладил готовые разгореться страсти.

Первая атака противника захлебнулась очень скоро. Дружным автоматным огнем корейцы вынудили наступающих откатиться на исходные позиции.

Ен Кым Тхя нашел Тан Чжун-сюня в укрытии и как ни в чем не бывало предложил всем закуривать. Никакого страха или растерянности у него не было. Как и другие бойцы, Цзян Вань-цзе смотрел на него со смешанным чувством восхищения и зависти. Положив автомат на колени, Ен Кым Тхя заговорил:

— Отдохнем малость. В этой щели у нас как раз место для отдыха, когда выпадает подходящая минута.

Подошли остальные бойцы. Разговор принял спокойный, непринужденный характер.

— Начинают они всегда так, — продолжал Ен Кым Тхя. — Сперва поднимается одно отделение, два, чтобы проверить, есть ли еще на нашей позиции кто живой. Если им отвечают огнем, они назад убегают и снова принимаются палить из орудий. Ага, слышите?.. — Недалеко от укрытия разорвался вражеский снаряд. — Ну вот, через пару минут опять пойдут проверять. С каждым разом людей будет все прибавляться, дойдет до взвода, до роты, а может, и до полка. Расчет у них такой: дотянуть, пока у нас не кончатся

гранаты и патроны. Тыл во время этих атак от нас отрезан артогнем, снабжения не имеем, вот они и думают, что смогут пробиться. Шутка сказать — полк! Тут у них все горы и овраги забиты войсками, людей хватает. Плохо нам будет, когда последняя обойма останется пустая. Имей мы достаточно патронов, дело пошло бы куда веселей... Понятна вам теперь их тактика? Во-первых, выжидать, пока у нас не истощатся боеприпасы, а попутно вести разведку местности и наших огневых средств; во-вторых, изматывать наши людские силы; в-третьих, создавать для нас все новые и новые трудности. С этой целью они могут использовать в боевых действиях на переднем крае незначительные силы, одну — две роты, не больше, при массированных атаках. Отсюда наша задача — [199] экономить людей и боеприпасы. Видишь — приближается противник, тогда и стреляй, но только наверняка. Противник назад, и мы — в укрытие. Самое важное теперь - чтобы они хлебнули горя побольше...

Кто мог бы сосчитать, сколько снарядов выпустил противник на позиции корейской Народной армии! Когда только начался очередной артиллерийский налет, все думали, что американцы постреляют немного и снова попытаются возобновить атаки мелкими группами. Но все получилось совсем не так. Огонь усиливался с каждой минутой, и уже не было никакой возможности спокойно обдумать создавшееся положение. Позицию окутали клубы едкого дыма и пыли. Снаряды рвались одновременно по всей линии фронта. Оглушенные взрывами, засыпанные землей люди высовывались из окопов, чтобы хоть что-нибудь увидеть в этом дыму. Но это было не так-то просто.

Вдруг Тан Чжун-сюнь услышал впереди себя протяжный стон и немедленно пополз на него. Стон замер. «Не умер ли?» — заволновался Тан Чжун-сюнь и стремительно пополз в ту сторону, где заметил на миг в клубах дыма обращенную к нему затылком чью-то голову. Шагов через пять-шесть он натолкнулся на Ли Ен Хва, которому снарядом оторвало ногу. Тан Чжун-сюнь окликнул Цзян Вань-цзе и вместе с ним отнес Ли Ен Хва в укрытие, где сорвал с себя рубаху и принялся делать перевязку. В лице Ли Ен Хва це было ни кровинки, он стонал, с трудом пересиливая боль.

— А ну-ка, вызови по телефону носильщиков, — приказал Тан Чжун-сюнь.

Пока Цзян Вань-цзе созванивался с ротой, Тан Чжун-сюнь успел закончить перевязку и вышел из укрытия, чтобы подобрать другого раненого, замеченного ими, когда они несли Ли Ен Хва. Тот лежал навзничь, и когда Тан Чжун-сюнь повернул ему голову, то сразу узнал в нем своего помощника. По-видимому, помощник отделенного был убит еще во время первого артиллерийского налета, так как его труп уже успел остыть. Тан Чжун-сюнь схватил его за руку, надеясь на что-то, но тот не издал ни звука. Обняв его за голову, Тан Чжун-сюнь стал бессознательно гладить уснувшего навеки товарища, словно тот вовсе и не был мертв. Настроение его было подавленным. Рядом с трупом [200]помощника командира отделения лежал еще один убитый, а немного поодаль — раненый Ван Кунь.

Когда Тан Чжун-сюнь подбежал к Ван Куню, тот испуганно замигал глазами.

— Я думал, только мне одному так не повезло, — Сквозь слезы проговорил он и показал на рассеченную камнем голову.

— Потерпи немного, — успокаивал его Тан Чжун-сюнь, перевязав рану. — Вечером отправим тебя в тыл.

— Не пойду, — запротестовал Ван Кунь, с мольбой глядя на отделенного. Больше всего он боялся, что его действительно отправят в тыл. Поэтому, как только Тан Чжун-сюнь обещал не обижать его, он сразу успокоился и перестал плакать. Однако Тан Чжун-сюнь не сказал ему правды об истинном положении вещей. Отведя его в укрытие, где уже лежал Ли Ен Хва, он сказал:

— Оставайся здесь и смотри за ним. Понятно? Ли Ен Хва приоткрыл глаза.

— Вот, привел его, чтобы за тобой ухаживать, — наклонился над ним Тан Чжун-сюнь и взглянул на Ван Куня. — Минут через десять опять дай ему попить, слышишь?

С этими словами он вышел. Что-то нужно было предпринять. Но что именно? Кто

мог ответить ему на этот вопрос?

К тому времени, когда силы атакующих были доведены до батальона, корейцы успели отбить шесть атак. Орудийные залпы не прекращались. Корейские укрепления были сметены огнем. Горы заволокло густым, как туман, дымом. Наконец Тан Чжун-сюню удалось доползти до телефона.

— Ротный! Ротный! Мне нужен ротный! Я Тан Чжун-сюнь!—хриплым голосом звал он. В трубке послышался слабый отзвук.

— Я Тан Чжун-сюнь! — закричал он что было силы.— Противник атакует очень сильно. Сильно, говорю! Что? Не слышите?..— Он прильнул к телефону всем своим существом.— Позиция в опасности. Прошу разрешить бросить отделение в бой...

29

Шан Чжи-линь стоял у телефона, накрыв аппарат своей грудью и зажав ладонью левое ухо, словно так было [201] лучше слышно. Вдруг лицо его изменилось. Он отчаянно закричал в трубку, но никакого ответа не услышал...

Произошло то, чего он боялся больше всего: линия связи была прервана. Положение на переднем крае стало критическим. Что же делать? Бросать роту в бой или нет? Что слышно у Тан Чжун-сюня? Можно ли восстановить связь с его отделением?.. Наконец Шан Чжи-линь решил и приказал телефонисту соединить его с комбатом. От командира батальона вызов пошел по проводу к командиру полка.

...Всю ночь Шан Чжи-ин не смыкал глаз. Сначала он торопил роты скорее выходить на позиции. Затем он стал требовать от них, чтобы они занялись укреплениями. Он ни на минуту не выпускал из рук телефонной трубки, и первый его вопрос касался связи: все ли обеспечены аппаратурой, как идет установка телефонов, есть ли ракетницы, запомнили ли сигналы. Телефонные провода, словно нервы войны, соединяли его командный пункт со всеми подразделениями на переднем крае, приближали их к нему. Переговорив с командирами рот, он звонил в тыл, узнавал, как обстоит дело с транспортом, спрашивал об обеспечении стрелковых рот и артиллерийских батарей боеприпасами на тот случай, если в бой придется вступить немедленно. Спустя минуту он просил соединить его с батальонами, чтобы принять сводку. Выслушав ответ, коротко бросал: «Недостаточно, разрыв большой. Продолжайте подвоз!» — и снова начинал звонить в роты. Теперь была дорога каждая минута. Вот уже восемь часов подряд противник предпринимал одну атаку за другой. Судьба полка зависела от доставки боеприпасов. Создан ли транспортный отряд? Теперь все зависит от него. «Ведь это — наша плоть!» — вдруг подумал он и велел соединить его с начальником отделения службы тыла.

— Ты слышишь меня, Ци Цзюнь-цай? Победа или поражение зависит теперь от транспортного отряда. Воспользуйся тем, что позиции окутаны дымом, и постарайся усилить подвоз. Действуй! Снабжение должно быть непрерывным. Если начнем бой, остановиться будет уже невозможно.— Несколько секунд он молчал, внимательно слушая ответ, наконец заговорил снова.— Боем командуешь ты, а не я. Понял? Я могу приказывать открыть огонь, но если снарядов и патронов не [202] будет, приказ повиснет в воздухе. Понимаешь ты, как важна твоя работа? Объясни, пожалуйста, всем: пусть потерпят пока, кончится бой — тогда и отдохнем...

Получив ответ, что все командиры рот, кроме находящихся на переднем крае, принимают участие в переброске боеприпасов, Шан Чжи-ин, удовлетворенный, положил трубку. Оставалось ждать самого боя.

Мундынри горела, дым пожарища, застилал все небо.

Вместе с Цой Сан Кэмом Шан Чжи-ин направился на наблюдательный пункт корейского полка. Позиции полка были охвачены огнем. Американцы обрушили, на них всю мощь своей артиллерии. Шан Чжи-ин вспомнил, как выглядело это место, когда он в

первый раз прибыл сюда, чтобы ознакомиться с положением. Мундынри покоилась тогда в тишине, и Шан Чжи-ин удивился, увидев такую деревню целой и невредимой после того, что он уже видел на корейской земле. Он даже подумал: какое это красивое место, если бы не война! Защищенная от океана Алмазными горами, омываемая справа прозрачным Ханганом, вся в зелени, Мундынри поистине являла собой сказочный уголок, созданный самой природой для наслаждений. Шан Чжи-ин вспомнил вечер в комнате командира корейского корпуса, танцы, мягкую, пленительную музыку... Как хотелось ему вывести сюда, на эту высоту, весь свой полк и сказать своим людям: смотрите, что сделали американцы с этой деревней, смотрите и запоминайте, — после чего повести их за собой в смертельный бой с врагом. Ярость душила его. «Даром тебе это не пройдет! — мысленно обращался он к противнику, глядя на пылающую деревню. — Взыщем мы с тебя за все твои преступления!»

Но не только один Шан Чжи-ин смотрел сейчас на пожар, безжалостно уничтоживший Мундынри. Смотрели на него все командиры и бойцы полка из своих укрытий, из одиночных окопов, с командных пунктов, с гор, обступивших долину со всех сторон. Боль щемила сердца, глаза горели неугасимым огнем гнева. Чья кисть может описать душевное состояние людей, видящих, что делает враг!

Шесть артиллерийских полков, сосредоточенных противником в пунктах Санганбо, Хаганбо, Ганюльри, Лимокчжэн, Гондон и Дэкян, обрушили всю силу своего огня на узкое ущелье в глубине обороны корейского [203] корпуса между Чжэнбанри, Додэкам и Тайчжучжэмом, вблизи переднего края, подвергнув методическому обстрелу высоты Эинсан, имени 15-го Августа ¹², Пякгуаньен и деревни Сансимпхо, Хасимпхо, Мундынри, Янчонгу, Нэдонри. По всей линии гор от высоты с отметкой 903,6 до высоты 1219,8 земля сотрясалась от грохота разрывов.

Было непонятно, почему противник, так долго готовясь к наступлению на Западном фронте, о котором вот уже несколько недель трубили все газеты и радио, вдруг перенес его на Восточный фронт, а начав, наконец, неожиданно подверг артиллерийскому обстрелу узкое ущелье в глубине обороны корейских войск, отказавшись от активных действий на восточном и западном флангах линии фронта вблизи Мундынри. Интенсивность артиллерийского огня, по-видимому, достигла к этому времени своего предела.

Можно было предположить, что планы противника заключались в следующем: пробить здесь брешь в линии обороны, вклиниться в корейские позиции танками и пехотой, подавить сопротивление и начать стремительное продвижение к Вонсану для соединения с высадившимся там морским десантом, после чего во взаимодействии с ним перенести военные действия снова на территорию Северной Кореи, оттеснив корейские и китайские войска к Ялуцзяну. С выходом американских войск к китайской границе можно будет выбросить уже отслужившие свое значение оперативные карты Кореи и развернуть заранее подготовленные карты Северо-Восточного Китая и Советского Союза, на которые уже нанесены оперативные направления от Аньдуна до станции Маньчжурия, от Владивостока до Сибири, через Монголию до Байкала и далее до самого Урала. Маршруты не новые! План этот строился на том предположении, что перед американскими войсками была всего лишь маленькая Корея и бедный, измученный бесконечными войнами Китай, только что освободившийся и выпрямивший спину. Составители его были уверены, что Корея и Китай, не имеющие хорошего вооружения и мощных оборонительных сооружений, не смогут сдержать ураганного натиска. [204] американских империалистов. Перед войсками была поставлена задача перепахать весь фронт снарядами, затем двинуть в бой моторы и вооруженных до зубов солдат, которых уже ничто не сможет остановить.

Таким рисовался американский план Шан Чжи-ину, и это было действительно так. Но может ли он позволить противнику прорвать линию обороны и дать американским

12 15 августа (1945 года) — дата освобождения Кореи войсками Советской Армии от японских захватчиков

империалистам возможность действовать в соответствии с намеченным ими планом? Нет, ни в коем случае. Он обязан остановить их, остановить здесь, именно в этом узком ущелье, которое они сейчас бомбят, иначе убийца занесет нож над всем человечеством.

Из раздумья его вывел голос ординарца.

— По телефону запрашивают указаний!

Шан Чжи-ин обернулся в его сторону и только теперь понял, что уже день. Вместе с Цой Сан Кэмом он вернулся в укрытие.

— Вражеская пехота начала наступление, — доложили с переднего края.

Именно этого сообщения и ждал Шан Чжи-ин. Он велел связисту вызвать к телефону Ван Бин-чэня.

— На нашем направлении части противника вошли в соприкосновение с корейцами, — доложил Ван Бин-чэнь.

Хотя Шан Чжи-ин давно уже мысленно был подготовлен к этому, однако только теперь почувствовал, какая ответственность ложится на него. Можно ли заранее предугадать, как развернутся события дальше? Трудно, очень трудно. Ясно одно: теперь обстановка с каждой минутой будет становиться все серьезнее и серьезнее. Его слово может оказать решающее воздействие на всю операцию в целом.

С переднего края непрерывно звонили по телефону:

— Потери у корейцев убитыми и ранеными очень большие. Как быть? Какие будут указания?

Запросил указаний и Шан Чжи-инь:

— Прошу разрешить роте вступить в бой. Противник наступает. К переднему краю движется уже до батальона пехоты.

Как только Шан Чжи-ин передал Цой Сан Кэму это сообщение, тот скинул шинель и направился к выходу.

— Ты куда? — схватил его за руку Шан Чжи-ин. — Ведь... [205]

— На передний край.

— Ты? — Шан Чжи-ин взволновался не на шутку. Мог ли он позволить своему другу рисковать собой в такой момент? Безусловно, Цой Сан Кэм знает, что, пока он здесь, вместе со своими бойцами, врагу не взять его позиций. Но ведь теперь здесь и его полк, полк Шан Чжи-ина! Он смотрел на Цой Сан Кэма, не отрываясь взглядом, руки его дрожали. — Хорошо, идем вместе. Приказ своим подразделениям дадим одновременно. Будем бить!..

Позвонил Ван Бин-чэнь. Шан Чжи-ин был с ним немногословен:

— Приказ всем подразделениям на переднем крае: бить! Как только войска противника достигнут наших позиций, вступайте в бой.

Получив ответ Ван Бин-чэня, он вызвал политкома.

— Комиссар? Запроси от моего имени в штабе дивизии указаний. Мы вступаем в бой.

Через минуту он говорил уже со своим помощником:

— Яо Си-пин? Передай приказ третьему батальону. Как только войдем в соприкосновение с противником, пусть открывают огонь. Бить, и никаких!

...Получив из батальона разрешение вступить в бой, Шан Чжи-инь крепко обхватил Жань Чунь-хуа.

— Ну, политрук, сиди у телефона и командуй!

Еще раз пожав ему руку, он со всех ног побежал к охваченной огнем позиции.

Тан Чжун-сюнь растерялся. Давно ли он собирался перенести телефон поближе к позиции корейцев, теперь в этом не было уже никакой необходимости. Все равно связь прервана. Отделение осиротело, оно отрезано от своего полка, от всего мира и лежит,

прижатое к земле тучами пыли и черного дыма. Что остается делать? Бросить позицию? Ведь все равно срок принятия на себя обороны еще не наступил. Он хотел запросить указаний, но кто виноват в том, что линия связи повреждена? Приказа вступить в бой он не получал, поэтому никакой ответственности не несет... И все же решение его было твердым: позицию ни за что не бросать, учиться у корейцев, как бить врага, — молодцы они, осталось всего [206] лишь несколько человек, однако они ни на что не обращают внимания и продолжают вести наблюдение за противником. Он, Тан Чжун-сюнь, может умереть — это ничего не значит. Но пропустить противника он не может. Отдать противнику то, что пройдено? Никогда!

— Товарищи! — хриплым голосом закричал он, подняв над головой автомат. — Ко мне! Пора за дело!..

В небо взлетела сигнальная ракета. Тан Чжун-сюнь передал Цзян Вань-цзе автомат своего помощника и пополз на главную позицию, в направлении которой летел огненный хвост.

Цзян Вань-цзе был вне себя от радости. Он понял, что пришел его час. Первое время, когда они только пришли на позицию, Цзян Вань-цзе чувствовал себя довольно беспокойно, смутное ощущение страха нет-нет, а давало себя знать. Это ощущение, безусловно, было вызвано огнем вражеской артиллерии. Но стоило ему увидеть Ен Кым Тхя, который предложил устроить перекур, — спокойного, уравновешенного, даже улыбающегося, — и ему стало стыдно за свои страхи. Снова, как и прежде, всего его без остатка заполнило желание боя. Слова командира отделения: «Пора за дело!» — он воспринял как приказ свыше. Да и откуда ему было знать, что связь с ротой прервана. Не раздумывая, он стал стрелять из автомата в направлении, указанном Тан Чжун-сюнем. Автомат трясло, как в лихорадке. Раскаленные комочки свинца, очередь за очередью, неудержимо неслись в гущу неприятельских солдат, приблизившихся вплотную к оборонительному рубежу. Цзян Вань-цзе видел, как они падали, сраженные его пулями.

А у Ен Кым Тхя было тяжело на душе. Ранение Ли Ен Хва было для него самым настоящим ударом. Сколько дней сражался он плечом к плечу рядом с Ли Ен Хва, смелым, бесстрашным человеком, энергичным бойцом, никогда не знавшим ни уныния, ни усталости, всегда готовым к выполнению самой сложной задачи!.. Какого помощника потерял он!.. Воспользовавшись минутным затишьем, он сменил магазин у автомата и в это время увидел, что по полю к нему ползет Тан Чжун-сюнь.

— Не надо посылать на позицию сразу всех! — крикнул он ему. — Потери могут быть большие!..

С этими словами он снова стал вести прицельный огонь по двигавшимся в его сторону американцам. [207]

Тан Чжун-сюнь отполз к Цзян Вань-цзе.

— Ну как, не ушла душа в пятки? — спросил он, стараясь выглядеть спокойным.

С того момента как отделение вступило в бой, они успели отбить уже вторую атаку. Теперь противник вел себя не так самоуверенно. Как только корейцы и китайцы открывали погонь, он сразу же откатывался назад, чтобы выждать время и снова перейти в атаку. Нужно ли говорить о том, что для людей, впервые принимавших участие в боевых действиях, такой поворот событий был несколько неожиданным, однако поспешный отход противника воспринимался ими с большой радостью, как доказательство их собственной силы.

— Честно говоря, было такое дело, — тяжело дыша, ответил отделенному Цзян Ван-цзе.

Тан Чжун-сюнь подполз еще ближе.

А ведь мы еще не получили приказа... Обрыв где-то на линии, — словно оправдываясь, проговорил он, из чего Цзян Вань-цзе понял, что обстановка на фронте куда серьезнее, чем ему казалось раньше. Подумав немного, он сказал:

— Ротный не будет упрекать нас.

Упреков я не боюсь, все равно мы отвечаем за позицию, — сказал Тан Чжун-сюнь и стал смотреть в сторону противника. Там никакого движения не было, и это несколько успокоило его. — Ладно, ты оставайся здесь, а я сейчас вернусь, — сказал он. — Прикажу всем нашим, чтобы сидели пока в укрытии.

Как хотелось Цзян Вань-цзе, чтобы отделенный еще немного побыл с ним! Но Тан Чжун-сюнь даже не взглянул на него и выбрался из окопа. Ничего не поделаешь, так, по-видимому, надо!.. Цзян Вань-цзе набил пустые диски патронами и положил рядом с собой, чтобы быть готовым вести бой. Теперь он знал, что отделенный доверяет ему. Он должен оправдать это доверие и оправдает его.

Следующей атаки ждали довольно долго, дольше, чем все предыдущие. Противник бросил в наступление целый полк. Пулеметы ударили в тот самый момент, когда Цзян Вань-цзе сменял магазин. Плотный огонь прижал его к земле, не давая поднять головы. Разорвавшаяся недалеко от него граната окутала дымом позицию, и Цзян Вань-цзе не видел ни того, как Ен Кым Тхя [208] дал короткую очередь из автомата, ни того, как он схватил на лету брошенную противником гранату и кинул ее назад. Очнулся он от громкого крика Ен Кым Тхя: «Бей гранатами!» Высунувшись из окопа, он запустил в наступающих противотанковую гранату, но не успел опомниться, как на него навалился Ен Кым Тхя и бросил навзничь. Сначала он не понял, что собственно произошло с ним, но, когда увидел Ен Кым Тхя, радости его не было границ. Гулкий взрыв противотанковой гранаты досказал ему остальное. А Ен Кым Тхя уже бежал назад к своему укрытию, в направлении которого двигались американцы, и стрелял на ходу из автомата короткими очередями. Цзян Вань-цзе видел, как упал словно подкошенный первый солдат, находившийся к нему ближе всех, после чего все остальные залегли.

Вызвав отделение из укрытия, Тан Чжун-сюнь повел его за собой. Сильный огонь из автоматов с обеих сторон велся на короткой дистанции, поэтому артиллерия и минометы противника молчали, и последний оказался в невыгодном положении. В это время ударили корейские минометы.

Бой продолжался весь день. Уже солнце стало клониться к западу, но люди ни его, ни чего-либо другого, кроме противника, не видели. Американцы, по-видимому, порядком выдохлись, это чувствовалось по тому, что нажим стал все более ослабевать.

«Как будем завтра?» — думал Ен Кым Тхя, сидя возле раненого друга. С Ли Ен Хва он перевел взгляд на Тан Чжун-сюня; тот тоже выглядел несколько растерянным, хотя и старался ничем не выдавать своего состояния. Один Цзян Вань-цзе пребывал в радостном возбуждении и всем своим видом словно говорил, что не только участвовал сегодня в бою, но и сумел отогнать врага.

Когда стемнело, прибыли носильщики-санитары, и Тан Чжун-сюнь отвел их к Ли Ен Хва. Прощаясь со своими, Ли Ен Хва схватил Ен Кым Тхя за руку, порываясь что-то сказать.

— Не надо! — обнял товарища Ен Кым Тхя. — Тебе нельзя сейчас разговаривать. Пусть несут скорее, и так лежишь без помощи сколько времени!.. Успокаивать тебя не буду, ты и сам все понимаешь. Не будь этой воины, ничего бы с тобой не случилось. Больно мне [209] оттого, что ты ранен, больно и от того, что расстаюсь с тобой. Но мы еще увидимся, я верю этому.

Отправив Ли Ен Хва, санитары взяли на носилки двух убитых бойцов. Тан Чжун-сюнь сам перенес труп своего помощника, осторожно выпрямил свалившуюся набок голову и сказал:

— Прости, товарищ, нужно бы похоронить тебя на этой позиции, чтобы видел ты, как мы воюем, да... Прости нас всех, мы отомстим за тебя...

Бойцы сидели молча, никто не нарушал тишины, люди словно боялись потревожить друг друга. Однако такое состояние долго не могло продолжаться. И когда Ен Кым Тхя подсел к Цзян Ван-цзе и предложил ему закурить, тот охотно принял

предложение. Отзывчивый по натуре, он чутьем понял, что происходит в душе корейского взводного.

— Чудеса! — заговорил он, пытаясь развеять общее уныние. — Вот не думал, что встречу тебя, да еще на той же позиции, где самим придется воевать! Откуда твоя жена могла знать, что мы тебя увидим?!

Вопрос Цзян Ван-цзе был таким искренним, что Ен Кым Тхя сразу поверил ему. Взглянув на него с благодарностью, Ен Кым Тхя спросил:

— А она ни на что вам не жаловалась?

— Понимаешь, ведь это была первая фанза, которую мы увидели целой. Нам ее под ночлег отвели, — с жаром заговорил Цзян Вань-цзе. — Переводчик из роты связи объяснил нам, что муж хозяйки в Народной армии. У нас на родине, знаешь, конечно, какой почет семьям военнослужащих. Наивысшая слава! Весь народ старается высказать им свое уважение... Ну, услышали мы, кто твоя жена, ни у кого не хватило смелости стеснить ее в чем-нибудь. Но она так быстро все приготовила, что нам и обидеть ее было совестно. Заранее знать бы, что так получится!.. Она все о тебе больше говорила, фамилию назвала — и по-корейски, и по-нашему, — номер твой просила запомнить. Так и сказала: «Обязательно передайте привет...» Ночью, когда все уснули, она собрала нашу обувь, вычистила ее и стала высушивать. Правду тебе сказать — мне надевать было жалко свои туфли; ведь все равно промокнул, как только выйду на улицу. Так оно, конечно, и вышло. Но на душе у меня было так [210] хорошо, так тепло!.. Вышла она нас проводить, а у всех у нас, даже у отделенного, слезы на глазах...

— Цзян Вань-цзе, ты не говоришь ему правды, — остановил вдруг не в меру разговорившегося друга Ван Кунь. — Нехорошо товарища обманывать. Зачем утаиваешь от него, что мальчик его болен?!

От неожиданности Цзян Вань-цзе вытаращил глаза.

— Ты прав, — смущенно залепетал он. — Я думал, об этом не стоит говорить. Ведь мальчик уже поправился, да и был у него всего-навсего понос...

— Товарищ командир, — вмешался в разговор Яо Цин-линь, обращаясь к корейскому взводному, чтобы помочь своему товарищу. — Твой мальчик всем нам понравился. Смысленный парень! Цзян Вань-цзе всю ночь не спал, смотрел за ним. Доктор велел ему через каждые четыре часа лекарство давать, так он даже в штаб роты бегал узнавать время. Политрука привел посмотреть на ребенка...

Цзян Вань-цзе все больше и больше смущался. Он уже и сам был не рад, что завел весь этот разговор. Но Ен Кым Тхя с такой сердечной благодарностью смотрел на него, что ему стало легко и просто.

-Да что ты, товарищ, в самом деле! — воскликнул он, видя, как у Ен Кым Тхя дрожат руки. — Ну что особенного я сделал! А жена твоя хорошо себя чувствует. И мальчик поправился. Мы ему оставили лекарство...

Люди сидели, тесно прижавшись друг к другу. После целого дня боев наступила неожиданная тишина. Перед глазами встал весь этот день — в дыму пожаров, в грохоте взрывов, — встали товарищи, которые никогда уже не вернуться в строй...

Когда в бою наступает самый напряженный момент, говорить некогда. Думать тогда тоже ни у кого нет времени. Но вот убийственный огонь стихает, и тогда в душе наступает умиротворение, память восстанавливает все то, что во время боя как-то не было замечено, прошло мимо. Цзян Вань-цзе вдруг совершенно отчетливо представил себе картину, как Ен Кым Тхя схватил на лету гранату, которая могла разорваться возле него, и бросил ее обратно противнику. Он только сейчас понял, что Ен Кым Тхя не только спас его, но и дал возможность своим огнем с фланга отползти в сторону. Чем же он отблагодарит своего нового друга? Скорей бы уж [211] кончилась эта война, — подумал он. Дождутся они победы, И он пригласит Ен Кым Тхя с Пак Кым Ок к себе в гости, покажет им свой дом, поле, угостит пельменями, — как умеет готовить их его мать! — или рисовыми пирожками с нежной начинкой из фиников, курицу зарежет к обеду... А

после обеда они пойдут с гостями в сад, усыпанный зреющими плодами. А если они приедут весной, он поведет их на берег реки. Там их встретит Сяо Фэн, которая будет их ждать. Он подойдет к ней, возьмет за руки и скажет: «Вот мой товарищ, Сяо Фэн. Мы были с ним на одной позиции, на такой же маленькой, как и твой двор. Мы вместе дрались с ним на этой позиции четыре дня и четыре ночи...» Один час пробыть на этой позиции, — подумал Цзян Вань-цзе, — потом всю жизнь ее не забудешь!..

*Доради, доради,
Колокольчик лесной доради!..*

Ен Кым Тхя пел тихо, почти неслышным голосом, но Цзян Вань-цзе вдруг вспомнил, что уже слышал где-то этот мотив. Ну, конечно, песню о «доради» — лесном колокольчике и утомленном труженике, наклонившемся к нему, пела Пак Кым Ок, качивая ребенка!.. Ен Кым Тхя пел, глаза его были прикрыты, словно он думал о чем-то совсем другом, далеком, от того, что его окружало... Вдруг он повернулся всем телом и положил на плечо Цзян Вань-цзе дрожащую руку.

— Никуда я теперь не отпущу тебя от себя, Цзян Вань-цзе. Будешь жить у меня. Посмотришь, какая у нас весна. Земля вся в цветах. А воздух какой!.. Пак Кым Ок насушит нам сухарей, и мы вместе отправимся в Алмазные горы. Красота!..

Огневой вихрь не дал ему договорить.

31

Обстановка ухудшилась настолько, что необходимо было принять срочные меры, и Шан Чжи-ин вызвал к себе Ван Бин-чэня, командиров 1-й, 2-й и 3-й рот его батальона, артиллерийской батареи и всех соседних с ним подразделений. На совещании присутствовали также Цой Сан Кэм со своими командирами. Ван Бин-чэнь докладывал итоги первого дня. Они были неутешительны: телефонная связь с подразделениями была прервана, как [212] только бой начался, позиции переднего края оказались изолированными, руководство боем парализовано, снабжение батальона боеприпасами находилось в опасности, система минометного огня не продумана.

Совещание продолжалось около часа. В заключение Шан Чжи-ин сказал:

— Ладно, товарищи, кажется, все обсудили. Опыт никогда не постигается легко. Думаю, каждый сам сумеет сделать для себя выводы. Идите и готовьтесь к завтрашнему дню. Меня радует одно, что все отдают себе отчет в том, каким он будет.

Когда командиры разошлись, Шан Чжи-ин велел брату задержаться: «Только на одну минуту!» Лицо его было сумрачным, каким-то неестественно злым. «Что с ним? — подумал Шан Чжи-линь. — Он никогда не выглядел таким. Все ли сказал он нам?» Все командиры, принимавшие участие в работе совещания, понимали нависшую над полком опасность, но Шан Чжи-ин, казалось, видел ее глубже, глубже во много раз. Шан Чжи-линь стоял перед ним вытянувшись, ожидая, что он скажет.

— Обстановка сложная, — заговорил наконец он. — Противника нужно во что бы то ни стало остановить. Очень может быть, что завтрашний день решит судьбу всего нашего полка. Иди, Чжи-линь!

Попрошавшись с братом, Шан Чжи-ин круто повернулся и спустился в блиндаж. Все командиры уже разошлись по местам, о проходившем совещании напоминал лишь плотный табачный дым, в котором тускло мерцал свет керосиновой лампы. Подойдя к телефонному аппарату, Шан Чжи-ин вызвал на провод политкома. Он действительно думал сейчас о нем и хотел быть рядом с ним, как и каждый, кто был близко знаком с этим человеком. С комиссаром люди чувствовали себя как-то спокойней, уверенней. Он даже представил себе на миг Чжай Цзы-ни: вот он сидит усталый у телефона и ждет его звонка. Его лоб прорезали глубокие морщины, рука лежит на трубке. Он как будто спит, комиссар, но это совсем не так. Он думает. На его губах усмешка, в ней и презрение к

врагу, и заражающая всех ненависть. И вместе с тем у него доброе, отзывчивое сердце, умеющее действовать на других успокаивающе, вдохновлять.

— Комиссар?.. Как у тебя? [213]

Чжай Цзы-ни действительно сидел у телефонного аппарата, как и предполагал Шан Чжи-ин. Он весело рассмеялся и спокойно сказал в трубку:

— А у тебя как, дружище?

— Пока ничего.

— А все-таки?

— Трудновато.

— Та-ак... Но ведь поняли, что можно его бить, а это главное. Подумать только, бойцы по своей инициативе вступили в бой с американцами! Молодцы! Вот это герои! Весь день продержались, не имея никакой помощи! Конечно, положение трудное. Но этот день не прошел зря, кое-чему мы научились у противника. И противник кое-чему поучился у нас, верно я говорю?..

Расспросив политкома о том, что слышно на других участках фронта, Шан Чжи-ин попрощался с ним и положил трубку на место. Его взгляд остановился на тусклом свете лампы. Через стены блиндажа просачивались подпочвенные воды; с потолка, сквозь щели наката, после каждого взрыва струйками сыпался песок. Перед самым рассветом тяжелые орудия противника возобновили огонь. Вскоре Шан Чжи-ин услышал в промежутках между взрывами пулеметную очередь. С наблюдательного пункта в КП спустился Цой Сан Кэм. Он спокойно сообщил, что противник снова начал наступление — теперь по всему фронту, — и, развернув карту, позвал начальника артиллерии.

— Прикажи накрыть цель двести три с одного залпа, там большое скопление противника.

Бой развивался невыгодно для обороняющихся частей корейской Народной армии. В самом начале наступления противнику удалось занять высоты Пяксексан и 930,6. Вскоре после этого позвонил Яо Си-пин.

— Товарищ шестьдесят первый?.. Докладываю обстановку. Командир седьмой роты вел своих на высоту шестьсот тридцать шесть, оставив часть людей вместе с политруком на высоте шестьсот пять. В это время противник начал наступление. Сперва в наступлении принимал участие один батальон, к сумеркам число наступающих возросло до полка. У подножия высоты шестьсот тридцать шесть одно отделение седьмой роты вступило в бой с противником, потери американцев составили в этом бою более ста человек убитыми и ранеными. [214] Отделение героически сражалось до последнего человека, только после этого противнику удалось занять высоту. Тогда политрук Юань Энь повел в контратаку оставшихся бойцов и стремительным ударом выбил противника с занятых им позиций. Противник бросает в атаку на каждую высоту до полка пехоты. Высота шестьсот тридцать шесть уже несколько раз переходила из рук в руки. После двенадцатой контратаки нам наконец удалось вернуть ее, по-видимому, на этот раз прочно. Все подступы к ней и овраги завалены трупами неприятельских солдат. Оставив надежду взять ее, противник снова начал атаковать высоту 605. Против нашего взвода, которым командует политрук Юань Энь, действует не менее одного полка. У Юань Эня всего несколько легких пулеметов. Я приказал оставить высоту. Но наступающие прорвались к ней с флангов и отрезали путь назад. До наступления темноты там еще слышались выстрелы, теперь все стало тихо. У нас заняты еще две высоты. Высоту 905,2 нам пришлось оставить самим, так как она оказалась изолированной. Уцелевших бойцов свели в два отделения и дали в помощь корейцам; это одиннадцать бойцов из восьмой роты и четырнадцать бойцов из седьмой роты. К концу дня наступающие подошли к господствующей высоте, где наши части ведут сейчас оборонительный бой... На восточном фланге Мундынри положение тоже осложнилось, — продолжал докладывать Яо Си-пин. — Противник с трех сторон атакует высоту пятьсот двадцать, окружив полукольцом третий взвод второй роты. Пока что из окружения вырвалось одно седьмое

отделение и несколько корейских бойцов. Прорыв прикрывал командир взвода, с которым оставалось восьмое отделение. Бой продолжается четвертый час, никаких вестей от них не имеем...

Доклад помощника командира полка Шан Чжи-ин слушал молча, ни разу не прерывая его, и, когда тот кончил, сказал лишь несколько слов:

— Бейтесь во что бы то ни стало!

...К четырем часам дня противник занял высоту с отметкой 905,2. Наступление продолжало развиваться. Через некоторое время позвонил командир дивизии и передал, что корейские части оставили высоту 851. Шан Чжи-ин выбежал с биноклем в руках на наблюдательный пункт и увидел, как у подножия высоты [215] скапливаются неприятельские части; он узнал их по круглым стальным каскам. Солдаты бежали кучно, не опасаясь обстрела со стороны корейцев. Было ясно, что они готовятся перейти в наступление на высоту 871.

Заняв высоту 520,1, находившуюся перед фронтом частей Шан Чжи-ина, противник двинулся вперед. Линия фронта была прорвана. Вклинившись в позиции полка, противник отсекал одну высоту за другой заградительным огнем. В прорыв были брошены свежие части. Позиции потонули в густом дыму. Стрельба не стихала. Рвались гранаты. Создалась напряженная обстановка. В это время из дивизии передали приказ: «Полку немедленно вступить в бой». Это означало, что командование изменило первоначальный план и согласилось с просьбой Шан Чжи-ина. В приказе было сказано: «Ваши позиции — по существующей линии фронта». Теперь сомнений быть не могло: если полк оставит хотя бы один вершок земли, отвечать за это будет Шан Чжи-ин лично.

Шан Чжи-ин продолжал наблюдать в бинокль за сосредоточением противника в районе высоты 851. Лицо его было хмурым. Хотя он и убеждал себя, что готов к худшему, однако столкнувшись с реальной обстановкой, почувствовал, что худшее впереди... Ему стало жарко.

— Вызовите на КП командира первого батальона, — коротко бросил он телефонисту, понимая, что пора действовать.

Ожидая Ван Бин-чэня, Шан Чжи-ин нетерпеливо ходил взад и вперед. Он вспомнил слова политкома, сказанные ему на совещании в штабе корейского корпуса: «Все, от чего зависит успех мирных переговоров, от чего зависит военная обстановка в целом, решается нашим полком...» Неужели он не сможет задержать противника? А противник явно спешил, он шел напролом, действуя скорее нагло, чем обдуманно.

— Они считают, что главная высота уже у них в руках, сволочи! — гневно выругался Шан Чжи-ин, сжав кулаки.

На высоту, весь потный, растерянный, вбежал Ван Бин-чэнь.

— Ты чего паникуешь? — набросился на него Шан Чжи-ин, не давая опомниться. [216]

— Я не паникую, товарищ командир полка. Только что направил еще одну роту задержать их, — тяжело отдуваясь, сказал Ван Бин-чэнь.

— Не одобряю, — сдерживая себя, процедил сквозь зубы Шан Чжи-ин.

Ван Бин-чэнь опешил: командир полка словно вылил на него этим ответом ушат холодной воды. Он остановился в нескольких шагах от него, не решаясь подойти ближе.

— Почему, товарищ командир полка? Во второй роте ведь никого в живых не останется. Должен я заменить ее или...

Он считал, что, узнав правду о положении 2-й роты, командир полка согласится с его решением. Но он ошибся.

— Почему?! — резко оборвал его Шан Чжи-ин. — Сейчас не время спрашивать почему. Решение неправильное. Ясно?

— Но ведь Шан Чжи-инь не продержится сам!.. — попробовал возразить Ван Бин-чэнь.

Шан Чжи-ин резко махнул рукой, приказывая ему замолчать.

— Должен продержаться. Дай им приказ с места не сходить.

— Товарищ командир полка! — взмолился Ван Бин-чэнь, не зная, как ему уговорить командира полка. — Вы не можете лишить меня второй роты...

— Если вторая рота твоя, значит, она не моя? — горестно усмехнулся Шан Чжи-ин. — Пойми ты, мы не имеем права бросить сейчас в бой все подразделения. Ведь это только частная неудача, ни паниковать не надо, ни теряться. Держи батальон в руках.

«Командир полка прав», — подумал Ван Бин-чэнь и опустил голову.

— Хорошо, — сказал Шан Чжи-ин, успокоившись. — Возьми из второй роты один взвод и контратакуй им противника с фланга. А сейчас главная твоя задача — организовать огонь. Это важнее всего. Надо использовать всю мощь нашей артиллерии без остатка. А мы по старинке воюем, не щадим людей, когда их беречь надо.

Ван Бин-чэнь повернулся и тут же исчез в дыму. [217]

32

Спустившись в блиндаж, Шан Чжи-ин приказал соединить его с высотой 871.

Высота 851 была оставлена, и противник устремился к ней. Стрельба усиливалась с каждой минутой. Разобрать что-либо в сплошном грохоте было трудно, неясность обстановки выматывала нервы. Над позициями корейцев на высоте 871 нависла опасность, на левом фланге противник энергично продвигался в тыл позиций Шан Чжи-ина. Если ему удастся овладеть высотой, Шан Чжи-ин лишится возможности удержать позиции и противник обрушится на них со всей силой, на какую способен. Оборона осложнялась еще и тем, что, примыкая на этом участке фронта к господствующей высоте, они находились на двести метров ниже позиций противника. Малейшее промедление в принятии решения было равносильно преступлению. Нужно было немедленно связаться с частями, оборонявшими высоту 871, установить с ними взаимодействие и вернуть прежние позиции. Шан Чжи-ин схватил трубку, но телефон как назло не работал. Лю Вэнь-цзин стоял перед ним, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Пять минут тебе на то, чтобы восстановить связь! — приказал Шан Чжи-ин и со злостью швырнул трубку. Кто мог знать, что произойдет в течение этих пяти минут!..

Лю Вэнь-цзин уже бегал несколько раз проверять связь, но все напрасно. Он поражался, как могло случиться, что в таком нагромождении гор неприятельский снаряд угодил в тонюсенький конец провода, а его самого, Лю Вэнь-цзина, оставил целым и невредимым. Перед командиром полка он стоял всего лишь две секунды и, поняв, что тот от него хочет, стремительно выскочил из блиндажа. Взглянув на развороченное снарядами поле боя, он в испуге закрыл глаза. Где он найдет в этом море огня оборванный конец провода?.. Надо же было ему согласиться на такую работу! Ведь ему она сразу не понравилась, — какой интерес таскать на себе катушку и бегать в поисках разрыва! То ли дело в артиллерии. Но, трезво рассуждая, и в артиллерии хорошо только тогда, когда идет бой, а на марше — одни неприятности с пушками, которые приходится тащить [218] чуть ли не на себе, особенно когда льет дождь. Танкистом неплохо бы стать, но сидеть весь день в закрытой машине — это не в его характере. Он хотел ощущать свободу, взбираться по горам выше всех, ползти по отвесным скалам, висеть над пропастью, с замиранием сердца прислушиваясь к тому, как внизу беснуется водопад, хотел быть рядовым бойцом пехотной роты, отдать кому-нибудь осточертевшую катушку, получить автомат и косить им врагов так, чтобы от них духу не осталось. Что же он мог ответить командиру полка на его вопрос: «Значит, ты считаешь, что твоя работа не очень важная, да?..»

И все же Лю Вэнь-цзин не расстался со своей мечтой, он только отложил ее осуществление до лучших времен. Но когда он увидел, как волновался командир полка, отдавая частям боевой приказ, как швырнул он трубку, узнав, что связь прервана, он понял свое заблуждение. Ведь важнее его работы ничего другого на свете нет! На него, на простого связиста, легла сейчас вся ответственность за успех сражения!.. Нащупав

провод, тянувшийся из блиндажа, он схватился за него и побежал по склону горы вниз, очень скоро исчезнув в стлавшемся над самой землей дыму. На один миг его маленькая фигурка показалась в кустах орешника, но опять исчезла и уже не показывалась. Он полз то на четвереньках, то словно горилла, пробирался в густых зарослях, то перепрыгивал со скалы на скалу, раздвигая руками хлеставшие по лицу ветви, то мчался по ровному месту вперед сломя голову. Глаза его смотрели только вперед. До высоты 871, на которой находился командный пункт корейского полка, было не более пятисот метров. Но чтобы добраться до нее, нужно было спуститься с высокой горы, пересечь овраг и далее лезть по довольно крутому уступу. И обе горы, и сам овраг простреливались артиллерийским и минометным огнем, поэтому нужна была исключительная отвага, чтобы найти то место, где произошел обрыв провода.

Лю Вэнь-цзин до крови исцарапал ладони, пока спускался в овраг по скалистому склону. Одежда на нем была изорвана острыми шипами терновника, матерчатые туфли пришли в полную негодность. Однако он ни на что не обращал внимания. Он бежал вперед, не выпуская провод из руки. В трех — четырех метрах [219] впереди мелькнула ослепительная вспышка, горячая волна воздуха ударила его в грудь, и он упал, сильно ударившись головой о камень. В полубессознательном состоянии он поднялся и побрел дальше. У него было такое ощущение, что кто-то тянет его вниз, держит за ноги. На миг Лю Вэнь-цзин закрыл глаза и тут вдруг почувствовал какую-то тупую боль. «Глаза!» — со страхом подумал он и быстро открыл их, чтобы убедиться в своей догадке. Но с глазами ничего не случилось — они видели, как и прежде, а боль ощущалась выше, около темени. Дотронувшись пальцами до больного места, он нащупал залитую кровью ссадину и от боли пронзительно вскрикнул. В обморочном состоянии он находился не больше одной минуты, а думал — целую вечность.

«Ну и чертово место! — выругался он про себя. — А что, если умру здесь? Кто тогда найдет обрыв провода?»

Снова недалеко от него разорвался снаряд. Нудно взвизгнули разлетевшиеся во все стороны осколки. Гроном отозвалось ответное эхо в ущелье. Снаряд был, очевидно, пристрелочный, так как минуты через две гора вздрогнула от мощного удара налетевшего на нее огненного вихря.

«Неужели не справлюсь?» — подумал Лю Вэнь-цзин. Только теперь он увидел на ноге кровь и понял, что ранен. Чем быстрее он шел, тем сильнее сочилась кровь, отмечая каждый шаг темным багровым следом. Чего же он медлит? На нем такая ответственность, а он думает о себе, — понимает ли он, чем все это может закончиться?.. И тут вдруг он понял, что не может умереть, не может так просто упасть и остаться лежать на поле боя, изрытом снарядами. Нет, нет, он не умрет. Он молод, у него крепкая кость, и он выполнит то, что от него требуется. Идти осталось не так уж много. Он пройдет этот путь и найдет оборванный конец, найдет, чего бы это ему ни стоило. Разве не говорила ему мать на прощание, когда он уходил из дому: «Бей, сынок, американских чертей, бей их сильнее!» Для этого он и пошел на фронт — убивать американских дьяволов, им не одолеть его, он не станет ждать здесь, на поле, пока его прихлопнет американский снаряд!.. Вытерев ладонью кровь со лба, он широким шагом пошел дальше. Ведь его ждет командир полка, он думает сейчас о нем и то [220] и дело снимает трубку, чтобы узнать, восстановлена ли связь, нервничает, и вдруг — связь есть, можно разговаривать!.. Лю Вэнь-цзин ясно представляет себе радость командира полка и бежит еще быстрее, не видя обрыва в нескольких шагах впереди. Нога, лишенная опоры, виснет в воздухе, тело накрывается вперед, и он летит вниз с шестиметровой высоты. Удар был ослаблен проводом, который он не выпускал из руки. Но это даром ему не прошло: провод впился в ладонь, глубоко порезав кожу. От страшной боли Лю Вэнь-цзин даже не почувствовал удара при падении. А удар был сильный, на этот раз Лю Вэнь-цзин долго не мог прийти в себя. Когда он, наконец, очнулся, болело все тело. Идти он уже не мог, оставалось одно — ползти, ползти, пока есть силы волочить отяжелевшее тело, хотя это и было невероятно трудно.

Ползти все время приходилось по камням, через колючий кустарник, снова по камням, но он уже не думал об этом. Одолев кое-как ущелье и убедившись, что на этом участке провод цел, он растерялся. Куда ползти теперь? Где может быть обрыв провода, если не здесь?..

Лю Вэнь-цзин пополз дальше и тут заметил чью-то ногу, перегородившую ему путь. Он вздрогнул, но, быстро оправившись от испуга, пополз дальше. Теперь он узнал убитого: это был Чэнь Ху, из одного отделения с ним. Мертвый, он тоже не выпускал из руки провода, за который держался и Лю Вэнь-цзин. Взвалив на спину его катушку, Лю Вэнь-цзин несколько секунд молча смотрел на него, потом вздохнул и медленно пополз дальше. — Попомните, гады! — выругался он. — Если только мне удастся восстановить связь, придет на вас смерть, вот увидите! Поплатитесь еще за смерть Чэнь Ху! Тысячи вас перебьем, десятки тысяч!..

Ему вспомнилось, что он очень хотел подружиться с Чэнь Ху, веселым, общительным парнем. А теперь Чэнь Ху уже нет в живых и ему совершенно безразлично, что делается вокруг него... Лю Вэнь-цзин еще раз оглянулся назад и пополз быстрее. Все его лицо было в крови, искалеченные пальцы на руках одеревенели — он уже не чувствовал их и продолжал двигаться на локтях, подтягивая грузное, бесчувственное тело. Одна надежда была у него теперь: доползти до оборванного конца провода и там найти другой, все остальное его [220] мало интересовало. Так он прополз еще около ста метров. Место здесь было неровным, изрытым воронками от снарядов, осколки которых еще не остыли и больно жгли руки. Лю Вэнь-цзин выбрался из одной воронки, из другой и тут вдруг обнаружил обрыв. Держа конец провода в одной руке, он стал шарить другой по земле в надежде, что провод должен быть где-нибудь близко. Однако провод не находился, и он уже совсем отчаялся, как вдруг увидел, что к нему тянется чья-то рука. От неожиданности Лю Вэнь-цзин весь сжался и поспешно выхватил из-за пояса гранату. К счастью, эта предосторожность оказалась ненужной: на плечах ползущего он заметил серые, голубого отлива погоны бойца корейской Народной армии.

Собрав последние силы, Лю Вэнь-цзин пополз к нему навстречу. Кореец тоже заметил его и испугался, но очень скоро пришел в себя и попробовал улыбнуться. Он был тяжело ранен и, по-видимому, доживал последние минуты, лицо его было землисто-серым, губы посинели. Лю Вэнь-цзин взялся за конец провода, но в это время рядом разорвался еще один снаряд и опрокинул его на спину. Он успел лишь зажать в кулаке оба конца провода и тут же потерял сознание.

...Шан Чжи-ин нетерпеливо крутил ручку телефона. В который раз он хрипло кричал в микрофон: «Восемьсот семьдесят один! Восемьсот семьдесят один!..» — и все безрезультатно. И вдруг он услышал ответный голос.

— Восемьсот семьдесят один?.. — радостно закричал он. — Слушайте!

Он быстро разложил перед собой карту, на которой уже был нанесен план контратаки, и вызвал телефониста:

— Соедини меня с перевалочной базой. Передай начальнику отделения службы тыла, чтобы немедленно доставили на высоту 635,8 пять тысяч ручных гранат!..

Перевалочная база была вся в дыму и огне. Вражеские самолеты непрерывно кружили в воздухе, сбрасывая на нее огромное количество снарядов, зажигательных бомб и бочек с напалмом, после чего разворачивались и обстреливали ее из пулеметов. [222]

База была расположена на высокой горе позади штаба полка, недалеко от шоссе. Запасы продовольствия и боеприпасов были своевременно перенесены в лес и ущелья по обе стороны дороги, поэтому бомбежка большого вреда не приносила. Когда было принято решение оборудовать перевалочную базу на этой горе, к ней вела одна единственная тропинка. Перевезти по ней тонны продовольствия, боеприпасы и

необходимую для фронта технику не представлялось возможным, тем более что на доставке грузов и переброске их к переднему краю днем и ночью было занято несколько сот человек, и Ци Цзюнь-цай решил использовать для этой цели подходы к горе со стороны леса, относительно безопасные для транспортировки грузов ночью и невидимые для самолетов днем. Эти подходы могли значительно облегчить доставку на базу хотя бы патронов и ящиков со снарядами.

Все это Ци Цзюнь-цай тщательно обдумал, идя на перевалочную базу после встречи с командиром полка. Еще там, в штабе полка, изучая карту фронта, он понимал, как ему будет трудно. Но то, что он увидел на месте, превзошло все его ожидания. Как он организует в этом невероятном скоплении гор и ущелий свою работу так, чтобы она отвечала требованиям войны? Сумеет ли использовать полностью тех людей, которые были ему приданы? Ответить на эти вопросы определенно он сразу не мог. Транспортная рота уже ждала его, но, кроме ручных тачек, она ничего не имела. Роту можно было использовать лишь для доставки грузов сюда, на перевалочную базу, и только. Как распределить их, чтобы все участки были обеспечены? В первую минуту он растерялся, но транспортники сами помогли ему. Быстро расставили людей по местам, никто не торговался, не спорил, не старался уклониться от порученной задачи.

Свою палатку Ци Цзюнь-цай решил поставить под скалой, в естественной нише, которая могла служить прикрытием с воздуха. У самой скалы протекал ручей, и Ци Цзюнь-цай мог чувствовать себя здесь спокойно. В палатке были установлены четыре телефона, и он имел возможность поддерживать прямую связь со всеми батальонами, командным пунктом полка и тылами. Указание командира полка на оборудование перевалочной [223] базы было получено за сутки до перехода противника и наступление, поэтому Ци Цзюнь-цаю, понимавшему серьезность обстановки, не пришлось сидеть без дела. Он то связывался по телефону с подразделениями на переднем крае, то проверял, как идет доставка боеприпасов, то торопил людей, не давая ни минуты отдыха ни себе, ни другим. Помня совет командира полка, он без конца звонил в батальоны, запрашивая комиссаров, отправлены ли люди для получения дополнительных боекомплектов, напоминал о необходимости максимально использовать оставшееся до боя время. От долгой бессонницы глаза у него были воспалены, опухли. Он много курил, чтобы не заснуть, когда же курение не помогло и голова раскалывалась от боли, он спускался к ручью, умывался холодной, как лед водой, съедал нехитрый завтрак, состоявший из одной галеты, и снова продолжал работать.

На рассвете, выглянув из палатки, он увидел большой отряд бойцов, поднимающихся по склону горы. Отряд сильно растянулся, бойцы шли, еле передвигая ноги, словно чем-то недовольные. Это испугало Ци Цзюнь-цая, и он побежал догонять приведшего их командира. Им оказался политрук роты — высокий худощавый парень с добродушным, немного застенчивым выражением, в котором нетрудно было угадать политического работника.

— Чего тянетесь? — грубо окликнул его Ци Цзюнь-цай. — Боишься приказать, чтобы шли быстрее?

— Почему? — спокойно возразил политрук, провожая взглядом своих людей.

— Идете, как на похоронах!

Политрук опустил глаза.

— Устали здорово...

Это была правда. Люди действительно выбились из сил. Но что мог ответить ему Ци Цзюнь-цай? Разрешить отдохнуть день? Уменьшить задание по переноске грузов? Он и сам видел, что дело отнюдь не в настроении бойцов, что людям нужен отдых, хотя бы самый непродолжительный.

— Трудно, что и говорить, — сочувственно вздохнул он, приглашая политрука присесть на камень. — Мы с тобой понимаем это, мы члены партии. — Он посмотрел на бойцов, подходивших к складу боеприпасов. — И они понимают, но... — Крепко сжав

руку политрука, он [224] решительно поднялся и потянул его за собой. — Пошли, я тоже с вами!

«Ведь это только начало! — подумал Ци Цзюнь-цай. — Если не продержимся, все сорвется!..» Смешавшись с толпой бойцов, они подошли к складу, где уже выстроилась довольно большая очередь. Начальник склада, молодой коренастый боец, взваливал на спину подходившего к нему бойца тяжелый ящик и брался за другой.

— Кто следующий?

Ждавшие своей очереди воспользовались случаем, чтобы перевести дыхание, перешнуровывали обувь, наблюдали, как идет разгрузка машины, разговаривали, чтобы убить время, о посторонних вещах.

— А ну, поворачивайся! — задорно крикнул кто-то, завидя подошедшего командира. — Кто активный, выходи вперед!

Бойцы повернулись, думая, что политрук обратится сейчас к ним с речью. Но тот махнул рукой, а Ци Цзюнь-цай молча стал в очередь первым и подмигнул начальнику склада:

— Клади, товарищ!

Начальник склада недоуменно остановился перед Ци Цзюнь-цаем.

— Давай, давай! — повторил свое требование тот.

— Товарищ начальник! — наконец решился боец. — Вам же нельзя! И без того работы здесь столько, что...

— Клади! — приказал Ци Цзюнь-цай. — Ты мне подчиняешься или я тебе?

Начальник склада молча положил ему на спину ящик с патронами. Ци Цзюнь-цай не уходил.

— Давай еще один.

— Да что вы, товарищ начальник! — взмолился боец, но Ци Цзюнь-цай перебил его.

— А что я?

Попробовав, надежно ли уложены оба ящика, он разыскал в толпе политрука.

— Ну, пошли! Я с вами пойду на передовую... Просьба у меня к тебе будет, товарищ. Если подобьют меня на дороге, не обращай внимания, главное — патроны доставить. Ладно? [225]

— Чего это ты вздумал? Тебе же нельзя уходить отсюда! — подбежал к нему политрук и повернулся к бойцам. — Все нагрузились?

Он держал Ци Цзюнь-цай за руку, не давая ему идти, пока не подбежал какой-то боец, который забрал у него ящики и взвалил себе на спину. Вернувшись с ними в очередь, боец крикнул:

— А ну, накладывай еще один!

Его примеру последовало еще несколько бойцов, и отряд тронулся в путь.

Смущенный, Ци Цзюнь-цай молча стоял на тропе, глядя вслед уходящему отряду, потом нагнал его и взволнованно обратился к бойцам:

— Товарищи, теперь все зависит от вас... Чем больше доставите вы на фронт боеприпасов, тем скорее взыщем мы с этих выродков за все. Поплатятся еще американские дьяволы своей кровью!.. Поймите, нельзя идти так густо, растянитесь! Не забывайте соблюдать дистанцию, когда будете идти оврагом!..

Фронт все время требовал боеприпасов. А бой еще только начинался!..

Ци Цзюнь-цай, задумавшись, возвращался назад, как вдруг его остановил кто-то из бойцов отделения службы тыла.

— Товарищ начальник, беда!

У бойца был такой растерянный вид, что Ци Цзюнь-цай, не спрашивая его ни о чем, со всех ног бросился к палатке. Люди молча расступились, чтобы пропустить его, и тут он увидел своего ординарца Цзинь Чжу, лежавшего на земле с закрытыми глазами. Одежды на Цзинь Чжу не было, не было и форменного кепи... Ничего не понимая, Ци

Цзюнь-цай осторожно опустился перед ним на колени и с лихорадочной быстротой осмотрел рану, потом схватил его за руку, за плечи и стал трясти, стараясь привести Цзинь Чжу в чувство. Ординарец был мертв, никаких сомнений в этом не оставалось. Но он был убит не шальной пулей или разорвавшимся вблизи снарядом. Рана была нанесена ножом в самое сердце... Бойцы, обнаружившие труп Цзинь Чжу в лесу, высказывали всякие предположения, а Ци Цзюнь-цай слушал их, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг него, и, подавленный, молча смотрел на мертвого ординарца... [226]

Из штаба они вышли вдвоем. Собираясь сесть за донесение, он дал Цзинь Чжу ряд поручений, уверенный, что все они будут выполнены. Еще в первый день, когда к нему прикрепили Цзинь Чжу, он заметил, что это не только хороший связной, но и толковый, распорядительный командир, на которого можно смело положиться, мысленно он даже назвал его своим «заместителем главкома». Работы у Ци Цзюнь-цай было действительно много, прав был политком, когда сказал ему, что «повернуться некогда будет». Грузовики с боеприпасами прибывали один за другим. На перевалочной базе их нужно было разгрузить, грузы распределить по складам и тут же отмечать, что идет дальше на передний край. Ежедневно через базу проходили тысячи тонн снарядов, патронов, продовольствия. В хлопотах Ци Цзюнь-цай забывал о еде, и если бы не Цзинь Чжу, вряд ли он успевал бы справляться со своими делами. Цзинь Чжу входил в палатку неслышным шагом, молча ставил на ящик, служивший одновременно столом, котелок с едой и говорил: «Товарищ начальник, есть пора. Я вместо вас пойду и посмотрю, как там». Не ожидая ответа Ци Цзюнь-цай, он отправлялся на разгрузочную площадку, регистрировал поступающие грузы, давал указания, куда переносить какую партию, требовал от писаря учитывать каждую мелочь.

На разгрузке были заняты десятки людей. Как только машина приходила, ее немедленно разгружали, и водитель тут же отводил ее в лес. Тогда-то и наступали самые горячие минуты. Нужно было дать указание, где складывать груз, заранее подготовить дощатый настил, чтобы грузы не отсырели на влажной земле, принести брезент, которым груз будет накрыт, когда Цзинь Чжу скажет, что теперь достаточно. Ящики с боеприпасами ставили небольшими партиями на значительном отдалении один от другого, чтобы обезопасить себя на случай артиллерийского обстрела или налета вражеской авиации. Каждую партию тщательно маскировали ветками, и здесь Цзинь Чжу тоже был незаменим.

Выполнив поручения начальника отделения тыла, Цзинь Чжу решил на обратном пути проверить, хорошо ли замаскирован их склад сверху и не видны ли следы машин, ведущие на перевалочную базу. Он забрался на ближайшую гору, но не удовлетворился осмотром и [227] полез на другую, чтобы взглянуть на перевалочную базу с другой точки, потом на третью. Так делал он каждый раз после разгрузки очередной партии боеприпасов, пока не убеждался, что драгоценный груз спрятан надежно. Когда он уже возвращался на базу, из лесу неожиданно выбежал здоровенный детина, и не успел Цзинь Чжу опомниться, как тот всадил ему в спину нож. Сорвав с него одежду и кепи, грабитель тут же исчез.

34

Гибель Цзинь Чжу так потрясла Ци Цзюнь-цай, что он весь день не притрагивался к еде. Перед ним все время стоял образ Цзинь Чжу, который словно говорил ему: «Товарищ начальник, есть пора. Я вместо вас пойду и посмотрю, как там». Ци Цзюнь-цай сокрушенно вздыхал, ординарец так и не выходил у него из головы. Сколько было в этом человеке жизни, энергии!.. Он вспомнил свою первую беседу с ним, когда они возвращались с разгрузочной площадки и попутно проверяли, не осталось ли на дороге следов от машин. Ци Цзюнь-цай, задумавшись, заговорил о трудностях работы. Но Цзинь Чжу эти трудности нисколько не пугали, напротив, он даже радовался, что работы так много. Из беседы Ци Цзюнь-цай понял, что ординарец ему достался расторопный.

— Тебе что — нравится эта работа? — спросил он, пристально разглядывая Цзинь Чжу сбоку.

— Нравится! — чистосердечно признался Цзинь Чжу.

«Кажется, помощником буду доволен на этот раз, — подумал Ци Цзюнь-цай. — Вот, оказывается, при каких обстоятельствах можно найти настоящего человека!» И спросил:

— А кем бы ты хотел быть в будущем?

Цзинь Чжу рассмеялся. Ему казалось странным говорить сейчас об этом. Однако ответил, чтобы не дать повода для насмешки:

— Кем бы я хотел быть? Вот на такой же работе находиться. Заготовки. Перевозки грузов... Войны не будет, зато строительство начнется, а это поважнее. Не пропаду. Вот если не будет такой работы, тогда... Право, не знаю, что и сказать...

Весь этот разговор всплыл в памяти Ци Цзюнь-цай [228] во всех деталях. Особого значения тогда он ему не придал, понимая, что пока все это только мечты. Но сейчас желание Цзинь Чжу приобрело для него глубокий смысл. Он словно снова увидел этого жизнерадостного юношу, полного надежд и светлых планов. Перед ним воочию вырисовалась картина, которую он где-то уже видел. Горы строительных материалов, стальные балки, швеллеры, мешки с цементом, гранитные плиты, доски... Видение это было таким отчетливым, что ему показалось, будто все это правда. Вдруг он заметил какого-то юношу. Юноша стоял на мешках с цементом и, щуря глаза от солнца, указывал водителю грузовика, куда ставить машину под погрузку. Машины шли непрерывным потоком, поднимая тучи пыли. На глазах у Ци Цзюнь-цай на мирной земле родины поднималось все выше новое величественное здание. «Здравствуй, Цзинь Чжу! — узнав юношу, подошел он к нему. — Помнишь наш разговор, когда мы только что прибыли в Корею?» «Помню, товарищ начальник, я его век не забуду...» «Вот и сбылись твои мечты». «И вы вот пришли!.. Товарищ начальник, а почему бы вам не работать с нами? Опять были бы вместе...» «Цзинь Чжу, что же ты так рано...»

Ци Цзюнь-цай не любил своей работы и тяготился ею. Ему было стыдно признаться в этом, но он действительно работал только потому, что знал, как важно сейчас то, что он делает. А Цзинь Чжу эту работу любил!.. «Твоя мечта сбудется, Цзинь Чжу, обязательно сбудется, мы еще будем строить... А сегодня мы будем работать так, что небу станет жарко, даю тебе слово, Цзинь Чжу!..»

Выйдя из палатки, Ци Цзюнь-цай пересек ручей и вышел на дорогу. Сумерки быстро сгущались. Прибыла первая машина с грузом, и люди, не сговариваясь, принялись за разгрузку. Вот теперь Ци Цзюнь-цай почувствовал, что он потерял правую руку...

На тропинку, огибавшую вершину горы, вышел какой-то незнакомый человек, однако в суматохе никто не обратил на него внимания. Он шел, слегка покачиваясь — то ли от непривычки ходить по крутому склону, то ли оттого, что не чувствовал устойчивости. Ноги все время скользили, и он то и дело хватался за ветви деревьев, чтобы не упасть. На небольшом отрезке дороги он споткнулся не менее двадцати раз, а однажды даже [229] расшиб себе лоб при падении. Взгляд у него был рассеянный, немного испуганный. Выйдя на тропинку, которая вела к перевалочной базе, он остановился, осмотрелся по сторонам, видимо, остался доволен осмотром и, оправившись по малой нужде, медленно разделся, натянул на себя другие штаны — слишком узкие и слишком короткие для его комплекции, если не сказать больше, потом такую же не по росту малую тужурку, надел кепку, еще раз осмотрелся, надвинул козырек на самые глаза и направился прямо к складу боеприпасов, накрытому брезентом. От этого склада он направился ко второму, к третьему, обошел все, останавливаясь всякий раз перед табличками с выведенными иероглифами номерными знаками, после чего свернул на дорогу. Было уже совсем темно. Никаких огней нигде не было, люди работали молча, освобождая место для следующей машины. Только на повороте шофер включал красный сигнальный фонарик, чтобы предупредить машину, идущую сзади. Как только она остановилась, к ней со всех

сторон выбежали люди и стали снимать тяжелые дощатые ящики. Втесавшись в толпу, он тоже стал в очередь у машины, взвалил на себя один ящик и вместе с остальными бойцами углубился в лес. Когда бойцы вернулись за новыми ящиками, его с ними уже не было.

В небе появился самолет. Он шел на небольшой высоте, освещая прожектором прифронттовую полосу.

Ци Цзюнь-цай с тревогой смотрел в небо, но из-за мощного сияния прожектора самого самолета не видел. И вдруг в том же направлении, куда летел самолет, ночную темноту прорезал длинный тоненький лучик, который шел откуда-то из леса. Лучик мелькнул три раза, после чего прочертил в небе тонкую линию с востока на запад и снова вспыхнул три раза. Когда самолет, сделавший разворот над линией фронта, вернулся на прежнее место, Ци Цзюнь-цай снова заметил тот же тоненький лучик. Разыскав командира взвода охраны, Ци Цзюнь-цай показал ему, где видел сигналы американскому самолету.

— Как же это ты не видел? — с укоризной спросил он. — Вон на той высоте. Бери свой взвод и немедленно окружи высоту. Не вздумайте прочесывать раньше рассвета, еще упустите шпиона!.. [230]

Когда командир взвода охраны ушел, Ци Цзюнь-цай постоял некоторое время в раздумье, пока в небе не погасли огни улетающего самолета, и вернулся в палатку. Он не сомневался, что между прилетом этого самолета, лучом фонарика, который он видел в лесу, и смертью Цзинь Чжу существует прямая связь. В душу закралось тяжелое предчувствие: быть беде!.. Передав по телефону на огневые позиции, чтобы присылали людей за боеприпасами, он вышел из палатки и велел командиру автоколонны, которая только что разгрузилась и шоферы даже не отдохнули как следует, немедленно возвращаться в тыл.

На рассвете район переправочной базы подвергся налету тяжелых бомбардировщиков. По первому сигналу воздушной тревоги люди бросились по своим местам, хотя и понимали, что предпринять что-либо эффективное, несмотря на предупреждение командиров, не могли. Самолеты один за другим переходили в пики, сбрасывали напалм и с ревом шли на разворот. Меньше чем через минуту лес был охвачен пламенем пожара, после чего в небе появился самолет-корректировщик, который дал две пулеметные очереди из трассирующих пуль в направлении перевалочной базы, и со следующим заходом бомбардировщики стали бомбить ущелье.

— Стреляйте же по ним, стреляйте! — кричал Ци Цзюнь-цай хриплым голосом, носясь по площадке как угорелый. — Стреляйте!..

Да, самое постыдное — это ничего не делать, когда тебя обнаруживает противник, и покорно ждать своей смерти. Ци Цзюнь-цай кричал, надрывая глотку, всякий раз, когда самолеты противника переходили в пики. Каждая сброшенная бомба словно разрывала его сердце на части. Ведь если американские бомбы точно лягут в цель, тогда все погибнет, фронт останется без боеприпасов!.. Самое ужасное во всей этой истории было то, что все они забыли о бдительности и дали вражескому парашютисту возможность безнаказанно прогуливаться среди них. За смерть Цзинь Чжу тоже отвечает он, Ци Цзюнь-цай. Никто не станет выгораживать его после того, что произошло. Он вспомнил слова командира полка: «Командуешь боем ты, а не я». От всех этих мыслей раскалывалась голова. [231]

Люди метались в огне, пытаясь спасти горящее имущество. Пылал один склад, на который упала зажигательная бомба. В нос бил запах паленого зерна и мешковины. Когда Ци Цзюнь-цай прибежал туда, там уже растаскивали мешки, засыпая огонь песком. Несколько человек с ведрами бежали к ручью. В этот момент на ящики со снарядами, накрытые брезентом, пролилась густая темно-зеленая жидкость, которая тут же воспламенилась. С криком «Напалм!» Ци Цзюнь-цай бросился к ящикам, выдернул из земли колышки натягивавших брезент оттяжек и со всей силой рванул брезент на себя. Тяжелое брезентовое покрывало, с которым в обычное время трудно было справиться и

двоим, легло на землю, охваченное пламенем. Его тотчас подхватили прибежавшие на помощь Ци Цзюнь-цаю бойцы и сбросили в ручей. А Ци Цзюнь-цай уже бежал к другому складу, где тоже разгорался пожар.

Огнем было уничтожено уже несколько тысяч цзиней зерна, горел минный склад. Мины рвались одна за другой, и не было никакой возможности подойти к складу, чтобы предпринять что-либо. Ци Цзюнь-цай лежал на земле, кусая в бессильной ярости губы. Не было сил смотреть на то, как горит хлеб и рвутся драгоценные снаряды.

...Высоту, на которой Ци Цзюнь-цай заметил луч электрического фонарика, сторожевые посты обложили к середине ночи и на рассвете начали стягивать кольцо окружения, с каждым шагом все ближе подступая к вершине. Следы человека были обнаружены только на самой вершине, под большим каштаном, где валялся парашют, но самого парашютиста не было. В это время самолеты противника начали бомбить соседнюю высоту. Продолжая обшаривать седловину горы, бойцы видели, как в овраге и недалеко от их перевалочной базы рвались снаряды. Они тщательно осмотрели все щели и воронки, но так и не нашли никого. Когда бомбежка закончилась, командир взвода охраны велел поворачивать назад. Бойцы один за другим стали спускаться в овраг и тут, почти одновременно, увидели незнакомого бойца, вызвавшего у всех подозрение, — уж слишком мала была на нем форма. Шел он свободно, уверенно. Как только он увидел идущих ему навстречу бойцов, он нахмурился и замедлил шаг. [232]

— Стой! — заорал вдруг не своим голосом командир взвода, выбегая вперед и хватая незнакомого бойца за руку. — Это же не твоя форма!

Боец поспешно остановился.

— Кто тебе сказал, что не моя? Такую выдали...

— Выдали? — оборвал его командир взвода. — Это куртка Цзинь Чжу. Видишь, вот пятно от машинного масла. — И повернулся к своим бойцам. — Взять!

К Ци Цзюнь-цаю задержанного привели уже раздетым и без кепи. Когда его дорогой раздевали, он пытался бежать, но получил такую зуботычину, что упал и сам уже не имел сил подняться. Ци Цзюнь-цай готов был убить его на месте, когда ему принесли куртку и кепи Цзинь Чжу, всадить в него все пули из пистолета, если бы он не понимал, что пленного нужно отправить в штаб полка. Бойцы не узнавали своего командира, таким гневным было его лицо.

— Кто тебя послал? — еле сдерживая себя, спросил наконец он задержанного.

— Американцы, — равнодушно ответил тот.

— Откуда сам?

— С Тайваня.

Ци Цзюнь-цай так и рванулся вперед всем телом.

— Сколько вас было?

— Выехало нас с Тайваня несколько сот человек, а сюда добралось пятеро.

— Что вы себе думали?

— Ничего не думали, — все так же равнодушно ответил задержанный. — Думали, что на этот раз с вами будет покончено. Американцы хотели перебросить с Тайваня в Корею всю нашу армию, да Ли Сын Ман не согласился... А воевать нам...

Ци Цзюнь-цай махнул рукой бойцам охраны и сказал:

— Уведите его, я сам доложу в штаб полка. Что ж, — повернулся он к пленному, — задумали вы здорово, что и говорить!..

Раздался телефонный звонок. Ци Цзюнь-цай торопливо снял трубку.

— Слушаю.

— Не узнаешь? — послышался в трубке голос командира полка, и Ци Цзюнь-цай весь сжался.

Фронт требовал снарядов. Боеприпасы, [233] отправленные на передний край с вечера, уже были израсходованы. Пока Шан Чжи-ин говорил, Ци Цзюнь-цай слышал на проводе многие другие голоса, словно весь фронт хотел узнать, о чем разговаривает

командир полка с перевалочной базой. Шан Чжи-ин сообщил, что противник прорвал фронт и полку для организации контратаки необходима мощная артиллерийская поддержка. Подняв глаза, Ци Цзюнь-цай мысленно прикинул, сумеет ли уложиться в такие сжатые сроки. Налет вражеской авиации причинил немалый ущерб и артиллерийским батареям, расположенным вблизи перевалочной базы. Огонь еще горел во многих местах... Как пройдет сегодняшний день? Продержится ли полк, еще не успевший закрепиться на заданных позициях?

35

Фронт требовал артиллерийской поддержки, однако орудия продолжали находиться в лесу. Бойцы нервничали. Когда Инь Цин-си подошел к ним, командир артиллерийского расчета Цзя Чжи-син быстро поднялся, отдавая ему честь, но тут же довольно дерзко спросил:

— Наших вдребезги разнесут, тогда, наверное, придет приказ выкатывать орудия? Ничего себе — сопротивление Америке, помощь Корее! Война затяжная, это мы понимаем, но зачем тянуть в такой момент, когда все и так ясно?.. — Помолчав немного и не дождавшись ответа, он сказал, глядя в упор на Инь Цин-си:

— Начинать пора, товарищ командир!

— Ты прав, пора, — спокойно сказал Инь Цин-си. — Что ж, ребята, за дело!

Как только Цзя Чжи-син понял, что приказ получен, он побежал к своим, радостно размахивая руками. Из лесу уже выкатывали орудия, сбрасывая с них маскировку. На каждое орудие приходилось по десяти, а то и по двадцати человек, потому что вытянуть их на дорогу было трудно, особенно завязшие в тинистом дне ручья. Бойцы надрывали глотку, требуя друг от друга идти в ногу, напрягали все свои силы, и все же работа двигалась медленно. Канаты, которыми тянули стальные чудовища дрожали, как струны. Бойцы, толкавшие пушки сзади, вытягивались чуть ли не во весь рост, упирались грудью в колеса, тянули за спицы, чтобы [234] протащить орудие хотя бы еще на несколько сантиметров. Подготовка к выходу на огневые позиции началась в сумерки, когда солнце скрылось за вершиной Эинсана. Продолжалась она до полной темноты, когда в лесу уже ничего не было видно.

Прозвучала команда на короткий отдых.

— Да, тяжело артиллеристам! — вздохнул кто-то, разгибая натруженную спину.

— Ты это о чем?

— О том, что тяжелее, чем винтовку таскать, понятно?

Нашел тему для разговора!

— Вот я и говорю: перекинул винтовку за спину и пошел себе куда хочешь. А нашему брату... Тянешь лямку, тянешь...

— Чего уж там! Грузная старуха, пока вытянешь ее — руки отсохнут.

— А ты не спеши, тогда не отсохнут, — рассудительно заметил Цзя Чжи-син. — Вытяни одно колесо и отойди в сторонку, дай и ему отдохнуть. Придут силы — за второе берись...

В темноте послышался беззлобный смех, но шутника сразу одернули:

— Ладно, хватит зубоскалить. Пора за дело браться!..

Путь не был приспособлен для передвижения машин. Русло обмелевшего ручья, через который надо было перетащить орудия, чтобы выйти на дорогу, было все в выбоинах. Колеса засасывало. Камни, часто встречавшиеся на дороге, выматывали последние силы. Инь Цин-си носился вдоль колонны туда и обратно, торопя бойцов двигаться скорее, но особенного успеха не замечал. Дивизион вытянулся метров на пятьсот. Головное орудие уже спустили на канатах в овраг, а хвост колонны все еще возился на переправе через ручей. Инь Цин-си все больше нервничал, часто поглядывал с беспокойством на часы, понимая, что до рассвета не справится с переброской всех

орудий. Это было тем более неприятно: только что ему передали, что корейские войска часть своих позиций уже освободили для них. С рассветом над южной кромкой неба появились вражеские самолеты, а его орудия все еще находились в пути. Бойцы заторопились, бросились рубить ветви деревьев, [235] чтобы замаскировать орудия, но было уже поздно. Один из самолетов отделился от строя и пошел прямо на них. Рев мотора слился с воем падающей бомбы. В ту же секунду страшный грохот расколол тишину ущелья. Дорогу затащило едким дымом. Сверху посыпались раскаленные осколки металла, камни, песок.

Нужно было во что бы то ни стало спасти орудия — ждать нового налета вражеской авиации было преступлением, и Инь Цин-си, оставив своего заместителя на месте, отправился разыскивать ближайшее пехотное подразделение, чтобы позвонить оттуда на КП полка. В войсках уже знали, что ночью на фронт прибыли зенитные пулеметы.

Политком догадывался, что артиллерийские подразделения не успеют выйти на позиции и к утру, но ничего сделать не мог. Рота зенитных пулеметов действительно только что прибыла, так как в пути была задержана не по своей вине; сначала ей пришлось прикрывать движение обозов возле Яндэка, затем в Цойяне, наконец на переправе через Северный Ханган, где скопилось большое количество добровольческих частей. Двигаться дальше она получила возможность только тогда, когда ее сменили прибывшие на фронт части противовоздушной обороны. На перевале Челъен рота подверглась артиллерийскому обстрелу и потеряла один пулемет; раненых пришлось отправить в госпиталь, что тоже заняло немало времени. Здесь, на перевале, был получен приказ немедленно возвращаться в свой полк, который уже занимал боевые позиции. Зенитные пулеметы были единственным прикрытием их полка с воздуха. Роту сформировали недавно, достаточной подготовки бойцы не прошли, в стрельбах по мишеням участвовали всего лишь три раза. Командир роты даже не имел времени познакомиться со всеми командирами и бойцами, как был передан приказ выступить. Всю дорогу на фронт они ни разу не отдохнули как следует. Командир роты полагал, что по прибытии на фронт ему дадут возможность хотя бы разобраться в обстановке, но этого не произошло. Когда он вошел с политруком в блиндаж командного пункта, комиссар не только не предложил им сесть, но даже не разрешил курить. [236]

— Вся рота прибыла? — спросил он, не здороваясь.

— Так точно, вся, — четко доложил командир роты.

— Успели исправить поврежденный пулемет?

— Оставили в дороге, чтобы не задерживаться.

— Как?! — возвысил голос Чжай Цзы-ни.

— Они догонят нас, — быстро оправдался командир роты.

Чжай Цзы-ни задумался на минуту, явно недовольный ответом, но смолчал.

— Ладно! Давайте сюда!

Политком подвел их к карте, разложенной на столе. Прибывшие незаметно переглянулись. Среднего роста, круглолицый, загорелый командир роты и высокий, широкий в плечах, с оспинками на лице политрук понравились Чжай Цзы-ни своей сдержанностью, хотя он и не скрыл от них, что не доволен такой задержкой. Отсутствие в штабе командира полка и его заместителя, молчаливый упрек в глазах начальника штаба, который они сразу почувствовали, все говорило им, что положение складывается явно не в их пользу.

Пока политком объяснял обстановку, он только один или два раза оторвался от карты, чтобы взглянуть на них. Его карандаш уверенно скользил по переднему краю обороны полка, на минуту задержался на командном пункте, затем описал дугу вокруг огневых позиций, перевалочной базы и узлов обороны соседей на правом и левом флангах. Закончив рассказ, Чжай Цзы-ни встал и внимательно посмотрел сперва на командира роты, потом на политрука.

— Расставьте так пулеметы, чтобы получилась сеть зенитного огня, — вот ваша задача. Будете охранять КП, огневые позиции и перевалочную базу. Вы должны овладеть небом в нашем районе, пора отвадить американских пиратов безнаказанно летать над нами. А теперь пошли на позиции...

Политком торопил. Осмотрев позиции, он тут же потребовал от командира роты отдать приказ пулеметчикам готовиться к выходу. На каждую из позиций, которые располагались на вершинах гор вокруг района обороны полка, приходилось только по одному пулемету, и это очень тревожило политкома. Сумеют ли они овладеть таким огромным небом? Пожалуй, справиться с такой задачей им будет трудно. Но командир роты знал, [237] что при политкоме нельзя произносить таких слов, как «трудно», «не справимся», потому что сам политком никогда не произносил их вслух, и поэтому молчал.

— Какие у вас есть ко мне вопросы, товарищ Ли Юань? — Чжай Цзы-ни впервые назвал командира роты по имени.

— Мы просим предоставить инициативу нам, в частности разрешить самим решать, когда открывать огонь.

Чжай Цзы-ни улыбнулся и подмигнул начальнику штаба.

— А твое мнение?

— Это решение штаба, — нехотя ответил тот, — я не могу отменять его без командира полка. В каждом случае санкционировать должен полк...

Политком не дал ему договорить.

— А если неприятельский самолет улетит? Он что — тоже будет ждать ваших указаний?.. Нет, пожалуй, так не выйдет. Прозеваете вы вражеский бомбардировщик, потом сами на себя пенять будете. Вы устанавливали такой порядок, вы и отменяйте. Нужно поддерживать инициативу масс, она обеспечит нам нанесение мощных ударов противнику... Хорошо, действуйте самостоятельно, товарищ Ли Юань. Только будьте экономны, это тоже очень важно теперь. Сковывать вашей инициативы не будем. Ваша задача, повторяю, овладеть небом, гнать воздушных пиратов, чтобы они боялись лететь сюда...

Почти одновременно с телефонным звонком Инь Цин-си возле блиндажа КП полка раздался сильный взрыв. Удар был такой неожиданный, что Чжай Цзы-ни не устоял на ногах. В следующую минуту на блиндаж рухнул огромный тополь, чуть было не раздавив его в лепешку. Сверху посыпался песок. Помещение заполнилось густым дымом, в котором ничего нельзя было разобрать.

Выскочив с биноклем наружу, Чжай Цзы-ни сразу понял, что произошло. Противник бросил в наступление пехоту, расчищая ей дорогу мощным артиллерийским огнем. Снаряды рвались в глубине обороны добровольческих частей: на командном пункте, в районе перевалочной базы, на подготовленных к занятию артиллерией огневых позициях и вдоль подъездных путей. Не получая поддержки артиллерийским огнем, передний край [238] бился в конвульсиях. Противник уверенно отсекал передовые подразделения добровольческих частей от тыла, пытаясь посеять среди них панику. Его артиллерия нащупала самые уязвимые места обороняющихся. Над перевалочной базой занималось пламя пожара.

На шоссе, пересекавшем долину Мундынри, показались вражеские танки. Впереди шло восемь машин, в некотором отдалении от них еще двадцать. Выйдя в долину, они с ходу проскочили первую линию окопов и повернули в направлении к высоте Хасимпхо. Не встречая сопротивления, танки развернулись в линию. Один пошел по руслу ручья, обходя восточный склон горы, второй направился к западному склону, остальные продолжали двигаться по шоссе, обшаривая своими орудиями склоны высот справа и слева. Двадцать танков, остановившиеся на открытом поле южнее деревни, своим огнем прикрывали их продвижение. Позиции корейских огнеметов на западном участке линии окопов молчали: очевидно, там уже никого не было в живых... Артиллерист-наблюдатель, возле которого остановился Инь Цин-си, докладывал, не отрываясь от стереотрубы:

— Танки противника углубились в наши боевые порядки на семьсот пятьдесят метров... на восемьсот...

Обойдя высоту Сансимпхо, танки, не задерживаясь, двинулись к перевалу Пякгуаньен, самому уязвимому месту в обороне полка.

Инь Цин-си стало не по себе. Сейчас танки сомнут его орудия и дальнейшее их пребывание здесь станет бессмысленным и никому не нужным. Не обращая внимания на огонь неприятельских танков, он спустился в овраг и со всех ног бросился на вершину горы, с которой открывался широкий обзор местности, чтобы разобраться в обстановке и принять какое-нибудь решение. Орудия нужно было спасти, спасти во что бы то ни стало.

Танки, двигавшиеся по шоссе, шли на близкой дистанции один к другому, угрожающе обшаривая своими орудиями высоту, за которой находились все еще не выведенные на позиции орудия Инь Цин-си. Танк на правом фланге медленно поднимался по северному склону горы, топчя необрушенное кукурузное поле, на левом фланге — огибал гору, прижимаясь к подножию ее; орудийные башни обоих танков все время вращались, словно [239] выискивая цель. И вдруг Инь Цин-си увидел, что башня головного танка, идущего по шоссе, уверенно повернулась к высоте, на которой находился он. Вслед за тем показался и сам танк. Пехотного прикрытия впереди себя артиллеристы не имели. Еще одно мгновение — и танк обнаружит их. Неужели конец? Ни о чем больше не думая, Инь Цин-си бросился к своим...

Бойцы выбивались из сил, стараясь скорее вытянуть пушки на позиции. Цзя Чжи-син даже не пригнулся к земле, когда над ним пролетел неприятельский снаряд, он носился вокруг орудия как угорелый, кричал на бойцов, торопил, хотя прекрасно понимал, что делать этого не следует. Настроение его было окончательно испорчено. Зачем ему жить, думал он, если орудие будет повреждено? Еще на родине он заключил с ним «коллективный договор», основным пунктом которого было обещание беречь друг друга. Мог он забыть это обещание? «Пока я жив, — то и дело обращался он мысленно к своему орудию, — тебе работы хватит, помирать будем вместе...»

Дотавив, наконец, его пушку к скале, под которой можно было укрыться, бойцы побежали помогать другим артиллерийским расчетам — они еще не знали, что танки противника уже на подходе. Разрывы снарядов вокруг них они принимали за пристрелочный огонь дальнобойных орудий противника. Когда же они поняли, что это бьют танки, разворачивать дивизион в боевой порядок было уже поздно. Побежи сейчас один, за ним побегут и все остальные. Еще минута — и начнется паника. В это время на дороге и появился Инь Цин-си. Первым его заметил Цзя Чжи-син. Схватив реактивный противотанковый гранатомет, он бросился к перевалу, увлекая за собой других бойцов.

— Товарищ командир!..

— Бегите, не спрашивайте!.. — крикнул им на ходу Инь Цин-си. — Втроем загородите перевал!.. Хотя стойте! Цзя Чжи-син, передай гранатомет, а сам ко мне!

Цзя Чжи-син недоуменно остановился и передал противотанковый гранатомет подбежавшему бойцу.

— Ну, чего стоишь? — набросился на него Инь Цин-си. — Немедленно выкатывай свою пушку вон туда — видишь? Станешь на повороте шоссе и начинай бить прямой наводкой. [240]

Пока расчет выкатывал орудие на пригорок, Инь Цин-си не отходил от него ни на шаг, на ходу давая Цзя Чжи-сину необходимые указания. Первый снаряд скользнул почти над самой орудийной башней танка. Цзя Чжи-син сам быстро произвел вычисления угла и дистанции и скомандовал: «Огонь!» Второй снаряд попал точно в цель, орудийная башня была закинута...

К этому времени открыло огонь и противотанковое орудие корейцев, которое стало бить прямой наводкой с фланга. Подбитые им два танка застряли на шоссе, остальные развернулись и на полной скорости пошли в обход высоты Сансимпхо.

Вызвав к телефону политкома, Шан Чжи-ин попросил передать в подразделения второго эшелона, чтобы там немедленно создали группы подрывников и направили с противотанковыми гранатометами на передний край прикрыть артиллерийские позиции полка. Не успел он положить трубку, как позвонил Ван Бин-чэнь.

— Ты-то мне и нужен, — обрадовался Шан Чжи-ин. — Пошли кого-нибудь из своих взводных с двумя бойцами в лесок позади Сансимпхо задержать танки. Подобьют один, другие не станут рисковать.

На командном пункте батальона был в это время один лишь Янь Чжэнь-лун, которого Ван Бин-чэнь и отправил выполнять задание командира полка.

— Действуй смелее, — сказал он ему на прощание. — Докажи, что ты вовсе не трус.

Гром среди ясного неба удивил бы Янь Чжэнь-луна меньше, чем это распоряжение комбата. Стараясь не встречаться с ним взглядом, он молча повернулся и пошел отбирать двух бойцов. Ему хотелось выглядеть спокойным, но это ему не удавалось. Чувство страха снова овладело его сознанием, как только он вылез из блиндажа. За несколько дней, в течение которых противник подвергал артиллерийской обработке передний край обороны, место вокруг стало неузнаваемым. Лес сильно поредел. Опаленные огнем стволы огромных деревьев валялись разбитые в щепки; земля, которая еще недавно радовала взор густым зеленым ковром, была [241] перепахана снарядами, словно плугом. Во многих местах огонь продолжал гореть, перекидываясь с дерева на дерево, словно зверь, мечущийся в поисках выхода из засады. Все небо было затянуто дымом, в котором не проглядывало солнце. На седловине горы, обращенной обратным скатом в сторону командного пункта батальона, еще сохранилось несколько деревьев, но дальше, к вершине, она была вся оголена. Дойдя до укрытого тенью деревьев места на склоне горы, Янь Чжэнь-лун разрешил бойцам передохнуть. Шел он не как командир или отделенный, а как новобранец, только что прибывший на фронт и пугающийся каждого выстрела. Всю дорогу он молчал, часто оглядываясь назад, старался держаться подальше от бойцов. Ноги не слушались его, он то и дело оступался, как оступается в кромешной тьме близорукий человек. В выемке на склоне горы он снова залег и выслал вперед одного из бойцов на разведку.

— Посмотри там, как танки... Вернешься — доложишь...

Боец побежал, а Янь Чжэнь-лун остался ждать. У него так дрожали ноги, что он не мог ни стоять, ни сидеть. Сердце бешено стучало. Ему все казалось, что он видит страшный сон, но это был, к сожалению, не сон, а явь, уйти от которой было невозможно... Вернется ли боец, посланный им на разведку? Принесет ли он что-нибудь утешительное?.. «Пусть, пусть говорят про меня, что хотят!» — неожиданно решил он. Он не испытывал теперь того чувства жгучего стыда, какое испытывал тогда, стоя перед комиссаром. Ему было все равно, назовут его подлецом или трусом. Что толку от того, что он считает по пальцам дни, стараясь угадать, сколько еще времени будет продолжаться эта дьявольская бомбардировка? Нужно молиться и просить одного: только бы в него не попал вражеский снаряд... Как хорошо стало дома после Освобождения! Сколько раз писал ему отец, чтобы он оставил армию и вернулся домой! «Вернешься — женим, жену себе выберешь сам, какая понравится...» Конечно, отец хочет привязать его к земле, к дому. Но что в этом плохого? Он женится, отремонтирует дом — старику теперь уже не справиться одному с этим делом, — починит стену, отгораживающую их фанзу от деревенской улицы, купит еще земли. Настоящая жизнь пойдет! Вернется вечером с поля домой: [242] жена у лампы сидит и чинит одежду, на кане дети играют... Хорошо!

Мысли о доме рождали в нем чувство животного страха, Янь Чжэнь-лун все ниже пригибался к земле. Голова его болталась на вытянутой шее, как неживая. Он чувствовал себя так, словно его вывели раздетым на улицу и показали толпе: все видят его, тычут

пальцами, даже противник хорошо видит его в бинокль — сейчас он нацелит на него дула всех орудий и скомандует: «Огонь!..»

— Ма!.. — пронзительно вскрикнул он, теряя сознание и падая как подкошенный в воронку от снаряда.

Шагавший впереди боец Чжан Бяо со всех ног бросился к нему на помощь.

— Что с вами, взводный? Ранены?

— Рука...

Ни слова ни говоря, маленький Чжан Бяо приподнял грузное тело Янь Чжэнь-луна, но никаких ран на нем не обнаружил. У него даже отлегло от сердца.

— Все в порядке, взводный! — радостно затормошил его он. — Рука целая. Смотрите, и одежда нигде не порвана...

Янь Чжэнь-лун приоткрыл один глаз, но тут же снова закрыл. Он лежал на земле, боясь пошевелинуться, уверенный в том, что ранен и что Чжан Бяо просто обманывает его.

Вернулся боец, отправленный в разведку. Он был весь мокрый от пота. Наклонившись к Янь Чжэнь-луну, он зашептал тревожно, словно боясь, что их могут подслушать:

— Танки близко, взводный. Они уже на этой высоте, по южной стороне идут...

Янь Чжэнь-лун побледнел как смерть. У него отнялся язык. Все кончено, сейчас танки будут здесь!.. Бойцы нетерпеливо переминались с ноги на ногу, не зная, что им делать, — идти ли навстречу танкам или оставаться со своим командиром, но тот молчал, глядя вперед бессмысленным взором. Но вот он словно очнулся из забытья и дал им знак отходить к невысокому ельнику на северном склоне горы. Сам он тоже пополз. По пути он часто останавливался, раздвигал мохнатые ветви елочек и смотрел в ту сторону, где должны были появиться танки. «Кто знает, — с надеждой думал он, — [243] может быть, они не пойдут сюда, может быть, танкистам не понравится дорога и они свернут на запад...»

Однако судьба решила иначе. Как только первый танк одолел перевал, он сразу же развернулся, обстрелял высоту слева и, грохоча гусеницами, уверенно направился к ельнику, за которым прятались Янь Чжэнь-лун и его бойцы. Дрожь охватила Янь Чжэнь-луна. Теперь, конечно, все кончено — жена, дети, дом, земля... Перед его глазами поплыли желтые круги, внутри все оборвалось... И вдруг он спохватился. Нет! Еще не конец! Он не может умереть, не может!..

— Слушайте мою команду, — неожиданно обретя дар речи, крикнул он бойцам. — Подползите к танку и забросайте его гранатами. Я буду прикрывать вас отсюда.

Именно этого приказа и ждали бойцы. Смелому, энергичному Чжан Бяо, давно уже рвавшемуся в бой, было неприятно смотреть на то, как дрожит Янь Чжэнь-лун, не решаясь идти против танков. Но Янь Чжэнь-лун был командиром взвода, которому комбат приказал остановить вражеские танки, и вступать в пререкания с ним он не имел права. Поэтому, получив наконец приказ, он обрадовался одновременно возможности хотя бы на некоторое время отделаться от нелюбимого им взводного.

Отойдя от него шагов на пятьдесят, он обернулся назад и весело подмигнул молча следовавшему за ним второму бойцу.

— Угораздило же нас с тобой попасть именно в этот взвод! Рядом с таким трусом и сам голову потеряешь.

— Чего уж там! — согласился с ним тот.

— Ну ничего, без него спокойнее как-то. Верно?

Так, за разговорами, они незаметно перешли лесочек, овраг и стали подниматься на гору. Лязг гусениц был слышен уже совсем близко, поэтому они залегли и дальше поползли более осторожно. Боязливо следивший за ними из-за камней Янь Чжэнь-лун решил, что они тоже испугались танка. Ему стало так страшно, что он зажмурил глаза. Руки его, державшие автомат, дрожали, как в лихорадке, и он ничего не мог с ними

сделать. И вдруг автомат неожиданно выстрелил. Совсем потеряв голову, Янь Чжэнь-лун еще сильнее нажал на спусковой [244] крючок. Ему было совершенно безразлично, куда и зачем он стрелял, ибо не стрелять он уже не мог. В танке, по-видимому, заметили стрельбу. Развернувшись на полном ходу, грозная машина пошла прямо на него, открыв огонь из крупнокалиберного пулемета. Все это произошло так неожиданно, что в первую минуту Чжан Бяо даже не сообразил, почему танк, который они видели сбоку, оказался впереди них. Он приказал своему товарищу приготовиться к броску, но не успел тот пробежать и нескольких шагов, как упал. Не останавливаясь, танк пошел дальше, продолжая стрелять, Чжан Бяо кинул гранату, но не рассчитал силы удара, и граната шлепнулась на взрыхленную землю, не причинив никакого вреда танку...

Из своего укрытия Янь Чжэнь-лун видел, как танк раздавил первого бойца, как упал Чжан Бяо, несколько раз перевернувшись в воздухе... Никаких сил подняться и убежать у Янь Чжэнь-луна не было. Как только он закрывал глаза, перед ним вставала картина гибели бойцов, и он с ужасом думал о том, что сейчас танк раздавит и его, расплющит, как расплющил только что этого мальчика. Над ним словно висел какой-то злой рок. Когда ему удалось наконец пересилить себя и оторваться от земли, танк был уже недалеко от выемки на склоне горы. Янь Чжэнь-лун пополз назад без оглядки. Еловые лапы нещадно хлестали его по лицу, кололи своими иглами. Дорога была усеяна острыми камнями. Какие-то цепкие ползучие растения опутывали его по рукам и ногам, мешая двигаться. Он исцарапал себе до крови колени, локти. Дыхание стало прерывистым, а все движения напоминали собою движения побитой, искалеченной собаки, уползающей в свою конуру. Он ничего не видел вокруг себя и полз только потому, что еще был жив. Да, он был жив, и сознание этого придавало ему силы ползти дальше. Прошло довольно много времени, когда он понял, что за ним никто не гонится. Прислушался: лязг гусениц был теперь далеко-далеко, танк, огибая гору, уходил на запад. И вдруг сознание Янь Чжэнь-луна пронзила страшная мысль: «Как я расскажу обо всем этом, когда вернусь?..» Его лоб покрылся холодной испариной. Затаив дыхание, он боязливо осмотрелся вокруг и медленно пополз дальше, в сторону обгорелого леса, который увидел на горизонте. [245]

37

С переднего края по телефону доложили, что танки противника перешли в наступление, двадцать восемь танков прорвались к высоте Хасимпхо. Сразу же после этого позвонил командир полка и потребовал направить на передний край несколько групп подрывников с противотанковыми гранатометами Чжай Цзы-ни многозначительно посмотрел на начальника штаба и вышел на наблюдательный пункт, который находился на вершине горы в тени огромных каштановых деревьев. Отсюда открывался вид на долину Мундынкок с севера. Долина была затянута плотным дымом, однако вражеские танки были видны довольно хорошо. Они шли развернутым строем, обтекая Хасимпхо с двух сторон, угрожая прорваться к узлу обороны полка оттуда, где их вовсе не ожидали. Угроза нависла над районом командного пункта полка. Только сейчас Чжай Цзы-ни понял, какую оплошность допустили они с Шан Чжи-ингом, не придав серьезного значения находившейся несколько вдали от узла обороны полка высоте Хасимпхо. Восточный и западный фланги позиции по сути дела оказались предоставленными самим себе. Образовался довольно широкий коридор из долины Мундынкок, которым вражеские танки не преминут воспользоваться, как только танкисты убедятся, что сопротивления они не встретят. В случае развития успеха танки прорвутся к артиллерийским позициям полка, и тогда...

— А что, если у них совсем другой план? — вдруг спросил он начальника штаба в упор. — Ведь танки легко могут развернуться и атаковать нас сзади. Так или не так? Фланги окажутся разобщены. Мы сами откроем противнику ворота для нанесения удара. Место совершенно пустое.

— Планируя систему противотанкового огня, мы учитывали это...

Политком недовольно покосился на Ма Фэн-шаня.

— Лучше признайся честно в своей ошибке и не ищи оправданий. Приспособленчество какое-то. Загнали артиллерию в тыл боевых порядков пехоты и обрекли на бездействие. Почему на переднем крае нет орудий? Сами допустили ошибку, сами должны и исправить. Нечего тратить время на выяснение причин... [245]

Он остановился, чтобы перевести дыхание, однако дальше говорить не стал. Вражеские танки продолжали двигаться вперед уже в глубине обороны полка, не встречая никакого сопротивления. Они находились буквально в нескольких шагах от артиллерийских позиций, как вдруг загорелся первый танк, за ним второй. В следующую секунду раздалось два гулких взрыва. В бой вступила артиллерия, открыв по танкам огонь прямой наводкой. Но Чжай Цзы-ни видел в бинокль, что стреляли только из одного орудия, остальные молчали. Танки на ходу начали перестроение.

— Они обнаружили наше уязвимое место, — не отрываясь от бинокля, хрипло бросил он начальнику штаба. — Давай команду противотанковым группам. Нужно прикрыть артиллерию. Пусть выходят на ту высоту и ждут меня, я буду сейчас там...

Последние слова он крикнул уже на ходу. Высота, на которой он велел собраться противотанковым группам, заслоняла долину Мундынокк; чтобы добраться до нее, нужно было спуститься в овраг и пробежать довольно большой кусок по открытому месту. Вестовой Чжай Цзы-ни не сразу сообразил, куда побежал политком. Когда же ему стало ясно, что тот задумал, догнать его было уже не так просто.

— Товарищ начальник, — кричал он, задыхаясь. — Товарищ начальник! Вам нельзя туда! Оставайтесь здесь, я сам побегу и предупрежу комбата...

Но Чжай Цзы-ни не слышал его. Он бежал все быстрее и быстрее.

Когда он добежал до высоты, противотанковая группа уже была собрана и ждала его. Из строя вышел коренастый командир взвода Сян Цзы, отдал команду «Смирно!» и, четким шагом подойдя к политкому, отдал честь. Закончив рапорт, он снова приложил руку к козырьку фуражки и сказал:

— Группа ждет вашего приказа!

Чжай Цзы-ни окинул его пристальным взглядом, словно не узнавая. Лицо Сян Цзы было в оспенных рябинках и синих пятнах.

— Ты что — не умывался?

— Что вы, товарищ политком, — смущенно улыбнулся Сян Цзы. — Оно у меня всегда такое.

Спокойная улыбка Сян Цзы была так кстати, что [247] Чжай Цзы-ни тоже улыбнулся, и напутственная речь, с которой он обратился к бойцам, получилась краткой, ясной, запоминающейся. Велев Сян Цзы дополнить группу еще одним отделением, он крепко пожал ему руку и сказал:

— Ну, иди, поддержи весь полк. Сейчас нам больше всего нужна отвага, решимость бить врага. Я буду следить за вашими действиями. Ждем от вас хороших вестей.

Долина по-прежнему была затянута дымом. Гремели взрывы снарядов, строчили пулеметы, то в одном, то в другом месте раздавалась дробная автоматная очередь. Чжай Цзы-ни смотрел с горы вниз, пока не исчезли в зарослях сгорбленные под тяжестью реактивных гранатометов бойцы ударной группы. Вот и еще одно подразделение ушло в бой. Для многих из бойцов война только началась. Война! Когда они кончатся, эти войны? Когда избавятся люди от них, от всех бед, которые несут они с собой? Наступит такой день, обязательно, но только когда будет покончено с империализмом. Гибель империализма положит конец всем войнам на земле. Но это в будущем. Сегодня империалисты разжигают войну и ради нее производят все новое и новое оружие. Сколько горя принесли вы народам, империалисты Соединенных Штатов Америки! Но не слишком ли многого вы захотели? Китайский народ не раз подвергался агрессии, а

покорить его, поставить на колени — этого никому не удавалось. Никакие ваши козни и уловки не испугают нас, господа!..

Танки шли по кукурузному полю. Чжай Цзы-ни видел, как бойцы противотанковой группы перебежали овраг и скрылись в зарослях полыни. До танков было еще далеко, поэтому никто не бросал гранат. С вершины горы танки казались большими зелеными жуками-броненосцами, а люди — маленькими, суетливыми муравьями. Кто кого одолеет: танки одолеют людей или люди одолеют эти грозные, неуклюжие машины?

38

В течение дня высота семнадцать раз переходила из рук в руки. Только к вечеру Тан Чжун-сюнь и его бойцы поняли, что они отрезаны от своих и находятся [248] в окружении. Лица людей были мрачные. Все до предела устали и молча смотрели на отделенного, ожидая, что он скажет.

— Что ж, товарищи, — заговорил Тан Чжун-сюнь после долгого молчания, — пока на позиции будет хоть один человек, позиция за нами, иначе конец всем, вы и сами видите это. Патроны кончились. Придется теперь штыками биться, камнями, зубами... — Он стиснул зубы и со злостью пригрозил кулаком притаившемуся у подножия горы врагу.

По лицу Ен Кым Тхя текли слезы, но он даже не замечал их. О, если бы они могли жечь врага так же, как жгли его сердце!.. В это время противник возобновил атаку. Ен Кым Тхя дал солдатам подползти ближе и вдруг поднялся во весь свой рост с огромным камнем в вытянутых над головой руках. Это было так неожиданно для американцев, что один из них, находившийся ближе всех, застыл от изумления. Лицо Ен Кым Тхя было сведено судорогой, вытаращенные глаза словно приковали американца к месту. Американец в испуге втянул голову в плечи, однако увернуться от удара ему не удалось. Камень полетел прямо в него и ударил с такой силой, что он не устоял на ногах и покатился с горы, увлекая за собой остальных солдат. Когда Ен Кым Тхя оглянулся, справа послышалась частая пулеметная стрельба. Огненные пунктирные линии прочертили темнеющее небо, и на голову противника полился дождь пуль. В овраге, отрезая противнику путь назад, стали рваться снаряды. Американские солдаты в панике бросились бежать кто куда, оглашая воздух пронзительными криками. Все это было так неожиданно, что в первую минуту Ен Кым Тхя даже не успел сообразить, что же произошло. Но вот к нему подбежал Тан Чжун-сюнь и радостно затормошил:

— Да это же Шан Чжи-линь! Вон он, смотри!..

Шан Чжи-линь повел своих людей в контратаку, когда убедился, что противник не ожидает сопротивления со стороны господствующей высоты. Огонь из автоматов, который обрушил Шан Чжи-линь на головы американцев, был такой плотный, что те опешили. В это время с фланга застрочили тяжелые пулеметы Жань Чунь-хуа, и в следующую минуту в бой вступили минометы и артиллерия. С автоматами наперевес бойцы Шан [249] Чжи-линя бежали по полю боя, преследуя американцев. Ими были отбиты уже две высоты, а американцы все еще не могли опомниться и бежали сломя голову куда глаза глядят. Бойцы гнались за ними по пятам. Ненависть, накопившаяся у них в груди за эти дни, искала выхода, она стала силой, которая помогала им гнать врага без передышки. Когда Шан Чжи-линь увидел на занятой высоте своих бойцов и нескольких корейцев, которые приветствовали его поднятым оружием, он не поверил своим глазам. Еще минуту назад он был убежден, что на этой позиции никого в живых не осталось, что всё бойцы давно погибли, не выдержав натиска врага. Взволнованный до глубины души, он выхватил из-за пояса ракетницу и дал Жань Чунь-хуа красный сигнал, чтобы тот перенес огонь на следующую высоту. Именно эту ракету сунул он в подсумок перед атакой, хотя и не очень верил в успех. Как же обрадовался он, нащупав ее сразу, как только отогнул клапан! Он даже счел это добрым предзнаменованием: успех наступления обеспечен! На позициях полка уже знают, что высота занята! Радостный, он побежал на

вершину горы, где его, уже ждали Тан Чжун-сюнь и Ен Кым Тхя. Когда наконец Шан Чжи-линь вырвался из их объятий и смог отдышаться, он опустил автомат на землю и воскликнул, любуясь обоими:

— А я-то думал, что вы все погибли!

— Живы! — улыбнулся Тан Чжун-сюнь и вдруг покраснел до корней волос, вспомнив сцену прощания с командиром роты.

Но Шан Чжи-линь и виду не подал, что заметил его смущение, возможно, он даже забыл о том, что произошло между ними. Он был счастлив, что бойцы не только остались живы, но и не отдали врагу своей позиции! Осмотревшись по сторонам, он отдал распоряжение прибывшим с ним бойцам немедленно привести окопы в порядок, взглянул на часы и поднял голову. Его взгляд встретился с взглядом Ен Кым Тхя. Рядом стоял Тан Чжун-сюнь. Оба молчали, но по их взглядам Шан Чжи-линь понял, что происходит у них в душе. Наступала минута расставания, минута, которую оба долго ждали, но сейчас хотели бы отдалить как можно дальше; добровольческие части принимали у корейских войск оборону. [250]

Когда Шан Чжи-линь ушел, Ен Кым Тхя долго не мог прийти в себя. Мысль о том, что ему придется оставить позицию, никак не вмещалась в его сознании. Ему даже стало страшно. Как может он покинуть свою позицию, когда противник только теперь начал настоящее наступление!.. Он сидел на выступе окопа, положив автомат на колени, и неподвижным взглядом смотрел в одну точку, никого и ничего не видя. Неожиданно перед ним возник образ Пак Кым Ок. Как только их полк сменится, он, возможно, получит краткосрочный отпуск и отправится домой на несколько дней... Домой? Как ни силился он представить себе жизнь дома, это ему не удавалось. Перед глазами стояли окопы, передний край, их позиция, непрекращающиеся атаки противника. Когда он покинул дом и отправился на войну, перед его глазами всегда стояли его шахта и дом. Стоило ему закрыть глаза, как он видел себя рядом с женой, маленькую теплую чибби. Если сон перебивал взрыв вражеского снаряда, он долго не мог прийти в себя, но когда снова засыпал, то видел во сне все ту же чибби и свою жену. Так прошло больше трех месяцев. Постепенно его мечты вытеснили другие сны, более близкие к действительности. Ему снилась война, снились американцы, грабежи, чудовищные пожары. Какой-то американец свирепого вида преследует его, надо стрелять, но винтовка почему-то не стреляет, и ему приходится бежать, чтобы не быть убитым. Потом и эти сны отошли куда-то в прошлое, он перестал бояться американцев, жуткие видения уже не волновали его так, как волновали раньше, да и снов он видел мало, он мог спать теперь под артиллерийским огнем совершенно спокойно и ни о чем не думать.

Все лето они отбивали в этих горах натиск противника, сорвав пресловутое «летнее наступление» Ван Флита. Дождь лил как из ведра, на людях сухой нитки не было. Вражеские снаряды, пробиваясь сквозь плотную дождевую завесу, разрушали укрепления, грязь облепляла лица, горели леса, горела земля. Война, словно ураган, швыряла на людей тонны металла и огня, в вихре которого вряд ли можно было что-нибудь разобрать. Но Ен Кым Тхя по-прежнему стоял в окопе, прижимаясь к своему товарищу Ким Сан Хи, и стрелял, стрелял, стрелял... В. смерть Ким Сан Хи он не поверил. [251] Правда, винтовка его молчала, но от тела товарища все еще исходило тепло, которое согревало его. Постепенно труп стал остывать, струи воды текли по нему, заливая лицо Ким Сан Хи. Ен Кым Тхя беззвучно упал рядом с ним, обратив к нему остановившийся взгляд. Его охватила дрожь, холод проник до самых костей.

Ударил гром, небо рассекла ослепительная молния. Началась гроза. Противник не прекращал обстрела, снаряды то и дело рвались над позициями. Ен Кым Тхя стало невыразимо больно. Сколько же товарищей навеки простилось с ним вот так же, как Ким Сан Хи! Ким Сан Хи бился до последней минуты. Он никогда ни на что не жаловался, не отказывался от выполнения самых трудных поручений и умер тихо, безропотно. Неужели все это так просто?.. Ненависть, гнев и печаль слились в сердце Ен Кым Тхя в один сплав,

и оно зачерствело. Душевный жар, который не давал ему покоя ни днем, ни ночью, он запрятал глубоко-глубоко — не нужно было, чтобы о его чувствах знали другие. А ведь ему было всего двадцать два года, настоящая жизнь лишь начиналась для него и была вся впереди. Думал он о ней? Думал, но не часто. Он думал главным образом о боях, которые ему еще предстояло пережить, и о том, как он будет держать себя в них. После отступления всей армии в горы Пякамсан в его взводе осталось только пять человек. Днем они бились от зари до зари, а по ночам стояли в дозоре, наблюдая за движением на переднем крае. Несколько суток подряд они ничего не ели. Затягивая ремень потуже, Ен Кым Тхя говорил, обращаясь к оставшимся в живых бойцам: «То, что мы голодны, это пустяки; врага голодом морим — это важно. А ну-ка, чья сегодня очередь идти за обедом для американцев?» И, оставив в дозоре одного — двух бойцов, он уходил с остальными на пункт боепитания за патронами, минами и гранатами, чтобы к утру быть готовым встретить противника во всеоружии.

Дорога была скользкая, идти приходилось по крутому уступу, на ощупь, в кромешной темноте, цепляться за камни, ветки, корни деревьев, чтобы только не полететь в пропасть. Отряхнув руки от глинистой земли, Ен Кым Тхя ждал внизу, когда спустятся остальные, шепотом давал знать, где он, и шел дальше. Начинаясь [252] новый подъем, который был значительно круче первого, и опять он был впереди.

Пункт боепитания находился в лесу за третьей горой. Нагрузившись как следует, они возвращались назад на свою позицию и, даже не передохнув, отправлялись за новой партией боеприпасов. В течение ночи они делали несколько рейсов. И не только они: во всех подразделениях доставка боеприпасов на передний край осуществлялась по ночам. Поэтому, как только опускались сумерки, на пункте боепитания становилось многолюдно, как на рынке в базарный день.

В ожидании очереди — начальник пункта соблюдал строгий порядок при раздаче боеприпасов — бойцы собирались вместе, жались друг к другу, чтобы хоть немного отогреться, однако ночи были дождливые, ветреные, и все это мало помогало. Бойцы молчали, сидя на мокрой земле, обхватив колени. Говорить никому не хотелось. Часто, идя по лесу, Ен Кым Тхя вспоминал свою жену. Почему-то его воспоминания ограничивались тем временем, когда он и Пак Кым Ок еще не были женаты. Они вот так же шли по темному лесу, прижимаясь друг к другу, чувствуя, как бьются их сердца. Как счастлив он был в эти вечера, и сколько таких вечеров он помнит! Мог ли он отказаться от своего счастья, пройти мимо него? Но вот пришла война, и сможет ли он снова привлечь к себе Пак Кым Ок когда-нибудь хотя бы на одну минуточку, сесть с ней рядом?.. Он поднимает голову и обводит своих бойцов вопросительным взглядом. Все молчат, каждый тоже думает о своем.

— Что приуныли? — спрашивает он. — Трудно?.. Запевай, шахтерский народ, песню. С ней легче...

И первый запекает:

*Цепи гор укрыты снегом,
Всюду крови след.
Амнокган¹³ вовек не смоем
Тот кровавый след....*

Перед его глазами встают белоснежные пики Чанбайшаня, увалы, непроходимые леса, быстротруйные [253] реки истерзанной, замученной, но непокоренной врагом родины.

*Свежесть утренняя, родина, Корея¹⁴,
Кровью пламенеет твой рассвет...*

¹³ Амнокган — корейское название реки Ялуцзян

¹⁴ Страна Утренней Свежести — образное, поэтическое название Кореи

Песни почти не слышно из-за шума дождя и отдаленного грохота разрывов. Но вот голоса поющих крепнут, мужают, словно песне становится тесно в груди и она вырывается наружу, волнами разливаясь по угрюмому, темному лесу. О чем думают люди в эту бескрайнюю, тревожную ночь, кого вспоминают?

Ен Кым Тхя пристально всматривается в темноту, но ничего не видит, кроме причудливого переплетения ветвей на фоне ночного неба. Порыв ветра доносит временами густой аромат сосновой смолы. Слух улавливает дробное падение дождевых капель. И снова все тихо, безмолвно... Ен Кым Тхя закрывает глаза, и ему чудится, что лес вдруг светлеет, тьма расходитя, уступая место яркому солнечному утру. Расплывчатые громады замшелых деревьев приобретают все более четкие формы, через густую листву пробивается первый луч солнца, осыпает золотом сотканную за ночь паутину. Цветет земляника — сколько ее будет в этом году!.. А вот шиповник, влажный от росы огонек, лесная бегония... Каких только цветов нет в этом лесу и как их много!.. Но что это? Кажется, кто-то поет? И не один — голосов много, ими заполнен весь лес. На поляну выбегает ватага детей, они смеются, танцуют, тянут друг друга за руки, собирают синие, как небо, цветы дореди, мчатся наперегонки к кусту боярышника... Вслед за детьми приходят девушки. Они тоже поют песню, тоже кружатся в хороводе. Вместе с девушками шахтерские ребята. Но почему песня, которую они поют, такая грустная? Чем опечалены девушки? Японцы! Японские солдаты захватили его родную землю много-много лет тому назад, когда Ен Кым Тхя еще на свете не было, поэтому редко поют веселые песни девушки из их поселка... Ен Кым Тхя — рослый, сильный парень, правда, ему только пятнадцать лет, но он уже работает на шахте, как взрослый, и старается держаться с девчатами [254] независимо. Да и время ли сейчас для игры!.. Когда в августе 1945 года Северную Корею освободила Красная Армия Советского Союза, вернув народу принадлежащие ему по праву шахты, Ен Кым Тхя понял, что он тоже является их хозяином. «Теперь японцы командовать нами не будут!» — гордо говорил он своим сверстникам, нередко с радостью замечая, что к его голосу прислушиваются и взрослые шахтеры. Шахта работала бесперебойно. Люди возвращались с работы затемно, усталые, но у всех радостно блестели на черных от угольной пыли лицах белки глаз и крепкие жемчужные зубы. Еще недавно они валились с ног, поднимаясь на поверхность земли: горе было там, в шахте, горе ждало их дома. Теперь они знали, что работают на себя.

Третью годовщину Дня освобождения встречали особенно торжественно. С утра никому не сиделось дома. А как радовалась празднику шахтерская молодежь! Мылись, чистились, старательно брили едва успевшие показаться на верхней губе усы, подолгу стояли перед зеркалом, повязывая галстуки. Девушки, словно соревнуясь друг перед другом, вышли на улицу все в новых нарядах, гладко зачесанные, нарумяненные. Ничем не хотели отстать от молодых и пожилые люди. На мужчинах выстиранные, белые как снег широкие штаны, повязанные у щиколоток тесемками. Женщины в вытуженных, развевающихся колоколом юбках. Всюду смех, улыбки. Все направляются на берег реки, где в тени вековых ив уже в самом разгаре гулянье. И хотя не за горами осень, хотя лес на другом берегу реки заметно поредел, все поют «Песню весны». А может быть, и правда пришла весна? Смотрите, сколько всюду красок — ярких, слепящих глаза, как нежны оттенки переливающихся всеми цветами радуги шелковых блуз на девушках, сколько лент, платков, косынок?.. И все это кружится, не стоит на месте, волнуется, словно каждый, кто пришел на праздник, пьян от счастья и не может устоять на ногах.

*Родина свободная,
Яркий луч весны...*

Канула в прошлое долгая, беспросветная жизнь в нужде и отчаянье. Сброшены цепи рабства. Нет человека, который бы не сознавал великого значения этого [255] нового

для него дня. На устах у всех слова дружбы и любви. Жизнь приобрела смысл. Люди, никогда не видевшие от нее радостей, поняли, что стоит жить, что будущее прекрасно. Сколько лет они находились в кабале у японцев, ведя тяжелую, неравную борьбу с захватчиками! Японцы отняли у них все — заводы, шахты, рудники, землю. Они не разрешали корейцам говорить на родном языке, не разрешали смеяться, петь песни, собираться группами, жестоко глумились над народом и расправлялись с ним. Люди и в то время любили, но любили робко, боязливо, страдая оттого, что бессильны и сберечь любовь и защитить ее от зла и насилия. А сейчас любовь пришла к ним сама, вольная, широкая, и люди всем сердцем поняли, что у них есть родина и уже не надо бояться любви, не надо от нее прятаться.

Ен Кым Тхя пожал Ли Ен Хва руку и сказал, посмотрев ему в глаза: «Иди, она ждет тебя. А я поищу свою...» Ли Ен Хва понимающе кивнул головой. Через минуту он уже был среди танцующих.

Некоторое время Ен Кым Тхя стоял растерянный на пригорке, не зная, где искать Пак Кым Ок в этом море человеческих голов. «Неужели не пришла? — закралась в сознание тревожная мысль. — А что, если кто другой?..» И вдруг глаза его радостно заблестели, лицо расплылось в счастливой улыбке. Он узнал ее, узнал сразу, хотя она стояла к нему спиной и с таинственным видом шепталась о чем-то с подругами. Как только их взгляды встретились, он весело замахал ей рукой и, как мальчишка, побежал вниз со всех ног.

Девушки кружились у самого берега. Движения их рук были такие плавные, что казалось — сама река выбежала на поляну и разлилась вширь. Парни ловили девушек глазами, но те лишь незаметно улыбались, словно говорили им: «Вы здесь? Смелее же, не теряйтесь!» И было не понять, чего больше в этих насмешливых улыбках — озорства, лукавства или скрытого за напускным равнодушием ожидания.

Улучив момент, когда девушки, взявшись за руки, расширили круг, Ен Кым Тхя схватил Пак Кым Ок и стремительно увлек за собой. Они никого не замечали, кружась в быстром, как ветер, танце, и тесно прижимались друг к другу. Вместе с ними кружились ивы на берегу реки. Нежная мелодия музыки сливалась с [256] шелестом реки. Прохладный ветерок, изредка налетающий с гор, приятно оведал их разгоряченные тела, — он напоминал о близкой осени, о самом лучшем времени года, и от этого становилось вдвойне радостней.

Они танцевали до вечера, до полного изнеможения. Отдохнув в траве, они пошли, держась за руки, к берегу. Сердце Ен Кым Тхя было преисполнено радости, таким счастливым он никогда еще себя не чувствовал. Пак Кым Ок любит его, она и не скрывает своей любви. Самой себе она призналась как-то, что такого парня, как Ен Кым Тхя, еще никогда не встречала. Одни его глаза чего стоят — ясные, черные! Когда он смотрит на нее, ей кажется, что эти глаза способны пригвоздить ее, заставить выполнить все, что он захочет, столько в этом взгляде силы, верности и отваги, которой щедро наделила его природа. В них горит неугасимый огонь любви. Он любит ее. Любит народ, шахту, свою работу, постоянно стремится вперед, всегда чего-то ищет, горит. Это он заставил ее отдать ему свое сердце... Она прибавляет шаг, ветер надувает парусом ее юбку, и тогда она становится похожей на стремительное облако, окрашенное зарей заката. Она украдкой смотрит на него и уже не может оторвать своего взора, так бы и смотрела всю жизнь только на него одного. Ее лицо покрывает яркий румянец. Она закрывает глаза, чтобы скрыть смущение, и идет быстрее, быстрее, не чувствуя под собой ног. Ен Кым Тхя догоняет ее, осторожно дотрагивается рукой до талии. И тогда она не выдерживает молчания и смеется — легко, весело, обнаруживая два ряда ослепительно белых зубов. Грудь ее высоко поднимается. Она склоняет набок голову и поет:

*В горах лиловый цветет дуцзюань {багульник} ,
Песня звенит в полях...*

Потупив взор, Ен Кым Тхя молча слушает ее, потом говорит почти неслышно:

— Приходи в лес. Я буду тебя ждать, как только стемнеет...

Пак Кым Ок смеется.

— Мне... мне надо идти. Слышишь, девушки купаться зовут, — так же тихо говорит она доверительным шепотом. — Пока танцевала с тобой, вся вспотела... [257]

Вскинула озорные глаза и снова рассмеялась, закружилась на месте, скрывая вспыхнувший на щеках густой румянец.

39

Вода в реке была холодная, но это не остановило девушек. Веселая возня, шум, плеск огласили прибрежные камыши.

Кто-то из девушек пронзительно вскрикнул, но остальные тут же одернули ее.

— Тише ты! Чего кричишь?

— Парни услышат, что мы здесь...

— Ой, девочки, я нечаянно. Не надо брызгаться, волосы мокрые будут...

Пак Кым Ок вошла в воду. Долго оставаться на реке она и не думала, поэтому, как только вымылась, быстро вытерлась сухим полотенцем, надела вместо розовой юбки, в которой танцевала, темную, заплела косу и, осторожно крадучись, направилась в сторону леса. Она была уверена, что никто не заметит ее отсутствия. Но это было не так. Не успела она отойти на несколько шагов, как кто-то из девушек окликнул ее:

— Пак Кым Ок, ты куда?

Пак Кым Ок вздрогнула и, смущенная, повернулась к подругам. Вопреки ее ожиданию, никто не смеялся над ней; она встретила такие доброжелательные улыбки подруг, что сразу успокоилась и пошла своей дорогой, уже ни от кого не прячась. Теперь бояться было нечего — она смелая, самостоятельная и сумеет постоять за себя. И все же она волновалась. Идти по темному лесу одной было страшно, она часто замедляла шаг, останавливалась, настороженно прислушивалась к лесным шорохам. Затаив дыхание, она шла дальше, прибавив шаг. Теперь она чуть ли не бежала. Выпала ночная роса. Идти стало, приятно, но как-то неудобно — намокшие края юбки то и дело прилипали к голым икрам ног, поэтому приходилось придерживать юбку на весу. Ен Кым Тхя уже ждал ее в условленном месте. Он выбежал ей навстречу и сжал в своих объятиях. Пак Кым Ок прильнула к нему всем телом. Она вдруг почувствовала, что ее словно не существует, словно она сторела, расплавилась в его горячих объятиях. Она все забыла — себя, весь мир; было такое ощущение, будто она [258] становится неотделимой от него, сливается с ним в одно целое.

Такое состояние длилось довольно долго. Когда, наконец, она очнулась от забытья, то не сразу поняла, где находится. Вокруг стеной стоял угрюмый лес, в густой листве лишь местами виднелось темно-синее небо, похожее на большие куски битого стекла, на нем сверкали редкие звезды, украдкой подсматривавшие за ними из-за ветвей деревьев, — и столько было очарования, немого восторга в этом звездном сиянии, что казалось, будто звезды шепчутся друг с другом: «Как здесь хорошо! Какие они счастливые — люди, какие красивые! Разве можно не завидовать им?!»

В лесу было так тихо, что они слышали дыхание друг друга — неровное, напряженное. Тела их дрожали от счастья. Порывистый ветер приятно овеивал их разгоряченные лица, приглаживал спутанные волосы, шептал нежные, сладкие слова. А может быть, шептал вовсе и не ветер? Может быть, это шелестели сосны, теряя свой игольчатый наряд?... Две белочки испуганно застыли на ветке дерева, прижавшись одна к другой, и долго не решались отвести от них недоуменного взгляда маленьких острых глаз. Из ущелья послышалось веселое журчание ручья, словно он только сейчас ожил и радостно сообщил об этом всему миру. Мир вернулся к ней, снова Пак Кым Ок ощутила его рядом с собой — живой, наполненный энергией, любовью.

— Ты правда любишь меня?

Голос Ен Кым Тхя чуть слышен.

— Люблю, — тоже чуть слышно отвечает ему она, словно боясь признаться в этом.
— Я даже не помню, как добежала. Все боялась, что не найду тебя... Ты давно здесь?

Давно.

Ен Кым Тхя сказал правду. Он пришел сюда еще до сумерек.

— Ты думала, что я...

— Я знала, что ты придешь.

— У меня и мысли не было...

Прошло несколько минут. Оба молчали, смотря в глаза друг другу.

— Посидим немного, — заговорила наконец Пак Кым Ок. — Я так устала... [259]

Они сели. Ен Кым Тхя бережно прижал ее к себе.

— Ты вся мокрая. Здесь так сыро!..

— Да, сыро.

— Ты и туфли мыла?

— Мыла.

— А это что? — спросил вдруг Ен Кым Тхя, отнимая у нее сверток.

— Юбка.

— Зачем ты взяла ее с собой?

— Я только что переделась. Эта...

— Так надень же ее, я тебе помогу.

Ен Кым Тхя с готовностью поднялся, но она отвела его руки.

— Не надо, эту стирать надо. Я так торопилась к тебе, что совсем забыла о ней... — Она хотела сказать ему, что надела совсем новую юбку, но смолчала: все равно он не увидит в темноте.

Пак Кым Ок еще совсем молода. Ей всего восемнадцать лет, но она уже работает на шахте. Правда, она работает в управлении и имеет дело с бумагами, но зато у нее большая общественная работа — в Союзе демократической молодежи, в Женской демократической лиге. Свою работу она любит и отдается ей всей душой, проводит беседы среди молодежи, помогает женщинам. После освобождения в стране началось большое хозяйственное строительство, всюду нужны люди, их нужно организовать, привлечь к работе, втянуть в соревнование. Дома у нее работы тоже не мало. Семья большая: брат, который моложе ее на два года, маленькая сестра, бабушка, мать, отец, дядя. Брат тоже пошел работать на шахту, а отец дома, из-за болезни ему пришлось уйти с шахты, дядя давно болен, а бабушка совсем уже старенькая. На поле весь день возится мать — почти все шахтеры имеют свои небольшие участки, — поэтому все заботы по дому лежат на Пак Кым Ок; нужно смотреть за сестренкой, готовить обед на всю семью. Управившись с делами по хозяйству, она бежит на шахту; где остается до самого вечера. От шахты до дому недалеко, но по дороге нужно перевалить высокую гору, потом идти метров триста по узкой седловине, а потом уже спускаться к дому по крутому уступу. Часто, возвращаясь с работы, она останавливалась на этом уступе и задумчиво смотрела вокруг, заложив одну руку за спину, [260] а другой теребя край юбки. Отсюда был виден их дом, шахта. Дорога была оживленная, движение никогда не прекращалось на ней. Шли матери, неся привязанных да спиной детей. Весело щебеча, возвращались домой молодожены. Во дворах повсюду играли дети; завидя родителей, они выбегали к ним навстречу с радостным криком. Кругом простирались поля, дальше были деревни, другие шахты. От их шахты к ним тянулась на огромных стальных конструкциях линия высоковольтной передачи. Из оврага доносится лязг машин. Работы идут полным ходом. Люди торопятся, перед всеми раскрылись радостные перспективы, каждый чувствует радость, гордость за свою шахту, за свой труд. Жизнь полна смысла, любви. Почему же ей так грустно? Ведь она любит, любовь будоражит ее, сжигает, как огонь, не дает ей покоя ни днем ни ночью. И нет никаких сил ни спрятать ее от других, ни самой укрыться от нее.

Ива прильнула к реке,

*Окунулась в волну ива.
Ива, ива, что стоит тебе
Задержать быстротечное время, —
Посмотри, как прекрасно вокруг!..*

Ен Кым Тхя слушал ее, как замороженный. Пак Кым Ок пела об их любви, о любви юноши и девушки, открывшейся им так неожиданно. Слова песни складывались сами собой, они были совсем простые. Юноша встретил на берегу реки свою возлюбленную. Играла музыка. Во время танца девушка вдруг уронила косынку. Юноша наклонился, чтобы поднять ее, и тут их взгляды встретились. Задержи же, ива, время, бегущее, как река, у тебя такие гибкие руки! Свяжи своими ветвями этот счастливый миг, не дай ему уйти, пусть с ней всегда будут юность, весна, любовь... Какая она наивная, Пак Кым Ок — разве можно остановить время? Но она пела так проникновенно, что Ен Кым Тхя поверил ей. Она дорожит своей весной, весной человеческой жизни. Юная, красивая, она отдает себя ему, потому что любит его. Когда она прижалась к нему, обняв обеими руками, Ен Кым Тхя почувствовал, что она вся дрожит. Глаза ее были закрыты, а губы шептали:

— Всегда... всегда с тобой, одним дыханием, одним сердцем... Только бы ничего не случилось... [261]

Ен Кым Тхя стало не по себе — ей, наверно, холодно, у нее совсем мокрые ноги!

— Что с тобой, Пак Кым Ок? — испуганно спросил он, беря ее на руки.

— Я боюсь, — чуть слышно проговорила она. — Как будет потом...

— Потом будет хорошо, очень хорошо. Ты выйдешь за меня замуж, станешь моей женой...

-Я все отдала тебе.

— Моя жизнь принадлежит...

— Я не об этом. Когда люди женятся, все становятся по-другому. Дети, работа, домашнее хозяйство... Проходит месяц два, и чувство чего-то нового, радостного исчезает. Начинаются ссоры, муж принимается бить жену...

— Что ты, Пак Кым Ок, теперь ведь не то время! Мы с тобой не будем ссориться, вот увидишь, мы же члены партии. Да и как может подняться у меня рука на тебя, что ты! Вместе будем работать, всю жизнь.

— Всю жизнь? Обещай же мне. Ведь ты — мой, родной, правда?

Вырвавшись из его объятий, она отпрянула на миг, словно не веря своему счастью, и снова горячо обняла.

...Война началась неожиданно, как-то сразу. Войска Ли Сын Мана пересекли 38-ю параллель и стали продвигаться на север. В небо над Северной Кореей взмыли эскадрильи вражеских бомбардировщиков. Загремели орудия. По дорогам, лязгая гусеницами, потянулись тяжелые танки.

В тот же день по радио передали обращение генерала Ким Ир Сена к народу. У репродуктора, вынесенного на шахтный двор, собралась огромная толпа людей. В наступившей тишине был отчетливо слышен лившийся из репродуктора металлический голос: «Действуя по прямому наущению Соединенных Штатов Америки, клика Ли Сын Мана ввергла нашу страну в войну. На север через 38-ю параллель брошены...» Потом был объявлен указ о всеобщей мобилизации. На шахте все загудело. Народ потянулся к приписным пунктам. К вечеру стало известно, что формирование шахтерской дивизии почти закончено. Никто не представлял себе, какая это будет война и что сулит она каждому. Не все [262] понимали, что решается судьба родины, что мирной жизни, которую люди обрели совсем недавно, наступил конец, что на карту поставлено все — семьи, личное счастье, любовь.

Из штаба по комплектованию шахтерской дивизии Ен Кым Тхя направился прямо домой. Пак Кым Ок встретила его растерянная, какая-то подавленная.

— Приходил Ким Вон Тхэк, — пряча от него глаза, сказала она.

— Чего ему?

— Он уже записался. Спрашивал, где ты. Я сказала, что ты тоже пошел записываться.

— Что он еще говорил?

— Похвалил тебя. Сказал, что был уверен в тебе. Посидел немного со мной и попрощался...

В ушах Пак Кым Ок все еще звучал вопрос, которым огорошил ее Ким Вон Тхэк. Вбежав, возбужденный, к ним во двор, он так лихорадочно застучал по окну, что бумажная оклейка рамы не выдержала и разорвалась. «Ты, надеюсь, не станешь держать его за ногу?» — спросил он, даже не здороваясь. Она не обиделась на Ким Вон Тхэка, ведь они поженились с Ен Кым Тхя только несколько месяцев тому назад, и кто не знает, как горько молодым расставаться! «Я сама велела ему идти на приписной пункт», — сдерживая себя, чтобы не расплакаться, сказала она. «Вот и молодец! Такой жены не надо стыдиться. Я уважаю тебя, — дружелюбно похлопал ее по плечу Ким Вон Тхэк, раскаиваясь, что вел себя так глупо. — Будь спокойна, вернется целехоньким, Я сам приведу его к тебе. Ни кусочка не убудет от твоего Ен Кым Тхя, вот увидишь». Сказано это было так серьезно, что она невольно улыбнулась. «А может быть, он приведет тебя?» Ким Вон Тхэк весело рассмеялся. «Может быть... А в общем, тебе скажу, Пак Кым Ок: я действительно очень рад — и за него, и за тебя...» — «Ладно уж, — смутилась от похвалы Пак Кым Ок и спросила, чтобы перевести разговор на другую тему:

— Так с чем же ты пришел?» Ким Вон Тхэк посмотрел на нее и развел руками. «А ни с чем, Я уже записался. На душе у меня сейчас такое, что ни молчать не могу, ни сидеть спокойно». Он снова улыбнулся, словно извинялся перед ней за причиненную обиду... [263]

— А еще кто-нибудь был? — спросил Ен Кым Тхя, присаживаясь на кан.

— Ли Ен Хва приходил, потом Ким Сан Хи... Многие спрашивали тебя.

Все, кого она называла, уже записались добровольцами.

— Говорят, с шахты уйдет целая дивизия. Мужчин совсем не останется. Нет, нет, ты не волнуйся, женщины работать будут, мы уже договорились между собой, кому в какую смену... Вот с домашними делами...

Оба старательно избегали говорить о предстоящей разлуке, но не говорить о ней не могли.

— Трудно мне будет, Пак Кым Ок, очень трудно, но это меня не пугает, все можно преодолеть. Вот только как о тебе подумую...

Всю ночь Ен Кым Тхя ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть. Перед ним прошла вся их недолгая совместная жизнь. Он словно заново пережил ее. Один лишь короткий миг длилась она, — и вот нужно расстаться. Какие же это были сладкие дни!..

— Спи же, хоть немного поспи! — упрасивала его Пак Кым Ок, тоже не имея сил сомкнуть глаза. Она боялась думать о том, как будет жить без него. Ей было так горестно на душе, так горестно, как никогда раньше. Она без конца целовала его, гладила спину, жесткие, непокорные волосы. Какой же он у нее сильный! «У нас будет ребенок, сын. Он во всем будет похож на него, когда вырастет...»

Весь следующий день шахта бурлила. Уходящие на фронт прощались со своими семьями, с товарищами и друзьями. Улица поселка была запружена народом. На глазах у женщин стояли слезы, они сверкали в лучах холодного солнца. Все были возбуждены, говорили громко, били себя кулаком в грудь, смеялись, шутили. Но за этими шутками, за плохо наигранным весельем стояло ничем не скрытое внутреннее душевное горе. Вчерашние шахтеры, они уже чувствовали себя сегодня солдатами. Скупое, по-солдатски, прощались они с женами, утешали плачущих детей, упрасивали матерей вернуться домой. В толпе кто-то закричал, перекрывая шум: «Записавшиеся, получайте обмундирование!..» И толпа хлынула, раздалась в стороны, будущие бойцы побежали, чтобы скорее занять очередь. [264]

— Товарищи, только без паники, каждый получит, что ему положено, — уговаривал уполномоченный по выдаче обмундирования, но его не слушали.

— А скорее нельзя?

— Будешь так возиться, и через три года не закончишь выдачи.

- Ли Сын Ман прибежит сюда — ты отвечать будешь? — вырвавшись вперед, кричал Ким Вон Тхэк.

— Не бойся, сам Ли Сын Ман не прибежит! — пробовал огрызаться уполномоченный, однако скоро это ему надоело и он перестал обращать внимание на крики. Обмундирование расходилось быстро, кончалась одна партия, на освободившееся место выносили следующую. Здесь же, на площади, выдавали автоматы, патроны, гранаты. Немного поодаль — ботинки и солдатские одеяла. Каждый спешил скорее получить свое и бежал на продовольственный склад за пайком. Многие, тут же передевались, примеряли одежду, спрашивали у товарищей, как она идет им, в общем принимали вид настоящих бойцов.

— А ну, ребята, кто купаться? Не дело надевать на грязное тело такую форму, — предложил Ким Вон Тхэк и первый побежал к реке.

— Раньше бы мог подумать об этом! — съехидничал вдогонку ему Ли Ен Хва. Он был уже одет и с молодеватым видом прохаживался: перед девушками, любясь произведенным эффектом. Вдруг он заметил в толпе женщин мать и почувствовал себя неловко. Как же это он — о матери позабыл!.. Бережно уложив в узелок снятые вещи, он подошел к ней и тихо сказал, пряча глаза в сторону:

— Возьми, мама, тут моя спецовка. Сбереги, пожалуйста. Вернусь домой, пригодится.

— Кто знает, когда теперь вернешься! — вздохнула старая женщина.

— Как это — кто знает?! Освободим всю Корею, тогда и вернемся! — обиделся Ли Ен Хва без всякого притворства.

— Видали! — восхищенно заметил кто-то в толпе:

— Вот это боец. Смотреть на такого любо-дорого!

— А как же! — обвел быстрым взглядом толпу Ли Ен Хва. — Пусть американские черти видят, какое наше войско. Рабочий класс! Одна наша шахта дивизию добровольцев сформировала... [265]

Ким Сан Хи поднял на него глаза и тут же опустил. Всех провожали родные, одного его никто не провожал — : кому до сироты дело! Насупившись, он неторопливо переоделся, прицепил к поясу гранату, уложил в парусиновый вещевой мешок чулки, пару носовых платков, подтяжки... Чего бы еще положить? Вот ведь — шел на работу, знал, что с собой брать. Порядок был. А теперь все прахом пошло из-за этой войны. Инструмент свой оставляй, надевай форму, берись за оружие. Сколько народу уходит на войну! Что делается, небо?..

Из задумчивости его вывел тревожный голос Пак Кым Ок, которая сбилась с ног в поисках Ен Кым Тхя.

— Ищи на реке, — ответил вместо него Ким Вон Тхэк, вернувшийся только что. — Боюсь только, что не узнаешь его ты теперь, совсем стал не похож на себя... Помни нас, Пак Кым Ок. Уходим!..

Пак Кым Ок действительно никого не узнавала, Ей со всех сторон махали руками, просили не забывать, но она бежала дальше, даже не оглядываясь.

— Прикрутила девка парня, успела оженить на себе!

— Найдется твой Ен Кым Тхя, никуда не денется!

— А если и денется? С такой да красотой...

— Чего зубоскалишь?! Не видишь, матерью скоро станет!

В глазах Пак Кым Ок все сливается. Новое обмундирование одного цвета, одного покроя, на всех одинаковые фуражки с пятиконечными звездами, в руках новенькие автоматы. Ен Кым Тхя она нашла каким-то чутьем, скорее интуитивно, чем узнала его.

— Ты будешь меня ждать, обещаешь? — отведя ее в сторону, заговорил Ен Кым Тхя. — Только не переживай так, не надо.

— Я... я тоже пойду с тобой... — Пак Кым Ок больше не могла крепиться, на глазах у нее выступили слезы.

— Нет-нет, ты же сама сказала, что остаешься работать. Нам металл нужен, чтобы победить, уголь. Ты останешься, Пак Кым Ок. Если ты уйдешь, где я буду искать тебя, когда вернусь?.. Для сына! — Ен Кым Тхя крепко прижал ее к себе. — Жди меня, я всегда буду думать о тебе. Я обязательно вернусь... [266]

Не было сил расстаться с этой жизнью, отказаться от нее.

Один за другим стали подходить грузовики. Началась давка — каждый старался первым забраться в кузов. Когда все сели и первая машина тронулась, новобранцы запели песню о генерале Ким Ир Сене. Ее подхватили в толпе, и скоро пела вся шахта. Мужественная песня поднималась все выше, выше, к самой вершине поросшего угрюмым лесом хребта. Ненависть к врагу, любовь, тоску по дому, с которым приходится расстаться, мысли о предстоящих боях, решимость сражаться не на жизнь, а на смерть, до полной победы за свое счастье, — все влили люди в эту песню.

*Вперед, солдаты, на бой!
Славное имя зовет!..*

Ен Кым Тхя пел вместе со всеми, не замечая, как по его лицу текут слезы. Перед его глазами все еще была Пак Кым Ок — маленькая, вся сжавшаяся, безмолвно стоявшая на обочине дороги, провожая растерянным взглядом уходящие на фронт машины.

40

Ен Кым Тхя и его товарищи по-прежнему чувствовали себя шахтерами больше, чем бойцами, и, когда выпадала свободная минута, вспоминали свою шахту, поселок, делились мыслями о будущем, о работе, о том, как бы сделать так, чтобы шахта работала еще лучше. Но вот кто-нибудь вспоминал имя погибшего товарища, и разговоры сразу смолкали. Бойцы опускали головы, прятали друг от друга глаза, сжимали в горячей ладони горсть земли...

Противник уже двенадцать раз атаковал высоту Тайусан. Сперва в наступлении принимало участие до одного полка пехоты, потом в бой были введены свежие подразделения численностью не меньше двух батальонов. Наступление поддерживало два десятка самолетов, непрерывно бомбивших позиции Народной армии. Артиллерийский огонь не смолкал ни на минуту.

— Кончено! — выходил из себя командир полка Цой Сан Кэм, яростно топая ногами на притихших в испуге [267] связных. — Кончено! Сохранить за собой эту позицию никакой надежды нет. Что будет с людьми?

Он был зол на всех и на вся. Артиллерийский огонь был такой плотный, что невозможно было разобрать, продолжают ли стрелять автоматы. Однако противник снова приступил к атаке, и это доказывало, что высота не занята, что на позициях есть люди, что они и не думают сдаваться. В этом было что-то невероятное, Когда стемнело и связисты восстановили телефонную связь, позвонил Ен Кым Тхя:

— Товарищ командир полка, докладываю. Потери противника убитыми составили больше тысячи двухсот человек...

За день Ен Кым Тхя три раза сменил автомат. Его ладони были в ожогах, так раскалялся ствол автомата при стрельбе, от дыма и гари он почернел, как почернели

сожженные и искореженные артиллерийским огнем горы. Только к ночи наступление прекратилось и наступило затишье. Бойцы сидели на корточках в окопе, стараясь ни о чем не думать, и курили, по шахтерской привычке глубоко затягиваясь, долго не выпуская дыма из легких.

— Да-а... — вздохнул кто-то печально. — Как там теперь наши дома, никому не известно. Горькая бабья доля!

— Писем все нет? — повернулся Ким Вон Тхэк к Ен Кым Тхя.

Ким Вон Тхэк был одинок, поэтому ни от кого не ждал писем. До войны ему не приходила в голову мысль обзавестись семьей, и если теперь он иногда стал задумываться о будущем, то особенно не печалился на этот счет: кончится война — женится, не может быть, чтобы не нашлось в Корее девушки, которая не полюбила бы его. Задаваться вопросом, почему женатые так тоскуют о доме, он не задавался, и если иногда спрашивал товарищей: «Писем все нет?» — это было высшим проявлением заботы и внимания с его стороны.

— Нет, — покачал головой Ен Кым Тхя.

— Вот так оно и получается, — глубокомысленно заметил Ким Вон Тхэк, пересаживаясь ближе. — Правильно я сделал, что не женился. Жить можно и без семьи — под дождем, под снарядами... Знаешь, какая иной раз у меня появляется мысль? Без дома даже лучше. Нет, [268] нет, ты не смейся, я говорю совершенно серьезно. Дома — дети плачут, жена что-то бубнит тебе до самой полночи под самое ухо, какая от этого радость?

Ен Кым Тхя рассмеялся.

— Тебе что — в самом деле воевать нравится?

Он вспомнил Пак Кым Ок и свои разговоры с ней до глубокой ночи. Так бы и слушал ее голос без конца, лоя ее жаркое дыхание. Что может быть радостней этого? Он рисовал в своем воображении ее образ, образ сына, маленького живого существа, которого еще никогда не видел...

— А я все шахту во сне вижу, — заговорил кто-то, нарушая молчание. — Вернемся домой — что останется от дивизии?

— Бессмертия хочешь? — обрадовался возможности пофилософствовать Ким Вон Тхэк. — Так не бывает. Смерть обязательно придет — не на войне, так дома.

В разговор вмешался Ен Кым Тхя.

— С этим ничего не поделаешь, война есть война. Но ведь не все погибнут...

— Вот-вот, — польщенный поддержкой, перебил его Ким Вон Тхэк. — Никуда наша шахта не денется, обязательно вернемся на нее. Ну, меньше нас вернется, это правда. Но шахта останется? Машины водить будет кому!..

Разговор смолк так же внезапно, как и начался. Никому не хотелось тревожить воспоминаний о мирных днях, об оставленных дома родных и близких, о работе, по которой истосковалась душа. Снова перед глазами поплыли милые сердцу картины родного поселка, река, ивы на берегу, яблони, усыпанные белоснежными цветами, узкие лесные тропы, которые одни были свидетелями неповторимых свиданий.

Мысли о муже не выходили из головы Пак Кым Ок. Через шесть месяцев после того как он ушел на фронт, у неё родился ребенок, мальчик. Дома она пробыла всего несколько дней и снова пошла на работу. Рождение ребёнка принесло ей большое утешение. Это был сын Ен Кым Тхя, ее мужа, она родила его ему. Ребенку [268] шел уже четвертый месяц. Он окреп, пополнился, был очень похож на отца — особенно когда щурил глазенки, как уверяла бабушка. Но иногда ей казалось, что бабушка ошибается, что ребенок больше похож на нее... С появлением ребенка она стала еще больше думать о муже. Стоило ей взглянуть на маленького, как перед глазами тотчас возникал образ Ен Кым Тхя, и сердце ее начинало тревожно биться. Только бы с ним ничего не случилось, только бы он остался жив!.. Целуя ребенка, она мысленно посылала мужу привет и желала ему счастья. Она никогда не оставляла ребенка одного. Из зеленых лоскутков она сшила

одеяльце, закутывала ребенка и привязывала его себе на спину. Куда бы она ни шла, ребенок всегда был с ней. После ухода Ен Кым Тхя на фронт дом словно опустылел ей.

В штабе полка, куда Ен Кым Тхя пришел по вызову на экстренное совещание, ему вручили письмо. Он сразу узнал на конверте почерк Пак Кым Ок. Чтобы справиться с охватившим его волнением, он несколько минут постоял один. Письмо жгло ему руки, и все же он заставил себя спрятать его в карман.

Совещание уже началось, когда он спустился в блиндаж. Из глубины доносился резкий голос командира полка Цой Сан Кэма:

— Мы отходим на новые позиции...

Ен Кым Тхя повернулся к карте. Синие стрелы, вырвавшиеся за линию фронта, показывали продвижение противника. Наступление развивалось. И хотя командир полка называл в своем выступлении цифры потерь противника убитыми и ранеными, хотя он говорил, что задача задержать дальнейшее продвижение противника выполнена и бойцы, оборонявшие Тайусан, представлены к награде, Ен Кым Тхя думал совсем о другом. Он сам поймал себя на мысли о том, что никакого значения не придает будущему ордену, каким бы сияющим он ни был. Теперь для него все равно, будет у него этот орден или не будет. Хмурый, сосредоточенный, он вернулся на позицию своего отделения, опустился на камень и осторожно распечатал письмо жены. Вокруг столпились бойцы, от всей души поздравляя его с получением весточки из дому. [270]

— Счастливый ты человек! Вспомнила тебя, в самое время вспомнила. Вот что значит жена!..

— Мне бы хоть кто-нибудь написал! — вздохнул Ким Вон Тхэк, который, может быть, в первый раз позавидовал своему товарищу.

— Вздыхаешь? Ты же хвастался тем, что никем не окружен и не опутан.

— Ну и что с того, что хвастался? Теперь сам вижу: лучше, когда думает о тебе кто-то, на душе приятней...

Ен Кым Тхя по-прежнему был мрачен, бойцы недоуменно переглядывались, не понимая, что с ним происходит. Наконец он заговорил.

— Плохо дело, товарищи... Уж лучше бы раньше пришло письмо, тогда порадоваться бы хоть успел, а теперь... — Он перевел дыхание и жестко сказал, ни на кого не глядя:

— До рассвета противник будет уже здесь!

Все замерли. Больше всего на свете они боялись услышать от своего командира эти слова.

— Опять отступаем?

— Нет, отходим. На новые позиции. Задача — задержать общее наступление.

— Все ближе и ближе к дому подаемся, скоро и до шахты своей дойдем, — сказал Ким Вон Тхэк.

Губы Ен Кым Тхя скривились в горькую усмешку.

— В этих условиях я бы хотел быть подальше от шахты.

Его не устрашили бои, даже более тяжелые и опасные, устрашила сама мысль об отходе. Конечно, прав Ким Вон Тхэк, — теперь они будут еще ближе к дому. Но ведь это значит, что они не смогли остановить противника, что они дальше от победы, чем были в тот день, когда отправлялись на фронт. Вперед надо идти, только вперед. Если бы ему дали приказ идти на край неба, на дно морское, у него ни на минуту не возникло бы сомнений в правильности этого приказа. Наоборот, его душа была бы исполнена радости, он чувствовал бы, что теперь действительно приближается к своей Пак Кым Ок. Ведь чем он дальше от родного дома, тем ближе к победе, тем скорее освобождение родины, тем реальнее возможность снова быть вместе, жить в мире [271] и счастье. Ближе к дому! Мало радости от такой перспективы!

Пришло время оставлять позицию, которую они обороняли, не щадя своей жизни. Ен Кым Тхя поднялся, приказал отделению строиться. Его рука легла на плечо Тан Чжун-

сюня, рядом встал Цзян Вань-цзе. Что же он им скажет? Война продолжается. Американцы затягивают переговоры, не желая прекращения огня. Что будет дальше — никому не известно... И вдруг ему стало страшно. Что же они делают? Почему дан приказ отходить? Ведь на позиции остается так мало людей — справится ли горстка китайских добровольцев с порученной задачей? Днем, когда они бились вместе в окружении несколько часов подряд, у него даже мысли не было, что все это произойдет так скоро. Неужели действительно пора отходить?

Он обнял Цзян Вань-цзе и долго не выпускал из своих объятий.

— Я никогда не забуду вас! — наконец выдавил он из себя через силу.

Цзян Вань-цзе крепко пожал ему руку.

— Будешь дома, передай привет Пак Кым Ок. И мальчонке обязательно. Скажи жене, что мы все благодарны ей. А за нас будь спокоен, никуда мы отсюда не уйдем!

Они еще раз обнялись. Ен Кым Тхя попрощался со всеми, кто оставался на позиции, и дал своим команду трогаться. Никогда еще не был его шаг таким тяжелым. Ноги у него подкашивались. Он чувствовал, что не имеет сил двигаться и сейчас упадет на виду у всех, если кто-нибудь не поддержит его. Скупые солдатские слезы текли по его лицу, но он даже не замечал их. Зачем он уходит? Он должен драться, должен продолжать бой. Сколько людей навсегда потеряли они на этой позиции, сколько товарищей, с которыми их связывала дружба еще на шахте!

— Это правда, Ким Вон Тхэк, не снится мне это? Вот и все, что осталось от нашего взвода?

— Правда, командир, какой уж тут сон!.. Но что поделать. Доукомплектуемся, получим еще людей и снова возьмемся за дело.

— У меня сейчас такое чувство, будто кто ножом по сердцу скребет... [272]

Всю ночь на позициях не прекращалось движение. Горели костры. В их тусклом отблеске было видно, как дрожали слезы на глазах у бойцов.

Из укрытий выносились станковые пулеметы. На них надевались чехлы. На носилки складывались легкие пулеметы и минометы. На дорогу выкатывали орудия. Затарахтели моторы тягачей. Войска Народной армии Кореи начали отход.

Люди шли тяжелым шагом. Вот через речку Тайчжучжэм переправилась артиллерия. Потянулись грузовики. В длинную цепочку вытянулись пехотные подразделения. Колонна полка взяла направление на Мальхойри.

На душе у Ен Кым Тхя было тоскливо и непривычно тяжело.

41

Командир дивизии Цао Юнь-цин был маленького роста и выглядел значительно моложе своего заместителя — Ван Цзяня, хотя и отпустил густую черную бороду. Сосредоточенный, он внимательно изучал карту, сверяясь с данными о дислокации частей на позициях, подробно изложенными в докладе Шан Чжи-ина. Вернувшись вчера вечером с Эинсана, Ван Цзянь доложил обстановку, из которой было ясно, что главные силы противника нацелены на Мундынри. Это меняло все положение в целом.

— Вот смотри, — подозвал командир дивизии Ван Цзяня к карте. — Наши допустили ошибку, сосредоточив все свое внимание на флангах. Увлечлись высотами, а такой важный район в центре обороны оставили без прикрытия. Укрепиться на высотах, безусловно, нужно. Но вот что произошло сегодня. Неприятельские танки прорвались в глубину нашей обороны и подошли вплотную к ущелью, в котором находится командный пункт полка. Они уже нащупали наши артиллерийские позиции и хотят прорваться к ним. Положение более чем опасное. Боевой порядок, который наши избрали, противоречит замыслу штаба армейской группировки. Что-то Шан Чжи-ин путает. Я должен сам проверить, что там у них делается. В штабе останешься ты. Без тебя не справятся? А... [273]

— Нет, нет, пойду я.

— А может быть, лучше пойти мне?

— Тебе? Ты же только что вернулся, отдохни немного.

— Успеется, — спокойно возразил Ван Цзянь. — Если уж отдыхать, то нужно возвращаться на родину. Не принуждай меня бездельничать, я смогу заболеть... Честное слово, если я даже одну минуту остаюсь без дела, мне становится так тоскливо, словно я старею. — Он засмеялся и добавил:

— Все-таки поеду я. Дом не должен оставаться без хозяина.

После долгих уговоров комдив согласился с доводами Ван Цзяня. Зная характер своего заместителя, он понимал, что спор с ним ни к чему не приведет.

Солнце садилось. Горные пики теряли свои очертания, медленно погружались в синеву сумерек. На шоссе показались первые грузовики. Как только вражеские бомбардировщики, кружившие весь день над линией фронта, очистили небо, смельчаки водители вывели свои машины из временных укрытий и быстро принялись разбирать маскировку. Захлопали глушители. Наступало самое удобное время для перевозок.

Ван Цзянь накинул на плечи шинель и направился к своему «джипу».

— Ну как, готов, товарищ водитель? Неужто не выспался за день?

— Я не сплю, товарищ замкомдив, — смутился водитель. Его юношеское лицо расплылось в приветливой улыбке.

— Ладно, включай зажигание. Едем!

— Опять на Эинсан?

— Нет, на этот раз к Мундынри. Не бывал еще там?

Водитель вытер пучком травы сиденье рядом с собой и включил мотор.

Подошел комдив.

— Что же тебе пожелать, Лао Ван? — сказал он, прощаясь с Ван Цзянем за руку. — Счастливого пути. Помни, что обстановка усложнилась, постарайся прорваться пораньше... Всё вместо меня носишься, вот и сейчас уезжаешь...

— Зачем ты так говоришь? Что же мне остается делать? [274]

Комдив махнул рукой.

— Оставим об этом. — Он подошел ближе и тихо заговорил:

— Убеди их в необходимости перестроить боевой порядок. Особенно не принуждай, но помни, что ты там хозяин. Учитывай их трудности. Наведешь порядок, позвони мне. Приказ передать им все безоткатные орудия дивизии я уже отдал. Скажешь Шан Чжи-ину.

— Хорошо. Думаю, все будет в порядке. — Ван Цзянь повернулся к политкому дивизии Фань Бао-чуню. — Какие у тебя будут распоряжения, комиссар?

— Какие там распоряжения! Давай попрощаемся, времени у тебя в обрез.

Ван Цзянь быстро отдернул руку назад.

— Ну нет, прощаться руки не дам. Я еще собираюсь вернуться.

Политком засмеялся.

— Чудак, поэтому я и подаю тебе руку. — Они попрощались. — Смотри, не напорись на мину. Ну, желаю тебе удачи. Спроси от моего имени Шан Чжи-ина и Чжай Цзы-ни, как они там себя чувствуют. Будь с ними построже. Но и не перегибай.

Ван Цзянь легко вскочил в «джип», помахал рукой провожающим, расстегнул ворот и откинулся на спинку сиденья. Машина обогнула лес и выехала на шоссе.

Оборонительным работам в районе Мундынри командование армейской группировки придавало особое значение. Части только что прибыли на фронт, им предстояло отбить «осеннее наступление» противника. Здесь, в долине Мундынри, решался успех операции. Все зависело от того, сумеют ли войска справиться с вражескими танками. Противник, безусловно, изберет тактику танковых клиньев. Пехотные подразделения на переднем крае должны быть готовы к ней, иначе легко могут попасть впросак. Чтобы объяснить командирам частей существование этой тактики, Ван Цзянь

и выехал на передний край. Он вспомнил вечер, проведенный в штабе корейского корпуса в день прибытия. Как много изменилось за эти несколько дней! За что ни возьмись, везде недоделки, недоработки, изъязны... ». «Джип» мчался на полной скорости. По обеим сторонам дороги тянулись поля, горы, леса. Ван Цзянь смотрел на них и думал о том, что скажет Шан Чжи-ину, Согласится ли тот [275] с ним? Он не волновался, как обычно волнуется человек, который торопится поскорее попасть на передний край, уверенный в том, что с его прибытием все сразу изменится, ошибка будет исправлена и в военной обстановке произойдет коренной перелом к лучшему. Во-первых, он сам еще не был уверен в этом, а во-вторых, он не считал себя таким уж великим стратегом, одно слово которого может оказать решающее воздействие на всю обстановку в целом. Он был спокоен, не строил себе никаких иллюзий по части посещения переднего края и старался трезво оценить ход событий. Они развивались в определенном порядке, и спешить с оценками и выводами было неразумно. Смежив веки, он задумался и почувствовал, как по телу разливается приятная истома. Хорошо бы сейчас отдохнуть по-настоящему!.. Проскочив временный мост через Гымганчэн, машина въехала в длинное узкое ущелье. Послышался шум водопада, и скоро он сам предстал во всей своей красоте, словно белое, прозрачное покрывало, свисавшее с замшелой скалы. Дорога на Чжэнбанри была свободна, и машина, набирая скорость, мчалась вперед, оставляя позади одну скалу за другой. В это время дальнобойные орудия противника начали обстрел. Прицельный снаряд со свистом пролетел над дорогой и врезался в скалу. Следующие снаряды стали рваться на дороге. Водитель продолжал гнать машину, не оглядываясь назад, следя лишь за тем, чтобы не угодить в воронку. Ван Цзянь не говорил ни слова.

— Товарищ замкомдива, — не выдержал наконец боец охраны, сидевший на заднем сиденье, — остановиться бы надо, вон сколько здесь скал, под любой укрыться можно...

— Ничего, — словно нехотя открыл глаза Ван Цзянь, — как-нибудь выберемся.

Справа пылала подожженная зажигательным снарядом деревня. Снаряды на дороге продолжали рваться. Не снижая скорости, водитель вывел машину в овраг. Позади осталось ущелье Эсильдон, скала Додэкам, узкий мостик, который «джип» пролетел быстрее ветра, дорога на Мальхойри. Проскочив Тайчжучжэм, водитель развернул машину на южной окраине села и на полной скорости ворвался в ущелье Куён. Опасный участок дороги был преодолен. Ван Цзянь внимательным [276] взглядом следил за каждым движением водителя. Вел он машину артистически, даже не думая об опасности, которая подстерегает его на каждом шагу. За веселый нрав, смелость и великолепное знание своего дела Ван Цзянь давно уже всей душой полюбил этого юношу. Среди командиров, прибывших в Корею, пользовалась популярностью поговорка: «Едешь по дороге, жизнь тебе не принадлежит: одну половину передаешь водителю, вторую — постовым ПВО». Ван Цзянь усмехнулся про себя. «А ведь верная поговорка!» Половину своего жизненного пути он уже прошел, самая драгоценная это была половина — юность, весна жизни. Он отдал ее революции, она вела его за собой, и он рад, что не прожил ее бесцельно. Но и оставшаяся половина жизни ему не менее дорога. Юность ушла, уходят годы цветения, но он не опечален этим. Стоит жить, стоит работать, отдавая все свои силы, знания, опыт вот этому поколению юных. Ради них он готов отдать еще две жизни, если бы они у него были. Во взгляде его сквозит добрая, отеческая улыбка.

— Учился в школе?

— Не успел, товарищ замкомдив, — не меняя позы, сказал водитель, лишь мельком взглянув в сторону сидевшего рядом Ван Цзяня. — Но обязательно пойду. Вот войну кончим...

— Да-а, сейчас не до этого.

— Не до этого, товарищ замкомдива.

— А чему бы ты хотел учиться?

— Технике.

Шофером быть не нравится?

— Почему? Есть люди, которые всю жизнь машину водят. Знаний у меня мало. А так — сколько еще мест я не видел! Буду водителем — все осмотрую. Сам!..

Минуту оба молчали. Этим воспользовался связной Ван Цзянь, сидевший рядом с бойцом охраны.

— А я, товарищ замкомдив, учился. На штукатура. Дома все хотел строить... Приехал сюда — глядеть больно, все пожгли, гады! Сколько народу осталось без жилья!..

Ван Цзянь незаметно скосил глаза в сторону связного. Вот и этот тоже думает о будущем!

— Строитель, значит. Хорошая у тебя работа, [276] важнейшая, скажу тебе... Молодцы вы, ребята, сами — что надо, и будущее у вас хорошее. Только бы войны больше не было! — Эти слова вырвались у него совершенно машинально, так как думал он в это время вовсе о другом: «Ведь знал, что американский империализм начнет войну, никогда не сомневался в этом. Но мог ли я догадываться, что придет она так скоро!»

По мере подъема в гору дорога становилась все более узкой, пока не превратилась в тонкую вьющуюся между нагромождениями камней ниточку.

За перевалом Пякгуанъен открылся вид на широкую долину. И сразу люди, находившиеся в машине, почувствовали, что война где-то здесь, рядом. Ни одной целой деревни, везде пожарища. Дорога забита машинами. Никто не решается включить фары. Люди бродят в кромешной темноте. Возле одной машины толпятся бойцы, разбирая боеприпасы. На носилках стонут раненые. Ржут кони. Опытный глаз Ван Цзянь сразу отметил, что это место всего лишь час — два назад подверглось бомбежке с воздуха: на дороге несколько бойцов молча выравнивали воронку от разорвавшегося снаряда. В воздухе стоял едва уловимый запах паленого железа. За деревней продолжали рваться снаряды, на фоне горящей фанзы были видны силуэты людей, торопливо обегавших опасное место. Казалось, все здесь смешалось и никакого порядка нет. Но таким было только первое впечатление. Даже в этой толчее чувствовалась властная рука командира, умело направлявшая деятельность людей. Одни получали боеприпасы, другие выдавали, санитары несли раненых, разгружали машины, занимались маскировкой объектов... Выйдя из «джипа», Ван Цзянь сразу натолкнулся на начальника отделения тыла Ци Цзюнь-цай. Когда он здоровался с ним, подошел начальник санитарного отряда Пэй Дуншэн, только что отправивший в тыл машину, битком набитую ранеными во время налета вражеской авиации бойцами. Отдав честь, он тепло поздоровался с заместителем командира дивизии. Ван Цзянь был уверен, что сейчас ему придется выслушать от них жалобы, сетования на трудности. Но они молчали, и это еще больше убедило его в том, что им действительно трудно.

— Намаялись? [278]

— Да нет, — почти в один голос ответили оба совершенно спокойно.

Ван Цзянь улыбнулся, но не подал вида, что не верит им. Вынув пачку сигарет, он предложил закуривать и первым сунул сигарету в рот. Ци Цзюнь-цай с готовностью чиркнул спичкой. Несколько минут постояли молча.

— Остался здесь хоть кто-нибудь из жителей? — спросил Ван Цзянь, устремив задумчивый взгляд в сторону горевшей деревни.

— Никого.

— С народом воюют, дьяволы! — В голосе заместителя комдива чувствовалось с трудом сдерживаемое волнение. — Землю им надо, а что народ гибнет — на это им наплевать. Такая уж их порода, империалистов, ненавидят они людей. А мы — вооруженный народ, вот они и беснуются. Чем более современные формы приобретает война, тем более жестокой она становится. Это факт. Нам нужно как можно скорее овладеть всеми этими формами, тогда мы сможем остановить войну. Конечно, это не легко, но я уверен, что мы справимся... Ну что ж, товарищи, желаю вам всего хорошего.

Вы на посту, и я не буду вам мешать. Мне сейчас на передний край нужно, поэтому ждите в гости на обратном пути..

Пока Ван Цзянь беседовал, его «джип» успели угнать в ущелье, чтобы он не мешал движению на дороге.

— Вот этим ущельем и поезжайте, товарищ замкомдив, тут спокойнее, — посоветовал Ци Цзюнь-цай, подводя Ван Цзяня к укрытию. — Ехать, правда, трудно, в гору все время придется подниматься.

Дорога действительно была трудная, вернее, ее вовсе не оказалось. Место было усеяно крупными камнями. Ближе к подножию горы, где путь был относительно удобней, выстроились одна за другой палатки, укрытые сверху зеленью, и Ван Цзянь решил дальше добираться пешком. Орудия уже были выведены на позиции — он отметил про себя этот факт, так как в штабе дивизии только и говорили о том, что орудия застряли где-то в пути, — а сами огневые позиции были замаскированы так тщательно, что издали казались холмами, густо поросшими кустарником. Везде люди были [279] заняты делом. Со стороны высохшего русла реки, по которому двигались машины, к позициям тянулась цепочка людей, занятых доставкой боеприпасов.

— Сюда неси, ослеп, что ли?! — услышал совсем недалеко от себя Ван Цзянь чей-то хриплый голос. — Куда прешь?!

— Раскричался, так твою растак!.. Черт пройдет по этой дороге!

— А ты не ругайся. Здесь тебе не теплый кан, чтобы блаженствовать.

— Кто там фонариком балуется?!

Ван Цзянь невольно рассмеялся.

— Из какого подразделения? — остановил он бойца, распорядившегося разгрузкой.

Тот кинул на него пристальный взгляд и в свою очередь спросил угрожающе:

— А ты из какого?

Он уже вскинул автомат и пошел навстречу подозрительному незнакомцу, но в это время заметил за спиной Ван Цзяня знакомого бойца из охраны КП дивизии. Поняв свою оплошность, он поспешно выпрямился и четко доложил:

— Артиллеристы, товарищ замкомдив.

— Давно на позиции?

— Только-только прибыли, товарищ замкомдив.

— Где командир батареи?

— На передний край ушел.

— Ясно. Вернется, передай ему, что я был. Интересовался, скажешь, его самочувствием.

Боец лихо щелкнул каблуками. Он был явно доволен тем, что заместитель командира дивизии проявляет о них заботу.

— Товарищ замкомдив, не задерживайтесь здесь, проходите скорее. Место опасное. Противник все время бьет.

Помня наказ бойца, Ван Цзянь старался идти быстрее, но это ему не удавалось — не позволяли годы, да и трудно было идти в темноте по незнакомой дороге. Возле группы артиллеристов, расположившихся на короткий отдых, он остановился — послушать, о чем они говорят, а заодно немного отдохнуть. Боец, распорядившийся разгрузкой снарядов, заметил его и, думая, что Ван Цзяню нужна помощь, подбежал со своими [280] людьми. На всякий случай он захватил с собой для замкомдива гладко оструганную палочку.

— За палку спасибо, пригодится, — поблагодарил Ван Цзянь. — А командиру батареи скажи: дорогу поправить надо, сами ведь ноги ломаете.

— Есть! — отчеканил боец, отдал честь и побежал к своим.

Подъем был довольно крутой, и очень скоро Ван Цзянь совсем взмок. Идти было трудно, он часто останавливался, чтобы перевести дыхание. Связной и боец охраны неотступно следовали рядом, поддерживая его, когда видели, что он может упасть.

На перевале Ван Цзянь решил задержаться подольше. Он уже распахнул шинель и потянулся рукой к головному убору, как вдруг услышал предостерегающий окрик своего связного:

— Товарищ замкомдив! Разве так можно? Ветер же здесь, голову застудите. Кто тогда будет отвечать, за вас?

Связной говорил таким не допускающим возражения тоном, словно наставлял младшего — и по возрасту и по положению. Ван Цзянь виновато улыбнулся. Поднятая рука неподвижно застыла в воздухе.

По карте точка, на которой они находились, была самой высокой в расположении позиций полка Шан Чжи-ина — деревня и сама долина Мундынри просматривались из конца в конец. Взору открылась потрясающая картина. Долина была охвачена заревом пожара. Багровые языки пламени облизывали половину неба. В воздухе роились тучи искр. И лишь одно место в этом море огня зияло непроглядной чернотой — выжженный дотла пустырь, на котором когда-то была деревня. Артиллерийский обстрел позиций Народной армии продолжался. Выдержит ли полк Шан Чжи-ина эту невиданную для бойцов мощь огня?.. Лицо заместителя командира дивизии стало сумрачным.

С переднего края ежедневно поступали сведения о количестве снарядов, выпущенных противником по позиции Народной армии. Цифры каждый раз становились все более внушительными. Но разве могли они помочь выдавшему виды Ван Цзяню нарисовать в своем воображении ту картину, которая предстала его глазам сейчас! Ему уже пришлось однажды осматривать долину [280] Мундынри во время первой рекогносцировки местности, когда, командир корейского корпуса вывел их на высоту Эинсан, но тогда он видел лишь волнистую линию гор, холмы на горизонте, узкую ленту шоссе и кое-где отдельные очаги пожаров. Сегодня долина была неузнаваемой.

— Пошли! — сказал он, осторожно кладя руку на плечо связного. — Как думаешь, найдем дорогу вниз?

Связной нерешительно переступил с ноги на ногу и покосился на бойца охраны. Имеет ли он право рисковать жизнью человека, за которого отвечает головой? Неужели замкомдив сам не понимает, что такой яростный артиллерийский налет всегда предшествует атаке пехотных подразделений? И вообще непонятно — почему такое большое начальство непременно лезет туда, где и без него командиров хватает!..

— Товарищ замкомдив! За той вон горой полковые тылы, телефон есть... — с мольбой взглянул он на Ван Цзяня. — Свяжетесь с передним краем и разберетесь, что и как.

Ван Цзянь прищурил левый глаз и несколько минут задумчиво смотрел в сторону переднего края.

— Разве они говорили, что собираются переходить на новое место? Ты сам слышал?

— Нет.

— Почему же ты знаешь, куда нужно идти?

Связной молчал, не зная, что ответить.

— Ладно, пошли. Меня ведь не проведешь. К тому же, пока будем связываться по телефону, только время потеряем. Вперед нам надо, а не назад. — Он понял стремление Чжай Цзы-ни обязательно выдвинуть КП полка как можно ближе к переднему краю: в созданных условиях только такое решение могло быть правильным.

Спустившись в лощину, они набрали на скрытую в каштановой роще тропинку, которая вывела их к высоте, расположенной метрах в трехстах от переднего края.

— Ползком придется лезть. Вон какая она крутая! — с сомнением покачал головой связной, понимая, что страдающему одышкой Ван Цзяню подняться на нее будет не легко. Однако заместитель комдива не был расположен слушать его соболезнования. [282]

— Вот и хорошо. Пусть впереди будет даже десять таких, как-нибудь одолеем... Не сбились с дороги?

— Не-ет, — не очень уверенно протянул связной, но тут же поправился. — Точно, вот она!

Связной, конечно, малость приврал, уверяя заместителя комдива в том, что подниматься на гору ему придется ползком. Но в основном он был прав. Юноша в перерывах между разрывами снарядов легко мог взбежать на нее без передышки, но не пожилой человек. И все же Ван Цзянь категорически отказался от предложенной помощи. Хотя и медленно, но он шел вперед, всем своим видом показывая сопровождавшим его бойцам, что готов и не на такое. Пока он добрался до вершины, перед его глазами прошла вся его долгая жизнь, близкие, семья, родина. В памяти отчетливо возникла картина митинга, когда их дивизию провожали в Корею. Площадь перед зданием городского народного комитета была вся запружена толпами народа. На трибуне стояла уже немолодая на вид женщина и, волнуясь, обращалась к уходившим на фронт добровольцам: «Передайте генералу Ким Ир Сёну: пусть они всех детей своих к нам присылают, сиротами не оставим...» Такими в эти дни на родине были все женщины — они безропотно отдавали ей своих мужей и детей, оставаясь непреклонными в решимости отстаивать правое дело, сберечь у своего сердца будущее родного народа.

Войне Ван Цзянь отдал более двадцати лет своей жизни. В его сознании народ и война были неразделимы. Он вспомнил, как в годы его юности народ помогал своей Красной армии прорываться из кольца окружения. Эта армия была малочисленна и почти не имела оружия, план ее окружения и разгрома был выработан немецкими фашистскими генералами, однако победила не чанкайшистская свора, а народ. Осуществить Великий западный поход протяженностью в 25 тысяч ли Красная армия смогла тоже благодаря поддержке народа. В боях и походах народ вооружался, росли его силы и умение. В схватках с японскими оккупантами доблестью считалось отбить у врага орудие и вернуться на свою базу с трофейным клинком на боку. Ведя бои с вооруженными до зубов ордями Чан Кай-ши, войска Народной армии захватывали у неприятеля уже танки и самолеты, которыми его вдоволь снабжала [283] американская реакция. Теперь американский империализм обрушил на голову Народной армии тысячи тонн смертоносного металла, сталью он думает сломить ее волю к сопротивлению. Не выйдет, господа захватчики, ничего из вашей затеи не получится!

На командный пункт полка заместитель комдива прибыл уже далеко за полночь.

Чжай Цзы-ни допрашивал в это время шпиона-диверсанта, пойманного в районе пункта боепитания. В углу блиндажа ни жив ни мертв стоял Янь Чжэнь-лун, размазывая по лицу слезы. У входа с автоматами наперевес застыли два бойца.

На командный пункт полка Янь Чжэнь-луна привели под конвоем. Написанная неразборчивым почерком записка, которую передал политкому сопровождавший его боец, была от Шан Чжи-ина. Из нее и взволнованного рассказа бойца политком понял, что произошло у Ван Бин-чэня.

Янь Чжэнь-лун вернулся в батальон поздно, ничего не сказав о том, что больше двух часов прятался в лесу, пока решился прийти. Доклад его был краткий: «Танки противника повернули назад, взяв подбитый на буксир. Оба бойца, которым было поручено задержать танки, погибли при выполнении задания». Вид у Янь Чжэнь-луна был, как у побитой собаки, и Ван Бин-чэнь заподозрил неладное. Янь Чжэнь-лун повторил сказанное слово в слово.

— Выходит, никакой пользы не было от того, что я послал тебя, — махнул рукой комбат. — Зря только двух бойцов потеряли!

— Танки противника отступили, — упрямо твердил заученный ответ Янь Чжэнь-лун.

— Да! — вспыхнул Ван Бин-чэнь. — Но какое это имеет отношение к тебе?

Он занялся другим делом, но в это время в блиндаж влетел запыхавшийся Чжан Бяо. На нем лица не было. Не понимая, почему комбат смотрит на него вытаращенными от изумления глазами, он сперва смутился, однако быстро пришел в себя и стал

рассказывать, стараясь не упустить ни одной детали. Когда неприятельский танк был уже в двух шагах от него, он упал на землю, откатился в сторону и спрыгнул в овраг. [284] Это спасло его от верной смерти. Однако вернуться назад ни с чем у него и мысли не было, «Первая атака не вышла, надо придумать что-нибудь другое», — решил он и выбежал на дорогу, чтобы снова атаковать прорвавшийся танк. Вскоре он заметил мостик, перекинутый через высохшую канаву, и сообразил, что танки обязательно должны будут пройти по нему. Здесь он и встретился с Сян Цзы, который спасся чудом — лег на землю плашмя, и танк прошел над ним, не задев гусеницами. Вдвоем с Чжан Бяо они подбили два танка. Один из них противнику удалось утащить, но второй остался, и они решили осмотреть его изнутри. «Все унесли с собой, сукины дети! — выругался Сян Цзы, вылезая из люка с двумя шерстяными одеялами и несколькими пачками сигарет. — Не иначе, как в Вонсане собирались встречать Новый год!» — «А пулемет остался?» — спросил Чжан Бяо. «Там. Где ему быть?» — ухмыльнулся Сян Цзы. Вдвоем они разобрали пулемет по частям, взвалили на себя, прихватили завалившийся в танке патронташ, набитый патронами, и вот пришли... Кончив рассказывать, Чжан Бяо оглянулся по сторонам и только теперь увидел Янь Чжэнь-луна. Побледнев от злости, он вскрикнул, забыв, что находится перед командиром батальона.

— Вот ты где, оказывается!.. Товарищ комбат, он велел нам с Сян Цзы ползти к танку, пообещав, что будет прикрывать своим огнем. А на самом деле это он нас выдал. Не начни он стрелять, в танке ничего бы не заметили...

Ван Бин-чэня всего трясло. Минуту он смотрел на Янь Чжэнь-луна взглядом, полным презрения, и, сдерживая себя, приказал связному:

— Забери у него автомат!

Связной почему-то замешкался, и тогда Ван Бин-чэнь заорал что было силы: - Долго я буду ждать?..

Он распорядился отправить Янь Чжэнь-луна в: трибунал; но этого ему показалось мало.

— Трус! — бросил он ему в лицо, гневно сжимая кулаки. — Ведь ты своими глазами видел, что Чжан Бяо погиб, поэтому был уверен — все останется в тайне. За жизнь свою цеплялся? Какими глазами ты будешь смотреть теперь в глаза своему народу? Ничтожество!.. [285]

В это время из затененного угла блиндажа вышел Шан Чжи-ин, который уже несколько минут наблюдал за этой сценой. Набросав коротенькую записку, он передал ее бойцу охраны со словами: «Передашь комиссару!», после чего подошел к Ван Бин-чэню и сказал ему спокойно:

— Ну, чего ты раскричался, другого дела нет? В штабе полка разберутся с ним...

Не успел Чжай Цзы-ни спросить Янь Чжэнь-луна, что с ним случилось, как снаружи послышался громкий стук в дверь:

— Разрешите, товарищ комиссар?

— Входите.

В блиндаж ввели диверсанта-парашютиста, задержанного вблизи пункта боепитания. Из предварительного разговора по телефону с Ци Цзюнь-цаем политкому все было ясно, и он сообщил в штаб дивизии о поимке диверсанта, однако сам хотел взглянуть на него. После первых же вопросов он понял, что это за птица. Он уже собирался отправить пленного в штаб дивизии, как в блиндаж спустился Ван Цзянь. Чжай Цзы-ни быстро поднялся ему навстречу.

— Здравствуйте, товарищ замкомдив! — Он повернулся к выходу и сделал глазами знак бойцу охраны, — А ну-ка, живо за кипятком!

Пока Чжай Цзы-ни знакомил заместителя комдива с положением дел, тот успел осмотреться. Пленный диверсант заинтересовал его. Когда политком кончил докладывать, он встал из-за стола и спросил:

— Этот?.. Так-так. Сколько же вас прибыло сюда? Пятеро?

— Так точно, — ответил пленный, выглядевший довольно самоуверенным.

— Что ж, пока верно. На одном самолете летели?

— На одном. Во время прыжка растеряли друг друга.

— Это дело поправимо. Скоро опять будете вместе.

Пленный удивленно вскинул глаза. Уверенный тон, каким говорил незнакомый командир, заставил его насторожиться.

Отхлебнув глоток кипятку из кружки, поданной бойцом охраны, Ван Цзянь снова заговорил: [286]

— Приятелей твоих я уже видел. Поджидают тебя — все четверо.

Пленный оторопел.

— Что, испугался? — усмехнулся Ван Цзянь. — А мы ведь давно знали, что Чан Кай-ши обязательно пришлет тебя к нам. Очень ему хочется вернуться на большую землю?

— Хочется.

— Смотри, какой осведомленный! Успокою тебя: прибудем на Тайвань, возьмем и его и всех вас. Всех попросим назад в Китай вернуться... — Он решительно повернулся к ожидавшим конвоирам и сказал:

— Ведите его!

Распорядившись отстранить Янь Чжэнь-луна от обязанностей командира взвода, он перекинулся с политкомом несколькими словами и вышел наружу.

Как только дверь за ним захлопнулась, Чжай Цзы-ни позвонил на командный пункт.

— Это ты, Лао Шань? Слушай, прибыл замкомдив. Велел, чтобы ты был здесь.

42

На душе у Шан Чжи-ина было тяжело. Из головы не выходил позорный случай с Янь Чжэнь-луном. Еще горше было сознавать, что корейские части уходят с позиций и предстоит расставание с Цой Сан Кэмом. Когда Чжай Цзы-ни сообщил по телефону, что его требует к себе заместитель командира дивизии, Шан Чжи-ин вызвал на КП Ван Бинчэня.

— Смотри держи оборону! Постарайся поскорее восстановить связь и навести порядок на позициях.

— Отдав нужные распоряжения, он накинул шинель и на секунду поднялся на наблюдательный пункт, после чего, не оглядываясь назад, быстрым шагом спустился в овраг. Угрюмое настроение не покидало его. Ему было чуждо чувство нетерпения, которое обычно ощущают люди, возвращаясь с переднего края в тыл, и, следовательно, оказываются как бы вне опасности. Прежде всего об опасности он и не думал. Однако и беспечность была не в его характере. Он не отделял тыла от фронта. И там, в тылу, его ждала гора дел, избавиться от [287] которых или переложить на других он не мог и не хотел. Он не мыслил себе рассматривать свою работу, как выполнение определенных профессиональных обязанностей «командира полка», то есть человека, всего лишь одним рангом ниже командира дивизии и одним рангом выше командира батальона. Для него не существовало ни «большой» работы, выходящей за рамки, обусловленные его местом в жизни, ни «малой», которую могут выполнять подчиненные ему лица. Он чувствовал, что несет личную ответственность перед народом, перед родиной, перед всем миром за сохранение того мира, который был завоеван с таким трудом, поэтому отдавал работе все свои силы, знания и умение. Если он плохо воевал, его нужно отозвать с фронта, удалить от переднего края на тысячу ли. Пусть это сулит ему все блага жизни, условия, в тысячу раз лучшие, чем здесь, он все равно будет чувствовать себя никому не нужным и умрет от тоски. Радость придет к нему только тогда, когда он будет знать, что бился хорошо, что хорошо работал и не посрамил своей родины, оказался достойным доверия народа Кореи.

Тогда ему не будет стыдно показаться на глаза людям, куда бы его ни отозвали и куда бы ни вызвали. Но почему его вызывают именно сейчас? Неужели его присутствие на переднем крае никому не нужно? Что все это значит? Не находя ответа на свои вопросы, он терялся в догадках. Когда ему передали, что звонит политком, он приготовился услышать худшее. У него и мысли не было, что Чжай Цзы-ни сообщит ему о прибытии в полк заместителя командира дивизии — по всем данным, Ван Цзянь должен был находиться сейчас на высоте Эинсан, где обстановка сложилась куда серьезнее. Поэтому в первую минуту он даже обрадовался звонку: значит, и там дела поправились! Однако очень скоро радость сменилась тревогой. Невероятно было, чтобы Ван Цзянь хотел видеть его без всякой причины. Не изменилось ли положение в целом?.. Чем больше думал обо всем этом Шан Чжи-ин, тем все глубже в душу закрадывалось сомнение.

Спускаясь с горы, он вдруг почувствовал, что смертельно хочет пить. Во рту все горело. Он удивился. Занятый по горло неотложными делами, он вообще не помнил, ел ли в последние два дня, поэтому чувство [288] жажды было для него неожиданным. Ноги сами привели его к ручью, протекавшему у подножья горы. Держась рукой за камень, чтобы не упасть, он прильнул к ручью всем телом и сразу забыл обо всем на свете. Вода была холодная как лед, но ничего другого ему сейчас и не нужно было. Он готов был выпить весь ручей, только бы утолить жажду. Давно не испытывал он такого наслаждения, ощущая в полной мере удивительный вкус этого прозрачного, как кристалл, источника... Сполоснув лицо, он вдруг обнаружил, что уже несколько дней не брился: под ладонями жестко ершилась колючая щетина бороды. Предстать перед начальством в таком виде было неудобно. Но что он мог поделать? Перейдя ручей, он быстрым шагом пересек овраг и стал подниматься на гору, за которой расположился командный пункт полка.

Заместителя командира дивизии Шан Чжи-ин увидел сразу, как только спустился в блиндаж. Ван Цзянь сидел за столом рядом с Чжай Цзы-ни и что-то ему объяснял. Лицо его было хмурым, насупленным, мигающий свет, падавший от свечи, придавал ему оттенок какой-то сухости. Политком, напротив, выглядел спокойным и отвечал на вопросы замкомдива тем же тоном, каким обычно разговаривал с людьми. От внимательного глаза Шан Чжи-ина не укрылось, что между ними что-то произошло. И все же, искренне обрадованный встречей, он с такой стремительностью бросился к ним, что свеча чуть было не погасла от порыва ветра.

— Здравствуй, замкомдив! — радостно воскликнул он, на время перестав думать о предстоящем разговоре.

— А, это ты? — тепло поздоровался с ним за руку Ван Цзянь. — А мы как раз о тебе говорим. Командир дивизии и комиссар просили меня заглянуть по пути к тебе, навесить, узнать, как себя чувствуешь...

— Как они?

— Они здоровы. А ты как будто еще больше вытянулся. Растешь все?

— Похудел, скажи... Ну, как твое здоровье?

Они засыпали друг друга вопросами, словно много лет не виделись. В дивизии было известно, что здоровье Ван Цзяня с годами ухудшилось, что он чувствовал недомогание, боли в желудке и часто жаловался на врачей, которые настаивали на соблюдении строгой диеты [289] и предписанного ими режима дня. Однако никто никогда не видел его отдыхающим, а на вопросы товарищей и сослуживцев, старавшихся хоть чем-нибудь выразить ему свое участие, обычно отвечал безразличным тоном: «Я? Да вот так — не скажу, чтобы хорошо, но ведь не умираю. Работаю — чего еще надо!»

— Есть какие-нибудь указания? — нетерпеливо спросил Шан Чжи-ин, явно волнуясь.

Ван Цзянь многозначительно взглянул на политкома, из чего Шан Чжи-ин понял, что они уже обо всем договорились.

— Да вот, поздравить тебя пришел, — мягко улыбнулся Ван Цзянь.

Шан Чжи-ин догадался: «Ясно, пришел критиковать», — и сказал:

— Нет уж, сперва давай критикуй, это сейчас важнее.

А как он ждал, что начальство действительно его похвалит! Не ради него самого, не ради его личных заслуг, а для того, чтобы оценить свою работу, взвесить ее применительно к тем требованиям, которые ему предъявлены. Но он готов принять любую критику заместителя командира дивизии в свой адрес, любое нареkanie. Критика со стороны поможет ему заметить собственные ошибки и исправить их как можно скорее.

Все сели, закурили и по армейской привычке заговорили сразу о деле. Потом, погасив сигарету, заместитель комдива приказал принести карту. Начальник штаба с готовностью разложил ее перед ним и поставил на край стола еще одну свечу. Это была точно такая же карта, как и та, которую показывал Ван Цзяню командир дивизии, давая указания. На фронте шириной в шесть километров с предельной точностью были нанесены позиции пехоты, огневые точки, артиллерийские позиции, передний край, узел обороны полка, обозначена численность войск и характер оружия. Глядя на нее, Ван Цзянь все больше и больше хмурился, и Шан Чжи-ин уже не сомневался, что смотрит он только на долину Мундынок. Не ожидая разрешения, он заговорил, стараясь доказать целесообразность именно такого расположения войск по фронту обороны полка. Ван Цзянь снова закурил, как бы давая подчиненному возможность полностью и до конца высказать свою [290] точку зрения. Пока Шан Чжи-ин докладывал, он ни разу не перебил его, взвешивая в уме каждую деталь доклада. «Шан Чжи-ин, — мысленно рассуждал он сам с собой, отхлебывая из кружки остывший кипяток, — способный и опытный военачальник. Но ведь и самый умный человек тоже может растеряться, когда обстоятельства складываются для него неблагоприятно. Это и случилось с Шан Чжи-ином, не сумевшим по-новому разобраться в новой для него обстановке». Он взглянул на часы. Не пора ли сообщить им, что командир дивизии передал их полку все безоткатные орудия? Ведь нужно еще успеть определить расстояние между всеми подразделениями, помочь правильно распределить все и договориться по ряду вопросов. Пора, конечно, пора, не так уж много остается времени для всего этого. И все же главное не вопрос времени. Главное — позиция самого Шан Чжи-ина, его характер: покладистым он будет или станет упрямым. Обо всем этом Ван Цзянь и думал по пути сюда. Но, приехав, он ни разу не вспомнил своих опасений, словно их и не было. Забыл прежде всего потому, что люди несколько не растерялись под шквальным артиллерийским огнем и продолжали работать, правда, с большей осторожностью, но продолжали. Во-вторых, сам Шан Чжи-ин был не из тех, кто не имеет своего мнения: в его решении чувствовалась здравая мысль. Нужно было поэтому тщательно все взвесить, прежде чем упрекнуть его в чем-либо.

— Мы организовали боевой порядок так, — сказал Шан Чжи-ин, придвигая карту к себе, чтобы ее можно было одновременно сравнивать с картой Ван Цзяня. — Здесь позиции тяжелой артиллерии. По условиям местности нам пришлось создать две довольно мощные артиллерийские группы. Вот первая, вот вторая. — Он подробно остановился на вопросах использования огневых средств в различные периоды боя и сообщил, в частности, о мерах взаимодействия, принятых им на случай наступления противника при неожиданном прорыве фронта. — Огнем покрывается, как видите, каждый метр площади.

Ван Цзянь одобрил принятый им боевой порядок, поправив его лишь в одном пункте. Ему было совершенно ясно, что Шан Чжи-ин изучил обстановку: [291] решение его было смелым и в то же время тщательно продуманным. Не так-то просто конкретно разработать свое решение в такой спешке.

— Мой совет вам, — сказал он, — пометьте ваши позиции и позиции противника единой нумерацией, удобнее будет руководить огнем. Все орудия без исключения, в том числе и настільного огня, расположите так, чтобы у вас получился как бы веер — он будет охватывать твои позиции, полосу между нами и противником, передний край и глубину обороны противника, а кроме того, и наших соседей. Знаешь, что это тебе даст? Каждое орудие можно будет использовать в максимальной степени. Надо будет — любое

из них сможет открыть огонь по той точке, которая ему будет указана, и ты будешь вести по ней сосредоточенный огонь. Понял? Теперь относительно первой линии. Огонь станковых пулеметов и минометов, чувствуется, организован. Продумайте теперь вопросы взаимозаменяемости и взаимоподдержки. Противник, скажем, ведет на какой-то объект наступление; взаимопомощь и взаимозаменяемость дадут тебе возможность встретить его огнем всех наших огневых точек и нанести смертельную рану. А главное — наш передний край не окажется изолированным, одиноким. Ну, а этот район? — спросил Ван Цзянь, обводя пальцем долину Мундынок. — Кому ты собираешься отдать его?

Шан Чжи-ин растерялся. Вопрос заместителя комдива был для него и неожиданным и одновременно обидным. Минуту он стоял, не зная, что ответить. Потом сказал смущенно:

— Я? Никому.

— Почему же сам не овладел им?

Собственно говоря, Шан Чжи-ин мог бы найти предлог оправдаться, и даже не один — лучше всего было сослаться на нехватку оружия. Но он так не поступил.

— Без сопровождения пехоты танки вести бой не смогут, — сказал он, но тут же поправился:

— Самостоятельно вести бой. Предположим, на каком-то направлении они прорвались. Но ведь образовавшуюся щель еще нужно закрепить, правда? Высоты на обоих флангах в моих руках...

Ван Цзянь спокойно перебил его:

— Ответь на мой вопрос. Как ты оцениваешь этот [292] район? Почему ты не использовал его? Почему не использовал, чтобы еще сильнее бить врага?

Шан Чжи-ин молчал. Что он вообще мог сказать, если у него не возникла даже мысль включить долину Мундынок в узел обороны полка! Он стоял, наклонившись над картой, нервно сжимая лежавшие на столе кулаки.

— Командование армейской группировки, — заговорил Ван Цзянь, — считает, что ключ к решению вопроса разгрома «осеннего наступления» лежит в уничтожении вражеских танков. А ты? Все еще полагаешься на опыт прошлой войны. Как же ты не обратил внимания на это место? Всю тяжесть обороны взвалил на пехоту, мер борьбы с танками противника не продумал. Ты сможешь оказывать им лишь временное противодействие и находиться на позиции наблюдателя. Много ли пользы от твоих «противотанковых групп»? Да и что они могут сделать? Ну, пошумят, подобьют несколько. Это не решение вопроса. Ты меня извини, но особенности нынешней войны ты еще не постиг как следует. — Он снова показал рукой на район Мундынри и посмотрел Шан Чжи-ину в глаза. — Если ты не отбросишь неприятельские танки, ты не сможешь остановить общее наступление противника, запомни это. Сможешь уничтожить вот здесь, в этом месте, как можно больше танков, противник немедленно потеряет свою наступательную силу. Как видишь, в этом пункте — твоя точка зрения неправильная. Не на «оборону» нужно делать упор, а на уничтожение противника, на уничтожение его людской силы, на уничтожение его военных материалов. Все должно быть нацелено на это. Твой боевой порядок правильный, но он построен соответственно твоему взгляду, поэтому ты и не придавал особого значения этой долине. А ведь отсутствие здесь прикрытия — опасно. Уцепился за высоты на флангах, бросил все, чтобы закрепить их за собой, а ведь дверь-то открыл, открыл широко. Ну что ж, говори теперь, ты. Твой боевой порядок мне ясен, я хочу знать, что ты думаешь.

— Реактивные противотанковые гранатометы имеются на обоих флангах, — заметил начальник штаба. За восточный отвечает один батальон, за западный...

— А за этот вот широкий пояс посередине? [293]

Оба батальона отвечают.

— Тебе тоже не мешает иметь реальный подход к вещам, — Ван Цзянь повернулся к Шан Чжи-ину и вопросительно взглянул на него. — Ну?

Шан Чжи-ин молчал.

— Что ж, — сказал Ван Цзянь, — это равносильно тому, что за долину никто не отвечает. Руководить боевыми действиями в ней некому. Пусть противник делает здесь все, что хочет. Неужели то, что произошло сегодня, ничего не говорит вам? Противник прорвался в глубину наших позиций и гулял там, словно в пустыне, перерезал наши пути подхода к переднему краю, открыл против нас огонь сзади. Мало вам этого? Что делали ваши противотанковые группы? Сидели со своими гранатометами на высотах и вниз не спускались. Противник нащупал у нас пустое место. Сегодняшние действия танков были подготовкой к завтрашнему сражению. Пока что танки целы и в бой брошено лишь два полка пехоты. Но наготове еще четыре, а сзади целая дивизия. Я хочу знать, какие меры срочного характера ты можешь принять, чтобы быть на высоте положения?

Глаза Шан Чжи-ина были закрыты, лицо выглядело каким-то осунувшимся, болезненным. В его памяти всплыли бои последних дней, неприятельские танки, Янь Чжэнь-лун... Как мог он пренебречь всем этим? О чем он думал эти дни? Об обороне, о том, что противник просачивается и нужно во что бы то ни стало загородить ему дорогу к позициям!.. Как все это неприятно! Не заметить, что он отстал от жизни!..

Заместитель комдива заговорил мягче:

— Много сделано вами очень хорошо, но есть и неверные решения. Американцы рассчитывают на свой громадный технический перевес — в этом, кстати, у них большое преимущество перед нами. Сил у тебя действительно мало, это факт. Но сейчас давай говорить не об этом. Решающее — в мышлении командира. Можно иметь оружие, но не уметь им пользоваться.

Ван Цзянь был уверен, что Шан Чжи-ин станет возражать ему, оправдываться, спорить. К этому он был готов. Но ему хотелось по-хорошему убедить его отказаться от принятого решения, поэтому заговорил с ним более покладисто, как бы советуясь, что можно [294] сделать. Однако Шан Чжи-ин и не оправдывался. Он просто молчал, погруженный в мысли о сегодняшнем дне. Сколько натерпелся он за этот день! Все время на переднем крае, сам организовал контрудар, восстановил позицию... Да, конечно, все это всем очевидно, но удовлетворяться, уговаривать самого себя, что ты — хороший человек, нельзя, не этого ждут сейчас от него. Поэтому и возражать заместителю командира дивизии он не стал. Начальство ни в чем его не упрекает, это же самое ему могли высказать и равные по положению и подчиненные. Конечно, тот факт, что позиция не потеряна и противнику не удалось продвинуться ни на шаг, говорит о многом. Он, Шан Чжи-ин, по собственной инициативе вступил в бой и нанес врагу большие потери в людях, контрудар тоже был организован правильно, поэтому заявлять, что для задержания противника ничего не было сделано, по меньшей мере наивно. И все же это не оправдывает его ошибки. Нужно проявить смелость и согласиться с критикой, — только так должен поступить член Коммунистической партии, если не хочет отстать и лишиться основного, ведущего своего качества. Шан Чжи-ин не отрывался от реальной действительности, наоборот, он всегда стремился к тому, чтобы проникнуться ею, однако сознавать, что он совершил ошибку, ему было больно и тяжело. Сознание того, что ошибка непростительна, заставляло его страдать еще больше.

Здесь и мое упущение, товарищ замкомдив, — нарушил молчание Чжай Цзы-ни, видя, как тяжело переживает случившееся Шан Чжи-ин. Правда, он еще до операции высказывал Шан Чжи-ину свое опасение по поводу того, что в долине Мундынри отсутствует артиллерийское прикрытие, но сказать об этом сейчас, свалив всю вину на товарища, он не чувствовал за собой никакого морального права. — Обстановку мы вместе изучали, поэтому...

— Нет! — вдруг поднял голову Шан Чжи-ин. — За все отвечаю я. Для меня теперь ясно, что... — Он резко взмахнул рукой, словно желал показать, что ему ясно, но не нашел подходящих слов для выражения своей мысли и виновато улыбнулся.

— Ну зачем так переживать! — сказал Ван Цзянь. — Я люблю прямые слова. А ведь бились вы очень хорошо. — [295]

Шан Чжи-ин усмехнулся: заместитель комдива считает его ребенком! И хотя Ван Цзянь действительно говорил совершенно искренне, Шан Чжи-ин замотал головой, словно не соглашался с ним.

— Не надо подбадривать, о себе я сам скажу. Я не такой человек, чтобы цепляться за свои ошибки. Да и, кроме того, тут дело вовсе не в моей «личной» репутации. Все-таки, я думаю, лучшее впереди.

— Еще и сейчас не поздно.

— Ну, конечно! — подхватил Шан Чжи-ин. — Поздно будет, если нас отсюда выгонят. А это, будем верить, не случится.

Он сел, испытывая огромное облегчение оттого, что избавился от несвойственного ему чувства внутренней тревоги. Взглянув на Чжай Цзы-ни, он понял по его глазам, что тот тоже рад за него, за его прямоту, смелость и бескорыстие. К человеку, который связал себя с делом революции, настоящая радость приходит, когда он находит в себе силы исправить допущенные им ошибки. Он делает прыжок в своем развитии, нужный народу и родине. Возможно, Шан Чжи-ин и не понимал подлинной причины своей радости, но причина была именно в этом.

Ван Цзянь взглянул на часы и спохватился.

— Да! Командир дивизии распорядился передать вам все безоткатные орудия. Используйте их в долине Мундынри. Бейте вражеские танки смело! Когда вы уничтожите определенное количество их, вот тогда и увидите, посмеют ли они продолжать пользоваться своей тактикой «клиньев»! — Он засмеялся. — Помоги же, Шан Чжи-ин, американским чертям найти себе здесь могилу. Сразу, конечно, это невозможно, но шаг за шагом...

— Что нового? — спросил Шан Чжи-ин таким тоном, каким всегда обращаются на фронте к людям, прибывшим из тыла.

— Ты о переговорах? — вздохнул Ван Цзянь. — Утешительного мало. На той же точке переговоры, нисколько не сдвинулись. Американцы выставили новое условие: отрезать им район северо-западнее Косэна, от Сэсонри и дальше по линии Чандори — Досутай — Гуханри, то есть хотят закрепиться не только в Косэне, но и в Чандори, Пхенгане и Гымчэне. Район, что и говорить, богатый. А недра здесь какие! Выходит, что и за столом конференции грабежом занимаются, и здесь, [296] с той лишь разницей, что там, — дипломатическими увертками. Бить их надо, бить крепко. Трудно это, но что нам остается? Стиснем зубы, а терпеть будем.

— Ван Флит заявил, что он надеется на крупную военную победу, — заметил Чжай Цзы-ни.

Вот именно! Это единственное, чем они себя тешат. Отсюда напрашивается вывод — нанести им крупное военное поражение, может быть, даже большее по масштабам, чем та победа, которую они хотели бы получить, — усмехнулся Ван Цзянь. — Но для этого нам мало одной обороны. Нужно непрерывно ослаблять врага и закалять себя, становиться армией современного типа. В Азии на нас теперь смотрят все угнетенные народы, одно это требует от нас непременно одержать победу над Америкой...

Он закашлялся, после чего глубоко вздохнул. Следовало бы дать ему возможность немного передохнуть, но он сам предложил отправиться на наблюдательный пункт. Воспользовавшись минутной паузой, Чжай Цзы-ни вынул из кармана хрустящий конверт и передал Шан Чжи-иу:

— Смотри, вот счастье!

Шан Чжи-ин вздрогнул. По адресу он сразу узнал почерк Ван Шу-цин.

— Что, доволен? — улыбнулся Ван Цзянь. — Смотри, не забудь, что почтальоном твоим был заместитель командира дивизии. Может быть, вспомнишь когда-нибудь.

Все засмеялись и вышли из блиндажа.

Поблизости разорвался снаряд. Противник бил из орудий крупного калибра. Война продолжалась, опалая огнем сумрачное ночное небо. Рука Шан Чжи-ина, сжимавшая письмо жены, была мокрая от пота.

— Ночь какая! — задумчиво сказал Ван Цзянь, беря его под руку. — Спят теперь наши дома. Жены спят, матери, дети. Какое счастье иметь родину и мирное небо над головой!..

Спускаясь с горы, они заметили внизу отряд носильщиков, направлявшийся в сторону леса. Люди шли вразброд. Подбежавший к ним боец спросил запыхавшись:

— Где перевязочный пункт полка?

От группы замкомдива молча отделился офицер штаба и побежал вместе с ним показать дорогу. [297]

— Какие потери? — спросил Ван Цзянь. — Тяжелые, — ответил Чжай Цзы-ни. — Очень тяжелые.

43

Принесли раненых, и Пэй Дун-шэн приказал Ван Шу-цинью ассистировать при операциях. Она быстро приготовила инструменты, разложила на столике обеззараживающие средства. Довольная тем, что начальник санотряда не отправил ее в тыл, Ван Шу-цинью с головой ушла в работу. На этом она сама настаивала. Требовательная к себе, она могла терпеть любые лишения, даже горе разлуки с ребенком, лишь бы быть здесь, возле Шан Чжи-ина. В работе — и только в ней — она могла найти утешение, отвлечься от своих безотрадных дум.

Авторитетом у подчиненных начальник санотряда пользовался, хотя те и знали за ним одну слабость: требовал он от них работу как-то застенчиво, словно ласковая мать, наставляя ребенка уму-разуму. И вместе с тем ему нельзя было отказать в наличии характера, особенно когда этого требовали обстоятельства. Возможно, таким его сделало сознание личной ответственности за порученный участок работы. Во всем отряде имелось лишь два врача — он и его помощник. На них лежала вся тяжесть медико-санитарного обеспечения полка, а условия работы были такие невероятно тяжелые, что и говорить не приходится. Полевой госпиталь расположился в двух маленьких крытых соломой хижинах, каким-то чудом уцелевших в этом огненном хаосе. Кто знает, может быть, только то, что эти хижины находились у подножия южной горы, неприятельские снаряды еще не нащупали их. Впереди был маленький, зажатый с обеих сторон отвесными скалами дворик, слишком маленький для того, чтобы в нем мог разместиться госпиталь, и сразу за ним небольшой родник. Обе хижины были пусты, покинуты бежавшими от войны хозяевами. Раненые стали поступать в первый же день. Санотряд не успел к этому времени полностью развернуться, поэтому Пэй Дун-шэн поручил все заботы о них своему помощнику, а сам занялся оборудованием операционной. Большая часть больных поступала с осколочными ранами. Одни были [298] ранены на марше, другие — при выходе на передний край, третьи — во время рытья окопов, еще и не видя противника в лицо. И маленький дворик сразу же оказался заполненным ими до отказа. Все требовали, умоляли скорее оказать помощь.

Ван Шу-цинью торопливо вынула из сумки гребень, привела в порядок спутанные волосы и побежала к роднику сполоснуть лицо. Ей не хотелось, чтобы больные видели ее заплаканной. Однако она была так изнурена всем тем, что ей пришлось пережить за последние дни, что придать себе бодрый вид не смогла. А тут еще столько раненых, которых становилось все больше и больше! От их стонов у нее сердце разрывалось на части.

Бои на переднем крае развернулись на второй день. В сумерки началась доставка новых раненых. Отправку в тыл тех, кому уже сделали перевязки, временно пришлось задержать, так как людей было мало. А раненые продолжали прибывать, и очень скоро носилки с ними ставили прямо в лесу. Всюду слышались стоны, везде был запах крови, со всех сторон в нос бил острый запах йодоформа. Какой-то боец, раненный в голову,

потерял сознание во время перевязки. На секунду он пришел в себя и попросил пить. Ван Шу-цинць стремглав побежала в хижину, но когда она принесла ему воду, боец замотал головой, не узнавая ее, со злостью оттолкнул державшую стакан руку и стал кричать в бреду: «Бей!.. М-мать!.. Гранаты!..» Кричал он долго, наконец успокоился и как будто уснул. Ван Шу-цинць боялась разбудить его и безмолвно сидела рядом, с тревогой следя за его дыханием. Перед ее глазами возникло страшное видение того, что творится на переднем крае. Чья-то рука коснулась ее и судорожно потянула к себе. Это было так неожиданно, что она вздрогнула.

— Сестрица! — словно сквозь сон, услышала она прерывистый голос. — Дай что-нибудь от боли... У, гады!.. Зубами, буду грызть, а отомщу!.. Дай, сестрица, прошу тебя. Есть ведь какое-нибудь лекарство: примешь его — и сразу полегчает...

Боец выглядел совсем еще молодым. На его безусом, мальчишеском лице испуганно трепетали большие, словно удивленные глаза. Красивые сочные губы дрожали. [299]

— Двенадцать раз шел на нас в атаку, понимаешь ты это? — продолжал говорить боец, ободренный ее вниманием:

— Нога у меня ранена. Неужели не вылечат? Что я потом буду делать без нее, сестрица? Ведь я же еще и не воевал!.. Думаешь, не оставят на фронте?

Что ты, что ты! Вылечим твою ногу, будет такой же, как и здоровая, — попробовала утешить его Ван Шу-цинць. Она осторожно взяла его руку и нащупала пульс. Рука была совсем холодная. У юноши начинался озноб.

— Ты словно моя сестра! — с благодарностью посмотрел на нее раненый и что-то зашептал.

На глазах у Ван Шу-цинць выступили слезы. Раненый, очевидно, заметил их, потому что резко поднялся вдруг, стиснув зубы, чтобы пересилить боль.

— Это наше, мужское дело! Зачем ты приехала сюда?.. Когда я уходил, меня сестра провожала, племянник маленький. Все хотел, чтобы я обнял его...

Ни слова не говоря, Ван Шу-цинць дала ему таблетку морфия и быстрым шагом направилась в сторону леса. Успокоившись немного, она вытерла глаза и побежала в хирургическую. У самой двери на носилках лежал раненый. Ван Шу-цинць уже хотела спросить Пэй Дун-шэна, не нужна ли ее помощь, но тот разговаривал в это время с врачом, и она не решилась прервать их.

— Я считаю, — говорил врач, не спуская глаз с начальника санотряда, — что его нужно немедленно отправить в тыл, и чем скорее, тем лучше.

Ван Шу-цинць неприятно покорибило то, как врач сделал ударение на словах «я считаю» и «скорее». Однако Пэй Дун-шэн, казалось, даже не слушал его. Но это было не так. Кончив осмотр раненого, он поднялся и посмотрел на врача исподлобья.

— Я совершенно другого мнения. С какой стати отправлять?

Из этого короткого разговора Ван Шу-цинць поняла, что речь шла о том самом раненом, которому она только что дала морфия. Ей стало не по себе. Почему врач не хочет его оперировать? Неужели... Но разве можно об этом даже подумать!

Врач, высокий, всегда стеснявшийся своего роста и поэтому сутулившийся, выглядел сегодня каким-то жалким и невзрачным, даже маленький Пэй Дун-шэн казался перед ним богатырем. Заметив в дверях Ван [300] Шу-цинць, Пэй Дун-шэн обрадовался и сделал ей глазами знак:

— На стол!

Ван Шу-цинць показала санитарам, где найти умирающего бойца, а сама пошла мыть руки, чтобы оперировать раненого, уже лежавшего в хирургической на носилках.

У раненого была разбита голень. Рана продолжала кровоточить, и разобраться в этом кровавом месиве из мышц, сосудов, нервов, осколков раздробленной кости было очень трудно. Санитар все время светил ей электрическим фонариком. Привычным движением она перетянула с его помощью раненую ногу жгутом и приступила к работе.

Возилась она долго, пока рана не была тщательно обработана, после чего обложила ее стерильными салфетками, перевязала и закрепила шины. Когда она заканчивала перевязку, санитары внесли в хирургическую уже знакомого ей бойца и положили на стол. Пэй Дун-шэн возился с ним не меньше двух часов, наконец снял маску и резко бросил санитарам:

— Немедленно в тыл, здесь не оставляйте!

Помогавший ему при операции врач горько усмехнулся.

— Боюсь, теперь все равно не дотянет... Я был прав.

— Не здесь, так в пути, какая разница, где умирать — так я тебя понял? — процедил сквозь зубы Пэй Дун-шэн и вышел из хижины отдать нужные распоряжения командиру отделения носильщиков. Вернувшись, он с сожалением посмотрел на врача. — Помогать надо людям, пойми ты это. В любом случае помогать, даже когда никакой надежды нет. Мы обязаны перед ними, обязаны перед этим товарищем, которому осталось жить, может быть, действительно мало. Сделать все, что в наших силах, только бы вырвать у смерти несколько лишних минут. Эх ты! Когда ты станешь настоящим врачом?..

В полночь принесли Ли Ен Хва. Взволнованная Ван Шу-цинъ вбежала в хирургическую.

— Товарищ начальник! Там раненого корейца из Народной армии принесли.

— В каком состоянии?

— Большая потеря крови. [301]

— Ясно. Сделаем все возможное. Это наш друг, товарищи, напоминать, думаю, не стоит... На стол!

Бинты, которыми был перевязан Ли Ен Хва, пропитались кровью. У него уже не было сил стонать, поэтому он лежал на носилках, молча стиснув зубы, и старался не думать о том, что он ранен. Открыв глаза, он увидел вокруг себя незнакомых людей, которые что-то говорили, но что именно — понять было трудно. От резкого света электрического фонарика он зажмурился. И вдруг ему почудилось, будто он у себя дома, на шахте. Видение было таким отчетливым, что его охватил испуг. Неужели конец? Он видит все это потому, что стал ближе к смерти! Вот она приближается к нему! Прочь, прочь, смерть, он не хочет тебя видеть!.. Сделав над собой усилие, Ли Ен Хва открыл глаза. Люди в белом по-прежнему стояли, наклонившись над ним, и о чем-то шептались. Сознание вернулось к нему, он снова почувствовал резкую боль в животе. Люди в белом хотят ему помочь. Неужели он видит их в последний раз? Нет, нет, он хочет жить, хочет быть с людьми!..

— Нужно переливание крови, — тихо сказал Пэй Дун-шэн, закончив осмотр, и повернулся к Ван Шу-цинъ. — Скорей!

Ван Шу-цинъ быстро взяла пробу, результат передала Пэй Дун-шэну. Он несколько раз проверил записи и грустно покачал головой.

— Если бы мы с ним были одной группы!..

— Товарищ начальник! — торопливо заговорила Ван Шу-цинъ. — У меня такая же группа.

— Ты не годишься.

— Почему?

Это «почему» вырвалось у Ван Шу-цинъ непроизвольно. Ее удивил и обидел категорический отказ начальника санотряда взять у нее кровь. Как мог он, такой добрый, покладистый человек, сказать это!

— Что значит — почему? Ты мать, недавно родила...

— Ну и что с того? Ведь я здорова.

Ван Шу-цинъ продолжала настаивать на своем. Ее голос стал громче, она не могла оставаться спокойной, видя, с какой тоской смотрит на них раненый кореец. Человек на грани смерти, а они тянут, думают о чем-то!.. Она вспомнила женщин и детей, которых

видела по пути на фронт. «Что я могу сделать для них? — [302] мысленно спрашивала она себя, ожидая ответа Пэй Дун-шэна. — Ведь среди этих женщин могла быть и жена этого корейца?..» Нет, она не будет молчать, она скажет Пэй Дун-шэну все, что думает о нем!

— Товарищ начальник! — не выдержав молчания, взмолилась она. — Я такое видела по дороге сюда, что и сказать не могу. Труднее было, чем ребенка оставлять, поверьте мне. Они ведь тоже для нас... Если моей кровью можно спасти жизнь этого бойца, берите ее. Я хочу сделать это для него, для тех корейских женщин... Ну что вы смотрите на меня так, словно в первый раз видите?! — Она быстро перевела дыхание и снова заговорила, не давая Пэй Дун-шэну опомниться. — Товарищ начальник, разрешите?..

После переливания крови лицо Ли Ен Хва сразу приняло другой оттенок. Жизнь постепенно возвращалась к нему.

Слабым движением руки Ван Шу-цинъ отстранила от себя санитар, который хотел помочь ей подняться. Ей не нужна ничья помощь, пусть санитар займется своим делом, людей и так мало... Легкораненых она перевязывала тут же, на носилках. Работала она внимательно, чтобы не задеть неосторожным движением больного места. Работа успокаивала ее, и она уже не чувствовала усталости. Она была счастлива, что может хоть чем-нибудь помочь таким дорогим и близким ей людям, облегчить их страдания. Ее халат был весь в бурых пятнах крови. Не разгибаясь, она работала не меньше получаса, сделав перевязки десяти раненым. Но когда она выпрямилась, чтобы немного передохнуть, перед ее глазами вдруг поплыли черные круги. Чувствуя, что она упадет, Ван Шу-цинъ из последних сил ухватилась за ствол дерева и прижалась к нему всем телом. Она ничего не видела: ни леса, ни носилок, на которых лежали раненые, ни маленькой крытой соломой хижины. Гладкая кора дерева приятно холодила кожу лица, и она поняла, что обморок прошел. «Только бы никто, не видел, что со мной было, — пронзила сознание мысль. — Если начальник санотряда узнает, он немедленно отправит меня в тыл. Неужели не выдержу?»

Опасения Ван Шу-цинъ были вполне обоснованы. [303]

Пэй Дун-шэн уже давно обдумывал, как бы отправить ее в тыл вместе с тяжелоранеными. Там ей, конечно, будет спокойнее. Но как это сделать? Ведь она ни за что не согласится. То ли дело, когда приходится выдерживать такую борьбу на переднем крае, но кому она нужна здесь, эта борьба?.. Снаряды ложились близко от полевого госпиталя, и раненые могли вторично оказаться под обстрелом. Ван Шу-цинъ работала не покладая рук. Казалось, она даже не замечала, что снаряды рвались совсем рядом. Именно эта ее активность еще больше беспокоила Пэй Дун-шэна. «Я отвечаю за нее. Ради того, чтобы быть на фронте, она оставила ребенка. Упрекать ее у меня никаких оснований нет. Но я не могу заставлять ее работать так же, как работают мужчины». Приказав персоналу госпиталя немедленно идти отдыхать, он сказал, что будет сам дежурить. На этот раз он показал свой характер. «Работа для нас только начинается. Думаете, я заставлю вас идти спать, чтобы вам лучше было? Для этого у меня нет времени. Меня беспокоят бойцы. Кто будет заботиться о них, если мы свалимся? Нужно дорожить каждой минутой!» Уговорив в конце концов людей лечь спать, он решил пройтись по лесу. Раненые спали, спали бойцы, прикорнув возле них. В это время со стороны ущелья послышались тревожные голоса. На тропинке показались бойцы с носилками. Потом еще... еще...

— Есть здесь кто? Спят они все, что ли?! — услышал Пэй Дун-шэн чей-то недовольный голос. И сразу же носильщики громко закричали:

— Эй, кто здесь есть?..

Пэй Дун-шэн выбежал им навстречу и замахал руками, требуя прекратить шум. Указав носильщикам место, куда отнести раненого, он принес медикаменты и сам принялся за перевязку. Будить он никого не стал. Работа заняла минут пять, а он думал, что больше часа. Он заглянул в хижину, там все спали. Ван Шу-цинъ сидела у стола,

уронив голову на вытянутые руки. Ее длинные ресницы красиво оттеняли бледные, без единой кровинки щеки, кожа на осунувшемся лице казалась тонкой-тонкой, почти прозрачной. Обыкновенная женщина, тихая, покорная. Но почему она становится совсем другой, когда не спит? Какое же нужно иметь самообладание, чтобы так держаться, какую волю! «Да, волю!» — [304] повторил про себя Пэй Дун-шэн, тяжело вздохнув. Он снова взглянул на Ван Шу-цин и дружески улыбнулся ей. Такую улыбку знали только его жена и ребенок... Он снова насупился. Снаружи раздался сильный взрыв. Снаряд упал, по-видимому, возле самого ущелья. Ван Шу-цин вздрогнула, но не проснулась, а как-то зябко поежилась. Пэй Дун-шэн поспешно накрыл ее своей шинелью. Движения его были осторожными, почти не слышными. Однако Ван Шу-цин сразу проснулась.

— Вы не спите, товарищ начальник? Теперь отдохните вы, я подежурю.

Пэй Дун-шэн уже раскаиался, что разбудил ее.

— Что я наделал! Думал, теплее тебе будет под шинелью, поспишь хоть немного.

А получилось наоборот. Я ведь думал только о деле, больше ни о чем...

— Зачем вы извиняетесь! Я уже выпалась. Целый час спала!

— Час! Только десять минут, можешь убедиться. Тебе нужно немного отдохнуть, не продержишься ведь...

Ван Шу-цин встала.

— Там принесли раненых.

С новой партией раненых в госпиталь был доставлен Лю Вэнь-цин. Санитары нашли его в овраге, когда возвращались с переднего края.

— Это ты, сяогуй? — воскликнул Пэй Дун-шэн, сразу его узнав. Быстро покончив с перевязкой, он спросил:

— А как командир полка?

— Не знаю, — ответил Лю Вэнь-цин. — Я давно не видел его.

«Давно» он сказал таким тоном, словно действительно не видел Шан Чжи-ина уже много-много дней. Придя после глубокого обморока в сознание, он ничего не мог вспомнить, даже обстоятельств, при которых был ранен. Как только Пэй Дун-шэн сделал ему перевязку, санитары унесли его в лес и положили под скалой, где находились другие раненые, подготовленные к отправке в тыл.

В этот день раненых было особенно много, гораздо больше, чем в предыдущие дни. К вечеру осколком разорвавшегося вблизи госпиталя снаряда была ранена Ван Шу-цин. Правда, рана была несерьезная, осколок лишь слегка задел левую руку. [305]

Когда спустились сумерки, позвонил политком. Он ни о чем не спрашивал, только сказал отрывисто:

— Пэй Дун-шэн? Немедленно приступай к отправке раненых.

Пэй Дун-шэн тут же позвал Ван Шу-цин и отдал ей нужные распоряжения. Говорить было не о чем, каждая минута грозила новыми неприятностями.

— Товарищ Ван Шу-цин, ты должна понять мое положение, — сказал он, стараясь выглядеть как можно спокойнее. — Я не могу поступить иначе. Как только установится затишье, ты вернешься. Да и кто знает, может быть, там ты скорее встретишься с Шан Чжи-ином. Вызовут ведь его в штаб дивизии...

Ван Шу-цин заплакала.

Когда Шан Чжи-ин спустился в блиндаж оперативного отдела, письмо Ван Шу-цин все еще было у него в руке, он так и не успел распечатать его.

Офицеры возились над картами, уточняя позиции своих войск и нанося новые огневые точки противника, выявленные в ходе боев. В каждом квадрате карты умещалось 500 квадратных метров площади — со всеми ее горами, холмами, лесами, со стремительными ручьями, сливающимися в реки, и каждый сантиметр этой площади нужно было накрыть огнем. Нужно было обозначить на карте все высоты, занятые

противником и нашими войсками, все впадины и дороги, все переправы, открытые места и щели, выбрать основные точки прицеливания, уточнить расположение позиций пехоты и артиллерии, решить другие вопросы, размещения различных родов оружия. Это была сложная и кропотливая работа, требовавшая от исполнителей предельной точности. Шан Чжи-ин решительно сунул письмо жены в карман. Он понял, что теперь не только не должен думать о нем, но и не имеет для этого времени. Ван Шу-цинъ на родине, и это — главное. Но почему он так волнуется? Ответить себе на этот вопрос он не мог. Нет, нет, сейчас, конечно, не следует читать ее письмо. Только что его крепко покритиковали, многое в работе действительно сделано плохо, и лучше всего подождать с письмом. Он хочет в полной мере ощутить радость встречи [306] с Шу-цинъ. До этого ли ему сейчас? Как может он позволить себе все отбросить и заняться письмом? Она дома, она думает о нем, и пусть ее письмо будет радостным напоминанием о том, что все хорошо, что мысленно она рядом с ним, там, на родине, что они идут, тесно прижавшись друг к другу, что он держит ее руки в своих... Нет, у него и мысли такой не было, чтобы Ван Шу-цинъ оставила дом и приехала на фронт, перегнав по пути свое же письмо, что она здесь, на перевязочном пункте, рядом с передним краем, на котором находится он сам. Да и как мог знать все это Шан Чжи-ин?.. Взглянув на часы, он с головой ушел в работу. Но работал он недолго. Против его воли веки вдруг слиплись, усталое тело склонилось над картой, рука, державшая карандаш, вывела на ней какой-то знак... Во сне он увидел, что карта готова и направлена на огневые позиции, что по ней он руководит боем, сообщая по телефону артиллеристам координаты целей... Проснулся он так же неожиданно, как и уснул. Рука по-прежнему водила карандашом по карте. Весь сон продолжался не более одной минуты.

Однако его состояние не укрылось от взгляда политкома. Предложив ему сигарету, Чжай Цзы-ни молча поднес горящую спичку. Шан Чжи-ин с благодарностью посмотрел на него и глубоко затянулся дымом.

Начальник штаба принес сводку о количестве раненых и убитых. Просмотрев список, Шан Чжи-ин передал его политкому. Сводка была малоутешительной. Полк нес большие потери. С уходом частей корейской Народной армии позиции опустели, каждая рота нуждалась в пополнении, вести бой в создавшихся условиях было трудно, особенно учитывая тот факт, что противник еще не перешел в наступление по-настоящему. По молчаливому взгляду Шан Чжи-ина начальник штаба понял, что тот неодобрительно отнесется к предложению вывести на передний край подразделения второго эшелона. Но ничего другого он не мог придумать. Шан Чжи-ин молчал, ожидая, что скажет политком. Пауза длилась минуты две, наконец Шан Чжи-ин не выдержал и сказан угромом:

— Не выйдет. Ни одного солдата не дам взять.

— Как же быть?

Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни молчали. [307]

— Может быть, запросить в дивизии? — предложил начальник штаба.

Снова молчание. Но вот во взгляде Шан Чжи-ина промелькнула недобрая усмешка.

— На марше находится еще один полк, — продолжал начальник штаба. — По всей видимости, он поступит в распоряжение штаба армейской группировки. Но ведь далекой водой жажды не утолишь. Что, если попросить у командира дивизии?

— У командира дивизии? — Шан Чжи-ин решительным движением руки отложил сводку в сторону. — Кто это надоумил тебя? Просить не буду. Перебросим на передний край подразделения обслуживания. Сделать все нужно будет сегодня же ночью.

За дверью послышался чей-то хриплый голос:

— Разрешите, товарищ командир полка?

В проходе выросла высокая темная фигура. Загородив ладонью свечу, чтобы ее свет не мешал видеть, Шан-Чжи-ин поднял голову. В вошедшем он сразу узнал своего коновода Ма Дэ-мина.

— Что случилось? — испуганно спросил он.

Ма Дэ-мин нерешительно переступил с ноги на ногу, наконец набрался смелости и выпалил единым духом, не сводя глаз с командира полка:

— В роту пришел проситься...

Сказал и замер.

Шан Чжи-ин подошел к Ма Дэ-мину, взял его под руку и вместе с ним выбрался из блиндажа. В лесу было тихо. Шан Чжи-ин шел впереди, коновод в нескольких шагах позади. Командир полка словно забыл о нем, и это поставило Ма Дэ-мина в тупик. Почему командир полка молчит? Неужели он не хочет отпустить его от себя?

— Ма Дэ-мин!

— Конь здесь, товарищ командир полка! — с готовностью отозвался коновод.

— Мне не коня, пусть стоит, — медленно, словно в раздумье, проговорил Шан Чжи-ин. — Я о тебе сейчас думал...

Волнение командира полка передалось Ма Дэ-мину.

— Я на время прошусь, товарищ командир полка, пока я вам не нужен. Разрешите? Останусь жив, опять с вами буду. Товарищ командир... [308]

Шан Чжи-ин крепко сжал в своих руках горячую руку Ма Дэ-мина. Руки его дрожали.

— Что с вами, товарищ командир полка? — сдерживая волнение, заговорил Ма Дэ-мин. — Вещи ваши в порядке, при коне. Гимнастерка уже высохла, одеяло тоже. Поиспачкалось, правда, в дороге, но я выстирал. И простыню вашему телохранилищу уже отдал. Все отдал ему... Я не оставлю вас, не думайте. Но вы все время заняты, а я без дела толкаюсь. Отпустите на передний край, правда! Там ведь теперь каждый человек на счету. А я... — он вдруг смолк и испуганно посмотрел на командира полка.

Некоторое время Шан Чжи-ин молчал.

— Ну что ж, иди! — сказал он наконец, глубоко вздохнув.

Ма Дэ-мин вытянулся, отдал честь и уже собрался уходить, но Шан Чжи-ин задержал его. Вынув из кармана две пачки сигарет, он настойчиво вложил их в руки своего коновода.

— Возьми, не отказывайся. Покуришь там, на передовой...

Сердце его сжалось, словно произошло что-то непоправимое, трудное до невозможного. Не подготовленный к тому, что случилось, Шан Чжи-ин чувствовал себя так, как будто был в чем-то виноват перед Ма Дэ-мином. Он был знаком с ним уже много лет, привык к нему, как привыкают к родным, близким, и поэтому никогда не обращал на него особого внимания, уверенный в том, что знает его и понимает все его желания, пожалуй, лучше, чем свои. Неожиданное решение Ма Дэ-мина застигло его врасплох, он растерялся и не знал, что еще сказать ему на прощанье. А тот шел прямо, не сгибаясь, и вскоре его высокая крепкая фигура совсем растаяла в темноте. Погруженный в свои мысли, Шан Чжи-ин оцепенело стоял на том же месте. Но вот он круто повернулся, встряхнулся, словно хотел отогнать от себя эти мысли, спустился в блиндаж и, ни слова не говоря, снова уселся за работу.

Противник возобновил обстрел. В грохоте разрывов не замечалось, как проходит время. А время не шло, а мчалось, словно на крыльях, с такой быстротой, что схватить его, задержать не было никаких сил. До рассвета все нужно было закончить, чтобы быть [309] готовым к отражению атак противника. Лоб Шан Чжи-ина покрылся испариной. Его взгляд застыл на том месте на карте, где густо лепились черные квадратики и прямоугольники разрушенной и сожженной врагом дотла Мундынри. Подумав еще немного, он решительно взял карандаш и нанес севернее Мундынри, в радиусе 150 метров, жирную красную линию. «Здесь будет наша первая линия обороны!» Теперь его мозг работал быстро, решение было принято. Выбросив вперед обе руки, словно рисуя самому себе реальную обстановку, он свел их вместе и закрыл глаза. «Так будет самое правильное. Линию обороны немного оттянем назад, высоты справа и слева будут надежно охранять фланги. Если танки прорвутся, они попадут не только под огонь с

флангов, им придется действовать на узком фронте, зажатом с двух сторон высотами. Очень хорошо! Развернуться им будет трудно, а нам вести сосредоточенный огонь куда легче». Наклонившись над картой, он быстро нанес карандашом вторую красную линию — в том месте, где сопки на обоих флангах позиций полка подходили почти вплотную одна к другой, образуя как бы коридор, похожий на горлышко тыквы-горлянки. «А вот здесь, если танки все же прорвутся, они встретят удар в лоб. Точка!»

Покончив с картой, Шан Чжи-ин посмотрел на часы и выглянул наружу. Скоро должны были прибыть безоткатные орудия. Он прикинул в уме время, необходимое артиллеристам, чтобы одолеть расстояние от штаба дивизии до переднего края. Не случилось бы с ними чего-нибудь в пути! С дороги могут сбиться, под обстрел попасть!.. Если вовремя не поспеют, о чем тогда говорить?! «Да-а, вот оно, как все получается!» — вздохнул он. Однако времени для того, чтобы предаваться раздумьям, не было. Предстояло перенести позиции артиллерии, пехоты, нанести новое решение на карты во всех подразделениях, проделать уйму разных других дел.

— Командира артдивизиона! — крикнул он телефонисту, вернувшись в блиндаж. — Инь Цин-си? Немедленно ко мне!..

45

Отбор людей из подразделений обслуживания был произведен быстро. В окопы направили почти что всех: кашеваров, связных, конюхов, на месте были оставлены [310] лишь те, кто уже не подходил по возрасту или по состоянию здоровья. По совету политкома перед отправкой на передний край всех собрали на короткий митинг — Чжай Цзы-ни хотел обратиться к ним с напутственным словом. Самым рослым при построении оказался Ма Дэ-мин; он стоял первым в первой шеренге, подтянутый, суровый, по нему равнялись остальные.

Огибая гору, Инь Цин-си задержался на миг, привлеченный страстной речью политкома, но тут же вспомнил, что его ждет командир полка.

— По вашему вызову... — четко доложил он, спустившись в блиндаж и найдя глазами Шан Чжи-ина. Но тот остановил его.

— Давай сюда, вместе разберемся, что и как... Видишь, всех отправил с КП, теперь самому придется быть за все в ответе. — Он потянул Инь Цин-си к себе и усадил рядом. — Ну как, готов? Утром начнется бой...

В это время в блиндаж вошел политком. Скинув с плеч шинель, он повернулся к Шан Чжи-ину и сказал усталым голосом:

— А людей собралось немало!..

— Митинг хорошо прошел? — спросил Шан Чжи-ин. — Хорошо.

— Как настроение?

— Настроение хорошее.

— У меня к тебе просьба, комиссар. Поищи Яо Си-пина, он мне очень нужен. Сам понимаешь, никого из связистов нет.

Ни слова не говоря, Чжай Цзы-ни вышел позвать помощника командира полка, и Инь Цин-си получил, наконец, возможность ответить на вопрос Шан Чжи-ина.

— Я готов, — сказал он, поднимаясь.

— Садись, садись, — снова усадил его Шан Чжи-ин. — Постарайся покороче, сейчас не до разговоров, но я хочу знать все, Умеют ли твои артиллеристы работать с картами?

— Привыкли уже.

Шан Чжи-ин задумался на минуту.

— Съемку местности придется делать во время боя, другого выхода нет.

Об этом же Инь Цин-си думал еще на марше. Успеет ли он подготовиться, если в бой придется вступить сразу после выхода на позиции? Конечно, нет. Теперь этот же [311] вопрос ему задает командир полка. Что он на него ответит? Весь день был занят в

хлопотах. Как только он видел, что расчет выкатил орудие на указанную позицию, он немедленно шел туда и торопил бойцов: «Пристреляться!» Он сам следил за тем, как идет пристрелка, поддерживал в боях бодрость духа, беседовал с каждым: «Нам осрамиться нельзя, товарищи. Вся родина смотрит на нас!..» — «Что вы, товарищ командир! — отвечали бойцы. — Этого не может быть!» — «Я вам верю, — говорил он. — Заканчивайте скорее пристрелку». И шел на НП, чтобы узнать, как идет доставка боеприпасов. Когда командир расчета докладывал, что пристрелка закончена, он отправлялся к другому орудью. «Как, товарищи, готовы?»

Более уверенным Инь Цин-си почувствовал себя на позиции оружейного расчета Цзя Чжи-сина. На его вопрос Цзя Чжи-син ответил:

— Будь спокоен, комбат. Мы пришли сюда все, чтобы сопротивляться Америке и помогать Корее, ни за что не забудем этого. Все сделаем, чтобы придумать, как бы лучше все сделать.

Вместе с Цзя Чжи-сином они склонились над картой, проделали все расчеты. Инь Цин-си обрадовала уверенность бойцов. Три дня, проведенные ими на позиции с бойцами Народной армии, не прошли даром, бойцы многому научились у корейцев и теперь не были такими растерянными, как в первый день.

Попрошавшись с артиллеристами, Инь Цин-си направился на командный пункт полка. От позиций артиллерии командный пункт был отделен довольно широким пустырем, по которому бесшумно двигались какие-то сгорбленные тени, и хотя Инь Цин-си знал, что это бойцы переносят ящики с боеприпасами, ему вдруг стало как-то непривычно холодно. Совсем иначе чувствовал он себя на позициях артиллерии. Там было как-то спокойнее, проще. Может быть, это спокойствие внушали грозные стволы орудий, нацеленные в небо, словно притаившиеся в кустах великаны. В тусклом свете фонаря расторопно сновали вокруг них маленькие фигурки бойцов, все были заняты делом, и Инь Цин-си почувствовал себя куда увереннее. Такой уж у него был характер. Он не мог успокоиться, пока не имел уверенности, что задача будет выполнена, что противник будет сметен начисто. [312] И если он видел, что люди мешкают, его всего передергивало. Если бы Инь Цин-си мог, он сам бы сделал за них всю работу. Все мысли его были поглощены одним: «Основа современной артиллерии — орудия крупного калибра. Уничтожающий удар по врагу может быть осуществлен только в результате неожиданного мощного огня. Артиллерия крупного калибра — оружие подавления, самый главный род оружия в современной войне». Это была его непоколебимая точка зрения, и когда он видел новенькое орудие, то испытывал к нему безграничное уважение. Он даже разговаривал с ним, как с человеком, обхаживая вокруг и любясь его молчаливой, приземистой фигурой, словно присевшей после долгого пути на корточки, чтобы отдохнуть. «Молчишь, друг? Думаешь? Знаю, тебя только рассерди, так ахнешь, что небо и земля перевернутся, все черти со всего света слезами изойдут!».

Инь Цин-си верил и своим бойцам и орудиям, он был убежден в том, что они не подведут. Конечно, первый и второй выстрелы могут дать отклонения, но третий снаряд обязательно попадет в цель, в этом он не сомневался. И все же до того, как его уверенность не будет подтверждена делом, он никому не давал положительного ответа, — мало ли, что Шан Чжи-ин подумает! Поэтому он молчал, а Шан Чжи-ин, знающий его характер, не торопил. Он видел, что Инь Цин-си пришел к нему не с пустыми руками.

В блиндаж спустился политком.

— Помощник командира полка сейчас будет здесь, — сказал он, кивнув Шан Чжи-ину, и пожал руку Инь Цин-си. — Узнал меня, когда звонил по телефону? — рассмеялся он. — Тут был такой ад в это время, настоящий сумасшедший дом. Противник нащупал сразу и командный пункт полка и позиции зенитных пулеметов; Знаешь, сколько за вчерашний день было сброшено снарядов на нашу голову по всему фронту? Сто тысяч!.. Все твои вышли на позиции?

— Все.

— Ну, теперь-то мы будем его бить! Обстановка меняется! — В этих словах политкома явно звучала похвала Инь Цин-си. Он всегда гордился хорошей работой, кто бы ее ни сделал, поэтому был несказанно рад тому, что артиллерия готова нанести противнику [313] ответный удар. — Последняя ночь осталась, подготовить нужно все. Вы же «бог войны», это Сталин так назвал артиллерию. Трудности, конечно, есть, их очень много. Но горячиться не надо. Действовать нужно быстро и решительно, не забывая при этом, что порядок и последовательность во всем — главное.

Попрощавшись с командиром полка и политкомом за руку, Инь Цин-си вышел. Шан Чжи-ин взглянул на часы. До рассвета оставалось еще три часа времени. Он посмотрел на Чжай Цзы-ни.

— О чем думаешь, комиссар?

— Я? — повернул к нему голову Чжай Цзы-ни. — Как завтра будет...

— Да, да, завтра...

Чжай Цзы-ни подошел к Шан Чжи-ину и обнял его за плечи.

— Нет большей ошибки, как начать слишком рано и действовать легкомысленно, бросив подготовленные войска в бой наобум. Тут ты поступил правильно. Меня тревожит только одно: сумеем ли мы нанести такой удар, чтобы по своей силе он превзошел все то, чего ожидает не только противник, но и мы...

— Да, ты прав, удар должен быть сверхмощным, — в раздумье произнес Шан Чжи-ин и неожиданно топнул ногой. — Не все еще мы сделали, не все!

— Спокойнее нужно быть, чуточку спокойнее, — заговорил Чжай Цзы-ни, но в это время снаружи раздались шумные голоса. Люди все подходили и подходили.

— Откуда, ребята?

— Да из разных мест. А чего тебе?

— Узнать хотел, зачем сюда пришли? Здесь не ваша часть.

— КП полка ищем.

— КП полка? Из какого же вы взвода?

— Из второго.

— Своих потеряли или заблудились в дороге?

— Ничего не заблудились. Командир дивизии прислал нас.

В это время кто-то увидел, что незнакомые бойцы прибыли с безоткатными орудиями.

— Ребята, да ведь это свои! — радостно закричал кто-то. — Безоткатные прибыли!

— Пока только наш взвод. Где остальные, не знаем. [314]

Как только до сознания Шан Чжи-ина дошло, что оживление на КП вызвано прибытием долгожданных безоткатных, он выбежал из блиндажа с такой быстротой, что чуть было не сбил с ног какого-то командира, на вид совсем еще молоденького, круглолицего, аккуратно подпоясанного простым солдатским ремнем.

— Разрешите доложить! — звонким голосом отрапортовал командир. — Второй взвод безоткатных орудий прибыл в ваше распоряжение. Могу я видеть командира полка?..

Не ожидая окончания рапорта, Шан Чжи-ин широким жестом привлек командира к себе.

— Как тебя зовут, дружище? — взволнованно спросил он.

— Сун Ю-шэн.

— Командир взвода?

— Так точно, взвода, — вытянулся Сун Ю-шэн.

— Сколько орудий?

— С нами три.

— Как со снарядами?

— Все бронебойные.

— Молодцы, прибыли вовремя! Спасибо вашему командиру полка! — растроганно сказал Шан Чжи-ин, уводя храброго артиллериста в блиндаж оперативного отдела. Велев связному принести горячего чая, он выложил на стол сигареты и предложил Сун Ю-шэну закурить. Тот стоял, тяжело дыша, по его лицу струились крупные капли пота. — Здорово спешили?

— Здорово! — снова вытянулся Сун Ю-шэн. — Нам было приказано бежать бегом...

— Сперва передохни, теперь вы на месте и волноваться уже не надо. Кипяточку вот попей, он тут у нас вместо чая...

— До позиции далеко? — Всем своим видом Сунн Ю-шэн показывал, что никакого желания отдыхать не имеет. Взводу было приказано занять позиции на переднем крае, и он должен выполнить этот приказ.

Шан Чжи-ин развернул карту.

— Вот смотри. Мы как раз ждали тебя. Ваши орудия поставим здесь, на первой линии. Чуть западнее от вашей позиции начинается подъем, это высота шестьсот сорок два. На ней у нас одна стрелковая рота, поэтому вам волноваться за этот фланг не придется. Смотрите [315] только вперед — тут открытое место. Хорошенько замаскируйтесь, притаитесь, будто никого здесь нет. Бить будете, когда танки подойдут вплотную. Вчера они подходили вот к этой линии. Нам ничего не оставалось, как выслать против них стрелков. Они подползли к танкам, два взорвали. Выходит, что и танки можно бить. Ваша задача — притаиться. Больше смелости, больше отваги, не бойтесь ближнего боя. Как только придете на позицию, прежде всего хорошенько оборудуйте ее. А сейчас можешь вести своих.

Шан Чжи-ин отправил с артиллеристами своего связного показать дорогу, а сам остался на КП. Через несколько минут прибыла еще одна группа безоткатчиков, которая тоже была отправлена на позицию. «Кажется, теперь все в порядке! — подумал Шан Чжи-ин, но тут же переспросил себя:

— Все ли? Ты уверен, что остановишь противника?».

Все то, что происходило в эти дни перед фронтом полка, приводило к выводу, что противник пока что ведет всего лишь разведку боем, хочет как следует уяснить обстановку в долине Мундынри и удостовериться в реальной силе полка Шан Чжи-ина. В одном он теперь убедился окончательно: высота 851, на которой происходили стычки, занята частями Народной армии, в гористом районе западнее этой высоты бои ведут корейцы вместе с прибывшими на фронт китайскими добровольцами. Прибытие на фронт дивизии китайских народных добровольцев было подтверждено также данными воздушной разведки. Из всего этого следовало, что в районе Мундынри происходит смена старых, основательно потрепанных в предыдущих боях частей свежими. Переносились узлы обороны, стыки между частями и подразделениями, командные пункты, менялась схема огня, и противник, ведя разведку боем, был заинтересован прежде всего в том, чтобы выявить сильные и слабые стороны обороняющихся. В предвидении серьезных событий и противник произвел перегруппировку. Уставший от непрерывных боев, полк заменен четырьмя новыми, численность атакующих подразделений первого эшелона увеличена вдвое.

Что же мог противопоставить противнику Шан Чжи-ин? Один свой полк? Части корейской армии отошли, оставив позиции обороны на него. Он обязан выправить [316] создавшееся положение, которое, кстати сказать, ничего утешительного не сулит, обязан заново организовать огонь, перестроить всю систему взаимодействия, осуществить перегруппировку, учесть, ошибки и недостатки первых дней боев, и все это нужно проделать за одну только ночь!

Из раздумья Шан Чжи-ина вывел Яо Си-пин, вихрем ворвавшийся в блиндаж.

— Что случилось, Шан Чжи-ин? Комиссар передал, что я тебе нужен!

Шан Чжи-ин схватил Яо Си-пина за руку и, не давая опомниться, подвел к карте.

— Замкомдив предложил создать сильный противотанковый заслон. Руководство поручено тебе. Дело вот в чем. Наш боевой порядок он раскритиковал. Я тут подумал и внес исправления. Решение такое, смотри. Все противотанковые средства сводим в один отряд. За организацию отряда и командование им отвечать будешь ты...

Когда Шан Чжи-ин изложил смысл своей идеи, Яо Си-пин спросил:

— А силы у нас большие?

— Думаю, да. Полку приданы все безоткатные орудия дивизии. Кроме того, забирай себе все реактивные гранатометы, какие есть в полку, и созданные вчера обе группы истребителей танков...

— Где сейчас безоткатные?

— Уже на позициях. Твой КП, я думаю, лучше всего расположить вот здесь, в этом ущелье за высотой шестьсот сорок два. Можешь взять одно отделение саперов, чтобы помогли скорее оборудовать. Все говорит о том, что настоящие бои начнутся завтра. Будь готов к тому, что какая-то часть танков может прорваться на твои позиции, и даже большая. Прикрывать тебя будет полковая артиллерия; вот линия ее позиций, третья по счету.

Прощаясь, Шан Чжи-ин еще раз предупредил Яо Си-пина:

— Только не задерживайся. Боюсь, что там еще многое не сделано.

...На позиции безоткатных орудий Яо Си-пин отправился прямо с командного пункта.

Бойцы возлились с установкой орудий, все очень спешили, торопясь поскорее отрыть огневые позиции и как [317] можно лучше подготовиться к встрече неприятельских танков. Место, указанное командиром полка, представляло собой узкую, открытую со стороны фронта долину с довольно глубоким радиусом обстрела. Сам район позиций порос кустарником. Дальше тянулось неубранное кукурузное поле, странно выглядевшее из-за пустых, осыпавшихся початков, оставшихся на перепрелых стеблях, и дикой мальвы, которую никто все лето не выпалывал. Еще дальше, за полем, начиналась Мундынри, охваченная пламенем пожара. Этому месту первому предстояло принять на себя удар наступающих частей противника. Попробуй разберись в этой кромешной темноте, как лучше расположить позиции, когда нельзя определить ни юга, ни севера, ни запада, ни востока!.. А Ван Флит видел его, видел раньше, когда стягивал сюда свои ударные части и технику. Тянувшееся с юга шоссе огибало высоту 400, пересекало Мундынри и дальше шло прямо на север, постепенно втягиваясь в ущелье между горами. Где, как не здесь, развернуть танки!.. Яо Си-пин прекрасно понимал всю сложность порученной ему задачи. Он шел по изрытой земле, вдыхая тяжелые испарения перепрелой травы. Лицо его было сумрачным, зарево далекого пожара делало его каким-то багрово-черным. Такими же багровыми казались и порыжелые от времени и дыма пушинки юймао, тревожно шелестевшие при малейшем дуновении ветерка. Каким ветром занесло сюда эту степную траву? Еще на марше, увидя однажды усеянный белыми пушинками юймао склон горы, Яо Си-пин несказанно удивился. «Смотри ты, юймао! И такая же, как на моей родине!» Знакомые пушинки навеяли воспоминания детства. Вот он пасет буйволов. Сытые животные, отдохнув после дневных трудов, выходят на широкую отмель. Быки пробуют силу своих рогов. Они ленивые, поэтому смешно смотреть, как нехотя бодаются они, как степенно преследуют отступающего. Старая буйволица облизывает шершавым языком крохотного теленочка. Как любил он тогда собирать букетики юймао и гладить бархатистыми пушинками кожу лица, вдыхать неповторимый аромат полевых трав!.. Наклонившись к земле, он сорвал несколько стеблей юймао. Пальцы машинально скатали из мягких пушинок шарик, как тогда, на широкой отмели. Ощущение было такое знакомое, что он даже вздрогнул. Когда он выпрямился [318] и пошел дальше, в сторону вырисовывавшихся на фоне неба темных силуэтов безоткатных орудий, он вдруг заметил, что за ним наблюдают.

— Из какого взвода? — спросил он подозрительно следившего за ним бойца. — Второго?

Боец не ответил, хотя по тону вопроса понял, что его спрашивает, по-видимому, кто-то из полкового начальства.

— Где ваш взводный товарищ Сун Ю-шэн? — снова спросил Яо Си-пин, уже зная от Шан Чжи-ина имя командира.

Боец отдал честь.

— Я и есть Сун Ю-шэн.

— Яо Си-пин, помощник командира полка, — отрекомендовался Яо Си-пин. — Ну как, устроились?

— Устраиваемся...

Спокойный ответ командира взвода понравился Яо Си-пину. Вместе они обошли район обороны, осмотрели местность, выяснили, что еще можно сделать для укрепления позиции. Бойцы между тем заканчивали рыть укрытия. Внимательный глаз Яо Си-пина отметил слаженность в работе оружейных расчетов. Люди работали молча, каждый был занят своим делом. Когда орудия были установлены, принесены снаряды, закончены работы по маскировке, Яо Си-пин подошел к одному орудию и с нежностью провел ладонью по гладкому стволу. Бойцы расположились в траве на короткий отдых. Яо Си-пин посмотрел на них, потом перевел взгляд в сторону все еще горевшей Мундынри.

— Шел я сюда к вам и вдруг увидел юймао, — заговорил он тихим голосом, сразу завладев вниманием бойцов. — Вы тоже, наверное, видели... Мальчиком любил я катать из пушинок юймао вот такие же шарики. Дома у меня брат был маленький и сестренка, для забавы им делал. Увидел вот юймао и вспомнил их... — Он задумался на минуту и вдруг резко повернулся к бойцам. — Такое у меня сейчас чувство, словно в этом огне горит и мой дом! Товарищи, мы с вами стоим на самой главной позиции. Американцы бахвалятся своей техникой, металлом. Но, честное слово, бояться их не надо. Будем смелыми, наверняка преградим им дорогу дальше. Уверен, что и вы так думаете... Товарищ Сун Ю-шэн, походи и доложи командиру полка, скажешь ему так: мы готовы!.. [319]

46

Отделение Тан Чжун-сюня было занято приведением в порядок изуродованных до неузнаваемости артиллерийским огнем укреплений, когда был получен приказ командира полка и политического комиссара: «Держитесь стойко. Позиций не сдавать. Наступление противника отбить во что бы то ни стало». Такой приказ был передан на все высоты полкового района обороны.

Цзян Вань-цзе выслушал приказ как-то безразлично. Перед его глазами все еще стоял образ Ен Кым Тхя, рядом с которым он бился несколько дней подряд и теперь особенно остро переживал его отсутствие, словно потерял что-то и никак не может понять, что именно. Совсем другое у него было чувство, когда их полк покидал родину. Тогда он был возбужден, жаждал боя, не представляя себе, что значит вести бой, и мечтал только о славе, которая владела всем его сознанием. Сейчас он уже знал, что значит быть в бою и видеть, как на позициях становится все меньше и меньше людей.

Склон горы впереди позиции отделения был выжжен дотла. Воспоминание о нескончаемом артиллерийском огне все еще не оставляло Цзян Вань-цзе. Оно словно жгло его изнутри, заставляя испытывать неутолимую жажду. Давно ли высота, на которой находилось их отделение, была укрыта густым лесом! Стройные тополи. Земля, устланная мягким ковром из опавших игл. Заросли ползучего тэна. Дикий виноград вперемежку с багульником. Молодая поросль карликового гвоздичного дерева... Теперь ничего этого не было. Земля расстилалась под ногами голая, обугленная, бог знает сколько раз перепаханная снарядами. Не находясь здесь, не видя своими глазами, как артиллерия с методической последовательностью выворачивает день за днем наизнанку горы и ущелья, трудно было представить себе, что это такое...

Об этом же думал и политрук Жань Чунь-хуа, пробираясь к переднему краю, чтобы несколько приободрить бойцов. Перемены в настроениях его не пугали — это был естественный процесс, вызванный изменением самой среды, остановить который было нельзя. Но он понимал, что ему нужно дать правильное направление.

В ту ночь на всех позициях люди с тревогой смотрели в сторону Мундынри, где к небу все выше и выше [320] поднималось багровое зарево пожара. Туда то и дело метали испуганный взгляд водители грузовых автомобилей, доставлявшие на фронт боеприпасы. Не снижая скорости, они еще сильнее впивались в «баранку» руля, выжимая из машины все, что она могла дать. Стиснув зубы, пересиливая боль, поднимались на носилках раненые, вынужденные временно оставить позиции, — они тоже хотели видеть своими глазами, что происходит там, в районе Мундынри. Напряженно прислушивались то к близким, то к отдаленным разрывам снарядов Лю Вэнь-цзин и Ли Ен Хва, лежавшие на носилках рядом, понимающе переглядывались всякий раз, молчали. В противоположную сторону от линии фронта шли нехотя Ен Кым Тхя и его товарищи; они часто останавливались, подолгу смотрели с тоской назад, думая об оставшихся на переднем крае Тан Чжун-сюне, Цзян Вань-цзе, других добровольцах, с которыми успели сдружиться за эти несколько дней, и снова упорно шли дальше, не имея никаких сил думать о чем-либо другом. Всю ночь напролет не смыкали глаз Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни; они сидели в блиндаже оперативного отдела, не отрываясь от испещренной пометками карты Мундынри и искали ответ на один и тот же вопрос: что еще нужно сделать, чтобы выйти из этого сложного положения, разрядить обстановку? Десятки приказов были спущены в роты. Во всех подразделениях на переднем крае, во взводах, отделениях, пулеметных и оружейных расчетах без конца повторяли их про себя и командиры, и бойцы, и каждый понимал: чем требовательнее новый приказ, тем обстановка все напряженнее и напряженнее.

Тесно прижавшись друг к другу, бойцы сидели в окопе, слушая Жань Чунь-хуа. Он хорошо помнил наказ Шан Чжи-линя: «Немедленно возвращайся в роту, не задерживайся там долго!» За этим наказом ротного скрывалось глубокое беспокойство, что его могут убить. Но именно сейчас Жань Чунь-хуа не чувствовал за собой никакого морального права оставлять бойцов одних. Потери полка за эти дни убитыми и ранеными очень большие: в третьем взводе осталось только четыре человека, в первом — шесть, во втором — тринадцать. Второй и первый взводы продолжают принимать участие в контратаках, и Шан Чжи-линь требует «биться из последних сил», но выдержать до конца и отразить [321] попытку противника захватить высоту. С этой целью Жань Чунь-хуа и прибыл на передовую. Однако, выполнив поручение командира роты, он уже не думал возвращаться. Несмотря на смертельную опасность, с бойцами ему не было страшно. Он вообще не думал о себе, о своей жизни, всеми его поступками руководила безмерная любовь к бойцам. Он привлек Ван Куня к себе и усадил напротив, чтобы все время видеть его глаза, вытер грязь с лица Цзян Вань-цзе, застегнул пуговицу на тужурке Тан Чжун-сюня, велел Яо Цин-линю садиться рядом и долго смотрел на его рассеченные ладони.

— Ну, теперь говорите вы. Что вам нужно? — спросил он.

— Боеприпасов, — спокойно ответил Тан Чжун-сюнь. — Воды бы еще холодной.

Жань Чунь-хуа удивленно посмотрел на него. Лицо Тан Чжун-сюня было бесстрастным, ни один мускул не дрогнул на нем.

— Что еще?

Тан Чжун-сюнь долго молчал. Наконец заговорил сдержанно, но довольно настойчивым тоном:

— Товарищ политрук, вы бы лучше ушли отсюда. Мы здесь сами...

Жань Чунь-хуа прикусил нижнюю губу. Он был взволнован и в то же время глубоко растроган отношением бойцов к своему долгу. Невольно вспомнился разговор в палатке ночью, перед выходом на позиций. Вспомнились и другие встречи, когда в откровенной беседе начинаешь по недосказанным словам понимать то, что обычно

кажется странным и непостижимым. Только на войне может быть достигнута такая душевная близость и взаимопонимание. Что, кроме этого, нужно людям, оказавшимся на перекрестке жизни и смерти? Могут ли они думать о будущем, не думая о том, что видят перед своими глазами?

Проводив политука, Тан Чжун-сюнь бережно вытащил оставшиеся сигареты и предложил закуривать. Потом достал из внутреннего кармана единственный кусочек сахара и разделил между всеми.

— Чего призадумались, ребята? — тихо спросил он. — Родину вспомнили?

В темноте одновременно ответили три голоса:

— Вспомнили. [322]

Родина! Нет для бойца более всеобъемлющего слова, чем это. В нем все — наши заводы и шахты, бесчисленные города и деревни, бескрайняя, исхоженная вдоль и поперек земля, тысячи гор и рек, поля, возделанные трудом человека, озера, шестисотмиллионный народ, люди, которые родились на этой земле, росли, становились взрослыми, сажали сады, строили, любили, давали жизнь новым поколениям. Труд и тяжелая борьба, бесконечные титанические испытания, горькие слезы и кровь, вера и мужество, любовь и горячее дыхание жизни. Родина! Думы о ней, верность, желание, чтобы она жила в мире и счастье, беспредельная преданность своим товарищам цементируют волю бойцов, делают их бесстрашными перед лицом наступления врага.

47

Интенсивный артиллерийский огонь не прекращался всю ночь. На рассвете, около четырех часов утра, пехота противника пришла в движение. В предутренней мгле было видно, как по склонам гор бегут то враспынную, то цепью темные силуэты людей, с каждым шагом приближаясь к переднему краю обороны. Противник бросил в бой не менее одного полка пехоты.

Над передним краем в небо взмыла сигнальная ракета, прочертила в густой синеве белую дугу и погасла. И сразу же точно такую же дугу прочертила вторая ракета, требуя огневой поддержки. Тревожный сигнал застал командира артдивизиона на полпути. До наблюдательного пункта на переднем крае оставалось каких-нибудь двести метров, но одолеть их было не так-то просто. Кругом рвались снаряды, словно преследовали Инь Цин-си. Осколками снарядов одежда на нем во многих местах была изорвана, на спине, на руках, на груди торчали клочья вырванной ваты. Но вот и НП. Сбросив на ходу ватник, он спрыгнул в щель и только теперь смог отдышаться. Ван Бин-чэнь был здесь. Оторвавшись от стереотрубы, он крикнул Инь Цин-си:

— В лощинах номер два и номер пять скопление пехоты. Целеуказатели второй и пятый.

Инь Цин-си не спешил с ответом. Прильнув к [323] стереотрубе, он подозвал телефониста и велел подойти к нему с аппаратом.

— А ну-ка, передавай на позицию! В створе между целями два и пять. Приготовиться!..

В это время зажужжал зуммер аппарата.

— Артдив слушает.

— Передай на НП. В лощине крупное скопление противника, примерно около полка.

Инь Цин-си вырвал у телефониста трубку:

— Вижу!

— Это ты, Инь Цин-си? Ты где?

— На НП, товарищ командир полка.

— Вот это дело! Продолжай, мешать не буду...

В окулярах стереотрубы, нацеленной на лощину, показались первые группы солдат противника. Они шли вразброд, тесно прижимаясь друг к другу. Многие несли на себе станковые пулеметы, минометы, ранцевые огнеметы. Инь Цин-си весь подался вперед.

— Давай! — скомандовал он, топнув ногой. Первый снаряд накрыл цель номер пять, второй — цель номер два, не дав никаких отклонений. С позиции доложили, что угол прицела скорректирован и батарея к бою готова. Рука Инь Цин-си застыла в воздухе.

— Побатарейно!.. Залпом!.. Двадцать снарядов на орудие!.. Огонь!..

Казалось, он видит своих людей, застывших у орудий в ожидании команды, а те в свою очередь видят его, своего командира. Не успела опуститься его рука, как воздух дрогнул от оглушительного залпа, и через несколько секунд над ложиной взметнулось черное облако. Раздался взрыв еще большей силы. В рядах противника все смешалось. Солдаты бросились бежать кто куда, как мыши. Накинув на плечи изорванный ватник, Инь Цин-си вылез на бруствер и, обернувшись к Ван Бин-чэню, сказал:

— Я пошел. Случится что, звони мне...

На горизонте показались бомбардировщики. Они шли прямо на позиции артиллерии. В какое-то мгновение небо, земля — все потонуло во мраке. Бомбежка велась по площади от второй линии окопов до района пункта боепитания и полевого госпиталя. Воздух гудел от пылавшего напалма, едкий дым не давал открыть [324] глаза. Инь Цин-си, весь облепленный грязью, то ложился, чтобы переждать взрыв, то снова бежал вперед по изрытому воронками снарядов полю. Авиабомбы, словно живые, гнались за ним по пятам. Самое лучшее в этих условиях было укрыться на время от бомбежки в безопасное место, но он и не думал об этом. Вся его душа была там, на позициях дивизиона. Только бы не была нарушена связь, только бы вражеская авиация не обнаружила позиций артиллерии!.. Он должен взять себя в руки, должен успокоить своих людей, сделать все, чтобы прекратить замешательство. Ведь настоящие бои только начинаются.

Бомбардировка продолжалась больше часа. Но как только самолеты отбомбились, земля задрожала от металлического грохота. Сорок танков шли развернутым строем, держа курс на долину Мундынри. Шан Чжи-ин вызвал Инь Цин-си, думая, что тот все еще находится на НП, но Инь Цин-си ответил ему с огневой позиции. Успокоившись, Шан Чжи-ин передал приказ огнем артиллерии задержать дальнейшее продвижение неприятельских танков.

Было всего лишь восемь часов утра. С начала наступления обороняющиеся выдержали уже девять атак. Противник ввел в бой четыре полка — обе дивизии, которые предназначались для развития удара после осуществления прорыва. Танковая атака подтвердила предположения Шан Чжи-ина: противник делает ставку на уничтожение живой силы обороняющихся частей Народной армии и с этой целью навязывает решающее сражение. Не случайно во вчерашних сводках американского командования, переданных по радио, прозвучали новые нотки: «Наши войска натолкнулись на упорное сопротивление коммунистических армий в Северной Корее, которое можно уподобить стальной стене». Четыре полка, введенные в бой сегодня, еще вчера находились во втором эшелоне; было совершенно ясно, что противник поставил на карту все. Он рискнул своими резервами и будет наращивать силу удара. Все решает сегодняшний день, он будет самым трудным.

Шан Чжи-ин велел телефонисту соединить его с противотанковым заслоном.

— Яо Си-пин? Действуй!

— Что за вопрос! [325]

И все же ответ Яо Си-пина не успокоил Шан Чжи-ина. Он ходил по блиндажу из угла в угол, нервно щелкая пальцами, выдавая свое состояние. Вот уже четверо суток его полк ведет бой. Противник бросил против него все свои резервы, танки, авиацию. Полчища врага, словно полая вода, хлынули на его позиции...

По телефону без конца запрашивали указаний, и это заставило Шан Чжи-ина взять себя в руки. Он присел за стол, спокойно подумал несколько минут. Решение осталось неколебимым: ни одного лишнего человека, ни одним снарядом больше!.. Звонили сразу по всем телефонам. Молоденький телефонист только и знал, что докладывать Шан Чжи-ину:

— Просят вас, товарищ командир полка.
— Звонят с НП на переднем крае.
— На проводе первый батальон.
— Из третьего звонят. Просят гранат. За один час, говорят, только на одной позиции израсходовали две тысячи...

Шан Чжи-ин взял у телефониста трубку.

— Почему такой перерасход? Проверь и доложи.

Телефонист робко передал вторую трубку, он даже побоялся доложить, кто звонит.

— Ну, чего паникуешь? Не сбегу я никуда отсюда. Бейся, если даже один человек останется. Что? Конечно, пусть командиры рот идут в бой. Успокойся и возьми себя в руки... Вот-вот! Хорошо, что вспомнил. В Советской Армии и командиры полков шли в бой с автоматами. «Дни и ночи» читал? Кончится бой, заходи, дам почитать...

После телефонного разговора Шан Чжи-ин почувствовал себя еще больше уверенным. Все шло нормально, как и должно было идти. Нужно трезво смотреть на вещи, оставаться спокойным, держать в своих руках все нити этого сложного механизма.

В блиндаж спустился вестовой Шан Чжи-ина, держа в руках свежий номер газеты, доставленный письмоношцем. Шан Чжи-ин взял у него газету, чтобы показать остальным командирам, что он совершенно спокоен.

— Посмотрим, что делается на белом свете!..

И вдруг его взгляд задержался на информационном сообщении, набранном крупными иероглифами под заголовком: «Письмо Маршала Ким Ир Сена и маршала [326] Пэн Дэ-хуая Риджуэю. Мы предлагаем немедленно возобновить переговоры в Кэсоне. Американская сторона проводит политику провололочек. Ею выдвинуто необоснованное требование перенести место встречи. Это новый предлог, чтобы затянуть переговоры...»

— Видал, комиссар, куда американцы клонят? — спросил он Чжай Цзы-ни, передавая газету. — Уповают на свои двести танков и три пехотные дивизии на Восточном фронте. Думают, теперь все в их руках, ублюдки!.. Он повернулся к телефонистам и попросил соединить его одновременно с противотанковым заслоном и командирами первого и третьего батальонов. Связь работала.

— Слушайте приказ всем подразделениям на линии Мундынри и фланговым частям на высотах. Бейтесь изо всей силы. Американские черти все свои расчеты связывают с изменением военной ситуации на Восточном фронте. Так пусть же они посмотрят, какая это будет ситуация!

48

Сотни машин с пехотой шли от подножья Пякамсана к высоте 400. Американские солдаты выскакивали из них на ходу, рассыпались цепью и дальше шли уже боевыми порядками с автоматами наперевес. Переброска четырех полков в район высоты 400 была осуществлена буквально в течение нескольких десятков минут. На этом направлении противник сосредоточил и свои главные ударные силы. Именно здесь, в стыке между обороняющимися частями корейской Народной армии и китайскими добровольцами, он рассчитывал пробить брешь, развить наступление и овладеть основной позицией — высотой 871. Положение чрезвычайно осложнилось и грозило тяжелыми последствиями. Взводы, роты, батальоны на переднем крае сразу оказались отрезанными друг от друга плотным артиллерийским огнем противника, всякая связь нарушена. Обработка переднего края продолжалась несколько минут. Как только огонь был перенесен вглубь обороны, противник поднял пехоту. Её заметили, когда передовые пехотные подразделения были уже в непосредственной близости от позиции станковых пулеметов. Это было тем более неожиданно, [327] что позиция находилась несколько в стороне и никто не придавал ей раньше особенного значения. Когда Жань Чунь-хуа ворвался в укрытие, ему самому не было ясно, что же произошло на переднем крае. Единственное, о чем можно было сейчас думать, это о ликвидации прорвавшихся на пулеметную позицию американцев.

— Вызывай сюда всех людей! — крикнул он связному. — Поваров, писарей, санитаров, каптенармуса! Пусть разбирают гранаты!

Американцы уже шли по ходу сообщения. Вырвав из рук связного автомат, Жань Чунь-хуа стал косить их непрерывными очередями. Американцы залегли. Жань Чунь-хуа взмахнул рукой.

— Гранаты! Бей!..

В это время вражеская пуля ударила его в грудь слева. Он лишь успел бросить гранату и тут же упал. Но навстречу противнику уже бежали бойцы, которых вел связной. Атака противника была отбита, но ненадолго. Шан Чжи-линь видел, как в лощинке за пулеметной позицией скапливаются новые силы противника, и побежал туда с отделением автоматчиков. В окопе он сразу наткнулся на Жань Чунь-хуа, лежавшего в луже крови.

— Политрук, что с тобой? — закричал он не своим голосом, обнимая товарища. — Носилки, скорее! Санитарка!..

Жань Чунь-хуа бессильно закачал головой.

— Не надо звать... Сейчас опять начнут... Связь с передним краем...

— Эй, люди! — закричал Шан Чжи-линь. — Сюда! Скорее унесите политрука!.. — и повернулся к связисту. — Передай на огневую позицию. Цель двадцать четыре. Картечью!

Отдав команду, он подбежал к станковому пулемету, выкатил его на пригорок, развернул и стал поливать противника огнем. Как только огонь вражеского пулемета был подавлен, американцы бросились бежать назад. Не давая им опомниться, Шан Чжи-линь продолжал вести огонь до тех пор, пока и эта атака не была отбита. Повернув пулемет наискосок, он поднялся во весь рост и сказал пулеметчику:

— А теперь давай фланговым. Отсекай вон ту группу, которая подбирается к переднему краю. [328]

От пулеметчиков Шан Чжи-линь побежал на позицию минометов.

Выстрелов на переднем крае уже не было слышно. Нужно было немедленно что-то предпринять, чтобы сохранить за собой высоту, которую защищало отделение Тан Чжун-сюня.

Положение Тан Чжун-сюня было исключительно тяжелым. Под натиском превосходящих сил противника его отделение отступало шаг за шагом к вершине горы. Весь склон кишел неприятельскими солдатами.

— Коммунисты, сдавайтесь! — кричали они.

— Сдадитесь, убивать не будем!..

Противник теснил с трех сторон. Дальнейшее пребывание в окопах было бессмысленным, и Тан Чжун-сюнь приказал своим бойцам отходить к запасному укрытию. Тем временем противник занял первую линию окопов и, никого не обнаружив в них, полез дальше; не встретив сопротивления и во второй линии окопов, он стал действовать смелее. Солдаты шли, почти не пригибаясь к земле. Тан Чжун-сюнь выжидал. Все его мысли были прикованы к одному: подпустить противника ближе и, когда он будет окончательно уверен в том, что высота в его руках, неожиданным ударом атаковать американцев в лоб. Удастся ли ему успешно выполнить свой план? От этого зависит, удержится ли он на позиции или нет. Только от этого!.. Он снял с гранаты предохранительный чехол. То же сделали и его бойцы. Все оружие отделения, все оставшиеся боеприпасы были при них.

— Ну, пора, — сказал Тан Чжун-сюнь. — Атакуем!

Он и Ван Кунь контратаковали противника слева, Цзян Вань-цзе и Яо Цин-линь — справа. Сигналом к прорыву была граната, которую он бросил в гущу ничего не подозревавших солдат. Яростный автоматный огонь слился с взрывом гранаты. Противник был настолько ошеломлен ударом, что в первую минуту растерялся и не смог ответить на него организованно. Однако его численное превосходство, несмотря на

понесенные потери, было совершенно очевидным. Интуитивно Тан Чжун-сюнь почувствовал, что в него целится сзади. Быстро повернувшись, он увидел американца. Налетев на него как вихрь, он отвел дуло автомата в сторону, чем и спас себе жизнь: автоматная очередь прошла совсем [329] рядом. Не давая американцу опомниться, он вырвал у него из рук автомат и с яростью опустил на его голову. Стальная каска ослабила силу удара. Как только американец выпрямился, Тан Чжун-сюнь с громким криком ударил его ногой в живот и стал бить, пока тот не повалился на землю. Ударив его для верности еще раз чьим-то легким пулеметом, валявшимся рядом, Тан Чжун-сюнь побежал догонять своих, но в это время сам был ранен в поясницу и упал как подкошенный. Еще не поняв, что с ним произошло, он вдруг услышал громкие крики противника, возобновившего атаку. С трудом повернувшись на бок, он увидел, что американцы идут прямо на него. Вид у американцев был отталкивающий. Злые, волчьи глаза, не мигая, смотрели из-под низко надвинутых стальных касок, тупые, небритые лица были страшны. Они шли, пригибаясь к земле, сжимая в руках нацеленные на него автоматы. При виде этих рук, оголенных до локтей, огромных, волосатых, Тан Чжун-сюню стало не по себе. Однако сознание опасности придало ему силы и, рванув автомат, он выплеснул на американцев струю огня. Осмотревшись по сторонам и никого не увидя, Тан Чжун-сюнь из последних сил пополз в сторону первой линии окопов, где его бойцы продолжали вести бой. Огнем с фланга он хотел помочь им овладеть позицией, но сам понимал, что вряд ли дотянет. Ему казалось, что он уже почти у цели, хотя прополз всего лишь несколько шагов. Он оглянулся назад, увидел кровавый след, который тянулся за ним, передохнул немного и снова пополз вперед. Ноги не слушались его, он боялся, что не выдержит напряжения, и подбадривал себя из последних сил. Каждое движение причиняло ему невыносимую боль, особенно когда приходилось выбираться из воронок. Но только одна мысль руководила сейчас всеми его желаниями: держаться до конца, не умереть на половине пути, во что бы то ни стало жить, стрелять, бить врага, не давая ему передышки. Он верил в то, что решимость возьмет свое.

Ван Кунь все время полз рядом с ним. Он набивал отделенному автоматные диски патронами, сам работая как автомат, делал все возможное, чтобы противник не мог застигнуть их врасплох. На каждом патроне была кровь Ван Куня из разодранного пальца. Небо знает, почему он не чувствовал боли! Никому сейчас не было [330] до него дела, до этого мальчика, и он продолжал упорно ползти вперед, не сводя глаз с отделенного, лишь изредка останавливаясь, чтобы смахнуть непрошеную слезу. Ему было больно видеть, как страдает Тан Чжун-сюнь, как все больше пропитывается кровью его ватная куртка. Когда они были уже совсем близко от первой линии окопов, Ван Кунь вырвался вперед и закидал противника гранатами. Успех был совершенно неожиданный: позиция была занята им одним, так как остальные бойцы отделения вели бой совсем в другом месте. Убедившись, что в окопе не осталось ни одного живого американца, он побежал назад к Тан Чжун-сюню и стал тормозить его.

— Отделенный, давай туда, там спокойней!

Тан Чжун-сюнь даже не шевельнулся. Он вообще не обращал внимания на Ван Куня, думая в это время совсем о другом — бой надо продолжать; забраться в окоп — значит обречь себя на верную смерть. Когда атака противника была отбита и Ван Кунь предложил отнести его на себе в полевой госпиталь, Тан Чжун-сюнь сказал:

— Ты лучше сходи и посмотри, как там наши. Что-то не слышно их. Вели им, чтобы укрылись хорошенько.

Ван Кунь бросился со всех ног ко второй линии окопов, но тут же вернулся. — Я останусь здесь вести наблюдение.

— Наблюдение вести буду я, — твердым голосом повторил Тан Чжун-сюнь. — А ну?!

— Если не спустишься в окоп, я позову людей, чтобы тебя унесли, — настаивал на своем Ван Кунь.

— Только попробуй! — пригрозил Тан Чжун-сюнь. Он понимал, бедняга, что если его унесут, он уже никогда не сможет вернуться сюда.

Минуту Ван Кунь не знал, что ему делать, потом махнул рукой и приступил сам к перевязке. Белье на Тан Чжун-сюне все набрякло от крови; когда глазам Ван Куня открылась рана, он весь содрогнулся от ужаса. Ни слова не говоря отделенному, он быстро сделал перевязку и убежал.

По пути он вдруг вспомнил, что на обратном склоне горы видел густые заросли дикого виноградника. Решение созрело быстро. Он воспользуется передышкой и [331] нарвет спелых ягод, чтобы хоть чем-нибудь облегчить страдания своего товарища. Право, как это он раньше не подумал об этом!.. Дорога к винограднику была трудная, спускаться к нему приходилось, цепляясь за корни деревьев, раздирая в кровь ладони. Но теперь ничто не могло остановить его, даже змеи, которых здесь, по-видимому, было немало. Его старания окупились сторицей. Когда он добрался до места и, чтобы проверить себя, приподнял несколько лоз, он увидел на них столько спелых ягод, что у него дыхание захватило от радости. Ветви были унизаны гроздьями крупного, как жемчуг, лилового винограда. В том, что ягоды спели, он не сомневался, — многие были надкусаны осами. Набрав полную шапку, он взял ее в зубы и пополз обратно.

Тан Чжун-сюнь лежал на том же месте, где его оставил Ван Кунь. Он смотрел вперед и старался не думать о своей ране. По всему склону валялись трупы американских солдат, стальные каски, карабины, пустые обоймы из-под патронов. Думал ли он обо всем этом? Пожалуй, нет. Может быть, он думал о доме, о родных? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Только сейчас, в одиночестве, он задумался над тем, что же заставило его выдержать в этом неравном поединке, и впервые с предельной ясностью понял: вера в себя, в свои силы. Эта вера родила в нем и великую силу и лютую ненависть к врагу.

Неслышно подкравшись сзади, Ван Кунь, весь сияя, протянул ему шапку с виноградом.

— Ешь, отделенный!..

Виноград! Кто не захочет отведать спелых, налитых соком прозрачных ягод, подернутых дымкой белого тумана! Еще не попробовав, уже ощущаешь во рту их удивительный вкус... Мог ли ожидать Ван Кунь, как отнесется к его заботам Тан Чжун-сюнь!

— Ты почему убежал? — набросился он на него, даже не глядя в сторону винограда. — Кто тебе разрешил? А если бы под снаряд попал, кто за тебя отвечать должен? — Тан Чжун-сюнь знал, что наносит рану в самое сердце юноши, но бранил его, желая только добра. Да и бранил он его недолго. Притянув его к себе за руку, он заговорил совсем другим тоном. — Ну почему ты такой непослушный? [332]

Ван Кунь молча принял упрек отделенного, особенно взволновали его последние слова. Но ведь он, правда, старался сделать ему что-нибудь хорошее. Он думал — поест отделенный винограду, и ему станет лучше. Весь день на позиции не было ни капли воды, от одной жажды умереть можно! Почему отделенный такой упрямый? Он может приказывать, а кто ему, отделенному, прикажет здесь, как себя вести? В роте не знают их положения, разве он плохо сделал, что сам, без приказа, использовал передышку для пользы дела?.. Думая, что Тан Чжун-сюнь сменил гнев на милость, он снова пододвинул к нему шапку с виноградом.

Всем дай! — оттолкнул ее Тан Чжун-сюнь. — Пусть и они поедят.

— Ешь ты! — протянул Ван Кунь отделенному одну гроздь.

— Нет! Отнеси им, все пить хотят.

— Но ты же ранен!

— Ну и что с того, что ранен?

Тан Чжун-сюнь отвернулся в сторону с видом полного равнодушия. Пальцы его машинально вертели пустую гильзу. Ему очень хотелось как-то утешить Ван Куня,

объяснить ему, что теперь для него виноград уже без пользы, что чувствует он себя плохо, очень плохо, и лучше будет, если он позаботится о других. Но как это сделать? Нет, он не оставит их, умрет, но не оставит! Его сердце преисполнилось доброты к своим товарищам. Как он любил их теперь, все они казались ему родными. Но разве может он сказать им об этом? От ласки сердца людей смягчаются, не это им сейчас нужно в жестоком бою... Он решительно стиснул зубы и посмотрел на Ван Куня взглядом, не допуская возражений.

— Ешьте без меня. Передай, чтобы приготовились к бою.

До самых сумерек отделение Тан Чжун-сюня отбивало натиск врага. Когда была отбита четвертая атака, Тан Чжун-сюнь окончательно выбился из сил. Несколько минут он еще что-то говорил Ван Куню, но вот голова его бессильно упала на грудь, и он потерял сознание. Ван Кунь растерялся и заплакал. Плакал он так громко, что прибежал Цзян Вань-цзе.

— Чего разревелся? — успокоил он Ван Куня. — Пусть другие плачут, а мы что-нибудь придумаем. [333]

Цзян Вань-цзе предложил воспользоваться тем, что отделенный в обмороке, и унести его с позиции: за горой бойцы все время подносят боеприпасы, они и доставят его в полевой госпиталь. Но не успел Цзян Вань-цзе закончить свою мысль, как Тан Чжун-сюнь открыл глаза и сказал с мольбой:

— Пойми ты меня, ведь мне осталось совсем немного, последний вздох...

— Задержи ты этот последний вздох при себе! — набросился на него Цзян Вань-цзе. — Ты...

— Ты ведь... зна... ешь... — остановил его Тан Чжун-сюнь, но снова потерял сознание, по-видимому, от сильной боли. Лоб его покрылся крупными каплями пота, лицо стало совсем зеленым.

Цзян Вань-цзе не на шутку всполошился. Отделенного нужно во что бы то ни стало унести, хватит слушать его. Позиция не останется без командира. Он, Цзян Вань-цзе, член Союза молодежи и обязан взять на себя командование отделением, тем более, что собирается вступить в партию. Но даже если бы он и не был членом Союза молодежи, он должен это сделать. Он — доброволец, его обязанность — быть на высоте своего положения. Чем раньше они унесут отсюда отделенного, тем больше надежда, что он будет жить. Оставаться ему здесь теперь нет никакой необходимости.

Подозвав носильщиков, Цзян Вань-цзе велел им, не теряя времени, класть отделенного на носилки. Тан Чжун-сюнь все еще был в обмороке.

— Несите скорее! — предупредил он их.

От резкого толчка Тан Чжун-сюнь очнулся. Вцепившись в поручни носилок, он попробовал подняться, но не смог.

— Цзян Вань-цзе!.. Если ты не хочешь оставить меня здесь, я сам останусь.

Цзян Вань-цзе вытянулся по стойке «смирно» и опустил голову. У него был такой вид, словно он совершил большую ошибку и не находит слов в свое оправдание. Носильщики стояли, не зная, что им делать. Тан Чжун-сюнь снова лишился чувств. Воспользовавшись этим, Цзян Вань-цзе махнул им рукой:

— Давайте!

Боец, доставивший патроны, передал приказ командира роты: «Держитесь!» [334]

Цзян Вань-цзе обернулся назад, в ту сторону, куда носильщики относили отделенного, и вдруг подозвал к себе Ван Куня.

— Иди и ты, отделенного сопровождать будешь. Ван Кунь не двигался.

— Ну, чего еще ждешь? — повторил приказ Цзян Вань-цзе.

Ван Кунь опустил голову.

— Если я уйду, вас еще меньше останется.

С минуту Цзян Вань-цзе молчал. Его взгляд остановился на окровавленных руках Ван Куня.

— Иди, Ван Кунь. Не ты в ответе за то, что людей нет...

После того как боеприпасы были перенесены в укрытие, на позиции остались только они вдвоем — Цзян Вань-цзе и Яо Цин-линь. С боеприпасами им была доставлена вода, и они смогли утолить жажду. Весть о ранении политрука они встретили молча, не проронив ни одного слова, и вообще старались не говорить о боях сегодняшнего дня. Артиллерийский обстрел, бомбардировка, танковые атаки... — об этом не хотелось ни говорить, ни думать. Близилась ночь, бойцам следовало бы дать отдых, отложить до завтра военные действия, но сейчас об этом не могло быть и речи. С наступлением сумерек артиллерийский огонь усилился, противник возобновил наступление. По-видимому, американское командование решило продолжать наступательные операции и ночью.

В первой же стычке был ранен Яо Цин-линь.

— Уходи! — сказал ему Цзян Вань-цзе.

— Не бойся за меня. Я сидя смогу стрелять...

— Ладно, ладно. Собирайся и уходи.

— А тебе-то что? — обиделся Яо Цин-линь. — Твоя забота?

— Чья бы ни была!.. Мне с тобой разговаривать нечего. Сказал — иди, значит, иди.

Боец, принесший на позицию еду, унес Яо Цин-линя на себе. На всей высоте остался один Цзян Вань-цзе. Он понял это, когда осмотрелся вокруг и никого больше не увидел. Трудно сказать, что у него было на душе — [335] легко или тяжело. Он лишь интуитивно сознавал, что на позиции стало как-то непривычно пусто, безлюдно. Когда они начали бой, отделение было в полном составе. Бились здесь же, на этой позиции, плечом к плечу с бойцами корейской Народной армии. Потом их стало восемь человек. От восьми осталось четыре. Два. И вот он один, совсем один, а позиция все еще в его руках. Сознание своего превосходства рождало в нем чувство гордости за себя. Он мог смело сказать об этом — даже врагу. Но зачем? Он понимал, как важно то, что позиция защищается одним человеком, не страшился этого и не чувствовал одиночества.

Отбив первую атаку, он вдруг растерялся. Он сидел на корточках на бруствере разрушенного окопа, словно потерянный. В какой стороне родина? Где его дом? Куда ушли товарищи? Неужели они нарочно оставили его здесь одного? Кругом бушевало пламя, рвались снаряды, и он совсем было пал духом. Ему казалось, что вокруг беснуются дикие звери, что они вот-вот набросятся на него и растерзают на части. Такого состояния он никогда раньше не испытывал. Это было чувство страха. В сознании его все перемешалось — политрук, Тан Чжун-сюнь, погибшие товарищи...

Противник снова атаковал высоту. Пламя пожара было таким ярким, что Цзян Вань-цзе отчетливо видел, как по склону все ближе и ближе подбираются неприятельские солдаты. Спереди, справа, слева... Они ползли, как сороконожки. Это сравнение было таким точным, что он невольно рассмеялся. Когда солдаты приблизились к первой линии окопов, Цзян Вань-цзе уже успел забыть все, о чем только что думал. Чтобы наверстать упущенное время, он со всех ног бросился за доставленными с вечера боеприпасами. Расчистив в окопе место, он высыпал на него целый ящик гранат, потом принес еще один, приготовил автомат, набил патронами запасный диск. Противник был уже близко. Закидав гранатами группу солдат, приближавшуюся справа, Цзян Вань-цзе развернулся, схватил автомат и разрядил весь диск по группе солдат слева. Сменить диск не было времени, поэтому солдат, наступавших прямо на него, он тоже закидал гранатами. В это время слева раздались истошные крики. Цзян Вань-цзе быстро обернулся, сменив на ходу диск у автомата, и приготовился [336] стрелять. Американцы кричали на ломаном китайском языке, неприятно резавшем слух:

— Тоуся-ан! { Правильно: «Тоусянь» («сдавайся!») }

Отбросив автомат, Цзян Вань-цзе схватил взрывпакет с реактивным зарядом, размахнулся и с силой швырнул его в сторону противника; с противником слева было покончено; впереди, на расстоянии двадцати метров, не было видно ни одной живой души. Но еще оставался противник справа. Цзян Вань-цзе носился по окопу как угорелый, чтобы поспеть туда, где опасность грозила больше всего. Ему казалось, что он находится теперь за пределами жизни и смерти, и эта мысль придавала ему безграничную силу, силу ненависти к врагу. Освещенная заревом пожара, его фигура высилась над позицией, как символ непобедимости. Обезумевший от ярости противник бросался на него и снова откатывался назад. Десять раз поднималась вражеская пехота в атаку. Вокруг него рвались снаряды. Он то появлялся в клубах дыма, то снова исчезал, чтобы появиться уже в другом месте. Но вот над позицией взвилась огненная стрела сигнальной ракеты. Цзян Вань-цзе давал знать, что боеприпасы кончились... С командного пункта роты, не отрываясь, следили за тем, что происходит на осажденной противником высоте. От Яо Цин-линя Шан Чжи-линь уже знал положение на позиции. Сердце его обливалось кровью из-за того, что он ничем не может помочь Цзян Вань-цзе: обнаружить себя сейчас — значило сорвать всю операцию. Но теперь час настал. Как только в небо взвилась огненная стрела, он приказал перенести на основную позицию взвода шесть минометов, четыре трофейные «шестидесятки», три тяжелых и пять легких пулеметов.

— Минометы! По площади. От оврага до цели восемь. Дистанция между каждыми двумя шагами снаряд. Огонь!.. Пулеметы! Фланговый, отсекающий. Готовсь!.. Обстрел склона горы минометным огнем продолжался около часа. Как только он закончился, Шан Чжи-линь повел ударную группу за собой. Ма Дэ-мин шел за ним, не отставая ни на шаг. Прорыв был осуществлен быстро и без потерь.

Увидя своих, Цзян Вань-цзе бросился к ним навстречу вне себя от радости. У ног командира роты он [337] упал и уже не мог подняться. Шан Чжи-линь выхватил из рук Ма Дэ-мина флягу с холодной водой, наклонился над ним и бережно поднял голову. Глаза Цзян Вань-цзе были закрыты.

50

Ожесточенные бои за высоту не прекращались всю ночь. Ночью же от политкома весь полк узнал о героическом подвиге отделения Тан Чжун-сюня, задержавшего противника и не сдавшего позиции врагу. Казалось, наступление достигло предела, однако никаких признаков, что оно идет на убыль, не было.

Под утро в бой с вражескими танками вступили безоткатные орудия, и противнику пришлось отступить. Подбитый накануне танк противнику увезти не удалось, и он застрял на кукурузном поле. Пыль за ночь улеглась, земля была влажная от выпавшего инея. Над Мундынри все еще пылало пламя пожара — противник продолжал обстреливать деревню зажигательными снарядами. Вода в реке была красная от этого огня, словно деревня, мимо которой она протекала, сочилась кровью. Да и сама Мундынри, казалось, стояла на причале у своей собственной крови.

Сун Ю-шэн чувствовал себя не таким уверенным, как накануне. Ему было холодно, он зябко ежился в своем потертом ватнике и, вобрав голову в плечи, настороженно прислушивался к гулу сражения. Ночь прошла, что же сулит им предстоящий день?

От земли несло сыростью, и этот запах будил какие-то смутные воспоминания. Смешиваясь с запахами прелых кукурузных листьев, полыни и дикой мальвы, он напоминал о чем-то родном, близком. Хотелось забыться сном и не видеть вокруг себя ни этих окопов, ни горящей деревни, ни изуродованных бомбежкой гор.

«Безоткатники» тоже всю ночь не смыкали глаз, хотя бой шел на высотах и танки в нем не участвовали. Над ними все время проносились снаряды, их обстреливали из тяжелых пулеметов танкисты, в районе позиций безоткатных орудий довольно часто разрывались багровые шарики трассирующих пуль: противник старался нащупать

подбитый танк, чтобы обороняющиеся не могли им воспользоваться. И все же, помня наказ командования, они не давали обнаружить себя. [338]

Вдруг Сун Ю-шэн заметил, как к подбитому вражескому танку, осторожно крадучись, подбирается Ли Шу-сун, канонир первого оружейного расчета. Что этому любопытному там надо? Вчера вечером он тоже пытался добраться до этого танка, но помешал разорвавшийся вблизи него снаряд.

— Ты куда? — окликнул его Сун Ю-шэн.

— Посмотреть...

— Чего смотреть? — бесцеремонно оборвал его Сун Ю-шэн. — Забыл уже? — он явно намекал на изучение материальной части и тактико-технических данных американских танков в часы учебных занятий.

— Кабину водителя посмотреть, — невозмутимым тоном ответил Ли Шу-сун, — мотор, баки для горючего. Да и толщину брони — тоже не мешает...

— Сходить бы, и правда, не мешает, — согласился с ним Сун Ю-шэн. — Но вдруг заметят тебя? Ведь дашь противнику обнаружить цель!..

Словно в подтверждение его слов, возле танка разорвался вражеский снаряд. Раскаленные осколки металла с шипением разлетелись во все стороны, дробно застучав по стальной броне.

Ли Шу-сун с довольным видом рассмеялся.

Ишь ты, собачий сын! А глаза у него острые!..

— Натурально! — заметил Сун Ю-шэн. — Бойтся, как бы мы своих в этот танк не запрятали. Место хорошее, что и говорить. Догадывается, почему мы не хотим отдавать танка. И для корректировщика лучшего места не придумаешь, и миномет поставить. Здорово бы оттуда били по нему!..

Закурили. Через некоторое время противник возобновил обстрел. На подбитой броне танка от прямого попадания зажигательного снаряда разлилось желтое пламя. Черное дуло орудия на фоне горящего танка выглядело невидящим глазом какого-то огромного бездыханного чудовища. Возле оружейной башни лежал, неуклюже раскинув руки, американский солдат. Его голова застряла на гусеничной ленте, левая нога была неестественно задрана кверху, стальная каска врезалась в подбородок.

— Собачий сын! — беззлобно выругался Ли Шу-сун. — До чего же у него длинные ноги!

— Натурально! — заметил Сун Ю-шэн, подтягивая [338] штаны. — Из Америки в Азию перешагнул. Зато теперь обратно не уйдет, даже если бы ноги в десять раз длиннее отросли. Такая уж им всем судьба!..

Табачный дым медленно таял в холодном воздухе,

— Взводный! — осторожно позвал Ли Шу-сун. — Сегодня хоть разрешишь раз выстрелить?

— Разрешу. Но смотри, целься точно. И дистанцию не забывай вычислять. Бить надо, чтобы наверняка.

Со стороны Мундынди показался какой-то человек. Он шел широким шагом по направлению к подбитому танку, двигаясь с востока на запад, с минуту постоял в раздумье и пошел дальше. По походке Сун Ю-шэн узнал в нем Яо Си-пина. От волнения его даже прошиб пот: что, если противнику именно сейчас взбредет на ум опять обстрелять танк?! Но помощник командира полка шел уверенно, словно никакая опасность не угрожала ему.

— Ну как, все ждете? — весело спросил он Сун Ю-шэна, спрыгнув в укрытие. — На правом фланге тоже ждут. По всей вероятности, настоящий бой будет завтра, такое складывается впечатление... Да-а. Скоро светать станет, часа два осталось... Видели того американского черта?

— Видали, — осклабился Ли Шу-сун. — Верзила порядочный.

— А пользы мало, — в тон ему ответил Яо Си-пин.

Кто-то из бойцов предложил:

— Перетащить бы его сюда, товарищ помощник командира полка. Пусть все посмотрят — сердце злее станет.

Яо Си-пин внимательно посмотрел на него.

— У тебя оно и без того злое. Не надо трогать убитого. Завтра пусть американцы смотрят на него, пример для них неплохой.

Бойцы рассмеялись. Когда командир с бойцами, и на душе легче, и веселее как-то.

Было уже совсем светло, когда на горизонте показались танки. Они выползали, словно из тумана. Сун Ю-шэн отдал приказ: приготовиться к стрельбе. «Давай, ребята!» — взмахнул рукой Ли Шу-сун. Ему уже не терпелось скорее приступить к делу. Обстановка резко изменилась. По количеству сил, брошенных в наступление [340] сегодня, чувствовалось, что масштабы операции будут более крупные, чем в предыдущие дни. Но, как бы там ни было, а противника все равно нужно было бить, несмотря ни на что.

Во вчерашнем бою расчеты безоткатных орудий, которыми командовал Сун Ю-шэн, подбили четыре танка. Бойцы работали с полным напряжением сил. Кроме того, от командира полка поступило распоряжение передвинуться ближе, к первой линии обороны, поэтому оборудовать позицию пришлось одновременно с ведением огня. Артиллеристы не сводили глаз с командира. Чего он ждет? Ведь танки уже вошли в прорыв!.. Но чем больше нервничали бойцы, торопя Сун Ю-шэна, тем он был спокойнее. Открыть огонь он приказал, когда танки подойдут на расстояние ста метров. Первый же выстрел дал попадание. Сун Ю-шэн знал, что у него нет никакого другого выхода: либо он уничтожит вражеские танки, либо окажется раздавленным ими насмерть. Значит, нужно бить!.. Ли Шу-сун, конечно, радовался успехам взвода, результаты боя не могли не волновать его и по той причине, что он выполнял обязанности помощника Сун Ю-шэна. С другой стороны, ему не терпелось самому попробовать свои силы. «Посмотрите, как я ударю!» — все время подбадривал он себя. И когда сегодня представилась такая возможность, он был возбужден до крайности. Но радость была неполной, к ней примешалось беспокойство, чувство какого-то неведомого до этого страха. «А смогу ли все-таки?» — все чаще спрашивал он себя и не мог ответить на свой вопрос.

Поручив Ли Шу-суну командовать взводом, Сун Ю-шэн выкарабкался из укрытия и пополз на животе к невысокому пригорку недалеко от позиции. Спрятавшись за камнем, он осторожно переломил каштановую ветку, замаскировался и стал вести наблюдение. Танки уверенно шли вперед с интервалом в пятьдесят метров один от другого и обстреливали окружающие высоты. Когда первые танки были на расстоянии 400 метров от позиции безоткатных орудий, Ли Шу-сун выстрелил по головному танку, но не попал.

— Не паниковать! — прикрикнул Сун Ю-шэн. — Спокойнее!

Ли Шу-сун стер с лица пот и выстрелил второй раз. [341] Снаряд разорвался значительно ближе цели. Между тем танк находился уже в двухстах метрах. Остановившись на секунду, словно раздумывая, что ему делать, он вдруг рванулся вперед на полной скорости. Сун Ю-шэн скатился в укрытие.

— Ну как, дадим? — усмехнулся он.

Его план был прост: подпустить головной танк как можно ближе к подбитому танку и тогда бить. До подбитого танка было ровно сто метров. Ли Шу-сун заметно волновался.

— Спокойнее. Помнишь, что я тебе говорил? Чего ты волнуешься? — успокаивал его Сун Ю-шэн.

— Да нет... — голос Ли Шу-суна дрожал, он не знал, что ответить командиру.

— Подойдет, тогда и будешь бить.

— Вроде уже близко.

— Пока нет, подождем еще. немного.

— Боюсь, с первого раза не возьму. Прорвется ведь тогда.

— Натурально. Если не подобьешь, обязательно прорвется.

Сун Ю-шэн, согнувшись, подобрался к Ли Шу-суну и, показывая рукой, крикнул:

— Первый пропусти. Целься по второму и бей!

Первый танк уже был впереди подбитого танка. Теперь он шел медленно, словно ощупью. Сун Ю-шэн прильнул к земле. Что-то изменилось сегодня в тактике танков. Их осторожность смутила Сун Ю-шэна. Низко пригибаясь к земле (танки все время вели огонь из тяжелых пулеметов), он вернулся на свой «наблюдательный пункт». Теперь можно было открывать огонь: первый танк пропущен, если Ли Шу-суну удастся подбить второй, третий остановится сам, и тогда можно будет покончить с первым.

— Огонь!..

С первого же выстрела второй танк был подбит. Накренившись набок, он со скрежетом сделал еще пол-оборота и замер. Первый танк круто развернулся и дал полный ход назад, но не успел отъехать и десяти метров, как Ли Шу-сун перенес огонь на него. Танк вспыхнул. Багровый столб огня и дыма взметнулся вверх, крышка люка открылась и оттуда стали выскакивать люди. Ли Шу-сун выстрелил по танку разрывной гранатой. [342] Водитель был убит на месте, из всего экипажа удалось убежать только одному человеку... Итак, атака танков была отбита. Но в это время над южной кромкой неба показались вражеские бомбардировщики, вынырнувшие из-за вершины Пякамсана. Самолеты летели низко над землей. На подходе к фронту они развернулись веером, но вскоре соединились и к Мундынри шли уже сомкнутым строем. Следивший за ходом боя с полкового НП Шан Чжи-ин видел, как на позицию безоткатных орудий посыпались бомбы. В какое-то мгновение узкая долина была охвачена огнем, в котором ничего нельзя было разобрать. Люди разбегались в разные стороны, и Шан Чжи-ин понял, что дело плохо. Накричав на телефониста, он приказал немедленно соединить его с зенитчиками, потом с позициями полковой артиллерии, требуя быть готовыми ко всему: если безоткатные орудия будут разбиты, танки не встретят сопротивления и прорвутся.

Бомбежке и конца не было видно. Отбомбившись, самолеты сделали разворот и перешли в пике, обрушивая на позиции град пуль. Высоты, склоны гор, долина — все было затянуто едким дымом.

Ли Шу-сун лежал подле своего орудия, укрыв его дождевой накидкой и изо всех сил натягивая края, чтобы ствол орудия не забило песком. Он дрожал над ним, словно мать над ребенком, которому грозит опасность. Но вот зенитчики сбили один самолет, потом второй. Третий самолет, поврежденный, поспешил убраться восвояси. Однако, как только самолеты отстрелялись, огонь открыли танки. Высунувшись из укрытия, Ли Шу-сун следил за ними, стараясь разгадать их намерения. На предложение Сун Ю-шэна закурить он ответил отказом. Суп Ю-шэн удивился и поднял голову. В это время впереди Ли Шу-суна вспыхнул сноп огня. Накидка, укрывавшая орудие, была сорвана взрывной волной, как лист бумаги, а само орудие вместе с Ли Шу-суном отброшено в сторону. Все это длилось одно мгновение.

Су Ю-шэн со всех ног бросился к товарищу.

— Ты... ты... ты ранен? — с тревогой спросил он, опускаясь на корточки.

Ли Шу-сун через силу улыбнулся: мол, рана — пустяки, главное — орудие осталось невредимым. [343] Перевязав раненую ногу, он снова улыбнулся, но Сун Ю-шэн видел, что положение Ли Шу-суна серьезное: он не мог двигать ногой, лицо его приняло какой-то землисто-серый оттенок.

— Ты сможешь уползти? — спросил Сун Ю-шэн. — По краю горы... — Он посмотрел в ту сторону, где был командный пункт полка.

— А зачем мне?

— Как зачем? Ты же ранен.

Сун Ю-шэн разговаривал с товарищем таким тоном, словно тот сам не знал, в каком состоянии находится. Уговоры командира рассердили Ли Шу-суна. Он наотрез отказался уходить, и Сун Ю-шэну пришлось приказать одному из бойцов заново

перевязать ему рану. Когда перевязка была закончена, Сун Ю-шэн распорядился поставить орудие на новое место, принести ящик со снарядами, и сам стал за командира расчета.

Танки возобновили атаку, изменив боевой порядок. Теперь они шли развернутым фронтом как солдаты при наступлении цепью. С минуты на минуту грохочущие стальные чудовища должны были подойти к переднему краю обороны, в центре которого находилась позиция безоткатных орудий. Положение осложнилось, и Сун Ю-шэн уже не был уверен, что сможет справиться.

— Сходи-ка за взрывпакетами и реактивными гранатами, — сказал он одному бойцу, не прекращая вести наблюдение. — Могут пригодиться...

«Нет! Так просто это вам не пройдет!» — мысленно пригрозил он танкам.

Он знал, что в эту минуту за его позицией следит весь фронт. К ней приковано сейчас внимание командира полка и политкома, наблюдающих за его действиями с командного пункта. Не отрывается от карты комдив, с беспокойством думая, сумеют ли они задержать прорыв вражеских танков. Ждут окончательного исхода этого боя и на конференции в Кэсоне... Но что бы ни случилось, Сун Ю-шэн будет биться, биться, даже если небо исчезнет и земля растворится во мраке, если потекут вспять реки и опрокинутся моря. Пусть беснуются, задыхаясь от злобы, эти изверги, пусть он сам будет раздавлен танками, — ему ничего не страшно. Он прицелился по первому танку, вошедшему в прорыв, и дал два выстрела. Первый снаряд попал в гусеничную [344] ленту, второй — в ходовую часть. Противник развернул орудие, чтобы ответить ему, но он опередил танкистов. Танк загорелся. Второй танк, словно взбесившийся бык, ринулся на позицию, рассчитывая, очевидно, раздавить ее своей тяжестью. Но Сун Ю-шэн с первого удара разворотил ему орудийную башню. Попытка танкистов открыть огонь из малокалиберной пушки успеха не имела. Еще удар — и второй танк постигла участь первого. Но в это время застрочили пулеметы из третьего танка и одновременно выстрелила пушка. Осколком снаряда Сун Ю-шэн был ранен в шею. Кровь струйкой потекла за ворот. Он чувствовал, что теряет сознание. В глазах потемнело, голова кружилась. Собрав последние силы, он открыл глаза. Небо, земля — все плыло в тумане, кружилось в каком-то бешеном танце. И вдруг он совершенно ясно увидел, как прямо на него надвигается черная тень танка. Тень росла с каждой секундой. Дрожащими руками Сун Ю-шэн подхватил снаряд и стал заряжать орудие. Снаряд был таким тяжелым, что ему пришлось для этого навалиться на него всем телом. Но только он приготовился выстрелить, как какая-то сила сжала с двух сторон, оторвала от земли и оттолкнула в сторону еще до того, как он успел вцепиться в лафет орудия. Вслед за тем он увидел, как ствол орудия выплеснул струю голубого огня и танк остановился, объятый пламенем. Велико же было его удивление, когда он понял, что стрелял Ли Шу-сун. — Ты же ранен! — вскрикнул он. Но Ли Шу-сун ничего не ответил ему. Он отвел его руку и снова зарядил орудие. Выстрелить ему, однако, не удалось. Разорвавшимся вблизи снарядом хвостовая часть орудия была повреждена, а сам Ли Шу-сун отброшен далеко назад. Не встречая сопротивления, танк прорвался в центр узла обороны.

Неведомая сила заставила Ли Шу-суна подняться, кое-как наладить орудие и развернуть ствол в сторону прорвавшегося танка. Он забыл обо всем — о своей ране, о том, что позиция со всех сторон открыта, что неприятельские пулеметы стреляют почти без промаха. И все же он успел сделать то, что хотел. Снаряд попал в моторную часть танка и заставил его замолчать. Зато сам Ли Шу-сун рухнул на землю как подкошенный, в обнимку со своим орудием. [345]

Но на выручку Ли Шу-суну уже спешили его товарищи во главе с Сун Ю-шэном.

Вражеские танки, не выдержав их удара, отступили на исходные позиции.

Когда стемнело, Шан Чжи-ину доложили с переднего края, что наступление противника развития не получило. Сжимая в руке телефонную трубку, Шан Чжи-ин опустил на землю, чтобы не упасть. Сердце его стучало. Он выстоял, полк Шан Чжи-

ина, обыкновенный пехотный полк, против которого противник бросил две дивизии, двести танков, четырнадцать гаубичных дивизионов и сто самолетов, выстоял, несмотря на не прекращавшийся ни днем ни ночью артиллерийский обстрел, бомбежки с воздуха, бесконечные танковые атаки. Все эти дни, даже в самые напряженные моменты боя, он мечтал о победе, он думал о ней еще до того, как его полк был выведен на позиции, верил в нее, ни на минуту не сомневаясь в том, что она придет. И когда она наконец пришла, он растерялся — такой неожиданной показалась ему эта весть. Правда, до полной победы еще далеко, это только едва заметный поворот к ней, но ведь самое трудное сделано! Не выпуская трубки из руки, он весело подмигнул телефонисту, который и без слов понял, с кем хочет говорить командир полка. В трубке послышался знакомый голос.

— Комиссар, ты слышишь меня? — заговорил наконец он. — Мы крепко стоим на ногах. Стоим!..

Голос Шан Чжи-ина дрожал.

51

Кровопролитные бои на всем Восточном фронте не стихали десять суток подряд. Благодаря упорному сопротивлению добровольческих частей наступление противника было приостановлено. Лишь на правом фланге оборонительных позиций ему удалось несколько продвинуться вперед в направлении к Гымсэну и овладеть высотами Кёамсан и Бонхвасан. В результате изменения линии фронта позиции полка Шан Чжи-ина оказались еще больше вытянутыми вперед. На обоих флангах угроза нависла над полковыми тылами.

Из штабарма передали телефонограмму о вызове Шан Чжи-ина на совещание. [346]

В соседнем блиндаже Шан Чжи-ин застал Чжай Цзы-ни.

— Новую задачу получим, — уверенно сказал он. — Время еще есть. Вот что, комиссар, давай сходим на позиции, посмотрим.

Накинув шинели, они вышли на КП. Ночь была лунная. Извилистая тропинка, которая вела в овраг, была хорошо видна. Застывшая лежала перед ними земля, укутанная туманом. От людей шел пар. В лунном свете искрился игольчатыми хрусталиками иней, обильно припудривший траву, землю. Только теперь Шан Чжи-ин сообразил, что это уже не роса, а скованный заморозком туман. В предчувствии наступающих холодов он зябко поежился и еще глубже запахнулся в шинель. Он и не думал о завтрашнем дне, а зима пришла... Небо прочертила изогнутая линия трассирующего снаряда, где-то гулко ухнуло дальнобойное орудие, за горой раздался взрыв. На переднем крае сразу же откликнулись пулеметы. И снова все стихло, покоренное тишиной ночи. Но ненадолго. Вскоре раскаты орудийных залпов послышались на правом фланге, со стороны полковых тылов.

По-видимому, вызов на совещание в такое время был связан с серьезными причинами, в частности с необходимостью определить дальнейший курс. Шан Чжи-ин шел, задумавшись, как вдруг его внимание было привлечено глухим стуком лопат. Выйдя из оврага, он увидел впереди группу людей, расчищавших дорогу.

— Кто такие? — спросил он, подходя ближе.

— Из санотряда, — отозвался какой-то боец, не прекращая работы.

Один из работающих выпрямился и быстрым шагом направился к Шан Чжи-ину. Маленького роста, распаренный, в распахнутой куртке, с засученными до локтей рукавами, без головного убора, он выглядел так, словно только что участвовал в драке. Даже железную лопату он держал на плече с какой-то особенной лихостью. Шан Чжи-ин сразу узнал в нем начальника своего санитарного отряда Пэй Дун-шэна.

— Куда это вы собрались в такое позднее время? спросил Пэй Дун-шэн, здороваясь с командиром полка и политкомом за руку, как со старыми приятелями.

Рука Пэй Дун-шэна была грубая, мозолистая, ничем [347] не напоминавшая собой руку врача. Да и сам он скорее походил на простого батрака-поденщика, чем на докторов, перед которыми Шан Чжи-ин всегда робел.

— Да вот, тебя навестить решили, — ответил Шан Чжи-ин.

— Вот и хорошо. Здесь посмотрите или зайдём к нам?

— А чем вы сейчас заняты? — спросил Шан Чжи-ин.

— Дорогу чиним. Санитарные машины смогут тогда подъезжать прямо к нам, носильщикам легче будет справляться.

Да, это, конечно, был Пэй Дун-шэн, никогда не искавший себе покоя, всегда что-то придумывавший, озабоченный делами.

— Зайдем к тебе, — предложил Шан Чжи-ин. Новая дорога, по которой они шли, была достаточно широкой для прохода санитарных машин. Пэй Дун-шэн молча шел впереди уверенным шагом, всем своим видом показывая, какую хорошую дорогу они подготовили. Войдя в лес, они свернули на тропинку, протоптанную рядом с дорогой, обогнули скалу и остановились возле двух пещер, расположенных рядом. Пещеры были естественные и зияли чернотой, словно раскрытые рты. Снаружи они были хорошо замаскированы зарослями вьющихся растений и ползучего тэна. Пещеры были обнаружены Пэй Дун-шэном случайно, когда он совсем было упал духом. Во время одного из артиллерийских налетов на хижины полевого госпиталя упало несколько зажигательных снарядов, и на их месте осталась лишь груда обгорелых бревен. Люди спаслись, но от старого госпиталя ничего не осталось. Нельзя сказать, чтобы новое место было безопаснее — снаряды залетали довольно часто и сюда. Но зато можно было быть спокойными за раненых, за персонал госпиталя, наконец, за медикаменты.

Пока Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни стояли снаружи, разглядывая площадку госпиталя, Пэй Дун-шэн распорядился, чтобы принесли кипятку. Вдруг недалеко от первой пещеры один за другим разорвались два снаряда, и Пэй Дун-шэн затащил командира полка и политкома в пещеру. [348]

— Вот черт! — рассмеялся он. — Что там ни говорите, а и этой моей фанзе житья не дают!..

Выглянув наружу и убедившись, что никаких повреждений снаряды не причинили, он вернулся к гостям.

Пещера была довольно просторная. Голые каменные стены были выщерблены и казались сложенными из шлака. На потолке камни выпирали наружу: достаточно хорошего удара — и они полетят на голову. Тусклая свеча придавала пещере строгий, таинственный вид. Она и впрямь выглядела, словно жилище диковинного существа из детской сказки, если бы не белые простыни, создававшие видимость уюта, и бутылки с медикаментами. Чжай Цзы-ни медленно расхаживал вдоль стен, читая этикетки на выставленных бутылках. Он был доволен тем, что даже в этих условиях в госпитале соблюдается привычный ему порядок.

Пэй Дун-шэн осторожно дотронулся до плеча Шан Чжи-ина. Что-то в этом движении было такое, отчего Шан Чжи-ин вздрогнул. Смутное чувство тревоги заставило его быстро обернуться назад.

— Она здесь, — тихо сказал Пэй Дун-шэн.

— К-кто? — ничего не понимая, спросил Шан Чжи-ин дрожащим голосом.

— Ты еще ничего не знаешь?

— Нет. А что?

— Ван Шу-цинъ...

— Как?..

Он был готов ко всему, но только не к этой потрясающей новости. Рука машинально рванулась к лежавшему в кармане письму жены. Нет, он не забыл о нем, он знал, что письмо осталось нераспечатанным, но не хотел думать о нем все эти дни, до отказа заполненные боями. Теперь Шан Чжи-ин должен был прочитать его, должен был во что бы то ни стало... Чжай Цзы-ни осторожно отозвал Пэй Дун-шэна и вместе с ним вышел из пещеры. А он стоял на том же месте, держа в руках письмо жены, и ничего не видел — ни колеблющегося пламени свечи, ни бутылей с медикаментами, ни

разложенных на походном столике инструментов. Края конверта были измяты, пропитаны потом. Сколько раз за эти дни он вынимал его из кармана и снова прятал обратно, не решаясь хотя бы на минуту отвлечься от насущных забот!.. [349]

Он так волновался, что потратил немало усилий, пока вскрыл конверт. Руки его дрожали. Он не понимал, что читает.

«Чжи-ин, где ты теперь? Я все время думаю о тебе и молюсь о твоём счастье. Как ты себя чувствуешь, родной? Вас поддерживает вся наша родина... Прошла неделя, как ты уехал из дому. Все эти дни стоит замечательная погода. По небу плывут редкие облака, дует легкий ветерок, народ весь на улице, а я сижу дома и никуда не хочу идти. Только что выстирала белье и сразу же села писать тебе письмо. Дорогой мой, родной! Мне хочется сказать тебе столько, что не знаю, смогу ли когда-нибудь исчерпать свои мысли. Я не знаю, что со мной происходит. Этих мыслей — бескрайнее море, и мне кажется, что я никогда не выберусь из него. Как мне хорошо с моими мыслями!

Что у нас слышно? Видел бы ты, какое развернулось по всей стране движение по сбору средств в фонд сопротивления Америке и помощи Корее! Об этом только и передают по радио. На каждом углу — мощные репродукторы. В городе такое оживление, какого никогда не было. Чуть ли не каждый день демонстрации, улицы запружены толпами народа, всюду красные флаги. Сейчас началась агитация на улицах по сбору средств на покупку самолетов, орудий и танков. Все это — вам! Расскажу тебе о случае, который видела сама. Я ехала в автобусе. В это время вошел какой-то студент, совсем еще юноша. Он обратился к пассажирам с просьбой вносить пожертвования. Рядом со мной сидела одна работница с ребенком на коленях. Девочка такая хорошенькая, прямо куколка, с двумя торчащими косичками. Лет четырех. Видя, как люди охотно дают студенту деньги, она вдруг потянулась к маминому уху и громко зашептала: «Мама, не покупай мне конфету, отдай эти деньги на самолет дядям-добровольцам!» Мать передала ей деньги, и девочка с гордым видом вручила их студенту. Ты веришь, как все мы были взволнованы? Вернувшись домой, я ни о чем не могла думать, схватила нашего малютку и крепко прижала к груди... Поймешь ли ты, что творилось у меня на душе? Мама испугалась, стала спрашивать, что со мной, но слезы не давали мне говорить. Ведь ты в Корее! У нас тоже есть ребенок, есть будущее... Когда ты увидишь на фронте [350] самолеты и орудия, полученные в подарок от родины, вспомни о детях...

В первое время, как ты ушел, Мао-мао даже не смеялся. Как мы с мамой ни старались рассмешить его, ничего у нас не выходило. Лежал сморщенный и дулся. Как будто он уже все понимает!..

По ночам я все время вижу тебя. В доме все спят, а я ворочаюсь с боку на бок, перекидываю подушку и никак не могу уснуть. Думаю о тебе, о нашем будущем... В мыслях я всегда рядом с тобой, я лечу к тебе, родной мой!»

Шан Чжи-ину казалось, что он смутно слышит ее голос. Первая весточка, полученная им от жены в Корее, шесть листков почтовой бумаги, густо исписанных ею, — и он не мог выбрать времени, чтобы прочитать!.. Сложив письмо, он долго держит его обеими руками, мысленно обращаясь к Шу-цин, и вдруг замечает, что, кроме него, в пещере никого нет. Выглянув наружу, он спрашивает молча стоящего у входа с автоматом наперевес телохранителя:

— Не видел, куда пошел комиссар?

— Вон туда, — кивком головы показывает тот. — С начальником санотряда. Сказал, скоро вернется.

Шан Чжи-ин ждет. В лесу темно. С неба льется яркий свет луны, оседающий на землю почти невидимой морозной дымкой. Улеглось пламя пожара, еще вчера закрывавшее всю южную половину неба, смолк непрерывный грохот орудий. И от этого ночь кажется еще прекраснее. Она струится над пиками гор, словно полая вода, создавая иллюзию диковинного подводного царства, окруженного скалистыми, неприступными рифами. Это ощущение дополняется удивительной картиной лесов, раскинувшихся по

склонам гор, словно гигантские ковры. Вокруг тишина, непривычная тишина, потому что через минуту слух начинает улавливать знакомые с детства шумы. Шумит лес. Сначала этот шум едва слышен, он словно доносится издалека, за десятки ли отсюда. Но вот он нарастает, становится громче, отчетливее. Постепенно в этом шуме начинаешь выделять шелест опавших листьев, гонимых ветром, высушенной травы. Где-то недалеко журчит звонкий ручей, словно там, на дне оврага, плещется целая ватага детей. Эти шумы возвращают Шан Чжи-ина к действительности. Мирная [351] жизнь встает перед его глазами, как что-то далекое, невозвратимое. «Но где же Пэй Дун-шэн? — думает он. — Неужели она в самом деле приехала сюда?»

В ночной тишине отчетливо слышны голоса приближающихся людей. В спрашивающем Шан Чжи-ин узнает голос своего комиссара.

— Почему ты не доложил, что у вас нет дистиллированной воды?

— Мы уже решили этот вопрос. Тут под боком хороший источник, сами организовали перегонку. Теперь в физиологическом растворе нужды нет.

— Как с иглами для инъекции противостолбнячной сыворотки?

— Сто двадцать штук оставили нам корейские товарищи.. .

— Сегодня вы получите столько, сколько вам надо.

— Вот это дело! — радостно воскликнул Пэй Дун-шэн. — Основная масса поступает с осколочными ранами.

Разговор перешел на другую тему.

— Она приехала так неожиданно, что я даже растерялся, — сказал Пэй Дун-шэн. — Жалко ее, тяжело смотреть, как она переживает. Я, конечно, хотел сообщить командиру полка по телефону, но она категорически запретила. Да и времени у меня не было!..

— Славная она женщина, сама еще ребенок... Да, но как это с ней получилось?

— Так и получилось, — ответил Пэй Дун-шэн, но сразу осекся, увидя идущего к ним навстречу Шан Чжи-ина. Продолжал он снова ровным тоном:

— Помните, мы с вами встретились — вы на передний край шли, а я к себе в санотряд?.. Вернулся и вдруг вижу — она. Требуется дать ей работу, и никаких. А ребенок, спрашиваю, с кем? Ребенка оставила у своей матери... Что мне оставалось делать? Работала у нас здесь три дня, у меня все не было времени позвонить вам. Потом вижу — дело неладное, и отправил ее в дивизию.

Шан Чжи-ин молчал. Он и сам не знал, радоваться ли ее приезду или нет, одобрить решение Пэй Дун-шэна об отправке ее в тыл или не одобрить.

— Ребенок, совсем ребенок! — сокрушенно воскликнул Чжай Цзы-ни, нарушая молчание.

— Я ей сделал выговор, — вытянулся Пэй Дун-шэн. [352]

— Что этот выговор даст?! — махнул рукой Чжай Цзы-ни и повернулся к Шан Чжи-ину. — О чем она пишет тебе?

— Письмо еще из дому, — в раздумье ответил Шан Чжи-ин.

— Ничего не пишет, что собирается сюда?

— Нет...

Наступила довольно долгая пауза.

— Куда вы еще собираетесь? — спросил наконец Пэй Дун-шэн. — Если только ко мне, я попробую связаться с дивизионным госпиталем.

— Давай! — встрепенулся Шан Чжи-ин.

— И верно — позвони, — одобрил политком. — Может быть, удастся вызвать ее.

Пока Пэй Дун-шэн вызывал госпиталь, Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни сидели у него в пещере и ждали. Каждый думал о своем. Наконец Пэй Дун-шэн вернулся. Вид у него был какой-то растерянный.

— Никак не дозвониться, провод все время занят, сказал он и смущенно развел руками, словно сам был виноват в этом.

Политком предложил подождать еще пару минут, но Шан Чжи-ин, взглянув на часы, поднялся. До рассвета оставалось не так уж много времени, а ему еще хотелось побывать на переднем крае.

— Сходите в первый батальон, — посоветовал Пэй Дун-шэн, поднимаясь, чтобы проводить их. — Не нравится мне состояние Ван Бин-чэня. Со здоровьем у него плохо. Продержится ли?..

— Пошли к нему! — решительно потянул политкома за руку Шан Чжи-ин. Накинув шинель, он стал прощаться.

...В прозрачном лунном свете тени на траве казались легкими, воздушными. Вскоре и они исчезли. Ночная мгла поглотила удаляющиеся фигуры командира полка и политкома.

52

Состояние здоровья командира первого батальона Ван Бин-чэня вызывало опасения. Он ничего не ел, лишился сна, осунулся. Постоянное пребывание в сырой пещере способствовало резкому обострению радикулита. [353] Но он никому не хотел говорить о своей болезни. Единственное, на что он жаловался, это на неопределенность, вызванную затянувшимся характером боев. Ван Бин-чэнь был человеком действия. Решительный по натуре, он жил боем, в нем видел он весь смысл своего существования. Поэтому, собственно, Шан Чжи-ин и назначил его батальон в первый эшелон, зная, что здесь полностью раскроются способности Ван Бин-чэня. И действительно, чем дальше продолжались бои, тем батальон становился все более и более сильным. Можно было удивляться, откуда только у него берутся силы принимать на себя удар во много раз превосходящих сил противника. Но как только бои стихли, от энергии Ван Бин-чэня не осталось и следа. Он выглядел совершенно измотанным, вылезли наружу все его болезни.

Ван Бин-чэню не нравилось то, что ему приходится стоять на одном месте и скучать от безделья. Противник бросал теперь в стычки роту, батальон, не больше, ставя перед собой весьма ограниченные задачи: беспокоить обороняющихся, держать все время в состоянии тревоги. Основной упор был сделан на артиллерийский обстрел и уничтожение земляных укреплений. В результате потери войск в живой силе увеличились, огонь противника становился все более эффективным, боевая активность батальона фактически была сведена к нулю. Противник всячески избегал ближнего боя и уклонялся от сражений пехотных подразделений. Чувствовалось, что он почти не несет потерь в людях, и это выводило Ван Бин-чэня из себя. А как он радовался, когда его батальон получил приказ выступить на фронт! Мерная поступь походных колонн, проливные дожди, биваки в незнакомых местах — такая жизнь была ему по душе. Бой надо видеть своими глазами, надо видеть, как противник бежит, не выдерживая твоего удара, чтобы самому почувствовать, что значит победа. Еще на марше Ван Бин-чэнь тщательно все обдумал и радовался тому, что война будет носить стремительный характер. В августе его батальон выступил в поход, в сентябре он примет участие в наступлении, в октябре пришлют замену и он вернется на родину. Покинул родину — в бой, отвоевался — домой, — такой была нехитрая формула, которую он выработал для себя. Поэтому к высказанной командиром дивизии мысли, что бои будут носить [354] затяжной характер отнесся довольно скептически, считая ее лишь лозунгом, призывом к бдительности. На самом деле, думал он, никаких «затяжных действий» не потребуется. Поскольку в ходе пятого сражения противник был вынужден отступить на исходные позиции вдоль 38-й параллели, остается немного нажать — и американцы будут сброшены в море. С какой стати торчать здесь, подвергая себя ежедневному артиллерийскому обстрелу? Какая польза от этой обороны? Кому нужна эта чрезмерная осторожность, когда и без того видно, что противник «уже не тот»?

Шан Чжи-ин обвел зорким глазом укрытие, взгляд его задержался на куче сена в углу, служившей постелью. Не имея еще определенного мнения, он присел на нее и заговорил, растягивая слова:

— Да, настроение твое совсем испортилось...

— Согласен, — опустил голову Ван Бин-чэнь.

Шан Чжи-ин рассмеялся.

— Ты думаешь, я шучу?.. Меня беспокоит, продержишься ли ты?

— В этом отношении можете быть уверены: продержусь! — выпрямился Ван Бин-чэнь.

— Хоть бы жилье свое как-нибудь прибрал. Неуютно у тебя тут.

В разговор вступил Чжай Цзы-ни.

— Тоска томит? — спросил он Ван Бин-чэня. — Чем же тебя развеселить?

— Чем же развеселить собираетесь? И тоска и злость...

— Я понимаю тебя, — серьезным тоном сказал Шан Чжи-ин.

— Еще бы! — обрадовался поддержке Ван Бин-чэнь. — Торчишь здесь неведомо зачем, а этот знай себе постреливает... Знаете, сколько снарядов выпускает сейчас каждый день противник?

Шан Чжи-ин понял, что имеет в виду Ван Бин-чэнь.

— Конечно, — сказал он, — оборона — штука сама по себе пассивная, это факт.

Но что ты предлагаешь?

Ван Бин-чэнь словно только и ждал этого вопроса.

— Что предлагаю я? — быстро заговорил он, — Моя точка зрения абсолютно ясна. И противник и мы стоим на одном месте. Мы просто попались на удочку американцам. Американцы и дальше будут затягивать [355] переговоры, им это выгодно. А если соглашение не будет достигнуто, когда закончится война?

— Резонный вопрос, — заметил Чжай Цзы-ни. — Но ты не подумал о другой возможности? Агрессоры, безусловно, стремятся как можно скорее завоевать победу в Корее. Топтаться здесь на одном месте длительное время им вряд ли выгодно. Цель у них — поскорее начать новую войну в Европе. Как ты считаешь, не мешаем мы им в этом?

— Хорошо! — заволновался Ван Бин-чэнь. — Но почему вы не допускаете того, что американцы собираются начать весной будущего года новое наступление? Им сейчас отдых вот как нужен! А мы сами даем им возможность накапливать силы для контр наступления.

— Я не собираюсь отвечать на все твои вопросы, — сказал Шан Чжи-ин. — Ты слишком упрощаешь все, вот что я чувствую.

Ван Бин-чэнь быстро встал, но Шан Чжи-ин легким движением руки заставил его снова сесть.

— Только не горячись, это не игра. Американская техника, промышленность превосходят наши. У них намного больше, чем у нас, и стали и хлеба. Да и населения в Америке больше ста пятидесяти миллионов. В этом, кстати, одна из причин, почему американцы решились на эту безумную авантюру. Я уверен, ты поймешь это. Когда изучаешь какой-нибудь вопрос, нельзя примешивать личные чувства и настроения, точно так же, как нельзя полагаться только на свои желания и личную храбрость, когда что-нибудь делаешь.

Ван Бин-чэнь молчал; Шан Чжи-ин не торопил его. Наоборот, он дал ему возможность как следует обдумать ответ, а сам тем временем закурил. Он понимал, что подавленное состояние Ван Бин-чэня во многом обусловлено его болезнью — отсюда и нервозность, и запущенность блиндажа, и вообще нежелание заняться собою.

— Тебе бы надо подумать о своем быте, — сказал он после некоторого молчания. — Блиндаж утеплить нужно как следует, зима на носу. Где твои вещи?

— В тылу, — коротко бросил Ван Бин-чэнь, очевидно, не желая отвечать на этот вопрос.

— А почему не здесь? — не придавая серьезного значения запальчивости комбата, спросил Шан Чжи-ин. — [356] Не дело. Распорядись, чтобы доставили. Проверь все роты. С такой подготовкой к зиме мы не только не продержимся, но вообще не доживем до будущего года.

— Боеприпасов и провианта хватает? — спросил Чжай Цзы-ни.

— Хватает.

— На сколько месяцев?

— На два...

— Мало, — вздохнул Шан Чжи-ин. — Ну, а ты чего вздыхаешь?

От пристального взгляда Ван Бин-чэня не укрылось добродушное выражение лица командира полка. Нет, Шан Чжи-ин вовсе не пришел за тем, чтобы распекать его и выговаривать за те недостатки, которые он и сам хорошо видит...

— Если ты действительно настроен так, как утверждаешь, постарайся поскорее отказаться от дурных мыслей, — медленно заговорил Шан Чжи-ин. — Не смотри ты на оборону, как на что-то пассивное. Будем откровенны. У нас масса дел, которые не терпят отлагательства. Если мы будем думать не о главном, уверяю тебя, только повредим делу... А теперь давай поужинаем и пойдем посмотрим твой передний край. Ты сможешь пойти?

— Смогу! — быстро ответил Ван Бин-чэнь и велел ординарцу приготовить еду.

Был тот предрассветный час, когда небо кажется особенно темным. Луна скрылась, земля лежала, погруженная во мрак, стало холоднее. На востоке сверкнул серебряный луч прожектора, высветил на горизонте строгие очертания вершины высоты 871 и медленно растаял, смахнув с небосклона последние звезды. Постепенно в тумане стали вырисовываться силуэты растений, отдельные камни. Когда Шан Чжи-ин и сопровождавшие его лица спустились в ход сообщения, впереди показалась группа бойцов. Шла смена караулов. Возле ручья кашевары набирали в походные котлы воду для приготовления завтрака. В окопах, тесно прижавшись друг к другу, спали бойцы. Их одежда, обувь, оружие были основательно припудрены инеем.

Занятые беседой, Чжай Цзы-ни и Ван Бин-чэнь и не заметили, как отстали от Шан Чжи-ина. Тот шел быстро. Торопясь поскорее попасть на передний край, [357] он не стал ждать их. И тут вдруг в развороченном прямым попаданием снаряда ходе сообщения он столкнулся лицом к лицу с Шан Чжи-линем. Встреча была такой неожиданной, что в первую минуту он даже растерялся. Схватив брата за руки, он долго смотрел на него, не веря своим глазам, словно тот не то изменился, не то стал меньше ростом. Какая-то перемена действительно произошла в нем за те несколько дней, что они не виделись...

О том, что командир полка и политком направляются на его позицию, Шан Чжи-линь узнал по телефонному звонку с командного пункта батальона. Быстро передав трубку телефонисту, он выбежал из блиндажа, чтобы встретить их. Как он был рад тому, что увидится со старшим братом!.. По звуку приближающихся шаговой понял, что идут со стороны главной позиции. Вскоре в тумане показалось несколько силуэтов. Он уже собрался пригласить гостей к себе в блиндаж, предложить им закурить, попить чаю, в общем встретить, как полагается в таких случаях, но заранее подготовленные слова застряли на языке, как только он увидел брата. Кто знает, сколько времени они стояли бы так, молча глядя друг другу в глаза, если бы не подошел вестовой Шан Чжи-ина. В присутствии вестового Шан Чжи-ин переставал быть старшим братом, а становился строгим, взыскательным начальником.

— Это что — ход сообщения? — недовольным тоном буркнул он. — Развалины какие-то...

Шан Чжи-линь сконфузился, но, к счастью, его выручил политком, замахавший издали рукой. Обрадованный Шан Чжи-линь бросился к нему в объятия.

— Молодец, крепко дрались! — восторженно приветствовал его Чжай Цзы-ни. — Всех вас благодарю — и тебя и твоих бойцов. Стояли, как и надо, ни одного вершка не

уступили врагу. — Он снова горячо пожал Шан Чжи-линю руку и долго не выпускал ее, чувствуя, как тот взволнован.

А Шан Чжи-ин стоял рядом и молча улыбался, от души завидуя Чжай Цзы-ни. Ну почему Шан Чжи-линь не может обнять его, как обнимает сейчас комиссара?.. По правде говоря, он и сам чувствовал себя несколько стесненным. Был бы здесь кто-нибудь другой из ротных командиров, не его родной брат, разве он не [358] поздоровался бы с ним так же сердечно, как здоровается с Шан Чжи-линем Чжай Цзы-ни? Конечно, поздоровался бы. Да, трудно найти в таком положении слова, которые лучше всего могли бы выразить радость встречи!..

Ван Бин-чэнь повел командира полка и политкома осматривать позиции. В сумеречной мгле были хорошо видны следы работы артиллерии. Искореженные огнем высоты потеряли всю свою привлекательность. От всего того, что Шан Чжи-ин помнил еще по первой рекогносцировке, ничего не сохранилось — ни леса, ни густой шелковистой травы, ни мхов, покрывавших северные уступы скал. Черная, выжженная земля открывалась взору, как немой свидетель того, что здесь произошло. Шан Чжи-ин медленно переводил бинокль от одной воронки к другой, подолгу задерживал взгляд на высотах, на которых не осталось ни одного живого места...

С восходом солнца противник возобновил обстрел. На этот раз огонь был сосредоточен на высоте слева. Как только рассеялся дым после взрыва первого снаряда, на высоту обрушился залп огня. Вершину вмиг окутало черным дымом, в просветах которого было видно, как на землю падают расщепленные бревна, доски, камни.

Шан Чжи-линь бросился в блиндаж, чтобы узнать по телефону, что произошло на высоте. Через минуту он уже докладывал Шан Чжи-ину:

— Прямое попадание в укрытие. Тяжело ранен наблюдатель...

— Вот так оно и получается, — со злостью процедил Ван Бин-чэнь. — С утра до вечера палит, сволочь! Ни за что, ни про что теряем людей. — Он закашлялся и, когда пришел в себя, с укором посмотрел на командира полка и политкома. — Нечего валить все на американцев, себя винить надо. Чего мы тянем в самом деле? Уперлись в оборону, вот она и бьет нас...

Шан Чжи-ин и без этих слов понимал, что творится на душе у Ван Бин-чэня. «Конечно, — подумал он, — если разговаривать с противником гранатами, вызвать его на рукопашный бой, тогда один мой полк справится с его десятью. А сейчас он на это и рассчитывает: иметь дело со сталью проще, чем с человеком. Но что-то нужно решить. Нельзя допускать, чтобы американцы действовали безнаказанно». [359]

— Что мы можем сделать, чтобы свести на нет силу артиллерийского огня противника? — словно угадывая его мысли, спросил Чжай Цзы-ни. — Давайте вместе подумаем. Противник, по-видимому, собирается весной снова начать наступление. Остается немногим больше трех месяцев. Не так уж много, если говорить о нашей готовности...

Закончив осмотр позиций, Шан Чжи-ин попрощался с Ван Бин-чэнем за руку.

— Я думаю, — сказал он, — тебе отдохнуть бы надо некоторое время.

Сердечность, с какой были сказаны эти слова, еще больше озлобила Ван Бин-чэня. Что он, командир полка, не знает, как умеет драться Ван Бин-чэнь? По всей дивизии о нем слава: такого не согнешь! — а тут предлагают топтаться на месте, зарываться в землю, бессмысленно терять людей. Неужели ему действительно придется строить эти оборонительные сооружения, о которых только и говорит все время Шан Чжи-ин? Нет, не о такой обороне он мечтал, — он жаждал прорыва, стремительного броска, наступления, которое заставит американских чертей бежать без оглядки тысячу ли. А вместо этого ему предлагают думать о земляных работах, словно ни о чем другом в общем-то и говорить нечего. Это невозможно. Зачем растрчивать столько лишних сил?

— Тебе действительно нужно отдохнуть, Ван Бин-чэнь, — вмешался в разговор Чжай Цзы-ни. — Подлечись хорошенько, пока есть возможность. Не надо нервничать, тогда ты поймешь, что сейчас главное.

— Когда-нибудь человек все поймет, конечно! — недовольным тоном возразил ему Ван Бин-чэнь, все еще не имея сил примириться со своим поражением.

Когда Чжай Цзы-ни, отойдя уже на значительное расстояние, оглянулся назад, Ван Бин-чэнь стоял на том же месте и смотрел в их сторону. Он помахал ему рукой, как бы советуя скорее возвращаться к себе в блиндаж, и сказал Шан Чжи-ину:

— Ну и характер! В наступлении — лучшего командира и не надо. А в обороне, когда приходится отбиваться, черт знает, что он за человек. Как это о таких говорили в древности? «Несправедливо обиженный талант»? — На словах «несправедливо обиженный» он [360] сделал ударение, явно иронизируя над Ван Бин-чэнем. Новым требованиям Ван Бин-чэнь, безусловно, не отвечал, он просто не понимал создавшейся обстановки. Повернувшись к Шан Чжи-ину, он заговорил о другом. — Обязательно расскажи на совещании о наших соображениях. Передай, что это единственная для нас возможность удержаться, другого выхода нет... И еще одно — это когда совещание закончится: увидишь Ван Шу-цин, передай ей от меня привет, спроси, как она себя чувствует, как здоровье...

Шан Чжи-ин сердечно попрощался с комиссаром. Пора было отправляться на совещание в штаб армии.

53

Возвращался Шан Чжи-ин с совещания в приподнятом настроении, словно весь мир раскрылся перед его глазами. Встречи и беседы с армейским командованием, командирами других частей, прибывшими прямо с фронта, помогли ему по-новому оценить все то, о чем он много раз думал за эти десять дней кровопролитных боев. Обобщив обстановку на фронте, командование войсками народных добровольцев приняло решение:

— Врубить в скалы. Сверлить грунт. Рыть траншеи.

Положение его полка совершенно изменится, когда намеченные командованием мероприятия будут выполнены. Но это в будущем. Горы Кореи крепче гранита. Чтобы врубить в них, осуществить необходимые фортификационные работы, нужны максимальные усилия, иначе ничего не выйдет. Пока что можно только представить себе, какие трудности ожидают полк. Но почему же он думает не о них, почему его сердце наполнено радостью, оптимизмом? Неужели только потому, что теперь он может наконец забежать на несколько минут в дивизионный госпиталь и встретиться со своей женой, самым близким на всем свете человеком, которого тяжесть разлуки и жестокие испытания сделали еще ближе? Девять смертей и одну жизнь прожил он за эти дни, чтобы снова увидеть ее, но совсем не об этом думал, возвращаясь из штабарма. Его душа была полна любовью. Шан Чжи-ин любил жизнь, любил все, что видел вокруг себя, все это казалось ему значительным, [361] жизнеутверждающим, достойным любви и надежды. Словно горы, леса здесь, к которым он уже успел привыкнуть, созданы для любви и напоены ее ароматом. Даже осеннее небо и ощущение близкой зимы не мешало этому восторженному восприятию, холодные солнечные лучи — и те, казалось, излучали тепло, озаряя землю, весь видимый мир, вселенную.

Дежурный по штабу дивизии определил Шан Чжи-ина в «Дом для приезжих». Собственно, это был не дом в прямом смысле этого слова, а большая просторная землянка с высокими потолками, в которой вполне можно было стоять во весь рост, даже не сгибаясь. Новенькие походные койки были аккуратно застланы двумя одеялами — одним ватным и другим легким, служившим покрывалом. Около каждой койки стоял маленький деревянный столик, на нем термос с горячей водой, две чайные чашки с крышками, пачка

дорогих сигарет, свеча. Все здесь так и располагало к отдыху; В самом деле, почему бы ему не выспаться за столько дней! Что знал Шан Чжи-ин у себя в полку? Даже простой кровати не сколотил, чтобы не валяться на земле! Все время в дыму, в огне, сверху сыплется песок, без конца вызывают по телефону, ругаются, орут, уйма всяких неотложных дел. Глаз сомкнуть некогда, не то что по-человечески отдохнуть! Удивительное спокойствие в «Доме для приезжих» являло резкий контраст всему тому, что приходилось видеть на переднем крае. Здесь не было слышно даже отдаленного грохота орудий. Какая тишина! Почему же ему не спится в такую тихую ночь? Тяжелые мысли ворочаются в мозгу. Они, как море, никогда не знают покоя. Он снова — в который уже раз! — достает письмо жены и держит в руках, хотя знает его наизусть. Он представляет ее себе сейчас такой, какой она должна была выглядеть, стирая белье. Вот она вытирает руки, садится за стол, берет чистый лист бумаги. Перед ее глазами яркие впечатления о демонстрации, шумный, встревоженный город, красные флаги... Как все-таки далеко он от нее, в другой стране, за тысячи ли от родного дома! Нет, нет, о чем он думает! Ведь она здесь, рядом!..

Но нарисовать в своем воображении Ван Шу-цин в халате медицинской сестры он не смог, несмотря на все свои старания. Он представлял ее себе той, дома, [362] склонившейся над кроваткой Мао-мао. В комнате тихо, занавески на окнах опущены, ярко горит лампа... Такой была комната в момент расставания, и это впечатление глубоко врезалось в его память. Трудно поверить, что она все бросила и приехала сюда. Сомнений быть не могло: она действительно приехала, это была правда, но именно эта правда никак не укладывалась в его сознании. Он просто не понимал причины такой ее настойчивости, даже упрямства. Ему было стыдно за нее, в то же время он не мог не признаться самому себе, что гордится ею, гордится своей женой, которая приехала на фронт за столько километров... Когда он подумал об этом, он уже не мог ни одной минуты оставаться в «Доме для приезжих». Он должен видеть ее, видеть теперь же... Ведь нужно столько рассказать ей! Какое смелое решение приняло командование! Не только остановить врага, но и спутать все его карты, сорвать его замыслы!.. Не задумываясь, он сунул в карман письмо жены, тихонько, чтобы не разбудить спящих, вышел из землянки и спустился в овраг. Шагов через пятьдесят он вдруг увидел, что впереди него кто-то идет. Он замедлил шаг. Идущий впереди остановился на опушке леса и стал смотреть вдаль, на чистое, звездное небо. Шан Чжи-ин решил, что это часовой, но тот вдруг чиркнул спичкой, поднес к лицу и стал раскуривать сигарету. Раскуривал он медленно, глубокими затяжками. Шан Чжи-ин сразу узнал в нем командира дивизии.

— Не спите, товарищ комдив? — спросил он, почему-то смутившись.

— А? — повернулся в его сторону комдив, всматриваясь в темноту. — Кто там?

— Я, — ответил Шан Чжи-ин, подходя ближе.

— Так это ты? — узнал его комдив. — Не сплю, как видишь.

Шан Чжи-ин по привычке поправил шинель, вытянулся. Немало удивленный тем, что комдив, несмотря на глубокую ночь, бодрствует, он молчал. Комдив словно понял его немой вопрос.

— Места здесь красивые! Кругом леса, родники в каждом овраге...

Несколько минут они молча стояли рядом, вслушиваясь в ночные шорохи. Со дна оврага, со стороны леса тянуло холодом. [363]

— Что же делать? — словно продолжая начатую мысль, заговорил комдив. — Не спится! Лежим мы с комиссаром, свет погашен, а сна нет. Ворочаюсь с боку на бок, вдруг слышу — комиссар тоже ворочается. «Не спишь?» — спрашиваю. «Что делать, не сплю, — отвечает. — А тебе почему не спится?» «Не спится, и все тут. Перенервничал, что ли?» Посидели мы с ним вдвоем, покурили. Нет сна, хоть ты тресни. Пошли в клуб, может, кинокартина какая-нибудь есть... Механик говорит — диафильмы новые получили. Показал. Все о строительстве на родине... А ты почему не спишь? В «Доме для приезжих» остановился? Как там, не холодно? Устроили тебя хорошо?

— Устроили очень хорошо, товарищ комдив, — успокоил его Шан Чжи-ин. Он даже не думал, что начальство станет спрашивать его об этом. Но что он ответит ему на вопрос, почему ему не спится?

Выйдя на дорогу, они дошли до перекрестка. Отсюда открывался вид на сверкающий в лунном свете быстро-струйный Гымган. Идти никуда не хотелось, и они присели на придорожный камень.

— Думаешь все? — спросил спустя некоторое время комдив.

— Думаю, — в тон ему ответил Шан Чжи-ин, но тут же спохватился. — Да нет, товарищ комдив, то, о чем вы думаете, меня не волнует.

— А мне кажется, должно волновать. Это ведь не просто оборона. Вопрос в том, сумеем ли мы добиться изменения в соотношении сил. Нам нужно выиграть время и обеспечить родине возможность мирного строительства. Как нам нужна настоящая тяжелая промышленность!.. Чем могущественнее будут силы мира, тем меньше у врагов мира шансов развязать войну, и если она все же вспыхнет, мы сумеем быстро погасить ее. — Комдив поднялся и подмигнул Шан Чжи-ину. В его глазах Шан Чжи-ин, несмотря на темноту, уловил озорной блеск. Спокойствие и уверенность командира дивизии невольно передались ему.

— Давай иди спать, уже не рано, — зевнув, сказал комдив. — Завтра сходишь навестить свою красавицу.

Шан Чжи-ин от неожиданности остолбенел. Откуда [364] комдиву известно, что именно об этом он и хотел его просить?

Растерянность Шан Чжи-ина развеселила комдива.

— Твой комиссар звонил мне, просил разрешить тебе краткосрочный отпуск... А сам почему молчал? Стеснялся?

— Я только что хотел рассказать вам, — откровенно признался Шан Чжи-ин. — Всегда так получается, вы раньше других все знаете...

— Дело теперь не торопит, утвердились мы прочно. Обязательно навести ее. Сколько тебе понадобится времени?

— Немного, товарищ комдив. Это как раз по пути;..

— Хорошо, бери, сколько нужно...

Вернувшись к себе, Шан Чжи-ин сразу же уснул как убитый. Проснулся он, когда солнце было уже довольно высоко. Давно он не чувствовал себя таким бодрым. Вспомнились встреча с комдивом, разговор с ним по душам, заботливая предупредительность Чжай Цзы-ни... Он быстро побрился, взглянул на себя в зеркало, поправил складки шинели и вышел.

Дивизионный госпиталь находился на северном склоне горы. Дорога к нему с командного пункта дивизии вела в обход, и, чтобы сократить расстояние, Шан Чжи-ин решил идти через овраг. Оказалось, что путь напрямую был довольно трудным, особенно спуск в овраг, и очень скоро он весь вспотел. Сразу за мостиком, переброшенным через ослепительно сверкавший на солнце ручей, начинался подъем. Волей-неволей пришлось замедлить шаг. Он шел, тяжело отдуваясь, все время вытирая на ходу вспотевший лоб. Думать ему ни о чем не хотелось — все мысли были прикованы к тому, чтобы идти как можно скорее.

На тропинке показались две девушки в белых халатах. По узлам, перекинутым через плечо, Шан Чжи-ин понял, что они шли к ручью стирать бинты. Он уже хотел было окликнуть их, как заметил еще одну девушку, следившую за ним из расщелины в скале. Худенькая, бледная, в халате медсестры, она не спускала с него глаз. Как только их взгляды встретились, она вдруг всплеснула руками, тихонько вскрикнула и со всех ног бросилась к нему навстречу. [365]

Когда Ван Шу-цин, сопровождавшая раненых в дивизионный госпиталь, оставляла полк, бои в долине Мундынри достигли наивысшего напряжения. Противник ввел в прорыв танки, рассчитывая сломить сопротивление и начать активные наступательные операции. Шан Чжи-ин третий день находился на переднем крае, и начальнику санотряда никак не удавалось связаться с ним.

Неужели пустяковая рана может служить достаточным основанием; чтобы отправить ее в тыл? В общей сутолоке погрузки раненых она забыла, что сама ранена. Боль в плече как-то притупилась, и она старалась не думать о ней. Машина шла на север, Ван Шу-цин все время смотрела назад, на багровое от пожара небо над Мундынри, и проклинала себя за то, что ее фронтовая жизнь сложилась так неудачно, что чуть ли не в первый день она была ранена, что не нашла в себе сил убедить начальника санотряда оставить ее на перевязочном пункте. Немного успокоилась она только тогда, когда ушла с головой в работу в дивизионном госпитале, — здесь работы было тоже достаточно.

...Как только машина, доставившая раненых в дивизионный госпиталь, остановилась и Ван Шу-цин сама спрыгнула на землю, принимавший документы товарищ подозрительно посмотрел на нее и спросил:

— Ты что — легко ранена?

Ван Шу-цин притворилась непонимающей.

— Я на работе.

— Вот смотри, тут написано: «ранена», — невозмутимо передавая ей документы, сказал военврач.

Минуту Ван Шу-цин стояла молча, раздумывая, как ей быть, потом решительно повернулась к врачу, предлагая самому осмотреть рану. Но притворство удавалось ей плохо. Врач понял это с первого взгляда. Тогда она стала спорить.

— И это называется раной? Царапина пустяковая!

Врач вздохнул и принялся заново перевязывать раненое плечо.

— Что там у вас произошло? — спросил он, переходя на мирный тон.

— Снаряд разорвался на перевязочном. Я бы, конечно, могла остаться, но начальник санотряда настоял [366] на том, чтобы я поехала к вам. Здесь, говорит, работать мне будет удобнее.

— Но он прислал тебя как раненую.

Ван Шу-цин снова вспыхнула.

— Ну какая я раненая, вы разве сами не видите?!

Случилось это утром, весь день я работала, а отправляли к вам раненых поздно вечером. Начальник санотряда так и сказал мне: собирайся, едешь сопровождать раненых. Так бы я и поехала, если бы знала, что ложиться в госпиталь!.. Это наш писарь по ошибке записал так... — Больше всего на свете она боялась, что ее действительно отправят сейчас дальше в тыл.

Оставшись одна, она перебинтовала рану, недовольная перевязкой, сделанной врачом, и пошла работать. Работала она весь день, как и все. К вечеру стали прибывать новые раненые. Их становилось все больше и больше. Бои в долине Мундынри не стихали. Обороняющиеся несли большие потери убитыми и ранеными. Поступавшие в госпиталь приносили с собой самые разноречивые слухи, однако все сходилось на одном: положение очень серьезное. Ван Шу-цин места себе не находила. Ей все казалось, что вот-вот она услышит что-то страшное о Шан Чжи-ине, но никто ни разу не назвал его имени, хотя большинство раненых поступало из Мундынри. Перед глазами Ван Шу-цин все время стояли две крытые соломой хижины под скалой, лес, ручей...

Ночью доставили Ли Шу-суна. Он был без сознания, но другие раненые рассказывали, при каких обстоятельствах Ли Шу-сун был ранен. Он успел подбить два вражеских танка, прорвавшихся на позицию. На третьем его постигла неудача — вместе с орудием он был отброшен взрывной волной в сторону и уже не имел сил подняться. Если

бы Шан Чжи-ин не приказал артиллерии открыть по танкам огонь, заставивший их отступить, санитары ни за что не смогли бы вынести Ли Шу-суна с поля боя.

Это была первая весточка о Шан Чжи-ине, которую услышала Ван Шу-цин. Когда Ли Шу-сун пришел в себя и сам стал рассказывать подробности танковой атаки, она вся дрожала. Потом в госпиталь доставили Тан Чжун-сюня и Яо Цин-линя. Оба были в тяжелом состоянии, и их сразу же отправили в тыл. Пока [367] оформлялись документы, она узнала от них о приказе, подписанном командиром полка и политкомом...

Дни до предела были заполнены работой. Ван Шу-цин старалась ни о чем не думать, и все же тревожные предчувствия не покидали ее: а вдруг, спрашивала она себя всякий раз, среди новой партии раненых она увидит на носилках своего Шан Чжи-ина?.. Когда поступали раненые из их полка, сердце замирало у нее от страха.

Как-то, выбежав к подъехавшей санитарной машине, она узнала в одном бойце Ван Куня. Обе руки Ван Куня были забинтованы, но он упорно отказывался от помощи. Ей стало больно за него. Ведь с этим мальчиком она познакомилась еще на родине, вместе они добирались на попутной машине к фронту, вместе мокли под проливным дождем, только бы скорее попасть в свой полк. И вот — он тоже ранен, война не пощадила и его.

Ван Кунь встретил ее скорее недоброжелательно, чем равнодушно.

— Ты здесь?! — с плохо разыгранным безразличием протянул он.

Ван Шу-цин покраснела. В этом обращении она почувствовала обидный для себя упрек. «Не ты ли, — словно говорил он, — уверяла меня, что рвешься на фронт?» Но в действительности Ван Кунь ничего этого не думал. Он просто забыл о ней еще в тот момент, когда соскакивал с машины, чтобы, не попавшись на глаза начальству, которое опять станет приставать к нему с нелепыми вопросами. Встреча была для него неожиданной, и в первую минуту он даже не знал, это сказать.

— Я была в полку, — как бы оправдываясь, сказала Ван Шу-цин. — Сюда попала после того, как сама была... ранена.

Только сейчас она почувствовала, что за этим будничным, таким привычным словом скрывается нечто большее — слава! Нет-нет, пусть Ван Кунь не думает: здесь тоже фронт, но она несколько не боится войны... Она вдруг выросла в своих глазах. Да, она имеет право произнести это слово. Она не посторонний наблюдатель, она в строю, она родной и близкий солдатам человек... уложив Ван Куня на койку, она побежала за кипятком, [368] напоила его и вдруг спросила неожиданно для самой себя:

— Куришь?

— Курю, — пренебрежительным тоном ответил Ван Кунь, хотя в действительности никогда не держал в зубах сигареты. Но он был зол на себя, на госпиталь, в который попал «ни за что ни про что», и готов был на все, только бы насолить кому-нибудь.

— А спички есть?

— Нет! — буркнул он, не глядя на нее.

Ван Шу-цин убежала.

Лежавший рядом с Ван Кунем боец приподнялся на локтях, вздохнул и спросил его как бы невзначай:

— Ты откуда попал сюда?

— Что значит откуда! Конечно, из Вэньдэнли! — запальчиво ответил Ван Кунь. Название долины Мундынри он произнес по-китайски, как произносили его все бойцы. — Слышал о таком месте?

— Из Вэньдэнли, а грубишь ей! — усмехнулся боец. — Ты знаешь, кто она?

— Медсестра эта? Говори, если хочется говорить.

— Так сразу и говори!

Что-то в этом ответе было такое, что заставило Ван Куня насторожиться. Боец заметил, как он скосил в его сторону взглядом.

Когда Ван Шу-цинъ вернулась, Ван Кунь уже все знал. Он вспомнил, как она заботливо ухаживала за ним в дороге, и чувствовал себя очень неловко. Потупив взор, он осторожно отодвинул от себя принесенные ею табак и спички.

— Извини меня, товарищ, — чуть слышно проговорил он. — Я ведь не курю, это я так сказал...

— Кури, кури, не бойся, я тебе разрешаю, — успокоила его Ван Шу-цинъ, думая, что он стесняется курить в палате. — Ты ведь хотел!

— Я не курю, честное слово, — повторил Ван Кунь и покраснел. От его мальчишеской запальчивости не осталось и следа. — Злюсь, что упрятали меня в госпиталь, вот и хотел выместить обиду...

— Чего же ты злишься?

— Очень интересно торчать здесь! К своим я хочу... Как только ни уговаривал я их, кричал, голос сорвал, [369] упрашивая, а они ни в какую, словно им дела до меня нет. В тыл, и все... Вот я и обозлился...

— И зря. Зачем волноваться? Поправишься и опять пойдешь воевать.

Ван Кунь даже вздрогнул, таким неожиданным для него был этот ответ. Наконец-то он нашел человека, который его понимает! Каких это трудов ему стоило! Он готов раскрыть перед ней всю душу. Ведь она — первая, кто слушает его, разговаривает с ним, как с равным, проявляет внимание. Почему он так грубит всем? Да потому, что все словно сговорились против него, раззадоривают, считают мальчишкой, не хотят верить ни одному его слову. Даже Цзян Вань-цзе и тот никогда не относится серьезно к его просьбам. Подумаешь, командир нашелся! Кто ему дал право командовать! «Уходи!» А если он не хочет уходить с позиции?.. И ротный тоже хорош! Даже не стал его слушать. Приказал санитару: «В госпиталь, нечего с ним болтать здесь зря!» — и ушел по своим делам. И везде так. На перевязочном пункте в полку с ним и разговаривать не стали, затолкали в машину — и сюда!

Когда Ван Кунь кончил рассказывать о своих мытарствах, Ван Шу-цинъ рассмеялась.

— Маленький, а какой сердитый!.. Ладно, я попрошу начальника, чтобы разрешил оставить тебя здесь. Обещаю смотреть за тобой, пока не поправишься.

Ван Кунь расплылся в благодарной улыбке.

Ночью, когда все спали, Ван Шу-цинъ неслышным шагом подошла к его койке. Вокруг было тихо. Из лесу доносился умиротворяющий шум сосен. Ван Кунь спал. Но когда она прикоснулась к его лбу, чтобы узнать, не повысилась ли температура, он открыл глаза. В тусклом свете дежурной лампочки он увидел ее лицо и руку, удивительно напоминавшую руку матери.

— Ты еще не написала ему? — одними губами спросил он.

— Нет, — так же тихо ответила она, смутившись.

— И не видела его?

— Нет.

— Так напиши, не откладывай. Завтра я поправлюсь и возьму с собой. В собственные руки отдам, честное слово.

— Ты поправляйся, не думай об этом. [370]

— Эх, дали бы мне такое лекарство, чтобы успокоиться! Внутри все горит! — вдруг быстро заговорил он, вспомнив оставшихся на фронте товарищей.

Ван Шу-цинъ поднесла ему стакан воды.

— Не надо волноваться. Придет время — поправишься. Самое большее полмесяца...

— Ладно, тебе я верю. Вместе уйдем в полк, согласна?

Он сказал это доверительным шепотом, глубоко тронутый ее заботой. Наступила пауза.

Оба молчали, думая о своем.

— А ты видел командира полка? — спросила она.

— Еще бы! Вот это человек! Я ведь забыл тебе сказать. Конечно, видел его. На позиции. Он стоял во весь рост, на груди — бинокль, рядом начальник штаба, командир артдивизиона, наш комбат. Что он говорил им, я не слышал, но видеть — видел: он все время куда-то вперед рукой показывал. — Ван Кунь, конечно, сочинял, что видел Шан Чжи-ина, но ему так хотелось утешить ее, что он сам поверил своим словам. — Ты будь спокойна за него. Знаешь, какое у командира полка здоровье? Крепче ни у кого нет, А командир какой! Что бы ни случилось, всегда найдет выход из положения...

Укрыв Ван Куня одеялом поплотнее, она вышла из палаты. Его восторженный рассказ и в самом деле успокоил ее. Она даже не сомневалась в том, что все это правда. И вместе с тем она с новой силой ощутила, что ей не хватает главного, ради чего она приехала сюда. Она должна увидеть Шан Чжи-ина немедленно, пока все спят и никто не заметит ее исчезновения. Никогда, ни с кем она не говорила о своем чувстве. Она работала до самозабвения, только бы не проговориться ненароком, не высказать кому-то ту боль, которую она скрывала от себя самой. Долго ли так может продолжаться? Сердце ее зовет к нему.

«Шан Чжи-ин, я хочу быть, рядом с тобой. Ты, наверное, так изменился, что я и не узнаю тебя...»

Она долго не могла успокоиться — чувства не повиновались рассудку. Наконец она заставила взять себя в руки. Пора было идти с очередным обходом по палатам. Из палаты, в которой лежал Ван Кунь, послышался слабый стон. [371]

— Я здесь, что тебе? — вбегая в палату на цыпочках, спросила она раненого. Мысли о себе, которыми она была полна только что, отодвинулись куда-то далеко-далеко.

Ночь сменилась днем.

Яростное наступление противника захлебнулось.

По всему фронту из уст в уста передавалась весть о том, как в долине Мундынри противник «сел на мель». Рассказы о подвиге полка Шан Чжи-ина обрастали все новыми и новыми подробностями.

— Вот это полк! Здорово! Бились что надо! Ни одного вершка земли не уступили врагу!

— Да, трудно пришлось им на этот раз. Шутка сказать, остановить такую силищу! Попробовали американцы перейти заставу, да не вышло!

— В дивизии, говорят, весь полк к награде представили!..

Люди бурно выражали радость. Медицинские сестры, санитары, врачи, обступившие со всех сторон политрука, засыпали его вопросами. Но Ван Шу-цинъ уже научилась сдерживать свои чувства. Незаметно выбравшись из толпы, она пошла сообщить новость Ван Куню. Нашла она его во дворе — он лежал, удобно устроившись на камне, и грелся на солнышке.

При первых ее словах он так и подскочил.

— Нечего мне здесь валяться! Замучаете своим лечением. Сегодня же уйду!..

— Ты только не шуми, — усадила его Ван Шу-цинъ на место. — Я что-нибудь придумаю.

...Ночью Ван Шу-цинъ вызвали к телефону. Испуганная, она бросилась в комнату дежурного, не чуя под собой ног. В трубке послышался знакомый голос Чжай Цзы-ни. Она вся сжалась. Рука, державшая трубку, дрожала. Пересиливая волнение, она спросила:

— Товарищ комиссар, вы? Как вы там?

— Об этом спрашивай не меня, а Шан Чжи-ина, — весело ответил Чжай Цзы-ни.

У Ван Шу-цинъ сразу отлегло от сердца. На лице выступил румянец.

— Я о вас беспокоюсь, вот и спрашиваю. [372]

— Я и отвечаю, хорошо. И твой Шан Чжи-ин тоже хорошо. А ты как?

— Товарищ комиссар, — торопливо заговорила в трубку Ван Шу-цинъ. — Жена просила передать вам привет. Она очень волнуется, все время думает о вас.

— А что ей остается делать! — отшутился Чжай Цзы-ни. — Она не такая активная, как ты.

Ван Шу-цинъ почувствовала себя неловко.

— Ну зачем вы смеетесь? Она, правда, беспокоится.

— Я не смеюсь. Спасибо тебе за добрую весточку, ты ведь сама знаешь, как это приятно... Ты меня слышишь? Твой Шан Чжи-ин вот-вот будет у вас, готовься к встрече. Он уже звонил тебе?

— Нет, — вздрогнула Ван Шу-цинъ.

— Тогда считай мое извещение совершенно официальным... А как Мао-мао?

— Здоров, что ему!

— Как же это ты оставила его? Я бы на твоём месте никогда не решился на такой шаг... Да, забыл спросить о самом главном! Как заживает рана?

— Спасибо. Уже не болит.

Ван Шу-цинъ и во сне не снилось, что она будет говорить с политкомом. Какой он хороший, Чжай Цзы-ни! Ничего не забыл, всегда думает о других, знает, чем обрадовать человека... Неужели правда то, что он только что сказал? Шан Чжи-ин должен вот-вот прийти? Она не ослышалась? Как все это неожиданно! Дни и ночи она мечтала о встрече с Шан Чжи-ином, а сейчас растерялась. Всю ночь она не находила себе места, вздрагивала при малейшем шорохе, везде видела приметы чего-то нехорошего, недоброго. Однажды она чихнула два раза подряд и решила, что это тоже примета: он велит ей немедленно идти встречать его. Она выбежала на дорогу. Кругом было темно, как в шкатулке из черного лака. Она заставила себя задержать шаг. Снова в голову полезли нехорошие мысли: а вдруг что-нибудь случится, вдруг ему придется изменить свое намерение? Значит, Шан Чжи-ин не придет!.. Ночь тянулась медленно, как никогда раньше. Когда она взглянула на часы, ей даже показалось, что время остановилось — было только одиннадцать часов. Ожидание всегда трудно, особенно по ночам, а тут еще тревожные мысли, от которых сердце сжималось до боли, словно его стягивали [373] канатом. С рассветом она снова выбежала на дорогу и стала ждать. Ждала она долго. Взошло солнце, но его все не было: что-то, конечно, случилось! И вдруг, когда она уже совсем было потеряла надежду увидеть Шан Чжи-ина, он появился совсем не с той стороны, откуда она его ждала...

Первое время они шли лесом, но она не чувствовала холода, хотя лучи солнца совсем не проникали сюда.

— Ты на меня сердись? — тихо спросила она, не выпуская его руки из своей.

— Я? Нет... — задумчиво ответил он. — Выдержишь ли ты, не знаю.

— Выдержу.

В ущелье они остановились. Ван Шу-цинъ прижалась к нему всем телом. Она долго крепилась, не решаясь сказать ему то, о чём думала всю ночь.

— Чжи-ин, ты только не сердись на меня. Вот уже месяц, как сердце мое разрывается на части...

— Тебе было страшно?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, за тебя беспокоилась.

Они медленно пошли дальше. С каждым шагом лес становился гуще.

— Сейчас свободнее стало со временем? — спросила она.

Шан Чжи-ин вдруг остановился.

— В том-то и дело, что нет. Хотел бы побыть с тобой, да... Право, не знаю, как и быть. — Он крепко сжал ее руки. Они были холодные как лед.

— Но ты будешь приезжать, да? Ненадолго? — Она смотрела ему в глаза и ждала ответа.

Минут десять они стояли рядом. Никто за это время не произнес ни слова. Но время шло, и десять минут промчались, как мгновение. Сколько слов осталось между ними не высказано!

На обратном пути Ван Шу-цинъ вела Шан Чжи-ина под руку.

Вдруг она вспомнила.

— Ты не зайдешь взглянуть на наших раненых?

— Я тоже об этом сейчас подумал. Надо зайти. Уже в палате Ван Шу-цинъ привлекла к себе Шан Чжи-ина и шепнула ему на ухо:

— Ты меня подожди одну минуту, я сейчас. [374]

С этими словами она торопливо вышла, но тут же вернулась, чтобы убедиться, что Шан Чжи-ин еще не ушел. В следующее мгновение ее худенькая фигурка в белом халате скрылась в чаще леса.

55

Чжай Цзы-ни сидел за книгой, но никак не мог сосредоточиться и заставить себя понять, что он читает. В чем дело, почему так долго нет Шан Чжи-ина, ведь из штаба дивизии ему ответили, что он ушел еще днем?

...Ван Шу-цинъ вбежала запыхавшаяся в палату, когда Шан Чжи-ин уже прощался со своими бойцами. Санитарки разносили обед. Ван Шу-цинъ быстро оформила документы Ван Куню и вышла проводить его. Ван Кунь ждал, на дороге, подтянутый, с вещевым мешком за плечами. Он был безмерно рад тому, что его выписали из госпиталя, и готов был бежать в свой полк со всех ног. Правда, торопиться заставило его еще одно обстоятельство, о котором Ван Шу-цинъ не догадывалась: он хотел дать ей возможность подольше побыть с Шан Чжи-ином наедине, поэтому шел, не оглядываясь назад.

Ван Шу-цинъ и Шан Чжи-ин медленно шли по дороге, взявшись за руки. Им хотелось отдалить минуту расставания, посидеть некоторое время рядом, действительно побыть наедине!.. Вдруг Ван Шу-цинъ вспомнила, что еще не отдала ему фотокарточку, на которой они были сняты вместе. Ее глаза на снимке были затуманены слезами, но она улыбалась, и эта улыбка была такая доверчивая, словно она открывала любимому человеку все свои тайны, ничего не пряча от него.

Солнце было уже довольно высоко. «Какое теплое здесь начало зимы, — подумал Шан Чжи-ин. — Сама природа желает людям счастья».

— Пошли, что ты все время останавливаешься! — потянула его за руку Ван Шу-цинъ.

Бережно спрятав фотокарточку во внутренний карман тужурки, он постоял еще немного и стал с ней прощаться...

На повороте дороги, в зарослях камыша, его уже ждали. В одном из ожидавших он узнал Ван Куня, в другом — своего вестового. [375]

— Давно здесь? — спросил он, подойдя ближе.

Ван Кунь покраснел.

Да нет, совсем недавно.

— Сможешь идти сам? — спросил Шан Чжи-ин, недоверчиво покосившись в его сторону.

— А как же!

Занятый своими мыслями, Шан Чжи-ин шел быстро, и Ван Кунь еле поспевал за ним. Он то бежал, чтобы не отстать, то шел вприпрыжку, то останавливался перевести дыхание. Ремни вещевого мешка часто сползали, приходилось придерживать их руками, что также нервировало его.

— Чего это тебе так не терпится в полк вернуться? — спросил Шан Чжи-ин, замедляя шаг.

Ван Кунь стремительно выбежал вперед и зашагал рядом.

— Тоска в госпитале, товарищ командир полка. Обратное скорее хочется. Наше отделение еще на фронте?

— На фронте, — успокоил его Шан Чжи-ин и повернулся к вестовому. — Ходил на телефонный узел?

— Ходил, — ответил вестовой, которому Шан Чжи-ин поручал связаться с полком, пока он будет в госпитале.

— С кем разговаривал?

— С комиссаром. Сам комиссар позвонил, товарищ командир полка, спрашивал, когда возвращаться думаем.

— Что ты ему ответил?

— Ответил, что сейчас выходим.

— Зачем же ты обманул его? Эх ты! — Шан Чжи-ин вздохнул и минуту молчал. — Пошли-ка скорее. Дома уже ждут.

Стало совсем темно. Чжай Цзы-ни по-прежнему сидел в блиндаже оперативного отдела, не думая идти спать. Отсутствие Шан Чжи-ина не на шутку беспокоило его. Вместе с тем покоя не давали и мысли о будущем. «Как там решили главный вопрос? Ведь теперь нам стоять и стоять здесь!..»

В это время за дверью послышались грузные шаги командира полка. Чжай Цзы-ни быстро поднялся к нему навстречу. [376]

— Ну, комиссар, дела! — еще в дверях заговорил Шан Чжи-ин. — Знаешь, как командарм похвалил наше предложение!..

— И план реальный уже есть?

— А как же! Вот он!.. Но сперва разреши тебя поблагодарить! — Шан Чжи-ин горячо пожал товарищу руку. — Это за то, что ты выпросил для меня у комдива отпуск...

— Видел ее? — быстро спросил Чжай Цзы-ни. — Как она?

— Хорошо... А теперь давай о деле. — Он вынул из кармана тетрадку, всю исписанную мелкими иероглифами, какие-то бумаги, приказ штабарма. Просидели они над ними до глубокой ночи, чтобы успеть подготовиться к заседанию полкового партийного комитета.

— Да, война в Корее принимает совсем другой оборот! — сказал Чжай Цзы-ни, поднимаясь. — Думаю, пора звать людей, не будем откладывать заседание парткома.

Обстановка была не для заседания, однако пришли все. Люди были изнурены до предела, нервничали. Окопы, которые по ночам рыли войска, противник разрушал днем артиллерийским огнем. Потери убитыми и ранеными не уменьшались. Большинство командиров придерживалось той точки зрения, что противник выдохся и теперь в артиллерийском обстреле находит себе утешение. Предложения были разноречивые. Одни настаивали на необходимости немедленного перехода в наступление, осуждали тактику обороны, другие утверждали, что война все равно долго не продолжится, поэтому следует учитывать настроения... Было совершенно ясно, что новую задачу, которую поставило командование перед полком, поймут и примут не сразу.

Ван Бин-чэнь пришел на заседание парткома унылый. Хотя он ничего не говорил, однако по выражению его лица было видно, о чем он сейчас думает. Своего мнения он не изменил, по-прежнему считая мероприятия оборонительного характера пустой тратой времени, выражением переоценки огневой мощи противника. Войдя, Шан Чжи-ин поздоровался со всеми за руку.

— Как здоровье? — остановился он перед Ван Бин-чэнем. — Поправляешься?

— Какой там поправляюсь! Плохо! — покачал Ван [377] Бин-чэнь головой. Вопрос командира полка задел его самолюбие: выходит, он не забыл той встречи...

Однако Шан Чжи-ин не придавал никакого значения его ответу, улыбнулся и велел садиться рядом с собой. Все обратили внимание на хорошее настроение командира полка и связали это с прибытием на фронт Ван Шу-цинью. Ему искренне завидовали, спрашивали о здоровье жены, радовались, что все обошлось благополучно.

— Я понимаю твоё состояние, — добродушным тоном сказал Шан Чжи-ин, обращаясь к Ван Бин-чэню. — Его вполне можно объяснить. Так, как думаешь ты, думают многие. Не тянуть с ударом, поскорее заканчивать войну, верно? Мысль правильная, и я бы хотел, чтобы все так думали. Мы ведем войну за мир, этого никто не должен забывать. Но чтобы покончить с войной, нужно проделать труднейшую работу, относиться к которой пренебрежительно нельзя. Американцы готовят агрессию против всего мира, Корея только начало. И готовятся они к этой войне давно. — Шан Чжи-ин встал, снял фуражку. — Мы спутаем все их планы. Мы задерживаемся здесь отнюдь не для того, чтобы нас били. Нам предстоит решить большую стратегическую задачу. Нужно вот здесь, на этой линии фронта, добиться изменения в соотношении сил. Но для этого должны быть созданы соответствующие условия. Пусть американцы тешат себя мыслями о «третьей решающей» войне, пусть сколько угодно кричат, что «уничтожат» коммунизм. Мы еще посмотрим, чья возьмет. Они еще дрожать перед нами будут от страха! — Он резко поднял сжатую в кулак руку и с силой опустил ее, словно разрубил воздух. — Врезаться в горы, траншеи строить — вот наша задача.

Шан Чжи-ин разложил на столе карту и попросил всех садиться ближе. Волнистые линии гор, изрезанные вдоль и поперек нанесенными на карту жирными, зигзагообразными линиями оборонительных сооружений, без слов говорили о том, что предстоит сделать. Это была гигантская стройка, превосходившая по своим масштабам все, о чем можно было предполагать. Горные хребты, кряжи, хаотическое нагромождение скал, не оставлявшие ни одного ровного места на всей линии фронта от восточного побережья Корейского полуострова [378] до западного, всю эту невероятную путаницу лабиринта высот и ущелий, в котором почти невозможно было разобраться, нужно было подчинить единому, четко продуманному плану обороны. В составлении этого плана должны были принять участие все — сверху донизу и снизу доверху. Нужно было тщательно продумать, где расположить огневые позиции каждого отделения, взвода, роты, батальона, нанести с предельной точностью передний край, правильно решить вопрос эшелонирования обороны в глубину, определить места для огневых точек, продовольственных складов, складов боепитания и все это надежно укрыть.

Предварительная наметка плана была готова только к рассвету. Ходы сообщения и траншеи избороздили позиции, словно кровеносные сосуды на теле человека. Линия обороны полка соединила в одно целое все большие и малые высоты, все овраги и ущелья.

— Итак, товарищи, — подвел итог обсуждению Шан Чжи-ин, — отдельных высот теперь нет. Сиротство наше кончилось. Мы имеем опорные пункты единого района обороны, которые должны превратить в неодолимые крепости. Они будут объединены единой системой огня. Можно не сомневаться, что мы сумеем защитить их. Пустынные горы станут неприступным поясом обороны.

Когда Шан Чжи-ин кончил говорить, к столу подошел комиссар.

— Ну как, не пугает новая задача? — улыбнулся он. — Конечно, нет. Или мы не коммунисты?.. Скажу одно, и на этом кончим заседание. Противник думает взять нас сталью. Поэтому мы и принимаем такое решение. Нужно сделать так, чтобы вражеские пушки били впустую. Пусть американцы бьют сколько угодно, мы заставим их расплатиться дорогой ценой за агрессию. Помните, товарищи, от строительства, которое мы начинаем, зависит длительный мир для всего мира.

Во время обсуждения плана Ван Бин-чэнь не проронил ни слова. Ему было стыдно признаться перед всеми в своей неправоте. Взошло солнце. Участники совещания разошлись по своим местам, собрались уходить батальонные командиры. Шан Чжи-ин попросил Ван Бин-чэня задержаться. [379]

— Вы сомневаетесь во мне? — вскинул упрямые глаза Ван Бин-чэнь.

— Я? Что ты! — дружелюбно рассмеялся Шан Чжи-ин. — Я ведь знаю, что ты не из тех, кого война испугала, кто не видит ей конца. Те — ограниченные люди, оставим об этом... Как твоё здоровье? — Он посмотрел на него спокойным, отеческим взглядом, и

Ван Бин-чэнь понял, что командир полка действительно ничего не имеет против него. — Как ты думаешь, Ван Бин-чэнь, не перейти ли тебе на работу в полк? Для твоего здоровья...

— Нет! — резко остановил его Ван Бин-чэнь. Он хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и твердым шагом вышел из блиндажа.

Солнце было уже высоко. Когда Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни поднялись на седловину горы, чтобы взглянуть на позиции полка, противник, как обычно, начал методический огонь по площади. На этот раз обстрелу подверглась высота Пякгуаньен, прозванная бойцами Кипарисовой сопкой. Вскоре в лозине показались два бойца, которые несли на руках раненого. Шан Чжи-ин торопливо сбежал вниз. Он не верил своим глазам: на руках у бойцов полулежал белый как полотно Ван Бин-чэнь.

Шан Чжи-ин только сейчас вспомнил, как не хотел отпускать его от себя. Какое-то предчувствие было, что противник будет обстреливать сегодня Кипарисовую. Ван Бин-чэнь направлялся как раз туда. Шел он, как всегда, очень самоуверенно, не обращая никакого внимания на обстрел. Ему бы пробежать несколько шагов, и все было бы в порядке. Но разве он мог «потерять лицо»? Мало того, что на заседании парткома его подвергли критике, не хватает еще, чтобы трусом назвали! Поэтому он шел прямо, не пригибаясь к земле, даже когда почувствовал на какое-то мгновение, что снаряд летит в его сторону. Упал он тихо, без крика, и, поняв, что не убит, остался лежать, никого не зовя на помощь. Его нашли телефонисты, исправлявшие повреждение на линии.

— Что делать? — вздохнул Шан Чжи-ин, не глядя на политкома. Когда бойцы снова подняли Ван Бин-чэня на руки, он обнял его и долго стоял, провожая молчаливым взглядом. Потом еще раз вздохнул и сказал [380], ни к кому не обращаясь:

— Чего я послушался его и не отправил лечиться!..

Чжай Цзы-ни махнул рукой: все равно поздно сокрушаться. Помолчав некоторое время, он сказал:

— Что ж, надо вызывать Ци Цзюнь-цай. Пусть принимает первый батальон. Сейчас нужны именно такие люди.

Вечером позвонили из дивизии: прибыло новое пополнение, и начальнику штаба полка предлагалось выслать за ним своих представителей.

56

Весть о прибытии нового пополнения в полку встретили радостно. Новые задачи требовали прежде всего людей, а их в ротах после кровопролитных боев осталось мало.

Цзи Цзюнь-цай довольно быстро освоился с новым для него делом. Он хорошо понимал, какие его ожидают трудности и что досталось ему в наследство от старого командира батальона. Трудностей он не боялся. Но и обижаться не было оснований. Обход своего «хозяйства» он начал с командного пункта первой роты. Его придирчивый глаз сразу же отметил плохое состояние укрытий. Со стен сочилась вода, всюду была грязь, лужи, которые, по-видимому, никогда не высыхали. Одежда на людях, одеяла, вещевые мешки — все было влажное, отсыревшее, постели заменяли тонкие подстилки из сена. В укрытии, в котором помещался штаб роты, Ци Цзюнь-цай долго не мог привыкнуть к темноте.

— Как же это так? — спросил он политрука.

— А чего спрашиваешь? — ответил политрук безразличным тоном. — Сам не видишь, пропускают стены воду?..

— Мне смотреть нечего, а тебе нужно! — иронически заметил Ци Цзюнь-цай. — Куда это годится? Стройте всё заново. Даже если на два дня строить, тоже нужно так, чтобы жить, а не прозябать в холоде.

В укрытии у Шан Чжи-линя он пробыл несколько дольше. Оно тоже было открыто на скорую руку. Защитный [381] слой земли сверху был явно недостаточный, бревен только два наката, сосновые ветви накиданы кое-как, некоторые подпорки качались.

— Укрытие построил, называется! — отряхивая руки, заметил он, окончив осмотр. — Нельзя было поосновательнее?

— А зачем? — возразил Шан Чжи-линь. — Не такой уж точный у противника огонь, как некоторым кажется.

— Я совсем не об этом, — рассмеялся Ци Цзюнь-цай. — По-видимому, ты заодно с теми, кто считает призыв к длительной войне с американским империализмом только лозунгом: мол, пошумим, поднимем у бойцов бдительность, и ладно. Думаешь, тебя этот лозунг не касается? Война действительно будет длительная, почему же ты свои расчеты связываешь не с этим, а? Если я не прав, готов принять свои слова обратно. Но если сказанное мной в какой-то степени понятно тебе, изволь принять замечание и не спорь. Поверь, если снаряд угодит в твоё укрытие — от него и перышка не останется. Зачем обрывать людей на гибель?

Шан Чжи-линь покраснел: новый комбат был абсолютно прав.

Переоборудование командного пункта Ци Цзюнь-цай быстро приближалось к концу. Блиндаж был построен добротнo, по всем правилам фортификационного искусства. Когда все было готово, Ци Цзюнь-цай сам прибрал помещение и возле своей койки, на стене, прикрепил три цветные фотографии, вырезанные им из иллюстрированного журнала. На одной из них была изображена высокая стройная девушка за сбором яблок. Красивая, такая же краснощекая, как и яблоки, которые она собирала в корзину, с ослепительной улыбкой, она действительно была обаятельна. На второй фотографии были засняты дети, играющие во дворе детского сада: полненькие, чисто одетые, с торчащими в разные стороны косичками, они так мило копошились в песке, что нельзя было не залюбоваться ими. Последняя фотография была вырезана им из советского журнала — панорама гигантского строительства, раскинувшегося на огромной площади. Кто знает, может быть, это была его мечта. При взгляде на эти фотографии люди забывали, что они находятся глубоко под землей, их сердца раскрывались, им казалось, [382] что перед ними весь мир, широкий, просторный, его будущее — коммунистическое завтра.

В блиндаже Ци Цзюнь-цай было уютно, отсюда не хотелось уходить, и, когда он вызвал к себе командиров на совещание, все пришли, словно в гости.

— Вы еще не женаты, товарищ комбат? — считал своим долгом спросить каждый, кто входил в блиндаж и замечал фотографию девушки.

— Извините, — так же церемонно отвечал Ци Цзюнь-цай, — но я уже отец семейства, двоих имею. Среди этих прелестных детей есть и ваши?

— А разве нельзя радоваться, глядя не на своих? Если я не ошибаюсь, и вам приятно видеть таких, правда?

На его вопрос никто не ответил. Все сгрудились перед фотографиями. Ци Цзюнь-цай сидел в стороне и курил, ему не хотелось тревожить чувства людей, вызванные воспоминаниями о родине. Три обычные фотографии. Мало ли видели их люди дома! Может быть, и эти тоже видели, но вот ведь не обратили на них внимания. А здесь они кажутся им чем-то таким редкостным, от чего трудно оторваться. Эти яркие краски, унизанные плодами яблони, улыбающаяся девушка, дети, созидательный труд — как все это омывает душу человека, чувства которого притупляются в огне сражений!..

— Нагляделись? — наконец спросил Ци Цзюнь-цай. — Я специально сделал так, чтобы вам показать. Оборудуйте и свои позиции по-хозяйски, не лишайте себя удобств, Честное слово, меньше будете нервничать.

Собрание продолжалось недолго. Договорились навести на позициях порядок, а также решили заменить вторую роту первой, находившейся во втором эшелоне.

— Командир полка, — сказал Ци Цзюнь-цай, — одобряет такое решение: сменять нужно закаленные в боях подразделения и расчеты, а ротам, дравшимся плохо, отдыха давать нечего.

Разумом Шан Чжи-линь соглашался с командиром батальона, но только не сердцем. Приказ о замене его роты первой, безусловно, был выражением признания и его заслуг, это он понимал, хотя Ци Цзюнь-цай и не сказал прямо: «Вы дрались хорошо, теперь отдохните». Но уступать кому-то свою позицию, отводить свою роту в тыл — на это он не мог пойти. [383]

Ци Цзюнь-цай не стал с ним спорить. Когда совещание закончилось, он взял его под руку и вместе вышел из укрытия.

— Давай сходим на передний край, — предложил он.

Они пошли вместе, но очень скоро Шан Чжи-линь отстал. Ци Цзюнь-цай решил не ждать его: пусть сам поворачивает мозгами, без посторонней помощи.

На переднем крае уже было известно о предстоящей смене. Больше всех кипятился Цзян Вань-цзе.

— С какой стати уходить? — размахивал он руками перед носом Ма Дэ-мина. — Нашу позицию оставлять?!

Ма Дэ-мин в общем соглашался с ним. Хотя он был и возрастом старше его, и понимал, как старый служака, что значит приказ, однако уходить в тыл тоже не хотел. Поэтому все его попытки как-то уговорить не в меру разбушевавшегося Цзян Вань-цзе ни к чему не приводили. По-разному смотрели они на вещи, а в основе у каждого, в конце концов, было одно. Чего только не пережили они здесь, на этом клочке земли, за эти двадцать дней! Здесь был ранен их отделенный Тан Чжун-сюнь. Погиб смертью храбрых помощник командира отделения. Унесли в госпиталь Ван Куня и Яо Цин-линя. Оставил их одних на позиции Ен Кым Тхя, с которым они успели так сдружиться! Думы о родине, о доме... Все было связано с этим клочком земли, девять смертей стояли здесь за спиной у каждого. И теперь, после всего того, что им пришлось испытать, они должны оставить позицию? Ни в коем случае. Пусть с ним делают что хотят, он, Цзян Вань-цзе, не уйдет отсюда!

Отойдя в сторону, Ма Дэ-мин машинально вертел прутик и молчал. А что он мог сказать Цзян Вань-цзе, когда и сам не понимал, для чего нужно отводить роту в тыл. На душе было тоскливо. Ему вспомнилась прежняя жизнь — всегда с командиром полка, всегда видишь что-то новое, интересное, никогда он не думал в то время, что может быть что-либо еще более интересное. А теперь он не только увидел, но и почувствовал это новое. Он был в бою, о чем еще можно теперь думать! Что с того, что ему давно уже за тридцать, что он еще не успел жениться!.. Видеть, как враг бежит, не выдержав твоего удара, — вот радость жизни. Уходить от этой жизни? Возвращаться к старому?.. И все же он [384] не мог сказать себе: «Я не уйду!» Это был приказ, и нарушать его никто не имел права...

Из раздумья его вывел резкий голос Цзян Вань-цзе:

— Встать! Смирно!..

Он поспешно вытянулся и только теперь увидел Ци Цзюнь-цай и ротного, спустившихся в укрытие.

Поздоровавшись с Цзян Вань-цзе за руку, Ци Цзюнь-цай спросил Шан Чжи-линя:

— Так это и есть Цзян Вань-цзе? — Он еще раз пожал ему руку и поздоровался с Ма Дэ-мином.

Ма Дэ-мин был хорошо знаком с Ци Цзюнь-цаем еще по полку, где все знали расторопного командирского коновода. Поэтому он приветствовал его привычным восклицанием: «А, начальник отделения!..»

— Тихо ты! — поддал его локтем Цзян Вань-цзе. — Это же комбат!

Ма Дэ-мин смутился, но Ци Цзюнь-цай так весело рассмеялся, что всякая робость, вызванная появлением старших, исчезла.

— Ну как, Ма Дэ-мин, тяжело здесь приходится?

— Почему? — возразил Ма Дэ-мин. — Вам куда тяжелее, товарищ комбат.

— Вы заслужили право на отдых. Но по-настоящему отдыхать тоже не придется.

Есть дела поважнее.

— Мы просим не снимать нас с переднего края! — быстро заговорил Цзян Вань-цзе, набравшись храбрости.

— А ты? — спросил Ци Цзюнь-цай Ма Дэ-мина.

— Может, не стоит сменять...

Ци Цзюнь-цай перевел взгляд на Цзян Вань-цзе. Ему определенно нравился этот боец, несмотря на его запальчивый характер.

— Мы сможем держаться стойко!..

— А кто говорит, что вы не сможете? — улыбнулся Ци Цзюнь-цай. — Безусловно, сможете. Прикажут еще месяц держаться, наверняка будете держаться. Но, понимаете, есть недовольство. Во втором эшелоне народ шумит. Вы, говорят, уже совершили подвиг, дайте возможность другим отличиться. А то что же получается, все прибыли сопротивляться Америке и помогать Корее или только одни вы? [385]

Цзян Вань-цзе, как стоял, так и остался стоять с раскрытым ртом. Ничего возразить командиру батальона он не мог. Переглянулся с Ма Дэ-мином и неожиданно для себя рассмеялся.

Во время разговора Шан Чжи-линь молчал, но когда они вышли на передний край, он снова попытался уговорить Ци Цзюнь-цай.

— Слушай, комбат, дай ты мне хоть один раз приказ на наступление. Только один раз, потом куда хочешь отводи...

— Придет время, обязательно дам, а теперь не могу. Ты что хочешь, чтобы я отменил свой приказ? Ничего не выйдет, роту придется отвести.

— Ты, меня не понимаешь.

Ци Цзюнь-цай оставался непреклонным.

— Прекрасно понимаю. Но приказ есть приказ! Время — такая штука: опомнишься — и согласишься со мной.

Он посмотрел на Шан Чжи-линь с явным сожалением, давая ему почувствовать, что просто неудобно продолжать этот разговор.

И тем не менее Шан Чжи-линь искал все новые и новые аргументы, которые могли бы заставить командира батальона уступить его настойчивым просьбам.

— Политрук у меня ранен, — глядя в сторону неприятельских окопов, задумчиво произнес он. — В роте...

— Не моя обязанность искать тебе политрука, — прервал его Ци Цзюнь-цай, однако Шан Чжц-линь несколько не смутился и закончил свою мысль:

— ...некому вести политическую работу.

Ци Цзюнь-цай даже голову не повернул в его сторону.

— Так говорить член партии не имеет права.

Шан Чжи-линь смолчал.

Постояв еще некоторое время и не получив ответа, Ци Цзюнь-цай повернулся к нему и сказал примирительным тоном:

— Послушай и меня, Шан Чжи-линь, не упрямясь. Как только отведешь роту во второй эшелон, постарайся поскорее привести все в порядок. Подготовь документы. Кого нужно принять в партию — примите, в Союз молодежи — тоже. Отличившихся представь к награждению, не надо ждать, когда кончится война. И еще одно [386] дело. Вот-вот получим новое пополнение. Расставь своих людей, хорошенько подготовься к приему. На отдых даю два дня. А теперь иди!..

На следующий день вечером Цзян Вань-цзе вызвали в штаб роты принимать новое пополнение. Шел он и радовался: вернулся в отделение Ван Кунь, остался с ним Ма Дэ-мин, а сейчас он получит еще бойцов, то есть будет иметь полный боевой комплект! Но когда он спустился в землянку командира роты, то в первую минуту остолбенел от неожиданности. В группе новичков стоял Ли Сяо-у, человек, которого еще недавно он терпеть не мог. Ли Сяо-у тоже узнал его.

— Ли Сяо-у, ты?! — воскликнул он, забыв о всей своей неприязни к нему. Да и мог ли он думать об этом, если Ли Сяо-у прибыл с родины, из его родной деревни, о которой он не переставал мечтать. Он схватил его за руки и притянул к себе.

— Ты как сюда попал? Когда уехал из дому?..

Ли Сяо-у тоже немало был взволнован встречей.

— Да понимаешь, дома такое творится сейчас! Все говорят о сопротивлении Америке и помощи Корее...

— Выходит, вы из одной деревни?! — обрадовался Шан Чжи-линь. — Тем лучше. Товарищ Цзян Вань-цзе, назначаю Ли Сяо-у в ваше отделение. Позаботься о нем как следует. — И повернулся к Ли Сяо-у. — Вот твой командир отделения.

Оба покраснели. У Ли Сяо-у красна смущения залила все лицо.

Цзян Вань-цзе не терпелось узнать хоть что-нибудь о Сяо Фэн, но первому спросить — на это у него не хватило смелости. Единственная была надежда, что Ли Сяо-у сам расскажет все, что ему известно. Однако Ли Сяо-у молчал, он вообще ни словом не обмолвился о том, что слышно дома. Причина этому, конечно, была.

С уходом Цзян Вань-цзе и других парней на фронт в деревне стало как-то тихо, малоллюдно. Оставшиеся юноши всеми своими мыслями обратились к Корее, [387] думали о ней и девушки, особенно Сяо Фэн. Назавтра после проводов добровольцев она встала с восходом солнца. Солнечный луч, скользя через прорванную в бумажной оклейке окна крохотную дырочку, тонкой рубиновой нитью обошел все углы комнаты, на минуту загляделся в расцвеченное по краям цветным узором зеркало, с него стрельнул зайчиком на заспанное лицо Сяо Фэн. После сна оно было таким же румяным, как и солнечный луч. Медленно, словно нехотя, луч переместился со скулы к глазам, и они вспыхнули жемчужными искрами, отливая синею пучины вод. Вздогнули, взлетев к бровям изогнутыми крыльями, густые ресницы. Взглянув на себя в зеркало, Сяо Фэн слегка поправила сбившуюся набок прядь волос, открыла лоб — широкий, светлый, и улыбнулась. «Красивая, красивая!» — мысленно похвалила она себя, на миг залюбовавшись своим отражением, но тут же спохватилась, что все это — глупости, и, быстро наведя порядок, вышла во двор.

Внешне Сяо Фэн казалась ко всему равнодушной. Затаив свое горячее чувство на самом доньшке сердца, она редко шутила с другими, порой совсем не смеялась и делала свое дело молча, стараясь не показываться на людях, когда для этого не было прямой необходимости.

Никто не знал, какая дума овладела всем ее сознанием, никто не догадывался и о ее отношениях с Цзян Вань-цзе, так как видели их вместе всего лишь несколько раз и главное, что произошло между ними и могло вызвать любопытство, произошло уже в день расставания, да и то поздно вечером. Не знал об их отношениях и Цзо Цзу-мин. Других молодых людей Сяо Фэн сторонилась, поэтому разговаривали с ней обычно о повседневных делах, связанных с работой.

Покинул Цзян Вань-цзе деревню в июне, в сезон цветения злаков. После выпавших дождей хлеба быстро пошли в рост, и очень скоро кукуруза выпустила метелки. Урожай обещал быть хорошим. Просо, гаолян, бобовые радовали глаз тучными листьями, отливавшими в лучах солнца изумрудом. Поля широкими полотнищами простирались до самого горизонта, и не было видно им ни конца ни края. По утрам на листьях сверкали клейкие росинки, наполняя сочной влагой мохнатые початки кукурузы, одежда которых постепенно приобретала лиловый оттенок. Когда к полудню солнце поднималось, [388]

обсохшие стебли начинали похрустывать, выпрямляться. От земли поднимался пьянящий аромат испарений: самое лучшее время для созревания хлебов!

Вечером налетит ветерок, всколыхнет хлеба и покатит впереди себя волну за волной, словно и впрямь перед тобой море — угрюмое, шумное, необъятное. Небо усеяно звездами, в густой синеве фосфоресцируют белесые, как паутина, нити: благодать, говорят старики, роса падает! На деревенской улице оживление, всюду смех, говор, веселая перебранка. Молодежь, конечно, вместе. Кто насвистывает на дудочке знакомый мотив, кто затевает песню. Говорят о девушках: кто красивее, кто как одет... Одна Сяо Фэн равнодушна ко всем этим разговорам, нет ее вечерами на деревенской улице. Да и с кем ей говорить о своих сердечных делах? С Сяо Цзи? Конечно, Сяо Цзи ее лучшая подруга, с ней и посмеяться можно, и пошутить, но разве поведаешь ей то, чего никому нельзя сказать? И, кроме того, с некоторых пор Сяо Цзи все чаще стала заглядываться на Цзо Цзу-мина, поэтому ей было сейчас не до Сяо Фэн. Цзо Цзу-мин? Он и так был по горло занят другими делами....

Однажды вечером на улицу вышел с газетой в руках Цзо Цзу-мин. Народ знал: если секретарь деревенской организации молодежи идет с газетой, значит, есть что-то очень важное. Все потянулись к старому ясеню.

Новость действительно была важная. В газете было напечатано воззвание Главного комитета движения по сопротивлению Америке и помощи Корее.

— «Великое движение китайского народа по организации движения за сопротивление Америке и оказание помощи Корее, — начал читать Цзо Цзу-мин, — наша борьба за свои дома и оборону родины, героические подвиги китайских народных добровольцев и воинов корейской Народной армии на фронте, решительный отпор агрессии — все это должно послужить американским захватчикам серьезным уроком. Они не могут не признать, что война в Корее оказалась для них такой ямой, выкарабкаться из которой довольно трудно. В настоящее время создалась возможность для мирного разрешения корейского вопроса. Предложение Малика, советского представителя в Организации Объединенных наций, о мирном разрешении корейского вопроса, внесенное 23 июня, американская сторона приняла. Ею принято [389] также предложение командующего Ким Ир Сена и командующего Пэн Дэ-хуая относительно места и времени переговоров, которые должны будут привести к прекращению военных действий. Переговоры будут происходить с 13 по 15 июля в Кэсоне, на 38-й параллели...»

В толпе раздались шумные голоса одобрения, кто-то зааплодировал.

— О небо, скорее бы мир! — послышался чей-то старческий вздох.

— Ну, на этот раз ударили, вроде бы, хорошо!..

От Цзо Цзу-мина Сяо Фэн уже знала, что ЦзянВань-цзе вместе с другими добровольцами еще на родине, проходит где-то соответствующую подготовку и в Корею поедет как только занятия кончатся. Сообщение о начале переговоров обрадовало ее больше всего на свете. «Неужели действительно дело идет к миру?» — счастливая, подумала она.

— Тише, люди! — закричал кто-то громким голосом. — Пока еще ничего определенного сказать нельзя. Давай, секретарь, читай дальше!

Аплодисменты не смутили Цзо Цзу-мина и, когда все угомонились, он продолжал читать:

— «Наш китайский народ с самого начала стоял за мирное разрешение корейского вопроса. С этой целью мы начали движение по сопротивлению Америке и оказанию помощи Корее. Хотя сейчас и появилась возможность начать переговоры о прекращении военных действий, однако эта возможность еще не стала реальным фактом. Война в Корее продолжается, корейский вопрос еще не решен...

Долг народа всей страны еще решительнее наращивать силы сопротивления Америке, еще решительнее оказывать Корее помощь. Никакой самоуспокоенности!

Только военное могущество и непреклонная воля народа смогут оказать решающее воздействие на мирное решение корейского вопроса!..»

Читали воззвание до самой темноты. Сяо Фэн пошла домой, когда народ уже стал расходиться. На улице ее догнал Цзо Цзу-мин.

— Ты поняла, что от нас требуется? Смотри старайся. Каждый член Союза молодежи должен дать свое обязательство...

Сяо Фэн молча опустила голову. [390]

Через несколько дней в Кэсоне начались переговоры. Одновременно из Кореи пришла и другая весть: американцы возобновили яростное наступление.

Радужные мечты о мире, в которых пребывала Сяо Фэн, как рукой сняло. Она написала свое патриотическое обязательство, обещая работать, как работают мужчины. Теперь она целыми днями не уходила с поля. Хлопчатник удался на славу, но ведь это было только начало. Нужно было аккуратно подрезать каждый кустик, удалить пасынки — ветви, которые не дадут потомства, оборвать лишние листья, оставить не более десяти стеблей, чтобы роса лучше напоила будущие коробочки. На хлопковом поле она проводила по несколько часов кряду, сидя на корточках, пока не затекали ноги и рот не пересыхал от жажды. Закончив с хлопком, она бежала на кукурузное поле. Листьям кукурузы угрожала «черная желчь». Каждый лист, на котором появлялись ее отметины, нужно было обязательно оторвать, найти противных золотисто-зеленых панцирных гусениц, которые норовили забраться в нежные початки. С кукурузного поля она спешила на гаоляновое — подошла пора обрезать листья. Работы с каждым днем становилось все больше. Она валилась с ног от усталости, но с поля не уходила. Ей казалось, что здесь, среди зреющих злаков, она находится ближе к Цзян Вань-цзе. Работая, она, незаметно для себя кусая кончик платка, думала о нем. Глядя наливающиеся крепостью упругие стебли кукурузы, она старалась представить себе, как выглядит Цзян Вань-цзе.

Другие девушки пели, смеялись, перебрасывались веселыми шутками. Их голоса звенели, как песня жаворонка. Когда-то и она пела вместе с ними. Ее голос был самый звонкий, самый красивый. И не было для нее большей радости, когда песню слышал юноша, стоявший на другом конце поля, заслонив ладонью глаза от солнца, чтобы лучше видеть ее. Его черные глаза словно метали стрелы. Поймав на себе его взгляд, Сяо Фэн поспешно опускалась на корточки и тихонько смеялась. «Он видит меня!» Но теперь юноша уехал в Корею и увез вместе с собой ее песню, запер ее рот на замок. Кому теперь петь песни?

Часто, окончив работу, она с тоской смотрела в ту сторону, куда ушел Цзян Вань-цзе... [391]

Сяо Фэн была взрослой' девушкой, а взрослой девушке легче скрыть свое чувство, чем цветение юности. Пока она не задумывалась над своим будущим, над замужеством, над созданием семьи, все это было далеко-далеко от нее. Она чувствовала себя, как птичка на воле: хотела петь — пела, хотела смеяться — смеялась, хотела радоваться — радовалась. Она все делала по своему желанию. А сейчас словно что-то связало ее по рукам и ногам. Сознание того, что она кем-то любима, волновало ее, радовало. Гордилась она собой? Да. Она даже спрашивала часто себя: «Что он во мне нашел?», потому что действительно хотела узнать, за что ей выпало такое счастье. Она переставляла зеркало к окну, чтобы свет падал на нее, и подолгу ревниво смотрела на свое отражение, улыбаясь ему счастливой улыбкой. Из зеркала ей улыбалась красивая круглолицая девушка, которая в свою очередь придиричиво рассматривала ее и тоже, наверное, думала в это время о Цзян Вань-цзе. Она старалась представить себя его женой, матерью его детей... И эти мысли почему-то были связаны уже не с ее будущим, а с будущим Цзян Вань-цзе. На сердце становилось тепло-тепло, упоительно сладко. Ей было и радостно и стыдно в то же самое время, лицо вспыхивало густым румянцем, спрятать который она не могла.

Мать Сяо Фэн давно догадывалась, что самозабвенный труд дочери связан с какой-то другой причиной, имеющей отношение к сердечным делам. Но как с ней поговорить?

По ночам, когда шум в деревне стихал и все замирало, уйдя на покой после дневных трудов, она слышала в темноте, как Сяо Фэн беспокойно ворочается на кане, вздыхает... Ночь, словно шелковистая дымка, нежно облекала лицо спящей, в темноте оно приобретало еще более мягкие черты. Какая она красивая, Сяо Фэн, какая стройная! Короткая прядь волос закрывает ее чистый лоб, глаза, одна рука подпирает щеку, другая, наполовину высунутая из-под одеяла, лежит на подушке... Вот и выросла ее дочь, а она все считала ее ребенком! Пора, пора отдавать Сяо Фэн в жены, хватит ей быть в девушках...

Ли Сяо-у начал наступление на Сяо Фэн сразу же, как только Цзян Вань-цзе ушел на фронт. Это наступление [392] носило весьма настойчивый характер. Куда бы Сяо Фэн ни направилась, он шел за ней по пятам. Перед девушками он держал себя высокомерно, бахвалился своими исключительными способностями, хотя все знали, что эти способности ничего не стоят, а в работе, которую люди делают на пользу обществу, он всегда отстает от других. Однако это нисколько не смущало его, он всякий раз находил кучу причин для объяснения, ссылаясь на непреодолимые трудности, чьи-то козни и прочее. Сяо Фэн старательно избегала его, но это только подливало масла в огонь. Ли Сяо-у принял твердое решение во что бы то ни стало прибрать Сяо Фэн к рукам. Заметив однажды, что Сяо Фэн отправилась в поле одна, он со всех ног бросился ее догонять. Кругом никого не было. Набравшись смелости, он приблизился к ней, тяжело сопя, как бык. Сяо Фэн остановилась, гордо вскинула голову и посмотрела на него с такой злобой, что Ли Сяо-у оторопел. Изогнутые дугой брови Сяо Фэн взлетели вверх, в лице появилось презрительное выражение. Она выглядела такой неприступно грозной, что Ли Сяо-у счел за лучшее ретироваться и убежал. Но он не отказался от своих намерений. Поймав как-то на улице Сяо Цзи, он отозвал ее в сторонку и сказал с улыбочкой:

— Что, с Цзо Цзу-мином слюбилась? Неплохо! Когда же на свадьбу приглашать будешь? Смотри не обдели меня вином, когда станешь обносить за ваше счастье!

Сяо Цзи вытаращила глаза.

— Поменьше бы болтал глупостей! Что тебе за дело до других? Смотри лучше за собой — кто тебя любит?

— В нашей деревне, — презрительно выпятил нижнюю губу Ли Сяо-у, — мне ни на кого смотреть неохота. Одна только девушка так себе — Сяо Фэн. Ты ей скажи. Намекни, что я серьезно думаю...

Сяо Цзи побежала к Сяо Фэн. Всю дорогу она смеялась.

— Что я тебе скажу! — зашептала она ей на самое ухо. — Ли Сяо-у к тебе свататься собирается.

Сяо Фэн покраснела до кончиков ушей. Глаза ее стали круглыми, губы дрожали. Лучше выругали бы ее, чем сказали такую мерзость. Какой позор!.. Она долго не могла прийти в себя, наконец ответила:

— Знаешь, пусть он... [393]

Она так и не закончила фразу, но Сяо Цзи все поняла и прыснула со смеху. Засмеялась и Сяо Фэн, у которой прошел первый гнев. Насмеявшись вволю, девушки снова заговорили о наглости Ли Сяо-у.

— Что я тебя попрошу, — сказала, немного успокоившись, Сяо Фэн, — отругай ты его за меня, чтобы он и думать перестал. Какими хочешь словами!..

Сяо Цзи взмолилась:

— А мне хоть ты скажешь? Кто же тебе покоя не дает? Разве я не вижу?

Сяо Фэн опустила голову.

— Ты еще не догадалась? Цзян Вань-цзе...

На следующий день Сяо Цзи все утро караулила Ли Сяо-у возле старого ясеня.

— Эй, ты, стой! — закричала она, как только он показался на дороге.

Ли Сяо-у трусливо подался назад,

— С-стоять так стоять, — заикаясь, проговорил он. — В чем дело?

— А вот в чем, бесстыжий черт! Прямо скажу тебе, лучше ты с ней не заигрывай. Куда тебе, трусу, тягаться с настоящими парнями! Кто смелый, тот на фронт ушел американцев бить. А ты? Чего дома торчишь?

Вечером, возвращаясь с поля домой, Ли Сяо-у шел и думал об отказе Сяо Фэн. Надо уходить, после долгой внутренней борьбы решил он, куда угодно, но уходить. На войну, в Корею, далеко-далеко, только не оставаться дома. В деревне его никто не любит...

Сяо Фэн всю ночь не могла сомкнуть глаз. То ей мерещился Цзян Вань-цзе, то появлялись какие-то безликие люди, которые вились вокруг нее, приставали со своими ухаживаниями... Закрывшись одеялом, она плакала. «Если бы ты был дома, как все было бы хорошо!» — мысленно обращалась она к Цзян Вань-цзе. Во сне она часто видела его, разговаривала с ним, словно он был дома.

Но Цзян Вань-цзе уходил от нее все дальше и дальше. Воинская часть, в которой он служил, переправлялась через Ялуцзян, и ее голоса он уже не мог слышать...

Наступила осень. Стали опадать листья с деревьев, поблекли краски подсолнуха, даже старый ясень, в тени которого так приятно было отдыхать, тронула желтизна. [394]

Переговоры о прекращении войны в Корее затягивались, американцы делали все, чтобы успех не был достигнут. Ожесточенные бои не стихали ни на один день. Неприятельские самолеты совершали налеты на города и деревни родины. Войне не было ни конца, ни края. Сяо Фэн еще больше замкнулась в себе. Ее сердце словно вытянулось в длинную тонкую ниточку, один конец которой запутался где-то в глубине ее души, другой протянулся к Цзян Вань-цзе. Она потеряла покой, ни о чем другом не могла думать, плохо спала.

От материнского глаза ничего нельзя скрыть. Мать видела, что с дочкой происходит что-то неладное. Но что именно? Что томит ее?.. На дворе ночь. В окно глядят редкие звезды. На столе монотонно тикают маленькие золотые часики...

— Зима пройдет — и тебе восемнадцать, доченька, — осторожно заводит она разговор.

— Да, восемнадцать, — безразлично отвечает Сяо Фэн, думая совсем о другом.

— Как быстро растет человек! — вздыхает мать. — Большая уже... Когда твой отец сватался ко мне, я такой же была, как и ты. Твоя старшая сестра родилась, мне ровно девятнадцать лет исполнилось. А сейчас у нее уже трое детей... Ты моя младшая...

— Ма! — нетерпеливо перебивает мать Сяо Фэн. — Не время сейчас для этих разговоров. Война! Кончится, тогда и будем говорить. Ты спи, зачем меня разбудила?

— А если восемь лет воевать будут?! — сердится мать.

— Ну и что с того? Буду восемь лет ждать.

— Охо-хо!.. — вздыхает снова мать.

Перед глазами Сяо Фэн возникает высокий, в рост человека, ивняк на берегу извилистой речки, первое объяснение... »Сказать или не сказать маме? Ведь я ответила Цзян Вань-цзе согласием!.. Нет, не надо говорить, пусть она не знает...». А Цзян Вань-цзе по-прежнему стоит на том же месте, сильный, смущенный, его грудь высоко поднимается... »Восемь лет!.. Да я всю жизнь буду его ждать!»

Самое горячее время года — осень. Злаки созрели, тяжелые колосья качаются на ветру, словно пьяные, куда ни кинь взор — вся земля в движении, колыхается, дышит прерывисто, как усталый человек. Гроздь [395] гаоляна красные-красные, словно загорели на солнце. Раскрылись кукурузные початки, им уже сил нет скрывать крупные гранатовые зерна. Хороший урожай. Огромным ковром, расшитым золотой парчой, раскинулись поля, и кажутся игрушечными вкрапленные в этот ковер то здесь, то там крохотные крестьянские домики, голубая, как небо, речка, узкая лента дороги. В полях повсюду мелькают яркие девичьи косынки, лоснятся от пота лица парней, сверкают на солнце серпы. Уборка урожая началась.

Как ждала этого дня Сяо Фэн! Возвращаясь по вечерам с поля домой, она подолгу смотрела, как с каждым днем хлеба все больше и больше желтеют, как наливаются колосья крупным, упругим зерном. «Скоро уже!» — думала она всякий раз.

В этот день она встала чуть ли не раньше всех. Быстро повязав голову белым платком, чтобы волосы не мешали работе, она засучила рукава и еще раз взглянула на себя в зеркало. «Вот так. Буду работать, как мужчины, как работал бы Цзян Вань-цзе». Цзян Вань-цзе! При одном воспоминании о нем у нее замирало сердце. «Если бы ты был дома! — говорила ее душа. — Посмотри, какой нынче урожай! Весь народ в поле. Ведь ты бы был первым, правда? Все бы равнялись по тебе. Но ты не огорчайся, мы будем работать хорошо. Бейтесь так, чтобы от американских чертей и духу не осталось. Помни, я жду тебя, Цзян Вань-цзе...» Ей действительно было обидно за Цзян Вань-цзе, которого война оторвала от мирного, такого радостного труда.

Она работала с упоением и особенно не прислушивалась к веселой перепалке между парнями и девушками, работавшими на разных концах поля. Из задумчивости ее вывел дружный смех.

— Эй, красавица! — подтрунивал над кем-то из девушек долговязый парень. — Грустишь? Не надо. Я с твоей мамой уже советовался. Такого обещал ей зятя найти!..

— Что, загрустили, девушки? Возьмите нас в свою компанию!

— А вы чего расшумелись? Стыдились бы!

— Куда ваш красавец спрятался? Разве можно так разговаривать со своей милой?

— Меня спрашиваешь? [396]

— А то кого же? Поневоле загрустишь, когда настоящих парней нет.

— Нашли, о чем болтать с ними, девушки! Треплют языками...

— Молодежь, молодежь! Никакой у вас серьезности. Не пристало девушкам так себя вести.

— Вот-вот, бабы, задайте этим сорокам жару! Ишь, языки распустили!

— И то правда. Нет, чтобы по-хорошему, степенно...

Смех. Веселые шутки. От молодежи не отстают взрослые. Весело — вот и работа спорится.

На другом конце поля кто-то запел песню.

Сильный, проникновенный голос пел о добровольцах, которые ушли на войну. Он то взлетал высоко в небо, то, подхваченный другими голосами, разливался широкой волной над хлебами, звал людей на труд, придавал им силы, вел в наступление.

Сверкают на солнце серпы всеми цветами радуги, лоснятся потные загорелые лица, горят огнем глаза. В воздухе удивительно чисто. Видно далеко-далеко окрест.

*Вперед, герои. Отважные, смелые,
Голову выше, друзья!...*

Пела девушка. В чистом небе ее голос звенел жаворонком. Ли Сяо-у удивленно поднял голову: неужели это Сяо Фэн? Он не ошибся, пела действительно она.

Озорно сверкнув глазами, Сяо Фэн подмигнула подругам:

— А ну, девушки, давайте вместе. Чем мы хуже парней?

Впервые после почти трех месяцев молчания она пела на работе. Ей хотелось, чтобы ее песню слышали не только люди, работавшие вместе с ней на одном поле, но и Цзян Вань-цзе, чтобы там, далеко на Корейском фронте, люди знали, что о них думают, беспокоятся...

— Ой, Сяо Фэн! — вдруг вскрикнула Сяо Цзи. — Ведь у тебя кровь!..

Сяо Фэн прикусила губу. Тонкая струйка крови текла из пореза на ноге, ей было больно, но она сделала вид, будто предостережение подруги относится не к ней. А может быть, она не хотела, чтобы другие [397] заметили, и поэтому продолжала работать, словно ничего не случилось.

Нога продолжала болеть, кровь пропитала матерчатую туфлю, и Сяо Фэн пришлось остановиться, чтобы перевязать ранку. Она подумала о Цзян Вань-цзе. Наверное, туфли его совсем уже износились, надо бы сшить новые, чтобы ему и в походах было легко и с врагом биться удобно, ведь тоже может порезать ногу! Но как их сшить, когда она не знает размера? Она уже раскаивалась, что раньше не дала ему согласие, — теперь не нужно было бы ни спрашивать размер его ноги, ни прятаться от всех, скрывая, что она — его жена...

Вечером, слегка прихрамывая, она отправилась на берег реки, думая там найти след ноги Цзян Вань-цзе. Она сама понимала всю наивность своих надежд — ведь столько людей прошло за это время по тому месту, где они когда-то встречались! Но что-то влекло ее туда. Постояв некоторое время в задумчивости, она вздохнула. Пусть будет что будет — она сошьет ему туфли размером немногим больше своей ноги. Вернувшись домой, она сразу же села за работу: сняла мерку, прикроила стельки и принялась шить. Когда туфли были готовы, она еще раз осмотрела их придирчивым взглядом и на внутренней стороне стелек аккуратно выписала химическим карандашом иероглифы своего имени.

А тут кстати с новой группой добровольцев на фронт уходил Ли Сяо-у. Цзо Цзун-мин помог Сяо Фэн упаковать туфли и велел Ли Сяо-у сразу же по прибытии в Аньдун отправить их по назначению.

Настроение у Ли Сяо-у было противоречивое. Он хотел быть порядочным человеком и выполнить поручение. Но верх взяло чувство мести к Сяо Фэн и Цзян Вань-цзе. Поэтому он выбросил упаковку, на которой был написан адрес воинской части Цзян Вань-цзе, и спрятал туфли на самом дне вещевого мешка. При встрече с Цзян Вань-цзе он ни словом не обмолвился обо всей этой истории, словно и не знал никакой Сяо Фэн. Но про себя усмехнулся: «Ишь ты, в командиры успел пролезть!»

Цзян Вань-цзе терялся в догадках. Почему Ли Сяо-у ничего не говорит ему о Сяо Фэн? Что там у них произошло?.. Однако спросить его об этом он так и не [398] решился. Ни о чем не догадываясь, он встретил земляка с открытой душой и был искренне рад, что его назначили к ним в отделение: теперь отделение укомплектовано полностью и можно приступать к выполнению новой задачи. Он был уверен, что Сяо Фэн думает о нем, и не хотел обмануть ее надежд.

58

Приказ о наступлении на горы был передан во все подразделения.

Позиции будущего района обороны Шан Чжи-линь осматривал вместе с командиром батальона. Они внимательно ознакомились с требованиями приказа, изучили в деталях предложенный план, прикинули в уме толщину каменистого грунта, в котором предстояло отрыть укрепления, уточнили на местности порядок работ и наметили схему огня на тот случай, если противник предпримет попытку возобновить наступление.

— Вопрос ясен, — сказал в заключение Ци Цзюнь-цай, еще раз убеждаясь в крепости грунта. — Скала что надо! И двадцать тысяч снарядов ничего с ней не сделают. Придется американцам потратиться!..

Повернувшись, он увидел Цзян Вань-цзе, внимательно прислушивавшегося к его разговору с ротным командиром. Мальчишеское лицо Цзян Вань-цзе имело какое-то печальное и в то же время сосредоточенное выражение: поручи такому приказ, он сделает все, чтобы его выполнить. Ци Цзюнь-цай даже позавидовал ротному — каких бойцов имеет Шан Чжи-линь! Ему нравились эти молодые ребята; он всегда с охотой объяснял им обстановку, старался сделать понятной каждую свою мысль, чтобы они не мучились над тем, как выполнить приказ. Этим, в частности, он отличался от своего ротного командира, который упорно, несмотря на уговоры, цеплялся за «свое мнение» и выполнение порученного задания откладывал.

— Как ты думаешь, Цзян Вань-цзе, нужно нам или не нужно возиться с этим делом? Усилия придется затратить огромные. Хоть какая-нибудь польза будет?

— А как же...

— Я имею в виду трудности. Их будет много. Но бояться их не надо, уже если делать, так делать, правда? Понятна тебе моя мысль? [399]

— А мы не боимся.

— Все же поднатужиться придется. Противник что думает? Сталью нас взять. Ему ведь и десяти тысяч снарядов не жалко, чтобы уплатить за жизнь одного нашего бойца. А мы ему и половинки жизни не дадим за эту цену. Пусть он хоть двадцать тысяч снарядов выпустит на нашу голову! Когда дойдет до дела, мы заставим американских чертей терять на каждой сопке по две тысячи человек. Хорошая цена? Перероем заново весь Корейский фронт, но американцев остановим. Так что, выходит, это тоже сражение — да такое, какого мы еще не знали. Называться только оно будет иначе: наступлением на скалы.

Самую трудную работу — рыть для отделения траншею — Цзян Вань-цзе взял на себя, ему помогали Ван Кунь и Ли Сяо-у. Рослому Ма Дэ-мину он поручил заготовку бревен, остальным — рытье траншеи.

Приближались морозы. В горах дул ледяной ветер. Руки людей, лица, шеи потрескались. Однако работы не прекращались. Наступление на горы развернулось по всему фронту шириной в двести с лишним километров. Это был жестокий и тяжелый бой, для одержания победы в котором требовалось куда больше времени.

Скала не поддавалась. Стальные кирки отскакивали от нее, оставляя лишь едва заметные вмятины; мелкие осколки камня, разлетавшиеся в стороны, были не больше песчинок. Ударишь киркой несколько раз — и руки уже не держат, такая в них слабость. Ни разнять ладонь нет сил, ни снова сжать в кулак, в руках такой зуд, словно их колот тысячи иголок. Ссадины не заживают.

Седьмой день продолжается наступление.

Первым сдал Ли Сяо-у. Кирка бессильно ударялась о камень, издавая глухой звон, и только.

— Ты чего? — спросил Цзян Вань-цзе, заметив, что тот работает без всякой охоты.

— Да вот, черт ее знает, вертится в руках...

— А ты держи крепче, — и он показал, как нужно держать рукоять кирки. — Вот так, не давай ей скользить.

— Все равно не пойдет.

— Пойдет. Ты с силой нажимай, иначе только разотрешь ладони. [400]

Ли Сяо-у покраснел. По выражению его лица было видно, что он действительно устал.

— Ну, ладно, отдохни немного, — разрешил Цзян Вань-цзе. — Иди вниз...

Ночью он отозвал Ли Сяо-у в сторонку и тихо, чтобы никто не слышал, спросил:

— Ты зачем сюда приехал?

— Как зачем? Я добровольно...

— Я спрашиваю, для чего ты приехал сюда?

Вопрос задел Ли Сяо-у за живое.

— А кто думал, что придется делать совсем другое? — Он даже не скрывал своего отвращения к физической работе.

— Для чего ты сюда приехал? — повторил свой вопрос Цзян Вань-цзе.

Ли Сяо-у оторопело смотрел на него, не зная, что ответить. Признаться в том, что ему страшно, он не хотел, хотя и сам понимал, что вряд ли выдержит трудности. Да, совсем иначе представлял он себе «сопротивление Америке и помощь Корее», когда шел записываться в добровольцы!..

— Как же ты думаешь прославиться, если не хочешь знать трудностей? — настаивал Цзян Вань-цзе.

Ли Сяо-у молчал. Ему было обидно, что он, считавший себя умнее Цзян Вань-цзе, вынужден теперь выслушивать его замечания. Подумаешь, отделенный! Давно ли сам приехал сюда!..

Откровенный разговор не состоялся, и Цзян Вань-цзе решил больше не возобновлять его — кто знает, может быть, со временем Ли Сяо-у сам одумается. Но когда все уснули, Цзян Вань-цзе вдруг почувствовал нестерпимую боль в руках. «Те ли это трудности? — спросил он себя. — Ведь это только начало!» Ветер дул все сильнее и сильнее, даже здесь, в укрытии, ощущалось его ледяное дыхание. Потом ветер принес с собой снег, снег был мокрый, и Цзян Вань-цзе понял, что ветер дует со стороны моря. Начался снегопад, в котором не было видно никакого просвета. Выйдя из укрытия, Цзян Вань-цзе немало удивился: кругом было белым-бело, высота, на которой они находились, выглядела сиротливым островком в этом безбрежном снежном океане. Сильный встречный ветер мешал идти, и Цзян Вань-цзе порядком устал, пока добрался до того места, где они долбили в скале [401] пещеру для блиндажа. Вход был основательно завален снегом, и пришлось разгребать его руками. Отдышавшись, Цзян Вань-цзе критическим взглядом окинул свою работу. Сделано было мало, очень мало. В этой толще скалы, поднимавшейся к небу на несколько десятков метров, выемка вообще почти не была заметна. Когда он взялся за кирку, то чуть было не вскрикнул от острой боли в ладонях...

Невольно вспомнилась родина. Как там сейчас? Чем занят народ? Работает, конечно, строит. Вот и он работает здесь, строит, строит оборону, чтобы остановить врага. Затаив дыхание, он прислушался. Ему показалось, что он слышит удары кирки о камень: тук... тук... тук... тук... Потом он понял, что это стучит сердце, хотя ему казалось, будто поднялся весь фронт и, несмотря на то, что время спать, долбит скалы: тук... тук... тук... тук... С каждым ударом в руках у него прибавлялось силы. Как мог он, человек, подавший заявление в партию, предаться минутной слабости? Позор!.. Горячая волна ударила в голову и смыла боль. Теперь он бил киркой, не думая о ней. Просто удар ничего не сделает, в лучшем случае — отколет кусочек камня, нужно вложить в этот удар всю свою решимость, всю энергию, тогда никакой камень не выдержит.

За несколько дней непрерывной работы люди выбились из сил. Руки распухли, потрескались, лица почернели, глаза ввалились. Усталость валила Цзян Вань-цзе с ног, и все же он работал, губы кусал, но не работал. Он не мог спать в такое время!..

59

Ма Дэ-мин с бойцом из новичков, приданным ему в помощь, отправились в лес на заготовку бревен еще до того, как выпал снег. Валили они деревья за горой, в некотором отдалении от строящегося блиндажа. Никаких дорог в лесу не было, сквозь густую листву никогда не проникал солнечный свет, земля была укрыта толстым слоем опавших листьев, в нос бил тлетворный запах гниения. Идти приходилось, низко пригибаясь к земле, так сплелись между собой ветви деревьев. Ноги часто проваливались по колена, а то и выше — с виду [402] место ровное, а на поверку оказывается, что это яма да истлевший пенек, прикрытые сверху листьями.

В молодости Ма Дэ-мин мечтал быть дровосеком. Человек уравновешенный, самостоятельный по натуре, он видел в этой профессии не только возможность обеспечить себе средства для пропитания. Его привлекала сама обстановка работы в лесу. Вокруг тишина, кроме мерных ударов топора и характерного звука отлетающих щепок, ничего и не услышишь, если нет ветра. Иной раз неделями ни с кем не перебросишься словом. Заработаешься — и вдруг тебе не то почудится, не то в самом деле услышишь далекий стон: ой!.. о-ой!.. Да так отчетливо, словно старик плачет или человек в беду попал. Пойдешь на этот стон, ищешь, ищешь, а возвращаешься с пустыми руками. И

невдомек тебе, то ли это птица кричала, то ли действительно человек. Страшно тогда в лесу оставаться, к людям тянет.

Не мечты о привольной жизни в лесу, а другие мысли заполняли тогда душу Ма Дэ-мина. А если он умрет здесь? Ведь никто и знать никогда не будет, что с ним стало. Да и вспомнят ли о нем люди, если он был им не нужен? Опечаленный этими мыслями, он подолгу лежал в траве, провожая взглядом проплывающие в голубизне неба облака, прислушивался настороженно к лесным шумам — таинственным и непонятым. Так в лесу и прошла его юность, лучшая пора жизни. Потом умерла его мать, и он остался совсем один. Без материнской опоры жить стало труднее. Был он одиноким, холостяком. Постоянная забота о куске хлеба, тяжкий труд лесоруба — в непогоду, в зной — все это очень рано оставило на нем свои следы. Когда он пришел в революционную армию, у него было такое чувство, словно молодость осталась позади и нечего рассчитывать на то, что у него будет когда-нибудь своя семья... Осторожно спускаясь с горы и оглядываясь на напарника, который не отставал от него, он подсмеивался теперь над своими опасениями: «Да, десять лет, считай, не бывал в лесу!..»

Одиночество и печаль, сопутствовавшие ему в прошлой жизни, ушли навсегда и больше не возвращались. Ему было радостно сознавать себя нужным человеком в той большой, дружной семье, которую он обрел. Он словно помолодел в ней. Конечно, по сравнению с этими [403] «мальчиками» он — мужчина, такому в самую пору рубить лес. Но ведь эта работа куда легче, чем долбить камень. Зачем же они принимают его за старика? Разве это не обидно?

Через несколько дней повалил снег. В лесу стало холодно, неприятно. Ледяная пороша крепко обложила стволы деревьев, ветви сгибались под тяжестью снега. Мороз крепчал, и чтобы не окоченеть, нужно было все время двигаться, ни на минуту не прекращая работы.

Ма Дэ-мин ни о чем не думал. Единственное, что ему хотелось, это закурить, хотя бы на минуту ощутить в груди не морозное дыхание стужи, а приятное тепло табачного дыма. Но для этого нужно было вернуться в укрытие и на какое-то время оставить работу. Мог ли он решиться на такое? Вместе с напарником они свалили уже довольно большое количество деревьев. Оголенные от сучьев бревна валялись на земле как попало, и если снег повалит еще гуще, их потом и не найдешь под ним. Уже сейчас первые срубленные деревья находишь по наваленным в беспорядке ветвям и торчащим из снега пням, а что будет дальше? Нет, нельзя останавливаться, нужно перенести все бревна в одно место, нужно работать, работать и работать...

А ветер все дул и дул, крутя поземку, швырял в глаза горсти сухого, колючего снега. Израненные и исколотые руки с трудом удерживали топор. Малейшая новая царапина причиняла такую боль, что на глазах сами собой навертывались слезы.

Возвращаясь вечером домой, Ма Дэ-мин задерживался возле входа в траншею, которая с каждым днем становилась все глубже и глубже.

— Ну, как? — тихо спрашивал он Цзян Вань-цзе.

Вид у людей был страшный — глаза опухли, лица иссечены мелкой каменной крошкой.

Цзян Вань-цзе сворачивал здоровенную самокрутку и протягивал Ма Дэ-мину.

— Кури, Лао Ма!

— Куда такая большая! — недовольным голосом отвечал тот.

— Кури, кури, за весь-то день!..

Ма Дэ-мин затягивался, щурил глаза, с удовольствием ощущая, как по телу разливается тепло. Цзян Вань-цзе садился напротив и принимался «наводить на [404] его лицо порядок», как он любил выражаться. Усы, борода Ма Дэ-мина были сплошь в сосульках, и отрывать их доставляло ему большую радость. Вот так даже в горькие дни человек находит забаву. Когда ты чувствуешь себя родным среди окружающих тебя

людей, тогда и работа не кажется такой уж трудной, ты любишь других — другие тебя любят.

Наступил день, когда заготовка необходимого количества бревен была закончена; осталось самое трудное — доставить их к месту строительства нового укрытия.

Склон горы обледенел, подниматься по нему до вершины стало трудно и без груза. А тут еще снег! Он набивался в широкие голенища брезентовых сапог, и ноги мерзли. На морозе быстро коченели руки, теряя чувствительность. Ма Дэ-мин даже не представлял себе, какие это будут трудности. Рассчитывать приходилось каждый свой шаг. Подтащив бревно на метр, он останавливался, менял положение рук и полз дальше. Снова перехватывал непокорное бревно и снова полз — шаг за шагом, с одной мыслью не упасть, не лишиться опоры, дотащить его до вершины. Вот так и муравей — тянет ношу, в несколько раз превышающую собственный вес, тянет, падает, снова поднимается, дотаскивает до своего муравейника и тут же спешит за новой...

Заглянув в укрытие, Цзян Вань-цзе удивился: Ма Дэ-мина не было. «Неужели остался за горой таскать бревна? — подумал он. — Ведь договорились на завтра!..» В укрытии было холодно, дождевая накидка, закрывавшая вход, не спасала даже от снега. К счастью, фитиль, скрученный ими из кусков материи, тлеет, и это обрадовало его больше всего. Даже неприятный запах гари был ему мил. Этот фитиль заменял им теперь спички, и, кто знает, как бы они обходились без него. Нащупав в расщелине камня сухой табачный лист, он бережно спрятал его в карман, скрутил из тряпья новый фитиль и зажег о тлевший конец. Теперь можно было идти к Ма Дэ-мину. Он решил сам навеститься к нему и узнать, что там случилось. Когда он вышел из укрытия, было уже совсем темно. Тропинка, проложенная Ма Дэ-мином и его напарником, еле проглядывалась. Идти приходилось на ощупь, чтобы не упасть ненароком в снег вместе с тлеющим фитилем. [405]

Лес стоял, словно замороженный сном сказочный дворец. Усыпанные снегом ветви деревьев сплелись в каком-то диковинном узоре. Застыла земля. И сам воздух, казалось, окоченел, объятый этой неподвижной серой мглой, скрывавшей всякий след человека. Куда идти? Цзян Вань-цзе остановился; он действительно не знал, куда ему идти. Но вот он увидел впереди движущуюся тень. Она медленно передвигалась по снегу, то поднимаясь и принимая вертикальное положение то снова опускаясь. Прошла минута, вторая, наконец Цзян Вань-цзе понял, что это было бревно, которое Ма Дэ-мин старался втащить на перевал. Ма Дэ-мин был с ног до головы запорошен снегом. Сделав один шаг, он останавливался, осторожно подтягивал ногу к себе и, когда убеждался, что стоит прочно, делал следующий шаг. Вдруг он поскользнулся и чуть было не упал. Пока он балансировал на одной ноге, ища точку опоры, Цзян Вань-цзе даже пот прошиб от страха. Он вспомнил, как у них в деревне однажды вот так же раздавило насмерть человека, который шел по льду, неся бревно. Он уже хотел закричать, чтобы Ма Дэ-мин подождал его, но в это время произошло то, чего он больше всего боялся. Ма Дэ-мин как-то странно качнулся, бревно выскользнуло, у него из рук, ударилось с глухим стуком о камень, перевернулось в воздухе, как перышко, и со страшной скоростью полетело в овраг, увлекая за собой Ма Дэ-мина.

— А-а!.. — вскрикнул Цзян Вань-цзе, но тут же был навзничь опрокинут снежным вихрем. Не успел он опомниться, как огромная лавина подхватила его и он полетел с горы вниз. Весь облепленный снегом, он продолжал катиться, ничего не видя впереди себя, больно стучаясь о камни, о корневища деревьев, за что-то цепляясь, что-то круша тяжестью собственного тела. Вдруг какая-то сила задержала его на лету и крепко прижала к себе, с усилием открыв один глаз, он увидел Ма Дэ-мина. Все лицо товарища было в крови.

Что дело плохо, Ма Дэ-мин понял в тот самый момент, когда бревно заскользило в его руках и потянуло назад. Сохранить равновесие в таком положении было [406] бессмысленно, и он с силой оттолкнул бревно в сторону — что еще мог он сделать, если такова была воля Неба! Обидно было одно, что он погибает не в бою, а из-за какого-то глупого бревна... Закрыв глаза, он приготовился к худшему, и это худшее произошло. Перевернувшись два раза в воздухе, бревно сильно ушибло его одним концом, и он упал, ударившись головой о ствол дерева. Не успел он опомниться, как какая-то сила потянула его вниз. Он лишь сообразил обхватить голову обеими руками. Ветви кустарника нещадно хлестали по лицу, но он ничего не мог поделать. Так он летел, пока те же кусты не задержали дальнейшее падение. Когда он поднялся на ноги и оглянулся назад, то первое, что увидел, был огромный снежный ком, впереди которого стремительно катился какой-то человек...

— Ну и дела! — отдышавшись, воскликнул Ма Дэ-мин, выпуская Цзян Вань-цзе из объятий. — Надо же, чтобы так получилось!

— Лао Ма, ты?! — вне себя от радости вскричал Цзян Вань-цзе. — Но ведь ты ранен!

— Пустое дело! — махнул рукой тот и потрогал ссадины на лице. — Ветки, будь они неладные, разрисовали!

— Отправляйся в роту, пусть санитар посмотрит.

— Да я же говорю — пустое дело! Ничего страшного!

Ма Дэ-мин был невозмутим. Вытерев ладонью кровь, он усмехнулся, словно действительно ничего страшного не произошло, и, как ни в чем не бывало, принялся стряхивать снег с Цзян Вань-цзе.

Цзян Вань-цзе ничего не сказал. Приказать? Он думал совсем о другом. Кто будет заготавливать бревна для блиндажа, если Ма Дэ-мина положат в госпиталь?! Тут он вспомнил, что нес для Ма Дэ-мина табак и зажженный фитиль. Когда, подхваченный снежным вихрем, он упал, — это Цзян Вань-цзе помнил хорошо, — фитиль был при нем, он даже зажал его еще крепче... Теперь, разжав ладонь, он понял, что все его труды были напрасны...

Злосчастное бревно неподвижно лежало почти рядом со штабелем уже заготовленных бревен. Вдвоем они обошли делянку, пересчитали оставшиеся бревна, которые нужно было перетащить через перевал, вздохнули и молча присели отдохнуть. Кровь на лице Ма Дэ-мина [407] успела за это время застыть. Правда, сильно болели голова и поясница, но он молчал. Растрескавшиеся руки, чтобы Цзян Вань-цзе не видел, он держал за спиной.

— Лао Ма, — наконец заговорил Цзян Вань-цзе, — давай все-таки не перенапрягайся.

— И ничего не перенапрягаюсь, — спокойно возразил Ма Дэ-мин. — Скорее хочется сделать, вот и все. Что ты думаешь, я не хочу вместе с вами рыть блиндаж?

— Хватит с тебя и этого.

— Хватит? — удивился Ма Дэ-мин. — Это ты мне говоришь?

— Да ведь только что, знаешь, что могло случиться?

Ма Дэ-мин отрицательно помахал рукой перед носом.

— Э-э... Это ты зря. Ничего особенного не было. — О том, что он ранен, что ушибленная поясница действительно болит, он даже не заикнулся. Да и что с ним говорить, с этим «мальчиком»? Нашли, кого жалеть! Может быть, он больше жалеет их, но ведь ничего им не говорит!..

Еще раз посоветовав Ма Дэ-мину быть осторожней, Цзян Вань-цзе направился к той группе, которая рыла траншею.

Ее рыли на седловине горы, учитывая возможность кругового обстрела. Местность здесь была относительно ровная, лес весь вырублен, поэтому ветер дул, не зная преград. Под его напором было трудно не только устоять на ногах, но даже раскрыть на минуту

глаза, вздохнуть полной грудью. Холодные струи воздуха леденили все внутренности. Промерзшая земля еле подавалась ударам лопаты. Люди работали из последних сил. Вернувшись к строящемуся блиндажу, Цзян Вань-цзе подозвал к себе Ван Куня и тихо сказал ему:

— Пойди к ним, помочь надо. Правда, делают они не то, что нужно, но не обижай, придержи свой язык. Ты ведь знаешь, Ван Кунь, объяснять тебе не буду. Нужно метр пятьдесят в ширину и метр семьдесят в глубину, И ни сантиметра меньше! Сделают не так, придется все заново рыть. Мало того, что столько сил затратили, нас же критиковать будут, помни это... [408]

Ван Кунь ушел, а Цзян Вань-цзе остался в блиндаже с Ли Сяо-у и еще одним бойцом.

Ли Сяо-у держался из последних сил. Руки у него распухли, глаза слезились. Правда, он никому не жаловался и продолжал что-то делать вместе со всеми, но результатов его работы не было видно. Он уже не думал о Сяо Фэн. Всякий раз, когда он вспоминал о ней, перед ним возникали ее гневные глаза. Эти глаза неотступно преследовали его. Он бежал от них, пока не упал обессиленный в траву. Над ним летали светлячки, и от этого на душе стало еще тоскливее. Потом заухала рогатая сова. Все словно сговорились против него. И зачем только он взял у Сяо Фэн эти туфли? Что с ними делать теперь? Вещевой мешок, в котором они лежали, он боялся развязать. Класть его под голову вместо подушки было неудобно. Ему казалось, что ненавистные туфли выпирают наружу и все их видят... Хуже всего было то, что по ночам он долго не мог уснуть — так болели глаза. Он, конечно, мог бы отпроситься у Цзян Вань-цзе и не работать. Но ведь в таком положении, как он, были все. Некоторые новенькие страдали ещё больше, но даже не заикались о том, что им трудно... Он боялся встречаться взглядом с Цзян Вань-цзе и вообще старался не попадаться ему на глаза, хотя тот не давал для этого никаких поводов. Наоборот, отношение к нему Цзян Вань-цзе по-прежнему было заботливым, предупредительным, и это еще больше раздражало его. «Рано или поздно придется выбросить эти туфли, — думал он. — Сам надевать не буду, но и ему не дам. Не хочу, чтобы он носил!..»

А Цзян Вань-цзе терпел. Он мог все стерпеть, только бы удержаться на ногах и добиться успеха. Ради этого стоило забыть и бешеное осеннее наступление, и нечеловеческие усилия, затраченные на то, чтобы вгрызться в эту скалу, которая должна стать их домом. Конечно, стоило! Но вот миновала еще неделя, а в каменной толще пройдено всего лишь два метра. Когда будет конец этой работе? У людей заморенный вид. Все выбились из сил. Что он, Цзян Вань-цзе, из другого теста сделан? Нет. Но он — командир отделения, он их командир и должен поддерживать в каждом бодрость духа, поддерживать его силой своего собственного примера. Ежедневно работали до самых сумерек. Каждый [409] понимал, что нужно работать изо всех сил, каждый думал о том, как бы поскорее закончить блиндаж. О чем другом вообще можно было думать?

В укрытии командира батальона не оказалось. Дежурный телефонист сообщил, что Ци Цзюнь-цай можно найти вместе с бойцами, которые роют траншею, и Шан Чжи-линь отправился на седловину горы.

— Здесь комбат? — спросил он работавшего возле входа бойца.

— Здесь, — ответил тот, не отрываясь от работы.

Шан Чжи-линь спустился вниз. Он был сильно не в духе, поэтому, никого не видя в темноте, громко спросил недовольным тоном:

— Комбат здесь?

— А что случилось? — раздался в ответ веселый голос совсем рядом.

Шан Чжи-линь перешел на затемненную сторону и тогда заметил командира батальона. В одной руке Ци Цзюнь-цай держал лопату, другой вытирал с лица пот, он смотрел в его сторону и дружелюбно улыбался. Все недовольство Шан Чжи-линя сразу испарилось.

Вместе они вышли на поверхность и присели отдохнуть.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Ци Цзюнь-цай. — Единственное, что нам осталось, это терпеть, выдержать надо... Ну как, отдохнул? Пойдем, посмотрим, — предложил он, поднимаясь.

По узкой тропинке они добрались до укрытия, Ци Цзюнь-цай накинул на плечи ватник, отряхнулся и потянул Шан Чжи-линя за собой.

Шан Чжи-линь все еще никак не мог примириться с созданным положением. Каждый день убеждал его в том, что воевать куда легче, чем долбить этот проклятый камень. Не получается атака, поднимаешь людей, скажешь им яркую речь, иначе расставишь силы и опять ударишь. Десять раз будешь бить, но свое дело обязательно сделаешь. А это что? Разве это война? Сколько может терпеть человек? Энергия, упорство, страстные призывы — все было использовано, но ведь всему бывает предел. От призывов руки у людей не перестают болеть. Много обмороженных, люди ходят с [410] нарывами. Хоть небольшую передышку можно дать людям? Без нее не выдержат!..

Об этом же думал и Ци Цзюнь-цай. На каждой высоте он задерживался, смотрел, как идут работы, подолгу беседовал с командирами и бойцами, но прямого ответа на поставленный Шан Чжи-линем вопрос не давал. Людям можно было сочувствовать, можно было и не сочувствовать, но главное было уже не в этом. Напряженные усилия людей, в конце концов, не оказались бесплодными. Линия мощных оборонительных сооружений вырисовывалась все более и более определенно. И когда на одной позиции кто-то из бойцов заметил, что по ночам противник осторожно подкрадывается к переднему краю и подолгу ведет наблюдение, Ци Цзюнь-цай весело рассмеялся.

— Конечно, — махнул он рукой, словно не придавал этому сообщению никакого значения. — Не нравится им то, что мы делаем. По-видимому, опять будут тревожить нас. Понятно?

— А догадываются американцы, что мы делаем?

— Догадываются или не догадываются — нам от этого не легче. Для них страшнее наше молчание...

Возвращаясь с переднего края, Ци Цзюнь-цай заглянул мимоходом на позицию Цзян Вань-цзе. Бойцы встретили его радостными улыбками.

— Утомились, наверное, ребята? — спросил он. — Намахались киркой?

— Пока работаем, — ответил за всех Цзян Вань-цзе.

Ци Цзюнь-цай внимательно посмотрел каждому в глаза.

— Держаться можете еще?

— Можем! — дружно ответили бойцы.

— Вот это главное. Ничего другого нам и не остается. — Он незаметно перевел взгляд на Шан Чжи-линя. — Ведь это все равно, что в бою. Как начнешь наступление, так останавливаться уже нельзя. Остановишься на позиции, попятись назад — тогда пощады не жди...

— А мы назад не пятимся, товарищ комбат! — в тон ему заметил Цзян Вань-цзе.

— А ты? — резко повернулся Ци Цзюнь-цай к Ма Дэ-мину.

Вместо него ответил Цзян Вань-цзе: [411]

— У него, товарищ комбат, рука сильно болит. Разодрал себе ладонь, а лечить не хочет...

Ма Дэ-мин вздрогнул. Он вспомнил, как скатился с перевала. В первый момент отделенный не заметил, что у него с рукой. Но когда он ночью обходил спящих и на минуту задержался возле него, Ма Дэ-мин отдернул руку, словно ожегся. Значит, отделенный все знает! «Ты чего прячешься? — спросил Цзян Вань-цзе. — Нехорошо!..» — «А ты не шуми, людей разбудишь! — довольно грубо ответил ему Ма Дэ-мин. — Ничего страшного нет. Пройдет несколько дней, и заживет рука...» Но так он ответил отделенному, а теперь перед ним стоял командир батальона.

— Да ничего особенного, товарищ комбат, — смущенно проговорил он, бросив гневный взгляд в сторону Цзян Вань-Цзе. — В молодости, когда я дрова колот, сколько раз бывало такое! Иной раз и хуже было, но не бросал же из-за этого работу. Не поработаешь — жрать нечего будет... Разве это рана?!

— Ты еще не забыл своей прошлой жизни?

— Так скоро ее не забудешь, товарищ комбат, — улыбнулся Ма Дэ-мин. — А вспомнил сейчас, потому что тоже в лесу провел ее. Кругом лес, небо студеное, земля в снегу, вернешься домой — холодина, прикорнуть негде. Правда, и здесь нам не сладко. Но ведь на родине совсем иначе! Так что, я думаю, не зря мы здесь терпим. Главное — работа-то нужная.

— У тебя же никого дома нет.

— У меня-то? — переспросил Ма Дэ-мин. — У меня и дома своего нет. Зато другие имеют. У каждого и дом, и семья...

Несколько минут Ци Цзюнь-цай молчал, раздумывая над бесхитростным ответом Ма Дэ-мина. Но вот он стал прощаться. Цзян Вань-цзе вышел проводить его. Когда они были уже у выхода, Ци Цзюнь-цай остановился и сказал ему:

— Предупреждаю тебя, рабочий день у вас должен быть десять часов, в крайнем случае — двенадцать, но не больше. Смотри у меня!

Дорогу загородили два бойца, спускавшиеся в блиндаж. Они несли на руках Ван Куня. Голова юноши бессильно болталась... [412]

61

Вот когда пришли настоящие трудности. Такого не было даже во время самых жарких схваток с врагом. Разгорался бой, в нем принимали участие одна рота, две, вступали в бой ударные части, велась огневая подготовка, бросались в атаку, но все это продолжалось день, другой, — не воюют же люди бесконечно! А тут война, не ведающая ни дня ни ночи. Люди на ногах не держатся, падают замертво, словно скошенные пулей. Очевидно, это же случилось и с Ван Куном: долбил киркой скалистый грунт, долбил, даже не думая, что сейчас свалится и вдруг упал. Иди, спроси у него, по какой причине!

— Ранен? — испуганно вскрикнул Цзян Вань-цзе, когда бойцы осторожно опустили Ван Куна на землю.

— Не знаем...

Ван Кунь был в глубоком обмороке. Цзян Вань-цзе ощупал его с ног до головы, но нигде не обнаружил ни одной царапины. Прижавшись к его груди ухом, он почувствовал биение сердца. Жив!.. С него словно камень сняли. Закутав Ван Куна в несколько одеял, он отнес его в самый дальний угол укрытия и велел остальным не шуметь: пусть спит!

— Все немедленно ложитесь спать! — приказал Ци Цзюнь-цай. — Даю отделению отдых один день. Только посмейте работать!..

Проводив командира батальона и ротного, Цзян Вань-цзе и Ма Дэ-мин задержались на тропинке. Возвращаться в укрытие им не хотелось. Ма Дэ-мин все еще находился под впечатлением от разговора с комбатом. То ли воспоминания юности, то ли что другое разбередило ему душу, но он никак не мог прийти в себя. «Забыть бы старое, — думал он, — да разве в силах человек забыть то, что составило его жизнь, что избороздило морщинами его уже немолодое лицо?»

— Кто тебя тянул за язык? — как бы отвечая своим мыслям, заговорил он, не глядя на Цзян Вань-цзе, — Взял и сказал все комбату! Нужно ему было знать это?

Чувствуя себя виноватым перед товарищем, Цзян Вань-цзе долго молчал, наконец сказал тихо:

— Прости меня, Лао Ма, я нехорошо поступил... — Снова наступила томительная пауза. — Но ты ведь сам [413] знаешь, какой у меня характер. Решил, что сразу можно все

сделать, а о товарищах не подумал... Ты вправе обижаться, но разве я мог обманывать начальство? Пусть уж лучше оно меня ругает...

— И все-таки не надо было говорить этого, — повторил Ма Дэ-мин и вдруг ни с того ни с сего набросился на него с криком:

— Раз приказано всем идти спать, иди! Меньше всех спишь, а тоже!..

Цзян Вань-цзе пытался было оправдаться, но Ма Дэ-мин не стал его слушать. Пришлось вернуться в укрытие и лечь. Спали они всегда рядом, засыпая сразу как убитые. Но сегодня сон почему-то не приходил. Цзян Вань-цзе вспомнил, что в последнее время вообще мало думал о себе. Все его мысли были поглощены работой, он очень уставал и к концу дня не чувствовал ни рук, ни ног. Он и сегодня не думал об этом, но мысли о доме не давали ему покоя. Он повернулся к Ма Дэ-мину — тот уже спал, спали и остальные бойцы, ничто не нарушало их отдыха. А Цзян Вань-цзе хотелось поговорить с кем-нибудь, поделиться своими думами. И когда снаружи послышались тяжелые шаги часового, он осторожно выбрался из укрытия, чтобы предупредить его не поднимать шума. Застегнув шинель на все крючки, он взял свой автомат и пошел сменить часового.

Было очень холодно, обжигающий ветер колот лицо, как тысячи ножей. Зябко кутаясь в ватник, Цзян Вань-цзе стоял в одиночном окопе, переступая с ноги на ногу, чтобы не ооченеть, и думал о родном доме, о матери...

«Здравствуй, мама! — мысленно обращался он к ней. — Я здоров. Мы живем на горе, пещере из камней. Ты почему не спишь, мама? Ведь уже время спать, смотри, как на дворе поздно... Ты не беспокойся обо мне. Знаешь, о чем я думаю? Вот, когда мы пойдем в бой, как будет хорошо, что я далеко от тебя. Чем дальше война от дома, тем лучше, мама!..»

Как ни беспокоило ему было на душе, но он старался не думать о Сяо Фэн. Что вспоминать ее, когда она весточки о себе не подает! Мать — она любит всегда, вечно, она никогда не забудет сына, не откажется от него. Одно слово — мама!.. Подошел Ма Дэ-мин, направлявшийся на пост. [414] Постоял рядом с ним с минуту и, ничего не сказав, повернул к траншее. Да, теперь это главное. Все остальное мелочи, главное — работа. Будет готова траншея к сроку, тогда все горести позабудутся. Ведь то, что уже есть, это результат их трудов. Сколько дней и ночей не смыкали они глаз ради нее, сколько испытали горя, сколько надежд с ней связали! Пусть она маленькая, незаметная среди всех сооружений на всей линии фронта, но ведь это линия защиты мира...

На переднем крае раздался гулкий выстрел, и в ту же минуту недалеко от их позиции разорвался артиллерийский снаряд. Противник, очевидно, решил не давать им покоя.

— Лао Ма! — окликнул Цзян Вань-цзе. — Давай сюда! Внимательно следи за врагом и передним краем. Если что — зови!

Отдав нужные распоряжения второму часовому, он спустился в блиндаж, нашел в темноте свою кирку и принялся долбить скалу.

Через некоторое время он услышал чьи-то приближающиеся шаги. Выглянув наружу, он заметил, как по тропинке кто-то быстро шел в его сторону, все время пригибаясь к земле. Вскоре он узнал в нем ротного.

— Ты почему работаешь? — удивился ротный, увидя Цзян Вань-цзе в блиндаже. — Забыл приказ комбата?

Цзян Вань-цзе вытянулся смирно и... молчал.

— Ладно, садись, — позвал Шан Чжи-линь. — Мне нужно с тобой поговорить.

Они присели на корточки. Несколько минут оба молчали. Наконец Шан Чжи-линь заговорил:

— Твой вопрос решен. Приняли кандидатом, стаж — три месяца. Рекомендовали тебя я и ваш взводный...

Оформлением документов на вновь принимаемых в партию Шан Чжи-линь занялся сразу же после беседы с новым командиром батальона. Он и сам понимал, что война будет тяжелой, длительной, что оборонительные работы, задуманные командованием, будут проходить в чрезвычайно трудных условиях, и если проявлял в первое время нетерпение, то только из-за своей молодости и свойственной ему горячности. Слова Ци Цзюнь-цая о том, что нужно постоянно отбирать лучших из числа членов Союза молодежи и активистов для приема их в партию, изо дня в день укреплять свою роту, свято [415] сохранять ее славные традиции и боевой дух, только подстегнули его.

Со времени отвода роты с переднего края прошло немало дней, и чем занимался Шан Чжи-линь все это время, Цзян Вань-цзе, конечно, не знал, поэтому сообщение ротного, удивило его, как гром среди ясного неба. Ему стало нестерпимо жарко. Сначала он вскочил на ноги, потом снова сел, отряхнулся, словно после тяжелого сна, все еще не веря тому, что услышанное — правда. Он был убежден в том, что все это дело далекого будущего. Нет, он не забыл своего заявления, но ведь подал он его для того, чтобы видеть перед собой какую-то цель, к которой нужно стремиться. Подумать только, как быстро! Словно вчера написал заявление, а сегодня — уже в партии!

Шан Чжи-линь не торопил его с ответом, понимая, что происходит у Цзян Вань-цзе на душе.

— Я... Мне, товарищ ротный, — робко заговорил, наконец, Цзян Вань-цзе, — мне ведь еще так далеко...

Он опустил голову, не смея посмотреть в глаза ротному, и нервно затеребил рукав куртки. В смущенном выражении его лица Шан Чжи-линь прочел немой вопрос: «Что же мне теперь делать? Помогите мне!» Оба встали одновременно.

Шан Чжи-линь пожал ему руку.

— Вступление в партию — великое событие в жизни человека, — сказал он. — Но для члена партии, если он хочет стать настоящим бойцом за коммунизм, это только начало. Запомни мои слова.

— Запомню, товарищ ротный...

Шан Чжи-линь ушел, а Цзян Вань-цзе остался стоять на прежнем месте, забыв обо всем на свете. Он был так взволнован, что даже не почувствовал, как на глазах у него выступили слезы.

Сменившись с поста и не найдя в укрытии отделенного, Ма Дэ-мин пошел его искать. Часовой кивком головы показал ему в сторону блиндажа.

— Ты еще здесь? — немало удивился Ма Дэ-мин. — Один? Ты что делаешь?

— Ничего, — беззвучно проговорил Цзян Вань-цзе.

Ма Дэ-мин подошел ближе.

— Ты плачешь? — воскликнул он, еще больше удивляясь. [416]

— Нет, что ты!

— Как нет? У тебя на глазах слезы!

— Лао Ма, меня... приняли... — Цзян Вань-цзе с силой сжал товарищу руки.

Глаза Ма Дэ-мина стали круглыми. На его лице смешались одновременно выражение радости и удивления. Горячо обняв Цзян Вань-цзе, он потащил его за собой.

— Ты знаешь, мне тоже не спится. Давай походим.

На вершине горы они остановились.

— Здорово! Это же на всю жизнь, Цзян Вань-цзе!

— Такое дело! Работать теперь тебе и работать!..

У Цзян Вань-цзе было такое чувство, словно отныне все в мире неразрывно связано с ним — реки, горы, огромная стройка, которую они ведут, люди, возложившие на него свои надежды... Прав Ма Дэ-мин, конечно. Теперь ему работать и работать. Думать только о том, чтобы еще быстрее вгрызаться в скалу. Забыть усталость, стиснуть зубы и продолжать дробить камень. Этой работой должны быть заняты каждый день и каждый

час. Но этого мало. Каждое его движение, каждый удар киркой должны быть пронизаны великой идеей служения человеку.

Уже больше месяца люди возводят новую линию обороны... Каждый новый удар киркой заставляет время работать на тех, кто поставил своей целью во что бы то ни стало пробиться через каменную толщу. Этому способствует все: их воля, упорство, духовная энергия, готовность выдержать любые лишения и трудности, стремление двигать само время вперед.

Но время уходит, и наступил такой момент, когда кирка Цзян Вань-цзе окончательно затупилась, потеряла свою былую остроту, стала больше походить на горняцкий обушок, которым в шахтах откалывают руду. Каждый шаг проходки укорачивал кирку на один сантиметр. Ей-то досталось за свою короткую жизнь! А ведь рудокопу такая кирка дается на долгие-долгие годы, не на каких-нибудь десять — двадцать дней. Вдуматься только, сколько с ней было связано радостей и горестных раздумий, сколько слез приняла она на себя, сколько выслушала клятв человека, который с ней связывает свою решимость!

Кирку Цзян Вань-цзе отнесли в штаб полка. [417]

В блиндаже командира полка шло в это время совещание. Обсуждались итоги выполнения плана строительных работ с момента разгрома осеннего наступления противника. Все сходились на том, что в обстановке на фронте произошли серьезные изменения, что усилия, затраченные на сооружение траншей, не прошли даром... Кирку передали Шан Чжи-ину. Он молча встал, принял ее в свои руки. На отполированной до блеска рукоятке кирки словно отражалась вся жизнь бойца, его Думы, чувства. Тысячи человек изо дня в день, не разгибаясь, работают, строя оборонительные укрепления, дробят скалы, валят лес, роют траншеи. На площади в несколько десятков квадратных ли его люди возводят под землей грандиозную стройку. Нужно не иметь сердца, чтобы не волноваться, держа в своих руках эту простую кирку, не чувствовать гордости за бойцов, которые оказались крепче стали. Сталь можно расплющить, можно источить, невозможно источить волю человека. «Вот он — плод этой воли, — думал Шан Чжи-ин, сжимая в руках выдавшую виды кирку, — воплотивший в себе и великую идею и тяжкий труд. Кто определит ему цену!»

Совещание давно закончилось, а Шан Чжи-ин все еще сидел за столом, погруженный в свои думы. Глаза его запали, на лбу резко обозначались две глубокие морщины. Но вот он встал, вышел из блиндажа, на минуту задержался у входа в укрытие оперативного отдела. Его внимание привлекла вязанка мелко нарубленных дров. На сырых, еще пахнущих снегом ветвях каштанового дерева кое-где уже успели прорасти светло-зеленые почки. Да, жизнь шла своим чередом. Не эти ли почки были предвестниками будущей весны, которую никто не в силах остановить... Заложив руки за спину, он шел по тропе, которая вела на вершину горы. Шаг его был тяжелый, но не медленный, каким обычно ходят уставшие от забот люди, голова опущена. Он поднял ее, только когда остановился на краю обрыва. Холодный порывистый ветер дул в лицо.

Впереди, насколько хватал глаз, простирались объятые стужей лесные массивы. Лишенные яркого осеннего убранства, сохранившегося в памяти со времени выхода на позиции, они казались сейчас какими-то унылыми, безжизненными, однообразно серыми. Ощущение [418] серости усиливалось видом голых деревьев, дрожавших под напором крутого ветра. Лишь кое-где на редких каштанах трепыхались отдельные листья, но и они были совсем желтые, блеклые и такие высохшие, что скорее напоминали обтянутый тонкой кожей скелет старческой руки, которой давно уже неведома сила юности. Побуревший от времени растительный покров придавал горам еще более суровый вид. Издали оголенные скалы, выпиравшие на фоне гор, казались похожими на фантастических животных.

Горы гряды за грядой уходили вдаль, и не было видно им ни конца, ни края. Шан Чжи-ин крикнул телохранителю, велел ему принести бинокль, — хотелось еще раз

взглянуть на них, найти в этих горах позиции своего полка, к которым были прикованы все его мысли. И когда он поднес бинокль к глазам, все, что еще минуту назад казалось однообразной серой полосой лесов и гор, раскрылось перед ним во всем своем великолепии, словно кадры кинофильма. На всех высотах шла работа, взлетали вверх комья земли, камни, выбрасываемые из траншей лопатами, везде люди трудились. Его взгляд заскользил по линии ходов сообщения. Люди разбрелись по ним и казались крохотными, как муравьи, хлопотавшие на своих участках. На минуту он задержался на одной вершине, — бинокль приблизил к нему совсем маленького человечка, который осторожно взбирался по заснеженному склону, таща на плече огромное, не по его росту бревно. Там тоже повсюду кипела работа.

Яростное наступление на камни, развернувшееся по всему фронту, продолжалось уже более сорока дней. Оно принесло людям такие трудности, о которых никто и не думал. Руки и ноги бойцов были искалечены, порезы и трещины на ладонях долго не заживали из-за морозов и продолжали кровоточить. Глаза слезились из-за постоянного недосыпания, ветров, колючего снега, каменистой крошки, от которой некуда было деться. Многие болели куриной слепотой, ощущали в глазах такую резь, что не могли раскрыть веки. Бойцы испытывали острый недостаток в свежих овощах. Лишь сосны были зимой зелеными в Корее, все остальное высохло, застыло, обледенело. От голода и чрезмерного физического напряжения люди потеряли в весе.

Зима выдалась снежная, морозная, непривычная для [419] бойцов, приехавших сюда из теплых мест. Скованная морозом, лежала перед ними земля. Ледяные ветры дули весь день, а к ночи вовсе словно срывались с цепи. Одежда на бойцах изорвалась — работа в лесу, с камнем давала себя знать. Никакие заплатки не выдерживали. Ветер забирался под ватники, леденил душу. Трудно было разжать окоченевшие пальцы, огрубевшие, с отросшими ногтями.

Было трудно, очень трудно, и все же приходилось держаться, ибо от этого зависела жизнь. Противник мог возобновить наступление весной, сразу же после того, как растает снег. На сооружение линии обороны оставалось всего лишь несколько месяцев. От того, как будут выполнены работы по возведению оборонительных сооружений, зависела вся оборона в целом, они должны были изменить ее облик, сделать такой, чтобы она могла выдержать любой удар противника, и не только выдержать, но и подготовить необходимые условия для нанесения ему еще более мощных ударов.

62

Более десяти тысяч стволов орудий ежедневно подвергали яростному обстрелу позиции фронта, как бы соревнуясь между собой в поражении целей. И, когда такая цель оказывалась выявленной, они обрушивались на нее со всей силой своей мощи: в воздух взлетали долговременные оборонительные сооружения, подавлялся огонь противной стороны, блокировались транспортные коммуникации, машины с грузами застревали в пути, не имея никакой возможности пробиться через плотную огневую завесу. Над фронтом словно нависла невидимая сеть из снарядов, непрерывно выпускаемых обеими сторонами. Горы и леса были охвачены огнем, взрывы сотрясали небо и землю. Временами огонь сосредоточивался на какой-нибудь одной высоте, и тогда она становилась похожей на огнедышащий вулкан — над ней взвивался столб дыма, она изрыгала из себя пламя, и чистое, ясное небо, живописные горные пики, покрытые на склонах лесом, вмиг превращались в море бушующего огня, над которым витал дух разрушения и смерти.

Несмотря на то, что взоры людей всего мира были [420] обращены к Кэсону и Паньмыньчжону, несмотря на то, что события на пересекавшей полуостров линии фронта, над которой непрерывно проносились тысячи снарядов, привлекали к себе внимание всей мировой общественности, несмотря на то, что все на что-то надеялись и предпочитали

верить своим надеждам, беспокойство в конечном итоге брало верх над надеждами, люди хотели сами определить главное в этой страшной войне, ухватиться за какой-нибудь один факт, чтобы проанализировать его со всех сторон и увидеть, к чему он приведет в своем развитии; но даже тем, кто сам находился на этой линии фронта и испытывал на себе все перипетии этого развития, трудно было разобраться в них, найти какую-то закономерность. Чем дольше продолжалась война, тем больше люди чувствовали беспокойство, тем больше думали о ней. Но война находилась в постоянном развитии, она ни на минуту не задерживалась на одном месте, и сосредоточиться на чем-либо одном было невозможно.

Ожесточенная бомбардировка началась утром. Только отбомбилась первая группа самолетов, как налетела вторая. Грохот разрывов не прекращался весь день.

Более трех десятков вражеских самолетов появились над расположением командного пункта дивизии на рассвете. Сделав круг, они развернулись в линию и пошли вдоль оврага со страшной скоростью. Налетевшим вихрем была разорвана бумажная оклейка на окнах, документы и бумаги разлетелись по комнате, карта сорвана со стены. В следующее мгновение раздался такой взрыв, от которого содрогнулись горы и закачались дома, как во время землетрясения. Вихрь закрутил песок, вырванную с корнем траву. Стоявшая на подоконнике банка с керосином опрокинулась на землю, и темная маслянистая жидкость разлилась широким пятном по полу. Люди лежали на земле, чувствуя, как она шевелится под ними, с улицы доносились крики. Ревели самолеты, поливая землю градом пуль.

Было ясно, что противник обнаружил командный пункт дивизии и решил одним ударом уничтожить его. Налет был осуществлен рано утром, когда еще все спали. Когда самолеты окончательно отбомбились, деревня, в которой расположился командный пункт, перестала существовать. Над землей курился дым пожарища. [421]

По-видимому, Риджуэй, объявивший всему миру о своем желании выжечь огнем все живое на территории Северной Кореи, действительно задумал превратить ее в зону пустыни, лишит человека возможности жить здесь.

Пока шла бомбежка, командир дивизии Цао Юнь-цин спокойно сидел у себя в блиндаже и курил. Рядом с ним находился политком Фань Бао-чунь.

— Форсируют американцы подготовку к весне, — безразличным голосом заметил политком, глядя на часы. — Как разошлись! Такого еще не было...

— Это обязательно, — согласился с ним комдив. — Если не поступать так, у них выхода не будет. Фактически у них уже нет выхода.

— Все полки извещены?

— Извещены. Совещание состоится, как обычно. Противник, очевидно, думает, что нам уже конец, торопится спальные мешки приготовить... Но мы еще заставим его почувствовать нашу силу. Хочет он того или нет, а придется признать, что его дело проиграно.

— Азартный игрок, наоборот, чем ближе дело к концу, тем менее склонен считать себя проигравшим.

— Это тоже верно. Но вот увидишь, он еще будет вопить, что победа ушла из его рук!..

Комдив подошел к карте, но в это время открылась дверь и на пороге остановился начальник штаба, который доложил, что машины за командирами полков отправлены.

Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни ехали в машине вместе. Чувствовали они себя легко, беззаботно, все дела дома были переданы начальнику штаба, и волноваться за них не приходилось. На совещание в штаб дивизии Шан Чжи-ин ехал совсем с другим чувством, чем в первый раз. Человек открытого нрава, он и не скрывал своей радости, и, кроме того, ведь там, в дивизии, его ждет Ван Шу-цин! В тот раз само свидание было каким-то поспешным, торопливым, второпях они и расстались, так и не поговорив ни о чем. Сейчас, конечно, все будет иначе.

А Чжай Цзы-ни ехал в тыл впервые, поэтому все здесь казалось ему в новинку, особенно после того, как он столько времени пробыл на фронте. Сколько раз [422] рисовал он в своем воображении тыловую жизнь! Ему так хотелось увидеть хоть одного не военного, женщину, ребенка — ведь, кроме огня, ничего другого на фронте не было. Однажды к ним на КП пришел экспедитор с большой пачкой писем. Но когда Чжай Цзы-ни спросил его, нет ли ему писем, тот виновато улыбнулся.

— Почему же мне письма нет? — снова спросил он.

Минуту экспедитор молчал, раздумывая над ответом. Сказать комиссару: «Дома вам не пишут!» — у него не хватило смелости. Поэтому он снова улыбнулся и сказал:

— Возможно, где-то в дороге.

Чжай Цзы-ни покачал головой, он не умел скрывать свои чувства.

— Нет! — горько усмехнулся он. — Никто обо мне не думает!..

Кому не известно, как тоскуют о жизни в тылу люди, долго находящиеся на фронте. Понимая состояние командира полка, Чжай Цзы-ни не надоедал ему своими расспросами, предоставив полную возможность побыть наедине со своими мыслями. Всю дорогу он внимательно присматривался ко всему, что сохранилось в его памяти со времени прибытия на фронт, стараясь обнаружить происшедшие изменения. Вот и высота, за которой должен находиться командный пункт дивизии. Но что это? Место совершенно не похоже на то, что он ожидал увидеть!

— Мы случайно не сбились с дороги? — удивленно спросил Шан Чжи-ин.

— Что вы, товарищ командир полка! — возразил шофер. — Здесь!

— Когда же это так?..

Страшно было видеть, что стало с командным пунктом. Повсюду воронки от авиационных бомб, изрытая земля, выдернутые с корнем деревья, разбитые в щепу, оголенные, обугленные, словно место только что подверглось бомбежке. Ехать в машине дальше было трудно, поэтому им пришлось слезть. Но идти пешком тоже было не так-то легко. Выискивая среди обломков камней и наваленных повсюду бревен дорогу, они не заметили, как столкнулись лицом к лицу с командиром дивизии и комиссаром, вышедшими им навстречу. На их лицах засветилась добрая, дружелюбная улыбка. [423]

— Ну, брат, и холодная у тебя рука! — воскликнул комиссар, здороваясь с Чжай Цзы-ни. — Понятно, первый раз в тылу!

— Как ваше здоровье, товарищ комиссар? — в свою очередь спросил Чжай Цзы-ни.

— Мое хорошо. Сперва вас спросить надо. Я ведь тебе несколько раз писал на фронт. Передавали тебе?

— Передавали, — Чжай Цзы-ни снова крепко пожал комиссару руку. — Мне действительно очень хотелось побывать у вас.

— Вот и хорошо. На этот раз спешить с отъездом не надо. Поживете у нас здесь лишних два дня. Я тоже беспокоился о вас, вспоминал часто.

Шан Чжи-ин передал командиру дивизии привезенную им кирку.

— Вы интересовались положением дел на позициях, товарищ комдив, — сказал он. — Вот, смотрите.

Приняв кирку, комдив подошел с ней поближе к свету. Постепенно его нахмуренные брови разошлись, лицо приняло возбужденное выражение.

— Очень хорошо, что привез. Отправим ее на родину!

От комдива кирка перешла к комиссару. По мере того как он разглядывал ее, глаза его все больше разгорались.

— Обязательно на родину, обязательно! — дважды повторил он. — Увидит наш народ, редко кто не уронит слезу. Пусть знает, что делают его дети ради счастья человечества! Смотрите, люди, все смотрите, с каким трудом дается мир и счастье! — Некоторое время он молчал, потом решительным шагом направился в соседнюю комнату. — Ни на что не похоже! Надо немедленно решить все вопросы, касающиеся бойцов!

Он вызвал к телефону начальника службы тыла дивизии. Вскоре оттуда послышался его резкий голос:

— Какой инструмент у вас сейчас есть?.. Что? Можете дать дополнительно часть мотыг и кайла?.. Но какие это кайла? Они же ни на что не годятся, известно тебе это?.. Что еще есть? Как так ничего? Отправляй телеграмму. Записывай: инженерное оборудование, кирки, настоящие лопаты, капсюли, взрывчатка...

Выглянув в открытую дверь, он спросил Чжай Цзы-ни:

— Что еще нужно? [424]

— Пока что ничего, — ответил вместо него Шан Чжи-ин.

— Нужно будет, не стесняйтесь, требуйте. — Заметив, что все уже собрались, он повернулся к комдиву. — Начнем совещание?

Командиры полков и политкомы расселись по местам, вынули из планшетов карты и по очереди стали докладывать о ходе строительства.

Штаб дивизии приступил к напряженной работе.

— Противник начинает активизировать свою деятельность, — оказал комдив. — Все наши силы в настоящее время сосредоточены на рытье траншей. Эта работа действительно отнимает у нас все, что мы можем дать ей. Но сейчас придется несколько освободить свои руки. — Он сделал многозначительный жест обеими руками и продолжил:

— Надо начать действия мелкими подразделениями. Центр тяжести борьбы перенесем на передний край обороны противника, овладеем этой узкой полосой земли. Методически, непрерывно развертывать активные операции наступательного характера почаше устраивать вылазки, шире использовать снайперов, контратаки, засады, неожиданные налеты, днем усилить артиллерийский огонь, по ночам выпускать на передний край пехоту. Сейчас, на нынешнем этапе позиционной войны, это главные формы боевых действий. Мы должны полностью использовать все возможности, какие нам дает нынешняя линия фронта. Пусть она станет для противника такой раной, из которой постоянно будет литься кровь, пусть она ослабляет его живую силу...

Когда совещание закончилось и все разошлись, комиссар затащил Шан Чжи-ина и Чжай Цзы-ни к себе. На столе у него Чжай Цзы-ни заметил несколько знакомых книг и брошюр с либретто кинофильмов. Пригласив гостей садиться поближе к огню, комиссар предложил всем закуривать. Вдруг он поднялся, подбежал к столу, взял какую-то тоненькую брошюру.

— Это либретто фильма «Сталинградская битва», — сказал он, садясь на прежнее место. — Им тогда было труднее, чем нам. К Сталинграду были прикованы взоры всех. Помните, что тогда говорил Сталин? — он перелистал несколько страничек, после чего посмотрел в глаза Шан Чжи-ину и Чжай Цзы-ни. — Вот здесь, [425] смотрите. Сталин говорил: успех стратегического наступления будет зависеть от того, как будет организована стратегическая оборона, переломного момента нужно добиваться в ходе самих боев. Вот эта задача стоит сейчас и перед нами. Водить здесь противника за нос — этого мало, надо косить его, ослаблять его силы. Теперь пора браться за это.

С наступлением сумерек Шан Чжи-ин отправился в госпиталь.

Нет ничего красивее захода солнца, когда золотые лучи окрашивают пламенеющим багрянцем каждую возвышенность, каждую гору, неповторимую в своей красе. Каждый камень, каждый кустик, озаренные этим огненным светом, меняют свои краски с такой быстротой, что иной раз трудно уловить это изменение, — то они кажутся синими-синими, как индиго, то ослепительно лиловыми, то вдруг вишневыми... Тоненькие тополи вытянулись вдоль поля, от них тянет холодом, сыростью. Голые ветки вишен заиндевели на морозе. Раскидистые яблони, освободившиеся от листвы и тяжелых плодов, чувствуют

себя как будто проще, вольготнее, но даже и без них они источают нежный аромат яблок, словно сами ветви напоены им. А может быть, это только кажется, может быть, вообще никакого запаха нет, а осталось только воспоминание о нем? Где быть этим запахам, когда они скованы зимней стужей? Совсем, совсем другие запахи чувствует Шан Чжи-ин. Они идут от корзин, плетенных из ивовых прутьев, от жаркого кана маленькой крестьянской чибби, от согретых человеческой жизнью стен, одежды, теплых одеял. Родные, милые сердцу запахи! Вот уже несколько месяцев он не имел о них никакого понятия, их вытеснил дым пожарищ и пламя войны. Теперь они снова овладели его сердцем... Может ли он оторваться от них, забыть! Минуты две Шан Чжи-ин стоял возле чибби, не в силах сделать и одного шага. Только после того как он вволю надышался знакомыми с детских лет запахами, он пошел дальше. Дорога вела через небольшой ручей. Он журчал не так звонко, как журчит ручей летом, не расплескивался о камни, не поднимал каскада брызг, [426] наталкиваясь на препятствие, а обтекал его медленно, словно нехотя. И цветом своим он напоминал не что-то легкое, прозрачное, а густой сливовый ликер, от которого на душе тоже становилось холодно.

Погруженный в свои думы, Шан Чжи-ин пытался представить себе Ван Шу-цин, ее жизнь. Сегодня он весь вечер проведет с ней. Какое это счастье! При мысли об этом он ускорил шаг. Подъем в гору был довольно трудный, но он одолел его, ни разу не остановившись. Тяжело дыша, он спустился по узкой розовой от заката тропинке в овраг. Здесь было значительно светлее, чем в ущелье, которое он только что оставил. Овраг был довольно просторный, не менее двух ли в ширину, окруженный с двух сторон невысокими горами. Солнце уже зашло за горы. На западе словно раздвинулся дивный огромный занавес, сшитый из нежнейшего алого шелка. Далекие синие горы волнами простирались до самого горизонта, и чем дальше они уплывали, тем становились все меньше и меньше, пока вовсе не сливались с небом. На востоке высоко в небо вздымались пики Алмазных гор, увенчанные белоснежными, отливающими золотом головными уборами. Шан Чжи-ин узнал хорошо знакомую ему дорогу, запомнившиеся деревья, указатели, и прибавил шаг. Еще немного — и за горой качнутся владения дивизионного госпиталя. Лицо Шан Чжи-ина покраснелось, он почти бежал, не чуя под собой ног. Но такое его состояние продолжалось недолго. Он и сам не мог понять, почему вдруг почувствовал в душе неизъяснимую тревогу. Чем быстрее он шел, тем тревожнее билось сердце в груди.

Над лесом с карканьем пронеслась стая ворон, возвращавшихся в свои гнезда, но через минуту, чем-то испуганные, птицы снова взлетели в небо и стали кружиться, тревожно хлопая крыльями. В лесу стало темно. Один-единешенек он шел по этому лесу, чувствуя, как холод пронизывает его внутренности. Последний, самый короткий участок пути казался ему самым трудным и самым длинным. Но не это пугало его. Его пугала неожиданная мертвая тишина, безлюдие. В нос ударил неприятный запах, от которого ему стало вовсе не по себе, он даже вздрогнул. Но вот он обогнул гору, и глазам открылась груда развалин и огромная воронка от разорвавшейся авиабомбы. Ничего не понимая, он [427] обошел воронку, перешагнул валявшееся на пути дерево, вырванное из земли взрывом, и пошел дальше. Вот и землянка, но ничто в ней не напомнило ему той землянки, возле которой она ждала его. Повсюду запах гари, йода, вырванные из книг страницы, бланки, грязные марлевые повязки и бинты, разбитые бутылки, — и нигде ни единой живой души.

Возвращаясь назад, Шан Чжи-ин чуть ли не силой волочил ноги. Он чувствовал такую усталость, такое бессилие, что еле держался. Несколько раз он принимал решение сесть, подождать здесь до рассвета, и тем не менее заставлял себя идти. Трудно сказать, что довело его домой — горе или гнев. Он не видел, как идет, ни о чем не думал и шел, целиком доверившись своим ногам.

— Ты что? — удивился Чжай Цзы-ни, увидя его.

Шан Чжи-ин остановился, встряхнулся, словно после дурного сна, вытер со лба пот.

— Ты почему так рано вернулся? — продолжал допытываться Чжай Цзы-ни.- Что с ней?

Только после того как Шан Чжи-ин добрался до своей постели и грузно опустился на нее, он рассказал все, что видел. Долго никто ничего не говорил. Наконец Чжай Цзы-ни встал, сделал несколько шагов, раздумывая над тем, что бы предпринять, и сказал:

— Я беру на себя выяснить все о ней!

Шан Чжи-ин молчал. Он тоже хотел нарушить эту гнетущую тишину, но у него не было для этого никаких сил. Перед его глазами все еще стояла картина разрушения. Скрывать свое настроение он не мог, поэтому решил немедленно возвращаться в полк.

За те три дня, что его не было в полку, противник несколько раз бомбил передний край. Потери были большие. Начальник штаба полка Ма Фэн-шань распорядился использовать автоматическое оружие на всех высотах для организации зенитного огня. Сбито было пять самолетов противника, двенадцать улетели с серьезными повреждениями. Командный пункт полка пришлось перенести подальше в тыл. Место для него было приготовлено заранее, КП имел уютный жилой вид. Но Шан Чжи-ина даже это не обрадовало. На своем столе он обнаружил письмо. Письмо было из госпиталя, но почерк нисколько не походил на почерк Шу-цинъ. [428]

В письме сообщалось, что Ван Шу-цинъ тяжело ранена и отправлена в тыл, и больше ни слова.

Держа письмо в руках, Шан Чжи-ин стоял у стола, словно в оцепенении... Печально мигал тусклый огонек лампы перед его глазами, в комнате было холодно, но он ничего этого не чувствовал.

Глубокая ночь. Скрипит и стонет под напором безжалостного ветра лес. Страдает и плачет душа Шан Чжи-ина... Собрав последние силы, он встряхивается и идет в комнату оперативного отдела. Все командиры батальонов уже в сборе.

64

В своем блиндаже Шан Чжи-ин не захотел жить и, переселившись к Ци Цзюнь-цаю, стал готовить новую операцию.

Той же ночью отделение Цзян Вань-цзе получило боевое задание.

Группа из четырех бойцов, возглавляемая Цзян Вань-цзе, была переброшена через линию фронта в районе деревни Мундынри, группа Ма Дэ-мина вышла на соединение с ними, двигаясь вдоль восточных холмов. Ночь была тихая, малейшее дуновение ветерка заставляло насторожиться. Вот и деревня. Кругом ни души, все поросло бурьяном, повсюду запустение, разруха. От стен домов остались одни руины, да и те не выше одного чи. Шли, прижимаясь к этим развалинам, чтобы не выходить на каменную мостовую улицы. Под ногами все время хрустела битая черепица, везде валялись черепки глиняной и фаянсовой посуды, расколотые чугунные котлы, обгорелая деревянная утварь. От груд истлевшего тряпья исходил неприятный запах гниения. В темноте то здесь, то там белели обглоданные, омытые дождями кости, брошенные погорельцами орудия крестьянского труда, трупы домашних животных. Ли Сяо-у было страшно, так страшно, что он все время обо что-то спотыкался, а один раз даже уронил свой автомат, падение которого отдалось в этой могильной тишине гулким эхом. Боясь потерять своих, он ни на шаг не отставал от Цзян Вань-цзе. Место здесь было ровное, горы остались далеко позади, но ему все казалось, что по [429] пятам за ним неслышно крадется враг, который вот-вот схватит его. Глаза врага мерещились ему всюду.

Страшная картина опустошения заставила Цзян Вань-цзе вспомнить ту Мундынри, которую он видел объятай пламенем пожара. Когда теперь смогут вернуться, сюда люди? Куда, в какую сторону бежали они, гонимые войной?

Налетевший порыв ветра зашумел в траве и сник. Все вздрогнули. Цзян Вань-цзе настороженно оглянулся по сторонам. Только теперь до его сознания дошло, что они

вышли из деревни и идут пустырем. Пройдя мостик на южной окраине деревни, они вдруг были остановлены двумя хлопками, прозвучавшими в темноте, как выстрелы. Кто это мог быть? Цзян Вань-цзе стало еще больше не по себе, когда он увидел две человеческие тени, выросшие на кукурузном поле.

— Отделенный?

По голосу Цзян Вань-цзе узнал Ма Дэ-мина.

— Заметил что-нибудь впереди? — тихо спросил он.

— Ничего. А как в деревне?

— Не спрашивай,- махнул рукой Цзян Вань-цзе. — Нет деревни!

Запорошенное снегом дно оврага вытянулось на несколько километров. Неубранная кукуруза, полынь в половину человеческого роста, юймао, репейник, высохшая осока, камыши — заберешься в них, и никто знать не будет, что здесь есть человек... Неслышно раздвинув камыши, группа Цзян Вань-цзе пошла оврагом дальше на юг, и очень скоро все были с ног до головы обсыпаны снегом. До чего холодная ночь!. Небо усеяно звездами, луны нет, медленно струит свои воды мерцающая Серебряная река¹⁵, и чем выше забираются звезды, тем мрачнее кажутся горы.

Впервые Цзян Вань-цзе оставил позицию и действовал со своей группой самостоятельно. Горы, овраг подавляли его своими размерами, он чувствовал себя в них ничтожно малым, беспомощным. Чем дальше он шел со своим маленьким отрядом, тем это ощущение все больше овладевало его сознанием. Вдруг он вздрогнул, задержал шаг и сделал товарищам рукой знак не двигаться. Люди замерли на месте. [430]

Впереди, шагах в шестидесяти, Цзян Вань-цзе заметил ряд ровно подстриженных деревцев, стоявших одно от другого на одинаковом расстоянии. Он пересчитал их — деревьев было всего восемь. Не оглядываясь назад, он рукой сделал новый знак — прижаться к земле... За двадцать с лишним дней пребывания на позиции он достаточно хорошо изучил рытвины и холмики, он знал наперечет, сколько в речке камней торчит из-под воды. Но этих деревьев он никогда не видел раньше, он даже не сомневался в этом. «Вот гады! — выругался он про себя.- Дурачить меня думаете?» И молниеносно дал короткую очередь из автомата. Деревца сразу упали. В воздухе прогремел выстрел из карабина, и в следующую минуту немного левее Цзян Вань-цзе увидел, как их обходят.

Первой мыслью было отступить к реке, чтобы по ее руслу добраться до оврага Янчонгу. Если это удастся, подумал Цзян Вань-цзе, группа будет в безопасности, так как сразу за рекой начинаются позиции своих. Но когда они стали спускаться к берегу, их обстреляли с довольно близкой дистанции. Стреляли из камышей, пули проносились над головой, жужжа, словно осы. Цзян Вань-цзе не на шутку струхнул. Он был вовсе не подготовлен к этому неожиданному нападению. По частоте огня он понял, что в засаде находится примерно до взвода стрелков. Пути отхода были отрезаны.

Долго думать над тем, в какое положение они попали, не приходилось. Приказав залечь, он дал знак открыть автоматный огонь. Ни о чем другом нельзя было думать, малейшая оплошность могла стоить жизни. Но как оторваться отсюда, как спасти людей? Чего же ты думаешь?!. Он приказал пустить в ход гранаты и первым бросился в прорыв, увлекая за собой товарищей. В дыму ничего не было видно.

Раненный осколком гранаты, Ли Сяо-у упал в канаву и так неудачно, что разбил себе колено. Не останавливаясь, Цзян Вань-цзе подхватил его на спину и побежал дальше.

Погоня приближалась. Выстрелы гремели все ближе и ближе.

Схватив за рукав Ма Дэ-мина, Цзян Вань-цзе крикнул, задыхаясь: [431]

— А ну-ка, возьми его! Веди отряд к той горе!

Ма Дэ-мин отпрянул в сторону.

— Ты иди с ними, прикрывать буду я.

Но Цзян Вань-цзе удалось задержать его. Голосом, не допускавшим возражений, он приказал:

— Взять! Бегом — марш!

Спорить было бесполезно, противник вот-вот мог окружить всю группу.

Скомандовав: «За мной!», Ма Дэ-мин побежал к ближайшему холму. Противник стрелял беспорядочно, поэтому Цзян Вань-цзе решил выждать. Когда преследователи подошли ближе, он открыл по ним прицельный огонь, вынудив их залечь. С автоматом в одной руке и с последней гранатой в другой он стал отходить к холму, часто останавливаясь, чтобы разобраться в обстановке. Стрельба прекратилась, но теперь отчетливо слышался шорох справа. Было ясно, что противник обшаривает камыши. Это Цзян Вань-цзе не пугало. Теперь он один на этом берегу и бояться нечего. Он опустился на камень и стал ждать. Сердце его сильно билось. Вдруг он заметил, что ватник в трех местах пробит пулями. О себе он даже не подумал — было жалко хороший ватник. Перед глазами возник образ Ма Дэ-мина. «Обиделся на меня, наверное,- подумал он.- Сам хотел остаться прикрывать. Да, Ма Дэ-мин понимает, что это значит... Но мог ли я, член партии, бросить на произвол судьбы такого человека?!. Ведь он и годами старше меня...»

В камышах слева послышался осторожный хлопок — сперва один, потом еще два. В ответ Цзян Вань-цзе тоже хлопнул два раза, он уже не сомневался, что это был Ма Дэ-мин. Взволнованный возвращением товарища до глубины души, он не находил слов для выражения радости. А Ма Дэ-мин — Ма Дэ-мин сжимал его в объятиях, словно отец.

— Понимаешь, такое дело,- заговорил, наконец, он, все еще не веря своим глазам. — Прислушиваюсь я, прислушиваюсь, но хоть бы ты весточку подал!..

— Боялся, не случилось ли что со мной? — улыбнулся Цзян Вань-цзе.

— Конечно, война ведь такая штука — никто не может быть уверен. А если ты ранен? Могли мы бросить тебя? [432]

65

На душе у Ли Сяо-у было какое-то противоречивое чувство. Завидуя Цзян Вань-цзе, которого назначили командиром отделения, приняли в партию и всюду ставят всем в пример, он никак не мог примириться с этим. И вместе с тем он не мог не чувствовать, что с каждым днем все больше подпадает под влияние Цзян Вань-цзе, — понять, почему это происходит, почему он не может освободиться от этого влияния, было выше его сил. Никакого недоброжелательства к себе со стороны Цзян Вань-цзе он не замечал, наоборот, наиболее трудную работу Цзян Вань-цзе делал всегда сам, прощал Ли Сяо-у его слабости, давал ему понять, что тот только начал военную жизнь и еще не приобрел необходимых навыков. После памятного разговора, который происходил ночью, Цзян Вань-цзе стал еще больше заботиться о нем. И все же Ли Сяо-у все время держал рот на замке, ни разу не обмолвившись с ним ни словом относительно Сяо Фэн. Больше всего он страдал оттого, что вообще никому не может рассказать о тех туфлях, которые лежали в его вещевом мешке бесполезным грузом.

Рана оказалась не серьезная, хуже было с ногой, так как ушибленное колено распухло и ходить он не мог. Вечером сам командир роты повел отделение в поиск. Уходя, Цзян Вань-цзе сказал Ли Сяо-у:

— Мы опять туда идем, ты отдыхай!

Ли Сяо-у лежал один, рядом с ним горела лампа, бросая тусклый свет на отсыревшие стены пещеры. Он вспомнил вчерашнюю вылазку — первый бой, в котором ему пришлось участвовать. Когда в него попала пуля, он решил сперва, что кто-то ударил его палкой, только потом он почувствовал жгучую боль. Он тут же упал, дрожа от страха. Противник рядом, никому до него дела нет, Цзян Вань-цзе узнает — только радоваться будет... И вдруг чья-то рука вытащила его из ямы и взвалила на спину. В полубессознательном состоянии он ничего не видел, слышал лишь, как вокруг вьются пули. Только потом, когда тащивший его на себе человек окликнул Ма Дэ-мина, он понял, что это был Цзян Вань-цзе. Ма Дэ-мин бежал с ним довольно долго. Уже в горах Ли Сяо-у

понял, что Цзян Вань-цзе с ними нет. Значит, он остался там? Этого он понять не мог. Почему Цзян [433] Вань-цзе не побежал с ними, почему он остался? Пули летят со всех сторон, ведь его могут убить?.. Ли Сяо-у стало тревожно за Цзян Вань-цзе, он и сам не мог понять, что с ним делается... Ма Дэ-мин бежал все медленнее и медленнее, он стал задыхаться. Но когда Ли Сяо-у попробовал повернуться и сползти на землю, чтобы идти своими ногами, его подхватили другие бойцы...

Непонятное отношение к нему бойцов беспокоило и раздражало Ли Сяо-у. То он жалел самого себя, то чувствовал стыд, но от этого на душе становилось еще горше...

Ночью он никак не мог уснуть. Вдруг снаружи раздался винтовочный выстрел. Ему откликнулся пулемет. Ли Сяо-у выкарабкался из укрытия, прислушался. Выстрелы доносились оттуда, где вчера он сам участвовал в бою, — стрельба все усиливалась. Вернувшись назад, он уже не думал лечь спать. Взяв свою кирку, он ползком добрался до траншеи и работал до рассвета. Здесь его и нашел Цзян Вань-цзе.

— А ну, марш отдыхать! — прикрикнул на него Цзян Вань-цзе, отнимая кирку. — Ты что хочешь, чтобы рана не заживала? — Он пощупал его ногу, покачал головой и силой заставил сесть. Потом вынул из мешка полотенце и стал вытирать его потное лицо.

Бойцы возбужденно делились подробностями ночной вылазки.

Наибольшие похвалы выпали на долго командира роты Шан Чжи-линя, который сам вел огонь из пулемета. Это было так здорово, что противник сосредоточил все свое внимание на нем. Отделению удалось скрытно устроить засаду в камышах и отрезать противнику пути отхода. Ничего не подозревая, неприятельские солдаты один за другим угодили в зону убийственного огня.

— Как он побежал, — не унимался Ван Кунь, — тут я и застрочил из автомата! Хотите верьте, хотите нет, а всадил ему, куда и целился: сам видел, как он за штаны схватился. По мне бы после такого завтрака лучше на тот свет отправиться, все равно от дырявой задницы теперь никакой пользы нет! — Каждое свое слово Ван Кунь подкреплял выразительными жестами.

Было смешно смотреть, с каким мальчишеским задором рассказывает он все это, зная в то же время, что он проявил в бою с врагом подлинное мужество. [434]

Ма Дэ-мин молчал. Он вообще никогда не любил рассказывать о себе и теперь сидел, от нечего делать перешнуровывая туфли, и кур-ил, прислушиваясь к разговорам. Одни бойцы чистили оружие, другие укладывались спать.

— Как дела? — спросил Цзян Вань-цзе молчавшего Ли Сяо-у, видя, что тот чувствует себя одиноким.

По глазам Цзян Вань-цзе Ли Сяо-у понял, что тот вызывает его на откровенный разговор, но... смолчал. Ему было трудно начать первому. Никогда еще не чувствовал он себя в отделении таким чужим, как сегодня.

Вечером отделение снова было назначено в поиск, и Ли Сяо-у остался дома. И снова, как прошлой ночью, им овладело беспокойство. Всю ночь он работал в траншее, долбя каменистую землю, а под утро вернулся в пещеру совершенно изможденный. Он развязал свой мешок, вынул из него туфли Сяо Фэн и медленным шагом заковылял в сторону от хода сообщения с твердым намерением выбросить их, чтобы больше не видеть. Но когда он остановился у обрыва, сомнения нахлынули на него с новой силой. Вспомнилось, как сильная рука Цзян Вань-цзе вытащила его из ямы, в которой он был обречен на верную гибель... Тяжело вздохнув, он повернул назад, развязал мешок Цзян Вань-цзе и... Но тут руки его бессильно опустились, он положил мешок отделенного на место, минуту подумал и решительно сунул туфли обратно в свой мешок. Сердце билось так сильно, что ему пришлось сесть, чтобы перевести дыхание. Отдышавшись, он вернулся в траншею и снова взялся за кирку.

Рана и душевные страдания изнурили Ли Сяо-у. С того дня, как его ранило, он чувствовал, что не может посмотреть в глаза людям, поэтому душа его ни на минуту не знала покоя.

Вечером он вдруг почувствовал, что ничего не видит. В глазах была такая сильная резь, что пришлось вызвать санитара.

— Ничего страшного, куриная слепота, — сказал санитар, закончив осмотр. И предупредил Цзян Вань-цзе:

— Наварите настой из сосновых игл и дайте ему пить. Через несколько дней пройдет.

Цзян Вань-цзе отложил в сторону автомат, который [435] готовил к очередной вылазке, и вышел. Через несколько минут он вернулся с целой охапкой сосновых лапок. Весь он с головы до ног был обсыпан снегом, руки изрядно исцарапаны. В выемке траншеи был разведен костер, вымыли консервную банку, проделали через нее проволоку, подвесили над костром и стали кипятить настой. Крепкий запах сосновой смолы вместе с паром распространился в траншею. Когда настой принял густой зеленый цвет, Цзян Вань-цзе налил его в чашку, дал остыть, после чего поднес Ли Сяо-у.

— Пей, станет лучше. Никуда сегодня не ходи. — Он собрал одеяла, которые бойцы привезли с собой из дому, укрыл ими Ли Сяо-у и добавил:

— Хорошенько выспись, нечего в траншею ходить!

Бойцы уже ждали. Цзян Вань-цзе пересчитал всех и повел на выполнение очередного задания.

66

На рассвете Шан Чжи-ин поднялся с биноклем на НП, чтобы осмотреть позиции противника. Его взгляд подолгу задерживался на каждой высоте. Нужно было выяснить, какие изменения произошли за последние дни в боевых порядках. Когда взошло солнце, на высоте 400 показалась группа американских солдат; очевидно, они вылезли из окопов погреться. На ровном месте видны были красные и белые щитки опознавательных знаков для авиации. Держали себя американцы явно вызывающе.

— А ну-ка, парочку снарядов! — кивнул Шан Чжи-ин Ци Цзюнь-цаю.

После первого же выстрела солдаты побежали прятаться, подхватив свои одеяла. Ци Цзюнь-цай быстро утащил командира полка вниз.

— Сейчас они будут приветствовать нас ответным салютом!

И действительно, не успел Шан Чжи-ин спуститься в укрытие, как танк дал два выстрела по высоте, несколько осколков вражеского снаряда пробили легкую дверь укрытия, один упал возле руки Шан Чжи-ина.

Когда стемнело, Шан Чжи-ин вернулся с НП и приказал выслать небольшой отряд, чтобы проверить на месте, что представляют собой выявленные во время [436] наблюдения объекты. Необходимо было также убедиться, существует ли что-нибудь общее в поведении противника на позиции днем и ночью. Вот уже двадцать дней, как все ночные действия противника сосредоточены в три районе, на котором сосредоточил свое внимание Шан Чжи-ин. Методическая настойчивость, с которой Шан Чжи-ин осуществлял ночные вылазки мелких подразделений, дала свой результат: боевые действия были перенесены на передний край обороны противника. Шан Чжи-ин остался у Ци Цзюнь-цай с одной целью — выяснить как можно более обстоятельно, какие изменения происходят на неприятельских позициях в ночное время.

Ци Цзюнь-цай приготовил для Шан Чжи-ина постель и приказал телохранителю развести костер прямо в укрытии. Грелся Шан Чжи-ин долго, пока не почувствовал себя бодрее. Разглаживая нагретыми ладонями лицо, застывшее на ветру и морозе, он ощущал, как тепло проникает внутрь. После этого он долго курил, наконец лег на постель и накрылся шинелью. Подперев голову вместо подушки обеими руками, он молча стал смотреть на костер. Светло было только возле костра. Желтые блики то вспыхивали, то гасли в блесках каменных стен укрытия. Тень от свечи, отбрасываемая на карту, висевшую на стене, то покачивалась, словно облако, то вытягивалась подобно желтому

червячку, подпрыгивая в разные стороны. В том углу, где спал Ци Цзюнь-цай, в отсвете костра были видны три цветные фотографии, которые так привлекали внимание каждого, кто спускался в укрытие комбата. Сейчас они были особенно привлекательны. Шан Чжи-ину казалось, что они вдруг стали большие-большие, что он видит перед собой настоящий сад, деревья, унизанные созревшими яблоками, каждое яблоко словно зовет его к себе, притягивает: «Что же ты не двигаешься? Разве не видишь меня? Посмотри же, вот я!»

Через некоторое время в сад вбежали с веселым смехом дети. Их было много-много, все они были в разноцветных платяцах, и лица их алели, словно бутоны ярких цветов. Сердце Шан Чжи-ина сжалось... Вот уже который день он не имеет никаких сведений о Ван Шу-цинъ. Жива ли она? Где она сейчас? Неужели они виделись тогда в лесу в последний раз?.. [437]

Настойчиво задребезжал зуммер полевого телефона. Шан Чжи-ин вздрогнул, быстро сел и схватил трубку. В трубке послышался голос брата.

— Говори, Чжи-линь, это я, — тихо сказал Шан Чжи-ин.

— Одно отделение послал.

— Как обстановка?

— Вышли, когда стало совсем темно. Дошли до высоты, которая у нас помечена номером двадцать четыре, проникли в расположение их позиций. Движения никакого. Вот связной здесь у меня докладывает, противника не видели нигде.

— Какие-нибудь сооружения выявили?

— Обыкновенные окопы для стрельбы с колена.

— Всю ночь пробыли там?

— Только что вернулись.

— Когда противник отошел с позиции? После того, как обнаружили вас?

— Нет, раньше.

Шан Чжи-ин задумался. Опять вылазка ничего не дала.

— Вы никаких следов не оставили после себя? — спросил он.

— Если оставили, то только следы ног, — ответил Шан Чжи-линь.

Рано утром Шан Чжи-ин снова поднялся с биноклем на НП. На той высоте, где ночью находилось направленное на разведку отделение, снова расхаживали американские солдаты. Над высотой № 24 курился синий дымок, поднимавшийся из-за гребня; один американец лениво потягивался, разминая затекшие суставы.

— Смотри, — сказал Шан Чжи-ин, передавая бинокль подошедшему Ци Цзюнь-цаю. — На высоте двадцать четыре противник есть.

67

Начался снегопад, второй с начала зимы. Но такого снегопада бойцы еще не видели. Под напором ветра трещали деревья, огромные каштаны накренились то в одну, то в другую сторону. Шан Чжи-ин шел навстречу ветру, весь облепленный снегом. Ветер развевал полы его шинели, идти было трудно, еще труднее было удержаться на одном месте, но он упрямо шел вперед. Следом за ним шел Ци Цзюнь-цай, по крестьянской привычке [438] спрятав голову в воротник подбитой собачьим мехом меховушки.

— Ну и снег! — тяжело дыша, сказал Ци Цзюнь-цай, выйдя вровень с Шан Чжи-ином.

— Это верно. Теперь он сослужит нам службу.

— Меня беспокоит другое — помешает снег нашим. Не так-то легко двигаться в таком!

— Ого? — вдруг резко обернулся Шан Чжи-ин. — Что же ты предлагаешь?

— Ничего не предлагаю. Говорю, что беспокоит:..

Шан Чжи-ин покачал головой, потом быстрым движением стряхнул с себя снег.

— Не помешает, будь спокоен. Я, наоборот, думаю, что это такой редкий случай, которым обязательно нужно воспользоваться. Снегопад только поможет нам, противник даже не догадается.

Разговор стих. Шан Чжи-ин поднял голову и стал смотреть, как валит снег. Горы, река на глазах меняли свою окраску. В снежной мгле исчезли даже горные пики, казавшиеся раньше такими неприступными и величественными, все потонуло в ней; и вечнозеленые сосны, и чудо-скалы, неповторимые в своей красоте, и звонкие, стремительные ручьи, и подернутые лиловой дымкой кусты багульника. Ветер ревел, словно дикий зверь, терзая все живое.

— Смотри ты, до чего неистовствует! — задумчиво произнес Шан Чжи-ин.- Что бы мы делали без траншей?..

В траншеях горели костры, вокруг них сидели и стояли люди, сушили промокшую обувь, чулки, от которых вместе с испарениями в нос бил крепкий запах пота, курили. Ли Сяо-у молча смотрел, как падает снег. На черном фоне неба столб снежинок, поднимавшийся в отсвете костра, казался еще белее. Он думал о доме, о своих родных, которые собрались сейчас все на теплом кане, обернув одеялами ноги; в золе очага печется картошка, комната наполнена сладким, душистым запахом запеченной кожуры...

Ма Дэ-мин незаметно подкрадывается к нему и рукой приподнимает подбородок, заглядывая в лицо.

— Эй, парень, чего задумался? Снегу намело? [439]

— Намело! — равнодушно отвечает Ли Сяо-у.

— Вот то-то и оно! Не будь нас здесь, не было бы ни родине спокойствия народу. Я ведь догадываюсь, о чем ты думаешь, — дом свой вспомнил, теплый кан, мать, которая сидит сейчас на нем и греет старые ноги... Такой снег на родине — счастье, пшеница уродится хорошая. Снег что надо!..

Но его слова не доходят до сознания Ли Сяо-у.

— Нынче зимой у нас в деревне две свадьбы... — словно про себя говорит он.

Ма Дэ-мин таращит на него глаза.

— Одна из них не твоя?

— Им там хорошо, — не слушая его, вздыхает Ли Сяо-у. — А нам?..

— Так ты давай — беги домой, еще опоздаешь к свадьбе! А мы здесь останемся.

— Завистливый же ты, скажу я! — вмешивается в разговор Ван Кунь. — Только и говоришь, что нам здесь горько, а счастье — другим!

— А нет? — огрызается Ли Сяо-у и отворачивается в сторону.

Кто знает, чем бы закончился этот разговор, если бы в траншею не соскочили один за другим командир полка, командир батальона и ротный. Страхнув с себя снег, они подошли к костру. Бойцы расступились, чтобы освободить им место, кто-то услужливо предложил свой вещевой мешок, чтобы можно было сесть.

— Что поделываете, ребята? — заговорил командир полка, с наслаждением вытягивая озябшие руки к костру. — Тепло у вас здесь!

— Да ничего не делаем, товарищ командир полка, — ответил за всех Цзян Вань-цзе.

— Языки чешем, — добавил Ван Кунь.

— И это неплохо, — рассмеялся Шан Чжи-ин.- Во всяком случае лучше, чем тоску наводить. — Он осмотрел внимательно каждого бойца, потом обошел траншею, заглянул во все углы и вернулся на старое место. Присев на корточки, он с удовольствием принял предложенную бойцами самокрутку из табачного листа, отказавшись от сигареты Ци Цзюнь-цая. Курил он медленно, как бойцы, долго не выпуская табачный дым из легких.

— Как живется, Лао Ма? — заговорил он таким тоном, каким обычно разговаривал со своим коноводом. [440]

Ма Дэ-мин дружелюбно улыбнулся, однако держав себя подчеркнута вежливо, ни на минуту не забывая о том, что разговаривает с начальством. Налив в кружку крутого кипятку, пахнувшего дымом костра, он вежливо подал ее Шан Чжи-ину, после чего сел в сторонке. Он был взволнован тем, что командир полка помнит его, интересуется его здоровьем, что, несмотря на вьюгу, пришел навестить бойцов и поговорить с ними.

— Товарищ командир полка! — прервал наступившее молчание Ван Кунь. — Расскажите, что нового на переговорах. Договорятся они там до чего-нибудь?

Бойцы настороженно придвинулись поближе к костру. От кого, как не от командира, узнать самые последние новости!

Шан Чжи-ин пересел на чей-то мешок, улыбнулся, склонив набок голову, и лукаво подмигнул Ван Куню.

— А надеяться на американских чертей нечего. От нас мир зависит. Будем хорошо биться, тогда и мир будет обеспечен. Только в этом случае противник будет разговаривать с нами серьезно. Так?

— Так, — подтвердил Ван Кунь.

— Не надоело еще вам, товарищи? — спросил в свою очередь Шан Чжи-ин. — Пещера у вас хорошая, теплая... Но если вам действительно не терпится, то так и быть, скажу. Сегодня ночью будет дело...

Шан Чжи-ин стал торопить людей поскорее разбирать оружие и выходить строиться. Снег не прекращался. Командир полка и комбат стояли рядом, о чем-то разговаривая между собой. Цзян Вань-цзе в надетом наизнанку ватнике — белой подкладкой наружу — ушел вперед с автоматом наперевес. Шагов через двадцать его уже не было видно, снег поглотил его фигуру. Командир полка, комбат, ротный, все бойцы отделения остались стоять у траншеи, глядя вслед его удалявшейся фигуре. Вот она совсем растворилась в темноте за линией видимости, надежно скрытая снегом. Шан Чжи-ин настороженно прислушивался, но, кроме шороха снежинок, опускавшихся на ветви деревьев, ничего не было слышно. Через минуту снег полностью укрыв следы человека, который ушел в ночь.

Как далеко сможет зайти Цзян Вань-цзе? Почему он не возвращается? Вопросы один другого тревожнее не давали Шан Чжи-ину успокоиться. Но в это время [441] шагах в десяти вдруг показался серый силуэт человека, направлявшегося в их сторону с автоматом наперевес. Появление его было совершенно неожиданным.

— Здорово! — обрадованно воскликнул Шан Чжи-ин, хватая Ци Цзюнь-цзя за руку. — Видал? У меня вопросов нет.

И действительно, какие еще могли быть вопросы, сомнения, когда никто даже не заметил, как к ним подкрался Цзян Вань-цзе. '

Раздалась команда строиться.

— Товарищи, надо воспользоваться этим снегопадом и неожиданно напасть на противника, — сказал Шан Чжи-ин, обращаясь к бойцам с напутственным словом. — Он видел, что бойцы возбуждены, и не хотел каким-нибудь неосторожно сказанным словом испортить им настроение. Напомнив о характере предстоящей вылазки, боевом порядке и системе огневой связи, он повернулся к Шан Чжи-линю. — Что еще беспокоит?

— Ничего, товарищ командир полка.

— Местность вам уже знакома, — сказал Шан Чжи-ин. — Идти будет трудно, поэтому выступайте сейчас. — Он посмотрел на часы. — Сейчас восемнадцать пятьдесят. В ноль пятьдесят мы начнем, остается, следовательно, шесть часов. Минут тридцать у вас уйдет на то, чтобы одолеть этот овраг. Пройти заросший участок склона горы до подножия скалы особого труда не составит. Вот только тот утес. Как-никак, а высоты в нем три чжана. Ну, на каждый шаг одной минуты, думаю, вам хватит с лихвой. Когда будете подниматься, смотрите, не хватайтесь за высохшие ветви, высохшие будут ломаться. Осторожнее ставьте ногу. Только когда убедитесь, что нога стоит прочно,

делайте второй шаг. Становитесь на большие камни, мелких даже не касайтесь. В общем не нервничайте, не спешите. Всем ясно, что я сказал?.. А теперь в путь!

Отделение повел Шан Чжи-линь, Через минуту снег поглотил всех их до единого.

68

Ночью снег повалил еще гуще. Начался буран. Ветер, утихший было с вечера, подул с новой силой. Словно обезумевший, он поднимал с земли тучи [442] снежной пыли, наметал огромные белые столбы высотой в несколько десятков метров и гнал их впереди себя, не встречая никакого сопротивления. Отряд с трудом пробирался по глубокому снегу, подталкиваемый ветром в спину. Через несколько минут все так были залеплены снегом, что перестали походить на людей. Лица покрылись толстой ледяной коркой, даже на бровях и ресницах повисли ледяные хрусталики. Пройдя деревню Мундынри, пошли быстрее, добрались до южных холмов и очень скоро нашли ущелье, на котором заканчивался первый этап пути. Если бы они не бывали здесь каждую ночь, совершая вылазки, и не знали каждый метр дороги, сбиться с пути было бы очень просто. Собравшись в кучку и присев на корточки, передохнули, осмотрелись по сторонам. вокруг было тихо. Снегу навалило не меньше шести вершков, дальше идти было труднее. Мороз крепчал. Стоило на минуту остановиться, как застывали все внутренности. Ватники нисколько не согревали, словно их и не было.

Шан Чжи-линь собрал всех в кружок и тихо сказал:

— Еще немного потерпеть придется, как только ударим — жарко станет. — Он разделил всех людей на три группы и отдал последние распоряжения:

— Действуйте как можно тише. Идти на сближение с противником, пока он сам не обнаружит нас. Как только нас заметят, не ждите, чтобы они открыли огонь. Сразу пускайте в ход гранаты и бейте. Действовать нужно как можно быстрее и неожиданнее. Удар должен быть молниеносным, старайтесь, чтобы противник попался на нашу приманку.

Шан Чжи-линь тоже был вооружен автоматом, зная, что ему придется не только командовать боем, но и самому принимать в нем участие. Пистолет он оставил дома — с ним биться неинтересно!.. Две группы ушли, осталась группа, которая вместе с ним должна была отрезать противнику дорогу к отступлению.

Группа Цзян Вань-цзе двигалась по левому краю ущелья, именно ей предстояло одолеть стоявшую на пути скалу высотой, не менее трех чжанов. Скала была почти отвесная, удивительно, как держались на ней небольшие деревца, росшие в расщелинах камня. Этот участок пути был самым трудным, о нем как раз и говорил командир полка, предупреждая бойцов, что здесь [443] каждый шаг отнимет не меньше одной минуты. Но именно отсюда было легче всего нанести противнику неожиданный удар. В состав группы, кроме Цзян Вань-цзе, входили Ли Сяо-у, Ван Кунь и Ма Дэ-мин. Восхождение началось. На начальном этапе восхождения идти было сравнительно легче: склон горы густо порос кустарником, крупные камни попадались на каждом шагу, снег был глубокий, плотный. Сразу же за склоном начиналась скала. Пройдя несколько шагов, Цзян Вань-цзе остановился и стал ждать Ли Сяо-у. Решивший на этот раз драться вместе со всеми, Ли Сяо-у все же старался держаться на некотором отдалении от Цзян Вань-цзе. В нем боролись два чувства: страх отстать от своих и в то же время боязнь, как бы Цзян Вань-цзе не догадался, что с ним происходит.

Сверху вдруг ударил пулемет. Пули, словно огненные шарики, с визгом пронеслись над ущельем и погасли в холодном воздухе. Снова воцарилась тишина. Ночь казалась удивительно тихой, спокойной, но это было далеко не так. Она лишь скрадывала непрерывавшуюся деятельность людей — на позициях продолжали рыть траншеи, на наблюдательном пункте командир полка и комбат ждали начала боя, артиллеристы стояли у орудий, обшаривая взглядом заснеженное небо, в котором должна была появиться

сигнальная ракета. Американские солдаты скорее всего спали в своих укрытиях, зарывшись с головой под одеяла, стараясь не слышать завываний ветра, не видеть снега... А люди все шли и шли по снегу, облепленные им с головы до ног. Металлические части автоматов и гранат так застыли на морозе, что малейшее прикосновение к ним ощущалось, как ожог.

— Ли Сяо-у! — тихо позвал Цзян Вань-цзе.

— Угу!

— Ко мне ползи, только осторожней. Бояться не надо.

Потом он точно так же позвал Ван Куня и Ма Дэ-мина. Оба отозвались, понимающе переглянулись друг с другом и поползли. Первый этап пути был пройден. Перед ними стеной возвышалась скала. Она была такая высшая, что одолеть ее казалось невозможным. Видя ее издали, они даже не думали, что им придется одолеть. При одной мысли о необходимости взбираться по такой крутизне замирало сердце. Разве кто-нибудь [444] полезет на нее в мирное время?.. Цзян Вань-цзе окинул группу внимательным взглядом и сказал:

— Начнем, что ли. За мной!

Перекинув автомат через плечо, он засучил рукава и первым полез на скалу, цепляясь за ветви низкорослых деревьев, вторым пополз Ли Сяо-у, третьим Ван Кунь, замыкал шествие Ма Дэ-мин. Подтянувшись вровень с деревом, Цзян Вань-цзе остановился, нащупал другое деревце, ухватился за него правой рукой, а левую подал Ли Сяо-у. Вытянув его к себе, он на минуту освободил руки, чтобы проверить крепко ли стоит на ногах. Сердце его сильно билось. Вот-вот вступать в бой, а тут такое препятствие! Он готов был пожертвовать всем, даже жизнью, только бы помочь товарищам. Убедившись, что Ли Сяо-у держится крепко, он сказал ему:

— Вот так и держись, не выпускай из рук. А бояться не надо. Видишь, как высоко мы уже забрались.

С этими словами он подал руку Ван Куню, которого снизу поддерживал Ма Дэ-мин. Старый конюх смотрел за каждым движением Ван Куня так, словно это был его ребенок, впервые взбирающийся на дерево. Наконец Цзян Вань-цзе вытащил наверх Ма Дэ-мина. Вчетвером они сжались в небольшой расщелине между камнями. Над ними, по бокам, внизу шумели деревья, раскачиваемые ветром, снег не переставал. Цзян Вань-цзе посмотрел вниз и содрогнулся от ужаса: подножия скалы не было видно. Он потер руки, про себя подумал: «Заставить сейчас людей спускаться вниз будет еще труднее!» Он сам не понимал, как могли они так высоко забраться.

— Ну как, Лао Ма, все в порядке?

Они прижались еще теснее друг к другу, чувствуя, как начинают согреваться. Поддав локтем Ли Сяо-у, он усмехнулся;

— Что, здорово? — Подождал еще минуту, словно раздумывая, и сказал:

— Пора. Пошли дальше!

Несколько минут отдыха вернули им силы.

На этот раз последним опять был Ма Дэ-мин. Он опустился на колени, пропустил Цзян Вань-цзе впереди, когда тот встал на его плечи, поднялся во весь рост, поддерживая его за обе ноги. Поняв, что Цзян Вань-цзе еще не дотянулся до деревца, он поднял автомат над головой, чтобы тот имел надежную опору. Так был поднят первый. За ним полез Ли Сяо-у, и Ма Дэ-мин [445] тоже помогал ему. Но Ли Сяо-у было легче, так как Цзян Вань-цзе протянул ему свой автомат, за который он и ухватился. Последним забрался на выступ скалы Ма Дэ-мин. Но здесь они не задержались, а стали взбираться дальше.

Наверху ветер дул еще сильнее, швыряя в лицо снег и залепляя глаза. Извиваясь, словно ящерицы-гекко, они забирались в щели между камнями, протискивались через кусты и поднимались все выше и выше — от одного дерева к другому, с одного каменного выступа на другой, хватаясь окоченевшими пальцами за острые камни, упираясь ногами в еле держащиеся корни деревьев. Чтобы не потерять равновесия, приходилось ползти,

прижимаясь к скале всем телом; оступишься на миг, ослабишь руку — и тогда поминай, как звали, ничего от тебя не останется, кроме мешка с костями. Теперь уже никто не смеялся над словами командира полка о том, что здесь на каждый шаг придется отдавать не меньше одной минуты. Каждый шаг давался с трудом, дрожали колени, дрожали руки. Ползли до тех пор, пока в руках не иссякли последние силы. Наконец Цзян Вань-цзе остановился, вытащил за собой по очереди одного за другим всех троих. Прижавшись друг к другу, они сидели на выступе скалы, спрятав руки на животе под штанами, чтобы хоть немного отогреть застывшие пальцы.

— И дальше так же? — спросил с тревогой в голосе Ма Дэ-мин.

— Молчи уж лучше. Отдохнем немного. Последний перегон остался, тут надо быть особенно осторожными.

Ма Дэ-мин поднял голову — ползти предстояло еще не меньше одного чжана. Ветер набрасывался на скалу с такой силой, словно собирался разнести ее вдребезги. Как хорошо было сидеть рядом, чувствуя друг друга, ощущая, как телу передается тепло; хотелось, чтобы эта минута — самая счастливая минута в жизни человека — длилась как можно дольше. Каждый понимал, что теперь они находятся на волосок от смерти. Оторвись они друг от друга, и может случиться все — они могут упасть в пропасть, разбиться, могут погибнуть в неравной схватке с противником, который ждет их там, наверху, за последним выступом скалы. Теперь до противника рукой подать, подтянешься, высунешь голову, и он столкнет со скалы тебя и всех твоих товарищей одного за другим... [446]

И вдруг над головой что-то сорвалось и полетело вниз парящим полетом, промелькнуло перед глазами, и в следующую минуту из ущелья донесся раздирающий душу крик совы. Этот плачущий крик был словно сигналом бедствия, волосы от него встали дыбом...

69

Пройдя овраг, группа Шан Чжи-линь направилась к камышам. Здесь снег был глубже, чем в ущелье. Он лежал толстым слоем, а ветер все продолжал и продолжал наматывать его сюда со склона горы. В одном месте Шан Чжи-линь провалился в яму, из которой выбрался с большим трудом, да и то с помощью бойцов. Но вот овраг остался позади, начался подъем в гору. Склон горы был ровным, немного покатым. Ветры так плотно укатали здесь снег, что каждое черное пятнышко на нем хорошо было видно. Шан Чжи-линь приказал залечь и ползти на животе, прорывая себе ход в снегу. На их счастье, снова подул ветер и закрутил снежную пыль, надежно укрыв их от неприятельских наблюдателей. Шан Чжи-линь рвался в бой, до противника оставалось несколько шагов, но он старался взять себя в руки. Где Цзян Вань-цзе? Смогли ли они пройти последний участок пути?

Горы большие и малые, неисчислимое количество высот, составлявших фронт, простирались перед глазами. Бой начинается со схватки вот на такой маленькой высоте; здесь, на этой высоте, нужно уничтожить противника. А сколько еще этих гор, и занять их нужно все! Значит, сколько здесь высот, столько раз нужно биться, уничтожать врага, не давать ему передышки... Огромная, сложная и трудная работа. Когда она кончится? Сколько еще сил придется отдать ей! Но все это в будущем, перед глазами высота, драться за которую нужно сейчас, сию минуту... Шан Чжи-линь взглянул на часы: было ровно одиннадцать часов.

И вдруг он услышал испуганный крик совы. Он всмотрелся в темноту, но нигде ничего не увидел. Однако крик раздался очень близко. Может быть, это сигнал Цзян Вань-цзе? Нет, непохоже. Из бойцов Цзян Вань-цзе никто не может подражать крику совы... Крик становился все глуше, глуше, пока совсем не смолк где-то [447] в ущелье. Стало совсем тихо. На вершине горы показался темный силуэт человека. Человек постоял

немного, втянул голову в плечи, обнял карабин, осмотрелся по сторонам и повернул назад в укрытие. Шан Чжи-линь сделал знак своим не двигаться. Люди лежали в снегу, прижавшись к земле. Минуты три никто не подавал признаков жизни. Но когда Шан Чжи-линь снова пополз вперед, он вдруг услышал позади странный шорох. Оглянувшись, он увидел волка, который сбегал по склону, поджав хвост. Морда у волка была вытянута, спина изогнута. Увидев людей, волк замер на месте и убежал. Через некоторое время со дна оврага донесся его заунывный вой.

Одновременно тишину ночи расколола длинная пулеметная очередь. Противник обнаружил группу, двигавшуюся по противоположному гребню горы. Но вот раздался взрыв гранаты, и пулемет смолк. Из укрытия выбежала большая группа солдат.

Пулемет был выведен из строя гранатой, брошенной Цзян Вань-цзе. Как только его группа поднялась на вершину скалы, он приказал залечь в кустах и приготовить гранаты. В это время и ударил пулемет. Заставив его замолчать, Цзян Вань-цзе бросился к укрытию, увлекая за собой всю группу, где и столкнулся лицом к лицу с противником. Более десятка солдат, огромных, в длинных шинелях и стальных касках, тяжело дыша, бежали прямо на него; Расстояние между ними было таким близким, что пустить в ход гранаты было уже поздно. Короткой автоматной очередью Цзян Вань-цзе уложил пятерых солдат. Остальные продолжали бежать. Быстро повернувшись, Цзян Вань-цзе прицелился и выстрелил в голову американцу, находившемуся ближе всех. Тот охнул, пробежал несколько шагов и упал вперед, чуть не опрокинув Цзян Вань-цзе. Только успел он отвернуться, как поднялись упавшие было американцы. Но тут ему на помощь пришел Ма Дэ-мин, открывший яростную стрельбу. Американцы отступили, однако ненадолго; вскоре они возобновили атаку, поддерживаемые несколькими солдатами с тыла. Ах, как мечтал сейчас Цзян Вань-цзе о винтовке, простой пехотной винтовке с примкнутым к ней штыком. Он бы показал американцам, что такое штыковой бой! Вместо штыка приходилось довольствоваться автоматом. Цзян Вань-цзе со страхом думал [448] о том, что где-то здесь, рядом, бьются Ли Сяо-у и Ван Кунь. Ли Сяо-у действительно бился рядом. Дюжий американец вцепился обеими руками в его автомат и потянул на себя. Ли Сяо-у думал сейчас только об одном. Если американцу удастся вырвать у него автомат, тогда конец, и он решил биться из последних сил, но выиграть бой. В какое-то мгновение ему удалось потянуть американца на себя и схватить его обеими руками. Сцепившись, они покатались по земле, колотя друг друга кулаками, кусая и снова обрушивая град ударов. Только Ван Кунь приготовился разрядить в американца автомат, как Цзян Вань-цзе приказал Ма Дэ-мину и ему отбежать назад, а сам размахнулся гранатой и ударил американца по голове. Тот издал слабый крик и растянулся на земле. Ли Сяо-у вскочил на ноги, теперь он осмелел еще больше. Освободившись от изорванного в драке ватника, он схватил свой автомат и давай им косить американцев. Противник, не выдержав удара, стал отступать к укрытию. В это время на высоте появилась группа Шан Чжи-линя и закидала укрытие минами. Над ходом сообщения взвился сноп искр, в воздухе стали рваться гранаты. Из черного дыма выбежали три американских солдата, Растрепанные, без касок, они бросились, прижимая к груди автоматы, на Цзян Вань-цзе. Однако они не стреляли, они просто бежали, как голодные волки, обезумевшие и напуганные взрывами. Цзян Вань-цзе отскочил в сторону и подставил подножку. Бежавший первым не успел увернуться и упал. Не успел Цзян Вань-цзе выстрелить, как оба американца бросились наутек.

Весь бой продолжался лишь несколько минут.

Подбежавший Шан Чжи-линь разрядил ракетницу. Черное небо прорезала длинная зеленая стрела.

Эту огненную стрелу и ждал Шан Чжи-ин, не уходивший с наблюдательного пункта.

— Пора открывать огонь, — возбужденный, повернулся он к Ци Цзюнь-цаю. — Надо подавить противника до того, как он начнет стрельбу.

Но противник уже успел сосредоточить минометный огонь на обоих флангах долины Мундынри. Он, по-видимому, решил бить не по высоте, на которой находилась группа Шан Чжи-линя, а воспрепятствовать ее отходу или в крайнем случае нанести ей серьезные потери при попытке прорваться через линию фронта. Плотный [449] минометный огонь блокировал группу, загородив ей дорогу назад. В это время раздался первый залп орудий подавления. Над долиной взметнулось огненное зарево.

70

Шан Чжи-ин все еще находился на НП, ожидая сведений о судьбе группы. Он без конца запрашивал передний край, но оттуда всякий раз отвечали: «К нам не приходили». Неужели действительно они попали под минометный огонь? С командного пункта полка передали по телефону, что из штаба армейской группировки получен приказ. Шан Чжи-ин попросил соединить его с комиссаром, ответ был неутешительный: Чжай Цзы-ни еще вечером отправился в группу противотанкового прикрытия.

О своем желании побывать в группе противотанкового прикрытия Чжай Цзы-ни не известил Яо Си-пина. Он пошел один легким, беззаботным шагом, в тот самый момент, когда начался снегопад. Идти было довольно трудно, но он, казалось, не замечал этого. Приятно было идти, подставляя лицо снежным хлопьям и ощущая во всем теле приятное спокойствие.

Вечер — время затишья на переднем крае. То ли потому, что начался снегопад, то ли по другой причине, но орудия противника прекратили обстрел. Земля, небо — все потеряло свой привычный облик, мир находился во власти снега, падавшего на землю большими хлопьями, и это было так красиво, что хотелось смотреть и смотреть. Горные пики стояли осыпанные серебряной пудрой, земля закуталась в пухлые белые одеяла, на каждом дереве, на каждой сосновой ветке лежали легкие, словно взбитые, снеговые подушки. Поистине можно было позавидовать чудодейственной силе природы, которая с такой сказочной быстротой изменила мир, изгнав из него все признаки серости, дряхлости, запустения и вернув ему девственную красоту первоздания. Все скрыл снег — и истерзанные артиллерийским огнем леса, и израненную, опаленную землю, и картину страшного опустошения, которое принесла с собой война. Тишина и безмолвие, чарующее спокойствие стояли над миром. Легкие снежинки, бесшумно кружившиеся в воздухе, приносили душевное успокоение, отраду. Чжай Цзы-ни шел вперед, восхищаясь открывшимся ему видом. [450] Спустившись в овраг, он пошел по ходу сообщений, решив заглянуть на наблюдательный пункт. Однако его заметили. Вбежавший в блиндаж вестовой разыскал помощника командира полка и доложил:

— Комиссар идет!

— Где он?

Вместе с вестовым Яо Си-пин поспешил побежал на наблюдательный пункт. Чжай Цзы-ни был уже там и беседовал с часовым.

— Пошли, комиссар, — потянул его Яо Си-пин. — В пещере у нас ненадежней.

Работавшие в траншее бойцы заметили политкома. Один из них подмигнул товарищам и, стерев со лба пот, сказал под общий смех:

— Не везет нам, товарищ комиссар. Американцы стараются держаться от нас подальше, дистанцию выдерживают. Танки еще подходят, а самих пока не видели.

— А для чего тебе они? — усмехнулся Чжай Цзы-ни.

— Как для чего? Подойдут ближе — угостить можно будет.

— Придут еще. Кто откажется от соленых грибков?

— А может, засолить им, товарищ комиссар? Или маринованных приготовить, в рассоле?

— Я думаю, в кипятке тоже не плохо.

Бойцы рассмеялись шутке политкома. С ним они всегда чувствовали себя непринужденно.

— Товарищ политком, — обратился к нему один из них, — а долго еще нам жить в этой пещере?

— А вы спросите у американских чертей, как они думают. Мы с удовольствием составим им компанию. Придет время, и попросим их собрать со стола объедки пира. Убирайтесь-ка восвояси, гости хорошие, скажем.

...В пещере у Яо Си-пина было прохладно, приятно пахло душистым мылом.

— Вот и мой дом, — сказал Яо Си-пин, приглашая Чжай Цзы-ни.

Вестовой зажег свечу. Чжай Цзы-ни отметил порядок в пещере, удобно приспособленной под жилье. Не удивительно, что Яо Си-пин хвастается теперь всем, что устроился — лучше не надо. В углу стояла аккуратно застланная ковриком койка, пол был устлан камышом и высохшими каштановыми листьями, стены оклеены старыми газетами, потолок завешен дождевой накидкой, [451] принимавшей на себя осыпавшийся во время взрывов песок. У стены стоял низенький квадратный столик на четырех ножках, рядом дощатый табурет. Около входа на стене висел настенный календарь, неизвестно каким образом попавший на позиции. Над столиком — портрет Председателя Мао, на самом столике — несколько книг. Для свечи тоже было отведено определенное место, и стояла она не там, где ее вздумают поставить, а в специальном подсвечнике, вылепленном из глины. Чжай Цзы-ни нравилась эта любовь Яо Си-пина к порядку, она говорила о характере человека. Кое-что, правда, его не устраивало, в частности, он не почувствовал во всем этом атмосферы войны.

Но, может быть, Яо Си-пину было не до устройства своего блиндажа и он вообще не заходил сюда, занятый другими делами. В последнее время все свои силы он отдавал строительству укреплений. Работы было много, нужно было изменить самый вид местности, прорыть ходы сообщения, сделать кучу других дел. От переднего края до Пягуаньена — сопки Кипарисовой протянулась линия широкого рва, по которому можно было двигаться беспрепятственно и днем. Ходы сообщения связали между собой восточные склоны гор с западными, сооружены надежные укрытия для огневых точек, проделаны маскировочные работы, вырыты ложные позиции, в общем долина Мундынри действительно приняла другой вид, изрезанная вдоль и поперек окопами и ходами сообщения. Теперь можно было опираться не только на подножья гор, окаймлявших долину; ведение огня стало возможным с любой точки. Что и говорить, на позициях Яо Си-пина был такой же строгий порядок, как и у него дома. Каждый, кто видел это, понимал, что проделана огромная работа, что, собственно говоря, и придаться не к чему. И все же Чжай Цзы-ни заметил в ней то, чего не мог заметить Яо Си-пин.

— Ты сосредоточил все свои силы только на оборонительных работах.

— Да, — ответил Яо Си-пин, — именно все силы. — Он не только не охладел к ним, но, напротив, и сейчас думал только о них.

— Позиции оборудованы очень хорошо, все правильно. Но у тебя не хватает того духа, который нам нужен теперь больше всего. [452]

— Почему? У меня все подготовлено. Как только противник возобновит наступление...

— Пока он начнет, у нас еще много времени в запасе. Надо продумать, что будем делать, пока это произойдет,

Яо Си-пин понял. Некоторое время он молчал, потом обратился к Чжай Цзы-ни:

— Противник хитер.

— Ты можешь быть обиженным только в двух случаях, но не обижайся на то, что противник хитер. Кто говорит о хитрости противника, тот, хочет он того или нет, признается в своем бессилии. Если же он упрямествует, значит, ты имеешь дело с косным человеком... Мы не обратили внимания на повседневную боевую деятельность войск.

— Главное, чем мы занимаемся в последние дни, это мины. Люди не сидят без дела.

— А кто у тебя занят минированием?

— Янь Чжэнь-лун.

— О!.. Знаешь, он мне как раз нужен. Далеко он сейчас? Вызови его.

Чжай Цзы-ни действительно хотел взглянуть на Янь Чжэнь-луна. Но когда Яо Си-пин сказал, что тот здесь, он почувствовал себя неудобно. Сердиться на Янь Чжэнь-луна комиссар уже давно не сердился, однако сообщение помощника командира полка заставило его насторожиться. Забыть совершенного Янь Чжэнь-луном проступка он не мог.

Яо Си-пин вышел, чтобы отдать по телефону нужные распоряжения.

Больше всего на свете Янь Чжэнь-лун боялся встретиться с глазу на глаз с политическим комиссаром. Серьезность своей ошибки он понял тогда, когда стоял перед ним рядом с пойманным неприятельским парашютистом. Ему было так стыдно, что он боялся поднять глаза на политкома и молчал. Хорошо, что ночь была темная и никто не видел выражения его лица. Но и он тоже никого не видел, так как не решался поднять головы. Он словно оступился в холодную, черную, бездонную яму и продолжал падать все ниже и ниже. Уж лучше, думал он, умереть героической смертью, чем [453] продолжать так жить. Кем он стал? Стыд и одиночество давили его, словно свинцовая доска.

Вокруг него кипела жизнь, люди помогали друг другу, делились своими думами, а он ни к чему никакого интереса не испытывал, он просто был выброшен из этой жизни, никто ни о чем не спрашивал его, никому он не был нужен.

Когда-то у него были друзья, товарищи, он любил поболтать с ними, покурить, подраться на кулаках, теперь все они ушли от него далеко-далеко. Неужели из-за этого стыда он должен будет вернуться на западный берег Ялуцзяна и никого больше никогда не увидит?..

На политкоме лица не было, когда к нему привели Янь Чжэнь-луна. Обычно румяное, оно выглядело таким безжизненным, что Янь Чжэнь-лун подумал: теперь конец, единственное, на что он еще может рассчитывать, это получить пулю. Пусть, пусть расстреляют, решил он про себя, назад в свою роту его все равно не отправят.

Вопреки всем ожиданиям Янь Чжэнь-луна, комиссар приказал вернуть его в роту. Всю дорогу назад он шел с опущенной головой, чувствуя на своей спине осуждающий взгляд конвоира. В душе его шла борьба. Теперь у него остается один выход — только бой, другие пути отрезаны. Командир батальона Ван Бин-чэнь, к которому его привели, оторопел от неожиданности. Чувство отвращения к нему разгорелось с новой силой, глаза его налились кровью. А он-то думал, что навеки избавился от этого труса! Кто мог знать, что все обернется так неожиданно и Янь Чжэнь-луна снова пришлют к нему! Минуты три он молчал, стараясь овладеть собой.

Янь Чжэнь-лун стоял перед ним ни жив ни мертв. «Комбат даже взглянуть на меня не хочет!..» — со страхом думал он. Он чувствовал себя так, словно летит на облаке и стоит ему шевельнуться, как он тут же сорвется с него в бездну. И в этот момент к нему пришло решение: если он не смог остановить вражеские танки гранатами, он сделает это минами. Он уже хотел высказать комбату свое предложение, но понял, что тот не поверит ему. Вокруг все молчали, неподвижным взглядом уставившись на него, никто даже не пытался вывести его из затруднительного положения. Его ненавидели, и Янь Чжэнь-лун это почувствовал. «Будь что будет, — подумал он, — а я [454] скажу все равно...» Он собрал последние остатки мужества и сказал чуть слышно:

— Разрешите... минами... Я... я сам пойду... взрывать...

И боязливо поднял на комбата глаза.

Ни один мускул не дрогнул на лице Ван Бин-чэня, словно он и не слышал его просьбы. Он опять не поверил ему. Но Янь Чжэнь-лун успел заметить и другое: все окружающие выжидательно смотрели не на него, а на комбата.

Янь Чжэнь-лун стоял вытянувшись, опустив руки по швам. Он знал, что комбат слышал его, слышали его просьбу и все остальные. Он должен стоять на своем, должен заставить всех поверить ему. Если ему не разрешат, он будет стоять на этом месте, пока не умрет, никакая сила не сможет вытащить его из укрытия.

Молчание тянулось долго, очень долго. Но вот наконец Ван Бин-чэнь вздохнул. Он повернулся к Янь Чжэнь-луну и смерил его пытливым взглядом с ног до головы. Какой сложный, извилистый путь проходит человек за свою жизнь!.. На минуту в нем возникло чувство жалости к Янь Чжэнь-луну. Однако сказал он холодно, ничем не выдавая своих чувств:

— Ладно, посмотрим, как будешь вести себя теперь.

Янь Чжэнь-лун вытянулся, словно по команде «Смирно».

— Если не получится, я лучше руки наложу на себя...

Сердце Ван Бин-чэня дрогнуло. Неужели он, комбат, не имеет сердца, неужели его несколько не трогает, когда его подчиненный чувствует за собой вину? Вот так и отец наказывает провинившегося сына — чем сильнее он бьет его, тем ему тяжелее на душе, чем тяжелее на душе, тем тяжелее становятся удары. Жалеешь железо, не получишь стали. А ведь перед ним человек, который должен выполнять его приказы, если даже для этого нужно будет пойти на смерть. Кто знает, может быть, Янь Чжэнь-лун действительно изменится к лучшему, совершит подвиг, станет ненавидеть врага, будет биться, не щадя своей жизни... Суровые глаза Ван Бин-чэня потеплели, когда он подумал об этом.

Янь Чжэнь-лун по-прежнему стоял ни жив ни мертв, но все заметили, как на его глазах засверкали слезинки. Он хотел упасть к ногам комбата и дать волю своему [455] чувству. «Товарищ комбат, простите меня, я виноват перед партией, перед народом, перед вами виноват...»

Словно понимая, что происходит у него в душе, Ван Бин-чэнь сказал мягким голосом:

— Ладно, ладно. Даю тебе Чжан Бяо, вместе с ним создавайте группу, будете минировать подходы...

Приказом по батальону Янь Чжэнь-лун и Чжан Бяо были переведены в противотанковый заслон.

Новое поручение помогло Янь Чжэнь-луну избавиться от пучины горестных переживаний, в которых он находился. Конечно, чувство стыда не раз давало себя знать, но это заставляло его еще больше уходить с головой в работу, в которой, как он сам понимал, сумеет смыть с себя налипшую грязь. Все остальное было за пределами его дум. Только работой он восстановит свою репутацию, о чем другом сейчас говорить! Главное, что он помирился с Чжан Бяо, а это уже что-нибудь да значило.

— Я знал, что с тобой так получится, — сказал ему однажды Чжан Бяо. — Сам попал впросак.

Янь Чжэнь-лун покраснел до корней волос. — Почему же ты меня не критиковал?

— А ты бы тогда все равно не согласился.

Минуту оба молчали, наконец Янь Чжэнь-лун заговорил, не скрывая того, что продолжает испытывать угрызения совести.

— Ты работаешь, чтобы еще больше отличиться, а я — чтобы искупить свою вину. Почему люди такие разные? Одни сами видят свои ошибки, другие исправляются, когда их покритикуют, а с третьими без того, чтобы наказать как следует, ничего не сделаешь. Я, наверное, такой. Понимаешь, самое тяжелое, когда ты сам совершил ошибку... Не знаю, как я смогу добиться у вас прощения...

Чжан Бяо махнул рукой: мол, прошлое это дело и незачем к нему возвращаться.

Ночь была темная. Увешанные противотанковыми гранатами и минами, с автоматами в руках, они спустились в овраг и взяли курс к высоте 400.

После нескольких таких вылазок Янь Чжэнь-лун уже знал повадки вражеских танков, знал, что там, где зарыты мины, они не пройдут. По привычке почесав лоб перед тем, как принять решение, он задумался на минуту [456] и послал вперед одного бойца караулить, а сам с Чжан Бяо бесшумно пополз к ручью. По руслу ручья вражеские танки проходили спокойно — кто, в самом деле, станет зарывать мины в сырой песок, если не хочет, чтобы они промокли и стали ненужными! Присев на корточки, Янь Чжэнь-лун передвинул один камень и бесшумно опустил его рядом с собой. Под камнем оказалось гладкое углубление, в которое стала просачиваться вода. Он стал выбирать из него мокрый песок в свою шапку. Когда шапка была наполнена доверху, он сказал Чжан Бяо:

— Отнеси подальше к горе и высыпь где-нибудь под кустом; не надо, чтобы противник видел свежие следы.

Осторожно переступая с ноги на ногу, Чжан Бяо пошел. Он уже догадывался, что задумал Янь Чжэнь-лун, и проникся к нему уважением. «А парень хитер!» — подумал он.

Вскоре ямка была готова. С большой осторожностью уложив в нее мину, Янь Чжэнь-лун присыпал ее тонким слоем песка, затем сверху положил тот же камень и только после этого с облегчением вздохнул.

Вторую мину они зарыли под кустиком возле узкой канавы. Когда работа была закончена, они повернули домой по другой дороге — вдоль восточного склона горы.

Работал Янь Чжэнь-лун весело, с увлечением. Каждую мину он проверял сам, сам же думал, как ее уложить, как зарыть, как убрать свои следы. Он и не подозревал за собой таких способностей. Вся эта премудрость словно была скрыта от него раньше за семью замками. Зарывая мину, он улыбался какой-то загадочной улыбкой. Но он отнюдь не был беспечен. Если раньше он думал только о том, как бы не ошибиться, то сейчас все его помыслы были сосредоточены на другом — сделать так, чтобы его труды не пропали даром, чтобы они обязательно увенчались успехом.

Когда рассвело, Янь Чжэнь-лун торопливо выполз из укрытия, съел на ходу свой завтрак и побежал на «НП», Это не был наблюдательный пункт в прямом смысле слова — на склоне горы за низкорослым каштаном в половину человеческого роста он вырыл небольшой окопчик, в котором можно было сидеть на корточках и [457] видеть оттуда всю долину. Хотя он сам чувствовал в себе необычайный прилив храбрости, однако вел себя исключительно осторожно. В восемь часов утра, когда солнце стояло уже довольно высоко, из-за высоты 400 показались четыре танка. Южнее мостика перед долиной Мундынри они остановились, два из них повернули к восточным склонам, откуда взяли курс к ручью. Шли они уже не раз испытанной дорогой, рассчитывая выйти непосредственно к позициям обороняющихся.

Глаза Янь Чжэнь-луна округлились, словно от испуга. Он не смел даже поверить тому, что догадался о намерениях противника. Когда Чжан Бяо раскрыл рот, собираясь сказать ему что-то, он отчаянно замахал руками: не мешай наблюдать! Танки вошли в минированную зону. «Небо, сделай так, чтобы мина сработала! — взмолился он. — Только бы они не свернули в сторону! Ведь это моя судьба!..» Только он поднес руку к глазам, чтобы вытереть слезы, как раздался громовой удар и вслед за ним в воздух взметнулся столб черного дыма. Первый танк подорвался. Из него выскочили солдаты и бросились наутек. Второй танк развернулся и выпустил дымовую завесу. Когда дым развеялся, танка уже не было.

А Янь Чжэнь-лун все ждал и ждал, когда он снова появится.

Через несколько минут его вызвал к телефону помощник командира полка. Янь Чжэнь-луну стало не по себе, лицо вспыхнуло, он понял, что дело плохо, очень плохо, что сейчас он услышит что-то очень страшное для себя. С трудом волоча ноги, он подошел к аппарату. Рука его дрожала. Он не мог сказать ни слова.

— Видел? — услышал он голос Яо Си-пина. — Один подорвался!

— Видел, — чуть слышно проговорил он и вытянулся, отдавая честь, словно тот стоял рядом с ним. Лицо его горело. Помощник командира полка хвалил его, он понял это по восторженному тону, каким были сказаны эти слова. И все же он не мог верить своей радости, ведь второй танк ушел! — Я ошибся в расчете, товарищ помощник командира полка, моя вина...

— При чем здесь ты? — прервал его Яо Си-пин. — Мы не были готовы к этому. Нужно было огнем отсечь танк и не дать ему уйти. Установи связь с артиллеристами, [458] все будет в порядке. Вы за уход танка не в ответе, продолжайте работать.

Эти слова командира не только не успокоили Янь Чжэнь-луна, но, наоборот, заставили его думать, что делать дальше. По этой дороге танки больше не пойдут, где теперь подкараулить их? И все же ничего нового он придумать не мог. Подорванные танки противник без особого труда уводил из-под их носа. Ночью они снова вышли на работу, зарыв девять мин в центре самой долины. Утром появились танки. На этот раз на них сидели люди. Как только танки остановились, люди соскочили с них и пошли вперед с миноискателями. Шарили они по земле довольно долго, обнаружили шесть зарытых мин.

Янь Чжэнь-лун нервничал. Он даже не мог есть в этот день и, когда наступила ночь, отправился с запасом мин прямо к переднему краю противника. У него и мысли не было как-то укрыться, когда он зарывал первую мину. Противник обстрелял их из пулемета, тогда они отползли в сторону и зарыли мину в другом месте, предварительно закрепив под ней гранату. Днем на поле вышли неприятельские саперы с миноискателями. Когда они стали складывать обнаруженные мины в одно место, прикрепленная граната взорвалась, убив восемь человек, остальные разбежались. Только теперь Янь Чжэнь-лун, наблюдавший со своего поста за работой минеров, перевел дыхание.

Этой же ночью они зарыли мины на дороге, по которой уже шли вражеские танки. Они не только уничтожили после себя свои следы, но и вылепили над спрятанными минами след, выдавленный гусеницами танка, укрыв в разных местах вокруг зарытой мины еще четыре. На рассвете они уже были на своем наблюдательном пункте.

Ждали целую неделю. На исходе ее противник снова предпринял вылазку танками. Для начала в ход было пущено восемь машин. Обстреляв окопы на переднем крае, первый танк двинулся вперед по старому следу. В результате два танка подорвались на минах. Этого противник никак не ожидал.

Янь Чжэнь-лун торопливо подбежал к телефонному аппарату и закричал что было силы:

— Товарищ помощник командира полка! Товарищ помощник командира полка!.. [459]

Но только его связали с командным пунктом, как в окоп спрыгнул Чжан Бяо:

— Танки! Подвезли людей с инструментом!..

— Что?

— Опять уведут!

Янь Чжэнь-лун выскочил посмотреть, что же случилось: неприятельские танки шли плотным строем на вырубку поврежденным. Не переводя дыхания, он снова бросился в окоп, схватил телефонную трубку и попросил у помощника командира полка огневой поддержки.

Спустя минуту артиллерия открыла по танкам заградительный огонь. Вокруг танков упало несколько десятков снарядов. Сразу же после огневого налета застрочили тяжелые пулеметы. Забравшиеся в поврежденный танк солдаты отстреливались. Этот танк противнику удалось увести.

— Хорошенько присматривайте за оставшимся, — приказал Яо Си-пин, — нельзя позволить, чтобы они и его утащили. Как станет темно, пошлите людей, пусть они его взорвут.

В эту ночь Янь Чжэнь-луна и вызвал комиссар полка. Радостное возбуждение, в котором он находился все эти дни, словно ветром сдуло.

Итак, от радости Янь Чжэнь-луна, накапливавшейся в нем по крохам, не осталось и следа. Вспомнив суровое лицо Чжай Цзы-ни, он вовсе упал духом, растерялся и хотя старался сдерживать себя, однако это ни к чему не привело. Валил снег, стоял мороз, а ему было жарко, так жарко, как никогда. Все его заслуги за эти дни не стоили ни одного медяка по сравнению с ценой совершенной им преступной ошибки. Чем он может искупить ее? Какими глазами он посмотрит в глаза политкому? Вот и вход в укрытие помощника командира полка, а ответа на мучившие его вопросы он так и не нашел. Нерешительно переступив с ноги на ногу, он открыл дверь и чуть слышно доложил:

— Разрешите, товарищ...

— Входите! — сразу же послышался в ответ громкий голос.

Янь Чжэнь-лун сделал над собой усилие и отогнул [460] матерчатую занавеску. В отсвете пламени, отбрасываемого свечой, он увидел политкома и помощника командира полка, сидевших рядом. Оба одновременно подняли головы и остановили свой взгляд на вошедшем. Янь Чжэнь-луну стало не по себе. Остановившись в дверях, он вытянулся в струнку и опустил голову, ожидая упреков.

— Политком побеседовать с тобой хотел, подойди к столу, — позвал его Яо Си-пин ровным голосом. Перекинувшись несколькими словами с Чжай Цзы-ни, он поднялся и вышел. Янь Чжэнь-лун остался наедине с политкомом.

Чжай Цзы-ни уже все знал о Янь Чжэнь-луна и был очень доволен произошедшей с ним переменой. Разве он один такой? Многие бойцы еще испытывают безотчетный страх перед танками, не думая о том, к чему этот страх может привести. Янь Чжэнь-лун, несомненно, уже перешагнул через этот рубеж. Но путь, который он теперь выбрал, был не менее опасен, поэтому нужно было вовремя остановить его. Правда, нужно было учитывать еще одно обстоятельство. Во время Освободительной войны все было проще, та война ни в какое сравнение с этой не шла.

Янь Чжэнь-лун подошел к столу. Ему казалось, что свеча горит слишком ярко, ослепляет его, поэтому он не смел поднять голову и открыто взглянуть на комиссара. Он чувствовал на себе взгляд комиссара — пронизывающий его насквозь.

Политком предложил ему курить, велел сесть на освободившийся табурет. И тут Янь Чжэнь-лун не выдержал. Уронив голову, он неожиданно расплакался, как ребенок, и Чжай Цзы-ни пришлось подбежать к нему, чтобы усадить на табурет.

Комиссар не остановил его, не прикрикнул — пусть человек даст волю своим слезам и сам успокоится. Он молча сидел в стороне и ждал. Плакал Янь Чжэнь-лун долго, можно было удивляться, откуда у него берется столько слез. Они текли безостановочно, проложив по щекам две тонкие бороздки; Янь Чжэнь-лун вытирал их грязным рукавом, но они продолжали литься еще сильнее. Чжай Цзы-ни поднялся, вынул из кармана платок и предложил ему, а сам заходил по комнате, заложив руки за спину, разглядывая тени, отбрасываемые на неровный пол свечой. [461]

— Не стесняйся, поплачешь — скорее боль пройдет, — сказал он тихим голосом. — Я еще раньше собирался поговорить с тобой, но занят был все эти дни. А ты, наверное, переживал сильно, да?

Янь Чжэнь-лун заплакал навзрыд. Если бы комиссар накинулся на него сразу с руганью, он, возможно, не так бы страдал, как сейчас. Только теперь он понял, что комиссар вовсе не забыл о нем, не отказался от него. Может быть, именно поэтому он все больше чувствовал свою личную вину перед ним.

Яо Си-пин остановился за дверью, заглянул, но, увидев, что комиссар сидит с мирным видом на прежнем месте, а Янь Чжэнь-лун плачет, счел неудобным заходить.

Постепенно Янь Чжэнь-лун успокоился, и тут только до его сознания дошло, что он сидит в присутствии начальника. Как только комиссар встал, он сразу же вытянулся перед ним во весь рост.

— Садись, садись! — спокойно сказал комиссар.

Янь Чжэнь-лун не решился сесть. Вытирая глаза, он украдкой посмотрел на комиссара.

— Я совершил ошибку, товарищ комиссар...

— Садись же, — рассмеялся Чжай Цзы-ни. — Ты помнишь, какое тогда было опасное положение?

— Помню...

— Ты, наверное, думал, что я опять стану ругать тебя? Я не злопамятный. Да и ты понял, что произошло. Если человек работает для революции и чувствует радость, чего от него отворачиваться? Такова вся жизнь в нашей партии. У нас человек не может чувствовать себя одиноким.

— Теперь я радуюсь, товарищ комиссар.

— Вот это правильно. Знаешь, что я хочу тебе сказать? Тебя опутала вредная идеология твоего отца, она уводила с правильного пути, ты понимаешь это? Затвердил он кулацкий лозунг «обогащайся!» и другого знать ничего не знал. Ты тоже проникся этой идеологией, отсюда и произошла твоя ошибка... — Он посмотрел, как реагирует Янь Чжэнь-лун на его слова.

Янь Чжэнь-лун сразу встал.

— Ты забыл клятву, которую давал, вступая в партию, — сказал комиссар и продолжал, не меняя голоса:

— Сейчас ты снова вернулся в ее ряды. [462]

Вошел помощник командира полка и доложил, как днем были подбиты два танка.

— Сегодня ночью тоже будете действовать. А тот танк обязательно взорвать надо, — сказал Чжай Цзы-ни и весело подмигнул Янь Чжэнь-луну.

— Мы сейчас же выступаем, товарищ комиссар...

Янь Чжэнь-лун уже не чувствовал себя одиноким. Он возвращался домой в таком радостном возбуждении, словно только что побывал у матери. Он даже не замечал, что уже спустились сумерки. Ему все казалось, что он провел у комиссара всего несколько минут... Быстро приготовили мины, взрывчатку, инструмент, зарядили автоматы. Мороз усилился, но Янь Чжэнь-лун не чувствовал холода, наоборот, ему было жарко — и от беседы с комиссаром, и от сознания того, что его группе поручено взорвать такую махину. Он был готов сейчас не только к тому, чтобы взорвать этот танк, но и дотащить его до самой родины, если бы это было возможно. Воспоминание о родине перенесло Янь Чжэнь-лун к мыслям о доме. От этих мыслей он невольно вздрогнул: в памяти возникли дом, отец... Сделав над собой усилие, он тряхнул головой и пошел быстрее. Вскоре вся группа достигла кукурузного поля и неслышным шагом пошла на сближение с противником. Снег был глубокий, идти стало трудно. Вскоре впереди выросла огромная тень танка, обсыпанного снегом. Янь Чжэнь-лун дотронулся ладонью до холодной брони и довольный усмехнулся.

— Хороша машина!

— Закладывать фугас? — спросил Чжан Бяо.

— Не торопись, — предупредил его взмахом руки Янь Чжэнь-лун и обошел вокруг танка. Вдруг он зацепился за что-то и чуть было не упал. Опустившись на корточки, он стал разгребать снег и обнаружил стальной трос. На конце троса, метрах в десяти от танка, оказалось стальное кольцо. Теперь все было ясно. Когда он вернулся, Чжан Бяо снова спросил:

— Ну как, будем взрывать?

— Нет, оставим его так.

— Американцы придут за ним утром!

— Пусть приходят. Сами подорвутся!..

Часть мин они зарыли в пяти шагах впереди [463] стального троса, другую в восьми шагах правее подорвавшегося танка, остальные в восьми шагах левее.

— Мы его используем, как приманку, — сказал Янь Чжэнь-лун. — Большая рыба на такой крючок попадет.

Утром Янь Чжэнь-лун забрался на свой НП, как только начало светать. Воротник он опустил, шапку передвинул на затылок, чтобы ничто не мешало ему вести наблюдение. Над оврагом стоял плотный туман, снег продолжал падать. Вскоре на заснеженном поле показалось двадцать черных танков. Настроение у Янь Чжэнь-луна было приподнятое. Он смотрел вперед, высоко поднимая голову. Все то, что произойдет сейчас на этом поле, непосредственно связано со всей его жизнью, с его славой, теперь он здесь не чужой человек.

Танки шли гуськом один за другим. Янь Чжэнь-лун стал считать.

— Один... два... десять... пятнадцать... Ого, двадцать три!

А танки все продолжали и продолжали выползать из ущелья.

— Тридцать один... Тридцать два...

72

Шан Чжи-ин оставил высоту еще до наступления рассвета. Нужно было как можно скорее увидаться с политкомом, задержавшимся на позициях безоткатных орудий, и передать ему полученный приказ. Выйдя на тропинку, которая вела на КП полка, он вдруг увидел небольшой отряд, двигавшийся по дну оврага. Люди шли медленно, то и дело припадая к земле и хватая горстями снег. Вид у всех был изнуренный. Последним шел Шан Чжи-линь. У Шан Чжи-ина отлегло от души — они вернулись, вернулись живыми! Но почему они пришли совсем другой дорогой, не там, где их ждали?

— Всех уничтожили? — быстро спросил он, хватая Шан Чжи-линя за руку.

— Всех.

— Потери есть?

Шан Чжи-линь подозвал Ли Сяо-у.

— Вот он — раненый. Сцепился с американцем, да так, что зубы пришлось пустить в ход. [464]

Одежда на Ли Сяо-у была изорвана, оба накладных кармана болтались, лицо исцарапано в кровь.

— Хорош! — улыбнулся Шан Чжи-ин, пожимая ему руку. Потом еще раз крепко пожал ее, как бы подчеркивая этим свою благодарность молодому бойцу. После Ли Сяо-у он поздоровался за руку с Цзян Вань-цзе, Ма Дэ-мином, Ван Куном и всеми остальными бойцами. — Молодцы, хорошо дрались! А я беспокоился, думал, что попали вы под минометный обстрел и уже нет вас...

— Мы подошли почти вплотную. Противник обнаружил нас, когда мы были уже рядом с ним, негде было размахнуться гранатой. — И Шан Чжи-линь рассказал, как они проскочили зону минометного обстрела и обошли район, блокированный американцами. Чтобы попасть в овраг, тоже пришлось сделать большой крюк. Линию фронта проходили уже в районе позиций второго батальона, поэтому командир полка и не дождался их возвращения.

Шан Чжи-ин, успокоенный, потер руки. Проводив их взглядом до поворота дороги, он пошел дальше и скоро выбрался из ущелья. Путь на КП помощника командира полка шел по довольно широкому ходу сообщения.

На позициях была такая тишина, словно обе стороны сговорились не тревожить ее в этот предутренний час. В воздухе бесшумно кружились крупные снежные хлопья, земля, укрытая снегом, лежала никем не тронутая, безмолвная, являя собой полную

противоположность тому, что здесь было вчера. Жалко было идти по ней, топтать эту удивительную, как драгоценный камень-самоцвет, красоту.

Учитывая изменения в расстановке сил противника перед фронтом на линии Мундынри, штаб армейской группировки дал приказ уничтожить еще не менее десяти танков. Директива была совершенно ясна: пятьдесят три танка уже уничтожено, уничтожить еще десять — значит вывести из строя одну третью часть всех танков противника, сосредоточенных на этом участке фронта, сделать невозможным осуществление им тактики «клиньев».

Когда Шан Чжи-ин окончил рассказывать, как прошла ночная вылазка, Чжай Цзы-ни поднялся и сказал:

— Пойдем со мной, я покажу тебе сейчас одного человека.

Они вместе пошли на позицию, но Янь Чжэнь-луна [465] на месте не оказалось, и Чжай Цзы-ни сам отправился на «наблюдательный пункт». Остальные решили заглянуть к Сун Ю-шэну. Бойцы только что встали, с разгоряченных лиц еще не сошел румянец после сна, Сун Ю-шэн поспешно выбежал по ходу сообщения навстречу начальству, приглашая всех к себе в укрытие.

— Обогреетесь, обсушитесь, прошу...

Но Шан Чжи-ин отказался, и Сун Ю-шэн повел их на огневую позицию.

У выхода из окопа они встретились с Ли Шу-суном, который уже знал, что на позиции прибыло начальство, и вышел, чтобы приветствовать командира и комиссара полка.

— Товарищ начальник, — обратился он к Шан Чжи-ину, как только тот поздоровался с ним. — Что же это получается? Почему американцы не хотят подходить к нам поближе? — Его лицо приняло обиженное выражение. — Да если их не бить, зачем стоять здесь? Непонятно! Чтобы побить их, злость нужна; начинаешь злиться — они боялся подходить. Торчим здесь и ждем. А чего ждем, спрашивается?..

Этот вопрос беспокоил его уже давно. После ранения он целый месяц пролежал в госпитале. Для его нетерпеливого характера это было уж слишком! «Слишком буйный ты! — сказал ему врач. — Мешать будет твой характер выздоровлению. Смотри, парень, рана у тебя серьезная!» Ли Шу-сун терпел, но лежал. Дни проходили, и с каждым днем терпение его истощалось. Наконец ему до такой степени все осточертело, что он убежал из госпиталя. Он даже не стал ждать попутной машины, а отправился на своих на двоих. Шел, шел, пока не почувствовал, что дальше идти не может. Заныла еще не успевшая зажить рана. Ноги подкашивались от усталости, и Ли Шу-сун был вынужден сесть. Передохнув немного, он снова пошел. Однако боль не утихала. Пришлось застрять надолго и приняться растирать больную ногу. Остановки в пути становились все более частыми. Неужели из-за того, что он потерял много крови и больше месяца провалялся в госпитале, ему теперь не дойти до своих?.. И все же Ли Шу-сун добрался до своих. Увидя свое оружие, он так обрадовался, что долго не мог вымолвить ни слова. «Друг ты мой! — ласково шептал он, поглаживая дрожащей ладонью ствол оружия. — [466] Вот и свиделись! Кто для меня есть в Корее роднее тебя?..» Нашупав возле казенной части оружия несколько царапин, которых месяц тому назад не было, Ли Шу-сун с тревогой посмотрел на товарищей. «Когда тебя отправили в госпиталь, мы из него еще семь танков подбили», — ответили товарищи на его немой вопрос. Ли Шу-сун сокрушенно вздохнул. Какая была работа, пока он лежал в госпитале!.. Ли Шу-сун снова горел нетерпением. В бой, только в бой — звала его душа. Мог ли он чувствовать себя спокойно, когда на фронте происходили такие события?

При посещении госпиталя Шан Чжи-ин спрашивал о Ли Шу-суне, но там его уже не было. Хорошо помня в лицо всех своих бойцов, особенно отличившихся, он спросил с участием:

— Поправился уже?

— Поправился, товарищ командир полка, — сдержанно ответил Ли Шу-сун.

— А я посылал за тобой из госпиталя, волновался, дойдешь ли ты сам.

Ли Шу-сун покраснел.

— Я в госпитале разузнал насчет дороги. Все равно добрался бы, раз моя часть никуда не делась.

— У меня было большое желание отправить тебя на родину.

— Они там тоже хотели этого, поэтому я и убежал. Чего мне делать теперь на родине? Здесь биться надо...

— А почему не съездить? Поехал бы, посмотрел...

— Не-ет, — решительно замотал головой Ли Шу-сун. — Только ради того, чтобы посмотреть?

Мощный гул моторов, расколовший тишину утра, был таким неожиданным, что все онемели от испуга. Гул нарастал. Первым опомнился Ли Шу-сун. Наспех попрощавшись с командиром полка и комиссаром за руку, он побежал к своему оружию.

Сун Ю-шэн отдал приказ всем быть на своих местах и приготовиться к бою. Позиция вмиг ожила. Печата шаг, Сун Ю-шэн подошел к Шан Чжи-ину и Чжай Цзы-ни, вытянулся в струнку, отдал честь и, придав лицу строгое выражение, сказал:

— Товарищ командир полка, товарищ комиссар, прошу уходить в тыл...

Шан Чжи-ин следил в это время за изменениями на [467] переднем крае, стараясь угадать намерения противника. Еще минуту назад он думал, что все идет как нельзя лучше и директива штаба армейской группировки об уничтожении танков будет им выполнена, — танки сами лезут в сеть. Он радовался, как и бойцы, предчувствуя жаркую схватку. Впервые он находился в такой близости от неприятельских танков. Будучи таким же человеком, как и все, он мог желать этого. Но он был еще и командиром полка, которому оставаться на первой линии в такой момент было не только неудобно, но и не входило в его обязанности. Однако, раз он уже был на позиции (проверка боевой готовности, естественно, входила в его обязанности), уйти с нее он не мог, когда бой вот-вот должен был начаться. Не мог он сделать этого и потому, что был именно командиром полка... Когда к нему подошел Сун Ю-шэн, он уже знал, с чем тот обратится к нему.

— Ну что? — вместо ответа спросил он. — Все готовы?

Сун Ю-шэн настойчиво повторил свою просьбу.

— Товарищ командир полка, товарищ комиссар, прошу вас, вам нужно уйти в тыл...

Шан Чжи-ин резко повернулся к Чжай Цзы-ни.

— Ладно, оставим их в покое. Им действительно будет неудобно. Еще отвечать будут, если нас с тобой убьют.

Вместе с Чжай Цзы-ни он перешел во вторую линию окопов, откуда направился к командному пункту. Однако, не пройдя и нескольких шагов, он остановился еще раз взглянуть на поле боя. Все было привычно на нем, как и во многих других боях, в которых он участвовал за свою долгую военную жизнь. Но сегодня желание лично присутствовать во время операции взяло верх. Он должен был сам пройти это испытание, принять в нем непосредственное участие, лишь тогда он еще глубже поймет и сам бой и своих бойцов. Сегодня перед ним американские захватчики — может он спокойно уйти?... Американские танки медленно выползали из ущелья. Он криво усмехнулся — было этих танков уже двадцать четыре. Все говорило о том, что предстоящий бой будет решающим.

В последние дни попытки противника активизировать свою деятельность на переднем крае наталкивались [468] на все более возрастающее сопротивление. Он нес большие потери. По ночам солдаты все чаще испытывали безотчетный страх. Вылазки мелких подразделений добровольцев нервировали их, не давали покоя. Попытки атаковать позиции добровольцев днем проваливались одна за другой. Огневая мощь обороняющихся усилилась. Танки натыкались на расставленные повсюду мины. Данные разведки говорили, что противник жаждет мести и готовится к решающему удару, чтобы лишить полк Шан Чжи-ина возможности продолжать свою деятельность и вернуть былое

превосходство. Не с этой ли целью он и начал сегодня операцию с танковой атаки, бросив в бой 38 машин?

Подошел Яо Си-пин.

— По-видимому, пора, товарищ командир полка? — сказал он спокойно.

— Приготовиться! — так же спокойно скомандовал Шан Чжи-ин.

Они остались на том же месте, наблюдая за действиями танков. Танки шли развернутым строем. Обе стороны не открывали огня, словно ждали, чем все это кончится. Напряженное молчание действовало на людей угнетающе.

— Подождем еще немного, пусть подойдут ближе, — сказал Шан Чжи-ин. — Надо действовать наверняка, удар должен быть неожиданным, сильным и сосредоточенным. Предупреди бойцов: побольше выдержки.

— Место вы себе выбрали неудачное, товарищ командир полка, — заметил Яо Си-пин. — Отошли бы в сторонку. У подножия горы есть траншея, телефон там...

— Я знаю, — резко оборвал его Шан Чжи-ин.

Яо Си-пин ушел, и вскоре его тень исчезла в лабиринте окопов.

Шан Чжи-ин, не отрываясь, следил за действиями танков. Лицо его все больше хмурилось.

Танки продолжали двигаться. Лязг металла нарастал с каждой Минутой» он был всюду, и спрятаться от него те было никакой возможности. Нервы были натянуты до предела. Потные лица бойцов покраснелись. По тому, как уверенно и точно бойцы двигались, было видно, что они прекрасно отдают себе отчет в том, что предстоит сделать. [469]

73

Широкое пространство от высоты 400 до Мундынри пересекала узкая речка, вытекавшая из оврага Нэдонгу и служившая притоком тоже небольшой реки Мундынчэн. На заснеженной равнине она была хорошо видна. Эта речка стала рубежом, с которого танки начали разворачиваться. На южном берегу каждый танк останавливался на минуту, словно раздумывал, следует ли ему идти дальше, и, оглушительно ревя, с ходу взбирался на противоположный, более крутой берег. Сперва показывался вытянутый хобот орудия, затем орудийная башня, наконец и сам танк. Одна за другой машины вползали на кукурузное поле. Орудия с обеих сторон по-прежнему не открывали огня. Казалось, все внимание, все моральные силы людей сосредоточены на действиях танков. Будет ли когда-нибудь конец этому напряженному ожиданию?.. Пройдя кукурузное поле, неуклюжие машины повернули к танку, который группа Янь Чжэнь-луна так и не взорвала.

Серьезных повреждений этот танк не имел, лишь левая гусеница, сорванная с колес при взрыве, валялась на снегу, припорошенная изморозью. К нему и направился первый танк. Когда он был метрах в десяти от него, вдруг в небо взметнулся столб черного дыма, а затем раздался взрыв такой силы, что танк даже подпрыгнул. Танки, следовавшие за ним, круто свернули направо и налево, но тут же наскочили на мины. Остальные танки открыли огонь из орудий, и обстановка в мгновение изменилась.

На войне обстановка вообще меняется с удивительной быстротой. Только что стояло ясное, солнечное утро, на полях искрился пушистый снег, весь мир дышал покоем, и вдруг все это исчезло, словно ничего этого и не было. Сначала по полю поползли грозные черные чудовища. Потом над ним взметнулись один за другим три столба дыма. Позиции закрыла черная туча, скрыв солнце. Туча росла, увеличивалась в объеме. Охваченные лиловым огнем, танки горели. На снегу, словно змеи, распластались сорванные при взрыве гусеницы.

И вот танки открыли огонь. На позициях стали рваться снаряды. Клубы серого дыма окутали землю. Снег, еще минуту назад сверкавший белизной, потемнел, покрылся грязными пятнами. [470]

В грохоте разрывов и лязге металла Шан Чжи-ин вдруг услышал мерный отдаленный рокот, который нарастал с каждой секундой. Он уже научился различать в грохоте всевозможные оттенки боя. Новый звук не походил на рокот танков, и Шан Чжи-ин не ошибся. На горизонте показались вражеские бомбардировщики. Их было восемнадцать. Все другие шумы были поглощены ревом их моторов. Разбившись на звенья, бомбардировщики шли на небольшой высоте над оврагом Мундынри. Было хорошо видно, как из днища первого самолета отделились черные точки и полетели вниз, с молниеносной быстротой увеличиваясь в объеме. И сразу же последовал взрыв страшной силы. На голову посыпались песок, камни, смерзшиеся комья земли. За первым самолетом шли второй, третий, четвертый... Отбомбившись, они с ревом взмывали вверх, разворачивались и снова переходили в пике. Подбежавший к Шан Чжи-ину телохранитель набросился на него и накрыл своим телом. В эту же секунду в нескольких метрах впереди раздался оглушительный взрыв и их засыпало землей с головы до ног. Шан Чжи-ин вскочил на ноги и отряхнулся. В это время послышался раздирающий душу вой еще одной бомбы. Оттолкнув от себя телохранителя, Шан Чжи-ин побежал в укрытие. Сквозь дым он с трудом разглядел нескольких бойцов, сидевших на корточках на земле, обхватив головы руками.

— А ну-ка, — крикнул он им, — соедините меня с зенитчиками. Вызовите командира роты.

Снаружи снова раздался взрыв. Клубы едкого дыма заполнили укрытие. Кто-то из бойцов схватил дождевую накидку и стал разгонять ею дым, но в это время задрезжал зуммер телефона.

— Зенитная рота? — хриплым голосом закричал в трубку Шан Чжи-ин. — Я командир полка. Немедленно организуйте огонь. Слышите?

Не дожидаясь ответа, он выбежал наверх.

Бомбардировщики осуществляли четвертый заход. Шан Чжи-ин был весь обсыпан песком, его нельзя было узнать, но он по-прежнему стоял на том же месте, словно изваяние, — величественный, невозмутимый. На позиции разорвался еще один снаряд, все вокруг было охвачено пламенем, таким жарким, что невозможно было открыть глаза. Такой массивной бомбардировки [471] противник еще ни разу не предпринимал. Сколько же еще бомб имеет он с собой про запас? Подозвав вестового, Шан Чжи-ин велел ему узнать, как обстоят дела на восточном фланге.

Вскоре вестовой вернулся и доложил: на восточном фланге бомбежкой уничтожено три орудия, убито и ранено более двадцати бойцов. Несколько снарядов упало на огневую позицию.

Спустившись в укрытие, Шан Чжи-ин потребовал передать по телефону Чжай Цзыни, чтобы тот немедленно отправлялся в тыл. Но политкома во второй линии окопов уже не было, оттуда сообщили, что ой ушел ни восточный фланг. Шан Чжи-ин с такой яростью топнул ногой, что вестовой весь сжался.

— Сам пойдешь и найдешь его!

Вестовой побежал. Шан Чжи-ин повернулся к телефонистам. Он уже собрался еще раз позвонить зенитчикам и отчитать их как следует, как вдруг снаружи послышался радостный крик:

— Падает!.. Падает!..

— Сбили один!

Выбежав из укрытия, Шан Чжи-ин сразу же увидел охваченный огнем самолет, который падал на землю с огромной скоростью, таща за собой хвост черного дыма. Через несколько секунд самолет рухнул где-то за оврагом Суйчэнри. В нос ударил смрад горящего бензина.

— Эй, глядите! — закричал с вершины горы наблюдатель. — Еще один! Горит!.. Горит!..

— Третий подбили! Ур-ра! Мать его!..

— Четвертый загнулся! Вон он, глядите!

— Ага, бежишь, сукин сын! Видали, как задымил!..

С новым заходом бомбардировщики сбросили на позиции полка бомбы с напалмом. Высота слева запылала.

— Приготовиться к бою! — отдал приказ Шан Чжи-ин.

Близился самый ответственный момент. На позициях никто не сомневался, что после такой бомбежки противник непременно перейдет в наступление. Каким оно будет, это наступление, можно было только догадываться.

Сун Ю-шэн приказал выкатить орудие на открытую позицию. Он знал, что ему делать, был уверен в своих людях, закаленных в боях, и в своем орудии. Кроме [472] того, здесь же, на позиции, находился и командир полка, и он не хотел, чтобы кто-то подумал, будто он не понимает своей задачи. Когда орудие было установлено, бойцы побежали переносить снаряды. Теперь все было готово для встречи танков. Ждал их и Ли Шу-сун, обнявший ствол своего орудия обеими руками, чтобы не подпустить к нему никого другого.

Танки открыли пулеметный огонь, пули впились в бруствер впереди только что оставленной позиции, и Сун Ю-шэн понял, что поступил правильно, приказав откатить орудие назад. Первым же снарядом, выпущенным из танка, бревенчатый настил был разворочен, огневая позиция уничтожена.

— По первому танку — огонь! — скомандовал Сунн Ю-шэн.

Ли Шу-сун ждал. Танки шли на него стеной. Как только первый танк выполз на холм, Ли Шу-сун выстрелил по нему в упор. Снаряд попал в лобовую броню, не причинив каких-либо повреждений. Тогда он выстрелил во второй раз. Танк загорелся.

Следовавшие за ним танки продолжали двигаться, обходя его, и вскоре два из них прорвались на центральную позицию. Остальные лавиной повернули за ними.

Огонь открыли орудия, расположенные на второй линии окопов.

Поле боя затянуло дымом. Огонь с обеих сторон был такой плотный, что воздушная бомбежка, предварившая наступление, уже не казалась чем-то из ряда вон выходящим. Кое-где противнику удалось добиться преимущества. Подбив четвертый по счету танк, Ли Шу-сун был тяжело ранен — разорвавшимся снарядом ему оторвало руку. Орудие вышло из строя. Танки были уже совсем близко. Несколько бойцов бросились навстречу им с взрывпакетами.

— Выкатывайте орудие! — закричал Шан Чжи-ин второму расчету.

Воспользовавшись тем, что противотанковые орудия молчат, солдаты из двух подбитых танков бросились к первому танку, очевидно с намерением взорвать его. Эта задержка в движении дала возможность Сун Ю-шэну выкатить орудие для стрельбы прямой наводкой.

Когда Ли Шу-суна уложили на брезент, в лице его [473] не было ни кровинки, весь он был забрызган грязью, изорванная в клочья одежда пропитана кровью.

Шан Чжи-ин опустился перед ним на колени и осторожно дотронулся до плеча.

— Тяжело, Ли Шу-сун?.. Опять тебя...

Ли Шу-сун попытался сесть, но это ему не удалось.

— Не двигайся, лежи спокойно, — попытался утешить его Шан Чжи-ин.

— Товарищ командир, — чуть слышно проговорил Ли Шу-сун, облизывая языком сухие, потрескавшиеся губы, — уходите отсюда.

— Боишься за меня... — улыбнулся Шан Чжи-ин.

— Нет, я не поэтому. Не дело командиру полка быть в такой момент здесь.

— Хорошо...

Носильщики унесли Ли Шу-суна, и Шан Чжи-ин отправился вперед и приказал Сун Ю-шэну выдвинуть одно орудие в центр ровного участка позиции, чтобы оказать поддержку восточному флангу. Расчет тотчас бросился выполнять приказ.

Восточный фланг, как это теперь определилось, был основным объектом удара неприятельских танков. За четырьмя подбитыми танками сосредоточилось несколько только что подошедших к позиции, часть из которых готовилась идти в обход.

— Задержишь их! — приказал Шан Чжи-ин Сун Ю-шэну и по ходу сообщения отправился на восточный фланг. Политком был уже там.

Один танк Сун Ю-шэн подбил. Выскочившие из него солдаты побежали в сторону высоты 400, но артиллеристы бросились за ними в погоню, стреляя на ходу из автоматов. Трое были убиты, один дополз до камышей и тоже притворился убитым. Когда Сун Ю-шэн ударил его что было силы по стальной каске, он вскочил, но тут же опустился на колени и заползал перед ним с поднятыми руками. Сун Ю-шэн схватил его за шиворот и заставил спрыгнуть в окоп. Пленного потащили к командиру полка и политкому.

Захваченный в плен американский танкист оказался младшим лейтенантом. Высокий, худой, он стоял перед Шан Чжи-ином сгорбившись, все его лицо заросло густой черной щетиной, рыжие глаза оторопело смотрели на коренастых командиров, рассматривавших его с [474] презрительной улыбкой. Дрожащей рукой пленный вытащил из кармана маленькую бумажку, на которой по-корейски и по-китайски были напечатаны условия обращения с военнопленными, определенные Женевской конвенцией. Трусливым голосом он залепетал:

— Я... я не чистокровный американец... во мне есть английская кровь...

Переводчик перевел ответ пленного Шан Чжи-ину и Чжай Цзы-ни.

— Передай ему, что мне это известно, — резко бросил переводчику Шан Чжи-ин, — настоящие хозяева Америки все равно не они. Но как бы он ни отнекивался, уйти от ответственности за войну, которую они должны нести, им не удастся. Уведите это ничтожество!

В этот день на переговорах в Кэсоне американские представители не выступали. Они сидели надменные, с каменными лицами, и хранили молчание.

Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни медленно возвращались с позиции. Результаты боя были довольно ощутимые: семнадцать подбитых танков, окутанные дымом, замерли на грязном снегу, как немые свидетели только что закончившегося сражения, в овраге догорали останки сбитых самолетов. Чиркнув спичкой, Шан Чжи-ин подождал, пока она разгорится, и закурил. На его лице заиграла довольная усмешка.

По пути их встретил связной, бежавший им навстречу.

— Товарищ командир полка, звонил начальник штаба. Вам письмо из дому...

Шан Чжи-ин резко остановился. Улыбку сняло как рукой.

74

Письмо было от тещи. Она сообщала, что ребенок жив, здоров, что к Новому году ему исполнится десять месяцев. Мальчик смысленный, все понимает, уже говорит «папа», «мама», а когда смеется, во рту блестят четыре белоснежных зубика. Ест Мао-мао хорошо, прибавил за это время и сейчас весит двадцать два цзиня. Тревожит тещу одно — что с Ван Шу-цинью. «Вместе вы или нет? Как ее здоровье?»

В памяти Шан Чжи-ина возник образ Мао-мао... [475]

Какими словами выразить охватившее его волнение? Он ходил из угла в угол, ничего не видя перед собой, ничего не чувствуя. Остановившись у выхода из блиндажа, он было откинул занавеску и посмотрел, что делается снаружи, но вскоре снова молча зашагал из угла в угол. Он не помнил, как и зачем вышел из блиндажа. Дорога, укрытая снегом, вела в гору. Он шел по ней без цели, без мыслей, пока не почувствовал, что ему холодно.

Шан Чжи-ин уже хотел повернуть назад, как вдруг совсем низко над землей пронесся артиллерийский снаряд и упал на склоне горы слева. Раздался взрыв, и снег в том месте, где разорвался снаряд, вмиг покрылся черными вмятинами. Осколки

разлетелись в стороны, шипя, словно осы. Внизу, где горы образовывали естественную выемку, показалась длинная цепочка людей. Они шли гуськом, в некотором отдалении один от другого. Перейдя овраг, они стали подниматься на противоположную гору. Только теперь Шан Чжи-ин понял, что это движется к фронту транспортный отряд. Сгибаясь под тяжестью груза, люди шли медленно, словно нехотя. Шан Чжи-ин стал спускаться с горы, но шагах в пятидесяти вдруг остановился и сердито закричал:

— Почему босиком?

Многие действительно шли босиком, озябшие ступни ног были ярко-красного цвета, но все почему-то весело смеялись, перебрасываясь шутками и подтрунивая друг над другом. Склон горы был довольно крутой, и, когда первый боец, несший на себе два ящика с патронами, вдруг поскользнулся и покатился в сугроб, раздался смех. По склону стал подниматься второй боец, но и он покатился вниз. Ни слова не говоря, он разулся и снова полез на гору, упираясь в снег босыми ногами. Остальные подбадривающе кричали:

— Видали?! Вот как надо!

А те, кто еще не разулся, притихли, понимая, что ничего другого не остается, как скинуть туфли.

— Скользят подошвы, — словно оправдываясь, сказал один боец, когда Шан Чжи-ин подошел ближе.

— А нам спешить надо, там же ждут, — добавил другой.

Шан Чжи-ин с тревогой смотрел на красные, потрескавшиеся ноги бойцов. [476]

— Не холодно вам? Ведь вы...

— Не-ет, — не дал ему закончить третий боец. — Соппротивление Америке, помощь Корее!..

Больше он ничего не сказал, словно этими четырьмя словами: «Соппротивление Америке, помощь Корее» — им было сказано все и объяснять еще что-нибудь не было никакого смысла.

— Очень тяжело? — спросил Шан Чжи-ин.

— Да нет, — ответил первый боец.

Шан Чжи-ин еще раз посмотрел на крутой обледенелый склон и сказал:

— Ладно, все-таки обувайтесь. Без разговоров!

Он пошел вместе с бойцами. В том месте, где идти было особенно скользко, он остановился и стал помогать им, пока все бойцы не забрались на вершину. Бойцы ушли дальше, а он все еще стоял на склоне горы, провожая взглядом их удаляющиеся тени. О чем он сейчас думал? Вид бойцов, самоотверженно переносивших трудности, вытеснил все остальные мысли. Личное нужно спрятать и как можно скорее, в конце концов это все-таки личное.

В канун Нового года была получена вест, которая не могла не обрадовать его: траншея пробита! Первыми сообщили эту радостную вест командиру полка с позиции отделения Цзян Вань-цзе.

...В тот день, когда был получен новый инструмент и бойцы радостные легли спать, Ли Сяо-у осторожно подполз к Цзян Вань-цзе и вызвал его наверх. Цзян Вань-цзе, ни слова не говоря, пошел за ним. Ночь была темная, морозная. Ли Сяо-у стоял перед Цзян Вань-цзе, губы его от волнения так дрожали, что он ничего не мог вымолвить. В его сознании происходила борьба — он сам понимал, что должен рассказать, в конце концов, отделенному тайну, которую так долго скрывал у себя на душе, но от этого чувствовал себя еще хуже. Ему было стыдно Цзян Вань-цзе, так стыдно, что он боялся поднять на него глаза. Незаметно вытащив из-за пазухи пару туфель, он протянул их ему и чуть слышно выдал из себя:

— На возьми...

— А для чего мне? — удивился Цзян Вань-цзе. Он действительно не понимал, чего ради Ли Сяо-у должен отдавать ему свои туфли. Во-первых, у него теперь [477] крепкие ботинки, а, во-вторых, неужели это за то, что он его когда-то спас? Нет, никаких подарков

ему не надо, он должен был так поступить, о чем еще может идти речь! Небрежным движением руки он отстранил от себя подарок, но, взглянув на Ли Сяо-у, еще больше удивился. А Ли Сяо-у только теперь вспомнил, что Цзян Вань-цзе еще ничего не знает, что он еще ничего и не рассказал ему.

— Это... это Сяо Фэн сшила тебе... — дрожащим голосом проговорил он ни жив ни мертв. Несмотря на сильный мороз, он весь вспотел. Но после первых же слов ему стало легче говорить, словно скованный льдом язык оттаял. — Это было еще когда убирали урожай. Сяо Фэн работала быстрее всех. Вырвалась вперед и вдруг поранила себе ногу...

Кончив свой рассказ, он молча сунул туфли Цзян Вань-цзе, повернулся и ушел.

Цзян Вань-цзе, ничего не понимая, оторопело стоял с туфлями в руках, словно душа его в этот момент покинула тело и вернулась на родину. Прижав туфли к лицу, он закрыл глаза, чтобы еще лучше вобрать в себя родной, нежный запах, исходивший от них. Цзян Вань-цзе забыл обо всем на свете, думая только о ней, о своей Сяо Фэн. Он был как во сне. Прошло довольно много времени, пока он понял, что стоит один и никакой Сяо Фэн рядом с ним нет. Волнуясь, Цзян Вань-цзе спустился в траншею, но Ли Сяо-у нигде не было. Тогда он побежал на пост, но и там его не застал. На выпавшем снегу были видны свежие следы. Цзян Вань-цзе пошел по ним и возле подножия скалы вдруг услышал тихие всхлипывания.

— Ты что здесь делаешь? — резко спросил он Ли Сяо-у.

— Я... я виноват перед тобой...

— Бери туфли, я тебе их отдаю.

— Ты меня не понял... Знаешь, как мне стало легко на сердце, когда я отдал их тебе!..

— Почему же ты плачешь?

— Ты думаешь, из-за туфель? Нет, плачу, что поступил так нехорошо.

— Я их тебе дарю, возьми.

— Нет, нет. Не делай так, чтобы мне было еще [478] труднее, — он схватил Цзян Вань-цзе за руки и посмотрел на него взволнованными, заплаканными глазами.

Держась за руки, они вместе вернулись в траншею. В эту ночь никто из них не спал. Ли Сяо-у чувствовал, что избавился от тяжелой ноши, перед ним открылась широкая дорога, он начнет, заново жить... Цзян Вань-цзе лежал с закрытыми глазами, положив под голову вместо подушки туфли, сшитые Сяо Фэн. На этих туфлях было ее имя. Прижимаясь к ним ухом, он словно слышал нежные слова, которые шли оттуда и не давали ему спать. О, сколько слов, забыть которые он не мог, слышалось ему оттуда!.. Он поднялся и пошел к выходу. За ним пошел Ли Сяо-у.

— Ты чего? — спросил он.

— Пойду посмотрю, — ответил Цзян Вань-цзе,

— Я тоже пойду. Давай вместе...

В том месте, где район обороны отделения подходил к позициям соседей, они остановились. Оба молчали. Каждый думал о том, сколько еще дней придется рыть траншею. Эта траншея должна была служить ходом сообщения между двумя огневыми точками, расположенными на противоположных склонах горы. Чтобы пробиться через нее, необходимо было прорыть примерно еще по четыре — пять метров с каждой стороны. Утром в отделении объявили соревнование: идти на соединение одновременно с двух сторон...

Приближался Новый год, и люди торопились закончить проходку как можно скорее. Все понимали, что с окончанием проходки наступит конец непосильным работам, которые продолжались уже более двух месяцев. Сознание этого прибавляло силы. Обе группы работали ударно, стараясь обогнать одна другую. Новый инструмент был получен весьма кстати, работа пошла веселее. Ли Сяо-у досталась кувалда, и он бил ею, не зная устали. Кувалда была весом в шесть цзиней, камень не выдерживал ее ударов и давал трещины. В эти трещины били ломом, затем в образовавшееся углубление закладывали

взрывчатку, подводили бикфордов шнур и зажигали. Все выбегали из траншеи и прятались за скалой. Сначала под землей слышались один за другим два глухих взрыва, потом наружу вырывался дым. Не ожидая, пока он рассеется, люди прыгали обратно в траншею и принимались за работу. Больше всех горячился Ван [479] Кунь. «А ну! — кричал он, размахивая ватником, чтобы дым скорее рассеялся. — Убирайся скорей отсюда! Кому говорю?!» Вечером, после первого дня работы новым инструментом, измерили глубину проходки. С обеих сторон было прорыто по одному метру грунта.

Ли Сяо-у не чувствовал усталости. Все горести были позади. Ему было легко, весело. Работа словно удвоила его силы.

— А что, отделенный, пошло дело? — неожиданно спросил он, доверчиво взглянув на Цзян Вань-цзе. — Я думаю, мы первыми пророем.

В первый день быстрые темпы продвижения вперед вдохновили людей. На второй день положение изменилось. Шестифунтовая кувалда оказалась в десять раз тяжелее кирки. После дня работы люди валились запертво. Руки снова распухли, на ладонях раскрылись незажившие трещины. Каждый удар кувалдой о скалистый грунт вызывал в руках такую боль, словно в них впивались тысячи игл. Основной мыслью Цзян Вань-цзе теперь была одна: как продержаться, как сохранить за отделением рекордные результаты первого дня? На пятый день люди даже говорить между собой перестали; работали молча, в траншее слышались только глухие удары кувалды и отрывистые, точные — лома. Было решено ввести сменную работу: каждый по очереди бил кувалдой шестьсот раз, после чего передавал ее следующему.

Ли Сяо-у работал в одной рубахе. Когда он в первый раз скинул ватник, все удивились, до чего рубаха была черная и пропитана потом. Но скоро ему стало жарко и в рубахе. Расстегнув воротник, он вытащил руку из правого рукава и засунул его за пояс. Грудь у него была впалая, несложившаяся; ключицы выпирали наружу, как у юноши. Откуда только брались у него силы махать кувалдой, не ослабляя ударов!

Камень не выдерживал этих ударов и отступал все дальше и дальше.

Наступил рассвет седьмого дня работы. Восток окрасили красные лучи восходящего солнца, но никто не шел ложиться спать. Все чувствовали, что приближается конец мучениям, каждому хотелось быть первым, кому [480] доведется сделать последний удар, сообщить эту радостную весть командиру полка и комиссару, всему фронту.

Подошла очередь Цзян Вань-цзе. Он бил расчетливыми ударами, ведя счет каждому:

— ...Пятьсот девяносто семь... Пятьсот девяносто восемь... Пятьсот девяносто девять... Шестьсот!..

Кувалда тяжело ударилась о камень. Хотя он вложил в этот удар последние силы, он вдруг почувствовал, что может бить еще и еще, и побежал на другой конец траншеи посмотреть, как там идут дела.

Костер в траншее догорал, но никто за ним не следил, все работали не покладая рук, словно костер не такое уж стоящее дело, чтобы обращать на него внимание. В горах стоял туман, прижатый к земле лучами восходящего солнца. Туман был нежно-розового цвета, над ним поднимались зеленые остроконечные пики елей, и казалось, что они плывут в этой розовой пене. Самая высокая вершина горы позади позиции ослепительно сияла золотом в лучах солнца. Задумавшись, Ма Дэ-мин не сразу понял, что же произошло. Он ударил ломом о камень, но лом тут же был отброшен назад значительно более мощной силой, чем его. Он ударил еще раз — лом легко вошел в грунт чуть ли не по самые руки. Его прошиб холодный пот. Он поспешно выдернул лом, и в то же мгновение в мрачную пещеру ворвался тонкий, словно огненная стрела, золотой луч. С другой стороны отверстия стоял с кувалдой в руках Цзян Вань-цзе. Люди, онемевшие от восторга, словно зачарованные, смотрели на этот золотой луч. Они победили. Скала не устояла перед их натиском.

В пробитое отверстие видна была широкая долина, горы, опоясанные неприятельскими окопами, все тропы и подходы к ним. Бросив уже ненужные кувалды, ломы, кирки, лопаты, люди выбежали из траншеи и, радостные, схватившись за руки, запрыгали, как дети.

Наступил тот день, вместе с которым пришел конец тяжелой, измотавшей все силы работе. Как было не радоваться этому! Они устали, осунулись. Дни и ночи без сна, в непрерывном напряжении, изматывали последние силы. И все же труднейший участок пути пройден, траншея прорыта. Как же не радоваться теперь, если дело, которому они отдали свою кровь, пот, сделано!

Шан Чжи-ин, стоявший в это время на [481] наблюдательном пункте, увидел в бинокль, что возле входа в одну пещеру люди танцевали. Они даже пели, только из-за удаленности не было слышно их голосов.

— Ты видишь, комиссар? — спросил он Чжай Цзы-ни. — Великое дело сделано. Ну что ж, теперь надо думать, как организовать встречу Нового года. Великое дело!.. — Он сам радовался, как ребенок, и готов был заплясать.

Бескрайние застывшие на морозе леса, цепи бесконечных гор стали прочным обиталищем десятков тысяч бойцов-добровольцев. От лесных увалов, расщелин в камнях, от наваленных взрывами артиллерийских снарядов и бомб бревен пролегли ходы сообщения, связавшие воедино все, даже самые маленькие поселения. Всюду была жизнь со всеми ее радостями и горестями. Здесь, в этих горах, таилась теперь страшная разрушительная сила огня. Отсюда, из темных лесов и мрачных скал, за врагом следили сотни глаз — страшных, пронзительных глаз орудий и пулеметов. Если только враг перейдет в наступление, на него тотчас же хлынут струи расплавленного металла, который будут изрыгать все скалы, все теснины, все заросли кустарника. Широкая долина в десять с лишним ли вдоль и поперек мгновенно будет накрыта сплошной сетью огня. Горы превратятся в огнедышащие вулканы. Снаряды и пули будут ложиться так густо, что враг не сможет поднять голову. Каждый шаг по этой долине будет грозить ему смертью. Как же не радоваться всему этому, не хотеть бежать туда, к танцующим бойцам, и не пуститься с ними в пляс!

Вернувшись с наблюдательного пункта, Шан Чжи-ин велел вызвать к нему начальника службы тыла.

Сообщение об окончании рытья траншей было получено почти одновременно с нескольких участков. Новая позиция в основном была сооружена. Конец 1951 года стал концом безмятежной жизни противника. Раньше Шан Чжи-ин даже не думал о том, какое огромное значение для него будет иметь этот день. Пройдет он, первый день Нового года, пройдет, казалось ему, как проходил всегда. Ну что в нем может быть особенного! Сегодня он думал о другом. Подумать только, ведь в этот день закончено осуществление такого важного плана! Больше того, он встречает его на Корейском фронте! [482]

Начальник службы тыла полка выглядел значительно старше Шан Чжи-ина. Он был среднего роста, коренастый, с темным от загара лицом. Войдя в блиндаж, он отдал командиру полка честь и остановился поодаль, чувствуя себя несколько связанным, как чувствуют себя в присутствии старших некоторые младшие по должности командиры.

— Чего же ты встал, товарищ начальник тыла? — обернулся к нему Шан Чжи-ин. — Ты не знаешь, какой сегодня день? — Он подошел к висевшему на стене отрывному календарю, на котором оставался последний листок. — А?

— Знаю, — равнодушно ответил тот.

— Сегодня последний день тысяча девятьсот пятьдесят первого года, — делая ударение на каждом слове, сказал Шан Чжи-ин. — Завтра мы вступаем в тысяча девятьсот пятьдесят второй год!

Начальник службы тыла подался вперед, но все же подождал, что Шан Чжи-ин скажет дальше.

— Как встречать будем? — вдруг спросил Шан Чжи-ин.

— Как на родине, конечно, не сможем, — заговорил тот рассудительным тоном, как бы стараясь обратить внимание командира полка именно на это обстоятельство.

— И все-таки обязательно надо встретить! Именно потому, что мы на фронте!.. — Шан Чжи-ин крепился, но тут не выдержал и быстро повернулся к начальнику тыла, все еще стоявшему с унылым выражением лица. — Да пойми ты, позиция готова! Ведь это отметить надо!

— Продуктов не доставить...

Шан Чжи-ин поморщился, развел руками.

— А ну, давай называй, что у тебя есть. Я послушаю.

Начальник службы тыла стал называть по памяти имеющиеся в наличии продовольственные запасы: трепанги, морская капуста, консервы, вяленая рыба, яичный порошок, арахисовая мука, солонина, вино... Продуктов было более чем достаточно, однако выражение его лица по-прежнему было кислым.

Шан Чжи-ин рассмеялся.

— Я думаю, если ты приготовишь нам соевых бобов, [483] зеленого горошка, сухарей и соевый творог, и этого вполне хватит. Какое у тебя есть вино?

— Сливовая есть, абрикосовая. Есть водка.

— Очень хорошо. Иди и принимайся за работу. Встретим Новый год как полагается!..

75

Когда спустились сумерки, пришли гости: командир полка и с ним пять боевых Героев Народной армии, соседи полка Шан Чжи-ина справа. Встречали корейцев Шан Чжи-ин, Чжай Цзы-ни, Яо Си-пин, начальник штаба и остальные полковые работники. Ради такого дня все побрились, почистились, навели красоту. В небольшой комнате, в которой был накрыт стол, горело более десятка свечей, само укрытие выглядело весело, нарядно. Гости и хозяйка сели за стол. Простота обстановки еще больше оттеняла суровость военного времени, заполненного грохотом орудий и треском пулеметов. Шан Чжи-ин вспомнил Цой Сан Кэма, которого так и не смог проводить из-за напряженной обстановки. Да, тоскливым было расставание с ним! Где он теперь? Думал ли он тогда, что позиции нисколько не передвинутся, что он не потеряет ни одного вершка земли, наконец, что Новый год будет встречать на той же высоте?..

Не сговариваясь, все одновременно подняли бокалы...

Тосты следовали один за другим — за родину и народ, за Сталина, Председателя Мао и генерала Ким Ир Сена, за жен, оставшихся дома, за Новый год, за победу...

Глаза Шан Чжи-ина сияли. Это был поистине замечательный день, в который вспомнилось все. Вино застряло у него в горле. Он, Шан Чжи-ин, находится за несколько тысяч ли вдали от родины, в чужой стране, где его окружают чужие горы и реки. Родина. Земля, на которой ты родился. Народ, который дал тебе жизнь. Люди, взрастившие тебя. Юноши, полные молодого задора, которые были твоими товарищами, и девушки, такие красивые и работящие, они — новая жизненная сила твоего поколения. Дети — твоя надежда и твое будущее. Родина, широкая, бескрайняя земля, [484] озаренная лучами солнца, согретая родной улыбкой Председателя Мао. Сколько ни рассказывай о тебе, не дадут слова того, что даст хотя бы один взгляд в твою сторону, родина!..

Когда гости собрались уходить, Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни вышли проводить их. В землянках ярко горел огонь. Люди продолжали веселиться, играли в карты. Кое-кто отправился спать. И только они не имели никакого желания возвращаться в укрытие. Разве заснешь в такую ночь!..

Ярко светила луна. Искрился снег, плотным слоем укрывший землю. Ночь была ясная, морозная. Долгое время оба молчали. В серебристом лунном свете безмолвно стояли перед ними горы. И нигде ни огонька. Неужели люди спят сейчас? Нет, они не

спят. От далекой кромки морского побережья до бескрайних просторов суши, от белоснежных вершин Чанбайшаня до южных гор, от Циляншаня до увалов Хинганского хребта, от Тибетского плато до богатых торговых городов Приморья никто сейчас не спит, если он сердцем своим неразрывно связан с войной. И если он не видит эту войну своими глазами, он думает о ней, если он не может говорить, он слушает, если он сам не разжигает костра, огонь горит у него в груди... Горы, горы, какой огромный мир обнимаете вы!..

Рассвет наступает с трудом. Луна медленно клонится к западу. На вершине Эинсана она зацепляется за краешек скалы, минуту смотрит задумчиво на землю и срывается в пропасть. Земля погружается во мрак. Ветер крепчает, холодит легкие. Стоишь, стоишь на одном месте и ждешь, когда на восточном краю неба появится серая полоска. Эта полоска появляется неожиданно, словно стрела, выпущенная из-за вершины Цзихэсана. Постепенно серый луч расплывается, охватывая все небо. В этот момент вершины гор кажутся серебряными, но только одно мгновение, потому что в следующее они как бы зеленеют, потом желтеют, желтый цвет постепенно переходит в оранжевый, все больше и больше краснеет, наконец приобретает сочный алый цвет. И вдруг выплывает, словно расплавленное золото, краешек солнца. Еще секунда — и тысячи золотистых нитей разбегаются по всему небу. Горы и реки Кореи сразу меняют свой облик, словно одеваются в новый [484] наряд. Пышные лазоревые сосны, укрытые белым, как алмаз, снегом, излучают сияние. Сверкают всеми цветами радуги ослепительные в лучах утреннего солнца вершины гор — синие, зеленые, розовые. Каждое дерево, каждая веточка, каждый кустик скованы легким туманом. Мир, словно изваяние, усыпанное драгоценными камнями, жемчугом и малахитом, встречает Новый год во всей своей сказочной красоте.

В укрытии политотдела кто-то включил радиоприемник, и наполненный всевозможными шумами, свистом, треском, музыкой, взволнованной, торопливой речью эфир сразу же напомнил людям, что рядом с ними есть другой мир, огромный, беспредельный, влекущий к себе своей новизной. Он словно увел их в большие красивые города, на площади и проспекты, где ликут многотысячные толпы, и нет здесь ни этого крохотного полуострова, ни угрюмых, холодных гор, ни запятанных глубоко под землю укрытий. Города в праздничном наряде. Огнями иллюминации расцвечены многоэтажные здания. Всюду портреты вождей. А вот и Тяньаньмэнь, величественная площадь, трибуна, с которой на ликующие толпы смотрит, улыбаясь, Председатель Мао. Разгоряченные лица, горящие глаза. Над морем человеческих голов реют красные флаги, вся площадь в цветах, в ясном небе кружатся белоснежные голуби. Новый год пришел к людям, уходят от них в небытие мрак и холод.

И вдруг, словно ливень, из репродуктора хлынули аплодисменты. Когда Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни подбежали к укрытию, там уже было полно людей. Кто-то шепотом сказал: «Председатель Мао!..» Все замерли на своих местах, боясь неосторожным движением потревожить воцарившуюся тишину. В раскрытую дверь снаружи ворвался солнечный луч и тоже замер, остановившись на сосредоточенных лицах людей, менявшихся по мере того, как нарастала волна аплодисментов.

Но вот аплодисменты смолкли.

Председатель Мао начал речь.

Голос его был сильный, уверенный, спокойный. Люди слушали, боясь пропустить хотя бы одно слово. Казалось, что Председатель Мао здесь, рядом с ними, ведет за собой, указывая каждому широкую дорогу к победе. [486]

После того как трансляция новогоднего обращения товарища Мао Цзэ-дуна закончилась, наступила короткая пауза. Затем послышался другой голос, но что он сказал, Шан Чжи-ин почему-то не расслышал.

— Кто теперь говорит? — спросил он.

— Тише, сейчас будут передавать передовую из «Жэньминь жибао», — предупредительно поднял руку Чжай Цзы-ни.

Диктор начал читать:

«Успешно закончив тысяча девятьсот пятьдесят первый год, наш народ вступает в Новый, тысяча девятьсот пятьдесят второй год.

Тысяча девятьсот пятьдесят второй год будет иметь для нас еще более важное значение, так как мы должны будем полностью осуществить все подготовительные работы к грандиозному хозяйственному строительству. Еще большими успехами ознаменуется и народное движение по сопротивлению Америке и оказанию помощи Корее.

Великая борьба против американской агрессии за оказание помощи Корее продолжается. Главной целью всех усилий нашего народа должно быть завоевание победы в этой борьбе. Прошедшие четырнадцать месяцев доказали, что сопротивление Америке и помощь Корее являются не только целью всей нашей работы, но и ее движущей силой. Вопреки всем предположениям наших врагов, эта борьба не только не задержала, но, наоборот, ускорила как подготовку нашей страны к широкому хозяйственному строительству, так и само строительство.

Да здравствует великая Коммунистическая партия Китая — руководитель нашей великой родины.

Под руководством Коммунистической партии Китая и Председателя Мао Цзэ-дуна вперед, к новым победам!»

Не успел диктор дочитать передовицу до конца, как кто-то из бойцов подбежал к Чжай Цзы-ни.

— Товарищ комиссар, разрешите, тут у нас есть мощный репродуктор. Сейчас будут передавать приказ главкома Пэн Дэ-хуая. Мы на позиции вынесем.

Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни, не сговариваясь, встали, кивнули бойцу и вышли из укрытия. [487]

76

На позициях с утра началось веселье. В каждом подразделении в гостях у бойцов были бойцы Народной армий.

Еще на рассвете Ци Цзюнь-цай отправил на восточный фланг, где стояли корейские части, делегацию с подарками — свининой, консервами, другими продуктами питания. Со своей стороны подарки принесли и корейцы. Каждому бойцу была вручена пачка сигарет «Гымгансан» — так назывались синие Алмазные горы, которые неотступно стояли перед глазами у всех, неповторимые в своей красоте — все вместе и каждый из двенадцати тысяч горных пиков в отдельности. Эти пики они брали приступом, они же стали для них опорой, Алмазные горы! В ходах сообщения, в укрытиях, траншеях, в лесах, на обращенных к тылу склонах гор, в ущельях под обросшими мохом скалами — всюду кипело веселье. Солнце щедро дарило людям тепло, а сияние, которое исходило от него, было таким ослепительным, что люди жмурились, не имея сил раскрыть глаза. Посмотришь на иного и подумаешь — жмурится это он или смеется, потому что смеялись сегодня все, никто не скрывал своей радости. И хотя для настоящей пляски на узком пространстве хода сообщения действительно было тесно, танцевали все, даже те, кто не умел. Одну песню сменяла другая, сами собой образовались хоры, заиграли свирели.

В одном окопе запел кореец. Мелодия была трепетная, привольная и в то же время немного грустная.

*Из-за моря, моря широкого,
Над горами, горами высокими,
Поднимается солнце родины,
Солнце счастья, свободы, весны.*

*Ива робко склонилась над берегом,
Ветвью тонкой воды касается.
Ива тоже поет о родине,
В славе родины — голос весны.*

Задушевная мелодия песни звенит колокольчиком в чистом воздухе, и трудно поверить в то, что поют ее опаленные огнем войны солдаты. Так могут петь девушки, когда их сердца раскрываются цветами, когда, [488] опьяненные любовью, они в песне открывают свое чувство. Ласково греет весеннее солнышко, будоражит мысль, волю, рождает желание что-то делать, куда-то идти. Даже суровые Алмазные горы, разбуженные призывом любви, отвечают ему эхом.

— Сто лет жить бы нам, и то умереть не захочется!-говорит Цзян Вань-цзе.

Он только теперь, пройдя через жестокие испытания борьбы, начинает понимать, как любит все то, что видит вокруг себя. В нем рождается неутолимая жажда жить, побеждать, своей жизнью прокладывая дорогу к коммунизму. Из лесу доносится волнующий голос:

*Расцветает в горах дуцзюань — цветок,
Песня труженика льется над полями...*

Словно отвечая ему, с берега ручья, плавно огибающего скалу, доносится другой голос:

*Пусть наша жизнь будет краше
Всех цветов на свете,
Желаем счастья, родина, тебе!..*

Нет на свете человека, который бы мог так чувствовать радость и счастье, как чувствует их солдат, прошедший через огонь войны и своей кровью отстоявший родную землю.

— Цзян Вань-цзе! Сюда! — замахали ему танцующие. — Давай в круг!

Цзян Вань-цзе входит в круг. Его встречают улыбками, аплодисментами, доброжелательно подмигивают — дескать, знай наших! Он идет с гордым видом, довольный, и вдруг, подскочив, начинает выделывать ногами такие выверты, что все ахают. В круг выбегает невысокого роста кореец — чернобровый, с большими сверкающими глазами; подбоченясь, закинув одну руку за голову, он сразу же пускается вприсядку, привлекая всеобщее внимание. Рукоплескания разливаются неудержимой волной. Корейский боец и Цзян Вань-цзе не обращают на них внимания, они продолжают танцевать, соперничая друг с другом. Постепенно ладони начинают бить в такт музыке, и вот уже все аплодируют танцующим.

С вершины горы доносится звонкий, высокий голос, песня льется вниз, в окопы, перекрывая все другие [489] голоса, ее подхватывает один, второй, даже корейцы поют ее вместе со всеми по-китайски:

*Алеет восток,
Солнце встает,
Мао Цзэ-дун по Китаю идет...*

Здрав голову к небу, с автоматом через плечо, с вершины горы спускается широким шагом Ван Кунь. Это он запел знакомую всем песню. Все его движения — каждый шаг, взмах руками, поворот головы — согласуются с дружными аплодисментами

бойцов, помогающих аплодисментами песне. Радуются ей горы, леса, весь мир, встречающий Новый, счастливый год.

И вдруг рукоплескания смолкают, замирает музыка и наступает удивительная тишина. Люди вытягиваются, словно по команде, обращая взоры на север. Просто не верится, чтобы на таком огромном фронте сразу, в одно мгновение, могло воцариться безмолвие. Но это так. Даже противник прекратил стрельбу, подавленный наступившей тишиной. И тогда над позициями, над всем фронтом загремел мощный, чеканный голос из репродуктора:

«Командиры, политические работники, бойцы, офицеры штабов и тыловых учреждений всех частей и подразделений войск китайских народных добровольцев, товарищи!

Сегодня, в первый день Нового, 1952 года, исполняется четырнадцать месяцев, как вы ведете рука об руку с Народной армией Кореи войну против вооруженных сил американских агрессоров и их сообщников. В героической и трудной борьбе с агрессорами вами уже одержаны славные победы, заложена прочная основа для окончательного, разгрома врага. Все планы Соединенных Штатов Америки по подготовке новой мировой войны спутаны, это в значительной степени вдохновляет национально-освободительное движение народов колоний и зависимых стран, усиливает волю всех народов к борьбе за дело мира во всем мире. Вы внесли огромный вклад в великое, справедливое дело защиты безопасности родины, защиты мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

...За четырнадцать месяцев — с октября 1950 года по декабрь 1951 года — корейско-китайские войска [490] нанесли противнику большие потери. Только убитыми и ранеными противник потерял 490 тысяч человек, в том числе 210 тысяч человек военнослужащих американской армии. Если к этим потерям прибавить потери не на поле боя, то есть пропавшими без вести, больными, обмороженными и дезертировавшими, которые составляют тоже более 100 тысяч человек, это будет означать, что потери американской агрессивной армии составили свыше 300 тысяч человек. За это же время американские агрессоры потеряли не меньше двух с половиной тысяч самолетов. Наши же китайско-корейские народные войска не только сохранили свою живую силу, но и с каждым боем становятся все более сильными и боеспособными.

Необходимо и впредь так же героически выполнять нашу боевую задачу, непрерывно уничтожать врага, который осмелится продолжать вторжение, добиваться окончательной победы в войне против захватчиков.

Пэн Дэ-хуай»

Могучий голос из репродуктора подмял весь фронт. Он гремел над скованными зимней стужей реками и горами всего полуострова, будя их к жизни, вдохновляя к борьбе человеческие сердца.

77

Именно в этот момент Шан Чжи-ину позвонили с переднего края:

— Противник приступил к сооружению оборонительных укреплений вдоль всей линии фронта.

Сперва он не поверил этому сообщению. Удивленный и в то же время взволнованный, он недоуменно вскинул глаза.

— Как? Это правда?

...Ночью группа Янь Чжэнь-луна, вооруженная автоматами, как обычно, отправилась через линию фронта. Янь Чжэнь-луну хотелось и как-то отметить Новый год и обеспечить своим возможность спокойно его встретить. Да и сидеть без дела у костра за пустыми разговорами и надоевшим всем «пу-кэ» никто не хотел.

— Пошли, ребята, — предложил он. — Поищем, где бы противнику насолить. [491]

— Пошли, — согласился Чжан Бяо, — Все равно. Не будь бы его, дома встречали бы Новый год.

И они пошли. Была уже полночь, когда добрались до переднего края противника. В районе между высотой 400 и высотой 500,1 они вдруг натолкнулись на проволочные заграждения. Прошли еще часть пути. Проволочные заграждения тянулись в несколько рядов, ими был опутан весь склон горы. Вернувшись, Янь Чжэнь-лун доложил обо всем виденном командиру роты.

Шан Чжи-ин посмотрел на Чжай Цзы-ни.

— Черт возьми! — выругался он. — Они оборону строят! — Однако сказано это было скорее весело, чем с тревогой. — Пойдем посмотрим?

Чжай Цзы-ни презрительно усмехнулся.

— Чувствуют, собаки, что час возмездия близок. А ведь как кичились: мы! мы! мы будем только наступать!.. Обороняться приходится, черепаши выродки!

Они одновременно поднялись, накинули шинели, захватили с собой бинокли и вышли из укрытия. словно сговорившись, они переглянулись молча, и каждый прочитал в глазах у другого нескрываемую радость. Неужели это случайно?

— Пошли, чего остановились? — сказал Шан Чжи-ин. — Погода сегодня до чего хорошая!

— Еще бы!

Ясное корейское небо такое голубое, что, кажется, видишь далеко-далеко, за десятки тысяч ли, охватывая своим взглядом всю вселенную. Куда же они подевались, хрустальные звёзды, которые по ночам льют на землю свой голубой, как вода, свет? Какие они красивые ночью, мерцающие лучистыми улыбками, словно ребячьи глаза! Почему сейчас не видно ни одной? Куда попрятались эти шаловливые дети? Горные пики, словно стальные клинки, прорвали голубой шатер неба и устремились ввысь. А леса! Вечнозеленые, они символизируют собою цвет мира. Ледяные хрусталики, усыпавшие сосновые иглы, переливаются всеми цветами радуги. Запах талого снега навеивает спокойствие. Лес ожил, наполненный звонким щебетом птиц. Давно ли солнце над Мундынри, опаленное огнем пожаров, казалось тусклым, безжизненным, жестоким. Сегодня все иначе. Когда сердца людей радуются, и солнце улыбается им. [492] Над землей струятся испарения, каждое деревце, каждый кустик словно ожили. Кажется, и они очень хорошо понимают, что произошло, что американцы больше не смогут сделать ни шагу вперед, хотя война еще продолжается. Их судьба predetermined историей, так оно и будет. Прошло всего лишь несколько месяцев, а как все изменилось. Как быстро!

— Да, как все это быстро! — говорит задумчиво Чжай Цзы-ни.

— Победа догоняет нас! — улыбается самому себе Шан Чжи-ин.

Вместе они направляются к переднему краю, пересекают лес, спускаются в ход сообщения. В окопах всюду чисто подметено. Встречающиеся по пути бойцы радостно приветствуют.

— С Новым годом, товарищ командир полка!

— Товарищ комиссар!

— Здравствуйте, товарищ комбат!

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищи, и вас с Новым годом! — поздравляет их

Шан Чжи-ин. — Как себя чувствуете?

— Хорошо!

— Здорово устали?

— Служим родине!

— Есть письма из дому?

— Есть, а как же.

— Вам привет посылают, товарищ командир полка.

— Будете отвечать домой, напишите, что нам здесь хорошо.

— Конечно, напишем. Попейте с нами чайку, товарищ комиссар.

— На обратном пути. Сперва посмотрим, что на переднем крае делается.

— Обязательно посмотрите. Они там теперь несколько рядов заграждений наставили.

— Правда? — лукаво улыбается Шан Чжи-ин. — Американцам теперь худо. Не то, что осенью.

Распроставшись с бойцами, провожавшими их улыбками, они вышли на наблюдательный пункт. Лес в районе НП был так перепахан артиллерийскими снарядами, что сохранилось всего лишь несколько обугленных стволов деревьев. Укрывшись за ними, они прильнули к биноклям. [493]

Склон противоположной горы был окутан проволочными заграждениями в пять рядов, проходы завалены. На проволоке, подвешенные то здесь, то там, качались черные коробки мин и зажигательных снарядов, напоминая что-то древнее, замшелое, затянутое паутиной. Подумав о пауках, Шан Чжи-ин брезгливо вздрогнул.

— Что ж, американцы, прошли ваши дни!..

Под сожженным деревом он стоял довольно долго, внимательно изучая каждый изгиб местности. Белые, плотно укрытые снегом горы, паутина проволочных заграждений, за которой нашли себе убежище ядовитые твари, гребни гор, тянущиеся на тысячи ли, — что еще сулит полку Шан Чжи-ина недобрая дорога, миновать которую, пойти по другой он не может?

78

Войне опять не видно конца.

В октябре 1951 года на объединенном совещании начальников штабов министерства обороны США было принято решение об использовании в войне против Кореи бактериологического оружия. Испытания начались в ноябре, а в декабре американское правительство утвердило план применения бактериологического оружия, который включал в себя территорию Северной Кореи и континентальный Китай. Война приняла еще более жестокие формы.

Командующий сухопутными химическими войсками США заявил: «Люди будут умерщвлены, промышленные предприятия и жилые дома окажутся в руках победителя нетронутыми».

Исключительный интерес к корейскому вопросу проявлял Трумэн, ведь «сопротивление Америке и помощь Корею», оказываемые войсками китайских народных добровольцев, совершенно изменили весь ход войны. Несмотря на то, что на корейский фронт были брошены отборные войска, правительство США оказалось бессильным продолжать наступление. «Будем надеяться, — сказал Трумэн, — что этот план окажет помощь успешному проведению войны, тогда весь мир будет в руках Америки».

В ночь, на 27 января 1952 года летный состав 5-го воздушного флота США получил приказ загрузить все [494] самолеты бактериологическими бомбами и вылететь на бомбежку позиций китайско-корейских войск и важнейших объектов на коммуникациях в тылу.

28 января юго-восточнее Ичэна, а также в районе Ёнсуйдона и Ёнбидона были обнаружены в большом количестве черные мухи, блохи и вши.

29 января американские самолеты сбросили над районом — Ичэна огромное количество зеленых мух и блох.

21 февраля на позиции китайско-корейских войск в районе Челвона были сброшены бумажные пакетики, начиненные блохами, пауками, комарами, муравьями, мухами. Блохи, мухи и муравьи были сброшены также в предместьях города и на обширной территории района Кангоан.

Район сбрасывания бактериологических снарядов постепенно расширялся. Он охватил Кухвари, Пяксекдон, Сингосан, Пхеньян, Кудонри, Гымсэн, Чандори, Челсан,

Гоксан, Сунчэн, Мунчэн, Сэнчэн, Анчжу... Зеленые мухи, блохи, комары, вши, тля, стрекозы, сверчки, жужелицы, саранча, крысы, протухшее мясо, дохлые вороны, хлопья ваты, высохшие листья, куриные перья... — все это несло с собой чуму, заражение крови, брюшной тиф, сыпняк, молниеносную скарлатину, полиомиелит и многие другие эпидемические болезни на многострадальную землю Северной Кореи.

29 февраля американские самолеты вторглись в воздушное пространство Китая, сбросив зараженные бактериями эпидемических болезней бомбы над Фушунем, Фэнчи и дальше, над городами и селами провинций Ляодун, Ляоси, Сунцзян, Цзилинь, Хэйлунцзян, Жэхэ.

6 марта американские самолеты летали над городом Циндао в провинции Шаньдун. Заразные бактерии расползались по стране...

Командир корпуса Пак Хен Ен вышел на опушку леса. Он был в офицерском кителе и высоких черных сапогах, но без головного убора.. Опустив голову, он шел задумавшись, ничего не замечая вокруг.

Наступила весна.

Дни стали длиннее, посветлели горы, сам воздух уже [495] не был таким застывшим, как зимой. От опавших сосновых игл исходил тяжелый смолистый запах. Ветви деревьев словно проснулись после долгого сна, раздались вширь и раскрыли свои объятия... Дует порывистый весенний ветер. Бурые листья каштана, державшиеся на ветвях всю зиму, уныло кружатся в воздухе и падают в пожелтевшую траву. Но вот налетает новый порыв ветра, срывает оставшиеся листья, и тогда взгляд замечает, что ветви начинают зеленеть, а в тех местах, где должны будут раскрыться почки, уже появились маленькие желтые шарики пуха. Почки набухают, вот-вот они сбросят с себя темную кожуру, надежно защищавшую их сон зимой. Горы и долины кажутся бурыми, однообразными, но это только первое впечатление; присмотревшись, начинаешь замечать, как на каждой веточке, на каждом кустике все настойчивее пробивается жизнь.

В лесу снег еще не растаял, но это была уже не плотная снеговая толща, а тонкая обманчивая льдистая корочка, прилипшая к сгнившим травам и листьям; то здесь, то там проглядывали проталины, в нос бил острый запах оттаявшей земли, смешанный с холодным дыханием снега. Коричневые птахи с красными клювами и лапками стремительно перелетали с ветки на ветку то парами, то в одиночку, грелись на солнышке, чирикали, жмурясь от удовольствия, — диву можно было дать, как могли провести зиму эти крохотные существа? Неужели им было достаточно материнского крыла, укрывавшего их в холодных дуплах от морозов? Ожили пигалицы, долбят клювами оттаявшую кору на деревьях, дерутся из-за найденного червячка, мчатся вдогонку за счастливчиком, улетевшим в лесную чашу. Издалека доносится стук дятла, быстрый, словно строчит пулемет. Через минуту такой же стук слышится с другой стороны, ближе, потом опять оттуда же, словно в самом деле затеяли перепалку пулеметы. Тишина леса нарушена звонким многоголосым хором первого весеннего утра. Шумят сосны, словно ветер нежной рукой перебирает струны циня¹⁶. То сосновый шум кажется где-то далеко-далеко, то совсем близко; ровный мелодичный звон идет отовсюду, от каждой горы, от [496] каждого перелеска. С вершины горы доносится отдаленный расстоянием зов кукушки, он навевает не то грусть, не то печаль, не то какие-то смутные надежды, воспоминания. Трудно сказать, какое это чувство, но оно рождает в глубине души беспокойство, тревогу. Что это — любовь, поиски, ожидание?... Весна пришла, а вместе с ней пробуждаются новые, забытые чувства, растут, наливаются соками, как растет и наливается соками все живое. Оживает все жизнедеятельное, жизнеспособное, и ничто уже не может скрыть его, спрятать от человеческого глаза.

Действительно пришла весна. Она шагает по тонкому, хрупкому льду вслед за ветром, который приносит с гор тепло. Когда над землей поднимается солнце и тысячи

16 Цинь — национальный музыкальный инструмент

ослепительных золотых нитей покрывают землю, оживает согретая их живительными лучами природа. Осыпанные инеем ветви на деревьях, сохранившиеся листья постепенно оттаивают; сначала они темнеют, наполняются влагой, потом влаги становится больше, ее капли собираются на кончиках листьев, набухают, словно прозрачные жемчужины, наконец падают на землю, и тогда лес наполняется шумом, словно в дождь: кап-кап... кап-кап... Это плачет горькими слезами зима.

Застывшие ветви, травы оживают, становятся мягкими, податливыми, легко колышутся на ветру. Первый солнечный луч Цинь — национальный музыкальный инструмент пышные кроны сосен и разгоняющий мрак и холод. Одна минута, две — и влажные стволы деревьев окутываются легким серебристым туманом. Теплынь!

Пак Хен Ен задумчиво смотрит на далекие горы, на покрытые снегом вершины, поднимающиеся к небу, на голубой небосвод, чистый и прозрачный, как хрусталь. «Что может быть красивее этих гор! — думает он. — Они всегда такие!..»

Вот уже пять месяцев, как корпус, отведенный с фронта на отдых, находится здесь. За время пребывания в тылу части и подразделения получили пополнение за счет молодежи, новое оружие, самый облик их изменился. Остался неизменным лишь уклад жизни в тылу, наполненной ожиданием. На фронте люди мечтали о мирной жизни, о спокойствии, ждали передышки. Но как только эта передышка предоставилась, все [497] снова загрустили, думая теперь о том, как бы скорее попасть на фронт. Пак Хен Ен не раз ловил себя на той мысли, что и он думает так же: «Я совсем не люблю войны, но ведь на земле моей родины враг!..»

Всякий раз, когда он, урвав свободную минуту, гуляет один по лесу, его мысль возвращается к дням, приведенным ни фронте, заполненным грохотом, орудий и дымом пожаров. Часто на дороге он встречает то старую женщину, бредущую куда-то по своим делам, то одну и ту же девочку, совсем еще ребенка, которая несет на голове кувшин с родниковой водой. Красавец лес, от которого трудно оторваться, влажная земля, набухающие на ветвях почки, молчаливая старуха, эта девочка — все как будто спрашивают его: «Долго еще будете ждать здесь? Американцы повсюду сбрасывают бактерии!..» И с каждым днем у него все горше и горше становится на душе.

Немало тягостных раздумий вызывает у него и личный вопрос, который он задает самому себе. В обстановке на войне за зиму произошли большие перемены, линия фронта стабилизировалась. Предпринимая наступление, противник всякий раз расплачивается за свою попытку большой ценой, и чем больше эта цена, тем меньше остается у него шансов передвинуть линию фронта на север. И все это произошло без него, Пак Хен Ена. А как он мечтал сам участвовать в этом сложном процессе с начала и до конца! Вместо этого ему приходится быть далеко-далеко от фронта. Вот и весна пришла, с ней противник связывает все надежды на новое наступление. А он, он по-прежнему здесь!..

Издали доносится приближающийся шум мотора. Проходит несколько минут, и Пак Хен Ена настигает маленький «джип» из роты связи. Как только «джип» останавливается, из него выскакивает боец с шинелью и фуражкой, передает Пак Хен Ену и помогает одеться. Пак Хен Ен садится рядом с водителем.

— В восемь часов начнут, товарищ комкор, — говорит боец охраны.

Пак Хен Ен смотрит на часы, поворачивается к водителю.

— А ну, давай! Поскорее!

Машина трогается. Миновав лес, она мчится вдоль лесной опушки. Здесь, в глубоком тылу, налета [498] вражеской авиации опасаться нечего, и водитель спокойно выводит ее на открытое шоссе. «Джип», поднимая пыль, набирает скорость.

В ожидании начала корпусных учений командиры собрались на склоне невысокого холма. У всех бинокли. Разговаривают, пересмеиваются, рассматривают карту. Бойцы охраны и работники обслуживания находятся на другом холме, по соседству с ними. Связь уже наведена, она соединяет КП со всеми пехотными частями. Походные рации установлены в густом кустарнике, откуда доносятся громкие голоса связистов,

проверяющих наличие связи с родами войск. А дальше ничего не видно — ни людей, ни танков. Лишь изредка в просветах леса то появляются, то снова исчезают связисты, протягивающие телефонный провод. Командир корпуса, тяжело дыша, поднимается на гору. Командиры приветствуют его, здороваются за руку и возвращаются на свои места. Возле комиссара Пак Хен Ен останавливается.

— В прошлом году, помнишь, как было, комиссар?

Политком улыбнулся. Он уже успел заметить, что комкор сегодня в хорошем расположении духа.

— Да-а, и ударить теперь можем... — словно продолжая начатую мысль, сказал Пак Хен Ен.

Политком обернулся к стоявшим рядом с ним командирам танковых и артиллерийских частей и авиационной группы и спросил:

— А вы как думаете, товарищи? Готовы, конечно?

Пак Хен Ен поднял к глазам бинокль, потом сказал, опустив его:

— Такой день обязательно должен был наступить. Ну, начнем.

При всех орденах и медалях, со звездой Героя на груди, надетых по случаю такого дня, он выглядел сегодня величественным, статным.

Командиры взглянули на часы.

— Передай своим, пора вылетать, — обернулся Пак Хен Ен к командиру авиагруппы. — Цели четыреста сорок вторая, триста девятая и пятьсот двадцать первая. Накрыть массированным огнем. На этой линии сосредоточены пехотные подразделения, танки и артиллерия противника.

Запрокинув голову, Пак Хен Ен стал следить за полетом бомбардировщиков. Глаза его весело щурились. [499]

— Что ж, этот год принесет нам новые изменения. — Он сказал это так, словно отсюда, с этой высоты, предвидел, что должно произойти.

— Да, — согласился с ним политком. — Изменение уже довольно заметное.

— А американцы все еще ждут весны, уповают на нее, — усмехнулся Пак Хен Ен.

Тем временем авиация приступила к бомбежке позиций «противника».

— Им победа нужна, как воздух, хотя бы самая незначительная. Политика проволок на переговорах уже не может обеспечивать им военный и политический престиж среди сателлитов, это факт, — сказал командир дивизии Юн Тя Ги, подняв бинокль к глазам.

Пак Хен Ен подозвал начальника артиллерии:

— Давай огонь!

Артиллерийский командир, маленький крепыш с загорелым дочерна лицом, тут же разложил на земле карту, вынул из планшета таблицу огня и, взглянув на нее мельком, отдал через радиста первый приказ. И тотчас же раздался мощный орудийный залп, в грохоте которого потонули все другие звуки.

— Знай наших! — горделиво заметил кто-то в группе командиров.

— Американцы все еще кричат насчет весеннего наступления, — сказал командир танковой группы.

— Пусть кричат, — махнул рукой политком. — Что бы они ни говорили, а теперь весна наша.

— А они как раз и доказывают, что весна их.

— Мы заставим их отказаться от этой мысли, — повернулся к беседующим Пак Хен Ен.

— А что говорят бойцы? Какие у них настроения? — спросил политком.

— Горят нетерпением, негодуют, в бой рвутся, товарищ политком, — ответил Юн Тя Ги.

В лесу послышался рев моторов, и через минуту на опушку один за другим вышли тяжелые танки. Грозные машины с вытянутыми вперед стволами орудий, плавно

покачиваясь, перешли речку, выползли на противоположный берег и начали разворачиваться для атаки.

Артиллерия перенесла огонь в глубь обороны «противника», подвергая обстрелу основные узловые пункты.

Танки на полной скорости ринулись в атаку. Вдоль [500] кромки леса, начавшись с одного конца, раздался громкий, нарастающий с каждой секундой протяжный крик:

— У-ра!..

— Ур-р-ра!..

Стрелковая цепь разматывалась, словно шелковая лента.

79

Ведя взвод за собой, Ен Кым Тхя вырвался вперед. Наступление, пусть даже оно проводится в порядке учений, всегда вдохновляет бойцов. Не удивительно, что на исходные рубежи они вышли еще задолго до рассвета..

Войска сосредоточивались в лесу. Ен Кым Тхя расхаживал среди своих бойцов, проверяя, все ли готовы к броску. Его сапоги, облепленные грязью и прошлогодними листьями, основательно промокли. Но он не обращал на это никакого внимания, его радовала царившая в лесу атмосфера общего подъема и возбуждения. Закончив проверку, он сел вместе с бойцами и закурил. Степь, пересеченная невысокими холмами, раскрывалась перед глазами. Взошло солнце, и степь сразу преобразилась. Она стала широкой, просторной. Холмы, словно волны бескрайнего моря, уходили вдаль, постепенно теряя свои очертания и сливаясь с небом.

— Товарищ командир взвода, — тихо обратился к Ен Кым Тхя кто-то из бойцов. — Вот бы по-настоящему, а?

— Что же ты имеешь в виду под настоящим?

— Я говорю про настоящее наступление, что там — учения!..

— А готов к нему?

Боец стремительно поднялся и приложил руку к козырьку.

— Разрешите доложить, товарищ командир взвода. Готов! Хоть в самый настоящий бой. Зачем учения?

— Вольно! — усмехнулся Ен Кым Тхя, видя, с какой готовностью боец ждет его приказание.

— Скорее бы погнать американцев! — вздохнул другой боец.

— Кроме тебя, думаешь, никто не хочет этого?

— Они же из кожи лезут вон, чтобы остаться, гады!

— Ничего, рано или поздно все равно выгоним. [501]

— Чего же ждем?

— Ждем, когда время придет.

Наступило молчание. Бойцы старательно запыхтели, раскуривая погасшие самокрутки.

— Товарищ командир взвода, — заговорил молчавший до этого боец. — А сегодняшние учения здорово организованы. Сколько войск участвует! Дать бы приказ — вперед! Мы до самого моря дошли бы...

— До самого моря. Я тоже так думаю, — тихим голосом проговорил Ен Кым Тхя и еще сильнее прижал к груди автомат. Он думал сейчас о другом. Память шаг за шагом восстанавливала обстоятельства недавней встречи с Пак Кым Ок.

...Как только полк был отведен в тыл, Ен Кым Тхя сразу же подал рапорт о предоставлении отпуска, и когда, наконец, получил увольнительную, не знал, куда себя девать от радости. Но стоило ему вступить на дорогу, ведущую к дому, и он почувствовал, как судорожно бьется в груди сердце. На первую гору он взбежал почти что не переводя

дыхания. Он так вспотел, что на вершине был вынужден остановиться и отдышаться. Теперь он знал одно: даже самая крутая гора, даже отвесная скала не заставят его свернуть с дороги, не заставят его идти медленнее... Родная земля раскрывалась перед ним в лучах ослепительного солнца. Ему здесь было все мило — уходящие вдаль горы, перелески, карликовые сосны, Каждая иголлка на которых излучала свет, весь мир, к которому он возвращался. Война, грохот орудий, чувство ненависти, ожесточение, сжигавшее его сердце, постепенно отступали назад, таяли в крепком смолистом запахе сосен. С горы дорога вела в долину, знакомую с детских лет. Вот и речка, родные деревья... Но почему ему с каждым шагом становится все более и более тревожно? Чего он боится? «Дома ли ты, Пак Кым Ок?» Со времени получения от нее последнего письма прошло так много дней! Столько за это время изменилось! Каждый раз, когда он слышал о налетах вражеской авиации на деревни Северной Кореи, его сердце замирало от страха... Жива ли она? А может быть, их маленькая чибби уничтожена бомбежкой, где он будет искать ее одну, с ребенком, не зная, куда она [502] ушла?.. Больше всего он боялся, что, подойдя к родной деревне, увидит на месте своей чибби груды развалин и вокруг ни души. Воображение рисовало и другие картины: ворота закрыты, дома нет, всюду запустение, холод, пепел. Или: все, как и прежде — чибби, крыльцо, вишневое дерево, тополь, тропинка к дому, но нет на этой тропинке знакомых следов, двор порос бурьяном, жизнь замерла... Эти мысли преследуют его, терзают. Неужели его ждет это?.. «Нет, я дойду до края земли, Пак Кым Ок, я готов испытать любые муки, но найду тебя, если только ты жива». Он идет вперед, ускоряя шаг, последние несколько ли он чуть ли не бежит. Он бы полетел, если бы страх и надежда не держали его привязанным к земле. Как давно он ждал этого дня! В бою ли, во время сна, в атаках и отступлениях он думал об этом дне, мечтал о нем, видел в своем воображении, как она бросается в его объятия...

Далеко-далеко увидел он вершину горы, под которой приютилась его деревня. Все было, как и прежде. На фоне звездного неба гора казалась отвесной стеной, подпиравшей небосвод. За ней пряталась изогнутая ручка Северного черпака ¹⁷ ... Он даже не заметил, как на землю опустилась ночь, как ушло ни покой солнце. Он вообще обо всем забыл — о голоде, о том, что с утра не имел ни глотка воды. Как он шел, он не знал, ноги сами вывели его на знакомую дорогу, а она привела его сюда. Вот и околица. Утес на южном берегу речки. Тихо плещется о берег волна, словно испуганная кем-то. В деревне тишина, безмолвие. И вдруг он увидел свою чибби, она была на том же месте, обращенная окнами к улице. Тишина, нигде, ни огонька, вокруг все вымерло. Несколько минут он стоял, не имея никаких сил сделать шаг вперед, у него словно отнялись ноги. Он ничего не мог понять: почему его не встречают?.. Наконец он, через силу волоча за собой ноги, подошел к двери и постучал в окно.

— Кто?

Дверь бесшумно открылась, на пороге выросла фигура маленькой женщины с испуганным лицом. Ен Кым Тхя остолбенел... [503] Пак Кым Ок каждый — день отправлялась на работу рано утром, захватив с собой корзину. Ребенка, завернутого в бледно-зеленое одеяльце, она привязывала за спину. Шоссе было в одном километре от их дома. Одета она была легко, поэтому быстро окоченевала. Конечно, можно было вернуться домой, забраться на теплый кан и отогреть озябшие руки и ноги, но сейчас это было невозможно.

Вражеская авиация непрерывно бомбардировала коммуникации в тылу. Все шоссейные дороги, проходы и долины, по которым шли железнодорожные линии, мосты находились под постоянной угрозой обстрела. До войны в Восточной Корее имелись лишь третьеразрядные шоссейные дороги, по которым редко когда проходили грузовые машины. Но вот началась война, и район стал местом сосредоточения крупных воинских сил. По дорогам непрерывно двигалась артиллерия, мчались легковые машины, грузовики, и часто бывало так, что из-за одной застрявшей повозки образовывались

17 Северный черпак (кит.) — созвездие Большая Медведица

пробки, Водители ругались, пускали в ход кулаки, требуя очистить дорогу, и, чтобы долго не возиться, сообща сбрасывали мешавшую двигаться повозку в кювет. Бывало и хуже — встретятся на узком участке дороги два грузовиками через минуту она оказывается забитой до отказа сотнями грузовых машин с продовольствием и боеприпасами. Счастье, если вражеский самолет не заметит этого скопления. А если заметит? Понавесит тогда в небе осветительных снарядов и давай бомбить, норовя сбросить бомбу в самую гущу...

Фронт каждую секунду расходовал огромное количество боеприпасов. Враг наступал, приходилось отбиваться от него днем и ночью. Бои не стихали. В пище нуждались люди, еды требовали орудия. Малейшая задержка в тылу лихорадила фронт.

Риджуэй отдал приказ авиации держать под своим контролем все пути сообщения в Северной Корее: ни одно зернышко, ни один патрон не должны быть доставлены на фронт! По ночам в небе висели осветительные ракеты и вражеские самолеты кружились над дорогами, выискивая объекты для бомбежки.

Распоряжение поселкового народного комитета гласило: «Дорогу восстанавливать все время, помогать фронту, не задерживать транспорт». [504]

На восстановление дорог были мобилизованы все женщины шахтерского поселка. — Они отправлялись на работу, забирая с собой своих детей.

На митинге Пак Кым Ок вместе с другими женщинами подписала письмо генералу Ким Ир Сену. В письме они дали обязательство:

«...Наши мужья и сыновья ушли на фронт. Обещаем Вам, что отдадим все свои силы делу помощи правительству и нашей армии. Мы заменим на работе мужчин. Веди нас к победе!»

Когда Пак Кым Ок писала письмо, она плакала, слезы капали на бумагу, расплываясь на ней широкими пятнами. Как трудно ей было высказать все то, что просили женщины! Война нарушила счастливую, полную радостей жизнь, расшвыряла людей, отняла у нее мужа. Молодая женщина осталась одна, с ребенком на руках. Горе разлуки, беспокойство о судьбе мужа, кормление ребенка, забота о доме — все свалилось на нее одну. Горе и гнев в этих слезах, но ведь слезами делу не поможешь, ни горя они не уменьшат, ни утешат человека. Только в работе человек находит успокоение.

Пак Кым Ок идет по дороге, глаза ее смотрят вперед. Никто не должен видеть, что она плачет. Она идет, и ей кажется, что дорога уже не такая твердая. Идти мягко, словно дорога устлана ватой. Сначала она недоумевает, но вдруг начинает понимать: нет, это совсем не дорога, просто она так устала, что у нее подкашиваются ноги. Первый испуг проходит. Надо идти прямо, не поддаваться усталости, не дать горю свалить ее. Только не сдаваться, тогда все можно будет вынести.

Перед глазами расстилается унылый зимний пейзаж: бурые каштановые рощи, потемневшие от времени карликовые сосны, холмы. Листья с деревьев опали, ветви ничем не защищены от ледяного ветра, уцелевшие на них кое-где красные плоды кажутся сгустками застывшей крови. Ягоды дикого шиповника с каждым днем все больше краснеют на морозе, словно зерна граната. Дорога усыпана опавшими сосновыми иглами, ветер гонит их во все стороны. Кружатся в воздухе крылатые семена, которые вылетают из еловых шишек, им холодно, беднягам, и, как только они падают на землю, сразу же забираются в щели между камнями или под [505] слой листьев, где ветер не так дует. В сырых местах камни покрыты лишайником, колышется на ветру трава (гуцин, но все это лишено очарования, которое приносит с собой весна, — трава высохла, побурела, стала какой-то грязною, непривлекательной, от которой исходит запах тления. И только наполненные рубиновыми семенами чашечки «конской гривы», напоминающей своим длинным стеблем кипарис, говорят, что жизнь не исчезла, что они несут в себе зародыши новой жизни.

Порывистый ветер со стороны реки надувает розовую блузку; шелковые тесемки, завязанные на груди, трепещут, словно собираются улететь. Придерживая рукой волосы, Пак Кым Ок смотрит, жмурясь от солнца, на противоположный берег. Оправив длинную

юбку, путающуюся в ногах, она осторожно переходит мостки, останавливается на большом камне, проверяет, надежно ли держится за спиной ребенок, и идет дальше, к шоссе. Этот участок дороги она проходит молча. Кто знает, о чем она думает? Дорога хорошо ей знакома, так как она приходит сюда по нескольку раз в день, но именно здесь она всякий раз останавливается на секунду молчаливая, ушедшая в свои думы. Здесь, у этого берега, она проводила своего Ен Кым Тхя. Отсюда, с этого камня, видела она, как Ен Кым Тхя забрался в кузов машины. Здесь, на этой реке, она впервые почувствовала, что такое горе, одиночество, думы о родном человеке, страх... Сколько разных чувств сразу опутали ее сердце, заставили ее страдать! Казалось, каждый камень здесь был против нее, каждый камень, о который она спотыкалась, причинял ей боль. Иногда она присаживалась в лесу, брала ребенка на руки, целовала. Она закрывала глаза и видела Ен Кым Тхя. Он шел к ней — высокий, сильный, с красными погонами на плечах. На фуражке сверкала рубиновая звездочка. Он шел к ней, держа в руке цветы, ее любимые цветы, и напевал что-то знакомое-знакомое... Но почему-то вдруг Ен Кым Тхя отворачивался от нее, лез на скалу, хватал автомат и начинал стрелять. Пули кружились вокруг него, словно осы. Что делала она? Осмотревшись по сторонам, она ползла к нему, находила его возле низкорослого каштана, ложилась рядом и начинала подавать патроны. Теперь ей не было страшно даже самое [506] опасное задание. Рядом с ним она чувствовала себя спокойно, — только бы действительно быть рядом, вместе!.. Иногда она спрашивала себя: почему, как это получается, что мужчина может так крепко привязать к себе женское сердце? Она ни на миг не может забыть его, беспокоится о нем больше, чем о себе. Никогда раньше она и не думала, что кто-то другой будет у нее на сердце. Что именно ради него она будет жить, работать, ради него будет терпеть тяготы. Теперь же, наоборот, все это казалось ей совершенно естественным, необходимым. Высказать это чувство словами невозможно. То оно опутывает тебя, словно веревками, то впивается железными когтями, и ты чувствуешь нестерпимую боль. То ласковой, нежной рукой оно гладит твое сердце, то охватывает всю тебя теплом, и ты замираешь от счастья. То оно нашептывает тебе на ухо сладкие, как мед, слова, то заставляет вертеться, как на иголках... Тысячи всевозможных ощущений смешиваются воедино и создают это чувство, — как же ты можешь сказать, что оно собой представляет!

Пожилые мужчины были заняты тяжелой работой, женщины переносили камни и укладывали дорогу. Пак Кым Ок обеими руками накладывала камни в корзину, поднимала ее на голову и относила на шоссе. Шоссе проходило по седловине горы, поэтому приходилось то идти вниз, то взбираться вверх. Дорога была узкая, в некоторых местах заболоченная. Но Пак Кым Ок даже не думала об отдыхе, стараясь работать быстрее всех. Лишь на минуту она останавливалась, чтобы перевести дыхание, и шла за новой корзиной. Ребенок спокойно спал у нее за спиной.

Выбирая камни голыми руками, она разодрала их. Колючие песчинки, попадая под ногти, разъедали кожу. Пальцы были в крови. Но она не прекращала работы. Набрав полную корзину камней, она поднимала ее на голову и снова взбиралась по крутому склону горы на шоссе. Когда шоссе было восстановлено, решили его расширить. Фронт требовал помощи. Чтобы разбить американских чертей, фронт не должен был иметь недостатка в продовольствии и боеприпасах. Очень может быть, что по этому шоссе вернется и ее Ен Кым Тхя... Стараясь представить себе, как по новому шоссе пройдет машина с фронта, она чувствовала, что в руках и [507] ногах прибавляются силы. Она накладывала в корзину еще больше камней, шла еще быстрее. Что еще сделать, чтобы шоссе было проложено скорее? Уйдя в свои думы, она забывала об усталости, не чувствовала боли в окровавленных руках.

В небе показался вражеский самолет. Он сделал круг над новым шоссе и улетел. Через некоторое время воздух задрожал от рокота моторов. Самолет вернулся, приведя с собой четыре бомбардировщика. Обстреляв работавших на дороге людей из пулеметов, самолеты со следующего захода приступили к бомбежке. Люди разбежались кто куда.

Пак Кым Ок бежала, не чувствуя под собой ног. Наконец она рухнула под елью как подкошенная. Отвязав ребенка, она схватила его в объятия, накрыла собой и прижалась лицом к крохотной головке. «Не бойся, маленький мой, мама с тобой, не надо бояться. Бомба нас не тронет...» О своей смерти она не думала, она не боялась ее. Но когда они смогут восстановить теперь дорогу? Найдет ли ее дома Ен Кым Тхя, когда вернется? Ребенок еще и не видел отца, она должна вырастить его сына. Ведь вернутся же счастливые дни!.. Разорвавшимся вблизи снарядом ее осыпало землей. Прижимая к груди ребенка, она побежала, думая спрятаться под скалой, но ее настиг самолет, поливавший дорогу пулеметным огнем. Вся дрожа, она прыгнула с ребенком в овраг. Наискосок, почти рядом с ней, пролетела бомба.

80

Шоссе с каждым днем все более удлинялось, один его конец упирался в берег Ялуцзяна, другой — все ближе подходил к фронту, где днем и ночью не стихал гром орудий. В это шоссе был вложен их труд, труд женщин, работавших днем и ночью, не зная устали. Дорога разматывалась, словно лента широкого полотна, и люди, работавшие на ней, сновали, подобно ткацким челнокам. Они ткали ее из своего горя, упорства и непокорной воли. Пак Кым Ок ни на что не сетовала, никогда не отказывалась от трудной работы, приходила одной из первых и возвращалась домой только поздно вечером. Хоть бы кто-нибудь видел, чтобы она уронила слезинку! Только когда она думала о родном ей человеке, на [508] глазах у нее наворачивались слезы, но огонь сердца и самоотверженный труд тут же высушивали их. Ее сердце было мягкое, доброе, но в то же время твердое, упрямое. Когда на участке дороги, которую они строили, прошли, не задев друг друга, первые две грузовые машины, Пак Кым Ок почувствовала огромное душевное удовлетворение. Но она ничего не сказала и молча продолжала свое дело, работая до самых сумерек. По дороге домой, уже когда она подходила к речке, воспоминания снова наполнили ее душу. Только теперь она почувствовала во всем теле усталость, никаких сил идти дальше не было. Самым трудным для нее всегда было пройти этот отрезок пути. Отсюда она видела свой крытый соломой домик, двор, канаву, скалистый южный берег речки, ветви ползучего тэна, свисавшие сверху. Тихо плескалась о берег волна. Плакучая ива на берегу, тонкая, еще без листьев, качалась, овеваемая ветром. Здесь, под этой ивой, они когда-то танцевали...

Подойдя к берегу, Пак Кым Ок опустила на каменную плиту, используемую женщинами при стирке белья. Вода в речке была прозрачная-прозрачная, даже мелкая зыбь не мешала видеть камушки на дне. Два маленьких зеленых рачка гнались друг за другом по кругу. Пак Кым Ок разулась и опустила ноги на дно. Вода была холодная, но ногам стало так приятно... Вымыв их, она стала смотреть, как течение относит взбаламученный ил. Сидела она тихо, не двигаясь, засмотревшись на свое отражение в воде.

Уход за ребенком, работа, тяжелые думы изнурили ее, и все же не только соседки, но и она сама стала замечать, что все больше хорошеет с наступлением весны. Так раскрывается цветок, омытый утренней росой, — каждый его лепесток сверкает, переливается нежными красками, излучает сияние жизни, дышит. Горячая любовь Пак Кым Ок к жизни, упорный труд, мечты о будущем были озарены тем светом, который шел откуда-то из глубины ее души. Поддайся она горестям, и всему этому наступит конец, она станет жалким, несчастным человеком, калекой, и от ее красоты ничего не останется, она поблекнет. Но разве не течет в ее жилах горячая кровь? Разве не она наполняет соками цветок ее жизни? Она вспомнила тот день, когда ее приняли в Трудовую партию. На шахте тогда началось [509] соревнование. Какой это был день? Раскрасневшаяся, взволнованная, она побежала домой. Вымыв на берегу реки ноги, она поправила прическу, привела себя в порядок и чуть слышно открыла дверь. Ен Кым Тхя осмотрел ее с ног до

головы. Он все понял. Схватив ее в объятия, он сжал ее с такой силой, что она чуть не задохнулась, повиснув у него на руках...

Вспомнив об этом, она бросилась домой, словно вспугнутая птица.

Всю ночь она не могла заснуть. Непонятное чувство тревоги все больше путало ее мысли. Переложив ребенка к себе, она прижалась к нему заплаканным лицом. Ей действительно было страшно. Темнота пугала ее, она даже боялась дышать. Почему? Ведь раньше по ночам ей никогда не приходилось испытывать такого чувства. Сколько ночей провела она одна, с ребенком, на теплом кане, прислушиваясь к его спокойному дыханию! Как отдыхала она с ним! Почему сегодня ночь так страшит ее?.. Она уже решила подняться и пойти на шоссе работать, как вдруг в окно постучали.

Испуганная Пак Кым Ок осторожно отворила дверь. Перед ней стоял Ен Кым Тхя.

Ен Кым Тхя остолбенел. Это была она, его жена. Из раскрытой двери на него повеяло родным запахом. Это твой дом, словно говорил этот запах, перед тобой твоя Пак Кым Ок... Однако Ен Кым Тхя стоял на одном месте, словно прикованный к нему, словно душа его покинула тело, и он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Он не верил своим глазам. Неужели это правда, неужели он видит ее?.. Они стояли друг против друга, не в силах раскрыть рта.

Прошло несколько бесконечно долгих секунд. Ен Кым Тхя поднял дрожавшие руки, и в тот же миг она была в его объятиях. Он прижался своим лицом к ее теплоте после сна лицу. Прижавшись к мужу всем телом, Пак Кым Ок повисла на нем, теряя последние силы, и беззвучно заплакала. Да и нужно ли было говорить, как она ждала его. Тревога, страх, бесконечные думы, надежда — все то, что связывало ее с этим человеком в дни и ночи бесконечных ожиданий, нахлынуло на нее, и она не выдержала... Он бережно опустил ее на кан.

— Что с тобой, Пак Кым Ок? Я здесь, я вернулся. [510] Ну посмотри же, разве эти не я рядом с тобой? — говорил он, нежно глядя ее голову.

Наконец Пак Кым Ок очнулась, обняла его широкие плечи, обхватила шею и стала целовать. Она словно обезумела. Губы ее дрожали. Она ни о чем не говорила — ни о шоссе, строительство которого занимало все ее мысли, ни о другой работе, ни на что не жаловалась и только целовала и целовала его замерзшее лицо.

— Ой, что я делаю! — вдруг спохватилась она, устыдившись. — Ты ведь еще не видел нашего ребенка.

Она встала, чтобы зажечь лампу, и подошла к ребенку. Чувство невыразимого счастья опьянило ее. Лампа дрожала у нее в руках, на лице блуждала довольная улыбка. Ен Кым Тхя осторожно прикоснулся к личику ребенка кончиками пальцев.

— Погладь его, — зашептала Пак Кым Ок. — Он такой же, как и ты. Ну же! Ты посмотри, какой он гладенький. — И вдруг, вспомнив что-то, вскрикнула:

— Ой! Поиграй с ним, я приготовлю тебе поесть.

— Не надо, — задержал он ее.

— Как это можно, ты ведь голодный?

— Можно, все можно. Я вижу тебя, и мне ничего больше не нужно. Я совсем не голоден.

Он привлек ее к себе, Пак Кым Ок послушно села рядом.

— Ты... ты ненадолго? — чуть слышно спросила она.

— Скоро должен буду уйти.

Она прижалась к нему, крепко обняла.

— Как я тебя ждала!

— Я знаю. Да и мог ли я не знать этого!..

Проснулась Пак Кым Ок от страшного взрыва.

Больше года она не спала так крепко, так спокойно, так безмятежно, как сегодня, поэтому сначала ничего не поняла. Взрыв повторился. На этот раз он был еще сильнее, весь ее маленький домик закачался. С потолка посыпались пыль, комочки земли. Она

вскочила с кана и выглянула в щелочку, проделанную в оклеенном бумагой окне: над поселком вздымалось пламя пожара. Взрывы следовали один за другим. Самолеты пролетали над их домиком и, отбомбившись, взмывали в небо. Она решила, что самолеты бомбят шахту. Она взглянула на Ен Кым Тхя — привычный к фронтовой жизни, он спал, даже взрывы бомб рядом с ним не могли его разбудить. [511]

В одном платье Пак Кым Ок выбежала на улицу. В зареве пожара она увидела, что люди бегут в ту сторону, где горит огонь... Пак Кым Ок побежала за ними, но ее остановила старуха, волочившая лопату.

— Ты что будешь делать с пустыми руками? Хоть что-нибудь возьми!

Только сейчас Пак Кым Ок сообразила, что она действительно ничего не захватила с собой. Вернувшись домой, она нашла лопату и побежала на пожар.

Горела не шахта. Самолеты подвергли бомбардировке шоссе. Прямым попаданием была уничтожена грузовая машина, останки которой догорали. В огне сгорели водитель и несколько бойцов. А сзади уже скопилось большое количество машин. Водители нервничали; просили скорее исправить дорогу. Пак Кым Ок с другими женщинами работала на засыпке воронки, когда к ней подбежал один из шоферов. Взяв у нее лопату, он велел ей пойти отдыхать, но Пак Кым Ок не послушалась его. Выбежав из толпы, разбиравшей дорогу, она стала носить камни. Она ни о чем не думала: Ен Кым Тхя и ребенок дома, оба спокойно спят. Набрав в подол юбки кучу камней, она поднималась на шоссе, высыпала камни в воронку и бежала за новыми. У нее было такое чувство, словно сама участвует в бою.

Прошло семь дней. Отпуск Ен Кым Тхя заканчивался; Он сидел рядом с женой на теплом кане, крепко прижимая ее к груди своими сильными руками, и целовал, целовал, не имея сил сказать хотя бы слово. Да и нужны ли они были сейчас, эти слова? Что могли они добавить ко всему сказанному? Война еще продолжается, и он должен уходить, нужно терпеть, запрятать горе на самом донышке сердца, только по этому пути можно идти. Все это он сказал своими горячими поцелуями, объятиями, и Пак Кым Ок отвечала ему тем же. Потом он взял на руки ребенка, чтобы поцеловать и его. Ребенок спал. Сердце Ен Кым Тхя сжалось от боли,

— Оставайся с мамой, маленький. Ждите меня...

Вдруг он услышал всхлипывание и быстро обернулся.

— Пак Кым Ок? Ты плачешь?

— Нет,- ответила она тихо и улыбнулась.

— Не надо плакать, — как можно ласковее сказал он, утешая ее. — Пора уже привыкнуть, не в первый раз расстаемся. Нехорошо, когда человек плачет. [512]

Пак Кым Ок потянула мужа за руку и поднесла ее к своему лицу.

— Вот, смотри.

Ен Кым Тхя дотронулся пальцами до ее глаз. Они были влажными. Когда он обнял ее, она уже не могла удержать слез.

— Ложись, поспи, — сказала она сквозь слезы.

— Не спится... Посидим вот так вдвоем. Еще вся ночь впереди.

— Устанешь ведь завтра, пока дойдешь.

— Ничего. Сейчас мне трудно.

— Я всегда тебя вспоминала. Помнишь?..

— Не надо о том, что было. Подумаем о будущем. Знаешь, как будет хорошо, когда разобьем американцев?..

Стало светать. В окно скользнул луч утреннего солнца и остановился на лице Пак Кым Ок. Щеки ее были пунцовые, словно два удивительных цветка. Ен Кым Тхя осторожно сел, ему не хотелось будить ее. Никогда еще он не видел ее такой красивой.

Пак Кым Ок проснулась сразу.

— Уже светло? — удивленно вскинула она брови.

— А ты думала?

— Мне показалось, что это ты дуешь мне в лицо, чтобы разбудить. Тепло-тепло стало. — Улыбка у нее была довольная, счастливая. — А ты все смотрел на меня?

— Любовался тобой. Какая ты красивая!

— Неправда... — Она закрыла лицо руками, но Ен Кым Тхя отнял их.

— Правда. Я даже загляделся. Ты такая красивая...

Краска стыда залила лицо Пак Кым Ок. Она зажмурила глаза, словно от счастья, которое только сейчас раскрылось перед ней. Нет, она увидела это счастье не в том, что он сказал ей; а в его улыбке, в повороте головы. Пак Кым Ок все это поняла и почувствовала сердцем. Прижавшись к нему, она взволнованно зашептала:

— Скорее бы, скорее бы уж закончилась война!..

Как только рядом с ним загрели гусеницы танка, он вскочил на ноги и с криком «ура!» бросился вперед. [513] И тотчас весь лес, словно по команде, огласился могучим победным криком:

— Ур-ра!..

Людская волна хлынула на поле и покатилась, клокочущая, бурлящая, навстречу «врагу». Ен Кыт Тхя чувствовал, что все его тело наполняется силой. Он забыл обо всем. Мелькали, оставаясь позади, горы, поля, лес, а он все бежал и бежал, увлекая за собой бойцов.

Политком, командир корпуса, Юн Тя Ги, прильнув к биноклям, смотрели, как развертывалась атака. Ряды бойцов двигались цепью вперед, не задерживаясь ни на секунду.

— Молодцы! — восхищенно сказал комиссар. — Вот это ярость! Смотрите, они уже взялись за гранаты. Сейчас начнется рукопашная.

Впереди всех бежал Ен Кым Тхя; в бинокль было хорошо видно, как он взмахнул рукой своим бойцам, очевидно, передавая команду. Бой развивался в глубине обороны «противника». Его взвод то делился на отдельные группы и бойцы уверенно действовали в одиночку, то собирались в линию и вырывались вперед, словно стремительные стрелы.

Учения завершились только после полудня и продолжались в общей сложности шесть часов.

Командир корпуса дал рукой знак собирать войска.

Командиры, наблюдавшие за боем с холма, спустились вниз. Войска направлялись в лес, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок. Командиру корпуса и политкому захотелось посмотреть, как себя чувствуют бойцы. Бойцы были с ног до головы облеплены грязью, но настроение у всех было бодрое, приподнятое.

Около отдыхавшей группы бойцов командир корпуса остановился.

— Откуда родом, товарищ?

— Из Ганвэндо, товарищ комкор, — бодро ответил один боец.

— А ты?

— Из Букхайдо...

Бойцы стояли прямо, смело смотря в глаза командиру корпуса.

— Когда пришел в армию?

— В прошлом году, в мае.

— Привык к армейской жизни? [514]

— Привык, — весело улыбнулся боец.

— Привыкать надо, — серьезным тоном сказал Пак Хен Ен, словно разговаривал с самим собой. — Каждый человек должен служить родине. Так?

Так точно, товарищ комкор!

— Всем нам нужен мир, но его нужно завоевать. Если войну не остановить, она поползет по всему свету, как сорная трава. Мира не ждут, — с этими словами Пак Хен Ен подошел к группе бойцов, среди которых увидел Ен Кым Тхя. — Верно я говорю?

Ен Кым Тхя вытянулся. Лицо его было потное, он даже не успел вытереть его.

— Верно, товарищ командир корпуса!

Бравый вид Ен Кым Тхя напомнил комкору недавнее прошлое, когда шахтерская дивизия еще только формировалась, первые бои, показавшие силу рабочего класса, внушительные удары по врагу. Молодые, еще не обстрелянные бойцы и виду не подавали, что им страшно. Даже в самой сложной обстановке они держались уверенно, готовые выполнить любое его приказание.

— Да-а, товарищей твоих мало осталось. В дивизии сейчас...

— Немного, товарищ командир корпуса, — сдержанно ответил Ел Кым Тхя.

— А помнишь Нактонганское сражение?

— Как же, конечно, помню... — Ен Кым Тхя сказал это, чувствуя гордость за свои слова. Глаза его заблестели.

— Где же теперь те трое?

Ен Кым Тхя опустил голову.

— Один я остался...

Каждый раз, встречая старых бойцов, ветеранов дивизии, Пак Хен Ен неудержимо тянулся к ним.

— Помнишь, как там было, на Нактонгане? — Его глаза повлажнели. Внутреннее волнение не давало ему говорить. — Да-а, Нактонган! Какая красивая река! Глубокая, широкая. Изумруд!..

Нактонган Пак Хен Ен полюбил сразу, как только увидел эту красавицу реку. В первом же сражении они нанесли лисынмановским и американским войскам сокрушительный удар. Без особого труда они гнали противника до самого Нактонгана, где нанесли ему второй [515] удар. Если бы американцы не высадили десантов в Инчхоне и Вонсане, остатки разбитых лисынмановских войск были бы сброшены в море. Последний бой оставил в его памяти неизгладимое впечатление. Он не мог забыть ни Нактонгана, ни моря, которое было перед глазами.

Он махнул рукой Юн Тя Ги, стоявшему в ожидании дальнейших распоряжений.

— Ведите войска по домам!

Длинной цепочкой войска вытягивались на дорогу. Вместе с пехотой шли танки, артиллерия. Дорога то круто поднималась по склону горы, то шла вниз. Бойцы дружно пели походные песни.

Пак Хен Ен сел в маленький «джип». Машина медленно пробиралась вслед за танками и пехотой. После напряженных корпусных учений, продолжавшихся весь день, на душе у него снова было тяжело. Видя тихие, безлюдные деревушки, прижавшиеся к горам, влажную, оттаявшую землю, дождавшуюся наконец весны и сменившую белый саван на другой наряд, говоривший о жизни, о цветах, которыми скоро запестрят поля, он думал о другом — о гигантской мрачной тени войны, которая нависла над ними, о грохоте стали, дыме пожарниц, о бактериях, сбрасываемых врагам на эту землю... Глаза его неподвижно смотрели вдаль, в ту сторону, где за горами простирался бескрайний синий Тихий океан. Там, за океаном, была Америка — очаг войны.

81

Ночь. Дует ветер, протяжно завывая в лесу.

В штабе корпуса получен приказ. Американцы проводят учения с применением атомного оружия. Войска на фронте осуществляют перегруппировку, части второго эшелона перебрасываются на передний край. Очевидно, наступление начнется после того, как атомная бомба будет сброшена. На аэродромах и посадочных площадках сосредоточено большое количество самолетов, которые должны будут сбросить в тылу парашютные войска и танки. Во взаимодействии с наступающими на фронте войсками они будут обеспечивать прорыв и окружение обороняющихся частей... [516]

Люди засуетились. Телеграфный аппарат не переставал отбивать дробь. Заработали походные рации.

Заседание военного совета закончилось быстро. Юркие вездеходики один за другим покинули деревню, в которой размещался штаб корпуса, и вылетели на шоссе на полной скорости.

Войска начали сосредоточиваться.

В лесу, где собирались на построение части дивизии Юн Тя Ги, звонкий голос запел:

*Ветер вьюжный, ты всю землю и горы обшарил,
Ночь угрюмая, ты подолгу таилась в лесах,
Кто из вас назовет нам бойца, о котором
Партизанская слава и поныне у всех на устах?
Ответим, ответим мы всем: Это наш генерал Ким Ир Сен!..*

От этого дружного многоголосого возгласа вздрогнула ночь, задрожали горы и леса. Ен Кым Тхя обернулся и метнул стремительный взгляд на свой взвод. Бойцы стояли не шелохнувшись.

К войскам вышли командир дивизии Юн Тя Ги и комиссар Цой Сан Кэм.

Войска выступили на юг. Холодный ветер сметал с дороги последние остатки снега. Шли молча. Но даже в этом молчании чувствовалось огромное возбуждение, люди не хотели нарушать строгого порядка движения колонны. Горы, заболоченные рисовые поля остались позади. Ветер доносил с полей пьянящий аромат земли, весна начала свой стремительный бег по дорогам Кореи. Никто не оборачивался. Вперед, только вперед! Родная земля должна быть вся очищена от врага, до последней пяди!

82

Снаружи постучали, кто-то попросил разрешения войти. Разбуженный стуком, Шан Чжи-ин быстро встал.

— Да?

Вошел ординарец, вручивший ему пухлое письмо. Шан Чжи-ина в жар бросило, как только он увидел на конверте знакомый почерк. Четыре месяца! Четыре месяца он ждал этого письма, и вот оно! Наконец-то! Руки у него дрожали, он долго не мог овладеть собой и заставить себя вскрыть конверт. Четыре месяца! Как пережил он эти четыре месяца, вряд ли он мог теперь вспомнить. [517] В памяти возникло другое — момент расставания. Они идут вдвоем по лесу, держась за руки, а сосновый лес такой красивый, такой обворожительный... Вдруг лес исчезает и вместо него он видит картину пожарища: огромные деревья, выдернутые с корнем силой взрыва, валяются обугленные на земле, словно по ней прошелся бурелом; тоненькая, до боли знакомая фигурка в белом мечется в дыму, в огне, среди наваленных деревьев, зовет его...

Налет на госпиталь вражеская авиация совершила на рассвете. Когда люди, испуганные взрывами и еще не понимающие спросонок, что же произошло, выбежали на улицу, бомбы падали уже на территории госпиталя. Огнем была охвачена землянка, в которой разместились хирургическая. Выздоровливающие и легкораненые успели выбежать; раздирающие душу крики доносились из отделения для тяжелораненых. Ван Шу-цинъ побежала туда. В палате уже находились врач, сестры, санитары с носилками. Все спешили, стараясь поскорее вынести больных. Огонь, вызванный вылитым на землянку горящим напалмом, быстро расползлся во все стороны, языки пламени облизывали уже верхушки сосен. Словно гигантская змея, струя огня извивалась, шипела, поглощая все, что попадалось ей на пути. Бомбежка продолжалась, самолеты, идя на бреющем полете, обстреливали мечущихся людей из пулеметов. Остановившись на миг в

дверях, Ван Шу-цинъ увидела своего раненого — он судорожно сжимал спинку кровати, не имея сил подняться. Его глаза смотрели на нее с мольбой и ужасом. Раздумывать было некогда. Она опустилась рядом с ним на корточки и крикнула:

— Берись за шею. Ну, скорее! Я отнесу тебя... Раненый сокрушенно замотал головой — что могла сделать с ним эта маленькая, худенькая женщина, разве у нее хватит сил? Ван Шу-цинъ заволновалась. Чего он думает, этот верзила! Она посмотрела на него злым взглядом и прикрикнула так, что парень весь сжался. — А ну!

И, схватив его за руку, заставила делать то, что она прикажет. С большим трудом ей удалось взвалить раненого себе на спину. Бежала она с одной мыслью: скорее отнести раненого в безопасное место и вернуться назад — в палате остались еще раненые. [518]

— Ты куда бежишь сломя голову? Сюда! — окликнули ее.

Она оглянулась и увидела санитаря, который нес на себе раненого. Санитар показал ей, куда нужно идти. Это было узкое ущелье, надежно укрывающее от бомбежки. Здесь была вода, можно было хорошо устроить раненых и не было этого страшного огня. Осторожно опустив раненого на камень, она сказала:

— Не бойся, товарищ, я скоро вернусь. Там еще есть раненые.

И побежала. Лес был окутан плотным дымом, трещали охваченные огнем деревья, разбрасывая вокруг себя тучи искр, в нос бил острый запах смолы. Ван Шу-цинъ бежала, на ходу поправляя выбившиеся из-под косынки волосы. В палате для тяжелораненых она натолкнулась на большого, уже успевшего добраться до двери. Он стоял на одной ноге, держась за дверную филенку, и растерянным взглядом смотрел, как бушует огонь.

— Скорее, давай! — заторопила его Ван Шу-цинъ, подбежав, и подставила свою спину. Она сама не понимала, откуда у нее взялись силы. — Нет, нет, не так. Обхвати меня за шею, сильнее!..

Раненый бессильно повис на ней, вцепившись в халат сзади. Ворот халата стал давить ей шею, она с трудом дышала, лицо от натуги налилось кровью. Придерживая раненого обеими руками, она побежала по горячей земле.

Через минуту она снова была около землянки. Она никого ни о чем не спрашивала, ни на что не обращала внимания. Нужно было скорее спасти людей. Семеро раненых уже были вынесены ею в ущелье. Последним был боец, обгоревший во время взрыва снаряда с напалмом. Его лицо и голова были забинтованы, он ничего не видел. Несла она его на себе из последних сил. В это время поблизости разорвался снаряд, взрывной волной ее опрокинуло наземь и засыпало землей. Схватив раненого за руку, она вскочила и быстро заговорила:

— Не обращай внимания, ничего не случилось. Давай!..

С трудом взвалив его на спину, она пошла дальше. До ущелья было уже недалеко. Но тут совсем рядом разорвалась еще одна бомба. Самолеты бомбили [519] госпиталь на втором заходе, бомбы густо ложились в районе операционной и хирургической. Сзади кто-то закричал сдавленным голосом:

— Правее, правее держись! Поднимайся на гору!..

Ван Шу-цинъ ничего не видела впереди себя. Она шла, словно в темноте, все время то на кого-то натываясь, то спотыкаясь о камни, о горящие бревна. Сзади что-то кричали, но что именно — разобрать она не могла. Подниматься по крутой горе у нее не было сил. Возможно, ей было бы легче идти, цепляясь руками за ветви деревьев, но обе руки были заняты. Ноги у нее подкашивались. Ей казалось, что она не имеет в них никакой опоры.

— Держись, товарищ, крепче, — все время повторяла она.

Бомба, которая только что разорвалась рядом с ней,, отняла у нее последние силы. А как они нужны были ей сейчас! Идти она уже не могла. Она ползла на животе, одной рукой поддерживая раненого, другой цепляясь за корни деревьев. Иногда ей удавалось упереться одной или двумя ногами во что-нибудь твердое, и тогда ползти было легче, но она сама чувствовала, что ее усилия не дают ощутимого результата. Позвать кого-нибудь на помощь? Для этого нужно было оставить раненого, а этого сделать она не могла. Она

понимала, что тогда сама не сможет сделать ни одного движения и останется лежать совершенно беззащитная. Раненый придавал ей силы, ее поддерживало сознание того, что она несет за него ответственность. Наконец ей удалось доползти до кустов. Ноги все чаще нащупывали себе опору, и она могла подтянуться на несколько сантиметров вперед. Чтобы не вскрикнуть, она прикусила нижнюю губу. «Держись, товарищ!..» И вдруг Ван Шу-цинц услышала нарастающий вой, от которого вся кровь застыла в жилах. Надо было бежать, но у нее не было никаких сил даже для того, чтобы подняться. Она лишь успела крикнуть: «Не бойся, товарищ!» — и навалилась на раненого всей тяжестью своего тела. В этот момент впереди раздался взрыв и их заволокло дымом, огнем, засыпало землей. Все это произошло в одно мгновение, раненый даже не успел перевернуться, чтобы закрыть Ван Шу-цинц. Он лишь почувствовал, как все ее тело вздрогнуло и сразу обмякло. Тонкая горячая струйка потекла на его шею. [520] Он все понял. Обняв ее обеими руками, он пронзительно закричал.

Ван Шу-цинц помнила одно — в глазах все померкло и что-то тяжелое ударило ее по голове. Когда к ней подбежали санитары, она была без сознания. Она лежала тихая, спокойная, словно во сне, словно этот взрыв освободил ее от многодневной усталости и она получила, наконец, долгожданный отдых. Лицо у нее было бледное, глаза, закрыты, выражение умиротворенное. Бывает ведь так: сидит человек за столом, работает, и вдруг им овладевает дрема, жизнь оставляет его; но стоит ему очнуться, как жизнь снова возвращается и он работает как ни в чем не бывало... Когда Ван Шу-цинц укладывали на носилки, она была в глубоком обмороке. Потом ее переложили в кузов машины. Она ничего этого не чувствовала. Машина тронулась. На миг ей показалось, что она плывет куда-то на пароходе, но тут же снова впала в забытие. На следующий день ехавшие с ней в машине люди заметили у нее на ресницах две слезинки. Возможно, на какой-то миг она очнулась и пришла в сознание, но когда ее стали звать, она не ответила. На одном участке дороги машину стало сильно трясти, и Ван Шу-цинц вдруг открыла глаза. Над ней было небо. Звезды бежали от нее назад, мелькали рядом горы, леса... Она слабо пошевелила головой. Где она? Что с ней происходит?.. Потом она опять потеряла сознание. А машина все шла и шла на север. Ее снова стало трясти. От боли Ван Шу-цинц очнулась. В это мгновение в ее мозгу, словно в калейдоскопе, замелькали какие-то обрывки воспоминаний: работа, раненые, Мао-мао, Шан Чжи-ин, родина... Все эти воспоминания непрерывно возвращались. То они появлялись врозь, то вместе, но когда она хотела ухватиться за что-нибудь одно, поближе присмотреться к нему, оно сразу исчезало. Ее мысль не могла сосредоточиться на одном, словно ее голова была расколота на несколько кусков и каждый кусок отражал что-то свое, запечатленное и сохранившееся у него в памяти.

В таком состоянии Ван Шу-цинц и привезли на родину. В госпитале она находилась целых четыре месяца. Написать Шан Чжи-ину обо всем, что с ней случилось, она боялась: это будет для него тяжелым ударом, он уже достаточно перетерпел из-за нее. Но и не написать [521] она не могла: что он будет думать? О том, что он был в уничтоженном бомбардировкой лесу, она не знала... С каждым днем она чувствовала себя все более беспокойно. А тут еще американцы начали бактериологическую войну. В конце концов она решила и села за письмо.

Вместе с письмом Ван Шу-цинц военно-полевая почта доставила Шан Чжи-ину целую кучу писем. Сколько в них было мыслей и ласковых слов матерей и жен, сколько проклятий честных людей труда в адрес американского правительства, покрывшего себя позором за свои преступные, направленные против гуманности, действия!

Я все время думаю о тебе. Эти четыре месяца были для меня, словно четыре года. Я не хотела сообщать тебе, что была ранена, — ты так устаешь на работе. Мне не хотелось доставлять тебе огорчения. Но ведь ты знаешь... Я плохо сплю, думаю о Корее, о тебе. Как ты себя чувствуешь? Как все наши товарищи? Американцы злобствуют. Люди в тылу работают днем и ночью. Медицинские работники во всех больших городах требуют, чтобы их отправили на фронт. Чжи-ин, сообщи мне, что тебе надо. Если бы у меня были крылья, я полетела бы к тебе, родной мой...»

От волнения Шан Чжи-ин долго не мог прийти в себя. Но когда, наконец, он собрался с мыслями и решил засесть за ответное письмо, по телефону передали распоряжение из штаба дивизии. Положив трубку, он тут же снял ее и вызвал Инь Цин-си.

— Дружище, едешь в Аньдун за новыми орудиями. Новых образцов, понимаешь ты это? Народ на родине на свои трудовые сбережения купил, чтобы подарить нам. Поедешь один. Все узнаешь в Аньдунском управлении.

Он хотел представить себе выражение лица Инь Цин-си в этот момент, но тот уже вбежал сам, раскрасневшийся, возбужденный, еле переводя дыхание.

— Ты откуда узнал это?

— А что, разве плохо?

— Это правда? [522]

Кто на фронте не завидовал тем, кому выпадало счастье отправиться на родину! Инь Цин-си просто не осмеливался верить своей счастливой судьбе. Он смотрел на Шан Чжи-ина во все глаза,

— Выезжаешь немедленно!

Удивление сменилось радостью. Он понял, что Шан Чжи-ин не шутит.

— Что нужно с собой брать?

— Подожди минутку. — Шан Чжи-ин подошел к столу и через несколько минут вручил ему письмо. — Передашь его ей. Адрес на конверте.

Инь Цин-си улыбнулся.

— Все будет в порядке. — Теперь он мог только улыбаться, все казалось ему безоблачным, легко доступным.

— Если тебе удастся выкроить время, навести ее сам.

Он задумался и подсчитал на пальцах:

— Сегодня, завтра, послезавтра. Послезавтра вечером ты будешь в Аньдуне. Сколько времени думаешь пробыть там? — И, не ожидая ответа, сам сказал:

— Долго не задерживайся. Весеннее наступление противника вот-вот может начаться. Американцы сами видят, что бактериологическая война гроша ломаного не стоит. Эти мухи, блохи и мыши заменить солдат не могут. И мы ждать не можем. Но я не против, чтобы ты провел там дня два. Все-таки столько времени не был на родине!

Инь Цин-си покраснел.

— Ну, это не так уж важно, — смущенно развел он руками. — Главное работа. Какие еще будут распоряжения?

— Только одно — собирайся и поезжай.

Поднимаясь из укрытия КП полка на поверхность, Инь Цин-си слышал, как политком сказал Шан Чжи-ину: «Вот счастливчик!» Он действительно чувствовал себя сейчас счастливчиком... В батальоне ему не сиделось — утомительным было ждать наступления сумерек! Сопровождение с командирами продолжалось недолго, обязанности между ними на время своего отсутствия он распределил, однако отправляться было еще рано, и он решил сходить на позиции. Солнце медленно клонилось к западу. Осмотрев орудия, он направился к бойцам. [523] Потери в ротах были довольно ощутимые. Из строя выбыло четыре орудия, однако порядок чувствовался во всем.

— Как, товарищи, есть письма домой? — спросил он подходя.

— Есть. А вы на родину собираетесь, товарищ комбат?

— Еду. Новые орудия для нас получать.

Новость сразу облетела все роты. Пока Инь Цин-си обходил позиции, ему было вручено несколько десятков писем. Люди смотрели на него, не скрывая завистливых взоров, бежали за ним, обгоняя друг друга.

— Товарищ комбат, передайте привет родине, о здоровье наших справьтесь.

— А как посоветуешь справляться? Каждого, кого встречу, спрашивать?

— Вы только посмотрите все как следует. Вернетесь — расскажете нам.

— Обязательно посмотрите, какие виды на урожай, товарищ комбат.

— В Пекине тоже будете?

— Нет, только до Аньдуна еду.

— Ялуцзян увидите. В Аньдуне жарко теперь, американцы бомбят... Все осмотрите внимательно.

— О родине думаете, ребята! — вздохнул Инь Цин-си. На миг у него возникла мысль отказаться от поездки и послать вместо себя кого-нибудь из бойцов. Но разве можно было упустить такой случай! Ведь он увидит все своими глазами!

Перед сумерками к штабу батальона подкатил «джип». Инь Цин-си ничего с собой не взял, кроме шинели. Забравшись на сиденье рядом с шофером, он осмотрелся по сторонам и спросил связного:

— Ничего не забыл?

— Ничего.

Он обернулся к водителю:

— Поехали!

Сумерки сгущались, ночь вступала в свои права. Машина мчалась по шоссе, как на крыльях. Горы по обеим сторонам дороги отодвигались назад со стремительной быстротой. Они неслись навстречу, словно распластанные крылья гигантской черной птицы, перед самой машиной делали взмах и исчезали, чтобы уступить место [524] новым. Инь Цин-си смотрел по сторонам, стараясь увидеть знакомые места, но не находил их. Дорога изменила свой облик. Не было узкого проселка, перед ними простиралось широкое, добротное шоссе, по которому можно было мчаться на полной скорости. Иначе выглядели и горы по обеим сторонам шоссе, нигде не было видно следов ран, оставшихся в памяти с прошлого года, они оделись в новый наряд. Навстречу летел мягкий, чуточку влажный ветер. Весна! Инь Цин-си дышал полной грудью. Он все еще думал о том счастье, которое выпало ему неожиданно-негаданно. Если бы ему сказали о предстоящем отъезде неделю тому назад, он бы всю неделю не находил себе места, он бы не мог спать. Да что там говорить, когда даже сегодня он весь день сам не свой и сам не понимает, что с ним делается!

На изгибе шоссе стоял пост противозвушной обороны. Таких постов тоже не было в прошлом году, когда они двигались к фронту.

— Что за деревня, товарищ? — спросил Инь Цин-си у постового, высунувшись из машины.

— Хёнри.

— Впереди, значит, Сепхори?

— Так точно.

Шоссе втянулось в узкое ущелье, за которым начинался подъем в гору. Впереди простиралась широкая полоса тумана, до Северного Хангана оставались считанные километры. В прошлом году, когда они переправлялись здесь через него, противник бомбил переправу при свете осветительных ракет. Сегодня здесь все было тихо, спокойно. По дороге навстречу все время шли машины, лишь на короткий миг включая фары. Неприятельских самолетов почти не было видно.

— За сколько дней сможем добраться до Аньдуна? — спросил он водителя.

Он знал, что дорога до Аньдуна отнимает три дня, но спросил произвольно, думая в это время о родине, которую уже видел в своем воображении.

Водитель понял состояние комбата;

— За два.

— За два? — удивился Инь Цин-си. — Обычно ведь уходит...

— За два тоже можно. Дорога хорошая.

Не снижая скорости, «джип» перевалил Чхелъен, [525] Синкосан и теперь шел довольно широким оврагом Мадзёнри. Еще один поворот, и они въехали на дорогу, которая вела к городу Яндок. Она шла по узкому длинному ущелью рядом с железнодорожной линией. Никаких следов прошлогодней бомбежки этого ущелья Инь Цин-си не заметил, хотя хорошо помнил, как оно выглядело, когда они здесь проходили. Увидя паровоз, тащивший за собой длинный состав, он по-настоящему обрадовался. Но в это время послышался сигнал воздушной тревоги, оповестивший о приближении вражеских самолетов. Больше всего Инь Цин-си испугался за железнодорожный состав. На насыпи разорвалась первая бомба. В небо взметнулся столб дыма. Инь Цин-си смотрел на этот дым, дрожа всем телом, он был уверен, что состав вот-вот покатится с насыпи. Но прошло не больше минуты, и до его слуха донесся протяжный гудок. Вскоре из дыма и огня показался сам паровоз. Он шел вперед, не снижая скорости, дробно стучали колеса вагонов...

— Война!.. — тяжело вздохнул Инь Цин-си, устало откидываясь на спинку сиденья.

Когда он впервые прибыл в Корею, ему казалось, что эта война ничем, собственно говоря, не отличается от тех, в которых ему уже приходилось участвовать, разве только более жестоким характером. В действительности все оказалось совсем не так, как он думал. Две силы стояли одна против другой. Враг разрушал, народ строил — восстанавливал и расширял дороги, проводил новые, удлинял железнодорожные пути. Куда шла война, туда тянулись дороги, шли воинские составы, фронт и тыл были единым, огромным, ни с чем не сравнимым механизмом, который работал четко, как часы. Таких перемен он даже представить себе не мог,

На второй день Инь Цин-си встретил по пути части Народной армии Кореи, двигавшиеся к фронту. Машина замедлила ход, дорога была забита. Узнав, что это те самые войска, которые они сменили в прошлом году, Инь Цин-си оторопел. Что значит на один день оторваться от своих, оказаться наедине с самим собой! Человек становится слепым, глухим, он ничего не знает... Неужели сегодня ночью на фронте произошло новое изменение? Корейцы совершают марш или у них какое-нибудь [526] особое задание? Пехота, артиллерия, танки... Разве он не вчера покинул свой полк?.. Нет, он все равно не может возвращаться, не имеет права. Вскочив в машину, он спросил шофера:

— Можно еще быстрее?

Водитель кивнул головой.

Инь Цин-си сунул ему в рот сигарету и поднес горящую спичку. Водитель усмехнулся: он понял нехитрый маневр комбата,

Промелькнули Тэдонган, Чэнчэнган, Сунчэн. Далеко позади остался Восточный фронт. Начинался холмистый район Западного побережья. На горизонте засияла длинная цепочка электрических огней.

Инь Цин-си не мог спокойно сидеть, он готов был выскочить на дорогу и бежать, обгоняя машину.

«Родина! Ты по-прежнему сияешь светом электрических огней! Мы охотно примем на себя любую кару, только бы ты была всегда такой!..»

Его глаза наполнились слезами; чем больше он тер их, тем больше их становилось, и в то же время счастливая улыбка не сходила с его лица. Впереди был Аньдун.

Из маленького деревянного домика на берегу реки вышли два бойца. Один был с отличительными знаками погранвойск корейской Народной армии, второй — в форме

китайских народных добровольцев. Кореец взмахнул красным флажком, машина остановилась. На чалась проверка документов, номера машины, числа пассажиров... Убедившись в правильности документов, проверяющий велел Инь Цин-си и водителю выйти из машины; откуда-то выбежали три девушки в белых халатах и марлевых повязках, наполовину закрывавших лица. Они проверили справки о противоэпидемических прививках, потом опрыскали машину и багаж дезинфекционной жидкостью и разрешили ехать дальше.

Сразу же за Ялуцзяном начиналась городская улица. Странно было видеть ее, застроенную бесконечным множеством домов, после только что оставленных гор. Чем-то родным повеяло от них, дорогим и близким сердцу. Город мирно спал. [527]

— Куда? — спросил водитель. — В гарнизонную гостиницу?

— Не-ет, — протянул Инь Цин-си. — Сперва посмотрим на орудия. — Он действительно думал теперь о них.

«Джип» проскочил еще несколько улиц, обогнул сторожевую башню, наконец остановился у входа в большое здание. Инь Цин-си передал свои документы и прошел внутрь. Вдоль стен, по комнатам почти всюду спали люди. Бодрствовали только дежурные. Быстро оформив документы, дежурный офицер повел Инь Цин-си во двор.

Такого количества орудий Инь Цин-си никогда еще не видел. Они стояли бесконечными рядами, укрытые от дождя брезентом. Откинув брезент в одном месте, дежурный офицер самодовольно посмотрел на Инь Цин-си. Орудия были совершенно новенькие, отливавшие зеленой краской, словно лак. На стволе первого орудия были выведены четкие иероглифы: «Сопrotивление Америкe, помощь Кореe. Защитим свои дома, отстоим родину!» Инь Цин-си нежно дотронулся одной рукой до ствола... Каждое орудие он осматривал придирчиво, со всех сторон, все больше и больше восхищаясь. Он совсем забыл о том, что только что с фронта, что находится в Аньдуне, у себя на родине. Грозные, величественные орудия оттеснили все другие мысли, словно в каждом из них была его душа. Он почувствовал какую-то особую гордость, у него словно выросли силы, энергия, понимание самого себя. Каких трудов стоило людям получить эти орудия, на них они возлагали все свои надежды, им отдавали всю свою волю, свои жизни... Он обходил орудия, словно строй почетного караула, подолгу задерживаясь у каждого, пока сопровождавший его офицер не спросил:

— У тебя уже есть место, где переночевать?

Только теперь Инь Цин-си спохватился, что ему действительно еще нужно получить койку в гостинице. Вскочив в машину, он растолкал дремавшего водителя.

— Уснул? Поехали в гостиницу.

Машина выехала на тихую улицу...

Было уже утро, когда Инь Цин-си проснулся. Больше спать ему не хотелось, и, встав с постели, он распахнул окно. В комнату ворвался шум большого города. Ласково светило весеннее солнце, город просыпался, согретый розовыми лучами. Шумел на все голоса базар, [528] кричали разносчики товаров, зазывая покупателей, весело гудели паровозные гудки. И вдруг в эти голоса ворвался сигнал воздушной тревоги. Город сразу изменил свой облик. Когда Инь Цин-си выбежал на улицу, в небе уже слышался приближающийся рев моторов. Прятаться в щель он не захотел и остался наблюдать за действиями самолетов. В это время высоко в голубом небе родины вверх потянулось несколько белоснежных нитей, на заостренных концах которых в лучах солнца сверкали маленькие, как стрекозки, серебряные ласточки. Они забирались все выше, выше, пока сделались совсем невидимыми. Инь Цин-си насчитал пятьдесят самолетов — пятьдесят реактивных самолетов, о которых так мечтали бойцы на фронте. Это было такое красивое зрелище, что Инь Цин-си забыл обо всем другом, даже о воздушной тревоге. Но вот загрели зенитные орудия. Никаких самолетов не было видно, лишь плотные белые нити перечеркивали небо в разных направлениях. Вдруг в небе вспыхнул сноп огня и стал стремительно падать вниз. Когда он был уже недалеко от земли, люди ясно увидели на

борту самолета белую пятиконечную звезду. Вслед за первым самолетом загорелись еще два. Люди бежали из щелей, кричали, хлопали в ладоши. Инь Цин-си стоял ошеломленный — за те восемь — девять месяцев, что он находился на фронте, родина сумела создать свою могучую авиацию!.. Вернувшись в гостиницу, он взял письмо, которое ему дал Шан Чжи-ин, и быстрым шагом направился по указанному на конверте адресу. Оказалось, что ему идти совсем рядом, в соседний двор. Он постучал в дверь два раза.

— Есть кто-нибудь?

Ван Шу-цинцунь расчесывала в это время волосы. С утра чувствовала она себя сегодня беспокойно, словно что-то обязательно должно было произойти, поэтому, когда в дверь постучали, она вздрогнула от испуга. Вошедший был ей незнаком. Инь Цин-си представился и передал ей письмо. Ван Шу-цинцунь зарделась.

— Садитесь, пожалуйста, — чуть слышно сказала она. — Когда вы собираетесь возвращаться обратно?

Инь Цин-си подумал немного, потом сказал:

— Думаю, завтра вечером.

— Ведь вы только сейчас приехали?

— Да. [529]

— Не хотите и двух дней побыть у нас? — Она сказала это, мягко улыбнувшись, и вдруг спросила Инь Цин-си в упор:

— Я могу ехать вместе с вами?

Инь Цин-си испугался. Шан Чжи-ин поручал ему передать ей письмо, никаких других распоряжений от него не было. Он не знал, как ему поступить — согласиться или ответить отказом.

— У меня все документы на выезд в Корею уже оформлены. А больше мне ничего брать с собой не нужно. — Она достала пропуск и показала Инь Цин-си.

Несколько минут Инь Цин-си молчал, раздумывая. Потом встал и сказал решительно:

— Ладно! В таком случае едем сегодня вечером...

Когда Ван Шу-цинцунь со своим узелком подошла к гостинице, «джип» уже был готов к отправке. Она забралась на заднее сиденье.

Колонна выступила. Впереди ехал «джип», сзади на прицепе грузовиков катили орудия. Пройдя мост через Ялуцзян, колонна направилась прямо на юг.

85

У Шан Чжи-ина не было времени тщательно разобраться в том, что произошло, и все же полученное сообщение очень обрадовало его. Задержанный при переходе через линию фронта кореец в гражданской одежде имел при себе письмо, в котором сообщалось, что командир одного батальона лисынмановской армии хотел бы капитулировать. На следующий день вечером было получено еще одно письмо: жена этого командира находится сейчас в военном госпитале в Янгу и он хочет взять ее с собой, с этой целью он послал в Янгу своего человека; срок сдачи сообщит, когда она придет. Ждали в общем три дня, наконец окончательный ответ был прислан. Ночью Шан Чжи-ин направил к указанному в письме месту усиленный отряд, проверил всех людей, выделил ответственных командиров, а сам остался ждать у телефона на переднем крае.

Стрелки часов подползли к двенадцати, движения никакого не было. Прошла полночь. Но вот в кустах замелькали темные силуэты людей. Командир, выделенный для установления связи, пошел навстречу. Из кустов [530] поднялось восемь человек, среди них одна женщина. Сомнений быть не могло.

Один из поднявшихся сделал шаг вперед.

— Командир батальона — я.

Перешедших под охраной доставили в штаб полка. Этой же ночью они были в штабе дивизии.

- Разве вы не собирались прийти со своим батальоном? — спросил комдив.

— Американцы всегда посылают впереди себя лисынмановских солдат. Но это еще не значит, что они доверяют им, — покачал головой командир батальона.

— Я понимаю, что вы имеете в виду.

— Каждый шаг полка и даже батальона должен быть согласован с американским советником.

— Чем сейчас заняты американцы? — спросил комдив, медленно расхаживая из угла в угол.

— Они озабочены сейчас больше всего вашим наступлением со стороны Северной Кореи.

Комдив задумчиво склонил набок голову.

— По всем данным, американцы сами готовятся начать весеннее наступление, — заметил заместитель комдива Ван Цзянь.

— Это другой вопрос, — махнул рукой комдив. Минуту он молчал, потом добавил:

— Противник понимает, что он уже потерял инициативу действий. Инициатива определяется не только количеством войск. В ходе пяти сражений мы дрались именно за это. Сейчас инициатива прочно в наших руках. Наступление противника может быть только пассивным, это решает все...

Весной 1952 года на Корейском фронте снова началось оживление. Противник приступил к перегруппировке своих сил. Уставшие, измотанные в зимних боях дивизии отводились в тыл, на их место перебрасывались полностью, укомплектованные и подготовленные воинские части из второго-эшелона. На всех коммуникациях, ведущих к фронту, днем и ночью нескончаемым потоком двигались грузовики с пехотой, боеприпасами, продовольствием, военными материалами.

Позади переднего края непрерывно раздавались взрывы — противник строил новое шоссе вдоль всей линии фронта. Ущелья и теснины по обе стороны шоссе были завалены всевозможными грузами. Мелкие операции на переднем крае начали пехотные [531] подразделения — ночные вылазки, засады, разведку. Активизировала свои действия авиация. Она совершала один налет за другим на важнейшие коммуникации в тылу корейско-китайских войск и сбрасывала на позиции переднего края бомбы крупного калибра.

В небе над позициями днем и ночью кружили американские самолеты, оборудованные мощными говорящими установками.

— Сдавайтесь, корейские коммунисты! — призывало радио.

— Войска Объединенных Наций готовят мощное наступление!

Голос был монотонный, вьедливый. Временами он гремел совсем близко, временами отдалялся и был едва слышен.

Приметы готовящегося наступления с каждым днем становились все более заметными. По-видимому, крупная военная операция уже была подготовлена и наступление должно было начаться с прорыва фронта одновременно с развертыванием бактериологической войны. Синие стрелы на карте, указывавшие размещение войск противника, были нацелены на район гор.

В приказе штаба армейской группировки говорилось: «Захватывать инициативу в свои руки, сорвать подготовку противника к наступлению».

С разработанным в штабе планом заместитель командира дивизии Ван Цзянь снова выехал в район Мундынри. Посещение фронта оставило на этот раз совсем другое впечатление. Вечерняя заря раскрывалась, словно парчовое покрывало, расшитое причудливыми, меняющимися каждую минуту свои очертания узорами облаков и соцветий. Синие горы уходили вдаль. Окрашенные лучами зари, сосновые леса словно выплывали из марева тумана. В воздухе носился едва уловимый запах дикого жасмина. Цветы

жасмина лепестками тончайшего золота осыпали кусты, нежные листья которых, казалось, были перенесены сюда с чайных плантаций. Пышным цветом расцвел багульник. Ивы на берегу реки зазеленели; тонкие ветви, свешиваясь нежно-зелеными нитями к воде, плавно качались на ветру. Весна пришла. Война с ее ужасами, разрухой, опустошением не в силах была остановить победного шествия весны. Мягкая мурава зеленым ковром покрыла землю, поднялась над [532] воронками, вырытыми артиллерийскими снарядами, и нет уже ран войны, снова торжествует жизнь. Весна! Знаешь ли ты, что на земле свирепствует война, что орудия, не смолкая, изрыгают из своих жерл огонь, что льется по земле кровь и расползаются чумные бактерии? И все же мы сумеем заставить американских дьяволов убраться восвояси, сумеем очистить землю от всей этой мерзости. Теперь это лишь вопрос времени.

Поздно вечером заместитель командира дивизии прибыл на фронт. На военном совещании он сообщил о приказе штаба армейской группировки и подробно изложил содержание плана намеченных мероприятий. Новая обстановка, новые задачи на предстоящий год радовали его. Это было видно и по тому, как он докладывал их собранию.

— В прошлом году, — продолжал он, развертывая карту, — мы, чего греха таить, побаивались не на шутку. Рассчитывали на нашу сознательность, на чувство ответственности коммунистов, видя в ней ключ к решению всех вопросов. И мы остановили противника. В этом году у нас уже есть уверенность. Мы хорошо подготовились, и теперь бояться нечего. Если противник начнет наступление против нас на этой вот линии — меньше трех дивизий, как вы знаете, он не бросит, — мы будем действовать так. Вот позиции всей нашей дивизии. На правом фланге высоты Эинсан, по нашим подсчетам, должно быть уничтожено не менее пяти тысяч войск противника. Перед фронтом Эинсана — семь тысяч. На вашем участке, — он указал на долину Мундынри и обвел взглядом присутствующих — Шан Чжи-ина, Чжай Цзы-ни и начальника штаба полка, — на вашем участке предстоит уничтожить шесть тысяч.

Заместитель командира дивизии вынул из кармана платок, вытер рот и испытующе взглянул на Шан Чжи-ина, словно спрашивая: «Ну как, идет?».

— Это будет зависеть от нашего умения, — сказал Шан Чжи-ин и показал по карте. — Мы планируем начать отсюда. Уничтожить вот это гнездо и заманить противника. Пусть наступает...

Всю весну, сразу же после того, как было закончено сооружение линии обороны, Шан Чжи-ин всецело занялся подвозом к фронту боеприпасов и продовольствия. Обе противостоящие одна другой стороны находились [533] в состоянии ожидания, словно натянутая тетива лука. Шан Чжи-ин решил начать первым.

— Мы навалимся на него, — он сделал толкающий жест обеими руками. — Американцы, конечно, не пойдут на то, чтобы запросто отказаться от своих позиций, а это как раз нам и нужно...

Когда рассвело, заместитель командира дивизии отправился с Шан Чжи-ином и Чжай Цзы-ни на передний край.

— Сделаем по-вашему, — сказал Ван Цзянь, когда рекогносцировка местности была закончена. — По-видимому, американцы бросят на помощь двадцать четвертую дивизию. Как только она подойдет, ударим так, что от нее одно мокрое место останется...

Орудия, которые Инь Цин-си получил в Аньдуне, находились в пути пять суток. Задержка была вызвана тем, что дорога оказалась забитой находившимися на марше войсками и двигаться с той же скоростью, с какой он ехал один, было невозможно.

Ван Шу-цинъ волновалась, ей не терпелось скорее попасть на фронт и увидеть Шан Чжи-ина. Она, правда, сдерживала себя, но эти несколько дней основательно измотали ее.

Когда же она наконец прибыла, на фронте наступили самые горячие дни и Шан Чжи-ин не имел времени уделить ей достаточно внимания, так как был занят составлением нового плана. Он даже не поблагодарил Инь Цин-си, который всю дорогу больше всего заботился о том, чтобы Ван Шу-цин не чувствовала неудобств. Как только тот доложил о прибытии, он сразу же потянул его за собой в комнату оперативного отдела.

— Ты только послушай, вот наш план. Как хорошо, что ты вовремя вернулся. — Он перелистал тетрадку, продиктовал ему, основную идею плана и в заключение сказал:

— Немедленно в батальон. Расставь орудия как следует. Пристреляйся.

— Может быть, начать пристрелку сразу отсюда? — спросил Инь Цин-си.

— Нет, — возразил Шан Чжи-ин. — Так мы сможем раскрыть свои карты. Чтобы противник ни о чем не догадался, веди пристрелку, как обычно. Это тоже нужно. [534]

Вернулся Шан Чжи-ин к себе лишь поздно вечером.

— Ты еще не спишь? — удивился он, остановившись на миг в дверях и откидывая занавеску. Потом метнул быстрый взгляд в сторону окна, подбежал к Ван Шу-цин, обнял ее и произнес чуть слышно:

— Думал ли я, что увижу тебя, родная?

Он прижался щекой к ее голове и стал гладить дрожащей рукой.

Ван Шу-цин с трудом сдерживала волнение.

— Ты думал, меня уже нет в живых?

— Я думал... Только бы ты была жива... Я так боялся! Ты ведь знаешь, война...

— И у меня было такое же чувство. Я не могла умереть, не могла оставить всех вас.

Пальцы его нащупали рубец от раны на голове жены. Нежно поцеловав его, он долго молчал. Потом снова заговорил:

— Ты знаешь, как мне было трудно? Почему ты ни разу не написала?

— Я все время лежала, и врачи запрещали мне двигаться. Да и что я могла написать тебе? Чтобы ты еще больше страдал? Поправлюсь, посоветовали врачи, тогда и напишу.

— А они меня известили... Я в тот день был на совещании в штабе дивизии. Вечером пошел к тебе. Видел то место, где мы с тобой стояли... где был госпиталь, одни руины... Как я добрался домой, не помню. На столе лежало письмо, вот здесь... Никаких сил у меня не было. Ушел я тогда и ни разу с тех пор не заходил в эту комнату...

— А я думала, ты ничего не знал.

— Я волновался, ведь от тебя писем не было.

— Ты...

- Я боялся.

— Чего?

— Думать боялся. Мне все казалось, что та наша встреча была последней... Ты знаешь, я никогда раньше не думал так много о прошлом, как сейчас. Каждый день думаю. Товарищей вспоминаю, погибших в боях... Когда особенно тяжело, человек всегда думает о мире, о счастье...

— Уже поздно, давай ложиться спать... Вот мы и [535] вместе; не надо думать о том, что было. Ну посмотри на меня, разве это не я?.

По глазам Шан Чжи-ина она видела, что ему трудно сразу освободиться от нахлынувших воспоминаний. Все, что он пережил за эти месяцы, что скрывал глубоко в душе, внутреннее убеждение, огромная сила воли, порожденная сознанием необходимости борьбы, наконец, внешняя бесстрастность, проявляемая человеком в момент наивысшего духовного напряжения, все это вылилось наружу. Он не мог больше сдерживать себя перед человеком, чья любовь поддерживала его все это время, перед самой любовью. Сердце его размякло. И вместе с тем в нем с еще большей силой заговорила лютая ненависть к врагу.

— Как хорошо, что ты здесь! Теперь ты сама увидишь, что мы врагу приготовили!..

Проснулся Шан Чжи-ин незадолго до рассвета. Он осторожно поднялся, чтобы не разбудить Ван Шу-цин, накрыл ее одеялом, оделся и вышел в комнату дежурного. С переднего края позвонил Шан Чжи-линь. Отряд, посланный на разведку, вернулся.

— И ты ходил с ними? — спросил Шан Чжи-ин. — Молодец. Ну, что слышно? Все видели?

— Все. Каждую тропку видели. Можно посылать минеров?

— Можно, Чжи-линь. Хотя погоди, я сейчас сам буду у вас.

На рассвете Шан Чжи-ин с Ци Цзюнь-цаем прибыли на передний край.

Через некоторое время к ним присоединился Инь Цин-си. Он сообщил, что орудия начали пристрелку.

С наступлением темноты войска начали передвижку. Ровно в 12 часов артиллерия открыла огонь, и Шан Чжи-линь бросился со своим взводом в атаку на высоту, помеченную на картах под номером 57. Уничтожив противника, пытавшегося оказать сопротивление, и овладев высотой, он немедленно связался с командным пунктом полка.

— Товарищ командир полка? Докладываю: приказ выполнен, потери противника — двадцать три, у нас ранено пятеро... [536]

— Ты погоди радоваться, — остановил его Шан Чжи-ин. — Немедленно произведи перегруппировку и подготовься к контратаке. Оставь на высоте одно отделение, а сам со своим взводом отходи.

Но это было только начало. Естественно, первый шаг всегда сделать сравнительно легче, настоящее сражение должно было развернуться только после восхода солнца.

Близился рассвет. На командном пункте все было готово. Шан Чжи-ин решил сам руководить этим боем. Он приказал Ци Цзюнь-цаю направиться к высоте номер 56, взяв с собой шесть минометов и три станковых пулемета. На это же направление были переброшены все шестидесятимиллиметровые минометы батальона.

— Немедленно выступай. Чтобы к рассвету все было готово.

Ци Цзюнь-цай вытянулся, отдал честь:

— Я иду.

Затем последовали распоряжения роте зенитных пулеметов и артиллерийским позициям.

Заработали все части, все колесики сложной машины, умело пущенной в ход Шан Чжи-ином. Жерла орудий и минометов, внимание людей — все было нацелено на одну точку. Наступил такой момент, когда малейший поворот руки на одном участке мгновенно приведет в движение весь фронт. Шан Чжи-ин и Чжай Цзы-ни спокойно ждали, взвешивая на невидимых весах развитие событий, их результаты и возможные непредвиденные изменения.

— Третий батальон на всякий случай следовало бы передвинуть.

— Возможно, противник не станет контратаковать. Как завтра будем?

Шан Чжи-ин машинально барабанил пальцами по столу.

— Тогда мы заставим его выступить.

Наступил рассвет. В небе на небольшой высоте закружил самолет-разведчик.

С наблюдательного поста на переднем крае по телефону доложили Ци Цзюнь-цаю:

— На переднем крае противника спокойно. В одном месте появился какой-то офицер — рассматривает в бинокль наши позиции.

Ци Цзюнь-цай позвонил на КП. [537]

— Как будем? — спросил он Шан Чжи-ина, передав содержание доклада. — Может быть, припугнем его?

— Не стоит. Пусть себе смотрит, — спокойно сказал Шан Чжи-ин, потом добавил:

— Передай на высоту: надо ускорить оборонительные работы.

— Они там работают.

— Скорее надо, поторопи их.

Шан Чжи-ин улыбнулся про себя и подмигнул комиссару:

— Все в порядке, наступление наверняка будет. Наш план принят. Они там еще не разобрались как следует, в чем дело.

— Ишь, какие исполнительные! — рассмеялся Чжай Цз'ы-ни. — Привыкли все делать по команде!
- Вот именно.

Взглянув на часы, Шан Чжи-ин опустил трубку и тотчас снял другую, потребовав, чтобы его соединили с артпозициями.

— Инь Цин-си? Как у тебя?.. Это я. У нас все готово. Наводи все свои орудия на номер пятьдесят семь. По переднему краю. — Слово «все» Шан Чжи-ин произнес с ударением. Он хотел сам посмотреть, на что способны его артиллеристы, убедиться в силе артиллерийского огня.

Отдав Инь Цин-си еще некоторые распоряжения, он снова позвонил Ци Цзюнь-цаю и договорился о сигналах для связи с высотой номер 57.

Ровно в 9 часов утра над высотой номер 57 появилось восемь самолетов. Вершина окуталась дымом. С новым заходом самолеты сбросили напалмовые снаряды. Клубы черно-зеленого дыма поднялись на несколько десятков метров, закрыв собою все небо. Самолеты один за другим сбрасывали в это море дыма и огня все новые и новые бомбы.

Цзян Вань-цзе спокойно лежал в окопе. Уже не первый раз видел он такую бомбежку, и каждый раз ему казалось, что такой еще никогда не было. Но что он мог поделать? В густом дыму ничего не было видно, он забивал глаза, рот, ноздри, нечем было дышать. Голова кружилась. Едкий дым выворачивал все внутренности. До смерти хотелось пить. [538]

Ма Дэ-мин терпел. Он ни слова не сказал, и только позеленевшее лицо выдало его состояние. Ли Сяо-у смотрел на него широко открытыми от страха глазами, словно ждал какого-то несчастья. Позиция была сожжена дотла, в окопе не чувствовалось даже запаха сырости. Цзян Вань-цзе осторожно пополз к тому месту, где лежал Ван Кунь.

— Ван Кунь!..

— Отделенный? У меня горит все внутри от этого дыма.

— А ты не говори, отозвался Ма Дэ-мин. -Чем больше говоришь, тем больше пить хочется.

Люди молча ждали, когда же закончится эта дьявольская бомбежка. Они были засыпаны слоем песка и пепла. Но затем началась вторая бомбежка, третья... Вдруг Цзян Вань-цзе почувствовал, что сверху на него упало что-то тяжелое и в следующую минуту через дырочку в песке проникла струйка воздуха. Придя в себя, он уперся обеими руками в землю, изогнулся и попробовал подняться. Сперва это ему не удалось. Тогда он поднял голову и увидел над собой небо. Он был жив! Выпрямившись, он бросился выручать товарищей. Первым он откопал Ма Дэ-мина.

— Лао Ма! — обрадованно закричал он. — Все в порядке?!

Ма Дэ-мин с трудом поднялся, протер засыпанные землей глаза и наконец стал похож на человека. С его помощью Цзян Вань-цзе поднял Ли Сяо-у.

— Ну, чего испугался? Подумаешь, бомбежка!

После Ли Сяо-у из-под земли был вытащен Ван Кунь. Отряхиваясь, он все время весело ругался:

— Живьем закопали, с-сукины дети! А ну, выходи, Трумэн проклятый, посмотри, что ты тут наделал!

— Ладно, хватит сердиться, — остановил его Цзян Вань-цзе. — Он не добежит сюда теперь, а они от нас не убегут.

— Землю ведь всю спалили, гады! Гляди, какая черная!

— Ничего, мы заставим их напоить ее своей кровью.

С этими словами Цзян Вань-цзе пошел разыскивать остальных бойцов. Все были живы... [539]

Два самолета, участвовавшие в налете, уже были сбиты. Третий, достигнутый зенитными пулеметами, падал, кувыркаясь в воздухе, недалеко от высоты номер 57. Усилия лётчика сбить пламя ни к чему не приводили.

87

В густом дыму выросла цепь наступающих. Наступала одна рота.

В первой цепи Ци Цзюнь-цай заметил два станковых пулемета. Метрах в ста от высоты номер 57 пулеметчики залегли, укрывшись за кучей камней, установили пулеметы и открыли огонь, прикрывая наступление пехоты. Позиции обороняющихся молчали.

— Накройте этих пулеметчиков, — скомандовал Ци Цзюнь-цай артиллеристам, одновременно отдав приказ минометчикам открыть по наступающим беглый огонь.

С первого же залпа пулеметы были подавлены. Мины стали рваться в гуще неприятельских войск. Атака захлебнулась.

Ци Цзюнь-цай подробно доложил Шан Чжи-ину ход первой атаки.

— Какие наши потери? — спросил Шан Чжи-ин.

— Тяжело ранен один.

Шан Чжи-ин обернулся к Чжай Цзы-ни.

— Слышишь, комиссар? Научились все-таки воевать. Рядовые солдаты...

Он вспомнил, как однажды беседовал с одним рядовым солдатом-сычуаньцем {Сычуанец — уроженец провинции Сычуань}. «Большая у вас семья?» — «спросил он. «У нас любая семья из семи — восьми человек, — не без гордости ответил сычуанец. — Отец, мать, пять — шесть детей...» «Он вправе гордиться,- подумал Шан Чжи-ин. — У нас шестьсот миллионов человек, самая большая страна по численности населения. А юноши какие! Всему могут научиться!» И снова он вспомнил Цзян Вань-цзе.

...Осмотрев позицию, Цзян Вань-цзе собрал своих людей в одно место. Место было удобное, безопасное.

— Сделаем так, — сказал он. — Наверху все время будет три человека. Убьют одного или ранят, вместо него [540] пойдёт тоже только один. Трудно будет — поможете. Пока дела нет, можете резаться в «пу-кэ». Захватили карты?

— Нет, — ответил Ван Кунь удивленно.

— Ну вот, сами не могли сообразить? — махнул рукой Цзян Вань-цзе. — Ладно, занимайтесь чем хотите.

И с двумя назначенными им бойцами полез наверх.

— Мало все-таки вас идет, — заметил Ван Кунь.

— Совсем не мало, — обернулся Цзян Вань-цзе. — Нам поэкономней нужно быть. Пусть они тратятся. Буржуи — буржуи и есть.

Перекинув автоматы на руку, они подползли к укрытию и открыли стрельбу. Противник был уже совсем близко...

Два часа пополудни. Отбито уже одиннадцать атак. Началась двенадцатая. Противник ввел в бой два пехотных батальона. Они подеались, как только огонь был перенесен в глубину обороны. Цзян Вань-цзе и Ма Дэ-мин лежали в это время рядом.

— Дело! — проговорил Цзян Вань-цзе. — Лао Ма, давай-ка две ракеты.

Ма Дэ-мин отполз к укрытию, поднял ракетницу и выстрелил в направлении главной позиции двумя патронами. В небо взлетели красная и зеленая ракеты, требующие огневой поддержки. Огненные ракеты прорвались через дым и, хорошо видимые, промелькнули в голубом небе.

Шан Чжи-ин вызвал к телефону командира артдивизиона.

— По десять снарядов на каждое орудие. Настильным. Вести огонь ровно тридцать секунд.

Шан Чжи-ин рассчитывал, что в течение этих тридцати секунд противник продвинется вперед шагов на сорок-пятьдесят и, следовательно, окажется в центре его

огня. Передав распоряжение, он тут же выбежал на наблюдательный пункт. Снаряды с визгом пронеслись над головой, словно звали его: «Смотри, командир, это мы! На врага летим!..»

Шан Чжи-ин запрокинул голову, но ничего не увидел в чистом небе. Снаряды мелькали один за другим, и можно было подумать, что это молнии соревнуются в стремительном беге. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как они кучно ложились у подножия горы. [541] Клубы черного дыма поднимались все выше и выше. Видеть своими глазами, как твои снаряды рвутся в гуще противника, — что может быть радостнее. А тут еще ты знаешь, что этот огонь организован тобой, ты им руководишь, он ведется по твоему приказу!.. Грохот канонады, непрекращавшиеся оглушительные взрывы возвышали Шан Чжи-ина в своих глазах. Он почувствовал гордость. Какая честь для человека быть воином великой страны! Он за все рассчитается с врагом — за все пережитое и передуманное, за тяжкий, нечеловеческий труд, за павших товарищей, за раненую жену... С переднего края позвонил Ци Цзюнь-цай.

— Товарищ командир полка?

— Я слушаю. Докладывай, Ци Цзюнь-цай.

— Здорово, товарищ командир полка! Огонь точный. Убежать почти никому не удалось.

— Очень хорошо! — Шан Чжи-ин с трудом сдерживал волнение. — Распорядись, чтобы бойцы на высоте подсчитали, сколько наступающие оставили трупов.

Высунувшись из окопа, Цзян Вань-цзе считал:

— ...Десять, одиннадцать... девятнадцать, двадцать...

Все пространство впереди позиции было завалено трупами. Впереди всех, метрах в десяти от окопа, обхватив голову, лежал здоровенный американский солдат, сраженный пулей Цзян Вань-цзе. Дальше трупы валялись как попало. Одни лежали, укрывшись за убитыми ранее и застигнутые здесь артиллерийским огнем. Другие — засыпанные землей, разорванные снарядами на куски... Во многих местах из-под кучи земли виднелась то чья-то рука, то нога — кто знает, сколько их было погребено во время обстрела! Вся дорога наступления была усеяна убитыми.

Цзян Вань-цзе машинально продолжал считать, а сам думал об американских солдатах: «Ничего у вас не получилось, думали поживиться — не поживились, думали убежать — не убежали, в кучу сбились — тоже не остановили смерти, а от дома от вашего такой океанище отделяет вас! Миллионов таких же трупов не хватит, чтобы засыпать его. Кто же велел вам приходиться сюда?..»

Цзян Вань-цзе продолжал считать по одному, пока не остановился на тропинке, разделявшей поле боя на две [542] половины. До нее он насчитал более двухсот шестидесяти трупов. Дальше считать стало трудно — многие места были невидимы за складками местности, и он побежал докладывать по телефону Ци Цзюнь-цаю.

— Товарищ комбат, половину пересчитал. Больше двухсот получается... Противник опять бьет из орудий...

Шан Чжи-ин потребовал соединить его непосредственно с высотой номер 57:

— Я хочу сам поговорить с ними.

Когда телефонист сообщил об этом Цзян Вань-цзе, тот даже растерялся от неожиданности. Он посмотрел на своих бойцов взволнованным взглядом:

— Тихо, командир полка вызывает.

Бойцы замерли и придвинулись поближе к аппарату. Ма Дэ-мин вытянул шею. Командир полка попросил выяснить номер части противника, обыскать один-два трупа и, если найдутся записные книжки, доложить ему.

— Я пойду! — обрадованно воскликнул Ма Дэ-мин.

Перекинув автомат, он выскочил из укрытия и побежал. Впереди окопа разорвался неприятельский снаряд. Ма Дэ-мин упал на землю и пополз. Новый снаряд разорвался недалеко от него. Через некоторое время со стороны противника запустили снаряд с

дымовой завесой, все, заволокло белым дымом. Ма Дэ-мин полз, полз, как вдруг увидел впереди несколько бегущих американцев. Прицелившись, он дал по ним короткую очередь. Два солдата упали. Он торопливо подполз к тому, который находился на более близком расстоянии, сорвал с него погоны и вынул из карманов все, что в них находилось. Снова показались солдаты. Под прикрытием дымовой завесы они отгаскивали трупы вниз. Ма Дэ-мин открыл по ним огонь.

— Ты почему не идешь назад? — услышал он вдруг рядом с собой грозный окрик Цзян Вань-цзе.

— Да вот, трупы, видишь, уносят,

— Нашел ты что-нибудь?

— А как же!

— Тогда скорей в укрытие, командир полка ждет.

Ма Дэ-мин отполз на порядочное расстояние и тогда услышал яростную стрельбу из автомата. Огонь вел Цзян Вань-цзе. [543]

88

Доставленный с переднего края погон имел цвет чесночной луковицы с широкой черной окантовкой по краям и эмблемой — черный коршун на оранжевом поле. Шан Чжи-ин так стукнул кулаком по столу, что флакончик с чернилами и авторучка даже подпрыгнули. Он встал из-за стола.

— Американская двадцать четвертая кавалерийская дивизия! — сказал он, посмотрев на Чжай Цзы-ни, и снова опустил на стол сжатую в кулак руку. — Очень хорошо!

Не говоря больше ни слова, он направился на передний край, откуда вместе с Ци Цзюнь-цаем пошел на высоту номер 57.

Небо быстро темнело. Шуршали кусты, словно спорили о чем-то с ветром. Дорога была так выбита, что пробираться приходилось с большим трудом. Проходя мимо небольшой выемки, они увидели внизу Шан Чжи-иня, который беседовал с бойцами.

— Чем сейчас на высоте народ занят?

— Трупы перетаскивают,- ответил Шан Чжи-инь. — Американцы пытались было унести, но мы не подпустили. А сейчас самим вот приходится. Если этого не сделать, на позиции и часа не продержишься: разлагаться начнут.

— Пошли, посмотрим, — предложил Шан Чжи-ин.

Расчистка склона была в самом разгаре. Результаты боя радовали бойцов, хотя все очень устали. Самым неприятным, конечно, было перетаскивать трупы.

— Бр-р-р... До чего противно! — брезгливо поморщился Ма Дэ-мин. — Все равно, что помойную яму разбираешь. Жили — отбросами были, померли — тоже отбросы. А оставить — нельзя.

— Навоз! — согласился с ним Ван Кунь. — Пусть теперь удобряют корейскую землю, раз все поля испоганили, дьяволы!

— Эту дрянь да на удобрения? — изумился Ма Дэ-мин. — Пустые стебли вырастут. Зерна не будет...

— Что меня больше всего беспокоит, — заговорил Цзян Вань-цзе, — где руки вымоем, когда всех перетащим?

— Вы бы отгаскивали их вон туда, — предложил Шэн Чжи-ин, подходя ближе, и показал на дорогу, по [544] которой следовало ожидать возобновления неприятельской атаки. — Пусть видят, во что им обходится наступление! На каждом шагу — смерть. Вы поняли меня?.. Да, знаете, кого вы сегодня били?

Бойцы недоуменно посмотрели на командира полка.

— Двадцать четвертую американскую кавалерийскую дивизию.

— Эта — кавалерийская? — еще больше удивляясь, протянул Ван Кунь.

Шан Чжи-ин рассмеялся.

— Да, кавалерийская. Называется так, а коней у них нет. Немало положили их сегодня.

— Немало. Артиллерия здорово поработала.

— Здорово. Новые орудия получили. Народ прислал их нам с родины. Помогает нам всем, чем может. Все новые!

— Ага, что я говорил?! — обрадованно воскликнул Ван Кунь. — Я сразу по голосу узнал, что тут что-то не то!

Шан Чжи-ин снова рассмеялся.

— Ладно, ребята, хватит так стоять. Надо поскорее приниматься за свои дела. Окопы здесь ненадежные. Увидят американцы, каким подарком вы их встречаете, злы будут, как черти.

С рассветом противник возобновил артиллерийский обстрел. Огонь был такой яростный, словно только сейчас американцы сообразили, какой важной позиции они лишились. Занятие высоты корейско-китайскими войсками означало, что после того, как в соответствии с подписанным соглашением о перемирии обе стороны будут отведены для создания двухкилометровой демилитаризованной зоны, американцам, хотя бы они того или нет, придется оставить господствующие над всем районом позиции южнее высоты номер 57... Вслед за артиллерией в бой вступила авиация. Улетели бомбардировщики, высоту снова обстреляла артиллерия, после чего в наступление перешла пехота. Как обычно, атаки начались силами одного взвода, затем дошло до двух батальонов, наконец в бой вступил целый полк. Отделение Цзяй Вань-цзе по-прежнему занимало свои позиции на южном склоне высоты. [545]

Шан Чжи-ин посмотрел на небо и повернулся к Чжай Цзы-ни.

— Как думаешь, пора?

— Думаю, да. Вот отразят эту атаку, и можно будет начинать.

Характер использования противником своих сил в сегодняшних боях и сам их ход говорили о том, что американцы сделают все, чтобы вернуть, наконец, эту высоту. На карту было поставлено все. Об этом как раз и думал политком: решало время, решали огонь и степень развертывания неприятельских сил.

Не успела отбомбиться первая группа бомбардировщиков, как на горизонте показалась вторая. Противник, очевидно, понял, что наибольшую угрозу для него представляет артиллерийский огонь, поэтому поставил перед собой цель во что бы то ни стало подавить его. Инь Цин-си не прекращал огонь ни на минуту. Две батареи, участвовавшие в обстреле боевых порядков наступающего противника, действовали, как заведенный механизм.

Ню вот с переднего края доложили:

— Атака противника отбита.

Шан Чжи-ин отдал приказ немедленно отвести все подразделения из района высоты номер 57.

Как только подразделения отошли, противник возобновил яростный обстрел высоты из всех своих орудий. Огромные камни, поднятые силой взрыва, взлетали на высоту нескольких метров. Только что оставленная позиция была объята пламенем. Артиллерийская подготовка новой атаки продолжалась пятьдесят минут. Как только она закончилась, пехота под прикрытием пулеметов перешла в наступление. Впереди шли подразделения ранцевых огнемётов, поливая высоту номер 57 струями бушующего огня. Со своего наблюдательного пункта на главной позиции Ци Цзюнь-цай видел, как наступающие взбираются на высоту. Они металась из стороны в сторону, как муравьи на раскаленной сковородке. С каждой минутой их становилось все больше и больше. «По-видимому, они считают, что уже заняли высоту», — подумал он и по телефону доложил командиру полка.

Шан Чжи-ин тоже видел, что происходит на высоте.

— Собери все свое оружие. Будешь отсекать им [546] дорогу назад, — сказал он Ци Цзюнь-цаю спокойно и потребовал, чтобы его соединили с огневыми позициями. Командиры батарей один за другим лаконично доложили:

— К бою готовы!

Шан Чжи-ин снова вызвал Ци Цзюнь-цая:

— Ну как, готов?..

...После оставления высоты номер 57 в отделении Цзян Вань-цзе осталось только пять бойцов. Все были изнурены до предела. Однако отдыхать времени не было. Когда Ци Цзюнь-цай подошел к ним, Шан Чжи-линь уже был там, увешанный гранатами, с автоматом через плечо; оба отделения, готовые к контратаке, ждали приказа.

Шан Чжи-ин отбросил сигарету, посмотрел на Чжай Цзы-ни.

— Начали?

— Начали.

— Начали! — крикнул Шан Чжи-ин и потрянул головой.

Короткое слово «начали!» с быстротой электрической искры облетело все позиции. Все поняли, что оно в этот момент означало.

— Начали!..

— Начали!..

Оно подняло на ноги всех, это обыкновенное слово, — от командного пункта полка до артиллерийских расчетов, от пехотных подразделений на переднем крае, готовых по первому сигналу броситься в контратаку, до подразделений обслуживания в тылу. Даже солнце задержалось на минуту, чтобы обогреть своим теплом бойцов...

И вот заговорила артиллерия, заговорила, словно мощный оркестр, который еще секунду назад молчал, повинуюсь дирижерской палочке, и вдруг грянул всеми своими трубами и барабанами. Канонада длилась тридцать минут. С каждым залпом высота вздрагивала, словно живая. В черном дыму мелькали то солдатские каски, то карабины, то оторванные части тела. Застигнутый врасплох, противник не успел подготовиться к этому неожиданному, как весенний ливень, налету.

Шан Чжи-линь скомандовал: «За мной!», и оба отделения с автоматами наперевес бросились в атаку. [547]

Весь склон горы был усеян трупами. Они валялись как попало, то в одиночку, то группами; очевидно, в последний момент солдаты, не видя возможности бежать, вообще потеряли голову. Высота была перепахана снарядами вдоль и поперек, воронки встречались чуть ли не на каждом шагу.

89

На переговорах в Кэсоне спор шел как раз по поводу этой высоты.

За нее, за высоту номер 57, на фронте шли бои.

— Цзян Вань-цзе! — кричал охрипшим голосом в трубку телефона Чжай Цзы-ни, связавшись с высотой. — Ты слышишь меня?

— Слышу! Я слушаю, товарищ комиссар, слушаю!

Цзян Вань-цзе прильнул к трубке, не решаясь поднять головы из окопа.

— Американцы заявили на переговорах, что эта высота их.

Брови на лице Цзян Вань-цзе удивленно взлетели вверх, маленькие глаза округлились.

— Кто это сказал? Кто, спрашиваю, товарищ комиссар?

— «Джи-Ай»¹ { «Джи-ай» — американский солдат (от сокращенного обозначения G.I.) } сказал так.

Цзян Вань-цзе даже подпрыгнул.

— Вот сволочь!

— Что там случилось? — тревожно спросил Ма Дэ-мин.

— Американец заявил, что эта высота их! — сердито бросил Цзян Вань-цзе, кладя трубку на место.

— Так это он во сне, что ты от него хочешь? — махнул рукой Ван Кунь.

Снова загремели орудия. Снова начался ожесточенный бой.

Противник предпринимал одну попытку за другой, чтобы овладеть высотой номер 57, но все его усилия ни к чему не приводили. Пошла вторая половина дня. Глаза у людей были красные. Американцы приближались. Когда они находились уже совсем близко, Цзян Вань-цзе поднял руку и первым выскочил из окопа. [549] Прямо на Ли Сяо-у бежали три американца. Сменить диск у автомата он не успел. Размахивая автоматом, он бросился на них, что-то крича пронзительным голосом. Ли Сяо-у понял, что наступил решительный момент. Сильным ударом ему удалось повалить одного американца, но в это время на него набросился другой и повалил на землю. Ли Сяо-у вывернулся, вскочил на ноги и сцепился с ним врукопашную. На помощь американцу бежал еще один солдат, но его вовремя заметил Ван Кунь. Не целясь, Ван Кунь прошил его из автомата и собрался помочь Ли Сяо-у, как подоспели новые американцы. Оказавшийся рядом Ма Дэ-мин с силой толкнул его на землю, а сам швырнул гранату в самую гущу солдат. В это время сзади на него налетел здоровенный верзила, который с размаху ударил его прикладом в плечо. Ма Дэ-мин так и охнул. По инерции он пробежал еще несколько шагов, но вдруг обернулся и нанес американцу неожиданный удар ногой в живот. Ма Дэ-мин наступил на него — американец лежал бездыханный. А снизу по склону горы к позиции бежало еще десятка полтора солдат. Ма Дэ-мин осмотрелся; никакого оружия при нем не было. Оставалось одно — драться голыми руками.

В это время он и увидел Цзян Вань-цзе. Автомат у отделенного был раскален докрасна, но у него еще оставались тяжелые противотанковые мины. Заметив Ма Дэ-мина, Цзян Вань-цзе побежал к нему навстречу. Ватник на Ма Дэ-мине был изорван в клочья, голова ничем не прикрыта, изо рта текла струйка крови. Размахнувшись что было силы, Цзян Вань-цзе с громким криком бросил мину в бежавших на Ма Дэ-мина американцев. Три солдата упали. Поднявшись, Ма Дэ-мин выхватил у первого из них самозарядную винтовку и бросился догонять Цзян Вань-цзе.

На помощь им уже бежало второе отделение, которое вел Шан Чжи-линь. Не успел Шан Чжи-линь подняться на позицию, как тут же упал, сраженный автоматной очередью. Не помня себя, Цзян Вань-цзе бросился на автоматчика и схватил его обеими руками за горло. Американец извивался, как уж, пытаясь вырваться, пробовал кусаться; Цзян Вань-цзе чувствовал, что теряет последние силы. Возможно, ему бы пришлось выпустить американца, но тут подбежал Ма Дэ-мин и [548] прикончил его с первого удара. Быстро схватив автомат командира роты, он крикнул Ма Дэ-мину:

— Неси ротного!..

Бой продолжался. Люди дрались, позабыв обо всем на свете. Каждая секунда была дорога. Кто мог думать в это время о себе, о жизни и смерти!

Ма Дэ-мин бежал без передышки. Когда он спустился на КП батальона и опустил раненого ротного на землю, на нем лица не было. Ноги у него подкашивались.

Шан Чжи-ин, находившийся тут же, молча подошел к нему. Шан Чжи-линь лежал тихо, не стонал. Губы его вздрогнули, когда он увидел брата,- по-видимому, он хотел что-то сказать,- но боль пересилила желание, и он закрыл глаза. В это время в блиндаж вбежала Ван Шу-цин, неизвестно каким образом появившаяся на КП батальона. Однако Шан Чжи-ин несколько не удивился этому, наоборот, даже обрадовался.

— Ты отвечаешь за его жизнь, — приказал он ей, словно она и не была его женой. — Немедленно отправить в тыл!

Воспользовавшись тем, что люди все заняты, Ма Дэ-мин незаметно выскользнул из блиндажа и побежал к своим.

Противник получил подкрепление. По дороге к высоте, за которую шел бой, двигалось десять грузовиков с солдатами.

Нужно было держаться во что бы то ни стало. Шан Чжи-ин понимал, что противник так легко не откажется от попытки вернуть потерянную высоту. Она и не должна, ни в коем случае не должна быть отдана врагу. Он уплатит за это большую цену, но заставит и противника уплатить за нее в десять раз большую.

Грузовики с пехотой уверенно двигались вперед, за ними тянулся хвост дорожной пыли.

Шан Чжи-ин понимал, что сейчас исход боя решают секунды. Машины приближались. Не отрываясь взглядом от долины, он приказал немедленно соединить его с Инь Цин-си.

— Ты видишь эти грузовики? Ударь как можно скорее. Их надо уничтожить. [550]

— Что делать? — заволновался Инь Цин-си. — Не дотяну из своих. Да и снарядов...

Шан Чжи-ин бросил трубку, не дослушав его до конца. Вскинув к глазам бинокль, он стал следить за приближающимися грузовиками. Они уже обогнули подножье Пякамсана. Поспешная переброска свежих резервов, безусловно, была вызвана стремлением противника захватить высоту, чего бы это ему ни стоило. Как только машины подойдут, бой вспыхнет с новой силой. Шан Чжи-ин до боли сжал кулаки.

Но когда первый грузовик с солдатами остановился, рядом с ним вдруг поднялось облачко дыма и сразу же раздался сильный взрыв. Машина была окутана плотным дымом, из которого в разные стороны бежало человек семь — восемь.

Шан Чжи-ин вызвал на провод Инь Цин-си, но в это время позвонили по другому телефону. Чей-то очень хорошо знакомый голос назвал его по имени. Он схватил трубку: на другом конце провода был Цой Сан Кэм.

— Как дела, товарищ Шан Чжи-ин? Напугали тебя эти грузовики?

— Твои орудия били?

В трубке послышался короткий смешок.

— Наши. А я все думал, чем же я тебе сослужу!..

— Спасибо тебе. От всех наших бойцов, от командиров...

— Ладно, хватит... Ты лучше скажи, где еще тебе нужна помощь? Скоро кончат собирать?

Только сейчас Шан Чжи-ин понял, что полк Цой Сан Кэма прибыл на позиции и находится на его правом фланге.

— Знаешь что? Подпустим американцев сюда поближе, пусть соберут все свои силы. Кончат так кончат. Радости им будет от этого конца мало.

— Вот это другой разговор, — ответил Цой Сан Кэм. — Я должен помочь?

— Своими орудиями. Возьми на себя высоту Санганбо, там у них тяжелые орудия...

Последняя атака противника была отбита.

Цзян Вань-цзе в обнимку с автоматом командира роты лежал на дне воронки от разорвавшегося снаряда. Над позицией курился дым. Догорали трупы солдат, валявшиеся как попало. Горы Кореи, которые он видел [551] вокруг, выглядели величественными, неприступными. Только сейчас он подумал, каким тяжелым был сегодняшней бой. «Такого, пожалуй, еще и не было!» — вздохнул он и, подняв голову, посмотрел на Запад.

Солнце Родины смотрело на него из-за далекого моря. В его сияющих лучах поднимался величественный, строгий в своей удивительной красоте город — Пекин. Вокруг него раскрывалась широкая, бескрайняя земля. Это была та самая земля, на которой Цзян Вань-цзе родился, на которой он рос и мужал. Она дала ему мужество и любовь. Вы слышите, люди, как бьется в его груди сердце? Оно стучит, оно рвется вперед, обгоняя время. Кто этот великан, заставивший вселенную двигаться по его воле, толкающий вперед колесо истории? Человечество выиграло еще одну победу — для Кореи, для Китая, для Дальнего Востока, для всего мира. Лагерь мира, возглавляемый Советским Союзом, в котором нерушимая дружба между народами Кореи и Китая представляет собой непобедимую силу, нанес сокрушительный удар американским

захватчикам, начавшим агрессию здесь, на Дальнем Востоке, и этим самым защитил мир для всех людей, Вы слышите? Новая эпоха началась победой!
1952-1954.